137013
[2]

BIBLIOTEKA
№ 784
Gimnazjum Pe... Fradle
w Suwałkach
Библіотека Прав... Мужской Гимназіи
Хр. к. № 2256
D.47473
137013 [2]

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ

РАЗЪЯСНЯЮЩИХЪ

ПОЛЬСКОЕ ДѢЛО

ПО

ОТНОШЕНІЮ

КЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Выпускъ II-й.

СОСТАВИЛЪ И ИЗДАЛЪ

С. Шолковичъ

Членъ Вил. Арх. Комиссіи и Заслуженный Преподаватель В. Р. Училища.

При субсидіи отъ Виленскаго Учебнаго Округа.

ВИЛЬНА.

Типографія **А. Г. Сыркина**, Большая ул., соб. домъ № 37.

1887.

Zbiory specjalne

137013

Dublet do 137013 [2]
Wycofano do dubletów, gdyż zarejestrowano ponownie egzemplarz w tabeli stanu
oryginał jak s. t. 1.
16.V 1967

BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA
im. Jerzego Giedroycia w Białymstoku
FUW0294616

BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA W WARSZAWIE * 1816 *

Дозволено цензурою.—24 апрѣля 1886 и 5 февраля 1887 гг. Вильна.

315120

UNIWERSYTET W BIAŁYMSTOKU BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA

D-342/16
14.VIII.23

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій второй выпускъ „Сборника статей, разъясняющихъ польское дѣло“ составляетъ непосредственное продолженіе и дополненіе перваго выпуска, изданнаго въ 1885 году. Этимъ изданіемъ выполняется задача, положенная въ основаніе его, какъ это было высказано въ предисловіи къ первому выпуску,—собрать въ одно цѣлое выдающіеся предшествующіе литературные труды по польскому вопросу и тѣмъ освѣжить ихъ въ памяти нашихъ современниковъ, дать имъ возможность вглядѣться и вдуматься въ разнообразныя явленія западно-русской жизни на пространствѣ почти цѣлаго столѣтія и, сличивши ихъ съ современной дѣйствительностью, уяснить себѣ – насколько мы ушли впередъ въ развитіи нашихъ историческихъ задачъ. Сочувствіе, которымъ встрѣчено было появленіе перваго выпуска, служитъ несомнѣннымъ ручательствомъ пользы и своевременности изданія. Строго національное направленіе государственной политики обратило общественное вниманіе къ вопросамъ національнымъ, связаннымъ преимущественно съ западными нашими окраинами. Въ ряду этихъ вопросовъ такъ называемый вопросъ польскій занимаетъ первое мѣсто, какъ по количеству затрогиваемыхъ имъ лицъ, такъ и по разнообразію затрогиваемыхъ имъ отношеній, а потому естественно, что этому вопросу должно принадлежать самое серьезное вниманіе. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что польскій вопросъ проходитъ черезъ всю русскую исторію

и хотя прошло уже болѣе столѣтія съ тѣхъ поръ какъ Россія неизбѣжнымъ ходомъ историческихъ событій поставлена въ необходимость приступить къ окончательному его рѣшенію, тѣмъ не менѣе и теперь еще мы не можемъ сказать, что задача эта рѣшена окончательно.

Чѣмъ же объяснить подобную малоуспѣшность рѣшенія исторической задачи: обширностью ли и трудностью самой задачи, недостаточностью ли нашихъ силъ для ея разрѣшенія или же непреодолимымъ превосходствомъ силъ противной стороны, заинтересованной въ нашемъ неуспѣхѣ? Принятіе одного изъ этихъ предположеній служило бы для насъ оправданіемъ, но въ дѣйствительности мы не можемъ прикрываться ни однимъ изъ нихъ, ибо ни одно изъ нихъ не вѣрно. Причиною нашей слабости было наше незнаніе, лишавшее насъ какъ правильнаго общаго взгляда на польскій вопросъ, такъ и связующей нити въ дѣйствіяхъ. Слабое распространеніе, до послѣдняго времени, въ литературѣ и образованномъ обществѣ историческихъ и этнографическихъ знаній, прошлаго и современнаго положенія нашихъ окраинъ благопріятствовало утвержденію въ обществѣ *польскаго* взгляда на Западный край, какъ на польскій, „забранный“ край. Польская литература и общество сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы распространить и утвердить этотъ взглядъ не только у насъ, но и за границею. Наши воззрѣнія на польскій вопросъ формулировались приблизительно слѣдующимъ образомъ: прежде всего припоминался историческій фактъ прежняго самостоятельнаго существованія польскаго государства, затѣмъ фактъ раздѣла его между тремя сосѣдними государствами, затѣмъ за исходную точку разсужденій брался фактъ современнаго существованія польской народности, располагающей элементами народной самостоятельности, какъ напр. самостоятельностью языка, литературы, общественнаго быта и прочихъ національныхъ особенностей. Принимая все это во вниманіе, мягкая русская натура не допускала возможности отказывать въ домогательствахъ на самостоятельность родственному славянскому народу, чувствовала себя какъ будто виновной въ его современной участи и ощущала потребность не только смягчить эту участь, но, по возможности, даже исправить историческій приговоръ; а такъ какъ Польша передъ раздѣломъ обладала извѣстными политическими границами, то отсюда логически вытекало заключеніе о признаніи за нею права на эти границы. Но добродушные политики упускали изъ виду, что Польша этнографическая далеко не заполняла политическихъ своихъ границъ, что въ этихъ границахъ состояли земли чисто русскія, исконное достоеніе Россіи и до настоящаго времени населенныя народомъ, не имѣющимъ и не желающимъ имѣть ничего общаго ни съ Польшею, ни съ поляками. Въ коллизіи этихъ двухъ правъ: права Польши на ея историческія границы и правъ западно-русскаго народа на его принадлежность къ Всероссійской Имперіи и заключается для насъ сущность польскаго вопроса. Слабое распространеніе въ нашемъ обществѣ историческихъ и этнографическихъ знаній долгое время мѣшало ясности нашихъ взглядовъ на западно-русскій край и отношенія къ нему Польши и предоставляло свободную арену польскимъ воззрѣніямъ мутить какъ собственное, такъ и русское, такъ и западно-европейское общество. До 1863 г. только два лица были мощными выразителями здравыхъ взглядовъ на польскій вопросъ: митрополитъ Сѣмашко и М. Н. Муравьевъ. Какъ ни вліятельны были голоса этихъ незабвенныхъ для Россіи мужей, но поелику nec Hercules contra plures, то и неудивительно, что противная сторона, сильная своею численностью и организаціею, брала перевѣсъ, не смотря даже на поддержку, оказываемую ихъ взглядамъ Императоромъ Николаемъ I.

Къ счастію польское возстаніе 1863 года открыло глаза русскому обществу, пробудило его умъ, согрѣло чувство и истина сразу открылась. Одновременно заговорили о польскомъ вопросѣ такіе люди, какъ Самаринъ, Аксаковъ, Гильфердингъ, Кояловичъ, Ригеръ, Палацкій, Прудонъ и другіе, статьи которыхъ помѣщены въ Сборникѣ.

Не смотря на то, что всѣ статьи написаны въ разгарѣ польскаго мятежа, когда казалось бы возбужденныя страсти должны были мѣшать спокойному и хладнокровному обсужденію вопроса, умственныя и нравственныя силы этихъ людей такъ велики, что и теперь, черезъ двадцать пять лѣтъ, статьи эти вполнѣ сохраняютъ всю свою силу и значеніе. Славныя имена эти служатъ ручательствомъ, что высказанное ими и разумно и безпристрастно.

Форма сборника не есть, конечно, удобнѣйшая литературная форма для изученія даннаго вопроса; она значительно уступаетъ въ этомъ отношеніи монографіи. Какъ бы ни были велики литературныя достоинства каждой отдѣльной статьи сборника, но чтеніе ихъ всетаки оставляетъ въ читателѣ нѣкоторый пробѣлъ и не знакомитъ его съ предметомъ въ систематическомъ и хронологическомъ порядкѣ. Въ виду этого считаемъ полезнымъ бросить бѣгло общій взглядъ на польско-русскія отношенія, прослѣдить источникъ ихъ зарожденія и главнѣйшіе моменты развитія, ссылаясь, по мѣрѣ надобности, на статьи Сборника, разъясняющія подробно то, о чемъ сказано будетъ нами лишь вкратцѣ. Для этой цѣли мы должны прослѣдить историческія судьбы сѣверныхъ Славянъ, занявшихъ земли отъ Эльбы на западѣ, до бассейна верхней Волги и Оки на востокѣ, отъ Финскаго залива и Балтійскаго моря на сѣверѣ до Карпатъ и Чернаго моря на югѣ.

Поселившіеся въ доисторическія времена на этой огромной территоріи Славяне составляли первоначально безразличную массу, однообразную по своему языку, доступному пониманію каждаго славянина, къ какой бы отрасли этого племени онъ ни принадлежалъ, единству религіозныхъ вѣрованій (языческихъ), нравовъ, образа жизни, культуры и учрежденій. Характеристическими чертами славянскаго быта были отсутствіе сословныхъ различій и привиллегій и общинное начало управленія и землевладѣнія. Однообразная народная масса слагалась изъ семейныхъ или родовыхъ общинъ, не связанныхъ между собою никакимъ внѣшнимъ единствомъ или общими учрежденіями. Семейная или

родовая община занимала потребный для нея участокъ земли, составлявшей нераздѣльную собственность всей общины, отдѣльные же члены были только владѣльцами обработываемыхъ участковъ. Внутреннее управленіе и судъ принадлежали, въ сферѣ семейныхъ домашнихъ отношеній, главѣ семейства, которымъ былъ обыкновенно старѣйшій членъ семьи, а въ вопросахъ болѣе общихъ, выходившихъ изъ сферы домашнихъ отношеній и затрогивавшихъ болѣе общіе вопросы, рѣшеніе принадлежало сходу главъ семействъ, или собранію всѣхъ полноправныхъ и совершеннолѣтнихъ членовъ общины. Сходы эти въ разныхъ мѣстахъ носили разныя названія, но болѣе употребительными изъ нихъ были: вѣче, копа, гмина, впослѣдствіи міръ. Далѣе славянство характеризуется еще отсутствіемъ сословій и организованнаго института наслѣдственнаго рабства. Всѣ эти черты славянства на столько для него существенны, составляютъ, такъ сказать, его натуру, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ сохранились неприкосновенно, славянинъ остается вѣрнымъ себѣ среди самыхъ неблагопріятныхъ условій. Безспорный напр. фактъ, что русскій, какъ и всякій другой славянинъ, въ одиночку перенесенный въ чуждую среду, ассимилируется съ этою средою легче человѣка всякаго другого племени, но, поселенный общиною, удерживаетъ свою національную самостоятельность такъ прочно, какъ никто другой.

Иными совсѣмъ чертами характеризуется первоначальный бытъ сосѣдняго съ Славянами Германскаго племени и различіе это обусловливается неодинаковымъ способомъ занятія обитаемыхъ этими племенами земель. Славяне занимали преимущественно земли свободныя, никѣмъ прежде не занятыя, а потому основы племеннаго ихъ быта не входили въ столкновеніе съ бытомъ туземцевъ, тогда какъ Германцы завоевали свои поселенія, а потому естественно смотрѣли и на завоеванную землю и на ея обитателей какъ на военную добычу, а потому жителей обращали въ рабство, а землю разбирали въ частную собственность. Война требуетъ строгой организаціи и разныхъ степеней начальства,

участники ея проявляютъ не одинаковую степень военной доблести, откуда естественно и доли военной добычи должны быть неодинаковы. Изъ этого сразу проистекаетъ имущественное неравенство и различіе общественнаго положенія или вліянія, полагающее начало сословнымъ различіямъ. Когда, съ окончаніемъ завоеванія, исчезла необходимость быть всѣмъ воинами и настала необходимость обратиться къ мирнымъ занятіямъ, народная масса скоро разложилась на два противоположные класса: дворянство или рыцарство съ одной стороны и земледѣльческое населеніе или крестьянство съ другой. Рыцарское сословіе вскорѣ не преминуло обратить свое фактическое преобладаніе на закрѣпощеніе себѣ земледѣльческаго класса, обративъ его въ крѣпостныхъ людей. Такимъ образомъ феодолизмъ и крѣпостничество стали характеристическими чертами германизма. Быстрому и полному развитію и закрѣпленію подобнаго общественнаго устройства много способствовало принятіе Германцами римской культуры, издавна выработавшей законченныя теоретическія формулы, оправдывавшія эти начала. Строгія римскія понятія о правѣ собственности не мирились съ ограниченными правами собственности общинной или временнаго владѣнія. Принятіе же христіанства изъ Рима и наплывъ римскаго духовенства еще сильнѣе подѣйствовало въ томъ же направленіи.

Послѣднее обстоятельство провело еще одну рѣзкую черту различія между Германцами и Славянами, принявшими христіанство отъ Византіи. Различіе между православіемъ и католицизмомъ далеко не исчерпывается одними только догматическими разногласіями, но заключается въ совокупности нравственныхъ понятій и бытовыхъ отношеній, обусловливаемыхъ различіемъ воззрѣній на отношеніе отдѣльныхъ лицъ къ церкви, на вѣру, благодать и духовный процессъ оправданія. Автономія съ одной стороны, автократизмъ и даже деспотизмъ съ другой являются наиболѣе соотвѣтствующими выраженіями для характеристики противоположенія латинства и православія. Основнымъ началомъ православія служитъ признаніе собора высшимъ авторитетомъ въ во-

просахъ вѣры. Проводя это основное начало, православная церковь не противится участію мірянъ въ дѣлахъ внѣшняго строенія церкви. Далѣе, православная церковь разрѣшаетъ и одобряетъ непосредственное обращеніе каждаго вѣрующаго къ источнику вѣроученія—Св. Писанію, обязывая его только подчинять свои сомнѣнія и недоумѣнія авторитету соборнаго опредѣленія. Отсюда вытекаетъ признаніе народнаго языка въ богослуженіи. Нельзя изъ этого не видѣть, что основы православія какъ нельзя болѣе совпадаютъ съ основными чертами славянскаго быта и міровоззрѣнія: они дополняютъ и поддерживаютъ другъ друга. По этому нельзя объяснить случайностью, что православныя славянскія народности, не смотря на весьма неблагопріятныя во многихъ случаяхъ обстоятельства, неприкосновенно сохранили свою племенную самобытность, тогда какъ олатинившіеся Славяне одни безслѣдно исчезли (Полабскіе славяне), а другіе изнемогаютъ въ борьбѣ съ германизмомъ, добычею котораго они неизбѣжно сдѣлаются, если не станутъ подъ мощную защиту Россіи. Латинство же отвлекаетъ отъ живаго организма церкви идею единства, понятаго какъ власть, облекаетъ его въ видимый символъ и ставитъ надъ церковью полное олицетвореніе самой себя и черезъ это превращаетъ единеніе вѣры и любви въ юридическое признаніе, а членовъ церкви въ подданныхъ ея главы. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой основной идеи латинства является: образованіе ненародной, строго замкнутой и притянутой къ Риму іерархіи, постепенное возникновеніе около нея аристократіи военно-политической, отторженіе власти отъ подданныхъ, высшихъ слоевъ общество отъ низшихъ, быстрое развитіе цивилизаціи въ верхнихъ слояхъ общества, непроникающей въ народныя массы и постепенное сгущеніе тьмы въ низшихъ слояхъ общества. Латинство, по свойству внутреннихъ своихъ побужденій, враждебно въ одинаковой степени и общинности, этой характеристической особенности Славянства, и соборному началу, на которомъ зиждется православная цер-

ковь [1]). Если прибавимъ къ этому неудержимый духъ пропаганды, нестѣсняющейся ни средствами, ни уваженіемъ къ свободѣ личности, то получимъ довольно полное представленіе о сущности латинства и его различіи отъ православія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о различіи латино-германскаго міра отъ міра православно-славянскаго.

Древній патріархально-общинный славянскій бытъ въ IX вѣкѣ сталъ кристаллизоваться, централизоваться. Какъ собственное внутреннее развитіе, такъ и необходимость борьбы съ враждебными сосѣдями вызвали образованіе политическихъ центровъ, объединявшихъ большее или меньшее количество родовыхъ общинъ подъ одною верховною властью. Центры болѣе сильные или удобнѣе расположенные стали постепенно расширяться, захватывать все большіе и большіе районы. Первоначально такихъ центровъ было много и они были неустойчивы, но важнѣйшими изъ нихъ были города: Новогородъ, Псковъ на сѣверѣ, Гнѣзно, Познань и др. на Западѣ, а въ послѣдствіи Кіевъ на югѣ. Съ этого времени стало замѣтнымъ уже обособленіе Славянъ западныхъ, получившихъ въ послѣдствіи общее названіе поляковъ и Славянъ восточныхъ, ставшихъ извѣстными подъ общимъ именемъ Руси. Этому обособленію отчасти способствовало и то обстоятельство, что они были раздѣлены племенемъ Литовскимъ, занимавшимъ прибрежье Балтійскаго моря отъ устья Зап. Двины до устья Вислы. Приблизительною границею между западными и восточными Славянами служила р. Висла.

Въ X вѣкѣ въ среду сѣверныхъ Славянъ проникаетъ христіанство двумя различными путями: изъ Византіи къ восточнымъ Славянамъ и изъ Рима къ западнымъ. Событіе это, въ силу особенностей, свойственныхъ этимъ обрядамъ и подъ вліяніемъ сопровождавшихъ его обстоятельствъ, сразу положило рѣзкую черту различія между тѣми и другими. Съ этого же времени въ Польшу проникаютъ, отчасти че-

[1]) Сборникъ, Вып. I, стр. 10.

резъ посредство римскаго духовенства, отчасти черезъ нѣмцевъ и зачатки западно-европейской (римской) культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе германизма. Принимая во вниманіе противоположность этихъ вліяній кореннымъ основамъ славянскаго быта, не трудно было предвидѣть какое разлагающее дѣйствіе на этотъ бытъ они должны были произвести: разложеніе общины, исчезновеніе вѣчевыхъ началъ, закрѣпощеніе крестьянъ, возникновеніе шляхетства. Недисциплинированная военнымъ режимомъ и увлекающаяся славянская натура создала изъ шляхты своевольное, необузданное сословіе, которое, лишь только почувствовало свою силу, ограничило, въ союзѣ съ духовенствомъ, права верховной власти, сложило съ себя всѣ обязанности, перенеся ихъ тяжесть на низшее сословіе, надѣлило себя щедрою рукою всевозможными правами и привилегіями, для удовлетворенія своихъ развившихся потребностей впустило въ города нѣмцевъ въ качествѣ промышленнаго и ремесленнаго класса, а торговлю, какъ унизительное для шляхтича занятіе, передало въ руки евревъ, почуявшихъ обильную и легкую наживу въ качествѣ посредниковъ между паномъ и хлопомъ. Такимъ образомъ, цѣльная до сего времени славянская народность въ Польшѣ распалась на двѣ части, раздѣленныя высокою и неприцаемою нѣмецко-жидовскою перегородкою: панство на верху и хлопство внизу.

Такъ сложилась исторія Польши съ первыхъ временъ ея существованія и на этихъ основахъ пребывала до послѣднихъ дней ея самостоятельнаго бытія. Подобная организація, расшатавшая коренныя основы славянскаго быта, ослабила вмѣстѣ съ тѣмъ политическія и общественныя силы страны. Западныя польскія земли, сосѣднія съ нѣмцами, стали быстро германизироваться, нѣмецкое вліяніе стало подвигаться на востокъ въ глубь польскихъ земель и слабая Польша безсильна была оказать этому нашествія энергическое противодѣйствіе. Нѣмецкіе рыцарскіе ордена отрѣзали Польшу отъ Балтійскаго моря и угрожали ея существованію и въ остальныхъ владѣніяхъ.

Въ это же время на востокѣ сложились сильныя русскія княжества, изъ коихъ Кіевское расширило свои предѣлы на западъ до границъ Польши, а на сѣверѣ глубоко врѣзалось въ Литовскія земли. Подчинявшіеся Руси Литовцы, какъ стоявшіе на значительно низшей степени культуры и при томъ язычники, охотно и быстро сливались съ побѣдителями русскими: принимали христіанство, усвоивали русскій языкъ, письменность, заимствовали русскіе нравы, обычаи, просвѣщеніе, законы, однимъ словомъ становились вполнѣ русскими. Но русское вліяніе на Литву простиралось гораздо дальше политическихъ границъ и вездѣ сопровождалось одними и тѣми-же послѣдствіями — обрусеніемъ литовцевъ. „Если бы этотъ порядокъ продолжался далѣе, говоритъ польскій историкъ Ярошевичъ, то Литва, усвоивъ себѣ русскій языкъ, русскіе обычаи, отчасти русскіе законы, принявъ русскую вѣру съ духовною властью русской церкви и черезъ родственныя связи князей входя болѣе и болѣе въ тѣснѣйшій союзъ съ князьями русскими, народность свою языческо-литовскую современемъ замѣнила бы народностью христіанско-русскою“ [1]).

Цивилизующее русское вліяніе разбудило дремавшія силы Литовцевъ, погруженныхъ до того въ язычество и дикость. Стало развиваться земледѣліе, ремесла, торговля, улучшился домашній бытъ; отъ русскихъ же литовцы научились военному искусству, постройкѣ укрѣпленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ безформенная народная масса стала слагаться въ политическіе союзы, возникли княжества. Усиліями цѣлаго ряда энергическихъ и талантливыхъ князей политическое могущество Литвы стало уже замѣтно обнаруживаться. Въ XII и XIII вѣкахъ, совершились два событія, имѣвшія огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Литовцевъ: на Балтійскомъ прибрежьѣ литовскихъ земель утвердились нѣмецкіе рыцарскіе ордена, проникшіе сюда черезъ владѣнія слабой Польши, а русскія земли подверглись татар-

[1]) Сборникъ, Вып. I, стр. 141.

скому нашествію. Нѣмецкіе рыцари стали жестоко тѣснить западныхъ Литовцевъ подъ предлогомъ обращенія ихъ въ христіанство, отнимать ихъ земли. По этой причинѣ Литовцы принуждены были отодвигаться къ востоку, въ предѣлы русскихъ земель, гдѣ Русь, ослабленная татарскимъ игомъ и удѣльными распрями своихъ князей, не могла оказать имъ достаточнаго отпора. Вслѣдствіе этого въ XIII и XIV вѣкахъ огромныя пространства русскихъ земель вошли въ составъ Литовскаго княжества. Къ концу XIV вѣка княжество это, сверхъ земель Литовскихъ, обнимало весь бассейнъ Днѣпра съ его притоками, а отъ сѣвера къ югу оно простиралось отъ Западной Двины до Чернаго моря. Государство это правильнѣе было бы называть русско-литовскимъ, такъ какъ Литовцы составляли въ немъ ничтожное меньшинство (едва $^1/_{12}$ часть), не имѣвшее никакого вліянія вслѣдствіе низшаго сравнительно съ русскими состоянія своей культуры. Съ этого времени обрусеніе литовцевъ пошло еще быстрѣе и совершалось такъ радикально, что стало утрачиваться даже представленіе о различіи этихъ народностей. Не подлежитъ сомнѣнію чѣмъ должно было стать вскорѣ это, столь внезапно возникшее, такъ называемое великое княжество Литовское, въ которомъ литовское ничтожное меньшинство, такъ далеко зашедшее уже по пути обрусенія, утонуло въ русскомъ элементѣ.

Но тутъ наступилъ второй поворотный пунктъ въ судьбѣ Литвы. Западная сосѣдка ея, малая и слабая Польша, искала внѣшней точки опоры для своею необеспеченнаго существованія; собственныхъ ея силъ было недостаточно для огражденія своей самостоятельности отъ напора сосѣдей-нѣмцевъ, шагъ за шагомъ тѣснившихъ западныя ея границы. Къ тому же и на востокѣ явился еще болѣе грозный сосѣдъ, молодое могущественное литовско-русское государство. Поневолѣ Польшѣ приходилось задуматься о своей будущей судьбѣ. Счастливая случайность натолкнула Польшу на спасительную для нея мысль. Къ этому времени (1370 г.) угасла линія Пястовской династіи поль-

скихъ королей и съ тѣхъ поръ Польша стала торговать своею короной. Сначала польскій престолъ перешелъ во власть венгерскаго короля Людовика, послѣ смерти котораго поляки признали наслѣдницей дочь его Ядвигу, еще въ дѣтствѣ обрученную съ австрійскимъ княземъ Вильгельмомъ. Такимъ образомъ полякамъ приходилось стать подъ нѣмецкую власть, что конечно было для нихъ нежелательно и они рѣшились воспользоваться открывшеюся на польскій престолъ вакансіею съ большею для себя выгодою и съ этою цѣлью предложили руку Ядвиги, а вмѣстѣ съ нею и польскую корону, литовскому великому князю Ягайлѣ. Это комбинація имѣла для Польши ту неоцѣненную выгоду, что обращала могущественнаго и опаснаго сосѣда въ друга и союзника, а вмѣстѣ съ тѣмъ открывала широкое поприще для пропаганды латинства и полонизма въ обширныхъ литовско-русскихъ владѣніяхъ, особенно въ той части Литвы, которая оставалась еще языческою и дикою. Единственное условіе, поставленное поляками Ягайлѣ, заключалось въ томъ, что бы онъ лично принялъ латинство и обязался содѣйствовать обращенію въ католичество остававшихся еще въ язычествѣ своихъ подданныхъ. Подобное обязательство представлялось весьма незначительнымъ въ глазахъ легкомысленнаго и недальновиднаго Ягайлы, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ уже, что литовское язычество доживаетъ свои послѣдніе дни, такъ какъ значительная часть литовцевъ приняла уже христіанство по православному обряду, отличіе котораго отъ латинства не было для него ясно. За такую ничтожную въ его глазахъ уступку Ягайлѣ рисовалась блестящая перспектива стать владѣтелемъ обширнѣйшей въ Европѣ территоріи. При томъ, принимая латинство, Ягайло тѣмъ самымъ надѣялся избавиться отъ притѣсненій западныхъ Литовцевъ нѣмецкими рыцарями, творившими страшныя жестокости подъ предлогомъ обращенія ихъ въ католицизмъ. Въ 1386 г. на съѣздѣ въ Люблинѣ выработаны были слѣдующія условія союза Литвы и Польшею: въ той и другой будетъ общій государь, будутъ общія дипломатическія сношенія по дѣламъ, касающимся обоихъ государствъ и общая защита

противъ всякаго внѣшняго врага. Стало быть эта пресловутая унія была въ сущности не многимъ болѣе обыкновеннаго оборонительно-наступательнаго союза. При самомъ широкомъ толкованіи это была все таки не болѣе какъ личная или династическая сдѣлка; покрайней мѣрѣ литовцы никогда не понимали ее иначе. По этому русско-литовскій народъ отнесся довольно равнодушно къ этой посторонней для него сдѣлкѣ, такъ какъ самостоятельность Литовскаго княжества ничѣмъ не нарушалась. Литва сохраняла свои строго опредѣленныя границы, свою администрацію, войско, финансы, свои законы, судъ, свой оффиціальный государственный языкъ (русскій), господствующую религію (православную), свой государственный гербъ и печать, свою монету, мѣры, однимъ словомъ ни одинъ изъ аттрибутовъ государственной самостоятельности не былъ принесенъ Литвою въ жертву союза съ Польшею. При томъ же непосредственная власть великаго князя Литовскаго простиралась только на его собственный удѣлъ, прочіе же удѣлы управлялись довольно самостоятельно удѣльными князьями, которымъ сдѣлка Ягайлы казалась выгодною, такъ какъ они надѣялись быть болѣе независимыми, когда Ягайло занятъ будетъ польскими дѣлами и станетъ подолгу жить въ Польшѣ. Только одинъ братъ Ягайлы, Андрей, удѣльный князь полоцкій, въ союзѣ съ Святославомъ Ивановичемъ, княземъ смоленскимъ, возсталъ противъ Ягайлы, но и эту попытку можно объяснить желаніемъ Андрея самому стать великимъ княземъ; возстаніе это не имѣло, однако, успѣха.

Но если такъ понимали эту унію Литовцы, то воображенію поляковъ на Люблинскомъ съѣздѣ 1386 года рисовался не такой призрачный союзъ съ Литвою, грозившій ежеминутнымъ разрывомъ и приведшій въ 1431 году даже къ формальной войнѣ Литвы съ Польшею изъза Волыни и Подоліи, а союзъ въ смыслѣ полнаго сліянія Литовско-русскихъ земель въ одно польское государство, союзъ въ смыслѣ поглощенія Литвы Польшею и съ видами для польскихъ пановъ на земельныя пріобрѣтенія

и вообще на преобладаніе въ литовско-русскихъ владѣніяхъ, а для католическаго духовенства—на новую пропаганду, на новыя каѳедры и паствы. Къ этой завѣтной цѣли поляки стремились всѣми силами и средствами, но должны были дѣйствовать осторожно, медленно, чтобы не дать Литовцамъ замѣтить своихъ цѣлей и не порвать слабыхъ связей союза. Впрочемъ связи эти неоднократно сами собою прерывались, такъ какъ Литовцы, недовольные частымъ пребываніемъ своихъ великихъ князей въ Польшѣ, неоднократно избирали себѣ особыхъ великихъ князей, (хотя всегда изъ той же Ягеллонской династіи), правившихъ Литваго самостоятельно; но поляки снова и снова вязали эти прерывающіяся нити союза, избирая на польскій престолъ великихъ князей литовскихъ. Нельзя сказать, чтобы Литовцы не подозрѣвали польскихъ замысловъ на Литву и не принимали противъ нихъ своихъ мѣръ. Отпуская своихъ князей на польскій престолъ, они всегда обязывали ихъ присягою: „не помножать корны княжествомъ, ни княжества короною“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Литовцы зорко слѣдили, чтобы поляки, которыхъ они постоянно титуловали *чужеземцами*, не занимали въ Литвѣ никакихъ общественныхъ должностей, не пріобрѣтали земель ни куплею ни посредствомъ браковъ, однимъ словомъ полякамъ въ Литвѣ предоставлялось правъ не болѣе какъ и другимъ иностранцамъ. Большую тревогу подняли Литовцы на сеймѣ при Сигизмундѣ I изъ-за-того только, что король отдалъ „дворную вряду чашничества неякомусь Ясеньскму ляху“. Литовцы постоянно настаивали на соблюденіи стараго обычая, согласно которому, когда королю угодно было посѣщать в. княжество Литовское, то на границѣ оставались всѣ коронные урядники (королевской свиты) и мѣста ихъ заступали урядники великаго княжества; если же кто изъ коронныхъ и посѣщалъ его, то не иначе, какъ въ качествѣ гостя. При такихъ обстоятельствахъ полякамъ не легко было осуществить свои завѣтныя мечты завладѣть Литовскимъ княжествомъ, но они все таки не теряли надежды и предпринимали соотвѣтственныя мѣры. Много труда и искусства стоило это полякамъ, но они не жалѣла усилій, потому что въ поглощеніи Литвы было ихъ быть или не быть.

Силу Литвы составлялъ ея славяно-русскій общественный строй, противоположный общественному строю польскому, сложившемуся по нѣмецкому образцу и православная вѣра болѣе чѣмъ девяти десятыхъ частей ея населенія. Разрушить этотъ строй и ослабить религію нужно было прежде нежели приступить къ завладѣнію Литвою. Сила Литовской Руси заключалась прежде всего въ народномъ единствѣ всѣхъ слоевъ общества отъ высшихъ и до низшихъ, въ отсутствіи сословныхъ прерогативъ и кастовыхъ различій, въ личной свободѣ и равноправности всѣхъ членовъ общества, и наконецъ въ вѣчевыхъ и автономныхъ правахъ городскихъ и сельскихъ общинъ. Весь народъ представлялъ одно цѣлое, одну сумму полноправныхъ гражданъ, сумму, въ которой отдѣльныя единицы разнились только по величинѣ, но не по значенію. Требовалось разрушить это народное единство, чтобы съ успѣхомъ примѣнить правило: divide et impera.

Главнѣйшими мѣропріятіями поляковъ для достиженія этой цѣли были слѣдующія.

Ягайло еще при вступленіи своемъ на польскій престолъ, подъ вліяніемъ латинскаго духовенства и въ порывѣ раздраженія противъ русскихъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи Андрея полоцкаго, въ грамотѣ, данной первому виленскому латинскому епископу, приказываетъ, чтобы литвины не заключали браковъ съ русскими, а если такіе браки заключены уже или будутъ впредь заключаемы, не смотря на запрещеніе, то лицо русской вѣры должно принять латинство, къ чему принуждать такихъ людей даже сѣченіемъ розгами. Это были первыя сѣмена брошеннаго въ Литву религіознаго и племеннаго раздора. Вторая попытка въ этомъ же родѣ сдѣлана была въ 1413 г. на Городельскомъ сеймѣ, постановленіемъ котораго литовское боярство удостоивается польскихъ гербовъ, приписываясь къ польскимъ родовымъ гербамъ. Но гербами и разными преимуществами пользуются только лица латинскаго исповѣданія, „схизма-

тики же (т. е. православные) и прочіе невѣрные“ не могутъ ихъ имѣть и не могутъ занимать высшихъ государственныхъ должностей. Однако эти привиллегіи католикамъ и ограниченія правъ православныхъ служили скорѣе только характеристикою польскихъ намѣреній, серьезнаго же практическаго значенія они не имѣли. Пока Литва сохраняла свою самостоятельность и народное единство, пока православно-русскій элементъ былъ въ ней силенъ, мѣстная администрація находилась въ русскихъ рукахъ и верховная власть, будь это король польскій или великій князь литовскій, должна была серьезно принимать во вниманіе интересы православныхъ, если желала управлять страною спокойно. Короли, въ угоду полякамъ и по внушенію латинскаго духовенства, издавали иногда неблагопріятныя для православныхъ постановленія, но на дѣлѣ они оставались мертвою буквою, не приводились въ исполненіе. При томъ же Витовтъ въ 1447 г. формально отмѣнилъ всѣ ограниченія правъ православныхъ жителей княжества, вытекавшія изъ Городельскаго постановленія Ягайлы.

Но, находясь подъ одною верховною властью съ поляками, литовцы не могли не входить съ ними въ тѣсныя и частыя сношенія и это сближеніе не могло не дѣйствовать на Литву разлагающимъ, деморализирующимъ образомъ. Предметомъ зависти литовскаго боярства были прежде всего огромныя права польской шляхты и отсутствіе всякихъ обязанностей, тогда какъ литовское боярство было только „служилое сословіе“, пользовавшееся нѣкоторыми правами службы. Поляки охотно отзывались на стремленія литовскаго боярства уравняться въ правахъ съ польскимъ шляхетствомъ и еще на Городельскомъ сеймѣ Литва получаетъ свои сеймы и должности, подобныя польскимъ. Не смотря на постоянное противодѣйствіе литовцевъ, поляки всетаки находили возможность пріобрѣтать на Литвѣ имѣнія посредствомъ покупки, заставнаго права или брачныхъ союзовъ, а также получали въ державу королевскія и государственныя земли или такъ называемыя староства. Не рѣдко имъ удавалось, пользуясь королевскими милостями, занимать въ Литвѣ должности, сопряженныя съ правомъ на помѣстья. Во всѣхъ этихъ случаяхъ поляки самовольно заводили на литовскихъ земляхъ или выпрашивали у королей свои польскіе порядки: закрѣпощали крестьянъ, налагали на нихъ чрезмѣрныя повинности, приводили съ собою жидовъ и нѣмцевъ, надѣляли города и мѣстечки особыми правами и привиллегіями, мѣстные законы замѣняли магдебургскимъ правомъ, однимъ словомъ всюду вносили разложеніе и разъединеніе литовско-русскаго быта.

Литовскому боярству было весьма соблазнительно воспользоваться такими широкими правами, но для того чтобы болѣе походить на польскаго пана, нужно было быть католикомъ и вотъ мало по малу литовское боярство переходитъ въ католицизмъ и разрываетъ религіозную связь съ народомъ. Такимъ путемъ въ теченіи первыхъ двухъ столѣтій существованія польско-литовскаго союза литовско-русскій народъ, по образцу Польши, разорванъ былъ на два противоположные слоя: панство или шляхетство, въ значительной части уже ополяченное и олатиненное, вверху и простой закрѣпощенный народъ, крестьянство внизу. А чтобы эти разорванные классы не могли подать при случаѣ другъ другу руку, польская политика втиснула между ними среднее городское мѣщанское сословіе, составившееся изъ жидовъ и нѣмцевъ и надѣлила города и мѣстечки самыми разнообразными правами и привиллегіями, чтобы тѣмъ самымъ расторгнуть общность ихъ интересовъ. Не легка была эта разъѣдающая работа и двухсотлѣтній почти періодъ польско-литовскаго союза не былъ длиненъ для ея выполненія.

При такихъ условіяхъ наступило царствованіе Сигизмунда II – Августа (1548—1572 г.), послѣдняго безпотомственнаго представителя Ягеллонской династіи. Съ его смертію должно было прекратиться главное основаніе польско-литовскаго союза и полякамъ предстояло серьезно призадуматься о будущей судьбѣ Польши. За время этого союза Польша не только не усилилась, но разстроила свои дѣла окончательно и разучилась стоять на собственныхъ

ногахъ, полагаясь во всемъ на русско-литовскія силы, а потому союзъ съ Литвою былъ для нея теперь еще болѣе необходимъ, нежели въ 1386 г.; а между тѣмъ Литовцы, убѣдившіеся въ намѣреніяхъ поляковъ и сознавая рѣшительность момента, теперь менѣе чѣмъ когда либо были склонны къ этому союзу. Не станемъ касаться подробностей этой послѣдней борьбы Литовцевъ за свою политическую самостоятельность, борьбы, превосходно изложенной въ статьѣ проф. Малышевскаго: „Люблинскій съѣздъ 1569 года“ [1]). Скажемъ только, что все было пущено въ ходъ поляками: и авторитетъ короля и вліяніе папы и духовенства, угрозы, подкупы и интриги, чтобы добиться своей цѣли—уніи Литвы съ Польшею въ смыслѣ сліянія обѣихъ въ одно тѣло, одинъ народъ, одно государство, одну Рѣчь Посполитую съ однимъ всегда государемъ. Дѣло рѣшало, разумѣется, одно только шляхетство, народа же Литовско-русскаго при этомъ не спрашивали, такъ какъ онъ къ этому времени былъ уже закрѣпощенъ панамъ и не имѣлъ права голоса въ общественныхъ дѣлахъ.

Этимъ актомъ 1569 г. закончилась та подготовительная, внутренняя работа, посредствомъ которой Польша надѣялась достигнуть и достигла окончательнаго сліянія Литвы съ Польшею. Теперь оставалось только фактически утвердить свое господство надъ нею и для безповоротнаго закрѣпленія такого положенія преобразовать Литву по образу и подобію Польши. Для достиженія этой цѣли нужно было прежде всего истребить православіе и замѣнить его латинствомъ. Какими средствами пользовались поляки для достиженія этой цѣли, можно видѣть изъ статьи Антоновича: „Отношеніе Польскаго государства къ православной церкви [2]).

Сверхъ ожиданія вторая половина польской задачи оказалась труднѣе первой. Не смотря на то, что польская власть располагала всѣми принудительными средствами и не

[1]) Сборникъ, Вып. II.
[2]) Ibid.

стѣснялась въ выборѣ и примѣненіи ихъ, тѣмъ не менѣе православный народъ твердо хранилъ свою вѣру. Даже церковная унія (Брестская) 1596 г. не много облегчила задачу. Тогда были пущены въ ходъ всѣ мѣры жестокости, чтобы сломать упорство православныхъ. Народъ отвѣчалъ на это рядомъ бунтовъ, казацкихъ возстаній и войнъ, въ которыхъ съ своей стороны не щадилъ угнетателей. Послѣдствіемъ этой борьбы было добровольное подчиненіе Россіи всей лѣвобережной Украины (1654), оставшіеся же подъ властію Польши православные и диссиденты умоляли сосѣднія правительства о заступничествѣ и покровительствѣ. Тѣмъ временемъ польская шляхта и переродившаяся по образцу ея литовская, стала самымъ буйнымъ и неспокойнымъ сословіемъ въ Европѣ, вышла окончательно изъ повиновенія верховной власти и подчиненія закону и порядку. Магнаты завели свои особые дворы, на подобіе владѣльческихъ, съ такими же придворными чинами, завели свои войска, свою полицію, свой судъ, ходиди открытою войною на сосѣдей, грабили, убивали безнаказанно. Поляки такъ свыклись съ этими порядками, что считали ихъ нормальными, добродушно утверждая, что Polska nierzondem stoi и наивно полагали, что и всегда она такъ будетъ стоять. Но сосѣднія правительства не раздѣляли оптимистическихъ взглядовъ польской шляхты и находили для себя опаснымъ такое сосѣдство, а потому почли за лучшее, по предложенію Пруссіи, покончить съ подобнымъ состояніемъ вещей, что и приведено было въ исполненіе раздѣлами 1772, 1793 и 1795 годовъ. По этимъ раздѣламъ Россія возвратила свои прежнія западно-русскія земли, почти четыреста лѣтъ остававшіяся подъ чужимъ владычествомъ. Въ память этого радостнаго событія Екатерина II велѣла выбить медаль съ надписью: *Отторженная возвратихъ*. Народъ возвращенныхъ провинцій съ радостью привѣтствовалъ это желанное и давно жданное имъ событіе. Значительная часть обращенныхъ насильственно въ унію возвратилась къ православію.

Оглянемся теперь на истекшее четырехсотлѣтіе и посмотримъ, что дала Польша Литвѣ за это время и что взяла отъ нея. Николай Радзивиллъ, канцлеръ литовскій, охарактеризовалъ польскія домогательства союза съ Литвою, слѣдующими словами: „Поляки льнутъ къ Литвѣ и Руси, какъ пчелы къ цвѣтамъ, чтобы высосавъ медъ, бросить ихъ“. Оправдались-ли подозрѣнія Радзивилла? Даже болѣе, чѣмъ можно было ожидать. Посмотримъ въ какое состояніе пришла сама Польша и привела съ собою Литву за время польско-литовской уніи. Чтобы избавить себя отъ излишняго труда, а можетъ быть и отъ подозрѣнія въ пристрастіи, выпишемъ прямо страницу изъ польскаго историка Лелевеля, котораго никто не обвинитъ въ недостаткѣ любви къ Польшѣ.—Вотъ какими красками изображаетъ онъ состояніе Польши къ концу XVII вѣка. „Достаточно бросить взглядъ на положеніе низшихъ сословій, чтобы видѣть въ какомъ упадкѣ и нищетѣ находилась въ это время Польша. Народонаселеніе уменьшилось въ ней поразительнымъ образомъ. Нѣсколько милліоновъ людей погибло въ самое короткое время среди кровавыхъ смутъ и внѣшнихъ войнъ. До милліона переселилось съ казаками на сторону (авторъ разумѣетъ здѣсь русскихъ крестьянъ бѣжавшихъ на Днѣпръ отъ крѣпостнаго порабощенія), множество народа перебралось за границу въ Шленскъ (т. е. закрѣпощенные русскіе крестьяне изъ Галиціи и Люблинской Руси). Цѣлыя селенія и мѣстечки исчезаютъ. Въ деревняхъ и селахъ убыло по нѣскольку десятковъ усадьбъ; земли, нѣкогда обработанныя, поросли лѣсомъ. Едва по нѣскольку ремесленниковъ осталось въ городахъ, гдѣ въ былое время они считались сотнями. Народъ будто уже не нуждался, какъ прежде, въ сапожникахъ, портныхъ и другихъ ремесленникахъ. И поселянинъ, и горожанинъ, и убогій на загонѣ шляхтичъ равно прикрывали свое тѣло дерюжною рубахою и бурою сермягой. Мясо было уже въ рѣдкость и миски наполнялись варевомъ безъ всякой приправы; часто не доставало даже пушнины т. е. хлѣба изъ отрубей, изъ котораго тор-

чали колосяныя иглы. Горѣлкою заливалъ бѣднякъ свою горемычную долю; ничто уже не обеспечивало его собственности. Школы посѣщались горожанами и мелкою шляхтою только изрѣдка, а крестьянину было уже не до школы. Отъ поселянъ требовались безпрерывно новые заработки, барщина, подати, оброки, насильственные поборы. Чудовищное правило, что поселянинъ рожденъ иначе чѣмъ дворянинъ, утвердилось повсюду. Господинъ, считая своимъ каждый его заработокъ, распоряжался крѣпостнымъ, какъ своею вещью. Ничто не охраняло уже правъ собственности, а тотъ край, въ которомъ не признается это священное право, обреченъ на конечную гибель. Посполитая Рѣчь, въ въ которой шляхетство пользовалось полною свободою и всѣми преимуществами, была въ сущности гнѣздилищемъ самой тяжкой неволи. Усиліями іезуитовъ повсемѣстно утвердилась Римско-католическая религія; первѣйшіе домы Польши и Литовскаго в. княжества отступились отъ православія. Лишенные правъ вольности и своего значенія граждане—иновѣрцы и некатолическая шляхта пришли въ негодованіе; многіе перешли на сторону иноземцевъ. Легко себѣ представить, до какой степени возбуждены были народныя страсти и до чего дошли раздоры и смуты въ ослабѣвшей Польшѣ въ тѣ времена, когда господствовавшая надъ всѣмъ шляхта вооружала на себя и казаковъ, и иновѣрцевъ, и въ тоже время безпрерывно раздражала и притѣсняла низшія сословія, устраняя изъ государства множество полезныхъ гражданъ. Наконецъ эта самая шляхта, жертва нравственныхъ и политическихъ заблужденій вѣка, укоренившихся въ ней ложнымъ направленіемъ и недостаткомъ образованія, лишилась постепенно способности содѣйствовать чему либо благому для отечества. Школы былыхъ временъ закрылись. Бездарность преобладала въ литературѣ. Процвѣтали еще немногія протестанскія училища, уцѣлѣвшія отъ уничтоженія, которому подверглись школы иновѣрцевъ. Въ упадающемъ краѣ и среди угасающаго просвѣщенія научное направленіе было плохое; убивали лишь время на изученіе латыни. Усатый студентъ, выдолбивъ въ низшихъ

классахъ грамматику, заучивъ далѣе всѣ реторическія натяжки, доходилъ наконецъ до философіи, т. е. къ безконечнымъ усиліямъ выдавать ложь за истину, въ формѣ замысловатыхъ софизмовъ. Полезныхъ знаній не передавалось вовсе. Ученики различныхъ школъ ненавидѣли другъ друга; драка была ихъ главнымъ занятіемъ; при всякомъ удобномъ случаѣ они оскорбляли и колотили иновѣрцевъ. Сорока лѣтъ отъ роду шляхтичъ начиналъ узнавать о существѣ Рѣчи Посполитой, а до того времени ему было извѣстно только, что онъ шляхтичъ. Является шляхетскій гоноръ, гнусное подражаніе французскому point d'honneur. Этотъ гоноръ состоялъ въ забіячествѣ, кровавыхъ схваткахъ и рѣзнѣ, — все это называлось поединкомъ. Фанфаронъ и хвастунъ, всегда готовый помѣряться съ равнымъ, прежде всѣхъ уходилъ съ поля сраженія. Этотъ же гоноръ, правильнѣе кулачное право, былъ причиною шашней и тайныхъ совѣщаній съ чужеземцами, которые стали внимательно присматриваться къ смутамъ Посполитой Рѣчи, въ надеждѣ ими воспользоваться. Ея разстройство было ужасно и уже ничѣмъ непоправимо. Это вполнѣ сознавалъ Янъ Казиміръ (1648—1668 г.), предвидѣвшій неотразимую гибель своей державы".

Такъ описываетъ польскій историкъ состояніе Рѣчи Посполитой къ концу перваго столѣтія послѣ окончательнаго присоединенія къ ней Литвы, т. е. къ концу XVII вѣка.

А къ концу XVIII вѣка тотъ же Лелевель изображаетъ состояніе Польши еще болѣе мрачными и безнадежными красками. „Безпрерывныя невзгоды довели Польшу до окончательнаго ослабленія; подобно больному, истощенному страданіями, она замерла для всякой дѣятельности. Польша при короляхъ „Сасахъ" считала себя благодѣнствующею; повторяли: za Sasa popuszczaj pasa. Но въ сущности тогдашняя Польша была похожа на заѣзжую корчму: кто въ нее врывался, тотъ заводилъ шумъ и тревогу, а за тѣмъ спокойно отправлялся далѣе. Всѣ соглашались, что неурядицею держится Польша и что такой порядокъ вещей

хорошъ для нея и удобенъ. Польша подобилась въ тѣ времена разслабленному, который, оставляя преждевременно ложе, снова впадаетъ въ тяжкій и уже смертельный недугъ; онъ не чувствуетъ страданій, свыкся съ ними, органы его притупились, угасло даже болѣзненное ощущеніе. Такъ въ Польшѣ поселяне, горожане и сама шляхта равнодушно переносили униженіе, безславіе и страданія. Страшное изнеможеніе овладѣло этою олигархическою страною. Общее отупѣніе, бездѣйствіе, грубость доказывали политическую дряхлость страны. Іезуитскій обскурантизмъ собиралъ плоды своихъ подвиговъ. Каждый шляхтичъ хвалился тѣмъ, что нѣтъ подъ солнцемъ человѣка свободнѣе его. Дѣйствительно, богатый шляхтичъ считалъ себя выше закона, заставлялъ его бездѣйствовать, или толковалъ въ свою пользу, въ своемъ же имѣніи онъ былъ полнѣйшій деспотъ. Преступники оставались безъ наказанія, если никто не преслѣдовалъ ихъ передъ судомъ. Шляхтичъ, какое бы ни совершилъ преступленіе, не могъ быть задержанъ, если не былъ еще обвиненъ по суду или не взятъ на мѣстѣ преступленія; по истинѣ можно было сказать, что преступленіе оставалось въ Польшѣ безнаказаннымъ. Каждый всемогущій панъ имѣлъ собственную полицію и не желалъ подчиняться никакой другой, которая могла бы стѣснить его волю. Противъ враговъ внутреннихъ или внѣшнихъ каждый вооружался лишь для собственной защиты и по собственному произволу и тѣмъ обезоруживалъ страну. Могущественные магнаты и ловкіе интриганы, посредствомъ разныхъ уловокъ, присвоивали себѣ національныя имущества, обращая ихъ на всегда въ свою собственность. Громадныя имущества были поглощены въ безднѣ безпорядка, или разворованы посредствомъ безчестныхъ придѣлокъ; еще громаднѣйшія были промотаны. Обезсиленная Польша утрачиваетъ область за областью, лишается большей части народонаселенія, ея казна истощена, войско уменьшено и даже остатки его распущены".

Послѣ этихъ строкъ польскаго историка, долженъ показаться страннымъ вопросъ о томъ, кто виноватъ въ раз-

дѣлахъ Польши и не вправѣ ли былъ радоваться литовско-русскій народъ своему освобожденію отъ такого союзника.

Пріобрѣтенія Россіи по тремъ раздѣламъ не коснулись ни одной пяди собственно польской земли; къ Россіи отошло только давнишнее достояніе ея, русскія земли по Нѣманъ, Зап. Бугъ и Днѣстръ, такъ что даже часть Галицкой Руси не присоединена къ Россіи. Польша раздѣлена между Пруссіею и Австріею, а именно сѣверная Польша съ Варшавою отошла къ Пруссіи, а южная съ Краковомъ къ Австріи.

Радость и надежды литовско-русскаго народа, возвращеннаго къ Россіи, не получили, однако, полнаго удовлетворенія. Историческая справедливость требовала немедленнаго уврачеванія тѣхъ золъ, которыми надѣлила Литву и Русь Польша и прежде всего изъятія народа изъ подъ власти измѣнившаго, корыстныхъ ради видовъ, своей національности и отеческой вѣрѣ дворянства,—отмѣны крѣпостнаго права. Но къ тому времени Россія и сама заражена была уже двумя недугами, помѣшавшими ей выполнить эту задачу, а именно: крѣпостничествомъ и неполнотой сознанія русской народности, съ которыми соединялся аристократическій взглядъ на простой народъ. Въ силу этихъ недуговъ, ополяченному шляхетству даны были всѣ права и преимущества надъ западно-русскомъ крестьянствомъ и духовенствомъ. Получилось удивительное и единственное въ своемъ родѣ зрѣлище: народность господствующая въ государствѣ, народность его создавшая была порабощена народности чуждой и даже покоренной. „Такого диковиннаго явленія, говоритъ Гильфердингъ *), не сыскать въ лѣтописяхъ древняго и новаго міра; его дано было осуществить Россіи, которая въ теченіи трехъ поколѣній могла сносить, чтобы подъ ея властью русская народность была подавляема, преслѣдуема и даже унижаема меньшинствомъ иноземцевъ. И это она допускала въ тѣхъ самыхъ областяхъ, гдѣ началось гражданское развитіе русскаго народа, гдѣ

*) Сборникъ, Вып. I, стран. 24.

такъ долго сосредоточивалась его государственная жизнь и его просвѣщеніе“. Но этотъ народъ не роптalъ на такое забвеніе своихъ историческихъ правъ, не бунтовался и не измѣняль русскому правительству; благодарный и за тѣ немногія облегченія въ своей участи, которыя онъ получилъ отъ русскаго правительства, онъ терпѣливо ждалъ хода историческаго развитія и наконецъ дождался своего 19-го Февраля 1861 года. Можетъ быть это было и къ лучшему, что крестьяне были освобождены не въ прошломъ столѣтіи, потому что въ то время едва ли они были бы освобождены съ землею.

Совершенно иначе отнеслось къ факту присоединенія къ Россіи шляхетство. Ко времени раздѣла Польши этотъ классъ литовско-русскаго народа былъ уже до мозга костей ополяченъ и олатиненъ, проникнутъ польскими идеалами и польскими недугами. Въ сущности шляхта ничего не потеряла отъ присоединенія къ Россіи, такъ какъ за нею оставлены были помѣщичьи права, ей предоставлена была также полная свобода религіи и языка. Перемѣнилась только верховная власть, но и это не составляло для нея никакого ущерба, такъ какъ Польша уже четыре столѣтія не имѣла національнаго правительства. Но польскій гоноръ не дозволялъ шляхтѣ примириться съ русскою верховною властью и признать законность совершившагося факта. Этотъ гоноръ внушалъ польской шляхтѣ, что она первый народъ въ мірѣ, что католическая религія единый источникъ спасенія души человѣческой, что польская цивилизація послѣднее слово человѣческаго развитія, что польскія учрежденія верхъ человѣческой мудрости и вдругъ все это оказывается несостоятельнымъ, и передъ кѣмъ же? не передъ просвѣщенными европейцами, передъ которыми поляки издавна привыкли раболѣпствовать, а передъ Москвою, которой языкъ, вѣру, цивилизацію польская шляхта училась ненавидѣть и презирать въ теченіи многихъ вѣковъ. Благоразуміе, конечно, могло бы внушить шляхтѣ мысль о необходимости примиренія съ совершившимся фактомъ, но извѣстно, что благоразуміе не относится къ числу польскихъ добродѣте-

лей, а потому, послушная внушеніямъ гонора и иллюзіямъ о старопольской шляхетской свободѣ. она утвердилась на почвѣ истерической ненависти ко всему, что русское, ради того только, что оно русское.

Многія обстоятельства способствовали интенсивности и непрерывности этого чувства, и главнымъ образомъ вліяніе католическаго духовенства. Духовенство латинское единственный классъ населенія, понесшій существенный ущербъ вслѣдствіе паденія Польши и присоединенія восточныхъ ея провинцій къ православной Россіи. Если бы вся Польша присоединена было напр. къ Австріи, то это нисколько не было бы противно духовенству, потому что католическая Австрія не стала бы препятствовать латинской пропагандѣ среди православнаго населенія. Даже протестантская Пруссія въ этомъ отношеніи была бы далеко предпочтительнѣе православной Россіи, потому что и она не въ состояніи была бы парализовать уже обеспеченный успѣхъ католической пропаганды. Но православная Россія дѣло другое; уже одинъ фактъ присоединенія къ ней западно-русскихъ провинцій, помимо соотвѣтственныхъ правительственныхъ мѣропріятій, давалъ православному населенію твердую точку опоры для борьбы съ латинствомъ и благодаря одному этому факту значительная часть уніатовъ, съ такимъ трудомъ приведенныхъ къ уніи, обратилась въ православіе. Только суровая помѣщичья власть и недостатокъ увѣренности въ прочности совершившагося факта воздержали, безъ сомнѣнія, остальныхъ отъ того же. Самымъ горестнымъ событіемъ для католическаго духовенства была утрата надежды на олатиненіе всего западно-русскаго народа и невозможность открытаго и даже насильственнаго прозелитизма въ его средѣ. Тотчасъ послѣ перваго раздѣла Польши указомъ Екатерины II отъ 14 Декабря 1772 года вмѣнялось въ обязанность губернаторамъ: „Крайнее наблюденіе имѣть, дабы католицкіе и уніатскіе епископы, каноники, приходскіе попы и всякаго званія ихъ духовные отнюдь не дерзали ни подъ какимъ видомъ ни тайно, ни явно пре-

клонять и обращать православныхъ нашего греческаго исповѣданія въ другой законъ". Пользуясь своею властью надъ умами и душами своей поствы, а равно и тѣмъ, что воспитаніе юношества оставлено было въ его рукахъ, католическое духовенство сдѣлало все возможное, чтобы довести польскій фанатизмъ до точки кипѣнія, внушая ему ненависть къ православію и ко всему русскому.

Нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства посодѣйствовали видамъ католическаго духовенства, какъ напр. Наполеоновское нашествіе на Россіи, которое съ нашей, какъ и вообще съ общечеловѣческой точки зрѣнія, запятнало шляхту самою гнусною и низкою измѣною, а съ польской точки зрѣнія освятило ея стремленія геройскою попыткою къ возстановленію утраченной ойчизны. Это преступленіе еще болѣе очерствило польскую душу и крѣпче связало западно-русскую шляхту съ Польшею, какъ соучастницею въ этомъ преступленіи. Императоръ Александръ I съ безпримѣрнымъ великодушіемъ простилъ измѣнниковъ, еще наканунѣ предательства приносившихъ ему свои увѣренія въ любви и преданности Въ милостивомъ манифестѣ отъ 12 Декабря 1812 года объявлено было объ общемъ и частномъ прощеніи жителей присоединенныхъ отъ Польши областей, съ преданіемъ „всего прошедшаго вѣчному забвенію и глубокому молчанію", причемъ высказана была надежда, что „оказанное помилованіе приведетъ въ чистосердечное раскаяніе виновныхъ и всѣмъ вообще областей сихъ жителямъ докажетъ, что они, яко народъ издревле единоязычный и единоплеменный съ Россіянами, нигдѣ и никогда не могутъ быть толико счастливы, какъ въ совершенномъ во едино тѣло сліяніи съ могущественною и великодушною Россіею". По отношенію ко всякой другой національности это безпримѣрное великодушіе оказало бы подавляющее дѣйствіе, но не по отношенію къ Полякамъ, которые для объясненія всякой уступки имъ со стороны Россіи имѣютъ въ устахъ готовую фразу: Moskal się boi (москаль боится).

Присоединеніе къ Россіи въ 1815 г. части герцогства Варшавскаго, было вторымъ немаловажнымъ факторомъ,

повліявшимъ на упроченіе шляхетскихъ тенденцій въ западно-русскомъ краѣ. Поляки сами навязали себя Россіи, выставляя свою единоплеменность и Россія только уступила горячимъ мольбамъ и заискиваніямъ польскихъ патріотовъ. Въ манифестѣ по этому поводу говорилось, что „не суетное любостяжаніе внушило намъ искать расширенія предѣловъ нашихъ.... но намѣреніе къ возрожденію узъ братства племенъ взаимно между собою сопряженныхъ единствомъ происхожденія". Вслѣдъ за симъ Царству Польскому дана была самая широкая конституція съ предоставленіемъ всѣхъ правъ внутренней автономіи и самоуправленія. Поляки Царства Польскаго поставлены были въ отношеніи къ Россіи въ положеніе подобное отношенію Литвы къ Польшѣ по Люблинскому договору 1389 года, съ разницею лишь въ намѣреніяхъ договаривающихся сторонъ, такъ какъ Россія чужда была всякихъ поползновеній и на католическую религію и на польскую національность. Поляки Царства Польскаго торжественно клялись соблюдать эту унію, клялись гораздо торжественнѣе и единодушнѣе, нежели Литовцы въ 1569 году. Самъ Костюшко восторженно отозвался объ Императорѣ, называя его „воскресителемъ Польскаго имени". Какъ Поляки чуствовали себя подъ верховною властью Россіи, лучше всего можетъ свидѣтельствовать рѣчь министра народнаго просвѣщенія новообразованнаго Царства Польскаго, графа Потоцкаго въ 1818 года, произнесенная въ Варшавскомъ лицеѣ. Вотъ какъ поучалъ онъ польскую молодежь: „Вмѣстѣ съ обстоятельствами измѣнились для нашей родины и научные интересы; мой долгъ указать тебѣ на эту счастливую перемѣну. До сихъ поръ подъ чуждымъ правительствомъ, ты получала образованіе только для себя; теперь, управляемая національною властью, ты больше должна готовить себя для отечества, нежели для себя; до сихъ поръ тебѣ приходилось учиться, какъ влачить ярмо рабства, теперь – какъ подобаетъ быть свободному гражданину". Это не помѣшало однако полякамъ менѣе чѣмъ черезъ 15 лѣтъ отблагодарить Россію за ея великодушіе измѣническимъ нападеніемъ

на спящихъ русскихъ солдатъ, покушеніемъ на жизнь Царскаго брата и возстаніемъ 1831 г.

По отношенію къ Литвѣ присоединеніе къ Россіи Царства Польскаго имѣло то вредное значеніе, что оживило въ ней шляхетскіе идеалы и мечты, воскресило угасавшія было надежды на отбудованіе ойчизны, и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчило возможность сношеній Литвы съ Польшею. Раздававшіеся на берегахъ Вислы звуки немедленно повторяемы были усердными глашатаями на берегахъ Виліи, Нѣмана и Днѣпра. Русское правительство проявило щедрыя заботы для развитія просвѣщенія въ западномъ краѣ и достигло того, что этотъ край дѣйствительно вскорѣ поднялся изъ того мрака тьмы, въ которую онъ погруженъ былъ подъ владычествомъ Польши, но польскіе наставники злоупотребили оказаннымъ довѣріемъ и обратили его на то, чтобы поучать юношество „какъ выдѣлывать порахъ скорѣйшимъ и дешевѣйшимъ способомъ, какъ и какія мастерскія можно передѣлать въ литейныя, въ заводы для приготовленія ружей, сабель и боевыхъ снарядовъ, какимъ образомъ дорогіе либо рѣдкіе матерьялы для сражающихся замѣнить дешевыми сподручными, какъ человѣка, не имѣющаго понятія о войскѣ, передѣлать въ кратчайшій срокъ въ солдата, способнаго маневрировать въ порядкѣ, сражаться и побѣждать непріятельское войско; наука годилась и для того, какъ изслѣдовать сильныя и слабыя стороны организаціи у непріятеля, его способы и тайны. Даже лѣкарь, даже ксендзъ, котораго правительство учитъ со ступеней алтаря наклоняться къ покорности незаконной власти и язычеству, могутъ дойти до убѣжденія, что для уврачеванія польскаго духа нужны не аллопатія, не оффиціальныя одежды, а одно лишь возстань и гряди. Изъ училищъ выходили бы не недоучки, но граждане, изъ коихъ каждый въ своей сферѣ и мѣрѣ несъ бы за пазухой какое нибудь приношеніе для Польши" *). Вотъ какую науку преподавали западно-русскому юношеству польскіе наставники и плодомъ ея было энергическое участіе

*) Сборникъ, Выпускъ II, стр. 444.

шляхты въ Польскомъ возстаніи 1831 г. Это возстаніе было новою связующею нитью между Литвою и Польшею, какъ соучастниками въ общемъ дѣлѣ.

Къ сожалѣнію и этотъ поучительный урокъ не внушилъ русскому правительству и обществу правильныхъ взглядовъ на польскій вопросъ. Правда, что многое было сдѣлано въ смыслѣ ограниченія свободы подготовленія и составленія заговоровъ противъ Россіи, но все таки оставлено было ея достаточно для того, чтобы можно было дѣйствовать въ прежнемъ направленіи. Образованіе юношества и мѣстная низшая администрація все еще оставлены были въ польскихъ рукахъ. Нѣкоторая доля административной строгости и зоркости заставила заговорщиковъ только быть осторожнѣе, дѣйствовать тайно тамъ, гдѣ прежде дѣйствовали явно. Полякамъ не приходилось въ этомъ отношеніи учиться чему либо новому, или неизвѣданному; напротивъ, для этого у нихъ была выработана уже стройная наука, съ отрывками которой читатель можетъ познакомиться изъ статей Сборника: „Проектъ іезуита объ уничтоженіи греко-россійскаго исповѣданія въ Западномъ краѣ“, „Дружескіе совѣты ксендза Феликскаго“ и „Польскій Катехизисъ“. По правиламъ этой науки нѣтъ ни одного смертнаго грѣха, ни одной гнусности или низости, которая не была бы дозволена, какъ средство причинить Россіи и русскому всякую непріятность. Согласно ея ученію каждый добрый полякъ долженъ быть готовъ пропитаться чумнымъ ядомъ, чтобы въ своихъ дружескихъ объятіяхъ задушить Россію. Выработана была даже стройная система и организація для разложенія Россіи посредствомъ польскаго вліянія. Практическое приѣненіе правилъ этой науки наступило въ 1863 году.

Чѣмъ вызвано было и чѣмъ оправдывается это возстаніе? Съ 1856 г., со времени вступленія на престолъ Императора Александра II на русскую часть Польши и Западный край посыпались многія милости, оправдаемыя не заслугали поляковъ передъ Россію, а единственно любвеобиліемъ монарха къ своимъ поданнымъ: даровано было полное прощеніе всѣмъ виновнымъ въ мятежѣ

30-хъ годовъ, на уроженцевъ западныхъ губерній распространены были всѣ служебныя права русскихъ подданныхъ, дворянству предоставлена свобода выборовъ безъ всякаго ограниченія. По правиламъ здраваго смысла слѣдовало ожидать, что поляки съ благодарностью примутъ оказанныя имъ милости и постараются своимъ вѣрноподданничествомъ стать достойными участниками тѣхъ великихъ реформъ, которыхъ вся Россія ждала съ такимъ непряженнымъ вниманіемъ. Но по законамъ польской логики выходило иначе; русское правительство милостиво, значитъ Moskwa się boi, а такъ какъ боятся только сильнаго, то значитъ мы сильны а она слаба, а потому намъ слѣдуетъ воспользоваться своею силою. Началось усиленная мятежная агитація, поджиганіе слабыхъ умовъ и наконецъ публичныя демонстраціи. Благоразумный маркизъ Велепольскій явился въ Петербургъ сильнымъ хадатаемъ за своихъ обезумѣвшихъ земляковъ и правительство, въ надеждѣ умиротворить расходившіяся польскія страсти, дѣлало уступку за уступкой польскимъ требованіямъ, объявляло милость за милостью. Тутъ для поляковъ не осталось уже ни малѣйшаго сомнѣніе, что Moskwa się boi и удовлетвореніе каждаго ихъ желанія порождало новыя и большія требованія. Началась, однимъ словомъ, сказка про золотую рыбку, перешедшая въ формальное возстаніе, закончившееся подобно этой же сказкѣ.

Но неужели послѣднее возстаніе не имѣло болѣе солидныхъ мотивовъ, кромѣ предполагаемаго безсилія Россіи и надежды на европейское заступничество? Мотивъ возстанія, или по крайней мѣрѣ ускоренія его, былъ весьма основательный, именно манифестъ 19 Февраля 1861 года. Освобожденіемъ крестьянъ Россія разрушала самый задушевный идеалъ шляхетства. Пока была надежда, что крестьяне будутъ отданы шляхтѣ въ административную опеку, еще можно было мириться съ крестьянскою волею, которая была бы только новымъ видомъ экономическаго и административнаго рабства передъ помѣщиками; но манифестъ разбилъ и эти послѣднія мечты, надѣливъ крестьянъ землею и давъ имъ автономію. Предполагалось не безъ

основанія, что освобожденные на подобныхъ условіяхъ крестьяне станутъ вѣрнымъ оплотомъ русскаго правительства противъ панскихъ фантазій, а потому нужно было торопиться пользоваться моментомъ, пока еще реформа не вошла въ сознаніе народа и не отучила его отъ привычнаго подчиненія панской власти и волѣ. Но и эта послѣдняя попытка потерпѣла неудачу.

Со времени послѣдняго польскаго возстанія русско-польскія отношенія вступили въ новый фазисъ, который можно охарактеризовать названіемъ сознательной русской политики. Хотя политика эта не всегда систематически выдерживалась, подвергалась разнымъ временнымъ колебаніямъ, тѣмъ не менѣе благотворное дѣйствіе ея проявлялось въ томъ, что, повидимому, разочаровало поляковъ въ надеждахъ отбудованія ойчизны отъ моря до моря (въ предѣлахъ 1772 года) путемъ мятежныхъ вспышекъ и свело эти широкія мечты къ болѣе узкой программѣ обороны своей національности посредствомъ органическаго труда (pracy organicznej) на почвѣ литературы, науки и промышленности. Успѣхъ не маловажный и если подобное направленіе утвердится и восторжествуетъ надъ политикою „непрерывнаго заговора“, то можетъ быть заставитъ поляковъ забыть и польскій катехизисъ и дружескіе совѣты кс. Фелинскаго и приведетъ ихъ къ сознанію, что польская національность (мы не говоримъ—политическая самостоятельность) можетъ удержаться только путемъ возрожденія давно забытыхъ ею славянскихъ началъ и только въ союзѣ и подъ покровительствомъ Россіи, какъ единственной опоры всего Славянства; въ противномъ же случаѣ она не гарантирована отъ участи Полабскихъ славянъ.

Но если для коренной Польши или такъ называемой Короны (за Вислой) органическій трудъ, направленный къ охранѣ польской національности, имѣетъ реальный смыслъ, то нельзя сказать того же о западно-русскомъ краѣ, гдѣ для подобнаго труда нѣтъ почвы за отсутствіемъ здѣсь польской національности. Не говоря уже о Юго-Западномъ краѣ, гдѣ полякующее ничтожное меньшинство безслѣдно

утопаетъ въ малорусской народности, но даже и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ польскій элементъ численнѣе и сильнѣе, а бѣлорусская народность не располагаетъ достаточными силами противодѣйствія ему, дѣйствительное положеніе вещей все таки не таково, чтобы серьезно могла идти здѣсь рѣчь о польской національности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на статистическія данныя о племенномъ и вѣроисповѣдномъ составѣ населенія шести губерній Сѣверо-Западнаго края. Вотъ эти данныя:

Славянъ-русскихъ. . .	3,474,883	или 44 %
Литовцевъ	2,295,300	„ 29 „
Евреевъ	1,200,522	„ 15 „
Поляковъ	744,410	„ 9 „
Прочихъ національностей .	238,458	„ 3 „
	7,953,573	„ 100 „

Эти цифры краснорѣчиво указываютъ господствующую народность Сѣверо-Западнаго края; онѣ свидѣтельсвуютъ, что край этотъ менѣе даже польскій, нежели еврейскій. Для замаскированія своего численнаго ничтожества поляки постарались пустить въ ходъ фикцію, рисующую ихъ положеніе въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, согласно которой понятія—полякъ и католикъ стали синонимами. Систематически разсчитаннаго тактикою имъ удалось утвердить въ народныхъ умахъ понятіе о двухъ новыхъ вѣроисповѣданіяхъ: русскомъ и польскомъ, чтобы тѣмъ самымъ облегчить умышленное смѣшеніе религіи съ національностью. Въ виду этого считаемъ необходимымъ привести цифры религіознаго состава населенія Сѣверо-Западнаго края:

Православныхъ (съ раскольн.)	3,699,995	или 49,3 %
Католиковъ	2,677,619	„ 34,2 „
Евреевъ.	1,200,522	„ 15 „
Прочихъ вѣроисповѣданій .	105,437	„ 1,5 „
	7,953,573	„ 100 „

Такимъ образомъ, допуская даже умышленную натяжку отождествленія католиковъ съ поляками, все таки не видимъ достаточнаго основанія считать Сѣверо-Западный край

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
1.	О границахъ Польской короны и Великаго княжества Литовско-Русскаго *Шолковича*	1
2.	Протоколъ коммиссіи для опредѣленія границы между воеводствомъ Подляшскимъ и Брестскимъ	81
3.	О копныхъ судахъ	109
4.	Перечень Литовскихъ князей, исповѣдывавшихъ православную вѣру, а равно и древнѣйшихъ дворянскихъ З.-Русскихъ фамилій	132
5.	Люблинскій съѣздъ 1569 года *И. Малышевскаго*	164
6.	Польская цивилизація и ея вліяніе на Западную Русь *Ѳ. Еленева*	241
7.	Причины неуспѣха въ Западномъ краѣ русскаго дѣла *Митр. Сѣмашко*	292
8.	Три политическія записки о С.-З. краѣ *гр. М. Н. Муравьева*	298
9.	Что такое Польская шляхта? *М. Юзефовича*	321
10.	Возможенъ ли миръ съ нами польской шляхты? *его же*	327
11.	Что такое полонизмъ? *Ив. Аксакова*	334
12.	Правительственныя уступки полонизму въ учебныхъ заведеніяхъ Сѣверо-Западнаго края *Райковскаго*	339
13.	Вѣрноподданничество поляковъ Западной Россіи *Кояловича*	359
14.	Кто наши враги? *его же*	363
15.	Что такое русское общество въ С.-З. краѣ? *Балвановича*	368
16.	Народное движеніе въ Западной Россіи *Кояловича*	377
17.	Объ отношеніи русскаго общества къ Западной-Россіи *его же*	393
18.	Нѣсколько словъ о жмудскихъ народныхъ книгахъ *В. К—на*	405
19.	Русское дѣло на окраинахъ	424
20.	Открытое письмо ультрамонтана-католика и поляка къ редакторамъ русскихъ и польскихъ журналовъ	456
21.	Образцы Западно-русскаго письма и печати въ XVIвѣкѣ	488
22.	Приложенія: I Палеографическіе снимки II Карта границы короны Польской и в. кн. Литовско-Русскаго съ древнѣйшихъ временъ до Люблинской уніи.	

О границахъ Польской короны и Великаго княжества Литовско-Русскаго *)

Шолковича.

Измѣненіе государственныхъ границъ всегда указываетъ на какія либо важныя политическія событія, имѣвшія неотразимое вліяніе на судьбы извѣстнаго народа, или государства. Расширеніе ихъ служитъ символомъ величія, славы, торжества или побѣды; уменьшеніе—символомъ уничиженія, паденія и порабощенія. Въ нихъ бьется до извѣстной степени пульсъ государственной международной жизни съ его здоровыми и болѣзненными симптомами; въ нихъ отражаются воззрѣнія извѣстной исторической эпохи на начала человѣческой справедливости. И благо тому народу или государству, который зиждетъ ихъ не на своекорыстномъ разсчетѣ или порабощеніи, а на началахъ племенныхъ, на началахъ высшей справедливости и государственнаго порядка. Судьбы народовъ, призванныхъ Провидѣніемъ быть двигателями человѣчества, могутъ подвергаться въ своемъ поступательномъ движеніи задержкамъ и болѣе или менѣе тяжелымъ испытаніямъ, но не могутъ зависѣть отъ своекорыстныхъ разсчетовъ ни отдѣльныхъ лицъ, ни народовъ. Многострадальная Русь, въ исторіи своихъ злополучныхъ западныхъ и югозападныхъ окраинъ, по крайней мѣрѣ для своихъ гражданъ, имѣетъ самыя краснорѣчивыя и неоспоримыя доказательства истинности такого положенія.

Мы приняли на себя трудъ прослѣдить главнѣйшіе моменты *граничнаго вопроса между Короной Польской и Великимъ княжествомъ Литовско-Русскимъ*,—трудъ утомительный и тяжелый, по отсутствію строгихъ

*) Памятники Западно-Русской старины, выпускъ VIII, 1885 года.

историческихъ данныхъ и подготовительныхъ работъ. Польскіе историки сдѣлали по этому предмету довольно многое, но имъ нельзя вѣрить, потому что они игнорируютъ русскія лѣтописи и не согласны съ историко-юридическими документами, изданными въ позднѣйшее время [1]); русскіе историки занимались разработкой или древнѣйшаго періода начальной лѣтописи, или-же вопросовъ болѣе важныхъ—политическихъ, бытовыхъ и религіозныхъ, а на граничный вопросъ смотрѣли какъ на второстепенный; историки галицкіе сдѣлали по этому предмету больше, но они мало касаются самаго животрепещущаго времени, т. е. Ягеллоновъ. Намъ пришлось пользоваться по преимуществу *актами*, но не тѣми, которые должны заключать въ себѣ спеціальное межеваніе, а тѣми, которые были изданы въ свѣтъ разными учеными обществами и лицами, въ видѣ актовъ историческихъ и юридическихъ. Изъ нихъ наибольшее значеніе имѣютъ 2 граничныхъ журнала 1546 года, напечатанныхъ въ собраніи граничныхъ документовъ *Догеля*. Volumina Legum говорятъ только о граничныхъ коммиссіяхъ, или вовсе несобиравшихся, или не имѣвшихъ конца, или-же о сеймахъ, откладывавшихъ разсмотрѣніе граничныхъ документовъ отъ одного собранія до другаго, или же о передачѣ этого дѣла воеводскимъ и уѣзднымъ властямъ; изъ нихъ нельзя узнать ничего опредѣленнаго, потому что польское государственное право никогда не признавало русской собственности; *собраніе дипломатовъ Варшевицкаго* не всегда пользуется достовѣрными источниками; „Skarbiec“ *Даниловича*, указывая на самые незначительные документы изъ исторіи крестоносцевъ, умалчиваетъ о документахъ граничныхъ между короной и Литвою; въ такомъ-же родѣ и *собраніе дипломатовъ Рачинскаго*, *Бартошевича* и др. Мы пользовались крохами... А въ литовскихъ метрикахъ граничные документы спятъ сномъ могилы и покоя; спитъ и 3-я книга, носящая названіе: *„то суть книги, кому король* (Ягелло) *именья роздалъ* (т. е. полякамъ на Литвѣ и Руси). Вотъ источники, которыми мы пользовались при разработкѣ *граничнаго вопроса*; вслѣдствіе этого и изслѣдованіе свое мы считаемъ далеко неполнымъ.

Изучая подробности, касающіяся этого важнаго дѣла, мы пришли къ заключенію, что для болѣе успѣшной его разработки слѣдуетъ воспользоваться не только юридическими документами и постановленіями Volumina Legum, но и указаніями исторіи.

Юридическіе документы—это безспорные и иногда весьма краснорѣчивые факты; но историческія указанія—это освѣщеніе этихъ фактовъ со стороны ближайшихъ ихъ мотивовъ, истинныхъ побужденій и цѣлей.

[1]) Впрочемъ въ позднѣйшее время стали появляться изслѣдованія съ ссылками на акты.

И такъ будемъ справедливы къ нашимъ предкамъ и прежде всего разсмотримъ ихъ древнѣйшіе рубежи и межи, которые они прокладывали для насъ, своихъ потомковъ, укрѣпляя ихъ городами и городищами, около которыхъ не лѣнились рыть рвы и насыпать каменные концы среди болотъ и трясинъ; здѣсь они могучей рукой бросали сѣмена древнѣйшей русской гражданственности; здѣсь-же, на этихъ межахъ и рубежахъ, до сихъ поръ еще покоится наша этнографическая граница, не смотря на много вѣковую борьбу, продолжающуюся и до сего дня. Потомъ отмѣтимъ границы даровитыхъ потомковъ Мономаха во времена Галицко-Володимерскаго княженія. Наконецъ укажемъ на главнѣйшіе моменты политической и національной борьбы Литовско-русскаго княжества съ Польшей, обусловливавшихъ собой состояніе его территоріи во времена Ягеллоновъ.

Граничные журналы двухъ коммиссій во времена Сигизмунда Августа фактически покажутъ, что сохранила еще Русь и что потеряла наканунѣ окончательнаго подчиненія Польшѣ.

Такимъ образомъ наше изслѣдованіе распадется на слѣдующія части:

1) Очертаніе древнѣйшаго русско-лядскаго рубежа въ періодъ начальной лѣтописи и Галицко-Володимерскаго княженія;

2) Очертаніе Литовско-Русскаго рубежа съ Короной до Люблинской уніи;

3) Граничный журналъ 1546 года между Короной и вел. кн. Литовско-Русскимъ, какъ приблизительное доказательство этого древнерусскаго рубежа, и

4) Границы короны и княжества послѣ Люблинской уніи.

I.

Повѣсти временныхъ лѣтъ указываютъ на огромную европейскую равнину, какъ на мѣсто древнѣйшаго поселенія славянъ, положившихъ въ IX ст. начало государственной жизни Руси и Польши. Эта равнина начиналась съ карпатскихъ горъ и обнимала басейны Одры, Вислы, Западнаго Буга, верхняго теченія Нѣмана, Западной Двины, шла на сѣверъ въ озерную область, потомъ спускалась на юго-востокъ въ верхнюю область Волги, затѣмъ на югъ въ бассейнъ Припети, Днѣпра, потомъ поворачивала на юго-западъ въ бассейны В. Буга, Днѣстра, Прута, Середа, Дуная, наконецъ, снова принимая горный характеръ, поворачивала на сѣверо-востокъ и оканчивалась на горахъ у истоковъ Вислы. На этой-же равнинѣ въ области средняго и нижняго Нѣмана, Нарева, Бобра и Западной Двины пріютились и разныя мелкія род-

ственныя славянамъ леттскія племена, принимавшія болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ историческихъ судьбахъ Руси и Польши.

Отмѣтимъ здѣсь древнѣйшія поселенія этихъ племенъ, входившихъ въ послѣдствіи въ составъ Польши и вел. кн. Литовско-русскаго; они имѣютъ весьма важное значеніе для опредѣленія этнографическихъ границъ, бывшихъ въ періодъ образованія этихъ государствъ и границами государственными.

Племена лядскія занимали область Одры, Варты и Вислы на сѣверъ до Варяжскаго моря; здѣсь на востокѣ они граничили съ Пруссами. Между этими племенами лѣтопись называетъ Лутичей, Поморянъ, Мазовшанъ и Полянъ. Древнѣйшіе города ихъ были Глогова, Гнѣзно и Краковъ.

Къ востоку и юго-востоку отъ нихъ жили *Волыняне*, или *Бужане*, *Дульбы* и *Хорваты*, а еще южнѣе ихъ *Тиверцы* и *Улучи*. Послѣдніе рано были затерты кочевниками въ низовьяхъ В. Буга, Днѣстра и Дуная и слились частью съ Хорватами, частью съ Дулѣбами и Волынянами. Такимъ образомъ, коренными сосѣдями Ляховъ на востокѣ и ю.-в. остались Волыняне, или Бужане, Дулѣбы и Хорваты. Опредѣленіе границъ этихъ племенъ съ племенами лядскими имѣетъ очень важный народно-русскій интересъ съ одной стороны потому, что племена Дулѣбовъ принимали такое-же дѣятельное участіе въ образованіи русскаго государства, какъ и племена славянъ новгородскихъ, кривскихъ и кіевскихъ; съ другой-же стороны потому, что они выносили и теперь выносятъ на своихъ плечахъ всю тяжесть многовѣковой борьбы съ племенами лядскими за начала русскія. Но объ нихъ мы будемъ говорить послѣ. Поселенія *Хорватовъ* начинались у вислинскаго Вислока, шли по Саноцкому Вислоку и Сану до ю.-в. части Вислинскаго бассейна. Здѣсь они соединялись съ поселеніями *Бужанъ* или *Волынянъ*. Далѣе по теченію верхняго Вѣпря и З. Буга, и именно, по притокамъ его *Распь*, *Солокамъ*, *Гучвѣ*, *Угеру* и *Володавѣ*, шли поселенія Бужанъ до рѣки Володавы; затѣмъ Бужане сходились съ племенами *Дреговичей*, сосѣдя на западѣ съ племенемъ лядскимъ Мазовшанами, а на сѣверѣ съ *Ятвягами*.

Ятвяги жили между собственно Русью, Червенскими городами и ляхами съ одной стороны и между Литвой—съ другой, между старославянскими поселеніями въ области Нѣмана, Припети и З. Буга и старо-литовскими по правую сторону Нѣмана, въ области Виліи. Они занимали весьма важный стратегическій пунктъ въ сношеніяхъ кіевскаго княжества съ Побужьемъ и Поднѣстровьемъ и потому въ первыя-же времена образованія русскаго государства вызвали цѣлый рядъ энергическихъ походовъ Владиміра св., Ярослава и ихъ потомковъ. Эти походы отодвинули ихъ на сѣверо-западъ въ область Нарева и Бобра, гдѣ Ятвяги окончательно погибли подъ ударами князей галицкихъ, литовскихъ и отчасти мазовецкихъ. Мѣста ихъ скоро были заняты племенами *Дреговичей*, *Бужанъ* и *Кривичей*, спѣшившихъ заселить Понѣманье и область З. Буга. Здѣсь они продолжали свою колонизаціонную работу далѣе на западъ по рр. Нареву и Бобру, вступивши въ непосредственное сосѣдство съ Мазовшанами, Пруссами и Литвой. Дреговичи входили въ составъ кіевскаго княженія, а часть Кривичей рано образовала самостоятельное княжество Полоцкое, которое мало принимало участія въ общей судьбѣ русскаго государства, потому что, сосѣдя съ инородцами, имѣло много своей колонизаціонной работы.

На западѣ отъ Кривичей жила Литва. Она занимала пространство по Нѣману отъ устьевъ Дубиссы до верховьевъ Бобра и главнымъ образомъ по правымъ притокамъ Виліи и Меречанки, примыкая на с.-з. къ Жмуди у р. Невѣжи, на з. къ Мазовецкимъ владѣніямъ, на югѣ и ю.-в. къ Ятвягамъ, а на в. только къ племенамъ славянскимъ.

Въ такихъ мѣстахъ застаетъ древняя лѣтопись племена лядскія и русско-литовскія.

Въ концѣ IX столѣтія славянскія племена выступаютъ на сцену исторической дѣятельности; она запечатлѣна героизмомъ и замѣчательной энергіей въ собираніи и устроеніи земель. Изъ сумерекъ баснословнаго времени выступаютъ два ясно опредѣляющіеся центра новой государственной жизни съ ихъ врагами внѣшними и внутренними. Русь собирается около Кіева и дробится на удѣлы съ многочисленными князьями и дружиной; но въ сознаніи народномъ выше всѣхъ стоитъ *Володиміръ—Красное Солнышко*. Среди племенъ лядскихъ тоже возникаютъ два центра государственной жизни—Гнѣзно и Краковъ съ неменѣе популярнымъ въ польской исторіи Болеславомъ Храбрымъ или Великимъ. Съ этого времени ясно очерчиваются и ихъ историческія роли въ судьбахъ славянства. Русь на востокѣ и югѣ вступаетъ въ борьбу съ кочевниками, на западѣ—съ племенами лядскими; племена лядскія не выдерживаютъ перваго напора племенъ нѣмецкихъ, принимаютъ ихъ въ свои города, уступаютъ имъ цѣлыя провинціи и всю свою энергію направляютъ на русскій востокъ. Такимъ образомъ на лядско-русской границѣ сосредоточивается тысячелѣтняя борьба русской самозащиты и лядскаго порабощенія.

Настаетъ XI вѣкъ. Раздробленная на удѣлы Русь много теряетъ народныхъ силъ въ междоусобной войнѣ; но эта удѣльная система приноситъ и извѣстную долю пользы въ развитіи городовъ, національнаго сознанія и новыхъ государственныхъ началъ, ибо князья, многочисленная дружина и духовенство были просвѣщеннѣе народа. Эти новыя начала тѣмъ прочнѣе прививаются къ народной жизни, что не уничтожаютъ началъ общинныхъ, глубоко проникшихъ въ славяно-русскую природу. Въ такомъ-же направленіи идетъ историческая жизнь въ XII и XIII столѣтіяхъ до нашествія монголовъ. Монголы

производятъ роковое вліяніе на весь политическій строй русской жизни.

Но обратимъ вниманіе на Польшу. Въ XI ст. и она съ необыкновенной энергіей выступила на поприще государственнаго развитія. Возникаютъ двѣ Польши—Великая съ Гнѣзномъ во главѣ и Малая съ Краковомъ. На сцену политической жизни появляются сословныя начала—эти нервы общественнаго организма; мы видимъ скудные города съ нѣмецко-жидовскимъ населеніемъ, стонущіе подъ гнетомъ военныхъ повинностей; видимъ несчастныхъ „кметовъ“, уже обрекаемыхъ на жертву матеріальнаго и духовнаго убожества; видимъ духовенство, чутко прислушивающееся къ велѣніямъ своего римскаго вождя; видимъ наконецъ шляхтича рыцаря. Онъ не достигъ еще безграничной свободы и долженъ дѣлиться своимъ значеніемъ и вліяніемъ съ помѣщикомъ—епископомъ, который со второй половины этого столѣтія начинаетъ уже распоряжаться страной. Что пользы, что при Болеславѣ II неугомонный прелатъ заплатилъ за свою дерзость жизнью? Наступившая послѣ этого эпоха XII и XIII ст. совмѣстила въ себѣ всѣ элементы глубокаго паденія Польши. Королевская власть теряетъ свое значеніе и силу; шляхетство, подъ вліяніемъ феодализма, добивается не только вотчинныхъ правъ въ государственныхъ земляхъ, но и участія въ державномъ правленіи страной; духовенство оспариваетъ первенство у шляхетства, вездѣ междоусобія, вездѣ хаосъ отъ соперничества двухъ Польшъ, и общество принимаетъ видъ палачей и жертвъ. Корона дѣлается игрушкой. Что-бы получить ее законному наслѣднику, нужно прибѣгать къ содѣйствію чужеземца, будь онъ *Куманъ*, или оперяющійся *Литовецъ* или недобитый *Ятвягъ*. А сосѣди Польши въ это время мужаютъ....

Но вотъ на востокѣ Руси появляются монголы и Польша спасена [1]).

Такимъ образомъ нѣмецъ съ запада, монголъ съ востока въ одинаковой мѣрѣ несли гибель Руси. Монголъ раззорилъ ея города, унизилъ ея честь, попралъ ея свободу; нѣмецъ нагналъ на нее западныхъ сосѣдей: полякъ и литовецъ съ одинаковой энергіей и ожесточеніемъ стали дѣлить чужое наслѣдство.

Отступленіе, сдѣланное нами отъ главнаго предмета, имѣло въ виду уясненіе тѣхъ историческихъ условій, при которыхъ совершалась зиждительная государственная дѣятельность ю.-з. Руси въ періодъ начальной лѣтописи. Она развивалась безостановочно потому, что не имѣла опасныхъ враговъ на западной границѣ. Теперь обозначимъ эти границы Руси съ племенами лядскими. Въ періодъ древнѣйшаго заселенія страны, славяно-русскія племена имѣли свои межи, обозначившія земельное владѣніе каждаго племени въ отдѣльности. Они долгое время сохранялись между ними

[1]) Трачевскій, польское безкоролевье, стр. VIII и сл.

и послѣ подчиненія центральной власти. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что съ развитіемъ національнаго самопознанія граничные знаки должны были получить опредѣленное національно-государственное значеніе при встрѣчѣ Руси съ племенами чуждыми и враждебными. Такими племенами на Западѣ были по преимуществу племена лядскія. Терминовъ, обозначающихъ международныя границы, лѣтопись представляетъ значительное количество. Таковы были: *межи*, *рубежи*, *предѣлы*, *грани*, *тверди*. Также разнообразны были и топографическія названія мѣстностей, несшихъ сторожевую пограничную службу; таковы были названія: *Стража*, *Стражница*, *Стражникъ*, *Рубежовъ*, *Рубежевича*, *Осѣкъ*, *Ворота*, *Сутень* или *Сутескъ*, *Хутиска*, *Хучиска*, *Хута*, *Гута* и т. д. Н. П. Барсовъ въ своемъ почтенномъ трудѣ, носящемъ названіе: „Очерки русской историч. географіи“ особое значеніе приписываетъ топографическимъ названіямъ: *сутень*, *сутиски*, получившимъ въ послѣдствіи значеніе украинъ. Такихъ названій больше всего находится на Галицко-волынскихъ порубежьяхъ, въ червенской Руси. Ворота встрѣчаются въ трехъ мѣстахъ: около *Терновы*, около *Комова* (въ 10-ти верстахъ отъ Холма) и около *Дрогичина* возлѣ Ятвяговъ.

Лядско-русскій рубежъ шелъ по границамъ трехъ русскихъ княжествъ: Перемышльскаго, Владиміро-Волынскаго и части Кіевскаго, изъ которыхъ въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтій образовалось Галицко-Володимерское княженіе. Онъ начинался у истоковъ Бѣлой и Попрада, на Карпатскихъ горахъ. Здѣсь возлѣ *Дукли* есть селеніе *Роги* [1]), которое еще въ XIV ст. находилось въ землѣ русской; два селенія Брановицы къ сѣверу отъ города Яслы; *Осѣкъ* къ югу отъ него на Вислокѣ; *Стражна*, близъ котораго *Руски* на Ропицѣ и другія. Эти поселенія могли быть такими же передовыми русскими укрѣпленіями, какъ *Грудекъ*, *Стражно*, *Выста*, *Ниста*, *Оструженна* на р. Бѣлой со стороны ляховъ. Затѣмъ, захватывая верхнее теченіе *вислинскаго Вислока* и притоковъ его *Яслы* и *Ропы*, граница шла въ с.-в. направленіи по водораздѣлу Вислоковъ вислинскаго и саноцкаго и спускалась въ болотистую низменность Лонки и Сана, мало заселенную и теперь. *Перемышль* былъ здѣсь центральнымъ городомъ княжества. Въ с.-з. отъ него направленіи уже въ XII ст. были здѣсь города: *Любачевъ*, *Ярославъ*, *Переворескъ* и другіе. Здѣсь было порубежное укрѣпленіе *Ворота*, быть можетъ, тамъ, гдѣ теперь село *Превратно* къ сѣверу отъ Решова по дорогѣ въ Судомиръ [2]).

Далѣе лядско-русскій рубежъ шелъ по княжеству Владиміро-волынскому, которое занимало всю ю.-в. часть вислинскаго бассейна, верхнее теченіе Вѣпря до устьевъ Быстрицы, верхнее побужье съ притоками

[1]) Зубрицкій—границы Галиціи; Барсовъ. Очеркъ историч. географіи Россіи стр. 94.

[2]) Барсовъ, очеркъ истор. географіи 93.

Распой, *Солоками*, *Гучвой*, *Угромъ* и *Володавой*. Уже въ XIII ст. въ граничной чертѣ здѣсь были русскіе города: *Угровескъ* (теперь Угроекъ) *Верещинъ*, *Холмъ*, *Столпье*, *Комовъ* (теперь Кумовъ), *Щекаревъ* (теперь Красноставъ), *Бусовно*, *Охожа*, *Андреевъ* и др. Такимъ образомъ, лядско-волынскій рубежъ шелъ отъ низменной долины Сана на сѣверъ по притокамъ Вислы, по Вѣпрю, оставляя Люблинъ на сторонѣ ляховъ, а Холмъ на сторонѣ Руси до Володавы. [1]).

Еще далѣе на сѣверъ лядско-русскій рубежъ шелъ по княжеству кіевскому. Онъ начинался у Володавы и шелъ прямо на сѣверъ, захватывая западное побережье Буга мимо Берестья, Дрогичина (къ югу отъ котораго и теперь есть селенія *Межки* и *Русаковъ*, а къ з. и с.-з. селенія: *Руски*, *Бучикъ Русскій* и *Русска Строна* [2]) на полдорогѣ изъ Соколова въ Нуръ); наконецъ мимо Нура къ болотистымъ низовьямъ Буга. Отсюда русскій рубежъ переходилъ на правый берегъ Буга и простирался по лѣсистой и болотистой низменности до Нарева. Въ XIII ст. здѣсь уже находилось селеніе *Андреевъ* (опустошенное въ 1245 г. ляхами) и нѣсколько мѣстностей съ названіемъ *Русь*. Крайнимъ порубежнымъ лядскимъ городомъ на с.-з. была Визна, уступленная въ 1146 г. лядскими князьями Межкомъ и Болеславомъ кіевскому князю Всеволоду Ольговичу. Далѣе за Бобромъ начинались уже земли Ятвяговъ, среди которыхъ могли быть и колоніи русскія.

Такимъ образомъ лядско-кіевскій рубежъ начинался у Володава, шелъ на сѣверо-западъ чрезъ Воинь, Морды, Соколовъ, мимо Нура, отсюда прямо на сѣверъ мимо Визны, оставляя ее на сторонѣ лядской.

Если обратить вниманіе на мѣстоположеніе Бѣлгорая и Щекарева съ одной стороны и Воиня—съ другой, то сдѣлается совершенно ясно, что лядскій городъ Люблинъ лежалъ въ самой срединѣ черты русскихъ поселеній. Вотъ, вѣроятно, причина, по которой съ одной стороны польскіе историки ничего опредѣленнаго не говорятъ о его происхожденіи, а съ другой—русскіе и литовскіе князья оспаривали этотъ городъ у ляховъ до половины XIV столѣтія. Глубокій изслѣдователь историческихъ судебъ Галицкой Руси Д. Зубрицкій рядомъ очень вѣскихъ фактовъ и соображеній доказываетъ, что люблинская земля вмѣстѣ съ частію судомірской издревле были заселены русскими славянами, противъ которыхъ еще Владиславъ Локотокъ писалъ жалобы папѣ Іоанну XII, прося у него помощи для собиранія съ нихъ лепты св. Петру; что для этихъ же русскихъ было открыто особое епископство въ Опатовѣ. Тоже доказываетъ и Карамзинъ въ разныхъ мѣстахъ IV т. исторіи Русскаго государства. Тоже доказываетъ и древній польскій географъ Іоаннъ Кразинскій. Такъ въ своемъ сочиненіи Polonia онъ

[1]) Барсовъ, очеркъ истор. географіи 102—108.

[2]) Ibid 112—113.

говоритъ, что ю.-з. Русь (Роксоланія) граничитъ съ карпатскими горами, *начинаясь недалеко отъ г. Кракова* тянется по р. Тярть въ Области Валашской и другою стороною къ Днѣстру и Черному морю и идетъ по обоимъ берегамъ р. Ахіасіs. Эта область считается частію королевства польскаго... Она заключаетъ въ себѣ области: леопольскую, *люблинскую*, белзскую и др. Далѣе, пересчитывая роксоланскіе города, говоритъ: „Отъ города Перемышля на нѣсколько дней пути отстоитъ городъ *Люблинъ*, гдѣ въ опредѣленное время года производится значительная торговля“. Есть еще два документальныхъ доказательства о принадлежности Люблина къ Руси; *первое*—исполненіе Глинскимъ духовнаго завѣщанія князя Дмитрія Путяты, по которому онъ передалъ главной *Люблинской церкви Спасителя* пять *коп* грошей, *второе*—грамота короля Яна Казиміра, по которой онъ возвращаетъ *всѣмъ люблинскимъ неунитамъ* церковь, построенную дворянствомъ и отнятую у нихъ предъ 1650-мъ годомъ. Этого мало. Въ описаніи Румянцевскаго музея Востокова упоминается Евангеліе, подаренное въ XV столѣтіи жителемъ г. Казиміра *Иваномъ Леонтьевичемъ Шовникомъ мѣстной церкви*. Отсюда слѣдуетъ, что Русь жила не только по Вѣпрю, но и по берегамъ Вислы [1]).

Въ концѣ XII ст. изъ Перемышльско-теребовльскаго княжества, а равно и Буского и Звенигородскаго образовалось Галицкое, которое въ началѣ XIII ст. успѣло соединить подъ собой почти всю ю.-западную Русь; но могущество его было не прочно, значеніе непродолжительно, потому что основывалось на началахъ обособленія и независимости отъ общей матери — Руси. Объяснимъ нашу мысль точнѣе. Перемышльско-Теребовльская земля досталась въ удѣлъ изгоямъ-ростиславичамъ. Имъ пришлось долгое время скитаться по домамъ своихъ родственниковъ и познать всю горечь чужаго хлѣба. Достигши мужества, они стали презирать родовыя отношенія; мечъ сдѣлался у нихъ правомъ на пріобрѣтеніе, а разъ добытое имъ теряло значеніе общаго достоянія и становилось наслѣдственной собственностью. Утвердившись въ Галицкой Руси, они не обратили вниманія на Увѣтичевскій съѣздъ и такимъ образомъ произвели расколъ въ княжескихъ родовыхъ отношеніяхъ древней Руси. Съ этого времени Кіевская Русь начинаетъ терять свое значеніе; оно переходитъ вмѣстѣ съ самостоятельностью къ Руси Галицкой. Отъ князей не хотѣла отставать и дружина. Многочисленные ея члены стали стремиться къ пріобрѣтенію поземельной собственности и правъ потомственнаго наслѣдства. Отсюда возникло своеволіе бояръ и внутреннее нестроеніе, которымъ не могли не воспользоваться недремлющіе сосѣди. Даровитые потомки

[1]) Границы Галицкой Руси Д. Зубрицкаго; Востоковъ. Описаніе Румянц. музея стр. 185-я.

Мономаха, Романъ и сынъ его Даніилъ, умѣли своимъ дальновиднымъ умомъ, стойкостію непреклонной воли и личнымъ мужествомъ обуздать своеволіе бояръ и держать крѣпко въ своихъ рукахъ бразды правленія, основаннаго на новыхъ началахъ; но ихъ потомки не могли поддержать величаваго зданія своихъ отцовъ: бояре возвратились къ прежнему своеволію; нѣкоторые стали примыкать къ польскимъ панамъ, нѣкоторые стали примыкать къ латинству; княжеская власть потеряла значеніе и Галицкая Русь сдѣлалась яблокомъ раздора между сосѣдями [1]). Со смертію Юрія Казиміра пресѣкся родъ князей Галицкихъ. Съ востока не могло быть помощи: тамъ Иванъ Даниловичъ Калита только что принялся за устроеніе Московскаго княжества; между тѣмъ, какъ на западѣ, въ Польшѣ, сидѣлъ на престолѣ одинъ изъ лучшихъ ея государей Казиміръ Великій, а на Литвѣ одинъ изъ даровитыхъ Гедеминовичей—князь Ольгердъ.“ Они раздѣлили ея ризы и объ одежды ея бросали жребій“.

Вотъ въ общихъ очертаніяхъ границы этого чужаго наслѣдства. Начнемъ съ *Тылича*—крайняго ю.-з. пункта. Отъ него на ю.-в. границу составляли *Карпаты*, потомъ верхнее и среднее теченіе *Середа*, нижнее теченіе *Прута* до *Дуная* и *Чернаго моря*, а моремъ до устья *Днѣстра*. Отсюда граница поворачивала на с.-в. и упиралась возлѣ Черкасъ въ Днѣпръ. Восточная граница одно время шла по Днѣпру до Березины; отъ Березины на западъ сѣверную границу составляла область Припети, проходила мимо Новогородка, Гродна до Суража. Восточная и сѣверная границы, впрочемъ, были очень неустойчивы: онѣ зависѣли отъ политическихъ отношеній князей русскихъ и литовскихъ. За то западная была гораздо устойчивѣе и въ большинствѣ случаевъ совпадала съ древнѣйшимъ лядско-русскимъ рубежемъ. Она шла съ с. на ю. мимо Дрогичина, Мельника, Берестья, Воиня, оставляя ихъ въ предѣлахъ княженія. Отъ Воиня, во время владѣнія люблинской землей, шла мимо Казиміра, Завихвоста, Судиміра до болотистой низменности Сана. Здѣсь принимала ю.-з. направленіе и проходила возлѣ Тернавы, оставляя Рѣшовъ въ предѣлахъ княжества и спускалась прямо на ю. къ Тыличу. Во времена княженія Романа Галицко-Володимерская Русь имѣла около 4,000 кв. миль пространства и до 6 милліоновъ жителей. [2]).

II.

Бросимъ бѣглый взглядъ на взаимныя политическія отношенія ю.-з. Руси, Польши и Литвы въ теченіе XIV ст., на сколько это необходимо для уясненія граничнаго вопроса.

[1]) Соловьевъ. Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома, стр. 367 и слѣд.

[2]) Клевановъ, Исторія юго-запад. Руси стр. 216.

Потерявши Силезію, часть Великой Польши, Лузаціи и Пруссіи, Польша уступаетъ на западѣ поле сраженія нѣмцамъ и переноситъ центръ своей политической жизни на юго-востокъ поближе къ Руси: Краковъ дѣлается столицей вмѣсто Гнѣзна. Отсюда легче наблюдать надъ ослабленіемъ Руси и политическимъ ростомъ на ея счетъ Литвы. Эта послѣдняя широко уже распускаетъ надъ ней свои могучія крылья. Она владѣетъ уже значительною частію Бѣлоруссіи, Волыни и Кіевскаго княжества,—владѣетъ этими землями тѣмъ прочнѣе, что сама подчиняется вліянію русской жизни: князья ея роднятся съ князьями русскими, принимаютъ православіе, русскій языкъ, русское законодательство, русскую гражданственность и грозно держатъ свой мечъ противъ враговъ своего зарождающагося государства. Въ Польшѣ пробуждается съ одной стороны страхъ къ этому могущественному сосѣду и она спѣшитъ породниться съ Гедеминомъ; съ другой—ростетъ жажда пополнить свои западныя потери новыми пріобрѣтеніями на востокѣ. Среди дворянства и духовенства начинаетъ пробуждаться національное воодушевленіе; нужно только явиться смѣлому вождю, что-бы воспользоваться имъ для государственныхъ цѣлей. И такимъ вождемъ является Казиміръ Великій, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ королей польскихъ; его личностью запечатлѣнъ весь XIV в. польской исторіи. Онъ первый сталъ устроять свое государство на законахъ строгой справедливости; разбойничьи набѣги сталъ замѣнять правильной войной, а пріобрѣтенія закрѣплять политическими договорами; это былъ „мужицкій“ король и человѣкъ толерантный. Единственная вина его заключается въ томъ, что онъ былъ сынъ своего вѣка и расширилъ права шляхты, которая, при позднѣйшихъ избирательныхъ короляхъ, сдѣлалась государствомъ въ государствѣ со всѣми его зловредными послѣдствіями.

Въ 1340 году онъ воспользовался внутреннимъ замѣшательствомъ въ Галиціи послѣ убіенія Болеслава Тройденовича и сдѣлалъ первое нападеніе на ю.-з. Русь. Загорѣлась упорная и продолжительная война, окончившаяся только за четыре года до его смерти, т. е. въ 1366 г.; она распространилась и на владѣнія литовскихъ князей—червенскіе города Волынь и Подлѣсье. Нападеніе 1349 г. было одно изъ самыхъ удачныхъ, потому что литовскія князья были въ это время сильно стѣснены крестоносцами; кончилось договоромъ, по которому присуждено было: „королеви держати *землю львовскую исполна*, а намъ (литовскимъ князьямъ) держати *Володимерскую*, *Луцкую*, *Белзскую*, *Хольмскую*, *Берестинскую* исполнажъ“ [1]). Князья литовскіе почувствовали опасность и не пропускали тоже случаевъ заплатить своему сопернику такимъ-же вооруженнымъ возмездіемъ; но перевѣсъ склонялся на сторону Казиміра. По договору 1366 г. Галиція осталась за Польшей;

[1]) Акты С.-З. Россіи, т. I, № 1.

Белзско-холмскій князь Юрій призналъ себя въ ленной зависимости отъ Польши и Владимірскій замокъ содержалъ польскій гарнизонъ; въ Городлѣ назначены пограничные суды [1]).

Положимъ, что до времени окончательнаго покоренія Галицкой Руси и Червенскихъ городовъ было еще довольно далеко; но тутъ важны были первые шаги покоренія: подъ перьями польскихъ хронистовъ и историковъ, вдохновляемыхъ патріотическими рѣчами сеймовыхъ ораторовъ и дипломатовъ, они получали въ представленіяхъ позднѣйшихъ поколѣній значеніе непреложныхъ фактовъ, служившихъ исходной точкой при опредѣленіи державныхъ правъ Польши надъ землей русской. Достаточно было какому либо польскому отряду побывать нѣсколько мѣсяцевъ въ какомъ либо русскомъ замкѣ и благоразумное потомство считало вполнѣ законнымъ требовать для Польши цѣлой русской области. На такой почвѣ, независимо отъ уній, велись дипломатическіе переговоры польской короны съ великимъ княжествомъ Литовско-Русскимъ во времена Ягеллоновъ; на такой же почвѣ строили свои доказательства, касательно владѣтельныхъ правъ Польши, и многіе ученые польскіе историки [2]).

---

[1]) Зубрицкій. Критико-историческая повѣсть Галиц. Руси, стр. 151—152.

[2]) Намъ нѣтъ надобности входить въ подробное изслѣдованіе такихъ доказательствъ; но для примѣра мы остановимъ вниманіе читателя на историческихъ показаніяхъ довольно извѣстныхъ польскихъ ученыхъ, какъ Балинскій, или Нарушевичъ. Вотъ что пишется о г. *Холмѣ* и *Белзѣ* (Starożytna Polska, т. II, 755—756—1176; Naruszewicz, T. VII, str. 281). *Холмъ* получилъ свое названіе отъ славянскаго, (а не русскаго?) слова холмъ... Замокъ построенъ Щекомъ (а не Даніиломъ?)... Принадлежитъ къ древнѣйшимъ *славянскимъ* городамъ (а не русскимъ).—Было здѣсь, кажется (?), епископство латинское, фундованное въ XIII ст. *Болеславомъ Стыдливымъ* и хотя не могло уцѣлѣть во времена литовско-русскихъ войнъ, *все таки костельныя хроники воспоминаютъ о нѣсколькихъ бискупахъ, носившихъ названіе холмскихъ* (какъ будто титулъ есть доказательство? Вѣдь мы очень хорошо знаемъ, что были такіе епископы католическіе in partibus, какихъ епископій никогда не существовало въ дѣйствительности). Король Людвигъ (венгерскій), окончательно присоединившій холмскую землю къ коронѣ (это событіе случилось при Казимірѣ Ягеллончикѣ), обновилъ фундацію бискупства 1377 г. „za uprowaźnieniem“ *Григорія XI чрезъ буллу 1375 г.* (когда Холмъ и по Балинскому еще не былъ присоединенъ къ коронѣ) и въ 1394 г. *какимъ то* (sic) *холмскимъ епископомъ былъ такой то* (sic) *Стефанъ* (но въ тѣ времена епископы были люди очень извѣстные, *а не какіе то*) и т. д....

Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что во времена Людовика Венгерскаго Белзско-холмскимъ княземъ былъ Юрій, князь русскій (Dlugosz, p. 1149); что онъ не только не потерялъ своего княжества, а напротивъ того, благодаря посредничеству Кейстута, пріобрѣлъ еще Любачевскую землю и 100 гривенъ съ солянныхъ бохнянскихъ копей; что дѣйствительно во времена Казиміра В. Холмъ былъ на время занятъ поляками, но потомъ возвращенъ этому-же князю въ 1366 г. на правахъ ленной зависимости (Bielski, p. 237; Stryikowski, p. 408). Князь этотъ былъ лишенъ своего удѣла только во времена Ягайлы въ 1388 г., когда княжество это понадобилось ему для того, что-бы задобрить Семовита Мазовецкаго (Зубрицкій, Крат. историч. пов. Галиц. Руси, стр. 220); такъ какъ холмская земля входила въ составъ княжества белзскаго, то не прилично было Ягайлѣ, задабривая Семовита, въ тоже время и обирать его. Не могла быть холмская земля присоединена къ коронѣ во время Людовика еще и потому, что въ рѣчи, сочиненной польскими историками отъ имени Ягайловскаго посла, какого то князя Бориса, было обѣщано: *возвратить корону землю Холмскую, Поморье, Силезію.* Эта рѣчь по увѣренію польскихъ историковъ была произнесена въ Угріи королевѣ Елисаветѣ при испрашиваніи руки ея дочери для Ягайла въ 1386 году. Значитъ, въ 1386 г. Холмъ не подчинялся коронѣ, а Балинскій подчинилъ его еще въ 1377 г. Есть еще одно доказательство, что холмская земля не могла принадлежать коронѣ,—это грюнвальденская битва. Въ перечнѣ полковъ, принимавшихъ въ ней участіе *Холмская хоругвь* показана отдѣльно отъ хоругвей польскихъ (Шараневичъ, стр. 301). Холмская земля была уступлена Польшѣ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ и утверждена за ней Ягайломъ на съѣздѣ въ Едльнѣ 1432 г. Далѣе мы знаемъ, что этотъ Юрій, лишенный своего удѣла, на старости лѣтъ былъ принятъ ко двору Витовта, что сынъ его Иванъ былъ убитъ въ кровопролитномъ сраженіи на берегахъ Ворсклы, (Шараневичъ, Ист. Галиц. Волод. Руси, стр. 289), что, послѣдній князь белзскій Ѳедоръ бѣжалъ въ Москву въ 1481 г. сейчасъ послѣ брака, потому что и ему угрожала такая же смертная казнь за преданность русскому дѣлу, какая постигла князя Ивана Ольшанскаго и князя Михаила Олельковича (Skarbiec Daniłowicza dok. № 2012).

Теперь посмотримъ, что говорится про *Белзъ*... „Смерть Болеслава Тройденовича отворила Казиміру В. дорогу *къ возвращенію* (?) этихъ краевъ, бывшихъ нѣкогда (интересно знать, сколько именно времени?) подъ властью короны. Въ договорѣ, заключенномъ съ князьями Литовскими (какомъ именно—не извѣстно, а ихъ было нѣсколько), *кажется* (вотъ хорошее доказательство!) земля белзская досталась Юрію Наримонтовичу; но замокъ, какъ и другіе на Руси, имѣлъ польскій гарнизонъ.... Въ 1350 г. литовцы съ татарами выгнали изъ нихъ поляковъ; но когда Казиміръ В. предпринялъ походъ на Волынь въ 1366 г. то Юрій Наримонтовичъ покорился ему и получилъ это княжество въ ленной зависимости *до конца своей жизни*“. Съ такимъ мнѣніемъ согласенъ и Нарушевичъ.

Дѣло это было совершенно иначе. По первому договору Казиміра В. съ литовскими князьями, который Зубрицкій очень основательно относитъ къ 1349 г., Юрій Коріатовичъ получилъ Кременецъ на Подоли, а Белзское княжество осталось въ владѣніи своего князя тоже Юрія (князя русскаго); по второму договору 1366 г. Юрій Наримонтовичъ неизвѣстно что получилъ, а Белзскій князь Юрій остался при своемъ удѣлѣ. Онъ не досидѣлъ здѣсь до своей смерти, а былъ лишенъ княженія Ягайломъ въ 1388 г. въ пользу Семовита Мазовецкаго; окончательно *Белзская земля* присоединена была къ коронѣ при Казимірѣ Ягеллончикѣ, какъ это увидимъ ниже.

Не успѣлъ еще Казиміръ В. закрыть глазъ своихъ, какъ завоевательное его зданіе подверглось крушенію; литовцы не только изгнали завоевателей, но еще страшно опустошили землю Судомірскую и Люблинскую. Въ 1370 г. умираетъ Казиміръ. На польскій престолъ вступаетъ король венгерскій Людовикъ; Галиція переходитъ во владѣніе самостоятельнаго князя Опольскаго, а потомъ Угровъ. Окончательно Галиція подчиняется Польшѣ въ 1387 г. и то не столько силой оружія, сколько путемъ *мирныхъ переговоровъ*. Мы остановились на подробностяхъ покоренія Галиціи, потому, что это была единственная русская область, пріобрѣтенная Польшей путемъ завоеванія; всѣ-же

остальныя земли перешли въ ея непосредственное или посредственное владѣніе, выражаясь современнымъ языкомъ, *путемъ дипломатическихъ переговоровъ и научнаго исправленія границъ*, ибо трудно найти даже самые жалкіе слѣды территоріальныхъ завоеваній въ походахъ 10 древнѣйшихъ польскихъ королей отъ Болеслава Храбраго до Лешки Чернаго, которые по своимъ послѣдствіямъ и продолжительности смѣло можно назвать или *„корыстными нападеніями* съ цѣлью захвата, или же *династическими* [1]).

Границы новоріобрѣтенной земли шли на з. по перемышльскому рубежу, на югѣ по карпатскимъ горамъ и верховьямъ Днѣстра, захватывая Покутье; на в. по Теребовльской землѣ и червенскимъ городамъ; на сѣверѣ по землѣ люблинской и любачевской. Главнѣйшіе города ея были: Перемышль, Львовъ и Галичъ.

Мы стоимъ на порогѣ XV столѣтія, имѣвшаго самое роковое вліяніе на судьбы ю.-з. Руси. Эпоху событій открываетъ женщина. Прекрасная, обворожительная, любящая и любимая, она мечтаетъ на зарѣ своей юности устроить какъ можно полнѣе свое земное счастіе; но по волѣ случая попадаетъ въ руки олигарховъ и дѣлается орудіемъ политическихъ заговоровъ. Въ умахъ дерзкихъ заговорщиковъ развиваются и зрѣютъ политическіе замыслы, какимъ образомъ поработить слабой Польшѣ могущественное литовско-русское княжество посредствомъ ловкой политической интриги и дипломатическаго насилія? И вотъ на историческую сцену выдвигается *политическая унія* двухъ государствъ, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, кромѣ страха передъ нѣмцами и Москвой и взаимнаго страха другъ передъ другомъ. Католическая Польша съ ея олигархо-демократическимъ строемъ соединяется съ православнымъ Литовско-русскимъ княжествомъ, сильнымъ своей аристократіей и беззавѣтнымъ подчиненіемъ княжеской власти. Но тутъ была еще и спеціальная побудительная причина со стороны Польши поддерживать и развивать унію—это жажда наживы чужимъ добромъ и легкость порабощенія; эта причина придавала ея дѣйствіямъ необыкновенную энергію и силу. Утилизируя политическое обаяніе соединенныхъ государствъ въ международныхъ отношеніяхъ исключительно въ свою пользу, Польша въ тоже время разставляетъ хитро-сплетенныя дипломатическія сѣти къ полному порабощенію своего союзника. Она достигаетъ наибольшаго торжества въ минуты наибольшей опасности, когда коварная политика ея становится ясной

[1]) Вотъ имена этихъ королей: 1017—1018 *Болеславъ Храбрый*; 1038 Казиміръ I 1068—69, 73, 77, *Болеславъ Смѣлый*; 1101 *Владиславъ Германъ*; 1123—25—36 *Болеславъ Кривоустый*; 1158 *Болеславъ Кудрявый*; 1179—82—85—87 *Казиміръ Справедливый*; 1198—1205 *Лешекъ Бѣлый*; 1266 *Болеславъ Стыдливый*; 1280 *Лешка Черный.*

и отчетливой даже для людей, мало посвященныхъ въ ея таинства [1]). Выдающіяся черты этой политики были слѣдующія: 1) сохраненіе и расширеніе преимуществъ Польши на счетъ Литвы, посредствомъ уніи; 2) ослабленіе значенія древнихъ княжескихъ родовъ, а при случаѣ и совершенное ихъ уничтоженіе; 3) пріобрѣтеніе Литовско-русскихъ земель путемъ непосредственнаго подчиненія Коронѣ или-же частныхъ сдѣлокъ въ видѣ брачныхъ договоровъ, аренды, купли, занятія разныхъ должностей, и, наконецъ грубаго захвата, особенно въ мѣстахъ пограничныхъ; 4) уничтоженіе древне-русскаго строя правленія и замѣна его строемъ польскимъ; 5) распространеніе р.-католической вѣры и польской гражданственности среди Литвы и православной Руси; 6) прельщеніе литовско-русскаго дворянства польскими гербами и прерогативами польскаго шляхетства; 7) наконецъ, твердое и неуклонное преслѣдованіе этихъ цѣлей всѣми наличными силами польскаго государства, т. е. правительства, духовенства и шляхты. Осуществленію этой политики много помогала сонливая и часто безразличная природа Ягеллоновъ, искусно поселяемые среди княжества внутренніе раздоры и, наконецъ, внѣшнія политическія обстоятельства .... Послѣдствія ея стали обнаруживаться очень скоро и вызвали упорную и продолжительную борьбу со стороны Литвы, окончившуюся во времена Сигизмунда Августа насильственнымъ порабощеніемъ Литовско-Русскаго княжества Коронѣ и потерей обширныхъ земель не потому, что-бы княжество не могло вступить въ открытую войну съ Польшей, а потому, что такова была главнымъ образомъ державная воля его верховныхъ вождей.

Отмѣтимъ здѣсь главнѣйшія событія, касающіяся измѣненія границъ и порабощенія литовско-русской земли. Въ 1388 г. Владиславъ Ягайло пожелалъ вступить въ тѣсную связь съ княземъ Мазовецкимъ Семовитомъ, имѣвшимъ болѣе правъ на польскую корону, нежели онъ самъ и потому выдалъ за него замужъ свою сестру Александру, а въ приданое за ней далъ княжество *Белзское*; послѣ смерти послѣдняго Мазовецкаго князя оно было занято въ 1462 г. во имя Польши [2]).

Границы Белзскаго княжества были слѣдующія: на в. верховья Буга, на з. устья Сана, на с. княжество Володимерское, на ю. Галиція. Оно было расположено главнымъ образомъ по обѣимъ сторонамъ З. Буга и состояло изъ земли *Белзской и Холмской* [3]).

[1]) Спеціальное изслѣдованіе политическихъ отношеній Короны и В. кн. Литовско-Русскаго изложены въ *чтеніяхъ проф. Кояловича* въ спеціальномъ *сборникѣ документовъ* съ его-же историческимъ предисловіемъ, *„Дневникъ Люблинской уніи“* его-же, въ диссертаціи г. Линниченко.

[2]) Зубрицкій стр. 219—383.

[3]) Шараневичъ стр. 249.

Самыя сильныя притязанія во времена Ягайла Польша предъявляла на *Волынь и Подолъ*, въ особенности на ту часть послѣдней, которая подвергалась нападеніямъ во времена Казиміра В. Она заключала въ себѣ города *Каменецъ*, *Смотричь*, *Червоно-городокъ*, *Бакоту* и *Скалу*. Но авторитетная власть на Литвѣ одного изъ лучшихъ государей тогдашняго времени Витовта помѣшала осуществленію польскихъ замысловъ, и эта часть Подоли, дважды покупаемая и продаваемая, все таки сохранилась за Литвой до смерти Витовта. Границы Литовско-русскаго княжества при немъ шли по Мазовіи, Белзскому княжеству, Галиціи и Днѣстру до Чернаго моря. Покутье было присоединено къ Польшѣ еще раньше, а славянскія племена, жившія по Середу и Дунаю, должны были или подчиниться, или-же уступать свои мѣста образовавшемуся здѣсь новому княжеству Молдавіи.

Болѣзненные симптомы политической борьбы Польши съ княжествомъ Литовско-Русскимъ во времена княженія Витовта, обнаруживавшіеся со стороны Польши въ религіозномъ насиліи, страстномъ домогательствѣ русскихъ земель, безцеремонномъ хозяйничаньи въ нихъ при кратковременномъ владѣніи, а со стороны Литвы—при затруднительности ея политическихъ отношеній къ сосѣдямъ, въ стремленіи сохранить съ нею миръ, а для себя прочную независимость, выразились въ двухъ политическихъ актахъ этого времени, одинаково важныхъ по своимъ послѣдствіямъ для историческихъ судебъ Литвы и ю.-з. Руси. Мы разумѣемъ городельскую унію 1413 г. и желаніе Витовта возложить на свою мастистую голову королевскій вѣнецъ, по предложенію императора Сигизмунда въ 1429 году на луцкомъ съѣздѣ. Какъ иначе объяснить себѣ эту разительную противоположность въ умѣ одного изъ лучшихъ государей своего времени, тонкаго политика и мудраго устроителя своей земли, выразившуюся съ одной стороны въ соглашеніи на подчиненіе своего государства государству чуждому, враждебному, а съ другой въ желаніи упрочить его политическое бытіе и независимость, какъ не требованіемъ тяжелыхъ политическихъ условій тогдашняго времени? Но онъ не дожилъ до осуществленія этой послѣдней своей земной мечты: его недремлющіе враги, польское духовенство и дворяне, составили противъ него заговоръ; корона была задержана, а смерть унесла его въ вѣчность; все-таки его идея нашла очень много сторонниковъ въ послѣдствіи.

Преемникъ его на литовскомъ престолѣ князь Свидригайло, человѣкъ увлекающійся, но не послѣдовательный, хотя и искренно преданный идеѣ независимости своего государства, слишкомъ круто и бурно повелъ свою политику по отношенію къ Польшѣ и въ то время, когда хитросплетенная унія должна была рушиться на вѣки,—благодаря ловкой польской интригѣ, онъ самъ былъ лишенъ великокняжескаго достоинства; его мѣсто занялъ слабодушный и безсердечный Сигизмундъ, согласившійся за велико-княжеское достоинство на всякія уступки Коронѣ. Онъ отдалъ ей *Ратно* (въ холмской области), *Лопатинъ* (въ белзской области), *Городло* на лѣвомъ берегу з. Буга, *Олесько* у истоковъ Стыри со всѣми окружными землями, а на сеймѣ въ Едльнѣ 1432 г. король Ягайло утвердилъ эти земли за короной; такимъ образомъ отъ Литвы отпала земля Холмская, западная часть Подоліи [1]). Галиція въ это время получила польскую администрацію.

Запылала междоусобная война, которою не могли не воспользоваться поляки. Сигизмундъ заплатилъ за нее своею жизнію отъ руки князя Ивана Чарторыйскаго; но Литовско-Русское княжество потеряло почти двѣ богатѣйшія свои провинціи, а унія пріобрѣла очень сильную поддержку въ междоусобныхъ замѣшательствахъ и обѣщаніяхъ слабодушнаго князя. Въ умахъ польскихъ политиковъ родилась мысль раздѣлить княжество на нѣсколько частей подъ управленіемъ нѣсколькихъ претендентовъ и тѣмъ вѣрнѣе достигнуть цѣли порабощенія. Но русская партія на Литвѣ восторжествовала и великимъ княземъ избранъ былъ Казиміръ Ягеллончикъ. Онъ примирился съ старымъ Свидригайломъ, отнялъ у мазовецкаго князя Угровъ и Дорогичинъ и сталъ думать объ умиротвореніи и устроеніи своего княжества, въ то время, когда русскія земли, находившіяся подъ непосредственнымъ владѣніемъ Польши, тяжко страдали отъ разоренія и грабительствъ какъ своихъ владѣтелей такъ и татаръ; русскіе люди, по свидѣтельству польскихъ хронистовъ, побуждаемые чувствомъ отчаянія и мщенія [2]), добровольно призывали татаръ на Польшу, которые безпощадно разоряли русскія-же земли, отнятыя хищничествомъ поляковъ у ихъ законныхъ владѣльцевъ. Смерть польскаго короля Владислава Варнскаго, брата в. князя литовскаго, въ ибтвѣ съ турками заставила поляковъ опять призвать къ себѣ въ короли в. князя Казиміра. Литовская рада совѣтовала ему отказаться отъ этого престола и онъ медлилъ отвѣтомъ два года; но кандидатура князя мазовецкаго заставила Казиміра и его раду согласиться на это избраніе въ 1446 году. Новоизбранный король прежде своего вѣнчанія потребовалъ, что-бы Польша отреклась отъ всякихъ притязаній на Волынь, Подоль, Ратно, Лопатинъ, Городло и землю Олеськую; послы польскіе дали уклончивый отвѣтъ, что послѣ вѣнчанія онъ можетъ

[1]) Volumina Legum I, 42.

[2]) Вотъ что говорятъ Длугошъ и Бѣльскій по поводу жадности своихъ земляковъ: „augebat etiam hujusmodi malum (т. е. татарскія нападенія) baronorum Poloniae ambitio, qui a rege donationibus oppidorum et villarum in terris Russiae et Podoliae impetratis antiquos incolas et haeredes de illis excludebant, qui inopia et egestate pressi et quadam desperatione compulsi ad Tartaros fugiebant, illosque postmodum ad vastandum terras Russiae et possessiones, de quibus ejecti fuerunt, inducebant". Długosz pag. 773; Bielski pag. 371.

BU W
BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA
UNIWERSYTET MIKOŁAJA KOPERNIKA W TORUNIU

распорядиться этими краями, какъ ему угодно. Но требуя отъ Польши отреченія отъ этихъ земель, онъ находилъ вполнѣ возможнымъ съ одной стороны передать ей княжество Белзское послѣ смерти мазовецкаго князя Казиміра [1]), (владѣвшаго имъ на ленныхъ правахъ отъ Ягайлы) другой линіи этихъ князей; передать ей Ротно, Городло, Любомль съ округами; съ другой-же стороны—отрѣзать отъ Парчевской экономіи Ломазь и Полубицу съ принадлежащими къ нимъ землями по лѣвой сторонѣ Буга и присоединить къ Берестью въ возмѣщеніе захваченныхъ поляками на Подоли городовъ: Межибожья, Хмельника и Караволя [2]). Эта уклончивая политика короля была ближайшимъ поводомъ къ поддержанію надежды у обѣихъ спорящихъ сторонъ на счастливый исходъ ихъ домогательствъ. Многочисленные частные съѣзды литовскихъ бояръ и польскихъ вельможъ, общіе съѣзды тѣхъ и другихъ, подъ предсѣдательствомъ самого короля, были исполнены самыхъ оживленныхъ и иногда бурныхъ пререканій относительно правъ на русскія земли Литвы и Польши. Берестье, Городно, Вильна, Піотрковъ, Люблинъ, Парчевъ и другіе города были свидѣтелями этой ожесточенной борьбы. Къ соглашенію не могла придти ни та, ни другая сторона. Поляки предлагали рѣшить это дѣло третейскимъ судомъ самого короля или германскаго императора; но литовцы и русскіе, уже постигшіе истинныя ихъ цѣли, не соглашались ни на какія сдѣлки, а на Парчевскомъ сеймѣ 1453 года даже спросили ихъ „не избрать-ли лучше въ третейскіе судьи крымскаго хана?“ Упорство литовско русской рады было настолько постоянно, что Казиміръ Ягеллончикъ въ 1457 году въ жалованной грамотѣ в. княжеству вынужденъ былъ произнести торжественный обѣтъ за себя и своихъ преемниковъ, *что больше территоріальныхъ уступокъ Польшѣ не будетъ* [3]); но ни самъ онъ, ни его преемники не исполняли своихъ обѣтовъ и съ замѣчательнымъ равнодушіемъ дѣлали полякамъ уступки за уступкой. Литовско-русскіе люди, видя произволъ и полное хозяйничанье польскихъ магнатовъ въ русскихъ земляхъ, зависѣвшихъ прямо отъ Короны, не переставали дѣлать Казиміру постоянныя напоминанія о присоединеніи къ княжеству этого законнаго его наслѣдія; король

[1]) Шараневичъ, стр. 428. Въ 1449 году на Піотрковскомъ сеймѣ по ходатайству цесаря Фридриха III эта земля была передана другому князю Владиславу, представителю старшей линіи князей мазовецкихъ впредь до окончательнаго рѣшенія этого дѣла.

[2]) Ibid стр. 416.

[3]) „Такожъ обѣцуемъ и слюбуемъ, говорится въ грамотѣ, ижъ въ земляхъ тыхъ нашихъ великого князьства земль, *городовъ мыстъ, а любо которыхъ кольвекъ дѣдичьствъ у володѣніе и въ держаніе, и любо нѣкоторыи вряды, а любо чти не имоемъ атид въ честь никоего чюжеземца*, але только тымъ родичамъ тѣхъ земль нашихъ предрѣченныхъ великого князьства Литовскаго да мы и наши послѣ будущіи дадутъ въ держаніе и володѣніе“. Акты Западной Россіи Т. I, стр. 76—77.

старался смягчать ихъ строптивость мольбами, лаской и дарами; а въ 1462 г., послѣ прекращенія старшей линіи мазовецкихъ князей, все-таки приказалъ занять Белзское княжество во имя Польши: такимъ образомъ, Червенскіе города были потеряны для княжества навсегда. На берестейскомъ сеймѣ 1478 года они настойчиво просили его дать имъ въ князья одного изъ своихъ сыновей; но король не согласился и на это: онъ боялся неизбѣжной войны между Литвой и Короной, боялся банкротства королевской казны безъ литовско-русскихъ денегъ и сохранилъ за собой княжескую власть до конца своей жизни. Онъ умеръ въ Городнѣ 1492 года. Плодомъ его долговременной и уклончивой политики для поляковъ была уступка Белзскаго княжества, отдача многихъ русскихъ земель въ ихъ арендное содержаніе и частію полное владѣніе, и наконецъ дальнѣйшее развитіе на Литвѣ и Руси началъ польскихъ; для литовцевъ и русскихъ—болѣе тѣсное сближеніе между собой, сохраненіе за княжествомъ оставшихся въ его непосредственномъ владѣніи земель, а вслѣдствіе этого и незначительный подъемъ народнаго духа, тѣмъ болѣе, что литовско-русскіе подданные не разъ видѣли въ своемъ князѣ доказательства его искренней къ нимъ любви и привязанности.

Смерть Казиміра еще съ большей силой пробудила надежды передовыхъ людей княжества на полное освобожденіе его отъ Польши. Въ посольскихъ рѣчахъ литовско-русской рады радѣ польской 1492 г. говорится: „и просили есмо Александра королевича его милости, ажъ бы зосталъ у *вотчинѣ своей у великомъ князьствѣ Литовскомъ на* росказаніе и полѣцанье отца своего; якожъ его милость зосталъ и есть теперь *у вотчинѣ своей у великомъ князьствѣ Литовскомъ* [1]). Въ другомъ посольскомъ наказѣ литовско-русскаго князя Александра къ польскому королю Альбрехту смѣло и рѣшительно выражены какъ обиды пограничныхъ подданныхъ княжества, такъ и требованіе ихъ удовлетворенія. Еще при жизни отца, говорится въ этомъ наказѣ, были постоянныя жалобы Волынянъ на пограничныя обиды со стороны короны, „*ижъ имъ великія втисненія и наѣздки и грабежи и кывалты (насилія) отъ нихъ (поляковъ) дѣются и его милость отецъ нашъ наменилъ былъ паны съ обу сторонъ тамъ зъѣхати и тыи вси дѣла межи ними росправити, подлѣ ухвалы и записовъ на первыхъ соймѣхъ съ обу сторонъ, которое право было ухвалено и записано*“.—Такія же жалобы, говорится далѣе, заявлены были недавно и жителями земли Дорогицкой и Берестейской.—*Про то жадаемъ вашое милости, яко брата нашого*, заключаетъ князь Александръ, назначить со стороны короны коммиссаровъ, а самъ онъ назначитъ такихъ-же коммиссаровъ со стороны Литвы, что-бы они, съѣхавшись въ опредѣленное время,

[1]) Акты Западной Россіи Т. I, 116—117.

разобрали спорныя дѣла и сохранили обѣ стороны *„подлъ обычая права стараго, яко ухвалено на первшыхъ соймѣхъ“* [1]). Но на эти заявленія польское правительство не дало никакого отвѣта; а между тѣмъ граничные *„втиски, грабежи* и *кывалты“* продолжались по прежнему, съ той лишь разницей, что въ нихъ стали принимать уже участіе и польскіе сановники. Прошло 4 года; князь Александръ отправилъ новое посольство въ Корону. Въ V пунктѣ его посольскихъ рѣчей опять было заявлено: „присылалъ къ намъ жалобу Володимірскій епископъ на белзскаго старосту, пана Каменецкаго, что этотъ послѣдній учинилъ на его имѣніе вооруженное нападеніе съ 500 человѣкъ конницы кромѣ пѣхоты; этотъ отрядъ не только все разграбилъ, но еще угналъ съ собой епископскаго урядника и 120 человѣкъ крестьянъ, кромѣ женъ и дѣтей“. Такъ какъ на первое заявленіе князя отъ 1492 г. по поводу такихъ же пограничныхъ захватовъ и обидъ до сихъ поръ еще не послѣдовало отъ Короны отвѣта, а граничныя обиды возрастаютъ все въ большихъ размѣрахъ и совершаются уже не частными лицами, *а коронными сановниками*, то князь Александръ требуетъ не только удовлетворенія обиженнаго, но и строгаго наказанія грабителя. При этомъ онъ заявляетъ, что литовскіе люди въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, могли-бы постоять за себя, но такое самоуправство запрещено имъ велико-княжескимъ пр-а вительствомъ [2]). Такое твердое направленіе литовско-русской политики, не достигшее, впрочемъ, никакихъ положительныхъ результатовъ, было къ сожалѣнію очень непродолжительно. На Москвѣ сидѣлъ въ это время одинъ изъ величайшихъ русскихъ государей, глубокій политикъ, мудрый устроитель и энергическій собиратель русской земли—царь Іоаннъ III. Сверженіе татарскаго ига, бывшаго самою главной причиной раздѣленія и ослабленія Руси, дало ему полную возможность обратить свою дальновидную политику на западъ; онъ смѣло и рѣшительно заявилъ въ своихъ посольскихъ рѣчахъ римскому папежу и князю Александру, что литовскую, а слѣдовательно и польскую Русь онъ считаетъ своей *дѣдиной* и *вотчиной* и будетъ добиваться ихъ всѣми силами своего государства. Эта политика ясно указала Литвѣ и Польшѣ на ихъ общаго врага и общую солидарность въ изысканіи средствъ сохранить за собой чужое наслѣдство. Между тѣмъ умеръ польскій король Альбрехтъ; на его мѣсто избранъ былъ Александръ; унія получила самую сильную поддержку въ краковскомъ, піотрковскомъ и мельницкомъ актахъ [3]), по которымъ Польша получила явный перевѣсъ надъ Литвой *въ ихъ равноправномъ союзѣ*, вопреки желаніямъ

[1]) Акты Западной Россіи Т. I, стр. 122—123.

[2]) Ibid. стр. 160.

[3]) Volumina Legum T. I, 131—138.

многихъ литовско-русскихъ бояръ, насильно вынужденныхъ подчиняться суровому самовластію своего деспотическаго государя. Польша стала широко вторгаться въ внутреннюю жизнь литовской Руси, какъ это она сдѣлала въ Руси галицкой и Червенскихъ городахъ.

Посольскія рѣчи литовско-русской рады Сигизмудну I и Сигизмунду Августу заключаютъ въ себѣ по этому предмету очень много драгоцѣнныхъ подробностей.

Добродушный и нѣсколько лѣнивый Сигизмундъ I, строгій къ себѣ и другимъ, онъ вѣчно мечталъ о спокойной помѣщичьей долѣ, о мирѣ и благоденствіи своего общаго государства. Онъ не любилъ противорѣчій. Простота и практичность обнаруживаются въ его взглядахъ и поступкахъ [1]). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ его продолжительное царствованіе приняты были и разныя мѣры къ упроченію внутренняго мира между Короной и Литвой. Нѣкоторыя изъ нихъ прямо касались граничнаго вопроса, какъ очень больнаго мѣста искусственно слагавшагося организма рѣчи посполитой. Старикъ спокойно выслушивалъ жалобы литовско-русской рады и, повидимому, старался держаться на законной почвѣ. Его трезвость позволяла представителямъ княжества высказывать ему и очень много горькихъ истинъ, которыя прекрасно опредѣляютъ политическое ихъ настроеніе и взгляды, какъ лучшихъ государственныхъ людей тогдашней эпохи. Мы остановимся на двухъ такихъ посольскихъ рѣчахъ 1529-го и 1538-го годовъ, которыя близко касаются нашего предмета.

Разсматривая современное положеніе политическихъ дѣлъ своего государства, литовско-русская рада между прочимъ проситъ короля Сигизмунда I-го вытребовать у поляковъ королевскую корону, предназначавшуюся для в. кн. Витовта, „которую загамовали панове поляцы и до тыхъ часовъ ее выдати не хотятъ и не зычатъ тое чти паньству вашое милости отчизному“. Они не желаютъ потому, что-бы „паньство вашое милости было въ пониженью, ажебы втѣлено имъ къ корунѣ, о штожъ ся они давно працуютъ, хотячи дѣдицтво вашое милости привлащити (присвоить) къ князьству короны польскоѣ“. Во избѣжаніе этой печальной возможности рада совѣтуетъ королю возложить эту корону на главу своего сына; тогда княжество уже не будетъ присвоено короной: *„бо коруна въ коруну втѣлена быти не можетъ“*. Также точно рада совѣтуетъ ему присоединить къ Литвѣ княжество мазовецкое, по прекращеніи рода владѣтельныхъ его князей, частію потому, что, *„оно припало не къ корунѣ, але къ парсунѣ вашое милости*; частію-же потому, что такой политическій шагъ заставилъ-бы поляковъ на будущее время искать для себя королей не иначе, какъ среди династіи Ягеллоновъ [2]).

[1]) Трачевскій. Польское Безкоролевье, XXVII.

[2]) Акты западной россіи Т. II, № 144, стр. 171—176.

Наказныя рѣчи второму посольству 1538 года указываютъ на глубокія внутреннія язвы Литовско-русскаго княжества, которыя стали проявляться подъ вліяніемъ польскаго вліянія въ разныхъ отправленіяхъ его государственнаго организма.

Вотъ пани Богушовая, заявляетъ рада, выдала замужъ свою дочку за пана Точинскаго безъ вѣдомости опекуновъ, назначенныхъ духовнымъ завѣщаніемъ ея мужа, и такимъ образомъ выразила пренебреженіе къ законамъ всей страны.

Вотъ на Литвѣ встрѣчаются уже многочисленные польскіе землевладѣльцы, каковы напр: Времевскій, Скорута, Опаровскій, Свѣтицкій и другіе. Они не несутъ никакой службы ни въ Литвѣ, ни въ Польшѣ: *„бо кіды потреба якая укажетъ у великомъ князствѣ, они ѣдутъ до коруны, а кіды въ корунѣ, они за ся до великаго князства“*.

Во времена княженія Александра пани Точинская, тетка теперешняго бискупа, выпросила было для себя нѣсколько селъ въ Володимерскомъ повѣтѣ и обязалась во всемъ подчиняться литовскимъ законамъ; теперь же среди этихъ селъ выстроенъ замокъ Крыловъ и села присвоены коронѣ. Это же самое непремѣнно случится и съ имѣніемъ Семятичами, лежащими на коронной границѣ, если только это имѣніе перейдетъ по брачному договору къ пану Точинскому. Рада почтительнѣйше проситъ короля вспомнить свое торжественное обѣщаніе: *„не помножати коруны князствомъ, ани тежъ коруною князства“* и на будущее время не выдавать своихъ привиллегій ляхамъ на право владѣнія русскими землями, какъ это было имъ самимъ сдѣлано съ имѣніями: Вонятичами, Неякомуемъ, Претвичами, Слежаками (около Винницы), уступленными коронѣ.

Съ глубокимъ сожалѣніемъ указываетъ также на примѣръ короннаго самоуправства на литовской землѣ въ поступкѣ люблинскаго воеводы. Будучи назначенъ опекуномъ малолѣтнихъ дѣтей Немиры (въ мельницкомъ повѣтѣ), онъ сталъ владѣть ихъ многочисленными землями и людьми лично, на что не имѣетъ отъ покойнаго никакого полномочія. И когда мельницкій староста попросилъ его показать суду свои документы, то воевода сказалъ ему: „я состою подъ королевскимъ присудомъ и привиллегіи свои покажу не тебѣ, а на піотрковскомъ сеймѣ“... Милостивый королю! восклицаетъ по этому поводу рада: какая польза для нашего государства отъ такихъ людей, которые не только не несутъ для него никакой службы, а еще вторгаются съ литовскими имѣніями въ присудъ коронный?

Съ такимъ-же сожалѣніемъ рада заявляетъ королю объ отдачѣ имъ *дворнаго вряда чашничества неякомусь Ясеньскому ляху*, служебнику виленскаго бискупа, находитъ, что это *речь новая*, еще не практиковавшаяся при его предкахъ. Она крайне обидна для достоинства

Библіотека Пражской Мужской Гимназіи

княжества, *что какой нибудь ляшокъ*“ [1]) получаетъ придворное мѣсто. точно между природными мѣстичами не могло найтись человѣка, способнаго занять эту второстепенную должность,—обидна и вмѣстѣ опасна, ибо можетъ войти въ обычай.

Такое нарушеніе международныхъ правъ княжества самимъ королемъ и коронными панами вредно отзывается и на повѣтахъ: Дорогицкомъ, Мельницкомъ и Брянскомъ, получившихъ коронную администрацію: урядники этихъ повѣтовъ позволяютъ себѣ оскорбительно относиться къ заслуженнымъ сановникамъ княжества. Такъ брянскій и саражскій намѣстникъ позволилъ себѣ потребовать чрезъ дѣтского на свой судъ жомойтскаго старосту. Если повѣтъ бѣльскій испросилъ для себя польское право, разсуждаетъ рада, то оно не можетъ быть обязательно для всего великаго княжества; тѣмъ болѣе нѣтъ никакого основанія ломать все литовское законодательство для одного повѣта, что рада и великое княжество не подданные бѣльскаго повѣта, а напротивъ того повѣтъ составляетъ незначительную часть этого княжества. Вслѣдствіе этого рада проситъ короля *„грозно росказать“* повѣтовымъ урядникамъ, что-бы они почтительно обходились съ сановниками великаго княжества, потому что эти повѣты находятся *„въ тѣлѣ в. княжества“*.

Но всѣ эти обиды, по мнѣнію рады, ничтожны въ сравненіи съ недавно установившимся обычаемъ—*„позывать подданныхъ великаго-княжества для окончательнаго рѣшенія ихъ дѣлъ въ корону и королевскимъ позвомъ“*. Такихъ явленій не было еще на литовской землѣ. „Дѣдъ вашей королевской милости, король Якгейло, былъ княземъ литовскимъ 30 лѣтъ; отецъ вашое милости король Казимеръ на великомъ князствѣ былъ петьдесятъ и два года, а братъ вашое милости король Александръ полпета года; а ваша милость, господарь нашъ милостивый, пануешь вжо 32 годы—и николи, милостивый королю, черезъ всѣ тые часы тотъ сильно шкодливый (вредный) звычай въ тое паньство вашей милости не вносился, одно сего году надъ паномъ (воеводой) виленскимъ, яко ся мы вышей повѣдили тое вызнанье початокъ свой взяло“. И если такое зловредное нововведеніе можетъ еще практиковаться относительно *урядниковъ*, то для частныхъ лицъ и земскйо службы оно совершенно невозможно и разорительно: земскій человѣкъ, отправившись на судъ въ корону, не явится на службу, а мало состоятельный, совершивши такое длинное путешествіе, можетъ пойти по міру.

[1]) Этотъ *ляшокъ* былъ никто иной какъ панъ *Ясенскій*, родственникъ виленскаго бискупа Павла. Объ этихъ лицахъ есть королевскій декретъ 1542 г. по поводу жалобъ виленскихъ мѣщанъ на злоупотребленія ихъ и вымогательства въ сборѣ незаконныхъ пошлинъ съ плотовъ, сплавляемыхъ по „*Вельи*“ мимо Верокъ. Эти личности были чужеземцы, т. е. поляки по происхожденію. (Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ Семенова ч. I стр. 70).

Король въ своихъ отвѣтахъ старается успокоить раду тѣмъ, что нѣкоторыя нововведенія въ мѣстные обычаи сдѣланы имъ по просьбѣ нѣкоторыхъ же обывателей княжества, *часто надоѣдающихъ ему своими докуками въ чужой сторонѣ*; съ другой же стороны въ Литовскомъ статутѣ нѣтъ такихъ узаконеній, которые-бы запрещали ему чинить справедливость обывателямъ княжества во время пребыванія его въ коронѣ [1]).

Изъ послѣдующихъ событій видно, что этотъ зловредный обычай такъ сильно возмущалъ обывателей княжества, что на Берестейскомъ сеймѣ 1542 года *„княжата, панята и шляхта“* постановили являться на королевскій судъ въ корону только въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ, когда дѣло не будетъ имѣть окончательнаго рѣшенія во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ, дѣйствующихъ въ предѣлахъ княжества на основаніи литовскаго статута [2]).

Чѣмъ ближе подходило время къ либлинской уніи, тѣмъ яснѣе и отчетливѣе всплывали на поверхность больныя мѣста международныхъ отношеній Литвы и Короны. Они очень опредѣленно выражены въ постановленіяхъ представителей литовско-русскаго княжества на виленскихъ съѣздахъ 1547-го, 1551-го и 1554 годовъ. Главнымъ образомъ, они касаются слѣдующихъ предметовъ: твердаго и вѣчнаго установленія границъ, прекращенія поляками захватовъ литовскихъ земель посредствомъ браковъ и земскихъ сдѣлокъ и сохраненія политической автономіи княжества въ назначеніи и отправленіи государственныхъ должностей.

Недавній объѣздъ границъ уполномоченными короны и в. княжества (1546 г.) заявляютъ представители послѣдняго, обнаружилъ, что *тымъ большія кривды той братьи нашей пограничной въ бопхъ, квалтахъ, въ головщизнахъ, въ забиранью земль и въ иншихъ многихъ рѣчахъ дѣются*“ [3]). Особенно энергически жаловалась по этому поводу Волынская земля. Король давалъ разныя обѣщанія, что онъ разберетъ, что приметъ мѣры на Піотрковскомъ сеймѣ и установитъ наконецъ *„вѣчныя границы“*; но эти обѣщанія не исполнялись ни при Сигизмундѣ Августѣ, ни при его преемникахъ.

„Былъ обычай стародавній, заявляютъ тѣ-же представители, что когда королю угодно было посѣщать в. княжество Литовское, то на границѣ оставались всѣ коронные урядники, а мѣста ихъ заступали урядники великаго княжества; если-же кто изъ коронныхъ и посѣщалъ его, то не иначе, какъ въ качествѣ гостя. Теперь же, свидѣтельствуютъ они, дворные врядники в. княжества „одно титулы врядовъ

[1]) Акты Западной и Юго-Западной Россіи Т. I. № 101.
[2]) Акты Западной Россіи Т. II, 389—390.
[3]) Акты З. Россіи Т. III стр. 10—

своихъ маютъ; а врядники корунныи всякой владности въ ихъ урядѣхъ уживаютъ и доходы и оброки, которыи на тыи вряды прислухаютъ на себе берутъ и, правѣ, вжо ся во всемъ стародавный обычай около тыхъ врядовъ замѣнилъ“ [1]). Король отвѣтилъ, что не замѣчалъ такого явленія, обѣщалъ разсмотрѣть это дѣло и сохранить по старинѣ.

Просили и били челомъ тѣ-же представители княжества, „абы на Подляшьи и Волыни имѣней не куповали чужеземцы, а ни жадными причинами не посѣдали имѣней, кгдыжъ тымъ не мало паньства (т. е. дворянства) великаго князства убываетъ“.... Король отвѣтилъ, что на будущее время у чужеземцовъ (т. е. поляковъ) отнимутся всѣ права пріобрѣтать имѣнія на вѣчность и будетъ оставлено одно только *временное право—заставное*—и то внутри княжества; на границахъ-же и оно не будетъ имѣть силы, „абы ся не нарушали ничимъ привилья земскіе, присягою его милости утвержоные“ [2]).

Напоминали господарю его милости, чтобы чужеземцы *„урядовъ никоторымъ правомъ не держали“*, чтобы эти уряды были отдаваемы только сынамъ и обывателямъ великаго княжества, а отданные были отняты и возвращены имъ по принадлежности; что-бы вдовы и дѣвицы, выходящія замужъ за чужеземцевъ, лишались одной половины своихъ имѣній, а другая—чтобы пріобрѣталась родственниками и сосѣдями по 5 *копъ* за службу. Король отвѣтилъ, что уряды будутъ раздаваться только мѣстичамъ; а въ дѣлахъ брачныхъ будетъ сохраненъ литовскій статутъ [3]).

Наконецъ докладывали тѣже представители, что-бы господарь его милость устроилъ оборону имѣній въ повѣтахъ пограничныхъ съ Польшей и Мозовіей и *рачилъ учинить справедливость безъ проволоки*. Король обѣщалъ успокоить обѣ стороны, какъ можно скорѣе, но успокоилъ только корону.

Въ виду такихъ энергическихъ и рѣзкихъ протестовъ со стороны княжества; въ виду такихъ опредѣленныхъ и положительныхъ обѣщаній со стороны верховнаго владыки, кто-бы могъ подумать, что дѣло этого княжества кончится порабощеніемъ его государству чуждому и враждебному. Но такова была сила политическихъ событій.

На велико-княжескомъ престолѣ сидѣлъ въ это время послѣдній изъ Ягеллоновъ Сигизмундъ-Августъ. Воспитанный подъ руководствомъ женщинъ, онъ и въ зрѣломъ возрастѣ искалъ въ нихъ и утѣшенія, и развлеченія, и врачеванія отъ разныхъ болѣзней. Онъ сознавалъ дурное въ своихъ поступкахъ, но не находилъ нужнымъ отъ него освободиться. Онъ былъ мягокъ, ласковъ, но не имѣлъ въ своей натурѣ

[1]) Акты Западной Россіи Т. III, стр. 14.
[2]) Акты Западной Россіи Т. III, стр. 53.
[3]) Акты Западной Россіи Т. III, стр. 53.

ничего прочнаго и опредѣленнаго. Ораторъ и музыкантъ, прекрасно образованный по своему времени человѣкъ, онъ въ тоже время былъ ходячей нерѣшительностью и считалъ житейской мудростью никогда не давать обѣщаній и не отнимать надеждъ: современники называли его *королемъ—Завтра*. Онъ всю жизнь терялся между страхомъ и сомнѣніемъ и никогда не придерживался опредѣленныхъ мнѣній. Это былъ щедрый и расточительный сибаритъ, вѣчно окруженный блестящей свитой и такимъ же блестящимъ колоссальнымъ богатствомъ, и въ то же время часто затруднявшійся производить уплаты по своимъ счетамъ и роспискамъ [1]). Не имѣя дѣтей, онъ рѣшилъ въ своемъ лѣнивомъ и недальновидномъ умѣ, что величайшимъ подвигомъ его жизни будетъ отреченіе отъ своихъ державныхъ правъ надъ княжествомъ въ пользу короны; но онъ не могъ этого сдѣлать до смерти виленскаго воеводы, *Радивила Чернаго*, вѣрнаго блюстителя и стража независимости княжества. Въ 1567 г. умеръ этотъ твердый человѣкъ и корона торжествовала. Она отдала Литвѣ Ливонію—это созрѣвавшее яблоко раздора между Швеціей, Москвой и будущей рѣчью посполитой, а себѣ прочила Кіевъ, Подоль, Волынь и Подлѣсье; въ 1569 г. она взяла себѣ все лучшее, чѣмъ только отличалось княжество отъ короны, а ему дала однѣ только язвы. Что-же удивительнаго, что лучшіе литовскіе люди бѣжали изъ Люблина, что-бы не покрыть своего честнаго имени вѣчнымъ позоромъ національнаго предательства? Что-же удивительнаго, что жмудскій староста съ своими товарищами, стоя на колѣняхъ со слезами на глазахъ, говорилъ своему государю: „именемъ Бога умоляемъ тебя, государь, помнить нашу службу, нашу вѣрность тебѣ и нашу кровь, которую мы проливали для твоей славы. Благоволи такъ устроить насъ, что-бы всѣмъ намъ была честь, а не посмѣяніе и униженіе, что-бы сохранены были наше доброе имя и твоя царская совѣсть. Именемъ Бога умоляемъ тебя помнить, что ты намъ утвердилъ своею собственной присягой“. При этомъ литовцы съ плачемъ встали. „И изъ насъ поляковъ, говорится въ дневникѣ Люблинской уніи, рѣдко кто не плакалъ, или не былъ взволнованъ отъ жалости, потому что многіе сенаторы плакали“ [2]).

Фактъ однакожъ былъ совершенъ. Корона отняла у княжества лучшія и богатѣйшія провинціи, а у короля значительную часть его спеціальныхъ доходовъ.

Иначе взглянулъ на унію царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Онъ хорошо зналъ, что этотъ равно-правный политическій союзъ направленъ и противъ Москвы; но онъ глубоко понималъ его непрочность. При извѣщеніи объ этомъ событіи польскихъ пословъ, онъ захохоталъ.

[1]) Трачевскій, Польское безкоролевье, стр. XXVII.

[2]) Дневникъ Люблинской уніи Кояловича, стр. 471.

„Это не впервые произошла унія, сказалъ онъ; она совершилась лѣтъ 120—130 тому назадъ“ [1]).

На основаніи Люблинской уніи Сигизмундъ-Августъ передалъ свои державныя права коронѣ надъ княжествомъ Кіевскимъ, Волынью, Подолью и Подлѣсьемъ и присоединилъ ихъ къ Польшѣ; остальную же часть княжества включилъ въ составъ *польской рѣчи—посполитой*.

III.

Граница Мазовіи и Вел. княжества Литовско-Русскаго.

Энергическія домогательства литовско-русской рады во времена Сигизмунда стараго—провести границы между короной и Литвой заставили наконецъ Сигизмунда Августа назначить въ 1546-мъ году спеціальныхъ граничныхъ коммиссаровъ изъ представителей обѣихъ сторонъ. Они прошли по всей границѣ, начиная отъ р. *Лека* (возлѣ прусской границы) до *Каменца Подольскаго* и представили подробные журналы своихъ ежедневныхъ дѣйствій. Но коммиссары эти уполномочены были только собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о захватахъ, обидахъ, насиліяхъ и нарушеніяхъ правъ собственности съ обѣихъ сторонъ, подкрѣпленныя свидѣтельскими показаніями, и не имѣли права ни разбирать этихъ дѣлъ, ни произносить по нимъ приговоровъ. Тѣмъ не менѣе граничные журналы ихъ полны животрепещущаго интереса и историческаго значенія. Условія настоящей работы не позволяютъ намъ привести ихъ въ полномъ видѣ, но мы не теряемъ надежды напечатать ихъ когда либо отдѣльно.

Коммисары должны были пройти огромное пространство почти первобытной страны съ ея безконечными дѣвственными лѣсами, непроходимыми топями, болотами и обширными лугами. Они были очевидцами и этой природы и древнѣйшихъ поселеній людей, внесшихъ свой первый культурный трудъ въ ея нѣдра. Они видѣли по урочищамъ каменныя бабы, вилообразныя деревья, около которыхъ собиралась международная *копа* (вѣче) для суда и казни преступниковъ. Предъ ними лицомъ къ лицу сталкивались двѣ враждебныя стороны, съ одинаковой энергіей отстаивавшія свои права владѣнія этой землей: одна сторона въ качествѣ хищника, пользовавшагося всѣми средствами насилія, захвата и порабощенія; другая—въ качествѣ первобытнаго ея поселенца, оросившаго ея поля и луга своимъ потомъ и кровью. Коммиссары были свидѣтелями и очевидцами весьма скромной, но полной глубокаго трагизма международной драмы. Всѣхъ коммисаровъ, спеціально назначенныхъ для этой цѣли королемъ, было шесть человѣкъ; но въ дѣ-

[1]) Трачевскій, Польское безкоролевье, стр. XXXI.

лахъ ихъ должны были принять участіе и мѣстные урядники, и землевладѣльцы пограничныхъ имѣній, и ихъ свидѣтели, такъ что персоналъ лицъ, шедшихъ по границѣ, состоялъ отъ 15 до 60 и болѣе человѣкъ.

Обозрѣніе границъ начато было въ первыхъ числахъ августа и продолжалось до послѣднихъ чиселъ октября. Для скорѣйшаго и болѣе успѣшнаго исполненія этого дѣла коммиссары были раздѣлены на двѣ группы: одна пошла по границѣ Мазовіи и вел. кн. Литовскаго, отъ р. Лека до Парчева; другая по границѣ короны и княжества отъ Воиня и Парчева до Каменца-Подольскаго. Въ первой группѣ коммисарами были: со стороны короны—Давидъ Понятовскій и Лаврентій Приборовскій; со стороны княжества: Николай Андрашевичъ и Станиславъ Комаровскій. Во-второй группѣ коммиссарами были со стороны короны: варшавскій каноникъ Матіасъ Варгантъ и королевскій секретарь Матвѣй Горецкій, а со стороны княжества: литовскій маршалъ Василій Тышкевичъ и королевскій писарь Альбертъ Нарбортъ и Войтехъ Ленартовичъ.

Описаніе границъ первой группы началось съ того мѣста, гдѣ сходятся границы княжестваМазовецкаго, Прусскаго и Литовско-русскаго, именно отъ р. *Лека*; въ разстояніи 3½ миль отъ города Вонсоша, гдѣ рѣка раздѣляетъ эти княжества, и сооруженъ большой угольный копецъ, обнесенный каменной стѣной; по срединѣ его воздвигнута каменная колонна, украшенная съ одной стороны гербомъ княжества Литовско-Русскаго, съ другой—Прусскаго. Здѣсь расположены три деревни, именно: *Богуши* со стороны Мазовіи, *Фочилово* со стороны Литвы и *Простки* со стороны Пруссіи. Далѣе мы послѣдуемъ за коммиссарами.

Граница Мазовіи и Литвы шла по р. Леку до впаденія ея въ Боберъ подъ Ганяземъ; въ обозначеніи ея не было сдѣлано сторонами никакихъ разногласій. Отсюда начинаются уже разногласія. Отъ впаденія Лека въ *Боберъ* границу показывалъ ганязскій префектъ Иванъ Зелинскій; онъ повелъ внизъ по теченію Бобра на 17 миль до впаденія въ него ручья *Тростянки*; отъ Тростянки далѣе внизъ по теченію того же Бобра границу показывалъ Тыконскій подстароста Станиславъ Юрковскій до впаденія этой послѣдней рѣки въ *Наревъ*, именно до того мѣста, гдѣ сходится уѣздъ визненскій съ замбровскимъ.

Противъ такого обвода протестовалъ визненскій подстароста Яковъ Богенскій и, начиная отъ Ганязя, повелъ границу Мазовіи по землѣ княжества, присвоивая себѣ островъ *Барвикъ* (съ общими бортями) и часть дремучаго бора *Добарча* до большой дороги, идущей изъ Ганязя въ деревню *Тростину*, отсюда по ручью мимо горы *Перелайны*, по границѣ деревень *Тибарева и Нетечи* до моста, построеннаго Гаштольдомъ на р. Наревѣ. (Здѣсь и кончается визненскій уѣздъ).

Разница въ показаніяхъ слѣдующая: въ длину на 5 миль; въ ширину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на 2, а въ другихъ на 3 мили. Это

спорное пространство заключаетъ въ себѣ безконечные, неоцѣненные луга, перемежающіеся дремучими лѣсами на 7 и 8 верстъ въ окружности; проходъ по нимъ крайне затруднителенъ; остальная часть луговъ примыкаетъ къ берегамъ р. Бобра. На спорной землѣ расположены деревни: половина *Тростины*, *Добарская воля*, три деревни владѣльцевъ *Схочей* и *Быковые Заики* (на соляной повинности).

Въ подтвержденіе своего протеста Богенскій представилъ 4 привиллегіи мазовецкихъ князей на право владѣнія землей и лугами; а противная сторона—свидѣтельскія показанія многочисленной сѣдовласой шляхты, бравшейся учинить присягу въ истинности своихъ показаній. (Въ этомъ мѣстѣ сходится уѣздъ ломжинскій съ тыкотинскимъ).

Граничный обводъ продолжалъ мазовецкій подстароста Францискъ Добрынецкій отъ Гаштольдова моста по Тростяницкой дорогѣ чрезъ деревню Лопухово (смежную съ деревней Завадами) по *мазовецкой дорогѣ* и р. *Слинѣ* до впаденія въ нее ручья *Борисовки* по направленію къ дерев. *Сикорамъ*, бѣльскаго уѣзда.

Тыкотинскій же подстароста продолжалъ прежній обводъ съ дер. *Тарюней* (ломжинскаго повѣта) отъ устья р. *Слины* въ Наревъ по *Слинѣ* до дер. *Милеева*, гдѣ кончается уѣздъ тыкотинскій и начинается уѣздъ бѣльскій.

Разница въ показаніяхъ: въ длину на 1 милю, въ ширину на полчетверть мили. Спорная земля заключаетъ въ себѣ дубовыя рощи, ломжинскіе борти, тыкотинскіе луга и поселенія 3-хъ крестьянъ изъ деревни Лопухова. (Здѣсь начинается уѣздъ бѣльскій.)

Граничный обводъ продолжали мазовецкіе помѣщики дер. *Завадовъ* Гедеты по ручью *Борисовкѣ* и болоту (смугу) мимо Литовской деревни *Сикоръ* чрезъ поля и болота до дер. *Кравцовъ*.

Со стороны же княжества помѣщики Сикорскіе указывали границу чрезъ луга и поля Завадскихъ, по кустарникамъ и болотамъ, чрезъ *ломжинскую дорогу* до большаго граничнаго конца между д. д. *Завадами*, *Сикорами* и *Чиборами;* по этой границѣ нѣкоторые граничные знаки были уничтожены.

Разница въ граничныхъ показаніяхъ въ длину на четверть мили, въ ширину на полчетверти мили.

Далѣе обводъ продолжали мазовецкіе помѣщики дер. *Кравцовъ*. Они повели его отъ 4-хъ концовъ по стѣнѣ деревни *Сикоръ* (в. княжества) чрезъ поля и кустарники до болота, называющагося *Лебяжья Бѣль*, чрезъ болото до большой ямы возлѣ *зальсско-ломжинской дороги*, утверждая, что на мѣстѣ этой ямы стояла прежде граничная сосна.

Противъ нихъ показывали помѣщики Сикорскіе отъ конца, смежнаго съ имѣніемъ Завадами на *тыкотинско-ломжинской дорогѣ* по направленію къ 4-мъ каменнымъ концамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *Судковъ*, затѣмъ чрезъ заросли до *суражско-ломжинской дороги*, при чемъ

въ многихъ мѣстахъ показывали граничные концы и деревья, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испорченные Кравцами; во время обвода встрѣтилъ ихъ между прочимъ на дорогѣ девяносто-лѣтній старикъ, выразившій желаніе подтвердить присягой истинность показаній Сикорскихъ.

Разница въ показаніяхъ на 3 и на 2 версты.

Отъ суражско-ломжинской дороги идутъ деревни, находящіяся въ спокойномъ владѣніи; со стороны Мазовіи: *Замбричи*, *Чахони*, *Чвалины*, *Свялуки*, *Слаши*, *Сливно*, *Ольшево*, *Холевы*, *Гоюды;* со стороны княжества: *Вноры*, *Грабки*, *Кулеши*, *Быки*, *Голяши и Дампсъ*. Эта спокойная граница тянется на разстояніи почти двухъ миль до д. д. *Голяшей и Мостична* (княжества) и *Калаковъ* и *Гунева* (Мазовіи). Затѣмъ пришли къ двумъ дорогамъ: *ломже-высоцкой* и *гоюдо-шаненской*.

Здѣсь встрѣтили помѣщики имѣнія *Голяшей* и повели по дорогѣ, идущей въ *Шани*, затѣмъ по концамъ и граничнымъ деревьямъ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испорченнымъ) черезъ болото *Бѣль* до *Шаневысоцкой дороги* и остановились возлѣ бортнаго дерева. Здѣсь кончается уѣздъ бѣльскій и начинается дорогицкій.

Граничный обводъ продолжали со стороны княжества помѣщики дорогицкаго повѣта Тиборовскіе отъ старой гати дер. *Голяшей* и ручья *Дампса* по границѣ деревни *Тесаковъ* и *Тропъ*, называющейся *Плозы* [1]) чрезъ лѣсъ и поля д. д. *Зегадлей* и *Рамбейковъ* до ручья *Тростинки*.

Со стороны Мазовіи эту же границу показывали помѣщики Гуни отъ деревни Голяшей, но по другому направленію чрезъ *ломже-высоцкую дорогу* до границъ *Ушеинскихъ* (княжества), и деревень *Шаней и Щодрухъ* (Мазовіи).

Далѣе граничный обводъ продолжали мазовшане, владѣльцы *Шаней и Щодрухъ* (противъ Тиборовскихъ). Они повели въ сторону деревни *Яблонки* мимо свѣжаго конца, будто нарожнаго съ имѣніемъ *Гунями*, до деревни *Тиборовъ*.

Разница въ показаніяхъ въ длину на половину мили, въ ширину на четверть мили.

Здѣсь граничный обводъ приняли помѣщики (мазовецкіе) имѣнія *Чаховъ* или *Дампса*. Они повели по направленію къ деревнѣ *Рамбишеву* (помѣщиковъ Зегадлей) *до тиборо-рамбишевской дороги* и передали владѣльцамъ мазовецкимъ Зегадлямъ. Эти, принявши обводъ, пошли по *ломже-высоцкой* дорогѣ къ мазовецкой деревнѣ *Фощамъ* и литовской *Яблонкѣ* мимо граничныхъ концовъ и граничныхъ дубовъ чрезъ болота и поля деревни Яблонки до большой ямы, обозначающей, по ихъ увѣренію, граничный знакъ между д. д. *Рамбишевомъ*, *Зегадлями* (Мазовіи), *Тиборами* и *Яблонкой* (княжества). Отъ ямы граничной обводъ продолжали мазовецкіе помѣщики Лащи по прямой линіи возлѣ сада и огорода Яблоновскаго священника, возлѣ церковной паперти, чрезъ большую дорогу, болота и луга по направленію къ д. *Медушамъ*.

[1]) Это названіе имѣетъ общее значеніе граничной тропы.

Со стороны княжества обводъ показывали владѣтели Яблонки; они начали отъ гребли при ставѣ д. *Рамбишева*, пошли по обширнымъ лугамъ чрезъ ручей *Тростнику* и ручей *Яблонку* по направленію къ медуше-яблонской дорогѣ, до граничнаго конца между деревнями, носящими эти названія.

Далѣе владѣльцы мазовецкіе Лащи показывали свои границы отъ деревни *Медушъ* согласно съ литовской стороной на 10 верстъ по граничнымъ концамъ до имѣнія *Краевскихъ* (которые протестовали противъ такой границы на 6 верстъ въ ширину, а въ длину на все протяженіе имѣнія), прошли имѣніе *Бѣлый-край* и лѣсъ *Грабникъ* по граничнымъ деревьямъ и знакамъ, внесеннымъ въ Замбровскія земскія книги, другой лѣсъ *Грабникъ* по граничнымъ деревьямъ до угольнаго конца между д. д. Медушами, Бѣлымъ-краемъ и Зарубами.

(Здѣсь кончается замбровскій уѣздъ и начинается уѣздъ нурскій).

Граничный обводъ продолжали владѣльцы Медуши съ владѣльцами Зарубами отъ угольнаго конца чрезъ ручей *Малиброкъ*, отдѣляющій уѣздъ нурскій, чрезъ поля, засѣянныя Зарубами, до литовскаго имѣнія *Скоринскихъ* и наконецъ самихъ Зарубъ.

Противъ нихъ показывали Зарубы въ сторону княжества отъ ручья *Малиброка* по граничнымъ концамъ (смѣшаннымъ изъ земли и камней) и граничнымъ деревьямъ до угольнаго конца, положеннаго *подъ Ольхой, въ смугъ* (болотѣ).

Разница въ показаніяхъ въ длину около 10 верстъ, въ ширину около 3; въ спорномъ пространствѣ есть поля, засѣянныя Зарубами.

Граничный обводъ продолжали Зарубы (мазовшане) противъ Качинскихъ (литовцевъ) отъ деревни Медушъ чрезъ *Смугъ* и кустарники по двумъ граничнымъ концамъ и 30 большимъ граничнымъ дубамъ, (изъ коихъ нѣкоторые будто-были испорчены Качинскими) по направленію къ деревнѣ *Россохать*, въ сторону *Нура*, гдѣ сходятся ихъ сумежныя границы.

Напротивъ того Качинскіе повели отъ ломжинской дороги близъ д. д. *Старые Зарубы и Кранково* по направленію къ д. *Зарубы Шванковскія Романа* и сошлись съ показаніями *Медушей*.

Разница въ показаніяхъ въ ширину на стадій 20, въ длину на четверть мили.

Далѣе граничный обводъ показывали Нартольты, владѣльцы имѣнія *Россохаты* и Херубины, владѣльцы имѣнія *Дубровы*. Границу между ними составляетъ большая *ломже-цѣхановецкая дорога*, раздѣляющая дер. *Россохаты* по-поламъ, оставляя церковную Дуброву и Долгую Дуброву на сторонѣ княжества, до д. Новой Веси; затѣмъ повели черезъ

поля, болота и лѣсъ до имѣнія Кишки и далѣе по граничной тропѣ, обозначенной копцами и деревьями до угольнаго каменнаго конца, разбросаннаго Кучинскими и составляющаго сводный граничный пунктъ Качинскихъ (литовцевъ), Модзелевскихъ (мазовшанъ) и Дубровскихъ (литовцевъ) съ тѣми и другими; окончили свой обводъ у другаго конца цѣльнаго, а Модзолевскіе нѣсколько далѣе у дуба, на которомъ, по увѣренію послѣднихъ, были когда-то граничные знаки.

Дальнѣйшій обводъ продолжали Кучинскіе, владѣльцы имѣнія *Капланіи* съ Мазовшанами, Синицкими, Годлевскими и Завистами (владѣльцами смежныхъ съ ней деревень) до мазовецкой деревни *Кутилова* и литовской *Лунева*. Граница ихъ шла большею частію по *высоко-цьхановецкой дорогѣ* и чрезъ имѣніе Капланію, противъ чего сильно протестовали Кучинскіе.

Послѣ Завистовъ продолжали обводъ мазовшане Кутиловскіе противъ владѣльцевъ Лунева (литовцевъ) по такой граничной тропѣ, которую Кучинскіе считали своей границей съ имѣніемъ литовскимъ-же Луневомъ; далѣе по границѣ Лунева до имѣнія *Гнатъ* (литовскаго) и *Тринишева* (мазовецкаго) при чемъ указывали граничныя деревья и знаки, которыхъ литовцы не признавали.

Далѣе границы были показаны владѣльцами Тринишскими противъ Гнатъ и Цѣхановца по граничной тропѣ, извѣстной подъ названіемъ *Плозы*; съ ними согласилась и сторона противная.

Но литовскіе владѣльцы имѣнія *Капланіи* (смежные съ мазовецкими владѣльцами Сѣницкими, Годлевскими и Завистами) доказывали, что мазовецкія деревни *Новая Весь*, *Мадели*, *Свянки*, извѣстныя подъ общимъ названіемъ Сѣницы, и половина деревни *Годлева* всегда принадлежали княжеству; что на новой границѣ ихъ поставлены концы лѣтъ 20 тому назадъ; литовцы-же Луневскіе (начиная съ подновленной границы) повели на одну милю по *ломжинской дорогѣ* и 7½ мазовецкихъ деревень причислили къ великому княжеству (именно 4 деревни Кутилово Пизише, 3 деревни Кутилово Скупе и половину Тринишъ) до большаго бора, принадлежащаго городу Цѣхановцу.

Далѣе граничный обводъ со стороны княжества показывалъ Кишка съ другими соучастниками во владѣніи Цѣхановцемъ; со стороны Мазовіи владѣльцы Тринишъ. Они согласно повели сначала по *ломжинской дорогѣ*, свернули затѣмъ на право на граничную тропу, называющуюся *Плозами* и шли этой тропой до королевскаго бора при дер. *Зашковѣ*, смежнаго съ боромъ цѣхановецкимъ. Здѣсь мазовшане Тименскіе съ цѣхановецкими владѣльцами пошли по границѣ Зашкова до мѣста, гдѣ она граничитъ съ деревней послѣднихъ *Казарами*. Но подстароста нурскій Петръ Ходзинскій съ зашковскими старцами протестовалъ противъ такого показанія и повелъ по направленію къ Нурцу, потомъ Нурцомъ и смежными лугами, находящимися въ общемъ спокойномъ

владѣніи; цѣхановцы-же придерживались граничной тропы *Плозовъ*, шли возлѣ самой деревни Зашкова прямо въ Нурецъ и остановились возлѣ мельницы, находящейся въ общемъ пользованіи съ королемъ.

Рѣка Нурецъ течетъ на Западъ и впадаетъ въ Бугъ, который раздѣляетъ оба княжества на разстояніи 3-хъ миль до литовской деревни *Кельчева*; ниже этой деревни Бугъ течетъ уже по Мазовіи; княжество-же отдѣляетъ ручей *Веляча* на разстояніи полумили до варшавской капитульной деревни *Шадовна*.

Отъ капитульной деревни *Колодезя*, смежной съ имѣніемъ *Липками*, начинаются безпокойства. Владѣльцы послѣдней предъявили жалобы на капитульные захваты, сопровождавшіеся самымъ упорнымъ сопротивленіемъ, потому что границу между этими имѣніями должны были составлять не граничные концы, установленные коммиссарами, а ручей *Колодезь*.

Здѣсь же дрогичинскій подстароста Андрей Фальковичъ заявилъ, что р. Бугъ должна составлять границу между княжествами отъ устья Нурца, до устья Ливца; затѣмъ граница должна идти по Ливцу до его истоковъ.

Слѣдующія деревни находятся въ спокойномъ владѣніи, именно со стороны Мазовіи: *Модникъ и Гребиска*, *Сточекъ и Мотыкалы*; со стороны Литвы: городъ *Угоща*, *Козолупы*, *Каленчинъ и Борички*. Они раздѣляются опредѣленными урочищами.

Отъ мазовецкой деревни *Тваровъ* (владѣльцевъ Лаховскихъ) и литовской—*Паплинской воли* (владѣльцевъ Паплинскихъ) опять начинаются разнорѣчія. Паплинскіе повели граничный обводъ по ручью *Линбешъ* къ мельницѣ Лаховскихъ, называющейся *Дижекъ*, потомъ черезъ гать, которую пройти было очень трудно.

Лаховскіе же заявили, что ручей называется не *Линбешъ*, а *Каменка* и повели не на западъ, а на югъ по стоку Линбеша до р. Ливца, потомъ по сторонѣ паплинской мельницы, называющейся *Бѣлый Берегъ*, оставляя ее и поля въ предѣлахъ княжества литовскаго.

Разница въ показаніяхъ въ длину на четверть мили, въ ширину нѣтъ разницы; въ спорномъ пространствѣ находится крупный лѣсъ и мельница Лаховскихъ.

Далѣе идетъ спокойная граница между мазовецкимъ имѣніемъ *Горками* и литовскимъ *Паплиномъ* на протяженіи 10 миль по р. Ливцу до дер. *Бейды*, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ споровъ мелкихъ землевладѣльцевъ, о которыхъ подробности приложены къ реестру пограничныхъ жалобъ.

(Здѣсь начинается уѣздъ Луковскій). Рѣка *Житбна*, впадающая въ р. Ливецъ между *Нивишками* и *Оспольемъ*, отдѣляетъ луковскій уѣздъ отъ ливскаго; *Ливецъ* же составляетъ спокойную границу между княжествами. На этой границѣ расположены мазовецкія имѣнія: *Гопичи*,

Стрьла и Съдлецъ, и литовскія (дорогицкаго уѣзда) *Ходовъ*, *Кремлинъ*, *Боски* и другія. По этой-же рѣкѣ граница пошла на востокъ по крайней мѣрѣ на три мили до имѣнія *Чепелева* (луковскаго уѣзда). Здѣсь были заявлены претензіи противъ троцкой воеводины Елисаветы по поводу разрушенной ею гати на р. Ливцѣ, возлѣ имѣнія Чепелева.

Троцкая же воеводина показала концы, произвольно сдѣланные владѣльцами Чепелева и Вельгоръ-Кримоша (Олецкими) на ея собственной землѣ по той сторонѣ Ливца, и просила ихъ уничтожить; но вышеупомянутые владѣльцы сослались на декретъ луковскаго подкоморія и остались при своемъ показаніи; при чемъ выяснилось, что природное русло Ливца было подвержено сомнѣнію, потому что воеводина указывала его по направленію къ деревнѣ *Радикову-Стопку*, а мазовшане—возлѣ своего имѣнія. Владѣльцы *Радикова-Стопки* и *Корницы* по поводу предъидущихъ разнорѣчій засвидѣтельствовали, что половину рѣки Ливца т. е. половину луговъ и болотъ смежныхъ съ имѣніемъ воеводины *Мордами* они получили еще раньше.

Далѣе граничный обводъ повели обѣ стороны по теченію Ливца до деревни *Бейды*, гдѣ онъ начинается, между мазовецкими деревнями: *Радиковъ Очки*, *Радиковъ Свпшки*, *Перья*, *Пытки*, *Остои*, *Кошновъ*, *Издебки*, *Гузы* и *Собъже* и литовскими: *Воля*, *Яйки*, *Сколимовъ*, *Бейды*, *Климы*, *Давиды*, *Шидловка*, *Ольшанка*, *Пороховка* и *Корчоватка*.

(Здѣсь кончается уѣздъ дорогицкій и начинается уѣздъ мельницкій).

Прошли потомъ черезъ болото *Бъляны*, оставивши мазовецкую деревню *Остои* направо (у которой опять продолжается р. Ливецъ) черезъ длинные луга, общіе между Мазовіей и княжествомъ на протяженіи мили до большой граничной гати, называющейся *Перекопомъ*, а по ней до луково—мельницкой дороги. Въ этомъ мѣстѣ Антоній Собецкій учинилъ большое прекательство.

Отъ Перекопа граничный обводъ продолжали мазовецкіе владѣльцы деревень *Веселой* и *Крещи* противъ литовскихъ деревень *Кожушковъ* и *Лунева*. Они шли чрезъ землю Забрезинскаго, черезъ гать, тянущуюся верстъ 5 и будто составляющую продолженіе *Перекопа*, до ручья Кревицы, а по ручью—до „польской деревни Гроховки“.

Смѣнили ихъ владѣльцы Гроховки и показывали дальнѣйшую границу между ихъ имѣніемъ и литовской деревней *Кримошами* по ручью *Кревицъ*.

Со стороны княжества литовскаго противъ вышеупомянутыхъ владѣльцевъ границу показывалъ междурѣцкій староста Иванъ Чижъ, отъ имени своего довѣрителя, державца междурѣцкаго замка Ивана Горностая, скарбія в. кн. литовскаго и королевскаго маршала. Онъ началъ ее отъ гати *Перекопа* и повелъ къ другой такой же гати (на 5 верстъ) черезъ лѣсъ и показалъ липу съ зарубами, похожими на граничные, потомъ такую-же другую и возлѣ нея камень; далѣе повелъ *къ ручью*

Кревицъ и по ручью до граничнаго конца между мазовецкими деревнями Гроховкой и Высокиниомъ.

Отъ этого конца границу повели мазовшане Высокинскіе Тенчки противъ деревни Кримошичъ отъ р. Кревицы черезъ болотный лѣсъ, называющійся дубовымъ Смугомъ до р. Сѣничи, по р. Сѣничѣ до мазовецкой деревни *Лещанки*. А владѣльцы *Кримошичъ* продлили ее до впаденія Сѣничи въ р. Крсну.

Разница въ граничныхъ показаніяхъ между *Высокиниомъ* (маз.) и *Кримошицами* (лит.) въ ширину на 3 стадіи.

Далѣе, граничный обводъ продолжалъ луковскій подстароста Матіасъ Ивановскій между королевскими имѣніями *Требешевомъ* и *Дубровкой* со стороны Мазовіи и литовскими деревнями *Кримошичами*, *Пощишами* и другими. Онъ началъ отъ малой Крсны, повелъ черезъ болото Смугъ по этой-же рѣкѣ мимо междурѣцкаго замка и предмѣстья; чрезъ гать и мостъ, ведущій къ замковой мельницѣ, опять по Малой Крснѣ до впаденія ея въ Большую Крсну возлѣ другой замковой мельницы. Отъ этой мельницы по Большой Крснѣ до впаденія въ нее р. Коржи, по литовски—*Сошки*, потомъ болотнымъ лугомъ *Бъль*, на которомъ лежатъ два граничныхъ камня надъ самой рѣкой. Отсюда до границы королевской деревни Дубровки съ мазовецкой деревней Тузовомъ и литовскими землями междурѣцкой державы.

Противъ такого обвода со стороны литовскаго княжества показывалъ границы междурѣцкій подстароста Иванъ Чижъ со своими старцами. Онъ началъ ихъ отъ р. Крсны, близь мазовецкой девевни *Лещанки* и литовской *Стрьлковъ*, повелъ по *Перекопу* до граничнаго конца, на которомъ стоитъ Ольха, этимъ-же *Перекопомъ* далѣе, мимо другихъ такихъ же концовъ до полей лещанскихъ и стрѣлковскихъ, гдѣ указалъ замѣтныя ямы, называющіяся глинянками, сдѣланныя съ цѣлью уничтоженія *Перекопа*; далѣе, мимо двухъ граничныхъ липъ, повелъ по большому рву, тянущемуся на 4 стадіи, заявляя, что онъ сдѣланъ для обозначенія границы княжества съ луковскимъ повѣтомъ. Отсюда повелъ въ противоположную сторону, прямо черезъ поля поляковъ Лещинскихъ до Ольховаго лѣса, возлѣ котораго указалъ на замѣтный граничный ровъ; по рву пошелъ чрезъ болотный лѣсъ *Дубовицкій*, въ которомъ показалъ ручей, вытекающій изъ болота „Каня“, прежде обильный водой, а теперь высохшій. Далѣе повелъ чрезъ тотъ же лѣсъ возлѣ королевской деревни *Дубовички*, относящейся къ Лукову. Оставивши ее на лѣво, какъ принадлежавшую прежде къ Литвѣ, именно владѣніямъ Забрезинскаго, пошелъ далѣе по лѣсу на $1^1/_2$ мили до болота *Каня*, въ которомъ есть лугъ королевской деревни Требешова и заявилъ, что сѣно съ этихъ луговъ собиралось прежде междурѣцкимъ замкомъ. Отсюда пошелъ чрезъ лѣсъ до луково—междурѣцкой дороги, проходящей возлѣ луковской деревни *Мошицкихъ* и королевской *Бе-*

рсзовицы. По дорогѣ онъ указалъ во многихъ мѣстахъ рвы, которые прежде составляли *Перекопъ*, указалъ два граничныхъ конца, около которыхъ, по заявленію старцевъ, земля была уступлена Литвѣ, потому что здѣсь польскіе короли, проѣзжавшіе когда-то изъ Лукова въ Междурѣчье, были встрѣчены литовскими сенаторами и вельможами. Потомъ повелъ по тому-же болоту *Каня* и показалъ граничную липу съ тремя замѣтными „*карбами*“, вырубленными Забрезинскимъ для обозначенія бортей; далѣе повелъ по тому же болоту до р. *Крены*, прежде называвшейся *Хоржей*, которая течетъ изъ Лукова въ Междурѣчье; по рѣкѣ пришелъ къ польской деревнѣ *Мошицкихъ*, принадлежавшей прежде къ Междурѣчью и вносившей туда свои подати. (Противъ этого показанія уполномоченный мазовецкихъ владѣльцевъ утверждалъ, что названная деревня *Мошицкихъ* всегда принадлежала луковскому повѣту, а деревня *Мостиска*, называющаяся Коржей, возлѣ Турова причислялась къ Литвѣ, брестскому старостѣ). Отъ спорной деревни *Мостиска* границы повелъ далѣе по р. *Хоржи* до королевской мельницы въ деревнѣ *Куколевницъ*, до другой р. *Соинки* и болота *Соинки*. Середина этого болота составляетъ границу между княжествомъ и короной до королевской деревни *Дубровки*, разграниченной недавно коммисарами съ деревней *Туровомъ*. Здѣсь кончился граничный обводъ съ имѣніями королевскими.

Разница въ граничныхъ показаніяхъ въ длину на 2 мили, въ ширину на 3 мили. Захваты сдѣланы на счетъ земель королевскихъ. На нихъ беззаконно основаны были Забрезинскимъ (вслѣдствіе потаковничества луковскихъ старостъ) слѣдующія деревни: *Стрѣлки*, *Мыси*, *Яблянка*, *Переходы*, предмѣстье *Новое-мѣсто* и замокъ *Междурѣчье*. Между тѣмъ старцы изъ королевскихъ имѣній заявили, что Забрезинскимъ была основана другая деревня *Островъ*, разоренная старостою Феликсомъ Зелинскимъ. На это литовскіе свидѣтели замѣтили, что деревня *Островъ* не была разорена; что въ этомъ обводѣ существуютъ королевскія деревни: *Дубовичка*, *Березовица* и владѣтелей Мостицкихъ—*Мостиско* и *Соколы*, съ принадлежащими къ нимъ боромъ и бортями; *Островъ* же былъ купленъ какимъ то шляхтичемъ Пострихомъ у помѣщиковъ Кримошскихъ; здѣсь онъ выстроилъ было домъ, но потомъ переселился въ деревню *Пощиши* и отсюда ушелъ.

Когда оконченъ былъ граничный обводъ между королевскими имѣніями и Междурѣчьемъ, то дальше продолжали его владѣльцы деревни *Турова*. Они начали его отъ перваго граничнаго конца съ деревней *Дубровкой*, положеннаго въ большомъ болотѣ *Шосуки*, пошли потомъ черезъ самое болото на боръ; здѣсь показали лину, на которой былъ повѣшенъ воръ, крестьянинъ Забрезинскаго, по приговору *копы*. Эта лина стоитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходится граница княжества съ луковскимъ повѣтомъ, ибо таковъ былъ обычай, что на граничныхъ углахъ подобныя злодѣянія наказывались *дыбомъ*. Отсюда повели дальше

на разстояніи $^1/_2$ мили и не показывали никакихъ граничныхъ знаковъ, не смотря на то, что вели по полямъ, засѣяннымъ литовскими крестьянами изъ деревни *Островковъ*; затѣмъ снова указали на два мѣста, избранныя для совершенія казни надъ преступниками изъ короны и княжества по приговорамъ *копныхъ судовъ*. Наконецъ опять пошли къ болоту *Сошукамъ*, признавая его границей, черезъ поля междурѣцкой деревни *Островки* до деревни *Горки* и сказали, что здѣсь граница ихъ имѣнія сходится съ имѣніемъ луковскаго судьи Бартоломея Казановскаго *Съляновымъ* и *Устрѣхомъ*.

На этомъ мѣстѣ между прочимъ спрошены были 4 старца, свидѣтеля изъ королевскихъ крестьянъ, что они скажутъ на счетъ границы? Каждый изъ нихъ отдѣльно отвѣчалъ: „*несправедлива*, потому что названныя выше деревни должны раздѣлять болото Сошуки“.

Съ литовской стороны показывалъ границу противъ деревни Турова междурѣцкій урядникъ Иванъ Чижъ. Онъ повелъ отъ граничнаго конца на болотѣ до другаго; потомъ по рву, называющемуся *Перекопомъ* до турово-воршанской дорожки (изъ Турова въ литовскую деревню *Воршу*).

Дальнѣйшій граничный обводъ между *Островками* (съ литовской стороны) и *Съляновымъ* и *Устрѣхомъ* (съ коронной) продолжалъ тотъ же урядникъ Чижъ. Онъ показывалъ его по серединѣ болота *Темельна* топкимъ болотомъ *Бѣльскомъ* до другаго *Окниска*, гдѣ сходятся границы Литвы и вышеупомянутыхъ имѣній. Противъ него возражалъ луковскій судья Козановскій. Онъ началъ свой обводъ съ другой половины *Бѣльска*, повелъ не къ *Окниску*, а къ угольному концу *Керекъ*, на которомъ стоитъ липа, раздѣляющая имѣнія *Устрѣхъ*, *Браницу* и *Сбелинтово*. Разница въ показаніяхъ на 10 стадій въ ширину.

Отъ конца Керекъ границу повели помѣщики мазовецкіе деревень *Браницы* и *Сбелинтова* черезъ болото *Бѣльско* къ лѣсу *Семитесу*, а черезъ лѣсъ къ мельницѣ воинскаго плебана, гдѣ, по ихъ заявленію, кончается уѣздъ луковскій и начинается люблинскій.

Съ литовской стороны воинскій урядникъ Алексѣй Сума отказался продолжать граничный обводъ на томъ основаніи, что таковой былъ сдѣланъ уже нашими предшественниками три недѣли тому назадъ, именно: варшавскимъ каноникомъ *Матіасомъ Варгантомъ*, королевскимъ секретаремъ *Матвѣемъ Горецкимъ*, литовскимъ маршаломъ *Василіемъ Тышкевичемъ* и королевскимъ секретаремъ *Альбертомъ Нарбортомъ*. При этомъ заявилъ, что началъ свой обводъ отъ болота *Бѣльска*, велъ по этому болоту, потомъ черезъ гать до впаденія р. *Воинки* въ р. *Бранку* и прекратилъ его возлѣ става Лучева, гдѣ кончается уѣздъ Луковскій. Тутъ-же засвидѣтельствовалъ, что конецъ Керекъ есть граничный знакъ между имѣніемъ *Междурѣчьемъ* и *Воиномъ* и лѣсъ, по которому вели Браницкіе, принадлежитъ Воину.

Браницкіе въ свою очередь заявили, что предшествовавшіе коммиссары начали граничную ревизію съ уѣзда люблинскаго, въ которомъ лежитъ одна половина ихъ имѣнія, а другая лежитъ въ уѣздѣ луковскомъ. Заявленіе свое они подтвердили достаточными доказательствами. Четыре свидѣтеля со стороны Браницкихъ удостовѣряли вѣрность показанія своихъ господъ желаніемъ учинить присягу.

Заключеніе. Такимъ образомъ не нашлось ни одного лица, которое бы согласилось вести дальнѣйшій граничный обводъ къ *Парчеву*, потому что это дѣло было уже исполнено предшествующими коммиссарами. Потому и мы отъ изслѣдованія дальнѣйшихъ границъ воздержались.

Данъ въ Браницѣ (луковскаго уѣзда) Feria tertia mensis Augusti, anno Domini 1546 [1]).

Граница Короны и Великаго княжества Литовско-Русскаго.

Отъ Парчева и Воина до Каменца-Подольскаго граничный обводъ совершала другая коммиссія. Дѣйствія свои она начала 3 августа, а окончила 24 октября. По обширности этого журнала мы не имѣемъ возможности привести его въ подробности, а ограничимся только указаніемъ на главнѣйшіе граничные пункты и болѣе выдающіяся столкновенія и захваты литовскихъ земель со стороны Короны.

Коронный. Граничный обводъ начали коронные владѣльцы Браницкіе отъ воинской мельницы мѣстнаго плебана; повели чрезъ воинскія поля и кустарники на 1 милю до 3 граничныхъ концовъ, которые признавали угольными между Парчевомъ [2]) и Воиномъ, Браницкими и Воиномъ, Копейной и Воиномъ. Одинъ изъ нихъ цѣлъ, а другіе будто уничтожены воинцами. При этомъ они заявили, что на эти границы они имѣютъ привиллегію отъ короля Владислава, хранящуюся у копеинскаго земянина Петра. Копеинскій земянинъ по этому поводу лично заявилъ: „дѣйствительно я имѣю привиллегію на свою вотчину, но не Браницкіе и покажу ее, когда настанетъ время“. (Противъ этого показанія возразилъ воинскій врядникъ Сума со своими людьми, что мельница споконъ вѣка воинская, но подарена королемъ воинскому

[1]) Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithvaniae et originalibus exemplis autenticis discripti. Anno 1758. Vilnae. p. 1—33 (Limitis inter R. P. et D. Lithvaniae nec non Prussiae) per Dogel.

[2]) Когда г. Парчевъ былъ отданъ Коронѣ съ достовѣрностью сказать нельзя, по отсутствію документовъ; можно только полагать, что онъ принадлежалъ Литвѣ до 1529 г., потому что до этого времени съ него собирались княжествомъ *Ордынскіе выходы* наравнѣ съ другими литовскими городами. См. Акты З. Россіи, т. II, стр. 205—206

плебану только нѣсколько лѣтъ тому назадъ; что рѣка, на которой она стоитъ называется Воинскою и впадаетъ въ Бронку, что три конца не граничатъ съ короной, а съ литовскимъ-же имѣніемъ Копейной и устроены берестейскимъ старостой Александромъ Ходкевичемъ по распоряженію короля; одинъ изъ нихъ цѣлъ, а два уничтожены судомирскимъ воеводой Точинскимъ, да не только эти два, но и многіе другіе. Панъ судомирскій черезъ своего прокуратора показалъ, что онъ не приказывалъ разсыпать концовъ, а сдѣлали это сами воинцы, при чемъ они уничтожили и много другихъ нарожницъ съ Парчевомъ, о чемъ будетъ указано въ своемъ мѣстѣ. Но противъ этого возразилъ берестейскій подстароста Яцынигъ отъ имени Александра Ходкевича, что дѣйствительно эти три конца сдѣланы были для обозначенія границъ между Воинемъ и Копейной; но парчевскій врядникъ приказалъ ихъ разсыпать). Отъ этихъ трехъ угольныхъ концовъ Браницкіе повели по простой дорогѣ, идущей изъ Воиня къ Глиняному Стоку, и указали 10 концовъ, разсыпанныхъ воинцами между *Сухою Волей* и ихъ имѣніемъ, заявляя, что по обѣ стороны этой границы вся земля коронная. На это пояснилъ воинскій урядникъ *Сума*, что дѣйствительно онъ уничтожилъ ихъ по распоряженію берестейскаго старосты Александра Ходкевича въ исполненіе королевскаго повелѣнія, потому что эти концы были насильственно сдѣланы воеводой судомирскимъ.

Отсюда Браницкіе повели черезъ дуброву къ дорогѣ, идущей отъ нихъ къ Парчеву и показали еще 7 концовъ, разоренныхъ воинцами. И къ этому факту признались послѣдніе, что совершили его три года тому назадъ, во исполненіе той же королевской воли. Здѣсь окончили свои показанія Браницкіе.

Литовскій. Со стороны в. кн. литовскаго урядникъ воинскій со своими свидѣтелями началъ граничный обводъ отъ болота *Бѣльска*, повелъ черезъ луцовъ ставъ, устье Воинки въ Бронку, и по теченію послѣдней до *Городища*. Здѣсь онъ заявилъ, что налѣво — великое княжество, а направо — корона; но самое Городище и всѣ окружныя поля и лѣса принадлежатъ княжеству. (Браницкіе возражали, что это ихъ имѣніе). Отъ Городища повелъ долиной, дорогой и греблей до *Кокорецкаго Ставка* (Браницкіе возражали, что этотъ ставокъ ихъ). Отъ ставка повелъ чрезъ поле и указалъ крестъ, въ воспоминаніе убійства Браницкими трехъ воинскихъ человѣкъ на ихъ собственныхъ воинскихъ поляхъ. (Браницкіе признались въ убійствѣ только одного человѣка). Отъ этого мѣста повели по стоку до дороги, идущей отъ Браницкихъ къ Парчеву, и указали граничный копецъ и граничный дубовый пень на стокѣ, а по дорогѣ — другой копецъ подъ названіемъ урочище *Шадымеръ;* далѣе пошли дорогой до другаго урочища *Бабы „на которомъ собирается копа изъ многихъ селъ короны и княжества“*. (Браницкіе указали на концы по правой сторонѣ дороги, утверждая,

что на право отъ нихъ — *Суховольское*, а налѣво ихъ *Браницкое*; но воиняне отстаивали свое, что на право — коронное, а на лѣво — ихъ воинское великаго княжества литовскаго. Противъ урочища Бабы показывалъ луковскій прокураторъ, что оно принадлежитъ коронѣ, а не княжеству). Отсюда повели воинцы черезъ деревню *Чехоставъ*, объясняя что она осажена 9 лѣтъ тому назадъ Точинскимъ, и показывали свѣжія распашки; къ этому поселку онъ отнялъ у воинцевъ 3 года тому назадъ 70 полуволокъ, отмежованныхъ Ходкевичемъ. Наконецъ повели къ пруду *Фрякантову*, отъ пруда доломъ чрезъ *миляновскіе огороды* до *Божое муки*, отъ Божое муки до *Переровца*. И сказали воинцы *„что въ этомъ мѣстѣ собирается копа изъ княжества и короны польской“*. Наконецъ привели къ границѣ князя Полубенскаго.

Здѣсь встрѣтилъ коммиссаровъ служебникъ князя Полубенскаго со своими свидѣтелями и заявилъ, что здѣсь начинается граница его князя съ воинянами. А урядникъ воинскій заключилъ, что показанная имъ граница отъ *междурѣцкаго* имѣнія черезъ болото *Бѣльско* по всему пройденному имъ пространству, урочищамъ, концамъ и гранямъ есть истинная граница между княжествомъ — на лѣво и короною — на право, и брался подтвердить ее присягой свидѣтелей суграничниковъ, шляхтичей, *„добропѣтнихъ* и *добр госпѣлыхъ“*, а равно и показанія свои относительно порчи граничныхъ знаковъ и граничныхъ обидъ.

Коронный. Судомирскій воевода Янъ Точинскій, ставши возлѣ перваго конца (гдѣ по указанію Браницкихъ было три) заявилъ, что одинъ изъ нихъ есть нарожница съ *Воиномъ*, другой — съ *Браницкими*, а третій *Чехостава съ Копейной*, а село Чехоставъ онъ самъ осадилъ 10 лѣтъ тому назадъ; что граничный обводъ Браницкихъ по дорогѣ отъ нихъ къ Парчеву — вздорный, потому что границу должны составлять рѣки, болота, долы, горы и концы, а не дороги; что на 70 полуволокахъ воинскихъ между граничными концами засѣли люди королевскіе и земянскіе, а онъ захватовъ не дѣлалъ. И повелъ отъ этого конца панъ Точинскій якобы на ¼ мили лѣсомъ и сказалъ: по правой рукѣ коронное, а по лѣвой в. княжества — земянъ копеинскихъ; но никакого граничнаго знака не показывалъ; привелъ потомъ къ концу, будто нарожницѣ между Чехоставомъ и Копейной, и рекъ: *тамъ я велъ, яко зъ уряду моего, а далѣй южъ не веду“*.

(Урядникъ воинскій замѣтилъ, что это конецъ не стародавній, а устроенный 6 лѣтъ тому назадъ, какъ справедливо заявилъ объ этомъ панъ воевода Точинскій). Съ этого мѣста граничный обводъ повели коронные земяне миляновцы и костровцы на сѣверъ черезъ поля копеинцевъ, мимо дворовъ черезъ болото, носящее два названія отъ миляновцевъ—*Миляновскаго* и отъ копеинцевъ—*Ратайска*. Здѣсь они указали на конецъ, будто граничный короны съ княжествомъ (который копеинцы признаютъ своимъ концемъ съ воинцами и имѣютъ такихъ граничныхъ знаковъ много;

эти знаки были положены берестейскимъ старостою Ходковичемъ и старостою мельницкимъ — панамъ Никодимомъ по приказанію короля, въ удостовѣреніе чего и были предъявлены три листа: два королевскихъ и третій коммиссарскій); но вѣрность его отвергъ даже панъ Точинскій, сказавши: „дармо ся миляновскіе и костровскіе въ то вкладаютъ, менятъ собѣ быти тотъ конецъ граничный зъ великимъ князствомъ, а то не есть такъ; але то есть концы промежку Воина и копеинцевъ“. Дальше повели миляновцы и костровцы на четверть мили боромъ и указали на три конца, будто граничные между короной и княжествомъ (а по заявленію воинскаго врядника однородные съ прежними), потомъ черезъ дуброву и боръ на 2 мили до болота *Рудна*. Ставши по срединѣ его, заявили, что по правую руку — корона, а по лѣвую — в. княжество (но урядникъ князя Полубенскаго пояснилъ, что по правую руку — земля князя Полубенскаго, а по лѣвую воинская; коронная-же начинается далѣе; это подтвердилъ и воинскій урядникъ со своими свидѣтелями). Отсюда болотомъ всѣ пошли дальше до Руденецкаго моста по дорогѣ, „бѣгущей изъ *Руденца въ Костровъ*“. Здѣсь урядникъ князя Полубенскаго заявилъ, что по обѣимъ сторонамъ дороги земля его князя, а *„коронной тутъ и вида нѣтъ“*. Затѣмъ привелъ къ греблѣ на р. Ясенкѣ. Вотъ эта рѣчка и дѣлитъ корону съ княжествомъ. Дальше пошли болотомъ Миляновцы и Костровцы налѣво, а урядникъ Полубенскаго направо и каждая сторона утверждала, что идетъ по своей границѣ. Между прочимъ урядникъ князя Полубенскаго указывалъ на старые граничные знаки, уже заросшіе на большихъ деревьяхъ, на дубахъ и ольхахъ. Наконецъ опять всѣ сошлись вмѣстѣ и повели по границѣ *правдивой*, *спокойной* тѣмъ-же болотомъ до берестейско-парчевской дороги, потомъ рѣкою *Ясенкою* до р. *Переволоки*, которая идетъ подъ Парчевъ, а отъ Переволоки, получающей отсюда другое названіе *Пивонеи*, вверхъ до переволоцкихъ земянъ, а отъ этихъ послѣднихъ до земянъ Хмѣлевскихъ (в. княжества и коронныхъ) до пруда, занятаго паномъ Точинскимъ, утверждающимъ, что по лѣвой рукѣ княжество, а по правой — корона.

Литовскій. Обводъ в. княжества началъ берестейскій подстароста Иванъ Яцыничъ отъ пруда (става), сдѣланнаго Точинскимъ къ большой обидѣ княжества, потому что задержалъ рѣку, составляющую границу между государствами. (На это сказалъ Янъ Точинскій: *„мнѣ позволилъ это сдѣлать король“*). При этомъ Яцыничъ положилъ жалобу на Точинскаго, что крестьяне новоосаженныхъ имъ деревень захватили литовскій островъ и производятъ на немъ роспашки. (На это панъ Точинскій сказалъ: *„южъ я не каже черезъ то тамъ уступовать, а мѣйте то ку великому княжеству“*). Далѣе повелъ по р. Пивонеѣ съ господарскими людьми Коденчанами и князя Полубенскаго до болота, раздѣляющаго Корону отъ княжества, именно: *Бондаревъ мѣсъ* направо,

а *Коденскій* и *Русиловскій островъ* налѣво; отсюда къ другому болоту *Гугнину*, надъ которымъ Точинскій осадилъ село 10 лѣтъ тому назадъ. Болото это составляетъ границу Коденчанъ съ Парчевомъ. Отсюда пошелъ къ р. Пивонеѣ, заявляя, что направо идетъ повѣтъ Холмскій—корона, а налѣво до р. Пивонеи в. княжество. При этомъ онъ указалъ на 26 граничныхъ сосенъ, на которыхъ *„старые звѣчистые грани выкажены и выжжены“*; далѣе черезъ Пивонею граница пошла по Холмской землѣ. (На это Точинскій сказалъ, что границею короны онъ считаетъ Пивонею; земли же при граничныхъ деревьяхъ считаетъ забранными *„хлопствомъ“*; король приказалъ ему не допускать такихъ захватовъ и *„ямъ кажу ихъ хлоповъ вышати и тые грани всѣ каже вырубати“* [1]).

Коронный. Отъ Парчевскаго повѣта начинается повѣтъ Холмскій и граничитъ съ повѣтомъ Берестейскимъ въ Гугневскомъ болотѣ, пройдя разстояніе *„яко бы на стреленье къ шапцѣ“*. Здѣсь начинаются „грани“ черезъ боръ къ рѣкѣ Пивонеѣ; отсюда въ долину *Мостище* и ольховый багонъ, отъ багна въ *Кропивку*, отъ Кропивки въ рѣку *Сколотую*, отъ Сколотой въ *Турную* до Андреевскихъ границъ, всего на полторы мили супокойной границы Сосновскихъ съ Коденчанами. Здѣсь возлѣ креста Сосновскіе заявили, что дальше идетъ супокойная граница земянъ „Андреевскихъ (Холмскаго повѣта) съ Коденчанами на полмили до *„Жадова верха“*.

Литовскій. Возлѣ Жадова Верха коденчане заявили, что здѣсь ихъ граница сходится съ одной стороны съ *Володавскимъ* имѣніемъ володимерскаго старосты князя Сангушка, а съ другой—съ имѣніемъ коронныхъ земянъ Холмскаго повѣта *Андреевскихъ*. Коммиссары посылали за послѣдними коронныхъ *„передопьжчихъ* и ждали ихъ три дня; но имъ не угодно было явиться. Граничный обводъ повели коденчане съ имѣніемъ володимерскаго старосты. Они начали отъ Жадова Верха, гдѣ встрѣтилъ коммиссаровъ урядникъ князя Ѳедора Андреевича Сангушка со своими свидѣтелями, пошли болотомъ *Прибораземъ* до колодезя *„на брусскомъ гостинцѣ“* изъ короны въ княжество; потомъ рѣкою Скородницею черезъ лѣсъ до брода *Ульянова*, отъ брода до *Липичъ*. [На этомъ броду встрѣтили коммиссаровъ Андреевскіе и требовали возвращенія

[1]) Браницкіе начали вести границу отъ ставка воинскаго плебана и показывали въ длину на 1 милю; Судомірскій воевода Точинскій на $^1/_4$ мили; Миляновскіе вели до князя Полубенскаго на 3 мили (Точинскій имъ говорилъ, что граница ихъ вздорная); воинскій урядникъ велъ отъ Междурѣчья до границы князя Василія Полубенскаго на 5 миль; разница въ граничныхъ показаніяхъ въ ширину на милю, на полмили, на версту а въ иныхъ мѣстахъ—на *стрѣлянье изъ лука*; граница князя Полубенскаго вездѣ почти супокойливая, есть разногласіе въ болотѣ на $1^1/_2$ версты и на границѣ Переволоцкихъ земянъ до Хмѣлевскихъ 1 миля; между Хмѣлевскими земянами и Коденчанами граница супокойливая до болота Гугнина; здѣсь Точинскій самовольно построилъ на граничной рѣкѣ Пивонеѣ ставъ и отнялъ у Коденчанъ островъ на полмили вдоль и поперекъ.

ихъ къ началу границъ своихъ съ княжествомъ, но не получили согласія; при этомъ заявили, что у нихъ много отнято коронныхъ земель во времена княженія Александра (?)]. Здѣсь граница сошлась съ имѣніемъ коронныхъ земянъ Холмской земли Ганскихъ и пошла далѣе по р. *Скородницѣ* до моста по дорогѣ изъ Сухавы до Калачовъ; далѣе по той же рѣкѣ до впаденія ея въ *Володаву*. Ѣдучи далѣе по рѣкѣ Володавѣ до моста, заявили, что по правой сторонѣ—корона, а по лѣвой—княжество. Здѣсь на мосту урядникъ князя Сангушка брался подтвердить свидѣтельской присягой истинность своего граничнаго обвода. (Андреевскіе же, сопровождавшіе коммиссаровъ, заявили, что по лѣвой рукѣ вся земля ихъ собственная, отнятая володимерскимъ старостой, противъ чего протестовалъ княжескій урядникъ). По *Володавѣ* граница идетъ съ Ганскими на одну милю до впаденія въ нее р. *Лютой*. Отъ р. Лютой начинается граница князя старосты съ коронной земянкой-Крупской и идетъ по Володавѣ до моста, чрезъ который проложена дорога изъ короны въ княжество.

На другой день къ коммиссарамъ явился Холмскій подстароста Станиславъ Зубрицкій и, когда они пришли на мостъ, заявилъ, что онъ строится по поламъ людьми холмскими и берестейскими. Тутъ же урядникъ князя Сангушка пояснилъ, что отецъ его патрона проводилъ уже границы съ земянами крупскими, и предъявилъ документы, изъ которыхъ было видно, что въ случаѣ нарушенія ихъ крупскими, послѣдніе должны лишиться земли на двѣ мили отъ р. *Лютой*, т. е. до прежней границы володавскаго имѣнія. (Урядникъ земянки крупской сказалъ, что онъ не имѣетъ полномочія указывать свои границы; но жалуется на обиды (?). Коммиссары пропустили границу имѣнія Крупской и продолжали дальнѣйшій граничный обводъ отъ пяты имѣнія Уханскихъ съ княземъ Сангушкомъ, т. е. отъ болота *Уюницы*. Изъ этого болота вытекаетъ рѣчка *Уюница*, впадающая въ р. *Снетовку*; отъ Снетовки граница идетъ черезъ большой лѣсъ по копцамъ и гранямъ на деревьяхъ, по болоту (багну) до лѣса и рѣки *Радогощи*. Здѣсь начинается граница князя Головнина. (Урядникъ Уханскихъ засвидѣтельствовалъ, что граница съ володимірскимъ старостою показана вѣрно и супокойливая [1]). Она шла къ *Тименому* лѣсу, оттуда черезъ болото къ *Соломени Гради*, далѣе черезъ рѣку *Дубицкую* въ болото, изъ болота въ *Деревицкій лѣсъ до Серпьевой ямы*, отъ ямы къ *Луцкой дорогѣ*. Показывая эту границу урядникъ князя Головнина показывалъ въ то же время и старые граничные знаки, вырубленные на деревьяхъ. (Урядникъ Уханскихъ заявилъ, что границъ своихъ онъ не

[1]) Протяженіе вышепоказанной границы слѣдующее: отъ Жадова Верха до Липъ 2 мили; отъ Липъ до рѣки Володавы 2 мили; отъ Володавы при впаденіи Лютой до моста 3 мили; отъ моста до подгорья 1 миля; отъ подгорья до Радогощи 2 мили, а всего 10 миль.

знаетъ, но только знаетъ, что эта земля его владѣльцевъ). Протяженіе границы на 2 мили.

Литовскій. На луцкой дорогѣ встрѣтилъ коммиссаровъ панъ Янъ Угровецкій и заявилъ, что староста любомльскій „на королевской послугѣ“, подстароста боленъ, что граница его не соприкасается съ княжествомъ, а только люди изъ Шацка и Свиташа *„зашли его отъ в. княжества“*, и потому границы своей показывать онъ не станетъ. Это дѣло взялъ на себя берестейскій подстароста Иванъ Яцыничъ отъ имени деревни *Олтушковичъ*. Онъ началъ ее отъ березеваго броду, гдѣ княжество сходится съ любомльскимъ повѣтомъ, именно съ имѣніемъ Угровецкихъ; бродомъ до урочища *Тросковыхъ мховъ*; отъ мховъ до болота *Зеленца*, далѣе болотомъ до урочища *Утовки*, боромъ до *каменнаго креста*; отъ креста черезъ лѣски возлѣ ясени, *Закалники* до болота *Небимеховъ* возлѣ озера *Орѣхова*. При этомъ были указаны многочисленные граничные знаки на деревьяхъ, но многіе были уничтожены. Граница шла на протяженіи 2-хъ миль.

Коронный. На луцкой же дорогѣ встрѣтилъ коммиссаровъ и любомльскій подстароста Павелъ Чарноставскій съ земянами Уханскими и заявилъ; „здѣсь урочище Кобылка, отъ котораго идетъ грань до Олтушскаго озера, а отъ Олтушскаго до Орѣховскаго“. При этомъ они повели не по коронной, а по частной границѣ между литовскими деревнями *Олтушемъ и Радешомъ*, которая извѣстна подъ названіемъ *Хрипской*. Она была положена Сенькой Олизаровичемъ въ княженіе Александра, въ подтвержденіе чего и были предъявлены документы. Эта частная граница была положена между многими литовскими деревнями на протяженіи 5 миль до бискупской деревни *Замшанъ*. Но любомльскій подстароста остался при своемъ первомъ показаніи и въ подтвержденіе своихъ словъ указалъ на граничную сосну, подъ которой будто зарыта мотыка. Коммиссарскій осмотръ не нашелъ сосны, а только обгорѣлый пень, не заключавшій никакихъ граничныхъ знаковъ; такъ точно не оказалось подъ нимъ и мотыки. Далѣе любомльскій подстароста повелъ по *Олтушскому озеру* до р. *Орѣховки*, впадающей въ Олтушъ, и заявилъ, что на этой рѣкѣ стоитъ мельница в. княжества, принадлежащая Орѣхову, но на землѣ любомльской.

Литовскій. Берестейскій подстароста заявилъ, что граница, по которой велъ любомльскій подстароста и Уханскіе, есть по обѣимъ сторонамъ в. княжества и оба озера споконъ вѣка принадлежали ему же; рѣчки-же Орѣховки никогда не существовало; это показаніе подтвердилось и коммиссарскимъ осмотромъ. Далѣе повелъ границу отъ урочища *Небимеховъ* на четверть мили до р. *Перевѣски*—между княжествомъ и панами Угровецкими (любомльскіе люди Шатчане заявили, что эта граница отдѣляетъ ихъ отъ земли Угровецкихъ); далѣе р. *Перевѣскою*,

по болоту до урочища *Перевѣсья*[1]). Здѣсь онъ заявилъ вмѣстѣ съ Орѣховскими людьми, что направо земля коронная—любомльская, а налѣво в. княжество и указалъ на дубѣ грани съ обѣихъ сторонъ. (Любомльскій подстароста выразилъ протестъ противъ этой границы). Далѣе повелъ р. *Перевѣскою* до большой граничной сосны; возлѣ нея сказалъ, что рѣка перестаетъ быть границею и идетъ по любомльскому повѣту, а граница тянется по болоту на 12 миль. Во время обозрѣнія этой границы берестейскій подстароста показывалъ на болотныхъ островахъ много граничныхъ концовъ и деревьевъ; велъ же мимо лѣса *Унеча*, черезъ грудъ *Побій-коня* до *Бабьяго* (любомльскій подстароста не соглашался съ такой границей). У Бабьяго Яцыничъ заявилъ, что здѣсь кончается уѣздъ любомльскій и начинается уѣздъ ратенскій между селомъ *Орѣховскимъ* со стороны княжества и *Залѣсскимъ*—со стороны короны. Граница между ними идетъ берегомъ урочища *Пегого* до урочища *Урека*; отъ Урека до болота *Оря*, именно до моста на р. Орѣ, протекающей серединой болота; дальше пошла граница Хотеславская по серединѣ же болота чрезъ *Королевъ мостъ*. (Подстароста ратенскій протестовалъ противъ такого обвода и обѣщалъ показать границу истинную).

Коронный. Со стороны короны любомльскій подстароста продолжалъ граничный обводъ отъ *Орѣховскаго млынка* черезъ болото, дубровы, поля по серединѣ гуменъ орѣховцевъ до *Плѣшивой горы*, не показывая никакихъ граничныхъ знаковъ. Смѣнилъ его подстароста ратенскій Войтѣхъ Свѣтицкій съ людьми Залѣсскими. Онъ заявилъ, что у Плѣшивой горы сходятся три границы: любомльская, ратенская и в. княжества—берестейская. (Берестейскій подстароста Яцыничъ замѣтилъ, что Плѣшивая гора находится въ предѣлахъ в. княжества и на ней есть грани, а граница съ Ратномъ идетъ по болоту, „потому что Ратно и Любомль прежде входили въ составъ княжества и укрѣплены за короной только во времена короля Казиміра Ягеллончика“). И дѣйствительно Свѣтицкій оставилъ ее въ предѣлахъ княжества и повелъ черезъ небольшое болото, на которомъ острова были засѣяны рѣпой людей Орѣховскихъ, потомъ чрезъ дубровы и лѣски возлѣ большаго болота до горы *Бабилецкой „не указывая нигдѣ жадныхъ знаковъ по тымъ мѣстцамъ“*. (Берестейскій подстароста заявилъ, что гора Бабилецкая осталась уже назади, а эта называется *Подмаковищемъ)*. Далѣе повелъ черезъ небольшой долъ, боръ и Иржищи, небольшими горками и *великой грядой* до другой горы, нѣсколько большей. (Берестейскій подстароста заявилъ, что и эта гора не Бабилецкая, но *Гочинская* и составля-

[1]) Обводъ берестейскаго подстароста отъ Березоваго брода до Перевѣсья 3 мили, обводъ коронный отъ Кобылки до Млынка $4^1/_2$ мили; разстояніе между Березовымъ бродомъ и Кобылкой въ ширину въ началѣ на $^1/_2$ мили, потомъ 1 милю, наконецъ все уже на $^1/_4$ мили.

етъ грань селамъ в. княжества Хотеславцамъ и Орѣховцамъ). Далѣе повелъ грядой, лѣсомъ, по краю болота до Лисовой горы и не показывалъ никакихъ граничныхъ знаковъ, кромѣ словеснаго заявленія, *„что по лѣвой рукѣ княжество, а по правой Любомско“*. (Берестейскій подстароста снова заявилъ, что на этой границѣ съ обѣихъ сторонъ в. княжество). Наконецъ панъ Свѣтицкій привелъ къ *Королеву мосту* на р. Орѣ и сказалъ, что границу составляетъ середина болота Оря. (Съ этимъ согласилась и сторона Литовская). Разница въ показаніяхъ только въ ширину на полмили и на четверть мили.

Корон. и Литов. Отъ Королева моста обѣ стороны повели граничный обводъ вмѣстѣ по р. Орю, называя ее супокойливой границей между княжествомъ и Ратномъ до *Сосноваго островка*. Здѣсь обѣ стороны разошлись: коронная пошла налѣво—по предѣламъ в. княжества, а сторона в. княжества пошла направо—по предѣламъ короны.

Обѣ стороны шли къ Дивину на различномъ разстояніи другъ отъ друга на версту, на полмили и на милю. Въ длину эта граница имѣетъ 5 миль, и недоразумѣнія касаются дѣйствительнаго теченія р. Оря, которая въ однихъ мѣстахъ идетъ открыто, а въ другихъ „понуро“.

Литовскій. Берестейскій подстароста Иванъ Яцыничъ вмѣстѣ съ Дивинцами повели граничный обводъ по направленію къ острову *Годеню* по болоту *Орю*, до озера *Берзскаго*, въ которое впадаетъ р. Орь; здѣсь они указали на сосну, въ которой въ трехъ мѣстахъ были уничтожены грани Картелишцами; далѣе привели къ граничному дубу, на которомъ видны были старые знаки въ видѣ крестовъ; далѣе къ урочищу *Залозамъ*, тоже съ граничной липой; отъ липы болотомъ мимо граничныхъ сосенъ до урочища *Бабы* противъ *Дѣдня;* здѣсь тоже указали на граничную сухую сосну, на которой грани были уничтожены Картелишцами. Всего пространства на этой границѣ около двухъ миль. (Ратенскій подстароста протестовалъ противъ такого показанія и считалъ эту границу въ предѣлахъ короны).

Коронный. Эту же границу со стороны короны показывалъ ратенскій староста съ людьми Картелишскими отъ моста на *Перевѣсы* или *Орь* до кривыхъ проходовъ, отъ проходовъ до *Сабичоваго мху*, отъ мху до перекопа, отъ перекопа до р. *Рѣчицы*, до урочища *Дѣдня*, а отъ Дѣдня до *Кривaго Броду*. (Берестейскій подстароста протестовалъ противъ этой границы и заявилъ, что урочище кривой бродъ называется *Межигорами*).

Эта граница тянется въ длину на 2 мили, а въ ширину на 1 милю и менѣе.

Литовскій. Берестейскій подстароста Яцыничъ продолжалъ граничный обводъ съ Дивинцами отъ урочища *Бабы*, среди болота *Хванева*, черезъ кривую ниву, *Борoцкую* гать и *Добрицу* и здѣсь заявилъ, что

дивинская граница съ Самаровскимъ селомъ (ратенскаго уѣзда) кончается и начинается граница Щедрогоская. Далѣе онъ повелъ отъ Добрицы чрезъ урочище *Гончариху*, *Кунево болото*, *Гончаровъ* лѣсъ, островъ *Кіевъ* до угольскихъ *Горицъ* надъ р. *Хоморою* и заявилъ, что дальше идетъ уже граница Углянская (кобринскаго уѣзда). (Ратенскій подстароста выразилъ протестъ противъ этой границы).

Коронный. Далѣе граничный обводъ показывалъ ратенскій подстароста съ людьми Леликовцами, Повѣтянами и Радоставцами отъ урочища *Кривaго брода* по рѣкѣ черезъ плеса *Осмульницу*, *Колоду*, *Городецъ*, *Личковъ* до половины озера *Любаня;* отъ озера пошла рѣчка *Нетеча* до Чалищовское пяты села кобринскаго уѣзда. (На это заявилъ берестейскій подстароста Яцыничъ, что урочище Кривой бродъ называется *Межигорьемъ*, рѣка съ плесами называется *Дивинкой*, а озеро *Дивиномъ*, отчего и самое село называется *Дивинскимъ;* что все пространство, пройденное ратенскимъ подстаростою, есть великое княжество до Чалищовской границы на протяженіи 3-хъ миль; а отъ урочища Бабы до той же границы по обводу княжества на протяженіи 4 миль. Разница въ ширину на 2 мили, на 1 милю и на полмили).

Литовскій. Дальнѣйшій обводъ продолжали люди кобринскаго уѣзда Угляне отъ границы Дивинской; начали его съ болотнаго острова *Горицы*, который считаютъ пятой съ Дивинцами. Отсюда пошли болотомъ до *Сухаго лѣса*, черезъ болотные острова до *Дубина Рѣвича*, отъ Дубина до *Слѣпятища* и наконецъ до пяты села *Осиповскаго*, кобринскаго уѣзда. Во время обвода они показывали граничные знаки на разныхъ деревьяхъ; въ одномъ мѣстѣ на старую пробитую березу, которую называли *„стражемъ своей границы, идущей по серединѣ болота“* (Ратенскій подстароста выразилъ протестъ противъ такого обвода). Въ длину эта граница имѣетъ полторы мили, а въ ширину между обводомъ Углянъ (со стороны княжества) и Повѣтчанъ (со стороны Ратна) на полмили и на версту.

Коронный. Эту же границу показывалъ и Ратенскій подстароста панъ Свѣтицкій съ Повѣтчанами. Онъ повелъ отъ Чалищевской пяты чрезъ урочище *Ранникъ*, *Всухи*, *Пруглибокъ* до р. Волока, гдѣ сходится граница селъ *Осиповскаго*, *Головчинскаго и Татариновичъ*. (На эту границу не соглашался врядникъ городецкій Иванъ съ Углянами; онъ заявилъ: земля, по которой вели ратчане, есть великое княжество, *„бо привели есте до кобринскаго села Челищевичовъ: свою грань отъ Челищевичовъ есте взяли, то все водите кругомъ великаго княжества“*). Далѣе отъ рѣки *Волока* продолжалъ граничный обводъ тотъ же панъ Свѣтицкій съ людьми Радошскими черезъ урочище Кривецъ рѣкою Волокомъ до Витерки, пяты короннаго села *Ветеля*. Со стороны в. княжества сугранічники—Осиповцы, Головчичи, Татариновичи, люди

доктора Андрея, а равно и урядникъ его Бобровницкій, не явились къ коммиссарамъ, не смотря на оффиціальное приглашеніе,—не явились потому, что докторъ Андрей не получалъ на этотъ предметъ королевскаго листа, имѣніями владѣетъ пожизненно, а потому, по ихъ мнѣнію, и не обязанъ показывать своихъ границъ. Эта граница тянется въ длину на полторы мили.

Литовскій. Далѣе граничный обводъ показывалъ земянинъ кобринскій, Гаврило Мархотка по имѣнію своему *Велавлю* отъ пяты Головичовъ; онъ началъ его отъ *Криваго острова*, повелъ черезъ болото по р. *Волоку до Красной дубровы*, до пяты села Суличовскаго, принадлежащаго Павлу Біютивскому. Эта граница супокойливая съ Ратномъ и тянется на 1 милю. Отъ пяты Суличовской повели далѣе люди в. княжества, пинскаго уѣзда, *Суличовцы* по границѣ Ратенскихъ селъ *Радошова и Ветлянъ*; вели р. *шиною* черезъ островъ *Тростянку*, островъ *Дашникъ* до границы села *Ляховичъ*. Граница эта тянется на полмилю съ Ратномъ и супокойливая. Далѣе повели ляховцы между *Батыевомъ* и селищемъ по болоту до острова *Калиновки*; отъ Калиновки по краю *Хмѣлева лѣса*, черезъ *Бѣсовъ лѣсъ*, по краю *Зеленой дубравы* между *точаевомъ* и селищемъ; наконецъ между *Краснымъ и общимъ до Липинъ*, т. е. до пяты *Бѣлинской* села в. княжества. Граница эта тянется на полторы мили и, по заявленію коронной стороны, „супокойливая“, кромѣ небольшаго острова *Дѣдня*.

Отъ урочища Залипья граничный обводъ продолжали Бѣлинцы, люди пинскаго уѣзда „королевое ее милости“, съ селомъ Ратенскимъ Ветелемъ; они повели черезъ великій лѣсъ, островъ *Затученье*, *Заболотье* до границы *Горецкой* князя Александра Чарторыйскаго. Здѣсь они указали на многіе граничные знаки, испорченные во времена пинскаго старосты Ивана Михайловича и возобновленные настоящимъ старостою Петромъ Кирдеемъ по распоряженію королевы. На этотъ актъ ратенскій староста не пріѣзжалъ и его совершала только одна сторона в. княжества. (Староста ратненскій панъ Янъ Свѣтицкій протестовалъ противъ этого обвода и всю землю по границѣ считалъ коронной).

Коронный. Далѣе границу показывалъ ратенскій староста Свѣтицкій съ Ветлянами отъ *Краснаго острова* черезъ *Перекопъ*, островъ *Дѣдинъ*, *Озерище*, *Малееу*, *Веретею*, рѣку *Залькову до Шибенинка* [1]); далѣе ратенская граница пошла съ имѣніемъ пинскаго земянина Полоза черезъ *Сыровъ лѣсъ*, *Костровъ и Заячье* до пяты имѣнія Полоза и села *Горецкаго*, принадлежащаго князю Чарторыйскому. Граница эта тянется въ длину на 3 мили. Противъ этого показанія возражалъ урядникъ старосты Кирдея съ людьми пинскаго уѣзда Ляховцами, Бѣлянами и Глинянами, что коронный обводъ перешелъ далеко за границу

[1]) Мѣсто казни чрезъ повѣшеніе.

княжества, потому что есть два села *„Бѣляны“*; одно изъ нихъ суграничное съ Ветелемъ, а другое въ предѣлахъ княжества. (Обводъ коронный и былъ показанъ по границѣ этого послѣдняго). По обводу княжества эта граница тянется въ длину на полторы мили, а по обводу короны на 3 мили; въ ширину на одну милю и на полторы.

Литовскій. Отъ Заболотья повели Горчане—люди кн. Чарторыйскаго по болоту черезъ урочище *Окриково*, островъ *Липникъ*, между островами *Лядцемъ* (со стороны княжества) и *Старчемъ* (со стороны короны) къ урочищу *Проритицъ* на р. Припети; далѣе *Припетью до Воймина дуба*. При этомъ заявили, что р. Припеть обоими берегами принадлежитъ княжеству и ратенскіе земяне Чирскіе доступа къ ней не имѣютъ. Граница эта идетъ на 3 мили вдоль и „супокойливая“.

Коронный. Со стороны короны границу показывали земяне Чирскіе; они начали ее отъ села *Ветлянъ* и повели по *Припети*, отъ *Селивонова поля* до впаденія въ нее р. *Чири* на протяженіи 1 мили. При этомъ заявляли, что границу составляетъ середина Припети; эта граница нарушалась Чарторыйскимъ, который поставилъ было на Припети мельницу, дважды разрушаемую паномъ Точинскимъ и людьми князя *Городчанами*, занявшими почти всю рѣку подлѣ урочища *Копуръ*. Далѣе повели по стѣнѣ *Ильбежанъ* черезъ урочища, боръ и болото мимо средняго урочища *Добрынина* по направленію къ урочищу *Медвѣдевой головѣ* на 2 мили до ратенской деревни *Глуши*. (Противъ этого показанія протестовали врядники князя Коширскаго, старосты Луцкаго, Ирикъ Сметанка и Тимоѳей Волынецъ, королевскій дворянинъ Образцовъ со многочисленными сельчанами: *Ильбяжцами*, *Деревчанами*, *Быховцами*, *Орокомцами*, *Церянами*, *Любешовцами*, *Ведерцами*, *Льбляна-ми*, *Глушанами*, что сторона коронная показывала свои границы на территоріи в. княжества.

„Правда, что Ратно и Любомль были великое княжество, но я не знаю, какъ они отошли отъ него; поговорите объ этомъ съ его милостью королемъ“, сказалъ имъ панъ Янъ Свѣтицкій.

— „То будетъ вѣдати Богъ, и князи наши, и надѣемся на Бога, ижъ его милость Господарь отчизнъ князей своихъ не отдалитъ“, отвѣтили урядники в. княжества).

Граничный обводъ продолжалъ тотъ-же староста Свѣтицкій. Онъ заявилъ, что отъ *Медвѣдевой головы* идетъ Глушская граница Олехна Скоруты между островами до *Каменя*, т. е. замка князя Андрея Коширскаго на протяженіи полуторы мили. Здѣсь другой Свѣтицкій, Войтѣхъ, заявилъ, что съ этого мѣста начинается граница села его *Ракова лѣса*, *Ильбля* съ половины р. Цыри подъ Каменецкимъ замкомъ. И заѣхалъ онъ въ городѣ Каменцѣ дымовъ 80 или 100, потомъ повелъ рѣкою вверхъ до урочища *Дубровицы* по крайней мѣрѣ на одну милю,

утверждая, что направо Корона, а налѣво—Княжество. (Но въ это время служебникъ Ковельскаго старосты заявилъ, что съ этого мѣста начинается граница села *Нюйна*, „королевое ее милости“ в. княжества: „*Тутъ пану Свѣтицкому съ повѣту Ратенскаго и людемъ его жадного уступу нѣтъ*“. Урядники же князя Коширскаго выразили протестъ противъ показанія Свѣтицкаго, признавая все пространство, пройденное коммиссарами, принадлежностью княжества).

Между тѣмъ Свѣтицкій повелъ граничный обводъ со своими людьми *Ильблянами* противъ королевской деревни *Нюйна*. Онъ началъ отъ урочища *Дубровицы*, возлѣ котораго въ р. Цырь врѣзалась долиной въ лугъ, названный имъ р. *Дмитровкою*, по этому лугу онъ пошелъ черезъ лѣсъ—Урочище *Передлъ*, черезъ озеро *Мочульно*, рѣчку *Голышовку* до р. *Турьи*. Здѣсь онъ заявилъ, что граница его имѣнія кончается, а начинается—королевскаго села Велимицы. (Урядникъ ковельскаго старосты заявилъ, что все пройденное пространство принадлежитъ королевскому селу Нюйну, а рѣчка называется не Дмитровскою, но *Сагожею*). Дальше повели Велимчане противъ Нюйна рѣчкою *Голышовкою* до мельницы Нюевскаго священника; отсюда до рѣчки *Быстрижи* и заявили, что съ этого мѣста идетъ уже граница между ратенскимъ селомъ *Датномъ* и луцкаго владыки *Качиномъ*. (Урядникъ королевое ее милости съ литовскими людьми сказалъ, что земля по всей границѣ, показанной Свѣтицкимъ, всегда принадлежала в. княжеству *со временъ Витовта;* что Быстрижа рѣка составляетъ границу между Нюйномъ и Качиномъ, входящими въ предѣлы княжества и „*Ратенскаго тутъ ничого нѣтъ*“. Это же подтвердили и Качинцы). Далѣе повели Датновцы, люди села Ратенскаго, отъ *Быстрижи черезъ Матеевъ островъ* до р. *Сыновки*; но Качинцы заявили, что эта земля находится въ ихъ „*звѣчистомъ, спокойномъ владѣніи со временъ в. князя Витовта*“.

Вся пройденная граница отъ урочища Дубровицы до р. Сыновки тянется на 5 миль.

Отъ рѣки *Турьи* границу показывали ратенскіе Сыновцы противъ Мельцовъ и Сыновцовъ, людей володимерскаго старосты, Ѳедора Андреевича Сангушка. Они повели рѣкою *Сыновкою* до озера *Сынова*, отъ озера р. *Мокрою* черезъ болото *Осечно* до озера *Песечна*; смѣнили ихъ ратненцы *Замшане* противъ селъ володимерскаго старосты Сереховичъ и *Грабовки*; они повели рѣкою *Студенкою* до впаденія ея въ рѣку Вижву.

Отъ р. Турьи до р. Вижвы граница тянется на 3 мили. (На это урядникъ князя Ѳедора Андреевича Сангушки заявилъ, что все протяженіе границы отъ р. Турьи до Вижвы есть великое княжество, собственное владѣніе его князя Ѳедора, имѣющее „*Судеревъ*“ съ королевскими селами *Облапами, Секунцами, Гридчанами и Городишскими боярами;*

что село *Замошье и Василькы*, равно какъ и многія другія осажены во времена Казиміра и Александра: „*бо замокъ Ратенъ былъ великаго князства, якожъ часу потребы панове наши будутъ о то мовити, яко давно зашло*“).

Коронный. Далѣе граничный обводъ продолжалъ ратненскій староста Янъ Свѣтицкій между Ратенскимъ селомъ *Глуховомъ* и великаго княжества *Вижвой*. Онъ повелъ черезъ р. *Вижву* Смугою, которую называлъ рѣчкою *Березовкою* (хотя и не было въ ней воды) до вижворатенской дороги; здѣсь онъ встрѣтилъ любомльскаго врядника съ кремнянами и заявилъ, что по той сторонѣ дороги—общая земля любомльская и ратненская кремнянъ. Затѣмъ оба коронные урядника повели Смугою *Березовкою* черезъ болото *Чавли* до *Святаго озера*, отъ озера черезъ лѣсъ *Остъ, по грядъ до горы Теремца*. За Теремцомъ идетъ уже граница любомльскихъ земянъ Обрамовичей. Пространство пройденное коммиссарами тянется на 2 мили. Коронные урядники показывали на немъ многія граничныя деревья, будто испорченныя Вижовцами съ того времени, когда князь Ковельскій продалъ это имѣніе королевѣ. (Противъ этихъ показаній протестовалъ Петръ Семашко отъ имени брата своего Богдана, ковельскаго старосты, что граница эта показана совершенно не вѣрно, потому что Вижовцы „*яко памяти ихъ займутъ и предковъ ихъ*“ всегда владѣли этими урочищами и землями до настоящей поры. Граничные же знаки, будто испорченные ими, были сдѣланы княземъ Сендюшкомъ, который держалъ Ковель, Ратенъ и Любомль и Вижву; онъ сдѣлалъ ихъ между Вижвой и другими своими имѣніями для обозначенія „*лововъ, уходовъ и пашенъ: бо тое Ратно и Любомль отняли ку Корунъ за Казиміра короля. И я хочу Вашу милость*, заключилъ онъ, *по тымъ гранямъ повести, которые дѣлятъ Ратенъ съ Ковлемъ и Вижвою*“).

Литовскій. Противъ короннаго обвода со стороны в. княжества границу показывали урядники князя Андрея Михайловича Сангушка Коширскаго—старосты луцкаго со многочисленными крестьянами: Ильбизцами, Деревчанами, Быховцами, Орокомцами, Любешовцами, Ведерцами, Льблянами и Глушанами. Ставши на урочищѣ *Войминъ Дубъ*, они заявили, что вверхъ по Припети по правой рукѣ—*Горецкое*, князя Чарторыйскаго, а по лѣвой—тоже великаго княжества—*Цырское*. Земяне цырскіе со своими крестьянами „заложилися ку повѣту ратенскому за короля его милости Казиміра; они владѣютъ только одной десятой земли и угодій, а наши люди цырскіе всегда служили княжеству; границу же княжества съ короной составляетъ *Пинскъ и Ратно*“. Отъ впаденія р. Прорытицы въ Припеть эта граница прежде всего идетъ по Припети мимо урочищъ *Липова острова, Брыщова острова, Лысой горы до Косова берега*, оставляя направо Ветляны и Щедрогощи—села Ратенскія, а на лѣво—великое княжество. Въ этомъ обводѣ, начиная

отъ временъ Казимира до временъ Сигизмунда Стараго, изъ Ратна были осажены на землѣ в. княжества слѣдующія села: *Щитинъ*, *Черниче*, *Ильбле*, *Раковъ лѣсъ*, *Бузаки*, *Михновичи*, *Глуша и Борки*. Вотъ почему ратенскіе люди вырубаютъ много бортныхъ деревьевъ на землѣ княжества и *„кладутъ свои знамена“*. Эта граница по Припети тянется на 6 миль.

У Косова берега перешли р. Припеть по мосту. Ставши на томъ берегу, тѣже урядники со своими людьми заявили, что эта же р. Припеть составляетъ и дальнѣйшую „стародавную“ границу Пинска и Ратна. Здѣсь же урядники „королевое ее милости“ Насонъ и Андрей съ людьми Хотѣшовскими сказали, что съ лѣвой ихъ стороны въ Припеть впадаетъ р. *Турья* [1]) изъ подъ Ковля; эта послѣдняя отдѣляетъ имѣнія князя Коширскаго (направо) отъ имѣній королевы (на лѣво); но панъ Янъ Свѣтицкій выстроилъ на ней мельницу подъ своимъ дворомъ Щитиномъ къ великой кривдѣ княжества. (Свѣтицкій заявилъ, что земля по теченію Припети и Турья принадлежитъ Ратну, такъ точно и королевскія имѣнія считаются въ ратненскомъ повѣтѣ).

И повели королевскіе врядники рѣкою Припетью къ урочищу *Солнечкову селищу*, заявляя, что по правой рукѣ земля князя Коширскаго, а по лѣвой—Королевой ее милости; Солнечково же селище есть островъ королевскихъ людей села Хотѣшова; они спокойно пользуются имъ со временъ „Витовта и Швитригайла“, хотя онъ и причисленъ къ ратненскому повѣту. (Янъ Свѣтицкій сказалъ: этотъ островъ есть моя *„дѣдизна“*; правда что на немъ жилъ когда-то *Солнечко*, но потомъ онъ пересталъ служить Ратну и островъ отъ него былъ отнятъ).

Отъ Солнечкова острова повели тѣ-же урядники *Яровымъ* болотомъ мимо озера *Святаго* (оставивъ его на лѣво) до другаго озера *Островья*, заявляя, что одна половина его принадлежитъ королевѣ, а другая Яну Свѣтицкому. (Свѣтицкій сказалъ, что урядники вели назадъ по его имѣнію *Щитину* къ другому имѣнію *Невѣрову*, которое расположено надъ озеромъ Островьемъ). Ставши на краю озера Островья, урядники заявили, что дальнѣйшая граница идетъ по *болоту Островью* до *озера Орѣховскаго*. Свѣтицкій всю эту землю причислялъ къ Ратну до королевскаго села *Щедрогощи* и проѣхавши съ четверть мили, сказалъ: „вотъ уже земля *Щедрогошская* налѣво, *Радостовская* направо“; но урядники замѣтили, что тутъ нѣтъ этой земли, а все тянется королевская земля—*Хотѣшовская* до озера Орѣхова. И пошли по берегу озера Орѣховскаго, оставивши самое озеро направо, а Хотѣшовскую землю налѣво; потомъ болотомъ до р. *Щучьей* и сказали: „здѣсь уже кончается земля Хотѣшовская и начинается рѣчицкое имѣніе князя

[1]) Обводъ шелъ противъ теченія рѣки, слѣдовательно Турья должна впадать съ правой стороны рѣки Припети.

Андрея Коширскаго“. Смѣнили ихъ урядники князя Андрея Коширскаго съ людьми рѣчицкими и повели рѣкою *Щучьей* до рѣки *Вязовни*, потомъ берегами озеръ *Тесоболя и Мшанаго* до *Конищъ* (ратенскихъ пановъ); отъ Конищъ до *Залубицкихъ мостовъ* и наконецъ къ Припети. При этомъ они заявили, что хотя пройденное пространство и причислено къ Ратну, но составляетъ собственность великаго княжества со временъ Витовта, и королевскія села *Щедрогощи* и *Комарово* лежатъ на землѣ княжества, подвергающейся частымъ нападеніямъ и насиліямъ со стороны короны. Далѣе пошли рѣкою Припетью до моста на *р. Вижвѣ* и сказали: „здѣсь кончается граница князя Коширскаго, его рѣчицкаго имѣнія; направо отъ этого моста Ратно, а налѣво—в. княжество“. (Свѣтицкій остался при своемъ первомъ показаніи). Отъ Косова берега до моста на р. Вижвѣ граница имѣетъ въ длину 5 миль, а въ ширину разница между обводомъ короннымъ на 3 мили, въ иныхъ мѣстахъ менѣе, въ другихъ—болѣе 3 миль. Отъ моста на *р. Вижвѣ* обводъ продолжали урядникъ королевскій и володимерскаго старосты князя Ѳедора Андреевича со своими многочисленными людьми изъ 8 селъ; они повели вверхъ по *Вижвѣ* на полторы мили до впаденія въ нее р. *Хочевы*, заявляя, что направо отъ Вижвы—Ратно, а налѣво—в. княжество; за рѣкой же Хочевой вся земля принадлежитъ королевскимъ селамъ *Городищанъ*, *Гридьковцевъ* и *Секунцовъ*. Тутъ же Петръ Семашко отъ имени своего брата ковельскаго старосты съ Вижевскими людьми продолжалъ свою границу съ ратенскимъ селомъ *Глуховомъ* и во многихъ мѣстахъ указывалъ на граничныя деревья, испорченныя Глуховцами, что было въ свое время освидѣтельствовано *„вижами“* изъ Луцка и Володимера. (Противъ этого обвода протестовалъ Войтехъ Свѣтицкій, утверждая, что показанная граница идетъ по землѣ Глушской). Онъ велъ немного по Вижвѣ, черезъ *урочище Колодину*, рѣчкою *Колодиною* до урочища *“Лядскихъ Бервъ“*, на которомъ стоитъ ясень съ граничными крестами. На этомъ пространствѣ во многихъ мѣстахъ небольшія поля были засѣяны рѣпой Глуховскихъ людей; хотя послѣдніе и заявили, что эта граница ихъ съ *Дубичанами и Кремнянами*, но Вижовцы отвергали ее и повели по испорченнымъ гранямъ далѣе до урочища *Липинъ* и указали между двумя большими ольхами большой граничный камень между землей *Вижовцевъ и Дубичанъ*. (Панъ Свѣтицкій заявилъ, что по обѣимъ сторонамъ показанной границы лежитъ земля ратненская—дубичанская). Семашко, отвергая это заявленіе, повелъ далѣе рѣкою, вытекающею изъ *Колодинъ* мимо *Холопина лѣса* черезъ поля и *Кошары* (названіе отъ рыболовнаго коша) до вижево-дубичанской дороги; перешелъ черезъ дорогу по направленію къ *Лютому лѣсу*, и повелъ далѣе черезъ поля, отнятыя у *Вижовцевъ* Кремнянами (послѣдніе сознались, что на этихъ поляхъ у нихъ забирали скотъ Вижевцы) рѣкою *Лютою* до урочища *Теремца*.

На этомъ пространствѣ были указаны во многихъ мѣстахъ граничные дубы съ цѣльными и испорченными граничными знаками; были указаны многія поля, захваченныя людьми коронными и обсѣмененныя.

Разница между короннымъ обводомъ и в. княжества оказалась очень значительная: коронный обводъ имѣетъ въ длину 16 миль, в. княжества 17 миль; въ ширину на 10, на 5, на 2 мили и менѣе. Въ спорномъ пространствѣ находятся на ратенской землѣ слѣдующія в. княжескія села: *Цыри*, *Борки*, *Глуша*, *Щедрогощь*, *Щитинъ*, *Черпче*, *Бузаки*, *Раковъ лѣсъ*, *Михновичи*, *Ильбле*, *Велимче*, *Поступле*, *Замшане*, *Датынья и Васильки*; на литовской землѣ, по заявленію Свѣтицкаго, осажены слѣдующія ратенскія села: *Цыри*, *Глушка*, *Ведеръ*, *Ильбле*, *Лохвичи*, *Хотѣшовъ и Мостища*.

Коронный. Съ урочища Теремца коронный обводъ продолжали любомльскіе земяне Городецкіе; они вели рѣкою *Лютою* внизъ до впаденія ея въ *Вижву*, потомъ Вижвою до р. *Оходной*, по этой послѣдней вверхъ до горы *Кремяной*, ихъ смѣнили здѣсь любомльскіе же земяне Грабинскіе и Окунинскіе и повели большою дорогою изъ Берестья въ Володимеръ, заявивъ, что эта дорога есть ихъ граница съ селами в. княжества *Видютемъ и Смединомъ;* потомъ привели къ урочищу *Черниу* по рѣкѣ *Чернчь* и пройдя четверть мили повернули съ большой дороги налѣво по проселочной дорогѣ къ *Паридубамъ* (в. княжества); не доходя до самого села, пошли черезъ его поля, сѣножати и перелѣски и вышли снова на ту же большую дорогу и здѣсь остановились; ихъ смѣнили тоже любомльскіе земяне Стокорскіе (противъ деревни в.-кн. *Сомина*) и сошли съ большой дороги *(Витовта гостинца)* на дорожку, идущую изъ *Перевалъ къ Лукову* и сказали, что здѣсь „пришла граница Грабинскаго у потоку“. (Панъ Сѣмашко противъ этого послѣдняго показанія заявилъ, что пройденное коммиссарами пространство принадлежитъ в. княжескому, королевскому селу *Паридубамъ*).

Литовскій. Противъ этого обвода со стороны в. княжества границы показывалъ Петръ Сѣмашко: „я говорилъ еще въ субботу, началъ онъ, что между вижовскими королевскими имѣніями нѣтъ границы съ короною, потому что Ратно и Любомль были великое княжество и отчизна князей Сендюшковичей, а отошли они къ коронѣ только во времена Казиміра, что будетъ обнаружено въ свое время. Теперь же я стану показывать границы только между землей королевской и любомльскихъ земянъ“.

Отъ урочища *Теремца* по р. *Лютой* до впаденія ея въ *Вижву*, р. Вижвой до впаденія въ нее р. *Оходной* идетъ спокойная граница съ земянами Городенскими (любомльскаго повѣта); далѣе она тянется черезъ урочище *Ловы*, охотничій дворъ кн. *Сангушка*, *Мостище*, *Корнино*, *Чорное*, *Плеса* до впаденія въ Вижву рѣки Чорной; отсюда вверхъ

черезъ *Соломени* по р. Чернчѣ къ большой берестейско-володимерской дорогѣ; далѣе дорогою черезъ сельцо *Стахоры* (земянъ любомльскихъ) на бродъ.

Протяженіе этой границы въ длину имѣетъ 4 мили (по заявленію обѣихъ сторонъ), а въ ширину разница на 1 милю. Далѣе границу показывали люди „королевое ее милости“ *Соминцы*. Они оставили великую дорогу на-лѣво, а сами пошли на право черезъ поля „якобы на одно стрѣлянье изъ лука“ къ болоту; по серединѣ его они заявили, что граница ихъ Соминская налѣво, а направо половина любомльскаго села *Лукова*; отсюда повели черезъ *Ольховъ лазъ* и *Дорошинъ лѣсъ*; выйдя изъ лѣса „якобы на два стрѣлянье изъ лука“ привели къ двумъ озерамъ: направо земянъ окунинскихъ (любомльскаго повѣта), а налѣво людей Соминскихъ (великаго княжества); отсюда по р. *Рудкѣ* до лѣса *Лазища*, заявляя, что направо земля пана Свѣтицкаго Трушков: ская, а на лѣво Соминская; далѣе повели черезъ лѣсъ по границѣ Каспора Новосельскаго (любомльской) направо и Соминской (в. княжества) налѣво; отъ лѣса *Лазища* повели до другаго *Серебова*, смежнаго съ *Перевальскимъ* имѣніемъ Свѣтицкаго, наконецъ мимо *Окуньяго* болота и Коршакова дуба до *Самино-перевальской* дороги и сказали, что здѣсь начинается уже граница *Торговицкая* князя старосты Володимерскаго. Протяженіе этой границы имѣетъ въ длину полторы мили (Свѣтицкій протестовалъ со своими земянами противъ этого обвода и всю землю считалъ своей собственной).

Коронный. Со стороны короны граничный обводъ показывали земяне: Грабинскій съ людьми своего села *Лукова* (на полмили), Окунинскіе (на одну милю) и наконецъ панъ Свѣтицкій.

Коммиссары великаго княжества по поводу этого обвода заявили *„а по тымъ границамъ мы сами не ходили; чотыри дни есьмо товарищовъ своихъ ждали, хотячи по границамъ ѣхати; оны въ пана Свѣтицкаго мѣшкали; потомъ олижъ шостого дня списки намъ прислали“* [1]).

Литовскій. На Сомино-перевальской дорогѣ у Коршакова дуба встрѣтилъ коммиссаровъ урядникъ князя Ѳеодора Андреевича Сангушка Богданъ Голимонтъ съ Торговицкими людьми и сказалъ: „здѣсь коронной границы нѣтъ, потому что Ратно и Любомль были князей нашихъ Сендюшковичей, какъ объ этомъ его милость въ свое время молчать не станетъ; а что касается границы между селами, то я укажу ихъ“. И повелъ онъ коммиссаровъ къ вѣтряной мельницѣ, возлѣ которой поставлена капличка (часовня) два года тому назадъ на княжеской землѣ; отсюда *Волческимъ* болотомъ къ *Мошенскому* лѣсу и наконецъ къ дорогѣ, идущей изъ Перевалъ къ Туричанамъ; по правую руку этого

[1]) Мы не приводимъ здѣсь подробностей этихъ списковъ, потому что они не имѣютъ юридическаго значенія.

обвода—корона, а по лѣвую—в. княжество; протяженіе его на одну милю. (Свѣтицкій сказалъ, что все пройденное Голимонтомъ пространство есть его собственная Перевальская земля).

Коронный. Со стороны Короны граничный обводъ продолжалъ панъ Янъ Свѣтицкій между своимъ *Перевальскимъ* имѣніемъ и селомъ князя Курцевича *Туричиномъ*. Онъ началъ отъ озера *Святаго* и говорилъ, что долиной должна вытекать изъ него рѣчка *Романиха*, а граница идетъ до р. Турьи, отъ *Турьи* до р. *Турки*, на этой послѣдней „збудованъ“ ставъ *Вопиханка*; отъ става вверхъ по р. *Глубочицѣ* черезъ лѣсъ *Зяблю* до острова *Бартоша* (князья Курцевичи Богданъ и Михайло заявили, что все это ихъ собственная земля; а кгды будетъ того часъ, будемъ умѣть и зъ Свѣтицкимъ о то мовити“).

Литовскій. Съ перевало-туричанской дороги обводъ приняли со стороны княжества князья Курцевичи и показывали границы между своимъ имѣніемъ *Туричанами и Переваломъ* Свѣтицкаго. Они вели возлѣ Святаго озера по граничнымъ концамъ *грядою* до става *Хотеновичъ*, потомъ *Чистою стругою* въ *Чорную Воду*. Здѣсь передали обводъ Овлучемскимъ; объ обидахъ не заявляли. Протяженіе его на полмили.

Коронный. Границу свою съ земянами Овлучинскими: Андреемъ, Иваномъ и Юрьемъ Гнѣвошевичами показывалъ со стороны Короны Янъ Свѣтицкій. Онъ началъ ее отъ *Королева болота*, повелъ по р. *Глубочицѣ* до лѣса *Тишина*, далѣе, тою же рѣкою до острова *Жукова* и *Обидова* и передалъ дальнѣйшій обводъ Любомльскимъ земянамъ Олѣскимъ. (Овлучинскіе заявили, что эта граница совершенно невѣрная). Олѣскіе повели далѣе отъ урочища *Потымья* черезъ болота, *Лютый* лѣсъ, бродъ *Неретце* до *Городища* надъ озеромъ; отсюда серединой озера *Неретуя*, потомъ черезъ болота и лѣсъ *Мышокъ* до р. Домашней; отъ рѣки до урочища *Перекрестья* на володимерскомъ гостинцѣ; отсюда черезъ *гряду до Качанова* ставка и передали дальнѣйшій обводъ владѣльцамъ городельскихъ селъ: *Стеширита и Заболотья*. (Овлучинскіе земяне заявили, что все пройденное Олѣскими пространство есть ихъ собственная земля; „но они насиліемъ вытѣсняютъ изъ нея насъ и нашихъ людей, производятъ разбои, грабежи, отнимаютъ скотъ и пчелиныя борти, жито и разный хлѣбъ; вообще они во время нашего малолѣтства причинили убытковъ на 800 *копъ* грошей“).

Литовскій. Со стороны Литвы граничный обводъ продолжали Гнѣвошевичи, владѣльцы Овлучинскіе. Они повели *чистымъ болотомъ* отъ урочища *Чорной воды* до *Жукова ставка* (возлѣ котораго кончается граница Свѣтицкаго и начинается граница Олѣскихъ); отъ ставка р. *Чорною водою* черезъ *Чортовъ лѣсъ* до ставища; здѣсь заявили, что любомльскій земянинъ Олѣскій 10 лѣтъ тому назадъ осадилъ на ихъ землѣ своихъ людей; отъ ставища черезъ *Тешовъ* лѣсъ налѣво, мимо 3хъ концовъ до урочища *Вьюницъ* на р. *Невъдомкѣ*; далѣе рѣкою

Библиотека Пражской Духовной Академии

мимо *Ставрова лѣса* до озера *Невъдомки*; здѣсь заявили, что начинается Стережицкая граница городельскаго повѣта; отсюда повели „багнами“ мимо *Банилова* лѣса черезъ болото *Паровищу* до границы *Пузовской*. Протяженіе всей границы на 3½ мили; а земянъ Любомльскихъ на 4; въ ширину разница на 2 и на 1 мили.

Сюда явился урядникъ Володимерскаго епископа Геннадія и заявилъ, что имѣніе городельскаго повѣта *Стережицы* (на этой сторонѣ Буга), отстоящее отъ города въ двухъ миляхъ, принадлежитъ Володимерской церкви Пречистой Богородицы; но отнято белзскимъ воеводою Крупскимъ, не смотря на то, что епископъ имѣетъ на правовладѣнія имъ листы и твердости „и часу своего то хоче оказати“.

Литовскій. У Паровца границу приняли другіе Овлучемскіе: Богушъ, Тимошъ и Ѳедоръ, владѣльцы *Пузова* (володимерскаго повѣта); они повели по границѣ *Пузова* и Стережицы черезъ *Песчаный бродъ*, ставище, *край гряды*, урочище *Льски и самотешъ* до Стережицко-володимерской дороги, гдѣ начинается Устилужская граница, и между прочимъ *Ѳедоровскаго* имѣнія володимерскаго владыки. Протяженіе ея вдоль на 1 милю, поперекъ на полмили.

Далѣе граничный обводъ продолжалъ урядникъ князя Александра Вишневскаго Михайло Котовичъ между *Стережицами* (имѣніемъ коронным) и *Устилугомъ* (княжества). При этомъ онъ заявилъ, что Стережицы принадлежатъ володимерской церкви Пречистой Богородицы, но недавно отняты „гвалтомъ“ Крупскими. И повелъ онъ отъ *Пузовской гребли* чрезъ *Волчьи броды* серединой р. *Выдровицы* до городельско-володимерской границы, потомъ черезъ *Буг*ъ къ тополю до сосноваго „*полая*“, затѣмъ черезъ *Красную гору* до границы другаго княжескаго села *Езовскаго*. При этомъ было заявлено, что Стережицко-володимерская дорога лежитъ на землѣ Пузовской. Протяженіе этой границы равно 2-мъ милямъ.

Коронный. Коронная граница городельскаго староства показана отъ урочища *Ставрова*, мимо *Невъдомскаго озера* черезъ болота и лѣса, дорогу (признаваемую грядой), *Кочанъ-Ставокъ*, урочища *Чернцы*, *Городище*, *Королевское становище*, *Годень*, черезъ дорогу, поля, озеро Малеево, Бугъ, черезъ болота и урочище *Каменное* до Стрижевской границы.

На этихъ границахъ коммиссары не были и показаній не провѣряли. Но земяне Овлучемскіе и Пузовскіе, урядники князя Вишневскаго и другіе сугранічники заявили, что „всѣ грани и урочища есть у великомъ князствѣ и кгрунтъ отчизна наша и зъ вѣку великое князство. Коли будетъ часъ тотъ, ясне то оповѣмы и доводомъ слушнымъ ведлѣ бычаю права подпереги хочемъ“ [1]).

[1]) Протяженіе этой границы не обозначено.

Литовскій. Со стороны в. княжества дальнѣйшій обводъ продолжали разные урядники пограничныхъ имѣній: сначала урядникъ князя Вишневскаго отъ урочища *Красной горы* до *Савина рва* на Бугѣ, между имѣніемъ своего князя *Езовскимъ* и имѣніемъ Свѣтицкаго *Стрижами* на 1½ версты въ длину и полмили въ ширину; потомъ урядникъ земянина Щаснаго Львовича отъ *Савина Рва* по Бугу до имѣнія *Лудинскаго* Котовича и Крупскаго между своимъ имѣніемъ *Чернейками* и имѣніями Свѣтицкаго—*Гусиномъ*; наконецъ владѣльцы имѣнія Лудинскаго (Котовичъ и Крупскій) между своимъ Лудинскимъ имѣніемъ и короннымъ *Гусинскимъ и Городецкимъ* до урочища *Чорной Лозы*, до границы Володимерскаго владыки *Боженя и Крылова*. Всего протяженія имѣетъ эта граница 3 мили и 1½ версты; въ ширину на полмили и на ¼ мили. Во время граничнаго обвода урядникъ кн. Вишневскаго заявилъ, что Свѣтицкій гвалтомъ уступуетъ и забираетъ сѣножати у князя бискупа луцкаго; владѣльцы имѣнія Лудинскаго заявили, что на ихъ землѣ Грубешовскій староста панъ Дубинскій осадилъ село *Путневу волю;* на пространствѣ-же отъ урочища Чорной лозы до Боженки и Крылова „ляхами“ отняты села володимерскаго повѣта: *Михалъ, Поромово, Кречевъ и Ясенево*; независимо отъ этого городецкіе владѣльцы Петровскіе и Османскіе причиняютъ имъ „бои, гвалты и грабежи на многихъ мѣстахъ“.

Коронный. Со стороны короны встрѣчный граничный обводъ показывали владѣльцы городельскаго повѣта Свѣтицкій, Петровскіе и Османскіе. Первый повелъ границу своего имѣнія *Стрижей съ Езовскимъ* имѣніемъ князя Вишневскаго, *Чернейскимъ,* имѣніемъ Щаснаго Львовича и *Лудинскимъ*—Котовича и Крупскаго; началъ отъ Колодезя, потомъ повелъ черезъ урочище *Бакачъ* до Буга, далѣе р. *Бугомъ* на полмили до *Чернейкова*, затѣмъ черезъ урочище *Рудки*, *Могилы* до урочища *Глубины*, наконецъ чрезъ урочище *Дѣвіи Горы* и поля до озера *Веренемиша* и передалъ обводъ Петровскимъ и Османскимъ; протяженіе этого обвода на 2 мили. (Владѣльцы Лудинскіе заявили, что граница ихъ есть р. Бугъ). Принявши отъ Свѣтицкаго обводъ, Петровскіе и Османскіе продолжали его между своимъ имѣніемъ *Городецкимъ* и *Лудинскимъ* вел. княжества отъ урочища *Рва* черезъ урочище *Глубокую долину*, черезъ поля и дубровы *Кочаную могилу* и *Раково озеро* до Буга, всего на 1 милю въ длину и полмили въ ширину. (Тѣ же владѣльцы Лудинскіе заявили, что граница ихъ есть Бугъ, а коронные земяне показывали свою границу на ихъ собственной землѣ).

Возлѣ урочища Чорной лозы встрѣтилъ коммисаровъ урядникъ королевы Боны и отъ имени Володимерскаго епископа Геннадія, вмѣстѣ съ крестьянами деревень *Божанки, Дорогинічъ, Фурсовичъ, Тишковичъ, Полупанщины* заявилъ, что граница между повѣтомъ Володимерскимъ и Белзскимъ есть Бугъ. Тѣмъ не менѣе „межи тыхъ селецъ вышей

описанныхъ владыки его милости и межи селъ повѣту володимерскаго, которые села ляхове привлащили къ себѣ, а иншіе осадили на грунтѣ володимерскомъ и владычества володимерскаго“. Вотъ села, захваченныя ляхами: *Михалъ, Паромовъ, Лезница, Кречево;* вотъ села осаженныя ими: *Волчковъ*, другія *Лезницы*. Первыя были отняты во времена Александра, вторыя осажены не болѣе 10 лѣтъ. При этомъ князь Миколай Збаражскій заявилъ, что панъ Точинскій выгналъ его людей изъ урочища Волчка и осадилъ тамъ свою волю, что села и земли отняты также отъ его имѣнія Морозовичъ къ Крылову воеводы Судомирскаго. Граница отъ *Черной Лозы* идетъ черезъ *Долгую Лозу Глиница, Скомороховъ* курганъ, урочище *Жолобово*, мимо Лезницы, потомъ дорогою до *Петрова озера* и наконецъ рѣкою *Гускою* до Буга, а *Бугомъ* вверхъ до села Литовижскаго Молникова. Протяженіе этой границы на 2 мили въ длину.

Коронный. Со стороны Короны граничнаго обвода не было, а представлены были только списки, въ которыхъ граница проведена была по захваченнымъ землямъ къ Крыловскому замку. Коммиссары внесли въ свой журналъ эти границы съ заявленіемъ: *„При томъ мы сами ани вижи наши, ани сторона зъ великаго князства ку отказу не были“.*

Литовскій. Со стороны в. княжества граничный обводъ продолжалъ урядникъ князя Чорторыйскаго между имѣніями его Литовижскими и Коронными имѣніями *Крыловымъ* и *Кречевомъ* (пани Судомирской) и *Голубями* (пани Колдачевое). Эта граница положена недавно, вслѣдствіе присоединенія володимерскаго села Кречева къ Белзскому имѣнію Крылову и имѣетъ 19 концовъ до границы пановъ Езовскихъ; далѣе пошла граница съ селомъ *Пятью коровами* (пани Судомірской) до земянъ Городиловцовъ, до Крыницы *Дыменницы* на Соколо-володимерскомъ гостинцѣ; отсюда дорога отдѣляетъ Литовижскія земли отъ имѣнія земянина в. княжества Иваницкаго. Протяженіе ея отъ ставка Пятичъ до Буга на полмили; отъ Буга отъ озера *Жуковца* до *Бѣлыхъ береговъ* Буга на полторы мили; отъ Бѣлыхъ береговъ мимо *Ливина* и *Кругля* до Соколо-володимерской дороги, (гдѣ граница Литовижская выходитъ изъ Буга) на одну милю, а всего на три мили. На этой границѣ возлѣ урочища *Верха Карповца* панъ Колдачъ осадилъ на сыромъ корнѣ новое село *Песечное* лѣтъ 10 тому назадъ.

Коронный. Со стороны короны границу показывалъ по Бугу панъ Колдачъ между своимъ имѣніемъ *Голубями* и имѣніями кн. Чорторійскаго—Литовижскими; онъ началъ ее отъ нарожницы села *Кречева* (пани Судомирской) и повелъ до другаго села *Тудоровскаго* (этой же воеводины) на разстояніи одной мили.

При этомъ обводѣ, заявляютъ коммиссары, *„ни мы сами, ани вижи наши, ани сторона зъ великаго князства ку отказу не были“.*

Литовскій. Со стороны в. княжества обводъ принялъ у Криницы *Дыменницы* Иваницкій и повелъ „границами стародавными“ по Соколоволодимерской дорогѣ до Сокальскаго села *Скоромоховъ* и передалъ его на *Ильковицкой* греблѣ (на р. Роятинѣ) земянкѣ Ляховицкой. Протяженіе этого обвода на полмили. Люди ляховицкаго села повели вверхъ по р. *Роятинъ* до става пана Млечка, устроеннаго на землѣ вел. княжества, далѣе рѣкою до *Криницы* и передали обводъ князю Александру Порыцкому. Протяженіе этой границы на полмили.

Князь Порыцкій повелъ по рѣкѣ вверхъ на полмили и заявилъ, что налѣво лежатъ его имѣнія *Порыцкъ* и *Грушово*, а направо имѣніе *Стонятинъ* пана Млечка, потомъ повелъ черезъ гору до другой долины и указалъ на Кошарища, въ которыхъ „Волошья зъ овцами стаивали и тыхъ дубровъ уживали“; здѣсь онъ сказалъ: по праву земля пановъ Рудкировъ село ихъ Лучича, прежде во времена князя Александра, считалась въ предѣлахъ в. княжества и принадлежала къ Бокеевскому имѣнію Печихвостамъ, и по-лѣву его имѣніе *Грушово*; затѣмъ повелъ по направленію имѣнія Бокеевскаго *Милетина* и остановился у трехъ копцовъ. Протяженіе этой границы на 2 мили.

Коронный. Встрѣчный обводъ со стороны короны показывали земяне Городиловскіе, люди королевскаго села Скомороховъ и панъ Млечекъ. По заявленію коммиссаровъ при этомъ обводѣ *„мы сами, ани вижи наши, ани сторона зъ великаго князства ку отказу не были“*.

Литовскій. У трехъ копцовъ обводъ приняли Ѳедоръ и Гаврило Бокеи. Они заявили, что въ этомъ пунктѣ сходятся углы трехъ имѣній: *Грушова*, *Лучичъ* (бывшаго во времена князя Александра въ предѣлахъ в. княжества) и *Милетина*. Они повели по Володимерско-Бужской дорогѣ между Лучичемъ (повѣта белзскаго) и *Мелитиномъ* (володимерскаго), до 3 копцовъ; отсюда на протяженіе одной мили до урочища *Жидовки* по граничнымъ копцамъ и граненымъ дубамъ, отстоявшимъ другъ отъ друга на одно или на два стрѣлянья изъ лука (здѣсь протестовъ не было).

Отъ *Жидовки* же до урочища *Бѣлой Криницы* на протяженіе полумили Бокеи показывали очень много разоренныхъ копцовъ и дубовъ, срубленныхъ Лучицкимъ владѣльцемъ Рудкиромъ (противъ этого показанія протестовалъ Рудкиръ и заявилъ, что эти грани не бокеевскія, а остророговскія; но Бокеи остались при своемъ показаніи). Отъ *Бѣлой Криницы* урядникъ остророговскій, воеводины Судомирской, и Бокеи повели далѣе по болоту до большаго граничнаго конца, гдѣ заявили, что по правой рукѣ идетъ граница села *Лешетовъ* (воеводины Судомирской), а по лѣвой села *Лешка* (земянина в. княжества Медвѣдева). Протяженіе имѣетъ эта граница полторы мили, а въ ширину отъ одного до 3-хъ стрѣляній изъ лука. При этомъ Бокеи заявили, что село Лучичи прежде входило въ составъ в. княжества и присоединено къ Коронѣ только въ княженіе Александра.

Коронный. Дальнѣйшій обводъ продолжали на нѣкоторое разстояніе обѣ стороны: урядникъ судомірской воеводины и земянинъ Медвѣдь. Они начали его отъ конца на серединѣ болота до гати подъ селомъ земянина Медвѣдя *Лящками*; здѣсь урядникъ судомірской воеводины сдалъ свой обводъ равскому воеводичу, селу его Тартакову, а Медвѣдь повелъ дальше по серединѣ болота рѣчкою до *Чорной лозы*, указывая на семь граничныхъ копцовъ и пятнадцать свай—противъ имѣнія *Бобятинъ;* отсюда повелъ дорогой до Тартакова. Въ этомъ мѣстѣ Станиславъ Волчко отъ имени луцкаго бискупа заявилъ, что *Бобятинъ* всегда находился въ предѣлахъ в. княжества; заявить объ этомъ лично бискупъ не можетъ потому, что на войнѣ (со стороны короны было молчаніе). Привелъ наконецъ Медвѣдь къ гати по болотной рѣкѣ, отдѣляющей его имѣніе отъ короннаго—Тартакова и сдалъ обводъ земянину Кгетолту. Здѣсь тотъ же Волчко заявилъ отъ имени луцкаго бискупа, что села *Калнытово* и *Стонятинъ* отошли отъ княжества къ коронѣ во времена княженія Александра. (Со стороны короны т. е. Равскаго воеводича былъ протестъ противъ этой границы). Протяженіе этой границы въ длину на одну милю, а въ ширину на полмили.

Литовскій. Со стороны в. княжества обводъ продолжалъ Кгетолтъ между своимъ имѣніемъ *Шпиколосцами* и коронными селами *Спасскимъ* (Шафаровскихъ) и *Переспою* (пани Добричовской). Онъ велъ мимо урочища *Пугачева*, мѣловой горы, черезъ шпиколосско-переспенскую дорогу, мимо граничнаго конца черезъ соколо-стояновскую дорогу до имѣнія *Хусово* земянина Грицка Олексѣевича; протяженіе этой границы на одну милю. (Шафоровскіе выразили противъ нея протестъ).

Урядникъ Грицко, принявши обводъ, повелъ по границѣ короннаго имѣнія *Сошна* (пана Липскаго) до стояново-княжеской дороги, потомъ княжеской дорогой по границѣ короннаго имѣнія Стоянова мимо *Чорной лозы* до земли *Торской*, потомъ черезъ урочище *Вербовъ логъ* до урочища *Збоища* и передалъ обводъ уряднику Володимерскаго епископа Геннадія, Гаврилу. Протяженіе этой границы на полторы мили.

Отъ Збоища границу показывалъ урядникъ епископа Геннадія между его мѣстечкомъ *Квасовомъ* и короннымъ *Стояновомъ*. Онъ повелъ по дорожкѣ изъ села *Бешева* къ Стояновской церкви св. Ильи, потомъ дубровою черезъ луцко-бужскую дорогу, черезъ поле до бешево-стояновской дороги; далѣе дорогой до сокальскаго гостинца къ урочищу *Перелайну*. Здѣсь онъ передалъ обводъ земянину Марку Васильевичу. Этотъ послѣдній повелъ мимо своей Воли возлѣ церкви св. Ильи черезъ большое болото, граничное съ короннымъ имѣніемъ Тетовчичами до *Турьяго Рога* и передалъ обводъ земянину Микитѣ Ржищовскому (Сокальскій подстароста заявилъ, что Марко показывалъ свою границу

по землѣ сокальской). Протяженіе всей границы, показанной со стороны в. княжества, на 4 мили и 5 верстъ, а въ ширину на одну милю.

Коронный. Со стороны короны обводъ показывали разныя лица: урядникъ воеводины Точинской (отъ своего села Лещетова), Равскій воеводичъ, (отъ своихъ селъ Тартакова, Хлопьихъ Роговъ, Стрѣльчи и Копыта), на которыя есть у него королевскія привилегіи, но онъ ихъ покажетъ въ свое время; паны Шафоровскій и Озерскій (отъ общаго своего имѣнія Набожонокъ и Бронева-Шафоровскаго). Они вели по дубровамъ и полямъ пограничныхъ селъ великаго княжества, мимо гуменъ и заборовъ, не показывая никакихъ граничныхъ знаковъ. Шафоровскій повелъ наконецъ по бешевско-шпиколосской дорогѣ; но его остановилъ сокальскій земянинъ панъ Янъ Бешевскій, сказавши: „пане Шафаровскій, чому заводишъ мое?“ И панъ Шафаровскій повѣдилъ: „кгды твое, я дамъ покой! и ведши тою дорогою, и вернулся опять назадъ до тоежъ криницы“. (Со стороны в. княжества эту границу шагъ за шагомъ оспаривалъ земянинъ Кгетолтъ, доказывая, что онъ, Шафаровскій, все идетъ по его собственной землѣ). Панъ Бешевскій повелъ границу черезъ ставъ Кгетолта подъ его дворомъ, причисляя села *Хосово* земянина Грицка къ Коронѣ, а равно и *Бешево* Кгетолта, но находящіяся во владѣніи земянъ в. княжества, далѣе повелъ черезъ дубровы и поля, не показывая граничныхъ знаковъ, ни концовъ, „едно повѣдилъ: ижъ то были знаки концовы, але я не вѣмъ, гдѣ ихъ шукать“; наконецъ привелъ къ урочищу *Лысой горѣ* и передалъ обводъ панамъ Вишневскому и Чистовскому (отъ имѣнія ихъ Торковъ). Принялъ его панъ Вишневскій и повелъ между селами *Хусовомъ* и *Княжимъ* („*што Москва держитъ*“), черезъ рольи, поля и ржищи, воздѣлываемыя княжествомъ насильственно до большой стояново-луцкой дороги, отсюда черезъ другую дорогу до *Пилиповой долины*, гдѣ обводъ передалъ сокальскому подстаростѣ пану Островскому.

Этотъ послѣдній повелъ отъ *Пилиповой* долины по направленію къ стояново-володимерской дорогѣ, заявляя, что сокальская земля насильно отнята отъ Стоянова и присвоена къ имѣнію володимерскаго владыки—*Квасову*, въ то время, когда лежала впустѣ; привелъ потомъ къ могилѣ и сказалъ: „*на этой могилѣ сожгли бабу изъ Квасова, потому что это граница*“; отъ могилы пошелъ долиною Чернцомъ черезъ поля, *Криницу Чернецъ*, черезъ болота, *Высоцкія могилы* и поля, будто отнятыя у короны Маркомъ Жоравинскимъ и володимерскимъ владыкою, потомъ мимо Сынова до могилы, возлѣ которой есть копецъ, наконецъ черезъ дубровы до озера *Небожки*, половину котораго считалъ за короной, а другую за княжествомъ. (Со стороны в. княжества земянинъ Жоравинскій выразилъ протестъ противъ такого показанія и всю границу считалъ въ предѣлахъ своего имѣнія; копецъ же, указанный подстаростою, призналъ граничнымъ знакомъ между имѣніями в. княжества: епископскимъ, сѣмашковымъ и его Жоравинскимъ). Протяженіе этой границы на 3 мили.

Литовскій. Обводъ в. княжества продолжалъ урядникъ князя Василія Курцевича съ Слоновскими людьми между короннымъ имѣніемъ *Конюхами* и своимъ *Слоновомъ*. Онъ началъ отъ урочища *Круглаго борка*, повелъ по олесско-луцкой дорогѣ до горы *Узводня*, черезъ гору до впаденія *Слоновки* въ Стырь, далѣе *Стырью* до р. *Смоленки*, Смоленкою до урочища *Болдорей*, гдѣ Фридрушъ Олексій устроилъ ставъ лѣтъ 10 тому назадъ со стороны Олеська. Здѣсь онъ передалъ границу земянамъ Опарипескимъ. По лѣвой рукѣ показанной имъ границы лежало имѣніе князя Курцевича—в. княжества, а по правой—бужское Галицкаго хорунжаго Фридруша (Урядникъ Фридруша выразилъ протестъ противъ этой границы и всю землю присвоивалъ къ Олесскому замку). Далѣе границу показывали Опарипескіе до имѣнія земянъ Ледоховскихъ противъ Олесскаго имѣнія *Конюхова*. Они начали ее отъ урочища Болдарей повели черезъ село Бѣлевцо (осаженное на ихъ собственной землѣ короннымъ урядникомъ Фридрушомъ во времена Сигизмунда стараго), потомъ грядою, черезъ урочище *Бреное*, урочище *Бесьды* (на которомъ сходится *копа* изъ *Опарипсовъ* и короннаго села *Бродовъ* „*на всякія права*“), далѣе черезъ урочище *Сопельницу*, мимо трехъ кургановъ и двухъ граничныхъ колодезей до горы *Орлей* и прекратили ее возлѣ трехъ граничныхъ концовъ между своимъ имѣніемъ, земянина Ледоховскаго (со стороны княжества) и *Бродами* (со стороны короны). Здѣсь луцкій повѣтъ кончается и начинается кременецкій.

Во время граничнаго обвода земяне Опарипескіе указали на продолжительный рядъ граничныхъ деревьевъ, или испорченныхъ, или срубленныхъ, указали на рядъ граничныхъ концовъ и кургановъ, разсыпанныхъ людьми Фридруша Конюшскими; при этомъ „оповѣдили, ижъ въ томъ заводѣ нашомъ на властномъ кгрунтѣ и звѣчистой властивой земли нашой панове Олесскіе осадили села: первое *Бѣлевецъ*, другое *Вербовецъ*, третье *Шнерево* сего лѣта“; засыпали пруды, завладѣли рудами, сѣножатями, озерами, бортнымъ деревомъ... При этомъ земяне луцкіе Рогозинскіе и Ингневскіе засвидѣтельствовали, что коронное село *Броды* отнято у княжества къ коронѣ во времена Александра, „а то есть близкость наша“.

„Со стороны короны выраженъ былъ протестъ, что Опарипескіе показывали свою границу на землѣ коронной, а она идетъ „гдѣ нибудь выше, по лѣвой сторонѣ“.

Коронный. Коронный обводъ продолжалъ урядникъ пана Познанскаго Закровскій отъ урочища *Сушковой долины*. Онъ повелъ черезъ гору *Узводень*, черезъ засѣянныя поля, ржища и гречневища „на полмилю добрую не оказуючи намъ жадныхъ знаковъ“ до главнаго ёза князя Курцевича на р. Слоновкѣ. Здѣсь онъ передалъ границу пану

Фридрушу, его имѣніямъ *Поповцамъ и Новоселкамъ*. Когда урядникъ этотъ уѣзжалъ съ обвода со Щуровскимъ войтомъ и мѣщанами, то мужи пана Познанскаго сами заявили: „куда врядникъ нашъ съ войтомъ ѣдутъ, мы того не вѣдаемъ, але мы старѣлися тутъ, а границы иншое не мѣли съ Лунвляны одно тою горою Узводнемъ, а съ тое горы просто у рѣку Стырь“. (Это же подтвердилъ и урядникъ князя Курцевича, что коронный обводъ показанъ былъ въ предѣлахъ в. княжества: „это кгрунтъ князя моего и то ёзъ головный, властный князя моего, якожъ и тые мужи пана Познанскаго сами сознаваютъ“, заключилъ онъ [1]).

Протяженіе этого короннаго обвода на одну милю, а в. княжества—на $2^1/_2$ мили; въ ширину на $1^1/_2$ мили.

Отъ головнаго ёза границу коронную показывалъ *Фридрушъ* между *Слоновомъ* (селомъ княжества) и *Новоселами* (короннымъ). Онъ заявилъ, что у этого урочища оканчивается повѣтъ бужскій и начинается олесскій и повелъ по р. *Слоновкѣ* черезъ урочище *Великую Гать*, *Сетратинскій бродъ*, черезъ ставъ Опарипесскаго до криницы *Гливятинки*. Возлѣ криницы оставилъ р. Слоновку налѣво, а самъ пошелъ по суходольской дорогѣ, потомъ черезъ опарипесскія поля до горы *Дранчи* и здѣсь передалъ обводъ своему брату, Подольскому воеводичу, селамъ его *Бродамъ и Черницѣ*. (Земяне Опарипесскіе протестовали противъ этой границы, какъ проходящей по ихъ собственной землѣ).

Протяженіе этой границы по обводу коронному на 3 мили, а по обводу вел. княжества на $3^1/_2$ мили; въ широкомъ мѣстѣ поперечная разница на 1 милю.

Литовскій. У Сопельницкой горы встрѣтили коммиссаровъ земяне Ледуховскіе Гаврило, Михайло и Гнѣвошъ съ братьею и повели по долинѣ *Смольной* до рѣки *Иковы*, или Иквы. Здѣсь они заявили, „что съ Олеська моцно, кгвалтомъ збожья наше побираютъ и насъ самихъ бьютъ и земли и сѣножати наши позабирали и многіе грабежи и кривды намъ чинятъ, еножъ мы передъ се того у держанью и во вживанью“. Рѣкою *Иковью* повели внизъ до става *Поповскаго села* и передали границу уряднику князя Вишневскаго или Вишневецкаго Дмитрея съ братьею селу его *Крутнову*. (Подольскій воеводичъ протестовалъ противъ этой границы, что она показана на его коронной землѣ). Протяженіе обвода Ледуховскихъ на 2 мили вдоль и на 1 поперекъ.

Коронный. Отъ горы *Дранчи* коронный обводъ продолжалъ урядникъ Подольскаго воеводича Жабинскій. Онъ повелъ черезъ другую гору, присвоивая себѣ *Сопельничій лѣсъ*, черезъ долы, горы и дубровы *до королевской дороги*; отъ дороги далѣе черезъ дубровы до *Почаевской*

[1]) Протяженіе коронной границы отъ урочища Сушковой долины до головнаго ёза на одну милю; а в. княжества отъ Круглаго борка до Балдырскаго става на $2^1/_2$ мили; разница въ ширину на $1^1/_2$ мили.

дороги, мимо могилки, отдѣляющей по его заявленію село *Ледухово* отъ коронныхъ селъ *Велены и Поповцевъ*; потомъ мимо другой могилки *Бугаевой*, составляющей границу съ княземъ Дмитромъ Вишневскимъ, не показывая никакихъ другихъ граничныхъ знаковъ. (Ледуховскіе и урядникъ Вишневскаго во время обвода при всякомъ случаѣ опровергали истинность показываемой границы, удостовѣряя, что она проведена по имѣніямъ в. княжества.

Литовскій. Со стороны в. княжества дальнѣйшій обводъ продолжалъ урядникъ князя Вишневецкаго.

Онъ началъ его отъ гребли возлѣ села *Поповцовъ* и повелъ внизъ по р. Иквѣ до села *Дудина* бродомъ и сказалъ: здѣсь идетъ граница съ короной, потому что *„тутъ права даемъ межы собою, яко зъ великаго князства князи и панове, такъ съ коруны людей своихъ ставятъ ку справедливости всякое речи“*. Отсюда повелъ дорогою, заявляя, что по лѣвой рукѣ лежитъ коронное село *Дудино* (подольскаго воеводича), а по правой—села его князя: *Крутенское*, *Лопушевское и Бобровецкое* (кременецкаго повѣта); что на этомъ пространствѣ воеводичъ насильственно осадилъ своихъ людей на землѣ в. княжества. Далѣе повелъ къ селу *Нѣмечову* и сдалъ границу князьямъ Збаражскимъ Степану и Владиславу, селамъ ихъ *Нѣшковцамъ*, *Серетцу и Загорью*. Протяженіе границы на 1 милю. (Отъ имени подольскаго воеводича былъ выраженъ протестъ противъ этого обвода). Князья *Збаражскіе* повели по дорогѣ черезъ гору до озерца *Чахова*, потомъ черезъ ставъ на *Мокромъ урочищѣ* подъ селомъ воеводича *„Пами коровы“*, по дорогѣ до урочища *Урви Хвостовъ веропета*. Здѣсь они показали двѣ ямы съ большими камнями, на мѣстѣ которыхъ были прежде граничные копцы, уничтоженные воеводичомъ, потому что 2 года тому назадъ онъ осадилъ на ихъ землѣ свое село *Кутище*. Отсюда повели дорогой до урочища Воробьевой лозы, спустились въ долину и пошли рѣкою Серетцомъ до става, устроеннаго воеводичомъ на ихъ землѣ въ текущемъ году; на ихъ же землѣ имъ осажено и три села: *Ячнище*, *Березцы*, *и Кутище*, а подольской воеводиной отнято село Дудино года 4 тому назадъ. Здѣсь князья Збаражскіе передали границу уряднику князя Вишневскаго. Протяженіе ея $1^1/_2$ мили.

(Урядникъ воеводича заявилъ, что Збаражскіе показывали границу на коронной землѣ воеводича и онъ имѣетъ на свои села „привилья“; а подольская воеводина владѣетъ Дудиномъ „зъ розсудку“, съ права пановъ коммиссарей корунныхъ (?).

Урядникъ князя Вишневскаго съ Олексинцами повелъ рѣкою *Серетомъ* внизъ мимо *Залозецъ* и границы Чернеховской княгини Біяты Ильиной и показалъ ставъ, засыпанный воеводичемъ, заявляя, что этотъ же воеводичъ на землю его князей засыпалъ еще 4 става и осадилъ 5 селъ: одно противъ Залозецъ, а 4 на рѣкѣ Мелной. (Со стороны по-

дольскаго воеводича было заявлено, что граница показана на землѣ коронной, а онъ воеводичъ „*имѣетъ на пять селъ листы и привилья*“).

Протяженіе всей границы князя Вишневскаго и Збаражскихъ отъ гребли подъ Поповцами до Реневскаго става имѣетъ 5 съ ½ миль.

Коронный. Встрѣчный обводъ со стороны короны продолжалъ урядникъ подольскаго воеводича съ Велюнцами и Поповцами противъ селъ: *Крутеня, Бобровца и Лопушня*. Онъ началъ отъ Бугаевой могилы и повелъ чрезъ урочище *Озерцы* на р. Иквѣ до селища Локотковецъ и здѣсь сказалъ, что княжата Вишневскіе осадили на Олесской землѣ два съ половиною села (Крутнево, Бобровцы и половину Лопушнаго); далѣе отъ Лопушенской криницы повелъ черезъ дубровы, поля и урочища мимо села *Краснодубскаго* черезъ гору *Холмъ* и Черехово-вишневскую дорогу; здѣсь по его заявленію, начинается граница съ имѣніемъ княгини Ильиной—*Колодою*. (Урядникъ князя Вишневскаго сказалъ: „куда менилъ быти собѣ границы врядникъ Олѣскій и куды велъ по всимъ тымъ врочищамъ, то есть властная отчизна и дѣдизна князей Вишневскихъ“. Только три года тому назадъ по смерти князя Ивана, воеводичъ сталъ производить кгвалты, бои и грабежи и осадилъ на княжеской землѣ 5 селъ. Князья Збаражскіе подтвердили эту жалобу урядника и выразили свою личную въ такомъ-же родѣ. Всѣхъ селъ было осажено воеводичомъ на ихъ землѣ пятнадцать.

Протяженіе коронной границы имѣетъ въ длину 3 мили, а литовской 5 съ ½; въ ширину разница между обѣими на 3 мили.

Коронный. Отъ чернеховско-вишневецкой дороги тотъ же урядникъ воеводича повелъ граничный обводъ черезъ гору *Бѣлый Холмъ*, и указалъ на ней могилу, которую выдавалъ за граничный знакъ, далѣе повелъ до *частоловской границы* и передалъ его возлѣ колодинской дороги и другой могилы уряднику краковскаго пана Познанскаго, его селу Золочевскому, въ разстояніи 5 миль отъ Чернехова. Протяженіе этой границы тянется на 3 мили. (Противъ этого обвода протестовали урядники Вишневскихъ и Збаражскихъ; они заявили, что все пройденное пространство есть ихъ собственная земля; „ено не вѣмы, для которыхъ причинъ то теперь обводятъ, и села осаживати и ставы засыпати хочутъ, и въ то ся уступуе, до чого отецъ и предкове его ничего не мѣли, а ни ся въ то не уступовали; якожъ часу потребы ясне ся то окажетъ, и будутъ умѣти панове наши о то съ паномъ воеводичемъ мовите“).

Литовскій. У Ревенскаго става границу принялъ намѣстникъ княгини Чернеховской съ боярами, мѣщанами и людьми посполитыми. Они повели мимо села *Залозья*, основаннаго подольскимъ водводичомъ на княгининой землѣ и показывали срубленныя имъ граничныя деревья, черезъ урочище *Лозы* до р. *Бѣлоголовской*, на которой воеводичъ устроилъ на княгининой землѣ ставъ 2 года тому назадъ; отъ става

черезъ курганъ, черезъ гору до *Бзовской долины*, на которой указали граничный колодезь, „съ котораго колодезя стада, быдла, кони князей нашихъ паивали, которыи по тымъ дубровамъ хаживали“; далѣе черезъ *чернеховско-львовскую дорогу* до урочища *Жидовскихъ лозъ*. (Здѣсь начинается коронное имѣніе Познанскаго Ольшово), Отсюда повели мимо кургановъ черезъ золочово—козловско—теребовльскую дорогу до другихъ кургановъ, возлѣ которыхъ начинаются коронныя села Яна Сѣненскаго—*Глинное и Золочовки*; остановились на урочищѣ Олехновой лозѣ и заявили „*что въ этомъ урочищѣ со всѣхъ пограничныхъ селъ великаго княжества и короны польской права съ обѣихъ сторонъ даютъ*“ (съ этимъ показаніемъ согласилась и сторона коронная); привели наконецъ къ каменному кресту, расколотому громовымъ ударомъ. (Урядники подольскаго воеводича и Познанскаго выразили протестъ противъ этой границы). Отсюда повели въ глубокую долину, гдѣ начинается повѣтъ Теребовльскій, село *Козловское*; затѣмъ р. *Озерною* внизъ до урочища *Дерлова брода*. (Сторона коронная заявила, что граница ея идетъ по рѣкѣ Серету). Далѣе повели черезъ дуброву въ *Грузскую руду* „*гдѣ всегда собирается копа съ обѣихъ сторонъ в. княжества и короны*, т. е. Теребовльскаго повѣта“. Отъ Грузской долины пошли черезъ дубровы, минуя урочище *Пуцкову Лозу*, къ другому урочищу *Дупленатой могилѣ*, въ которомъ также *собирается копа съ короны и в. княжества*. Затѣмъ повели черезъ ставъ на р. Серетѣ къ *Плотичьему озеру* и долинѣ, надъ которою лежитъ „сыпаная могила“. Здѣсь они заявили, что панъ Тарновскій заставилъ ставъ на Серетѣ къ великой обидѣ княгини, и передали свой обводъ князьямъ Збаражскимъ. Протяженіе этой границы въ длину на 6 миль, а въ ширину разница между обоими обводами на 5 миль. Въ этомъ пространствѣ захвачено короной 52 става и 27 селъ.

Коронный. Со стороны короны граничный обводъ продолжалъ урядникъ пана краковскаго между коронным имѣніемъ *Тарнополемъ* и в. княжества *Лозовымъ*. Онъ началъ отъ урочища *Ходоровки*, велъ рѣкою *Ходоровкою* до урочища Криницы, при которой есть двѣ могилы и камень и передалъ границу коронному земянину Давидовскому. (Князья Збаражскіе протестовали противъ этого обвода, что онъ показанъ на ихъ собственной землѣ). Далѣе повелъ Давидовскій между своимъ имѣніемъ *Ходоровичами и Лозовымъ и Байковцами* князя Збаражскаго, черезъ урочище *Язвины*, дуброву, потомъ рѣкою *Ходоровкою* до 7 могилъ, которыя будто „усыпаны между его имѣніемъ *Черленовымъ* и князей Збаражскихъ—*Збаражемъ и Охремовцами*; отсюда черезъ урочище *Берестокъ* до р. *Задмишовки* и передалъ границу галицкому кашеляну, его селу *Каменной*. Протяженіе этого обвода на 3 мили великихъ. (Князья Збаражскіе при этомъ замѣтили, что граница показана на ихъ землѣ, а въ лѣсу *Березскомъ* „*стаивали подданныи наше*

и дани давали; и ещо надто укупывалися и ставали Скалатчане (Теребовлскаго повѣта) и намъ съ того ку Збаражу дань давали"; но теребовлскій подстароста заявилъ, что Скалатчане давали ему дань по принужденію.

Литовскій. Отъ урочища и озера Плотичьяго границу в. княжества показывали князья Збаражскіе между своимъ имѣніемъ *Збаражскимъ* и коронными—краковскаго пана *Піотрковомъ* и королевскимъ селомъ *Боркомъ*. Они повели отъ своего озера (затопленнаго паномъ краковскимъ) на р. Серетъ черезъ Грузкую долину мимо двухъ поставленныхъ камней до р. *Дичковой* и лѣса *Стынокъ*, отсюда до моста на р. *Гнѣздной*, а рѣкою Гнѣздной до р. *Теребной*, этою послѣдней черезъ урочища и дубровы до границы села *Скалатъ*. Далѣе черезъ поля и урочища *Михновы поспьки*, *Голый камень* до скалато-волочиской дороги; далѣе дорогой черезъ урочище *Вербовыя Лозы* до криницы. (Здѣсь начинается имѣніе Теребовлскаго повѣта Орѣховское); отъ криницы *Глубокою долиной* до р. *Збучи*. Въ этомъ мѣстѣ начинается граница другаго замка Збаражскихъ—*Волочиска*. Протяженіе этой границы на 8 миль; а имѣнія коронныхъ земянъ Давидовскихъ въ длину на 3 мили, а въ ширину на 3 мили, а въ иныхъ мѣстахъ болѣе и менѣе 3 миль.

Литовскій. Отъ рѣки Збучи граничный обводъ продолжали далѣе тѣ-же Збаражскіе. Они шли этой рѣкой около двухъ миль, заявляя, что направо лежитъ имѣніе *Орѣховское и Рожище* (каменецкаго староства), а налѣво ихъ собственное в. княжества; потомъ пошли урочищемъ *Постоловскимъ болотомъ*, извѣстнымъ подъ названіемъ *Руды*, мимо одного конца въ *Шоломной дубровѣ*, мимо трехъ другихъ до впаденія р. *Гиловки* въ р. *Болванецъ*, далѣе Болванцемъ къ Глубокой долинѣ и къ *Бозкой* дубровѣ черезъ волочискую дорогу на Чорный островъ до зеленой криницы. Здѣсь они передали свою границу урядникамъ князя Вишневскаго и княгини Збаражской. Протяженіе ея на 6½ миль. Въ тотъ же день продолжали обводъ вышеупомянутые урядники. Они повели отъ Зеленой криницы полемъ черезъ урочище *Чорную Лозу* до болота *Бога* и передали границу Кузминскому войту. Протяженіе ея на 2 мили.

Въ этомъ мѣстѣ коронные коммисары оставили литовскихъ и уѣхали въ *Межибожь*, на разстояніи 7 миль отъ границы и требовали къ себя коммиссаровъ в. княжества; но эти послѣдніе продолжали свой граничный обводъ дальше по границамъ княжества: Кузминской, Чудновской, Винницкой и Браславской до Семаковцовъ. „И мы ихъ есмо яко служебниками, говорятъ литовскіе коммисары, такъ тежъ листы нашими напоминали, абы они ведлугъ росказанья господарей ихъ милости на границы ѣхали". Но они отказывались исполнять свою обязанность то по причинѣ татаръ, то другою, то отсутствіемъ владѣльцовъ.

„И мы на то отповѣдили; гдѣ есмо кольвекъ первей того поописывали зъ вами старостъ и державцевъ, замковъ и дворовъ господарскихъ такъ тежъ по князскимъ и панскимъ имѣніямъ, гдѣ ихъ самихъ не бывало, однакожъ врядники и старыи люди границы и шкоды свои намъ оповѣдывали. Затѣмъ есмо жадного омешканья не пріимовали". Староста Кузминскій и урядники княгини съ людьми и боярами пошли въ погоню за татарами, а вмѣсто себя оставили своихъ уполномоченныхъ для совершенія дальнѣйшаго обвода. „И передъ ся есмо просили черезъ служебника ихъ (короннаго дьяка), абы ся оны зъ нами зъѣхали межи Вонячина, и села Хмѣльницкаго и Евча и о всемъ томъ обмову зъ нами вчинили. И лежали есмо у Вонячинѣ тыйдень ждучи ихъ, оны пріѣхати не хотѣли. Потомъ ѣхали есмо до Венницы, люди съ погони пришли и панъ воевода Бѣльскій самъ былъ у Венницы. И лежали есмо послѣ пана воеводы тый-день и ихъ есмо обсылали, оны быти не хотѣли и до насъ не отписали".

Литовскій. Затѣмъ осталось 7 обводовъ, которые совершала только одна сторона в. княжества.

Первый обводъ на протяженіи 12 миль между Кузьминскою волостью и коронными селами: *Везденками*, *Дешковцами*, *Ходковцами*, *Пашковцами*, *Митковцами*. Граница показана по р. *Божку* до впаденія въ нее *Смольчи*, потомъ по р. Смольчѣ до нилевецко-межибожской дороги, а дорогою черезъ р. *Икву*, *поле Круглое* до бессарабско-губинской дороги, наконецъ мимо *„сторожевой могилы"* до р. *Золви*. Въ этомъ обводѣ осажено коронными владѣльцами 5 селъ: *Половцы*, *Яначинцы*, *Игнатовцы*, *Маломолинцы и Волосовцы*.

Второй обводъ имѣлъ протяженія 9 миль, между Венницкою волостью княжны Біяты (кіевскаго повѣта) и коронными селами: *Грузскимъ*, *Ланевщизною*, *Пеленельщиною*, *Гридьковщиною и Бурковцами* (повѣта Хмѣльницкаго). Граница была показана отъ р. *Золчи* по *Чорной дорогѣ*, черезъ могилу *Гончариху* до урочища *Мытника*. Отсюда черезъ дуброву *Немировку* къ *Рудѣ*, урочищу *Бѣлому Рукаву* и р. *Сневотовкѣ*; отсюда черезъ *Березовскую Руду* мимо Румынова Ставка до р. *„Бога"*.

Третій обводъ сдѣланъ былъ только между имѣніемъ Настасьи Дубицкой *Каменногорскимъ* и коронным селомъ *Евладовскимъ* до Кропивное руды венницкаго земянина Кондрата, который на границу не явился. Протяженіе каменногорской границы на двѣ мили. Она показана отъ устья *Румыновки въ Бугъ*, *черезъ Бугъ* болотомъ черезъ *Уюнье* озеро и урочище, на которыхъ поставлены рубежи, до каменногорской дороги, *„гдѣ отъ давныхъ часовъ и отъ предковъ ихъ (свидѣтелей) о злодѣйство и о всякіе кривды яко зъ селъ в. княжества повѣту кіевскаго права собѣ даютъ"*; далѣе мимо Іевовой пасѣки (насильно отнятой Хмѣльничанами) черезъ р. *Бобровку* до *Кропивной*

Руды вышеупомянутаго земянина. Граничный обводъ показывалъ Семенъ атаманъ съ людьми земянки Дубицкой.

Четвертый обводъ показывалъ Семенъ Кмита между своимъ имѣніемъ *Вонячиныимъ* и коронныимъ *Журавлемъ*. Протяженіе его на $2^1/_2$ мили. Граница показана отъ истоковъ *Коломозова* потока лѣсомъ *грядою* чрезъ Долгую Лозу, *Суходольскій* потокъ, устье *Бѣлавинскаго* потока въ р. *Изгарокъ*; далѣе чрезъ романовскую дорогу, поля, *Долгій лѣсъ*, урочище *Лунево*, лѣсокъ до лозы у *Мешкова* лѣса. Здѣсь начинается граница другаго села Кмиты Летина.

Пятый обводъ былъ совершенъ между селомъ *Летиномъ* и коронными *Дьяковцами* и *Батриновцами*. Протяженіе его на $2^1/_2$ мили. Граница была показана отъ *Жаселовской дубровы* черезъ сѣножать *Буйнакову*, дубровой по р. *Летинцъ грядою* черезъ урочища *Кулигу*, *Должокъ*, мимо пробитой березы, къ летинской пасѣкѣ.

Шестой обводъ показывали сначала земяне микулинскіе между своимъ имѣніемъ *Микулиномъ* и коронныимъ *Багриновомъ* на протяженіи одной мили до р. *Згари*, потомъ земянка Духна Микулинская между своимъ селомъ *Почаповцемъ* и коронныимъ—*Лысогорцами* на протяженіи 3-хъ миль. Граница была показана отъ устья р. *Кобелки* въ р. Згарю, по р. Кобелкѣ чрезъ *Лобейкову домину*, урочище *Сковородчина*, черезъ р. *Ровецъ до Бубновой* долины (гдѣ начинается повѣтъ барскій). Седьмой обводъ былъ совершенъ земянкой Михновой Якубовича и ея зятемъ Бокеемъ между ихъ селами: *Михновцами* и *Новосельцами* и коронными (Барскаго повѣта) *Курыловцами* и *Бѣликовцами*. Протяженіе его на 2 мили. Они передали свою границу земянамъ Бреславскаго повѣта *Носковичамъ*, которые продолжали его между своимъ селищемъ Носковичами и коронныимъ *Слободками*. Протяженіе ея на 2 мили.

Восьмой обводъ начатъ былъ земяниномъ Браславскаго повѣта Зъяловскимъ между его селищемъ *Зъяловомъ* и коронныимъ *Качманскимъ*, но другіе земяне на границу не явились; коммиссары въ ожиданіи вызванныхъ лицъ „*лежали*“ полторы недѣли, но не дождались. Петръ Братковичъ между прочимъ прислалъ имъ списокъ своей границы; они внесли его въ свой журналъ; а другой земянинъ Клещевскій, явившись предъ ними, сказалъ: „отъ кого быхъ я мѣлъ границу свою взяти, не вѣдаю; бо ихъ татаре побрали, а отъ давныхъ часовъ пусто“. Тѣмъ не менѣе онъ разсказалъ границу своего селища *Русова* съ барскимъ земяниномъ Белькомъ. Она начинается отъ устья *Буши* въ р. *Мораву*, идетъ по *Моравѣ* до *Днѣстра*, а Днѣстромъ до *Видова озера*. По правой рукѣ этого обвода — корона, по лѣвой — в. княжество. Здѣсь же онъ заявилъ, что на его землѣ и барской бывшій волошскій воевода Петръ поставилъ мельницу „*и по той землѣ моей волохове свавольне пасѣки маютъ, и сѣно косятъ и пашню пашутъ*“.

IV.

На основаніи Люблинской уніи корона завладѣла лучшими литовско-русскими областями: *Подолью*, *княжествомъ Кіевскимъ*, *Волынью и Подлѣсьемъ*. Вмѣстѣ съ княжествомъ Белзско-Холмскимъ и Галиціей это новое пріобрѣтеніе представляло собой территорію по меньшей мѣрѣ два раза большую собственно польскаго королевства. Всѣмъ прежнимъ граничнымъ спорамъ и недоразумѣніямъ положенъ былъ конецъ, потому что спорная граница очутилась внутри польскаго гусударства; на мѣсто ея отодвинулась новая на сѣверъ и востокъ. Не смотря на требованія обрѣзаннаго и ощипаннаго литовско-русскаго гусударства сохранить за собой хоть эту убогую часть своихъ прежнихъ владѣній въ опредѣленныхъ границахъ и съ опредѣленными автономными правами, корона не обращала на нихъ вниманія: она смотрѣла на остальную часть княжества, какъ на будущую неизбѣжную свою собственность и нисколько не торопилась удовлетворить вполнѣ законныхъ его требованій, хотя-бы даже изъ чувства сожалѣнія къ своему обездоленному и униженному сопернику. Она твердо стояла на почвѣ принциповъ политическаго безсердечія даже въ то время, когда Литва должна была составлять вмѣстѣ съ ней одну Рѣчь — посполитую. Это пренебреженіе къ ней выразились въ опредѣленіи новыхъ государственныхъ границъ.

Новыя границы начинались въ прусской озерной области недалеко отъ Августова. Онѣ шли на югъ по границѣ троцкаго воеводства по водораздѣлу между среднимъ теченіемъ Нѣмана и Нарева, далѣе черезъ Васильковъ, Саражъ и Наревъ до брестскаго воеводства; отсюда опускались еще южнѣе черезъ Высокое и Каменецъ (литовскій) и переходили черезъ Бугъ, захватывая къ княжеству Междурѣчье и Ломазы до верховьевъ Вѣпря у города Парчева; отъ Парчева онѣ круто поворачивали на востокъ и по прямой почти линіи шли черезъ Бугъ (выше Володавы) черезъ среднее теченіе Стыри, Горыни; подъ Овручемъ поднимались нѣсколько вверхъ, переходили черезъ Припеть и оканчивались за Днѣпромъ по лѣвой сторонѣ Сожи, недалеко отъ впаденія ея въ Днѣпръ; отсюда на югъ Сожью и Днѣпромъ до Кіева, отъ Кіева до Кременчуга; наконецъ поворачивали съ востока на западъ (въ юго западномъ направленіи) чрезъ южный Бугъ, Балту въ Днѣстръ, а Днѣстромъ на с.-з. до Покутья.

Во времена люблинской уніи эти границы не были строго опредѣлены и оставались такими же неопредѣленными во все почти время существованія Рѣчи-Посполитой. Изъ воеводскихъ инструкцій XVII и даже XVIII ст. мы знаемъ, что со стороны брестскаго воеводства часто раздавались на сеймахъ жалобы на пограничные „*бои, кивалты*“, какъ и въ доброе старое время ante unionem. Раскройте эти инструкціи и въ

разныхъ мѣстахъ увидите воеводскія требованія: *о разграниченіи коронныхъ земель отъ литовскихъ; о не включеніи коронными подскарбіемъ въ свои диспозиціи имѣній, находящихся въ предѣлахъ княжества; о воспрещеніи коронны лицамъ и особенно жолнерамъ переходить литовскія границы; о воспрещеніи чужеземцамъ пріобрѣтать въ край индигенаты; о сохраненіи цѣлости границъ и территоріи в. княжества и т. д.* [1]). Эти постоянныя жалобы и нареканія очень краснорѣчиво говорятъ о произволѣ короны, о бездѣйствіи ея правительства, о пренебреженіи законныхъ правъ чужой собственности.

Но мы лучше раскроемъ „Volumina Legum“ и посмотримъ, въ какомъ положеніи находилось это граничное дѣло на основаніи дѣйствовавшихъ въ Рѣчи-посполитой законовъ.

О назначеніи граничныхъ коммиссаровъ хлопотать могъ каждый землевладѣлецъ. При столкновеніи частныхъ лицъ съ королевскими имѣніями граничная коммиссія должна была составляться изъ двухъ сановниковъ (обыкновенно старостъ, или ихъ помощниковъ), изъ двухъ чиновниковъ воеводства и одного подкоморія. Староста и шляхтичъ, выѣзжающіе на границу, не имѣли права брать въ свою свиту болѣе 30 человѣкъ шляхты—свидѣтелей и 20 рабочихъ для совершенія граничныхъ знаковъ и насыпки концовъ. Лица, неявлявшіяся къ отправленію обязанностей граничныхъ коммиссаровъ, подвергались денежному штрафу. Показанія спорящихъ лицъ должны были вноситься въ граничные протоколы и подтверждаться присягой свидѣтелей—старцевъ; въ сомнительныхъ случаяхъ окончательное рѣшеніе дѣла зависѣло отъ усмотрѣнія коммиссаровъ. Протокольныя постановленія коммиссіи должны были вноситься въ *„градскія книги“* и не нуждались въ санкціи верховной власти. Содержаніе коммиссаровъ производилось на счетъ старостъ. Хлопъ, обидѣвшій коммиссара словомъ, подвергался тюремному заключенію и штрафу въ размѣрѣ $^1/_2$ гривны; а обнажившій на него мечъ наказывался *„горломъ“*. Шляхтичъ въ томъ и другомъ случаѣ подвергался отвѣтственности по статуту. За порчу граничныхъ знаковъ хлопы должны были заплатить 50 грошей, шляхта—100 грошей, а староста—лишиться титула и должности.

Въ 1557 году Сигизмундъ-Августъ, уступая настояніямъ в. княжества о проведеніи границъ между Короной и Литвой, назначилъ было еще спеціальную для этой цѣли граничную коммиссію, въ составъ которой должно было входить четыре члена,—два отъ короны и два отъ княжества. Это королевское распоряженіе было утверждено и на сеймѣ 1633 года.

Но параллельно съ вышеизложенными законоположеніями о граничныхъ коммиссарахъ существовало еще особое 1601-го года, по которому

[1]) Акты Виленской археографической коммиссіи Т. IV, 38 разныхъ инструкцій, номера которыхъ обозначены въ предисловіи.

уѣздамъ предоставлялось право составлять для своихъ частныхъ границъ, хотя бы и уѣзда короннаго съ княжескимъ, особыя коммиссіи изъ *подкоморія, хорунжихъ* и *войскихъ* съ правомъ апелляціи на ихъ постановленія въ трибунахъ. Эта позднѣйшая законодательная мѣра обязана своимъ происхожденіемъ небрежности коммиссаровъ, которые не хотѣли являться на мѣста споровъ, не смотря на увеличеніе штрафовъ, и такимъ образомъ затягивали дѣла на неопредѣленное время.

Самое бѣглое обозрѣніе проведенія новыхъ границъ между короной и княжествомъ, на основаніи Volumina Legum, можетъ убѣдить самаго отъявленнаго скептика, что не только предъ Люблинской уніей, но и послѣ уніи опредѣленныхъ и вѣрныхъ границъ между этими частями Рѣчи—посполитой въ дѣйствительности не существовало.

Литовско-русскія провинціи были отданы коронѣ въ 1569 г.; о границахъ она вспомнила только чрезъ 20 лѣтъ. Въ 1589 г. назначено было двѣ граничныхъ коммиссіи,—одна для Подлѣсья и в. княжества Литовскаго, другая для княжества Кіевскаго и Литовскаго. Общій ходъ граничнаго дѣла представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Подлѣсская коммиссія 1589 г. не исполнила своего дѣла и была возобновлена въ 1591-мъ году. Этой новой коммиссіи поручено было окончить дѣла прежней и провести еще границы и по уѣзду *гродненскому*. За неисполненіе коммиссарскихъ обязанностей увеличенъ былъ штрафъ до 200 гривенъ.—Прошло 7 лѣтъ, и въ 1598 году эта же коммиссія опять была возобновлена; на коммиссаровъ увеличенъ былъ штрафъ до 1000 гривенъ. Прошло еще 3 года и въ 1601-мъ году эта же коммиссія опять была возобновлена. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ такихъ же возобновленій съ разными варьяціями и разъясненіями: въ 1611 году [1]), въ 1616-мъ, въ 1620-мъ, 1623-мъ, 1649-мъ (bez wszelkiey dyllacyi) и въ 1661-мъ. Этой послѣдней прибавлены были еще границы и со стороны Люблинскаго воеводства. Результаты дѣйствій этой продолжительной коммиссіи выражены въ сеймовомъ постановленіи „titulo Kommissia“ слѣдующими словами: „многочисленныя сеймовыя конституціи вымогаютъ отъ насъ окончательнаго разграниченія Брестскаго воеводства отъ Подлѣсья, которое еще до сихъ поръ не приведено къ концу къ явной обидѣ пограничныхъ жителей и даже къ ущербу государственныхъ податей. Вслѣдствіе этого Король Янъ Казиміръ назначаетъ спеціальныхъ граничныхъ коммиссаровъ, которые nullorum absentia non obstante должны собраться 15 октября въ Коднѣ и окончательно рѣшить обоюдные граничные споры absque quavis apellatione. Постановленія ихъ должны быть окончательно утверждены на сеймѣ *безъ всякаго*

[1]) Эта коммиссія назначена была съ условіемъ, что если й не состоится, то всѣ безъ различія лица должны судиться въ коронѣ; срокъ сохраненъ только для литовскихъ закладныхъ.

отлагательства. Эта же коммиссія должна разсмотрѣть граничныя дѣла и Люблинскаго воеводства [1]).

Кіевская коммиссія тоже назначена было въ 1589 году и вслѣдствіе неуспѣшности дѣйствій возобновлялась въ 1593-мъ и 1598-мъ, 1601-мъ, 1607-мъ, 1611-мъ, 1613-мъ и 1623-мъ. Постановленія этой послѣдней обѣщано было разсмотрѣть и утвердить на сеймѣ того-же 1623 года, *но за многосложностью другихъ важныхъ дѣлъ* окончательное утвержденіе откладывалось отъ одного сейма до другаго и было наконецъ ратификовано въ 1631 году въ слѣдующемъ смыслѣ": желая успокоить граничныя недоразумѣнія между воеводствомъ кіевскимъ и мозырскимъ уѣздомъ, мы утверждаемъ на вѣчныя времена постановленія коммиссіи 1621 г. Однако-же имѣнія виленской капитулы Каменщизну и Уборт-скую волость мы оставляемъ за княжествомъ согласно нашему обѣщанію на сеймѣ 1625 г. Всѣ взаимные съ обѣихъ сторонъ процессы, возникшіе въ періодъ разграниченія, силою настоящаго сейма уничтожаемъ, а дѣла передаемъ въ подлежащія судебныя инстанціи, безъ подчиненія земской давности [2])."

Границы брестскаго воеводства съ люблинскимъ устанавливались до 1611 года. Окончательно были ратифицированы въ 1638-мъ году „titulo: uspokoienie" въ слѣдующемъ смыслѣ: „желая провести окончательныя границы между воеводствомъ брестскимъ, и подлѣсскимъ, и люблинскимъ, которыя представляли столько затрудненій для многочисленныхъ сеймовъ, мы съ согласія государственныхъ чиновъ обоихъ народовъ запрещаемъ жителямъ перемѣнять воеводства и повелѣваемъ держаться уже на вѣчныя времена только одного изъ нихъ и именно того, гдѣ кто уплачиваетъ повинности. Для этой цѣли назначаются поименованные въ конституціи коммиссары. Они собравшись въ Кодень, absentia duorum vel trium ad hoc vel illa parte non obstante, 26-го октября должны установить между частными владѣніями границы, *принаравливаясь къ современному владѣнію* (?) absque quavis apellatione и окончить это дѣло безъ обиды для воеводствъ. Лица же, не желающія почему либо подчиняться своей юрисдикціи, подвергаются взысканію въ количествѣ 50 гривенъ" [3]).

Мы разсмотрѣли главнѣйшіе моменты граничнаго вопроса между Короной Польской и великимъ княжествомъ Литовско-Русскимъ, на основаніи тѣхъ историческихъ источниковъ, которые были для насъ

[1]) Volumina Legum T. IV, 720.

[2]) Volumina Legum III I. 683.

[3]) Volumina Legum T. III f. 946.

доступны. Въ заключеніе мы находимъ не лишнимъ выразить сущность ихъ въ общихъ положеніяхъ, насколько даютъ намъ основанія разсмотрѣнные источники и документы.

Въ періодъ начальной лѣтописи между племенами русскими и польскими были частыя столкновенія и войны, но не было продолжительныхъ земельныхъ захватовъ, потому что Русь была сильнѣе Польши и не нуждалась въ ея владѣніяхъ. Предметомъ пограничныхъ споровъ была только узкая полоса земли по Вислѣ и по Вѣпрю съ городомъ Люблиномъ, населенная племенами несомнѣнно русскими. Она оспаривалась и русскими и литовскими князьями до конца XV ст. и только послѣ этого времени перешла въ постоянное владѣніе Польши.

Границы Галицко-володимерскаго княженія были единственно вѣрными историческими границами между Русью и Польшей, потому что шли по этнографической чертѣ этихъ племенъ, заключавшей въ предѣлахъ Руси и Люблинъ.

Первыя серьезныя нападенія на Русь съ завоевательными цѣлями сдѣланы были Польшей во времена Казиміра В. Ближайшими причинами ихъ были: ослабленіе Руси монголами, соревнованіе Литвѣ, владѣвшей уже значительными русскими землями, и наконецъ потеря Польшей собственныхъ земель на западной границѣ. Фактическое и окончательное присоединеніе къ Польшѣ первой русской области путемъ завоеванія было совершено королевой Ядвигой. Эта область была Галиція; остальныя же русскія провинціи, когда либо входившія въ составъ Польши, были присоединены къ ней путемъ дипломатическихъ переговоровъ, путемъ лести и захватовъ, и наконецъ, путемъ добровольной уступки ей литовскими князьями своихъ державныхъ правъ на русскія земли.

Белзско-Холмское княжество уступлено было Ягайломъ младшей линіи мазовецкихъ князей въ видѣ приданнаго за его сестрой Анной въ 1388 г. Значительная часть Подоліи была захвачена послѣ смерти Витовта. Сигизмундъ Кейстутовичъ уступилъ Ратно, Любомль, Лопатинъ, Городло, Олесько и другія земли въ вознагражденіе за доставленіе ему велико-княжескаго достоинства, не зависимо отъ этого раздавалъ еще и мелкіе участки земли „ляхомъ" на Подлѣсьи [1]). Казиміръ Ягеллончикъ не только утвердилъ эти земли за короной, но и Белзское княжество, и сквозь пальцы смотрѣлъ на частые захваты, особенно на югѣ. Эти захваты продолжались съ необыкновенной энергіей и во времена Александра, Сигизмунда Стараго и Сигизмунда Августа. Этотъ послѣдній князь вопреки своей велико-княжеской присягѣ *не помножать короны княжествомъ, ни княжества короной* уступилъ свои державныя

[1]) Палеографическій Сборникъ В. I, стр. 28, № 52.

права Польшѣ надъ княжествомъ Кіевскимъ, Волынью, Подлѣсьемъ и Подолью. Граничные журналы 1546 г. рисуютъ намъ поразительную картину польскихъ захватовъ того времени, вопіющихъ злоупотребленій и обидъ жителямъ великаго княжества.

Самое бѣглое обозрѣніе этихъ документовъ оставляетъ въ читателѣ два неизгладимыхъ представленія: беззавѣтной скромности и страданія Руси и высокомѣрнаго глумленія надъ ней Польши.

Что представляютъ намъ дѣйствія и показанія пановъ Браницкихъ, Точинскихъ, Свѣтицкихъ и др.? Эти люди ведутъ королевскихъ коммиссаровъ по чужой землѣ, указывая на частныя границы между имѣніями великаго княжества, какъ на свои собственныя и въ то же время коронныя и безстыдно присвоиваютъ себѣ чужую собственность. Они портятъ граничные знаки и копцы, осаживаютъ на чужой землѣ свои села и производятъ разбои и грабительства надъ законными владѣльцами. При спросахъ коммисарами документовъ, они ихъ не представляютъ, а ссылаются на личныя позволенія королей, или же такіе листы, которые они будутъ предъявлять сейму, а коммиссарамъ показать не желаютъ, или же чаще всего, не опираются ни на какіе документы. Захваты эти простирались иногда до 7 и 10 миль.

Мы сошлемся на факты. Судомірскій воевода Точинскій, уличаемый воинскимъ урядникомъ Яцыничемъ, что имъ захвачено 70 полуволокъ крестьянской земли въ королевскихъ имѣніяхъ, заявилъ предъ коммиссарами, что дѣйствительно имъ „*заложено*“ село Чехоставъ 10 лѣтъ тому назадъ, но земли онъ не отнималъ (?); въ качествѣ же правительственнаго чиновника, по поводу показанія своихъ сосѣдей Браницкихъ, замѣтилъ, что ихъ границы вздорныя, потому что представляютъ собой не рѣки, болота, горы и копцы, а „*простыя дороги*“; въ другомъ мѣстѣ замѣтилъ земянамъ короннымъ, костровскимъ, что „они дармо ся въ то тамъ вкладаютъ, менятъ собѣ быти тотъ копецъ за граничный зъ великимъ князствомъ; але то не есть такъ, але то есть копецъ промежку *Воина и Копеинцевъ*“ (земянъ в. кн.); въ другомъ мѣстѣ, уличенный въ самовольной постройкѣ мельницы на р. княжества Пивонеѣ и захватѣ значительнаго острова, онъ сознался въ своей винѣ и далъ обѣщаніе, что на будущее время „я южъ не каже черезъ то тамъ уступовать, а мѣйте то ку великому княжеству. „Нѣкоторые коронные земяне были тамъ увлечены легкостью присвоенія чужаго добра, что границы показывали на обумъ и попадали въ имѣнія своихъ же сосѣдей. Такъ панъ Шафаровскій повелъ коммисаровъ по имѣнію своего сосѣда сокальскаго земянина Бешевскаго; этотъ не стерпѣлъ и произошла довольно смѣшная сцена.

„Пане Шафаровскій, остановилъ его сосѣдъ, чому заводишь мое?“— Кгды твое, отвѣчалъ тотъ, я дамъ покой. И ведши тою дорогою, отмѣтили коммиссары, и вернулся опять назадъ до тоежъ криницы“.

Такимъ же знаніемъ, или быть можетъ умышленнымъ незнаніемъ границъ, отличался въ своихъ обводахъ ратенскій староста панъ Свѣтицкій. По поводу показанныхъ имъ границъ Повѣтчанъ, которыя онъ началъ отъ Чилищевичь, литовскіе урядники заявили, что онъ все водитъ кругомъ по землѣ великаго княжества: „свою грань отъ Чимицевичовъ есте взяли, а привели есте до Кобринскаго-жъ села Чилищевичовъ: то все водите кругомъ великаго княжества“.

Коммиссары, назначенные со стороны короны, при всякомъ случаѣ старались мирволить своимъ кліентамъ; они не рѣдко отлучались отъ своихъ товарищей литовскихъ въ гости къ помѣщикамъ и только предъявляли имъ потомъ уже граничные списки, не провѣренные и не засвидѣтельствованные стороной литовской, такъ были осмотрѣны границы обширныхъ помѣстьевъ Свѣтицкаго и многихъ другихъ. „По тымъ границамъ, отмѣтили литовскіе коммиссары, мы сами не ходили; чотыри дни есмо товаришовъ своихъ ждали, хотячи по границамъ ѣхати; оны въ пана Свѣтицкаго мѣшкали; потомъ олижъ шостого дни списки намъ прислали“. Такія явленія повторялись не рѣдко; а возлѣ болота *Бога* [1]) коронные коммиссары совершенно бросили литовскихъ и требовали ихъ къ себѣ въ Межибожъ; но они къ нимъ не хотѣли ѣхать. „И мы ихъ яко служебниками, такъ тежъ листы нашими напоминали, абы оны ведлугъ росказанья господарей ихъ милости на границы ѣхали (отмѣтили въ своемъ дневникѣ коммиссары литовскіе) .... И лежали есмо у Вонятичъ тый день, ждучи ихъ; оны пріѣхати не хотѣли. Потомъ ѣхали есмо до Венницы; люди съ погони (за татарами) пришли и панъ воевода Бѣльскій самъ былъ у Венницы. И лежали послѣ пана воеводы тыйдень и ихъ есмо обсылали; оны быти не хотѣли и до насъ не отписали“.

Такимъ же образомъ были освидѣтельствованы и границы Крыловскаго замка, устроеннаго теткой бискупа Точинской на литовской землѣ, о которомъ упоминала въ своихъ посольскихъ рѣчахъ 1538 года литовско-русская рада королю Сигизмунду старому. „При томъ мы сами, ани вижи наши, ани сторона зъ великаго князства ку отказу не были“.

Вслѣдствіе такого самоуправства коронныхъ коммиссаровъ, часть границы была осмотрѣна только коммиссарами литовскими. Такихъ обходовъ сдѣлано было *восемь*.

Что думали литовскіе урядники и свидѣтели во время граничныхъ обводовъ? Прежде всего многіе изъ нихъ терялись въ догадкахъ и сомнѣніяхъ, съ какою цѣлью коммиссары разсматриваютъ и изслѣдуютъ *коронную границу*, т. е. такую границу, о которой многіе изъ мѣстныхъ жителей не имѣли яснаго и опредѣленнаго понятія. Одни

[1]) Болото и рѣка въ документѣ названы *Богомъ*, что по польскому произношенію соотвѣтствуетъ *Бугу* (Bóg).

говорили: это наша вѣчистая собственность отъ временъ великаго князя Витовта и Свидригайлы и мы ничего не знаемъ на счетъ границы коронной, потому что ея здѣсь нѣтъ, а знаемъ только границы между имѣніями и повѣтами.

Въ такомъ родѣ выражался урядникъ князей Сендюшковичей Петръ Сѣмашко со своими многочисленными свидѣтелями: „я говорилъ еще въ субботу, протестовалъ онъ, что между вижовскими королевскими имѣніями нѣтъ границы съ Короной, потому что Ратно и Любомль были великое княжество и отчизна князей Сендюшковичей, и отошли они къ Коронѣ только во времена Казиміра, что будетъ обнаружено въ свое время. Теперь же я стану показывать границы только между землей королевской и любомльскихъ земянъ".

Другіе, какъ напр. урядники князей Вишневскихъ и Збаражскихъ со своими свидѣтелями выразили не только негодованіе по поводу коронныхъ захватовъ и самоуправства, но и надежду, что такія безчинства на будущее время будутъ прекращены: „ено не вѣмы, заявляли они, для которыхъ причинъ то теперь обводятъ, и села осаживати, и ставы засыпати хочуть, и въ то ся уступуе, въ чого отецъ и предкове его ничого не мѣли ани ся въ то уступовали; якожъ часу потребы ясне ся то окажетъ и будутъ умѣти панове наши о то съ паномъ воеводичемъ (подольскимъ) мовити".

Третьи, какъ напр. урядники князя Коширскаго съ королевскимъ дворяниномъ и многочисленными сельчанами изъ 9 селъ, отвергали даже всякую возможность перехода ратенскихъ и любомльскихъ земель своихъ владѣльцевъ подъ власть Короны. Это глубокое убѣжденіе ихъ выражено было по поводу обширныхъ захватовъ Яна Свѣтицкаго и его насмѣшливаго замѣчанія по поводу протестовъ мѣстныхъ владѣльцевъ, что отнятыя имъ земли должны входить въ составъ княжества. „Правда что Ратно и Любомль были великое княжество, говорилъ имъ панъ Янъ Свѣтицкій, но я не знаю, какъ они отошли отъ него; поговорите объ этомъ съ его милостью королемъ". — „То будетъ вѣдати Богъ и князья наши, отвѣтили урядники в. княжества вмѣстѣ съ свидѣтелями, и надѣемся на Бога, ижъ его милость Господарь отчизнъ князей своихъ не отдалитъ". Но протесты эти, какъ и многіе другіе въ такомъ же родѣ, остались голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Замѣчательно, что на протяженіи границы, пройденной коммиссарами, начиная съ Подлѣсья и кончая подольскими степями, вездѣ встрѣчались урочища, на которыхъ собиралась *копа* изъ Короны и в. княжества Литовско-русскаго. Въ этихъ вѣчевыхъ собраніяхъ принимали участіе не только люди простаго званія, *„но и княжата и панята"*. Такимъ образомъ до введенія Литовскаго статута вѣчевой

судъ, или *копной*, былъ такимъ же народнымъ русскимъ учрежденіемъ на западѣ Россіи, какъ на сѣверѣ и югѣ.

Законодательство рѣчи-посполитой касательно установленія границъ между Короной и в. княжествомъ послѣ 1569 г. носитъ на себѣ ясные слѣды поразительной небрежности и пристрастія къ этому дѣлу польскаго правительства, но только во вредъ в. княжеству. Граничныя столкновенія и споры тянулись неразрѣшенными не менѣе 70 лѣтъ и кончились въ пользу Короны. При этомъ нерѣдко принималась въ разсчетъ современное владѣніе; такъ между прочимъ сдѣлано было въ 1638 г. при разграниченіи брестскаго воеводства съ люблинскимъ. Очевидно, такое сеймовое постановленіе узаконяло за Короной всѣ земельные захваты, которые совершались въ теченіе трехъ четвертей столѣтія. Позднѣйшія жалобы представителей великаго княжества на нарушеніе границъ его Короной не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онѣ не соблюдались и послѣ окончательнаго ихъ установленія.

Отсюда слѣдуетъ, что Корона никогда не признавала границъ великаго княжества, ни до уніи, ни послѣ уніи.

Когда статья эта была напечатана, намъ удалось найти въ актовыхъ книгахъ Мельницкаго гродскаго суда весьма важный граничный документъ, относящійся ко временамъ Стафана Баторія. Это протоколъ граничной коммиссіи, назначенной по повелѣнію вышеупомянутаго короля въ 1579 г. для опредѣленія границъ между воеводствами подлѣсскимъ и брестскимъ и юрисдикціи пограничныхъ имѣній. Въ составъ этой коммиссіи входили слѣдующія лица: со стороны короны— Войтехъ Старожребскій, епископъ перемышльскій и Павелъ Щавинскій, каштелянъ ленчицкій, староста сохачевскій и варацкій; со стороны великаго княжества литовскаго — Александръ Пронскій, стольникъ в. кн. Литовскаго и Адамъ Потей, судья земскій брестскій. Въ дѣлахъ коммиссіи принимали также участіе и важнѣйшіе сановники обоихъ воеводствъ, а равно землевладѣльцы пограничной полосы. Въ слѣдствіе враждебнаго отношенія къ дѣятельности коммиссіи стороны польской коммиссары не могли успѣшно окончить возложеннаго на нихъ порученія; тѣмъ не менѣе протоколъ дѣйствій коммиссіи имѣетъ весьма важное историческое значеніе: въ немъ чрезвычайно ярко выражаются взгляды польскихъ сановниковъ не только на граничный вопросъ, но и на задушевное стремленіе ихъ къ полному присвоенію и порабощенію Польши сосѣднихъ земель в. кн. литовско-русскаго. Замѣчательно то обстоятельство, что польскіе сановники оспаривали у короля право назначать граничную коммиссію, которая по существу своему могла опредѣлять границы владѣній со-

сѣднихъ государствъ. По мнѣнію же сановниковъ польскихъ это значило касаться верховныхъ правъ, которыя принадлежали не королю, а сейму.

Мы не знаемъ, когда намъ представится возможность издать въ свѣтъ собранные уже граничные документы. Вотъ почему въ виду важности настоящаго документа мы рѣшаемся съ разрѣшенія Коммиссіи напечатать его въ видѣ приложенія при нашей статьѣ въ подлинномъ видѣ. Перевода и подробныхъ разъясненій мы не дѣлаемъ изъ опасенія, что-бъ не увеличить размѣра, и безъ того уже обширной, статьи.

С. Шолковичъ.

Протоколъ коммиссіи, назначенной королемъ Стефаномъ Баторіемъ для опредѣленія границы между воеводствомъ Подляшскимъ и Брестскимъ и указанія подсудности пограничныхъ имѣній того и другаго воеводствъ [1]).

Actum in castro regio Mielnicensi, sabbato ante dominicam Oculi proximo, Anno Domini 1579, coram officio capitaneali generoso Martino Łasiczki — vice capit. castrensi Mielnicensi, praesentibus generosis Petro Pathkowski judice, Alberto Dzierzkowski subiudice, Stanislao Orzeszko notario terrestribus Mielnicensibus, et aliis quam plurimis nobilibus circa ea existentibus [2]).

Actio inter Mielnicen. et Brzesten. districtum.

Do urzędu y xiąg theraznieyszych grodzkich Mielniczkich sliachetny Andrzey Zalewski, sługa wielmożnego pana Pawła Szczawinskiego, Casztellana Łęczyczkiego etc przyniosł y przes woznego ziemskiego Mielniczkiego, Andrzeya Korzeniowskiego s pewną sliachtą Piotrem y Ianem Hornowskimi podał sprawę allegacii y document przes ich moscz pany comissarze wielmożnych y urodzonych Woyciecha Starozrzebskiego—biskupa Przemyslkiego, Pawła Szczawinskiego casztellana Łęczyczkiego starosthę Sochaczewskiego y Waraczkiego, Alexandra Pronskiego—stolnika wielkiego xięsthwa

[1]) Изъ актовой книги Мельницкаго гродскаго суда за 1578—1580 г., л. 145—154.

[2]) *Переводъ:* Совершено въ Мельницкомъ королевскомъ замкѣ въ субботу на третьей недѣлѣ великаго поста (= 21 Марта) 1579 года, передъ старостинскимъ судомъ урожденнымъ Мартиномъ Ласицкимъ — Мельницкимъ замковымъ подстаростою, въ присутствіи урожденныхъ Мельницкихъ земскихъ судьи — Петра Патковскаго, подсудка — Альберта Дерковскаго, писаря — Станислава Орѣшко, и много другихъ знатныхъ лицъ.

Litewskiego, Adama Paczieya—sędziego ziemskiego Brzesczkiego, od iego krolewskiey mosczi zesłanyh w powieczie Mielniczkiem woiewodztwa Podliaskiego, a w woiewodztwie Brzeszczkiem przesłuchanych y spisanych s podpisem rąk własnych y pod pieczęczіami ich mosczi panow comissarzow. Kthora sprawa thym spossobem podana słowo od słowa thak się w sobie ma. Woyczіech Starozrzebski z łaski Bożey biskup Przemyslki, Paweł Szczawinski—casztellan Łęczyczki, Sochaczewski y Waraczki starostha, Alexander Proński — stholnik wielkiego xięstwa Litewskiego, Adam Pacziey—sędzia ziemski y poborcza Brzesczki, comissarze od króla iego mosczi, thak z strony Polskiey, iako y wielkiego xięsthwa Litewskiego na sprawę nizey opisaną naznaczeni y wysłani, czyniemy iawno thym listhem naszem: ysz za zlieczeniem y roskazaniem iego królewskiey mosczi ziachaliśmy się do Mielnika, miastha iego królewskiey mosczi powiathowego, w woiewodzthwie Podliaskiem, na dzień w commissiei opisany, tho iesth na poniedziałek wstępny po niedzieli, kthórą zową Jnuocauit w roku ninieyszem 1579, ktorego tho dnia przed nami będączymi na zamku iego królewskiey mosczi Mielniczkiem, przy bythnosczy urodzonych y sliachetnych panow Alexandra Wahanowskiego — marszałka jego królewskiey mosczi, Malchiera Nieczieczkiego—podkomorzego Drogiczkiego, Sebastiana Suchodolskiego — woyskiego Drogiczkiego, refferendarza iego królewskiey mosczi Arnolfa Hliebowicza—chorążego Drogiczkiego y innych wiele sliachcziczow, thak z Brzeszczkiego woiewodzthwa, iako y Podliaskiego na then czas zebranych, tho się działo: Naprzod wielmozny im pan Ostaphey Wołowicz—casztellan Troczki—podkanclerzy wielkiego xięsthwa Litewskiego, starostha Brzeszczki y Kobrynski, z strony starosthwa swego, thak thesz y innych dignitarzow y urzędnikow, ryczerstwa, sliachty, obywathelów woiewodzthwa Brzeszczkiego, przed nami wespołek z niekthoremi wielą ich sthanowszy, oddał nam comissią iego królewskiey mosczi, iednę większą coronną, a drugą mnieyszą Lithewską z podpisem ręki iego krolewskiey mosczi, iako thu iesth wpisana: Stephan z Bozey łaski król Polski, wielkie xiąże Lithewskie, Ruskie, Pruskie, Mazoweczkie, Żmódzkie, wielmożnym y urodzonym Woyczіechowi Starozrzebskiemu—biskupowi Przemysłkiemu, Mikołaiowi Kiszcze na Cziechonowczu — woiewodzie Podliaskiemu staroszczie Drogiczkiemu y Bielskiemu, Gabrielowi Hornosthaiowi—woiewodzie Brzeszczkiemu, staroszczie Minskiemu, y Kamienieczkiemu, Pawłowi Szczawinskiemu—casztellanowi Łęczyczkiemu, staroszczie Sochaczewskiemu y Waraczkiemu, Ianowi Haykowi—casztellanowi Brzeszczkiemu, dzierzawczy Trabskiemu, Ianowi Dulskiemu —casztellanowi Chełmienskiemu, staroszczie Branskiemu, Suraskiemu, Rogozyńskiemu, Ianowi Hlebowiczu—casztellanowi Mińskiemu, staroszczie Onikszcieńskiemu y Radoszkowskiemu, Mikołaiowi Łyssakowskiemu—casztellanowi Chełmskiemu, Alexandrowi kniaziu Pronskiemu—stolnikowi wielkiego xięsthwa Lithewskiego, Adamowi, sędziemu y poborczy ziemie Brzeszczkiey, uprzeymie nam miłym, łaskę naszę

królewską. Wieliebny, wielmozny y urodzeni uprzeymie y wiernie nam mili! Jsz na przeszłym seymie Warszawskim iestesmy proszeni z strony wielkiego xięsthwa Lithewskiego od posłów woiewodzthwa Brzeszczkiego, abyśmy onego woiewodzthwa niekthorey sliachczie, kthórzy się z jurisditiei sądow y urzędu Brzeszczkiego z imiony odrywacz chczą thego niedopuszczali, a z strony zasię woiewodzthwa Podliaskiego powiathu Mielniczkiego, thakze czynili prozbę do nas, aby się onego woiewodzthwa jurisdiciei, iako za przodków naszych było nicz nie ublizało; przetho za thakowemi do nas od pomienionych woiwodztw uczynionemi prozbami my z radami naszemi thak coronnemi, iako y wielkiego xięsthwa Lithewskiego tenesmy spossob y srodek do rostrzygnienia thakowey rozniczy naliezli, abyśmy pewne ossoby z oboiego państhwa do uznania they sprawy wysłali y naznaczyli. Czo zeby więcz do skuthku przyszło a them rożniczam koniecz mogł sthacz uprzey. y w. w. których baczenia y dzielnosczi iestesmy dobrze swiadomi, nathosmy deputowacz umyslili y ninieyszym listhem naszym deputuiemy, zleczaiącz tho uprzey. y w. w. abysczie porozumiawszy się s sobą na czas, tho iesth poniedziałek po niedzieli pirwszey w posth, kthorą zową Jnvocavit, wezwawszy do thego oboiey strony, thak powiathu Mielniczkiego, iako y woiewodzthwa Brzeszczkiego obywathelow, przez publicowanie y obwołanie uniwersału naszego do nich w they mierze danego y kthemu obwiesczіwszy mianowiczie the, ktorych bysczie wiedzieli, zeby ich tha sprawa zachodziła, ziachali się naprzod do Mielnika, gdzie z act grodzkich y ziemskich, thakze y z inszych dokument, kthóre wam będą przes the czo im na they sprawie nalezy pokazane, wiadomoscz dostateczną o wszythkiem wzięli, a pothem zasię w Brzesczіu thosz wszythko uczynili, kthore iednak wasze do Mielnika y do Brzesczia ziachanie nie ma nicz woiewodzthwam y ziemiam pomienionem preiudicatowacz, a gdy się na thych mieszczach odprawiczie y miecz będzieczie thakowe z act oboyga woiewodzthwa wywody y documenta, pothem zasię poiedzieczie na mieysczа y uroczyska, kthore wam będą od strony oboiey pokazane, thamze thesz uprzey. y w. w. wezmieczie sprawę y wiadomoscz them dostatecznieyszą o wszythkiem; a czokolwiek tham documentow iako s przypatrzenia się wyrozumieczie, tho nam na seym przyszły pod pieczięczіami swemi odniesieczie, abyśmy mogli według ządoszczi oboiey strony y według thego czo w they mierze słusznego y sprawiedliwego będziem rozumiecz, koniecz them rozniczam uczynicz, w czem wszythkiem uprzey. y w. w. sumnienia obwięzuiemy. Tho thesz przythem uprzey. y w. w. uczyniczie, isz gdy roznoscz y wąthpliwoscz w they sprawie obaczyczie, napomnieczie y daczie znacz starosthom albo urzędom y sądom oboiey strony, thak woiewodztwa Brzeszczkiego, iako y powiathu Mielniczkiego, aby nie wsthempowali się sobie w jurisdicie, a w them czo wąthpliwego uprzey. y w. w. uznaczie, aby się zatrzymali do posthanowienia naszego na pryszłym seymie.

Do czego wam mocz zupełną ninieyszym listhem naszym daiemy, a w niebythnosczi przy they sprawie niektorych z w. w. aby ćzi kthorzy przybędą thosz exequowali iedno żeby rownoscz była w liczbie, thak z strony korony Polskiey, iako thesz wielkiego xięsthwa Lithewskiego czo uczyniczie uprzey. y w. w. dlia łaski naszey. Dat. Crac. die V mensis Decembris. Roku Bożego MDLXXVIII, panowania naszego roku trzeciego. Stephanus Rex M. p. Thakze thesz oddał do nas mandatum universale do urzędnikow powiathu Mielniczkiego pod pieczięczią więthszą coronną s podpisem ręki iego królewskiey mościi, thu iesth wpisany w the słowa: Stephan z łaski Bożey krol Polski, wielkie xiąże Lithewskie, Ruskie, Pruskie, Mazoweczkie, Żmodzkie, Iflianczkie etc y Siedmigrodzkie. Urodzonemu Woyciechowi Sawiczkiemu—staroscie naszemu Mielniczkiemu, Piotrowi Padkowskiemu—sędziemu powiathu Mielniczkiego, a w niebythnosczi ich urzędnikom na mieysczu ich będączym, wiernie nam miłym łaskę krolewską. Jsz się roznicza dzieye około rosciągania jurisdiciei woiewodzthwa Brzesczkiego y ziemie Podliaskiey powiathu Mielniczkiego, gdzie tesz zatrudnienia spraw, thak w dochodzeniu sprawiedliwośczi, iako y w pociąganiu do nieprzynależączych sądow, poddani naszy w onych powieczieh odnoszą, chcząc thedy my one roznicze miedzy themi woiewodztwy uspokoicz, zleczilismy tho pewnem ossobom commissarzom naszym, kthorychesmy tho do they sprawy w comissiei naszey naznaczyli uznacz, aby tham na dzień pewny, tho iesth na poniedziałek po niedzieli pirwszey w posth, kthorą zową Invocavit do Mielnika pospołu ziachawszy się, o wszythkich rozniczach wywiadowanie pilne uczynili y nam na przyszłym seymie walnym spisawszy dostatecznie odniesli, a thak napominamy w. w., isz gdy wielmożny Ostaphiey Wołowicz—casztallan Troczki, podkanclerzy wielkiego xięsthwa Litewskiego w. w. oznaymi, aby tha commissia nasza w starosthwie Mielniczkiem byla publicowana y obwołana, zebysczie w. w. w them nie byli przeciwni, ale y owszem tho czo będzie przynależalo urzędom w. w. exequowali, thakże thesz y comissarze od nas pomienieni, gdy będą potrzebowacz do they sprawy act grodzkich y ziemskich y inszych document ku wywiadowaniu y rozeznaniu thych roznicz, dlia ktorych tham są od nas zesłani, aby byli bez wszego zatrudnienia do xiąg przypuszczeni, a iesliby thesz kthory z wier. w. wiadomoscz miał, iako daleko miedzy themi woiewodzthwy jurisdicia zachodziła, żeby commisarze naszy nicz nie zakrywaiącz informował y o wszythkiem im sprawę dał, zaczemby tha sprawa we wszem postępku koniecz wziącz mogła, czo dlia łaski naszey uczyniczie. Dat. Crac. die V mensis Decembris Roku Bożego MDLXXVIII, panowania naszego roku trzeciego. Stephanus Rex. Do thegosz oddał tesz listh do wszythkiey sliachty woiewodztwa Mielniczkiego obywathelow pisany w the słowa: Stephan z Bożey łaski, król Polski, wielki xiąże Lithewskie, Ruskie, Pruskie, Mazoweczkie, Żmodzkie, Iflianczkie etc. y Siedmigrodzkie, wszem w obec y zossobna każdemu woiewodzthwa Podliaskiego, powiathu Mielniczkiego obywathelom, kthorem iedno czo na them należy, uprzeymie y wiernie nam miłym łaskę naszę królewską. Uprzeymie y wiernie nam mili! Jsz zachodzą nieiakie rożnicze między niekthoremi z uprzey. y w. w. około imion pewnych, do kthorey by iurisdiciei y do kthórego woiewodzthwa należały, iesli do Brzesczkiego, czy do Podliaskiego, a powiathu Mielniczkiego, y częstośmy o tho od stron obu, thak woiewodzthwa Brzesczkiego, iako y Podliaskiego byli proszeni, abyśmy the roznicze rostrzygneli decretem naszem, przetho chcząc w nich iusz stateczny a porządny koniecz uczynicz zlieczylismy tho niekthorem pewnem ossobom z oboyga państwa nassego, thak coronnego, jako y wielkiego xięsthwa Litewskiego, aby społem się ziachawszy na dzień pewny, tho iesth na poniedziałek po niedzieli pirwszey w posth, kthorą zową Jnuocauit, naprzod do Mielnika iachali y tham z akt sądowych y grodzkich, thakże y inszych wszelakich document y wywodów wiadomoscz dostateczną o they sprawie wzięli y thosz zaraz w Brzesczu zaraz pothem uczynili, kthore iednak ziachanie ich na the miescza nicz niema preiudicowacz oboygu woiewodzthwu, a odprawiwszy się na tych woiewodztwach y miesczach, maią sobie iachacz na miescza y uroczyszcza y przypatrzycz się thesz wszysthkiemu they roznicze położeniu y tho czo tham wyrozumieią na seym przyszły żeby nam odniesli, iako o them szerzey y dostateczniey commissia nasza obmawia. Roskazuiemy thedy wam wszem, kthore by tha sprawa zachodziła y kthorem by czo na them należało, abysczie się przed thymi comissarzmi naszymi na dzień wyżey mianowany z documenti y wywody swemi, do they sprawy należączemi, sthawili, a czo by pomienieni comissarze wąthpliwego bydz w they mierze uznali, abysczie się w them do uznania naszego na seymie spokoynie, nicz przeciw drugiey stronie nie wszczynaiącz zachowali, a inaczey pod łaską naszą żebysczie nie czynili. Dat. Crac. die V Decembris Roku Bożego millesimo quingentesimo septuagesimo octauo, panowania naszego roku trzeciego. Stephanus Rex. mp. Nad tho oddał nam listh iego królewskey mości do urodzonego pana Caspra Dembińskiego—dzierzawcze Rozniszewskiego y z małżonką iego pisany w the słowa: Stephan z Bożey łaski krol Polski, wielkie xiąże Lithewskie, Ruskie, Pruskie, Mazoweczkie, Zmodzkie, Iflianckie et. y Siedmigrodzkie. Urodzonemu Casprowi Dębinskiemu—dzierzawczy naszemu Rozniszowskiemu y Marinie Kopcziownie małżoncze iego, wiernie nam miłym łaskę naszę krolewską. Urodzeni y wiernie nam mili! Wysyłamy pewne comissarze nasze na ogliądanie, poki woiewodzthwa Brzesczkiego y ziemie Podliaskiey powiathu Mielniczkiego jurisdicia słusznie się scziąga, them woiewodzthwam uspokoienie się w rozniczach z strony rosciągania się jurisdiciei sthało, poruczylismy thym tho comissarzom naszym, aby naprzod do Mielnika na dzień pewny, tho iesth na poniedziałek po niedzieli pirw-

szey w posth, kthorą zową Jnuocauit, ziachali się y tham z act sądowych grodzkich y ziemskich, thakże y wywodów inszych od stron, kthore by tha sprawa zachodziła, wiadomoscz o rozniczy they wzięli y thosz zasię w Brzesczіu uczynili, nicz nie preiudicuiącz iednak them ziachaniem swem zadnemu woiewodztwu. Nad tho żeby y na miescza, albo uroczyska dlia pewnieyszey sprawy wyiachali, a czego się tham dowiedzą y czo o they rozniczy wyrozumieią, aby nam na seym przyszły odniesli, iako o them szerzey comissia nasza obmawia. Isz thedy w. w. do thego należy roskazuiem, abysczie się na dzień pominiony w Mielniku s swoiemi documenti y wywody przed thymi tho comissarzmi naszemi sthawili, o wszythkiem sprawę dali, a thosz pothem na uroczyskach za ziachaniem comissarzow uczynili, a gdzie comissarze naszy uznaią w they sprawie y rozniczach wątpliwoscz iaką, abysczie w them w. w. spokoynie, nicz przeciw drugiey stronie niewszczynaiącz do uznania naszego na seymie zachowali, inaczey pod łaską naszą nie czyniącz. Dat. Crac. die V mensis Decembris Roku Bożego M. D. LXXVIII, panowania naszego roku trzeciego. Stephanus Rex. mp. Ku themu na ostathek oddał listh krola iego mościi pod pieczięczią Lithewską, pisany do obywathelow powiathu Brzeszkiego w the słowa: Stephan z Bożey łaski krol Polski, wielkie xiąże Lithewskie, Ruskie, Pruskie, Mazoweczkie, Zmodzkie, Iflianczkie etc. y Siedmigrodzkie. Wszem wobecz y każdemu z ossobna woiewodzthwa y powiathu Brzeszkiego obywathelom, kthorym iedno czo na thym należy uprzeymie y wiernie nam miłym łaskę naszę krolewską. Uprzeymie ywiernie nam mili! Isz zachodzą nieiakie roznicze miedzy niekthorymi z uprzey. y wier. w. około imion pewnych, do kthorey by jurisdiciei y do kthorego woiewodztwa należały, iesli do Brzeszkiego, czy do Podliaskiego powiathu Mielniczkiego y częstośmy o tho od stron obu thak woiewodzthwa Brzeszkiego, iako y Podliaskiego byli proszeni, abyśmy the roznicze rostrzygnęli decretem naszem, przetho chcząc w nich iusz stateczny a porządny koniecz uczynicz zlieczyliśmy tho niekthorem pewnem ossobam z oboyga państhwa naszego, thak coronnego, iako wielkiego xięsthwa Lithewskiego, aby społem się ziachawszy na dzień pewny, tho iesth na poniedziałek po niedzieli pirwszey, kthorą zową Jnuocauit, naprzod do Mielnika ziachali się y tham z act sądowych grodzkich, thakże y z inszych wszelakich document y wywodów wiadomoscz dostateczną o they sprawie wzięli y tosz zasię w Brzesczіu zaraz pothem uczynili, kthore iednak ziachanie ich na the miescza niema preiudicowacz oboygu woiewodzthwam, a odprawiwszy się na tych woiewodztwach y miesczach maią zasię iechacz na miescza y uroczyska y przypatrzycz się thesz wszythkiemu they roznicze położeniu y tho czo tham wyrozumieią na seymie przyszłym żeby nam odniesli, iako o them szerzey y dostateczniey commissia nasza obmawia. Roskazuiemy thedy wam wszem, kthore by tha sprawa zachodziła, abysczie się przed thymi comisarzmi naszemi na

dzień wyszey pomieniony z documenti y wywody swemi, do they sprawy należączymi sthawili, a czo by pomienieni comissarze wątpliwego w they mierze uznali, abysczie się w them do uznania naszego na seymie spokoynie, nicz przeciw drugiey stronie niewszczynaiącz, zachowali, inaczey pod łaską naszą żebysczie nie czynili. Dat. Cracoviae die V Decembris, Anno Domini M. D. LXXVIII, panowania naszego roku trzeciego, na własne roskazanie krola iego mościi. Do thego pokładał thesz przed nami wypissy, thak z xiąg grodzkich iako y ziemskich Mielniczkich, pod actem ziemskiem we srodę przed Gromniczami roku theraznieyszego, ysz the listhy wszythkie iego krolewskiey mościi do urzędu, thak grodzkiego, iako y ziemskiego Mielniczkiego są oddane y wszythkim oznaymione y publicowane, komu należało, czego relatią woznego ziemskiego Mielniczkiego generała coronnego sliachethnego Krysztopha Czybowskiego werificował y k themu że osobne mandati panu Casprowi Dębinskiemu z małżonką iego y paniey Annie zostałey małżoncze nieboszczyka pana Iwana Bohowitina Koziradzkiego—marszałka iego krolewskiey mościi y thesz Sebastianowi Biesiekierskiemu przes thegosz woznego na imionach ich są oddane y położone pod actem grodzkiem we wthorek po swięthey Doroczie w roku ninieyszym, thegosz dowodził y relatią woznego Brzeszkiego Stanisława Rożyczkowskiego w grodzie Brzeszkiem uczynioną.

A my comissarze listhy krola iego mościi z uczciwosczią thaką yako przysthało przyiąwszy do wypełnienia y exequowania listhow y woley iego krolewskiey mościi przychyliwszy się, fundowalismy jurisditią swą czosmy themusz woznemu ziemskiemu Mielniczkiemu, sliachethnemu Crysztophowi Czybowskiemu obwołacz iasnie y głosnie roskazali, kthóry ysz tho obwołał zasię przed nami zeznał. Po them fundowaniu jurisdicіei naszey wielmożny pan Troczki, wyżey pomieniony, maiącz przy sobie dignitarze, urzędniki y wiele obywathelow woiewodztwa Brzeszkiego, przeciwko urzędnikom grodzkim et ziemskim Mielniczkim w woiewodzthwie Podliaskiem, thusz przed nami sthoiączym thakową skargę przełożył: ysz then oboi urząd jurisditię swoię na jurisditią starodawną woiewodzthwa Brzeszkiego (przeciwko dawnemu tych oboyga woiewodztw w jurisdictiei ograniczenia przes przodki króla iego mościi uczynione y tesz starodawnemu praw y wolnosczi swych y zwyczaiów używaniu nad obowiązek uniei krolestwa Polskiego z wielkiem xięsthwem Lithewskiem poprzysiężone:) roscziąga, wszrubuwaiącz y wtrączaiącz się w jurisdicią woiewodzthwa thego Brzeszkiego własną, iako wydawaniem pozwow na imiona, nigdy they iurisdiciei Mielniczkiey niepodległe, thak thesz zasię posyłaniem do tychże imion urzędu swego na wwięzowanie w przezyskach, kthore tho w Mielniku s pozwu w polu, albo we wrotach położonych y nieopowiedzianych, niekthore ossoby za iakiemsczi niesthawaniem u ich prawa na sliachczie y imionach, zdawna do woiewodztwa Brzeszkiego przysłuchaiączych, otrzymuwaią y przewodzą; a ysz thakowe przezyski

dopuszczaią przed sobą otrzymawacz na imiona jurisditiei Brzesczkiey wnosicz, z ich ze act iasnie tho się moze dowiescz, czo iesth z wielką szkodą y utratha tych ossob, z ktorych kazda s tymze urzędem czasu swego prawem o tho czynicz chcze, y w them sobie wczale prawo zachowuie y prosił, aby then tho oboy urząd wiedlie commissiei iego królewskiey mosczi przed nami sprawę dał y pokazał pewnemi iakiemi documenti y swiadeczthwy, bądz tho xięgami act swych ziemskich y grodzkich Mielniczkich, za kthorą moczą y przyczyną albo zwyczaiem poczęli y ważyli się wsthępowacz w jurisditią Brzeszczkiemu woiewodzthwu własnie należączą, biorącz się z strony woiewodsthwa Brzeszczkiego (iesliby oni czo pokazacz nie mogli iakosz nie mogą), przeciwko thego wywiescz y dostatecznie pokazacz, ysz z starodawna powiath Brzeszczki jurisditią swą od woiewodzthwa Podliaskiego, albo raczey ziemie Podliaskiey był y iesth oddzielony, a używał zwyczaiow y prawa swego Lithewskiego, pod woiewodztwem Troczkiem, iako tesz y ziemia Podliaska, będącz w on czas wespołek z ziemią Brzeszczką pod regimentem wielkiego xięsthwa Lithewskiego, thakże używała do dostąmpienia praw polskich, ktorych sobie u królow ich mosczi Zygmuntha pirwszego y Zigmuntha Augustha, przodków iego królewskiey mosczi, dosthała. Kthore prawa polskie przed zkonczeniem y przy skończeniu uniei nie rosciągali się daley, tylko po the granicze, kthoremi stharodawna ziemia Brzeszczka z ziemią Podliaską dzielą się, zosthawuiącz w them sobie wszelakie probacie y tho przed nami y ondzie przed krolem iego mosczią y wszythką radą iego seymową. Na kthorą tho skargę pan starostha y urząd ziemski Mielniczki przes urodzonego pana Piotra Padkowskiego—sędziego ziemskiego Mielniczkiego, thakową obmowę uczynili: isz po zamknieniu uniei corony Polskiey z wielkiem xięsthwem Lithewskiem, gdy dwory iego krolewskiey mosczi Woiń, Lomazy y Kodeniecz za pieczęczią coronną byli panu Ianowi Tarłowi — dzisieyszemu panu woiewodzie Lubelskiemu oddane, thedy sliachcziczow niektorych niemało obrocziło się do thego powiathu, kthorzy thak grodzkiemi, iako ziemskiemi pozwy Mielniczkiemi niekthore sąsiady spozywali; a ysz czi poddani nie sthawali, ani się opowiedali na roku, aby mieli do thego powiathu nie należecz, urząd iako każdemu iesth y powinien bydz gothow w oddawaniu sprawiedliwosczi, musiał tho czynicz y thak posthępowacz, iako powinnosczi iego niesie, waruiącz się win w statuczie coronnym o thym opisanych y thesz trudnosczi, do ktorych za niepełnieniem powinnosczi swey mogł by się przywiescz. Przetho gdysz u nas gołe membrany s pieczięczią daią, wolno themu, ktho bierze na tych membranach y na thesz pozwy do sądu przyszedszy wzdawacz, bo go urząd nie pytha o przyczynę, z kthorey tho czyni, on wie iako sobie prawem posthępuie, a stronie pozwaney iesth remedium przeciwko themu, gdy obaczy, że go s powiathu wyzową, ma pozwacz pro evocatione o winę w statuczie opisaną y o zaniesienie pozwu na

imienie iego, a przed się na roku stawszy, excipowacz, albo wyiącz się do swego własnego naleznego powiathu; ale gdy niesthanie, thedy na thakowem łathwie przewod prawa otrzymacz, iakosz przetho się niekthorzy z onego kraiu dobrowolnie sthanąwszy, wdawali się w thę jurisditią y odpowiedali na thakowe pozwy. A ieszcze przed them y przed unią kniazie Połubieńskie z imienia ich Bokowicz thu w powieczie Mielniczkiem y w ziemsthwie y w grodzie sądzono; czego dowodził actami z xiąg ziemskich y grodzkich, kthore ossobliwie kazawszy przed nas przyniescz, xięgi ziemskie verificowane y reuidowane są, s tychże xiąg wyięthe y wypisane, w ktorych się nikth inszy nie pokazuie, iedno kniaziowie Połubiensczy z imienia Bokowicz. Z strony thesz pana starosthy Mielniczkiego y urzędu iego powiedziano, że sthare xięgi grodzkie, gdy zamek Mielniczki gorzał, pogorzały, a w tych nowych xięgach niemasz nicz thakowego, skąd by się pokazacz mogło, aby kiedy tho w grodzie kthore ossoby sliacheczkie s tamthego kraiu od Woinia, Łomaz sądzicz miano, oprocz iesli się ktho dobrowolnie zapisał, albo poddał. Po they obmowie panow urzędnikow przerzeczonych urodzony pan Casper Dębinski—dzierzawcza Rozniszewski, wystąmpiwszy słownie, czo przed nami mowił, tho na pismie nam podał, thą formą po łaczinie:

Et incontinenti [1]) generosus Caspar Dębinski nomine suo ac nobilitatis multae palatinatus Podlachiae districtus Mielnicensis, inherendo priori commissioni eorum ad conventionem generalem regni datae, attenta extraditione commissionis non esse secundum statuta regni, imo de essentia statutorum ubique ex diametro pugnare, nec eandem in favorem reipublicae spaeciali constitutione laudatam et extraditam esse, quum sit magnum et praegnans negotium, in eoque incolumitas totius reipub-

[1]) *Переводъ.* И теперь урожденный Касперъ Дембинскій отъ имени своего и многочисленнаго дворянства Подляшскаго воеводства, Мельницкаго повѣта, соглашаясь съ прежней ихъ коммиссіей, отправленной на генеральный сеймъ королевства, въ томъ, что учрежденіе настоящей, разграничительной коммиссіи не только несогласно съ законами королевства, но даже діаметрально противорѣчитъ основнымъ его законамъ, потому что она не утверждена и не учреждена съ одобренія республики особою конституціею, какъ бы этого требовало столь важное по своимъ послѣдствіямъ дѣло, отъ котораго зависитъ цѣльность государства — королевства Польскаго и княжества Литовскаго (а подобнаго рода дѣла всегда и вездѣ совершались и утверждались сеймовыми конституціями), — заявилъ, что они въ силу закона, дозволяющаго уклоняться отъ некомпетентнаго суда, ни въ чемъ не признавая юрисдикціи сихъ лицъ, коимъ присвоено званіе коммиссаровъ, нисколько не обязаны объясняться передъ ними, такъ какъ именуемые коммиссарами лица не вправѣ исполнять обязанности коммиссіи, во-первыхъ и главнымъ образомъ оттого, что они назначены и отправлены вопреки закону королевства о коммиссарахъ, не утверждены и не санкціонированы особою конституціею, какъ этого требуетъ само дѣло, наконецъ и потому, что, хотя бы они и были назначены согласно съ постановленіемъ закона и мнѣніемъ королевскаго величества, то все таки они явились не въ надлежащемъ количествѣ, такъ какъ общій уставъ королевства гласитъ, что для улаживанія спорныхъ дѣлъ должно быть назна-

licae, regni Poloniae et ducatus Lithuaniae consistit, quorum acta semper et ubique constitutione conventus sunt gesta et roborata; itaque in vim exceptionis fori declinatoriae in nullo approbantes jurisdictionem assertorum commissariorum allegauerunt, se nil quidque coram eisdem procedi teneri nec eosdem assertos commissarios ad contenta commissionis discernenda habiles et competentes esse, primum et potissimum ex eo, quia non sunt iuxta praescriptum statuti regni de comissariis editum dati et deputati, nec seorsiua constitutione, cum id res expostullauerit, sanciti et laudati, tum denique eo, quia et si ex praescripto legum et arbitrio magestatis regiae dati fuerint, non tamen in equiualenti numero comparuerunt, -statutum commune regni adminus quinque commissarios in sopiendis differentiis necessario dandos esse declarat, multo magis inter ordines unius reipublicae aliarum gentium grauior et copiosior numerus adesse debet,—tum et ideo, quod nemo commissariorum comparuerunt termino praesenti, qui palatinatus Podlachiae et districtus Mielnicensis indigena sit, qui ex certa et naturali scientia locum differentiarum determinationisque palatinatus Podlachiae et magni ducatus Lithvaniae merito ostendere possit. Adiecerunt nihilominus magnum esse periculum regno Poloniae commissione praesenti esse futurum, cum sit sine consilio senatus solum modo ad priuata petita aliquarum partium data et extradita; nam etsi de scitu et voluntate totius senatus data fuisset, nemini dubium esse, aliquem affuturum ex parte regni cum munimentis et priuilegiis diplomatibusque negotio praesenti necessariis, quibus ut circa incorporationem praefati palatinatus et districtuum haec esse a corpore regni avulsa, et iterum ad corpus regni pertinere probatum est, ita distantia loci et termini palatinatuum probari sine dubio potest. Insuper reproduxerunt statutum Sigismundi Augusti

чено по меньшей мѣрѣ пять коммиссаровъ, а въ дѣлѣ происходящемъ между властями разныхъ народностей, хотя и принадлежащихъ къ одному государству, должно присутствовать гораздо болѣе многочисленное и полное количество; потомъ еще и оттого, что въ числѣ явившихся на настоящій срокъ коммиссаровъ нѣтъ ни одного уроженца Подляшскаго воеводства и Мельницкаго повѣта, который на основаніи несомнѣннаго личнаго знанія спорныхъ мѣстъ и разграниченій Подляшскаго воеводства и великаго княжества Литовскаго, могъ бы дать вѣрныя показанія. Къ сему они присовокупили, что настоящая коммиссія тѣмъ не менѣе можетъ представлять большую опасность для Польскаго королевства, потому, что она назначена и учреждена безъ сенатскаго рѣшенія по однимъ лишь частнымъ просьбамъ нѣкоторыхъ партій; ибо если бы она была назначена съ вѣдома и по желанію цѣлаго сената, то навѣрно присутствовалъ бы кто-ниб. со стороны королевства съ необходимыми для настоящаго дѣла крѣпостями, привиллегіями и грамотами, на основаніи которыхъ безъ сомнѣнія можно доказать разстояніе мѣстъ и границы воеводствъ, точно такъ, какъ при присоединеніи помянутыхъ воеводствъ и повѣтовъ было доказано, что все это отторгнуто отъ состава королевства и къ нему принадлежитъ. Сверхъ того они сослались и на утвержденный въ Варшавѣ законъ Сигизмунда Августа о коммиссіяхъ, учреждаемыхъ между короною Польскою и княжествомъ Литовскимъ, и на основаніи его доказали, что коро-

de commissionibus inter regnum Poloniae et ducatum Lithvaniae Warszoviae sancittum, quo docuerunt magestatem regiam posse commissione sua prouidere dissentientibus subditis regni Poloniae et magni ducatus Lithvaniae, si quid priuatim in priuatis negotiis et iniuriis inter se habeant, coram quibus pars conuenta unicuique de se querenti iustificare tenetur; publicorum vero actuum decisio sicut non ex arbitrio solius magestatis regiae, sed totius senatus dependet, ita et commissiones ad sopiendas differentias, tum et quaevis reuisiones ex consilio et voluntate senatus totius regni et ducatus speciali constitutione fieri necesse est, ut ex constitutionibus regni in minoribus eiusdem negotiis fieri consueuit, multo maius negotio praesenti ea necessaria fuerunt. Petieruntque praefati nobiles quatinus domini commissarii, uti inhabiles ex rationibus supra allegatis a negotio praesenti supersedeant, offerrendo, sese nihilominus tempore et loco competenti, facta mutua cointelligentia cum indigenis regni adeptisque diplomatibus ex archiuo regio super prouintiam, praesentem habitis, id probaturos, non solum districtum Mielnicensem sed et palatinatum Brzestensem ad regnum Poloniae et jurisdictionem statuti regni pertinere et iudicata districtus Mielnicensis de bonis sibi adiacentibus competentia ac legitima fore.

Przeciwko kthorey thakiey receptiei iego moścz pan Troczki affirmował: ze tha commissia od krola iego mośczi etiam autoritate conuentus słusznie iesth wydana, poniewasz na seymie przeszłym Warszawskim tak posłowie Brzesczcy, iako y Mielniczcy publice krola iego mośczi prosili o tho, aby tha roznicza około iurisditiei tych woiewodzthw była componowana. Za czem król iego moścz obieczacz raczył ich mośczi pany commissarze, thak s Polski, iako y z Lithwy thu wysłacz; kthóra tho commissia them okolicznoscziam, kthore pan Dembinski w inszych

левское величество посредствомъ своей коммиссіи можетъ разбирать только спорныя дѣла о частныхъ обидахъ между подданными королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго. Въ такихъ случаяхъ позванная сторона обязана передъ этими назначенными королемъ коммиссарами отвѣчать каждому на нее жалующемуся. Но какъ установленіе государственныхъ актовъ не зависитъ отъ благоусмотрѣнія одного лишь королевскаго величества, а цѣлаго сената, точно такъ и необходимо, чтобы коммиссіи для улаживанія возникшихъ недоразумѣній, потомъ вообще и всякаго рода ревизіи совершались съ вѣдома и согласія сената всего королевства и княжества, по особой конституціи, какъ на основаніи конституцій королевства и обыкновенно дѣлается даже въ менѣе важныхъ вопросахъ; тѣмъ болѣе это необходимо въ настоящемъ случаѣ. И помянутые дворяне просили, чтобы господа коммиссары, какъ некомпетентные по выше приведеннымъ доводамъ, отложили настоящее дѣло, обѣщая при этомъ, что они тѣмъ не менѣе въ соотвѣтственномъ мѣстѣ и въ удобное время, по совмѣстномъ совѣщаніи съ уроженцами королевства, захвативъ съ собою изъ королевскаго архива хранящіяся тамъ грамоты о данной области, докажутъ, что не только Мельницкій повѣтъ, но и воеводство Брестское принадлежатъ къ Польскому королевству и къ юрисдикціи коронаго статута, и что судебныя опредѣленія Мельницкаго повѣта относительно имѣній, къ нему прилегающихъ, компетентны и законны.

articulech o commissiach przytacza (iest) niepodległą, gdysz thu idzie tylko o jurisdicią dwuch woiewodztw, a nie o granicze miedzy coroną Polską, a między xięsthwem Lithewskiem, przetho y panowie commissarze czi, kthórzy się thu na then czas zebrali y ziachali, gdysz są wedlie pomierzenia krola iego mośczi w rowney liczbie, słusznie tho mogą exequowacz, aby dowiedziawszy się o iurisdiciei tych dwoyga woiewodsthwa, iako daleko y na kthore imiona scziąga się, krolowi iego mośczi na seymie przysłem sprawę dostateczną dali. A my commissarze, przysthawaiącz commissiey iego kroliewskiey mośczi, kthora nie thak potrzebuie, aby strony iakie w they sprawie controuertowacz miały, ale wieczey, aby urząd, przec ieden drugiemu w jurisdicią wrzucza się sprawil nas bacząc ysz urząd zaniechawszy thakowych excepcii, prostho directe obmowe czynił, skazalismy stronam daley postępowacz, po them, czo mowił, iako się protestował pan Casper Dembinski z strony swey wedle scriptu przezeń podanego, wpisano iesth.

Tandem [1]) praefatus generosus Caspar Dębinski nomine suo ac multae nobilitatis palatinatus Podlachiae ministeriali terrarum palatinatus Podlachiae districtus Mielnicensis in praesentia praefatorum senatorum regni et officialium magni ducatus Lithuaniae et tota nobilitate ex aliis districtibus ad praemissa veniente solenniter protestatus est, sese in nullo velle et posse approbare jurisdictionem tam inhabilium commissariorum, immo et si vellent, non potuerint, quandoquidem non illorum tantum sed regni Poloniae res agitur, quorum iura et documenta privilegiaque in dubium vocare nullo modo vellent et possunt, ac tum non approbando eo jurisdictionem praesentem, nec intrando in aliquam

[1]) *Переводъ*. Наконецъ вышепоименованный урожденный Касперъ Дембинскій отъ своего имени и многочисленнаго дворянства Подляшскаго воеводства, въ присутствіи названныхъ сенаторовъ королевства и должностныхъ лицъ великаго княжества Литовскаго и всего дворянства изъ другихъ повѣтовъ для указаннаго дѣла собравшагося, подалъ торжественный протестъ земскому возному Подляшскаго воеводства, Мельницкаго повѣта, заключающійся въ томъ, что они ни въ чемъ не хотятъ и не могутъ признать юрисдикціи столь некомпетентныхъ коммиссаровъ, да даже если они и желали бы, то не могли бы этого сдѣлать, потому что это дѣло касается не только ихъ самихъ, но и королевства Польскаго. Однако подвергать сомнѣнію права, документы и привиллегіи сихъ лицъ они никоимъ образомъ не желаютъ и не могутъ, и потому, не признавая еще этимъ настоящей юрисдикціи, и не вступая въ какой-нибудь диспутъ относительно правъ королевства, но имѣя въ виду приказъ королевскаго величества, чтобы въ настоящемъ дѣлѣ каждый высказалъ то, что онъ достовѣрно знаетъ, и по неимѣнію въ настоящее время при себѣ привиллегій и невозможности достать ихъ для даннаго дѣла, никто не упустилъ бы привести для этого дѣла свѣдѣнія, какія кто изъ нихъ имѣетъ изъ личнаго знакомства съ этимъ вопросомъ, авторитета лѣтописнаго или изъ подлинныхъ документовъ,—они и разъяснили сперва изъ Польской хроники временъ Сендомірскаго князя Казиміра, подъ 1179 годомъ, что нынѣшнее Брестское воеводство — область русскихъ князей и не находится подъ властью Литовцевъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія слова помянутой Исторіи: „Сверхъ этого князь Казиміръ въ лѣто Господне 1179 пріобрѣлъ русскія области — Брестскую, Владимірскую, Дрогичинскую и Перемышльскую. Овладѣвъ крѣпостями онъ самъ управлялъ этими областями“ и т. д. Эта Брестская область немного спустя отложилась отъ Казиміра, и князь Казиміръ пріобрѣлъ ее вторично, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ слова 25 главы Исторіи, гласящія слѣдующимъ образомъ: „Но князь Казиміръ, узнавъ объ отпаденіи города Бреста и его области, надъ рѣкою Бугомъ расположенныхъ, отправился туда съ военными силами ради скорѣйшаго прибытія на мѣсто форсированнымъ маршемъ и въ теченіи 12 дней взялъ городъ и истребилъ виновниковъ возстанія“ и проч. Они же, не устрашенные наказаніями, которымъ подверглись другіе, опять возстали и отложились во время царствованія Владислава Локетка. Казиміръ второй покорилъ ихъ снова въ 1349 году, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописца: „Въ тотъ же годъ король Казиміръ, собравъ многочисленное войско, завоевалъ и подчинилъ себѣ русскія земли, крѣпости и города, которые еще не были подъ его властью и привелъ въ свое подданство Луцкъ, Брестъ, Холмъ и сосѣднія мѣста“. Какъ извѣстно, господство надъ Брестомъ у Казиміра было отнято Литовцами. Но помянутые дворяне доказали, что въ 1366 году Казиміръ опять вернулъ себѣ власть не только надъ Брестской, но и надъ Луцкой, Холмской и Бѣльской областями, которыя съ тѣхъ поръ и оставались безпрерывно за Польскимъ королевствомъ, хотя онѣ вслѣдствіе уніи и злоупотребленій нѣкоторыхъ государей — королей Польскихъ и были раздроблены и раздѣлены на

disputationem de juribus regni, attento quidem mandato regiae magestatis, ut de certa scientia quisque, seu in eo negotio habitur, enarret, mandante quum sint ad praesens privilegiis regni orbati adipiscique eadem pro negotio praesenti non potuerint, id quod quisque de certa scientia, autoritate scripturae, autenticisque documentis habere potuit, refferri praesenti negotio pro posse suo non neglexit, prout inprimis ex Cronica Polonorum tempore Kazimiri ducis Sendomiriensis rerum gestarnm in anno Domini 1179 declarauerunt, palatinatum ad praesens Brzestensem, ducum Russiae prouintiam, non autem in ditione Lithvanorum esse, ut de hoc verba prefatae historiae in hunc modum scripta testantur: Super hoc actum dux Cazimirus anno Domini 1179 prouintias Russiae Brzestensem, Wladimiriensem, Drohiciensem et Przemysliensem adeptus est. Quarum castris conquisitis ipsas prouincias per se administrabat etc. Quae prouincia Brzestensis a Cazimiro paulo post defecit, quam dux Cazimirus iterum recuperauit, ut verba Historiae capiti 25 testantur in hunc modum: Dux autem Cazimirus deffectione ciuitatis et provinciae Brzesczіensis super flumen Bug sittarum percepta cellerrimo gradu cum millitum copiis perueniendi causa in duodecim dierum spacio cepit ac deffectionis autores interritu extinxit etc. Qui postea penas ex aliis sumptas non veriti, tempore imperii Wladislai Lokiethek rebellaverunt seu deffecerunt. Quos Cazimirus secundus in anno Domini 1349 iterum recuperauit, ut verba scripta testantur: Anno eodem comparato numeroso exercitu rex Cazimirus terras Russiae, castra, ciuitates, quae nondum suo imperio parebant, expugnauit et subiugauit: Łuczko, Brzesczie, Chełm et eorum vicinia in suam ditionem redegit. Quam ditionem Brze-

stensem a Lithwanis esse Cazimiro erreptam constat. Quam iterum in anno Domini 1366 per Cazimirum recuperatam probauerunt, non solum Brzestensem, verum et Lucensem, Chełmensem et Belzensem. Quae prouintiae ex eo tempore circa regnum Poloniae semper fuerunt, quamquam per unionem et abusus nonnullorum principum, Poloniae regum, distractae et in varias provintias distributae sunt; tempore vero Cazimiri tertii Łomazos et Polubicze a prefectura Parczowiensi abstractos esse prabauerunt. Deinde et nonnullas earum prouinciarum partes a praefato Cazimiro Jagielonis filio datas esse Witowdo et aliis id genus principibus ad vitae tempora seu in feudum produxerunt aliisque id genus documentis et probationibus specialiter deductis declarauerunt, territorium Brzestense, Mielnicense, Łomazos eorumque pertinentia ad regnum Poloniae semper pertinere ex visceribusque terrae Podlachiae pendere ac esse, quarum quidem prouinciarum restitutio ad regnum et si conuentione generali regni facta sit decretaque conuentionis de praemissis latius testantur, tamen ob non determinationem et consignationem limitum et terminorum hucusque tergiuersantur, quorum determinatio ac distinctio autoritate totius senatus utriusque ordinis fieri debet et prius necessaria et principalis, quam aliarum dissensionum videlicet jurisdictionis compositio. Quid etenim damni et iniuriae adferre potest, si in Mielnicensi vel Brzestensi territoriis iudicabitur, dummodo statuto et juribus regni iudicatus fuerit? Quod vero ad praesens attinet assertam iniectionem in iurisdictionem utriusque territorii, itidem eandem rationibus iustis refellere non neglexerint; nam et si ante unionem factam quisque pro arbitrio principis forum sibi ipsi constituere potuerat,

разныя области. Во время же Казиміра третьяго Ломазы и Полюбичи были отдѣлены отъ Парчовскаго округа. Потомъ они указали еще и на то, что нѣкоторыя части этихъ областей выше помянутымъ Казиміромъ Ягелловичемъ были переданы Витовту и другимъ подобнаго рода князьямъ въ пожизненное или ленное владѣніе, и съ помощію другихъ подобныхъ документовъ и доказательствъ, спеціально съ этою цѣлью ими приведенныхъ, они разъяснили, что какъ Брестская и Мельницкая области, такъ и Ломазы съ тяготѣвшими къ нимъ деревнями всегда принадлежали къ коронѣ Польской и составляютъ, такъ сказать, неотъемлемую составную часть Подляшской земли. Хотя возсоединеніе этихъ областей съ Короною Польскою и совершено на сеймѣ королевства, и сеймовыя постановленія о помянутыхъ дѣлахъ обстоятельно свидѣтельствуютъ, но все-таки вслѣдствіе того, что еще не произведено размежеванія и не возведены граничные знаки, происходитъ замѣшательство, каковыя разграниченіе и раздѣленіе должны совершаться властью цѣлаго сената обѣихъ половинъ и болѣе необходимы и принципіальны, чѣмъ улаживаніе другихъ спорныхъ дѣлъ, какъ напр. дѣла о юрисдикціяхъ. Вѣдь какой вредъ или какая несправедливость можетъ произойти отъ того, совершается ли судъ въ Мельницкой области или въ Брестской, лишь бы было суждено по коронному статуту и праву? Что же въ данномъ случаѣ касается причисываемаго имъ вторженія въ юрисдикцію другой области, то они равнымъ образомъ не преминули опровергнуть это справедливыми доводами. Ибо уже до уніи каждый по усмотрѣнію князя могъ себѣ самъ выбирать судъ, — да даже изъ подлин-

immo ex actis autenticis hanc illorum tergiversationem videre licet, quod, dum et quando aliquis affecto iniuria vicino ad territorium Brzestense vocatus fuerat et ipso tunc jure communi victo, mox pro remedio ad exemptionem principum sese confugit et sibi aliud forum indixit, vel coram magno duce Lithwaniae pariturum sese probauit, et ibidem conueniendus esse debuit. Hoc itidem et in Mielnicensi territorio quondam actum esse actis publicis comprobauere, et hoc fieri solebat per exemptiones principum vel potius licentia quadam eorum aut exorbitancia cancellariae, quod unusquisque illorum tantisper ferre tenebatur, quousque restitutio terrarum prefatarum in hactenus laudata et sancita est, qua prouisum est, omnes provintias Podlachiae, terras, villas, praedia ad regnum Poloniae pertinentes etiam si fuerint ducatus Lithwanorum fore teneri, nec ulterius easdem exemptiones ducum et eorum consuetudines ad prefata bona referri posse, salvis permanentibus donationibus eorum principum, qui cum feudales et gratialistae prefatarum prouinciarum fuerunt, nihil a regno distrahere auellereque potuerant, et si quid distribuerant, distributa eorum salua manent, sed ad jus regni pertinent; quum autem nullum exstat dubium, immo decreto conuentionali probatur et aliis documentis multis Mielnikom, Łomazos, Woinie, Kodeniecz et alia bona eis adiacentia actis cancellariae magestatis regiae et juramento possessoris moderni in jus polonicum praestito, cum et palatinatum ad praesens Brzestensem, a Russis esse regno appropriatum, merito in eisdem et de eisdem territoriis et bonis adiacentibus jus statutorum regni esse licite pronunciatum videtur, prout et ante unionem prefati districtus Mielnicensis jurisdictio sese de praefatis bonis et aliis

ныхъ актовъ можно видѣть увертки противной стороны, — такъ какъ коль скоро кто-нибудь за нанесеніе обиды своему сосѣду былъ позываемъ въ Брестскую землю и на основаніи тогдашняго общественнаго права осуждаемъ, и онъ въ скоромъ времени прибѣгалъ къ средству княжеской экземпціи и указывалъ для себя другой судъ или доказывалъ, что онъ обязанъ являться только передъ великимъ княземъ Литовскимъ, то приходилось обращаться съ жалобою на него туда. А изъ оффиціальныхъ актовъ они вывели, что это нѣкогда бывало и въ Мельницкой землѣ, и обыкновенно дѣлалось при помощи княжескихъ экземпцій или скорѣе какимъ то своеволіемъ или нарушеніемъ права со стороны канцеляріи. И этому приходилось подвергаться каждому до тѣхъ поръ, пока не было рѣшено и утверждено возстановленіе названныхъ областей въ настоящемъ ихъ положеніи, чѣмъ и достигнуто, что всѣ округи, земельныя угодія, фольварки и имѣнія Подляхіи, хотя бы они и были Литовскаго княжестъа, должны будутъ принадлежать къ коронѣ Польской, и дальше уже такія экземпціи князей и ихъ тамошные обычаи не будутъ имѣть значенія въ отношеніи къ помянутымъ имѣніямъ. Однако вѣчныя пожалованія ихъ государей останутся въ силѣ; но такъ какъ послѣдніе были лишь феодалами и владѣли этими областями только по милости королей польскихъ, то они ничего не могли оторвать и отторгнуть отъ королевства, а если они и раздавали что-нибудь, то сіи ихъ пожалованія остаются неприкосновенными, но подлежатъ коронной юрисдикціи. Но такъ какъ не существуетъ ни малѣйшаго сомнѣнія и доказывается даже сеймовымъ рѣшеніемъ и многими дру-

sibi adiacentibus actis autenticis ex actis terrestribus et castrensibus Mielnicensibus productis extendere et pertinere, clarissime edocta est, et sicut statuto regni cautum et prouisum est, nullas inhibitiones per regiam magestatem dari posse, immo inferrentem penis legalibus puniendum esse, ideo conditio subsequens commissionis contra statuta regni extradita, de prescripto juris valere minime potest; quod enim regiae magestati facere non licet. Multo magis ad id personis dellegatis, quae premissa omnia commonstrata, lecta et deducta praefata nobilitas non ut commissariis iudicibus, sed ut senatoribus regni et officialibus magni ducatus Lithwaniae pro informatione eorum futura probauerunt, produxerunt et legi fecerunt, de quo solleniter protestati sunt. Idque non aliter esse praefatus ministerialis jus suum reddens in vim suae verae relationis recognovit in praesentia prefatorum nobilium praemissa sollenniter attestans.

Przeciwko kthorem allegatiam z strony pana Dębinskiego s protestatią uczynionem iego mościa pan Troczki powiedział: isz tho, czo kronikami wywodzi, prostho nicz nie iesth pomoczno do thego actu, ani tho miescza w prawie ma a ysz wedle commissiey krola iego mościi idzie tylko o jurisditią dwuch woiewodztw, pokąth ią scziągacz maią, kthorey tho jurisditiei incorporatia ziemie Podlaskiey nicz woiewodzthwu Brzesczkiemu nie uięła, gdysz za przysięgą, kthorą dignitarze, urzędniczy y inszy obywathele powiathu Brzesczkiego na unią uczynili, wczałosczi tho woiewodzthwo z jurispitią swą zosthało, a czo thu przythaczaią że na on

гими документами, какъ напр. актами канцеляріи королевскаго величества и присягою теперешняго владѣтеля Мельника, Ломазовъ, Войновъ и Коденца, исполненною имъ на основаніи польскаго права, что эти области, какъ равно и нынѣшнее Брестское воеводство королевствомъ пріобрѣтены отъ русскихъ, то кажется совершенно справедливо въ этихъ округахъ и прилегающихъ къ нимъ имѣніяхъ провозглашено право польскихъ законовъ. Такимъ же образомъ изъ приведенныхъ изъ Мельницкихъ земскихъ и гродскихъ книгъ подлинныхъ актовъ несомнѣнно выяснено, что еще до уніи юрисдикція помянутаго Мельницкаго повѣта простиралась и на названныя и другія прилегающія къ нему имѣнія. А такъ какъ коронным статутомъ предусмотрѣно и возбранено, чтобы королевскимъ величествомъ не давались никакія ингибиціи *), и предъявляющій таковыя даже долженъ подвергаться установленнымъ закономъ наказаніямъ, то и учрежденіе этой коммиссіи, произведенное вопреки законамъ королевства, не можетъ имѣть законной силы, такъ какъ это вовсе не дѣло королевскаго величества. А все то, что выше доказано, приведено и выяснено, все это помянутое дворянство доказывало, приводило и велѣло читать передъ лицами, на то назначенными не какъ передъ коммиссарскими судьями, но скорѣе какъ передъ сенаторами королевства и должностными лицами великаго княжества Литовскаго для ихъ ознакомленія съ дѣломъ на будущее время, въ чемъ и состоитъ ихъ торжественный протестъ. Что это такъ, а не иначе, созналъ означенный возный, высказывая свое мнѣніе, и въ доказательство своего справедливаго донесенія все выше изложенное въ присутствіи помянутыхъ дворянъ торжественно подтверждая.

*) Inhibitio = отсрочка, пріостановленіе или воспрещеніе судебнаго дѣла.

czas w Lublinie krol iego mościa sławney pamięczi Zigmunth Augusth decretem swem przyznawa, ysz Woiń, Łomazy, Kodeniecz do Corony należali, thedy dekret thakowy niemogł uroscz, gdym ia do thego nie był pozwany, bo z controuersiei albo z pozwu za niesthaniem strony sthawaią się decreta, przetho thego decretu w przywileiu restitutiei Wołynia, Podlasza y Kiiowa wzmianki żadney nie uczyniono, ani mi forum pokazano nigdziey okrom dawney Brzesczkiey jurisditiei, pod kthorąm tho pirwiey trzymał y theraz trzymam y nie rozumiem inaczey, ze Woiń, Łomazy y Kodeniecz iesth woiewodzthwa Brzesczkiego tract, s kthórego ia coronie Polskiey nie przysiegałem, iedno z osiadłosczi swych, kthore na Wołyniu mam. Czego przed nami dowodził listem z cancellariei więthszey coronney s podpisem ręki iego mościi pana Walęnthego Dębinskiego, na onczas canczlerza coronnego danym, na seymie walnym w Lublinie roku 1569, a czo się dotycze, że wspominaią, ysz Woiń, Łomazy y Kodeniecz thęn że krol iego mościa zasthawicz był raczył w pewney summie pieniędzy iego mościi panu Tarłowi, dzisieyszemu woiewodzie Lubelskiemu, tho się sthało za pozwoleniem moiem, czo nicz nie ubliza jurisdiciei Brzesczkiei, poniewasz ia theraz trzymam tho w pewney summie pieniężney do wybrania iey; kthorą wybrawszy zasię wedle arędy swey Brzesczkiey, z pożythkow onego tractu będę tham respondował, gdzie krol iego mościa z pany radami roskaże. Czo iesth wolno krolowi iego mościi płathy swoich imion obraczacz, gdzie raczy, ale tho za sobą sliacheczkich imion do thakowey jurisditiei (w kthórą się pan Dębinski z inemi niekthoremi temere z powiathu Brzesczkiego wyłącza) niepocziąga, a gdysz pan Dębinski niepokazuie, aby the imiona y z sliachtą onego kraiu krol iego mościa miał do they jurisditiei Podliaskiey przyłączycz, czego by thesz y krol iego mościa okrom ich samych na tho dobrowolnego pozwolenia nie mogł uczynicz. W czem iako na seymiech przeszłych wszędzie oswiadczali się y opowiedali, thak y theraz thu przed w. m. opowiedaią y oswiadczaią się, isz oni iako z starodawna do jurisdiciei Brzesczkiego woiewodzthwa przysłuchali, thak y theraz przysłuchaią y każdemu o wszelaką krzywdę z imion swoych w oney jurisdiciei usprawiedliwiacz się y odpowiedacz gothowi, ale nie thu w Mielniku, w powieczie im nieprzynależnem dowodząc thego ysz imiona, kthore w onem kraiu za Bugiem y s thę stronę Buga lezą, w woiewodzthwie Brzesczkiem są, s ktorych zawsze się w Brzesczu sądzili y theraz sądzą pokładali przed nami przywileye y listhy, ktorych contenta kroczcze thu są opisane: Napirwey listh krola iego mościi Zigmuntha Augustha in forma vidimus po łaczinie na pargaminie pisany, pod datą w Knyszynie: dnia 20 Nowembris roku 1569, w kthorem są inserowane dwa przywileie: pirwszy Alexandra—wielkiego xiędza Lithewskiego, de data Vilnae ipso die sancti Galli feria quarta anno natali Domini 1499, w kthorem sthoi,

ysz nieboszczyk pan Ian Zabrzezinski — woiewoda Troczki, marszałek nawysszy wielkiego xięsthwa Lithewskiego, wespołek z małżonką swą Anną czorką nieboszczyka Mikołaia Nassutha prosił o potwierdzenie daniny przes wielkiego xiędza Lithewskiego Withowda nieboszczykowi Nasuthowi imion miastha Miedzyrzecz y dworu Biała przy rzecze Krsznie y dworn Iabłeczno przy rzecze Bugu, thakże dworu Wystycz przy rzecze Lsnie, w powieczie Brzeszczkiem, z inszemi dobry, z Łowiszczami Szereszowskiemi, w powieczie Kamienieczkiem leżączych; tamże opisane dwory Wozniki, w powieczie Mielniczkiem, a Krassowka, w powieczie Grodzienskiem leżącze, przes wielkiego xiędza Lithewskiego Zigmuntha bratha Withowdowego themusz panu Mikołaiowi Nassuthowi dane. Drugi zasię przywiley krola Kazimirza sub data w Grodnie feria secunda proxima ante festum sancti Andreae apostoli proxima anno Domini 1486, kthorem panu Ianowi Zabrzezinskiemu—marszałkowi dwornemu, staroscie Połoczkiemu, nadana iest wolnosez na jarmarki, thargi y miasteczka Miedzyrzeczu pissącz, że tho miasteczko leży w wielkiem xięsthwe Litewskiem, a w ziemi Brzeszczkiey. Pothem pokładał przywiley Zigmuntha wielkiego xiędza Lithewskiego sub data in Troki Dominico die ipso Decollationis sancti Ioannis anno Domini 1534, w kthorem sthoi, ysz daninę bratha swego rodzonego Witowda potwierdza panu Silberkowi alias Nassutowi na Miedzyrzecz y Słupno w powieczie Brzeszczkiem nad rzeką Krszną leżącze y na ine wsi, w themże powieczie Brzeszczkiem będącze; tamże wspomina insze imiona w powieczie Drogiczkiem lezącze, iako Krzemień, Pełch, Czorthoiewicze y Niemoyki. Listh trzeczi na pargaminie krola iego mościi Zigmuntha Starego pod datą w Wilnie feria secunda proxima ante festa Pentecosten, roku Pańskiego 1534 pod dwiema pieczęczami krola iego mościi signetową coronną, a Lithewską zwykłą, w kthorem tho eisth, isz pan Ian Zabrzezinski—woiewoda Troczki, nawysszy marszałek wielkiego xięsthwa Lithewskiego, pozwalia panu Ianowi Zabrzezinskiemu, synowi swemu, na imionach swych, na zamku y miesczie Miedzyrzeczkiem, w powieczie Brzeszczkiem leżączem y na Woznikach, w powieczie Mielniczkiem leżączych, oprawę wiana małżonćze swey Beaczie s Tęczyna zapisacz. Spominał tesz iego mościz pan Troczki, ysz na biskupsthwo Łuczkie y Brzeszczkie xiądz wielki Witułt wiz Parchow, na kthorey grunczie ieden biskup od imienia swego posadził miastheczko nazwane Ianow, w powieczie Brzeszczkiem oddał, skąd się y theraz xiądz biskup Łuczki piszę biskupem Brzeszczkiem. Item listh wielkiego xiędza Lithewskiego Alexandra papirowy po rusku pisany w Minsku Septembra dnia 15, indicta 11 do namiesthnika Brzeszczkiego pana Iakuba Ianowicza Niemierowicza, aby komornikowi iego mościi Marczinowi Zarankowiczu dał ziemie y dąbrowy Woinskiey w prohalinach na Polskiey graniczy wedlie uroczyscz w lisczie opisanych. Kthórego grunthu u thego Zaranka

wziętho za krola Zigmuntha Pirwszego Żerebiey z ziemiami drugiemi, w Brzeszczkiem powieczie, na kthorey ziemi zbudowan dwor krola iego mościi y miastho Woiń ossadzono, dawszy za tho pewną zamianę, o czem szerzey swiadczy listh thegosz krola Zigmuntha s podpisem ręki iego, dan w Wilnie dnia 18 Iulii Roku 1528. Przythem przypominał pan Troczki, ysz przy them Woiniu imiona Żelazna y Kopina panow Hreczynow y inney sliachty w they Kopiney mieszkaiącze, s ktorych ieden pan Iakub Hreczyna był podsędkiem ziemskiem Brzeszczkiem y używał thego urzędu po uniei asz do smierczi, kthorego małżonkę poiął Sebastian Besiekierski—sługa pana Dembinskiego, y then s tych imion odrzucza się do powiathu Mielniczkiego. O czem z dziewierzami małżonki swey prawo przed krolem iego mościa ma. Item listh ruski pargaminowy sądowy pana Iuria Iwanowicza Ilincza—marszałka iego krolewskiey mościi, starosthy Brzeszczkiego, pod datą w Iabłoney dnia 23 maia indicta 7, kthorem swiadczy, ysz s poruczenia krolia iego mościi Zigmuntha Pirwszego czynił roziazd graniczny miedzy ziemiany Przewłoczkiemi, a kniaziem Wasilęm Andrzeiowiczem Połubinskiem dzierżawczą Zołudzkiem, z wysługi iego od Brzeszczkiego starosthwa daney, wsiami Iabłoną y Iasionką, przed kthorem tho panęm Ilinczem czi ziemianie pokazowali przodka swego listh od wielkiego xiędza Witowda w the słowa: Namiesthniku Brzeszczkiemu Twierbuthu, prosił u nas thęn Lach iakąs pustini w Kureszowie od Parczewskiey granicze za Brzeszcziem. I thy by mu dał siescz na tey pustini, s kthorego tho listhu pokazuie się, ysz dawno powiath Brzeszczki graniczą swą pod Parczew scziąga się, czo szyrzey w thym że lisczie przyznawano, że niekthóre sianożęczi thamże na zamek Brzeszczki koszywano. Item przywiley łaczinski pargaminowy krola Zigmuntha dany na seymie walnym Piotrkowskim dnia 16 Stycznia Roku Pańskiego 1528, kthorem potwierdza krol iego mościz panu Kopcziowi Wasilowiczu—marszałkowi, y pisarzowi swemu, kupna iego na wieś Opole, w powieczie Brzeszczkiem leżączą, y na dwa zerebia nazwane Niełapowski y Dudziański, we wsi krola iego mościi Kodniu, kthóry tho Kodeń pothem krol iego mościz zamienił za inne żerebie Rusiłowskie y Zahniethowskie, przy themże Opolu w powieczie Brzeszkiem leżącze. A krol iego mościz na them Kodniu ma theraz folwark y włoscz, kthorą zową Kodeniecz, graniczącą s tym że Opolem y z grunthem Parczowskiem rzeką Piwonią, przypominaiącz tho isz po tych imionach ku Brzeszciu leżą imiona iego mościz pana Dembinskiego — Grodziscze, Rososze, Połubicze, z inszemi wsiami, kthore po paniey małżoncze swey w Brzeszczkiem powieczie ma y s tych do powiathu Mielniczkiego z Brzeszczkiego się wydziera, s ktorych tho imion, iusz po uniei za odesłaniem z urzędu Brzeszczkiego do krola iego mościi Zigmuntha Augustha sprawy nieboszczyka pana Kopcza stryia małżonki iego, kthorą miał z panem Troczkiem s panem Naru-

szewiczem — podskarbiem y s panęm Naruszewiczem — cziwunęm Wilienskiem, opiekunami paniey Dębinskiey, w Warszawie przed krolem iego mością sąd był, y zasię thęn sąd y dekret w they sprawie uczyniony na exequutią do thegosz urzędu Brzesczkiego iesth odesłan. O czem szerzey swiadczy thęn decret na pargaminie pisany y przed nami pokazowany. Item nad tho pokładał na imiona niekthore, kthore s thę stronę Buga w woiewodzthwie Brzesczkiem y w powieczie Kamienieczkiem leżą, przywiley łaczinski na pargaminie pisany krola Alexandra s podpisęm ręki iego pod datą w Wilnie dominica die Inventionis sanctae Crucis anno Domini 1506, kthorem thęn tho krol iego moścz panu Kopcziowi Wasilowiczu Czierpihore — pisarzowi swemu, dał na wiecznosc wieś swoię Wierzchowicze z inszemi grunthy, w powieczie Kamienieczkiem leżączą, powiedaiącz tho przed nami, że y s thego imienia Wierzchowiczkiego pan Dębinski s panią Kopcziową; a Kopył iego moścz pana woiewodę Brzesczkiego dzisieyszego thesz do Mielnika pozywa y sam się s thego imienia Wierzchowiczkiego, kthore zawsze iesth w woiewodzthwie Brzesczkiem, do Mielniczkiego powiathu odrywa, abowiem the Wierzchowicze y Kopyły leżą od Mielnika w szesciu milach maiącz od granicze Mielniczkiey wielie imion inych króla iego mościi y slacheczkich, w powieczie Brzesczkiem zaległych. Wywodzącz że wedlie listwow Witowdowych Kazimierzowych y innych krolow y wielkich xiędzow Lithewskich Podliaskiey ziemi granicza od Miedzyrzecza y Białey, w ktorych rzeka Krszna cziecze, s powiathem Brzesczkiem idzie imieinem Wozniczkiem, kthore iest w powiecze Mielniczkiem a z Janowskiem imieniem woiewodzthwa Brzesczkiego imienie Gnoyno paniey Niemierzyney, powiathu Mielniczkiego przes rzekę Bug, thasz granicza idzie dzielącz the powiathy, thamże paniey Niemierzyney Niwicze w Mielniczkiem ze wsią krolewską Krynkami, Koniuchami Brzesczkiemi graniczą, odthąd zasię idzie Mielniczka granicza z Brzesczkiem powiathem wsiami iego królewskiey mosczi ku Mileyczyczam z Puzyczami y sliacheczkiemi Thokarami y Thelatyczami w rzekę Nurzecz, kthora dzieli Mileyczycze od Pokoniewa wsi Mielniczkiey y thą rzeką Nurczem do rzeki Nura gdzie ziemianie Kaleczczycy, iedni do Brzesczia, a drudzy za rzeką do Bielskiego powiatu przysłuchaią. Od tych miescz idzie granicza Brzesczkiemu powiathu z Bielskiem powiathem miedzy rożnemi imiony, puszczą Bielską y Białowiezką mimo Wierzchowicze, kthore są w dislimittatiei niebosczyka krola sławney pamięczi Zigmuntha Augustha, kthorą okręgu jurisditiei woiewodzthwa Brzesczkiego uczynicz raczył, iako tho list jego królewskiey mosczi pisany w Piotrkowie dnia 30 miesiącza kwietnia roku Pańskiego 1565, s podpisęm ręki iego królewskiey mosczi przed nami pokładany swiadczy themi słowy. Czyniemy wiadomoscz powiathu Brzesczkiego, poki się mocz y władnoscz sądu ziemskiego y pozwy thego

sądu Brzesczkiego scziągacz maią, w them okręgu y w tych imionach, kthorych kolwiek sthanow y ossob będączych, nikogo nie wyimuiącz, czi themu sądowi Brzesczkiemu ziemskiemu poddani y należecz będą: poczęwszy od Parczewa graniczą coronną do Woinia, odthąd do Miedzyrzecza, do Łosiczkiey granicze y do Mielniczkiey, do Mieleyczycz po przysąd Mielniczki y Bielski, do Klieszczel, do Żołobatych mostow, wierzch rzeki Jasiołdy, gdzie ona wsthała, a rzeką Jasiołdą wnisz zaiąwszy Prużaną ku Sielczu, od Sielcza thąsz rzeką ku Berezowey panow Hamszeiow, od Berezowey thąsz rzeką do Maczieiowicz do Jastrzbła suchem grunthem zaymuiącz Chełmsk, od Chełmska prostho w rzekę Pinę, thą rzeką Piną zaymuiącz imienie pana Matyssowe Rzeczycze do granicze Ratynskiey Laczkiey, w themże okręgu powiath Kamienieczki y Kobrynski. Przeciwko zasię wypisom thym, kthore pan Dębinski pokazał, podpieraiącz dowodow swoich, iakoby przed them tho w Mielniczkiem sądzie kniazowie Połubiensczy, przodki paniey małżonki iego z imion ich sądzicz miano, iegomoscz pan Troczki odpor dawał: że thęn kniaz Połubieński, kthory thu do thego sądu niekthore sliachczicze thegosz powiathu Mielnickiego o krzywdy imienia swego Bokowicz pozywał, nie był przodek małżonki pana Dębinskiego, acz czi tosz imie miał Wasil, iako y przodek paniey Dębinskiey pradziad, kthory był starosthą Msciszławskiem y thamte imiona, czo pan Dębinski po małżoncze swey trzyma, dzierzał, thęn tho pradziad paniey Dębinskiey, striy był themu Wasilowi Bokowiczkiemu; jednak że tych kniazow Połubienskich sliachty Mielniczkiey thu do Mielnika pozywanych w powiath Mielniczki wczielicz niemoże, gdysz oni zasię kiedy ich ktho s tego imienia Bokowicz thu do Mielnika pozywał, zawsze się do powiathu Brzesczkiego, w kthorem tho imienie leży, excipowali, czo się pokazuie z listhow iego krolewskiey mosczi do starosthy Mielniczkiego, nieboszczyka pana Jana Irzykowicza, pisanych, kthore tho do xiąg grodskich Mielniczkich pod actem feria secunda in crastino festi sanctae Annae anno Domini 1556 wwiedzione y przed nami pokładane są. W tych liscziech thak pisze do pana starosty: Przetho gdysz oni s thego imienia swego Bokowiczkiego przed urzędem starosthwa Mielnickiego sthanowicz się nie powinni, a tho imienie swoie z dawnych czassow w powieczie Brzesczkiem, a nie w Mielniczkiem maią, przykazuiem thobie: abys y dopiro, wedlie dawnego zwykłego obyczaiu, ku niem się zachował y pozwow swych z zamku naszego Mielniczkiego po nich nie dawał, ku prawu do powiathu Mielniczkiego s thego imienia ich nie przyciągał y dzieczkich swoich k niem nieposyłał, koniecznie, aby tho inak niebyło, a iesliby komu do nich w czem potrzeba była, czi niechay by ich przed nami hospodarem, albo przed pany radami naszemi ich mosczią wielkiego xięstwa Lithewskiego, albo thesz przed urzędem zamku naszego Brzesczkiego, w kthorym oni powiecie tho imienie

swoie Bokowiczkie maią, prawęm używali, a oni wedlie obyczaiu prawa statutu ziemskiego będą powinni się w them każdemu usprawiedliwicz. A drugi listh do thegosz pana Irzykowicza pisany, gdzie król wspomina, ysz nieboszczyk pan stharostha Mielniczki, Niemiera, przed oyczem iego królewskiey mosczi Zigmunthem zeznał: ysz tho imienie Bokowicze nie w Mielniczkiem, ale w Brzeszczkiem powieczie leży. Jakosz y the przezyski, kthore nieboszczyk pan starostha na kniaziu Połubienskiem y na them imieniu iego Bokowiczach, moczą exequouał, pothem z ugody, kthorą na roku 1571 sliachethny Stanisław Hincza z Droblina, dziedzicz, z kniehynią Heleną Zołuzanką—zosthałą małżonką kniaza Michała Połubienskiego y z synmi iey uczynił, pokazuią się niesłusznie otrzymane, czo sam że then sliachcicz Hincza przyznawa, że był wyzwał s powiathu Brzeszczkiego y siedzenie był za tho w wieży przyiął, wedlie wypisu z xiąg grodzkich Mielniczkich, post actum feria quinta post festum sancti Martini proxima anno Domini 1571. Po kthorem tho pokładaniu przywileiow y listhow dignitarze, urzedniczy niekthorzy z wielą obywathelow powiathu Brzeszczkiego, kthorych imionami thu w thęn act wpisali, tho iesth, pan Alexander Wahanowski—marszałek iego królewskiey mosczi, pan Bohdan Sopiha—starostha Homelski, imieniem pana oycza swego iego mosczi pana woiewody Nowogroczkiego y bracziey swey, pan Hreori Baka—starostha Rohaczewski, pan Hreori Wahanowski—woyski Brzeszczki, pan Wasil Bukraba—Brzeszczki chorąży, z braczią swą, pan Fredrych Pacziey—pisarz ziemski, pan Wasil Hornowski—sędzia grodzki Brzeszczki, z brathęm Mikołaiem, pan Michał Bogowitin, kniaz Dmitr Połubienski, pan Fiedor Wahanowski, pan Maximilian Czapla, pan Siehen Stokarski, pan Łukasz Sołthan, pan Bohdan Czerniewski, pan Alexander Łazuczki, pan Lew Zaranko, pan Adam Krzyczewski—sędzicz, pan Hreczyna Iwan, pan Mikołay Czarkowiczki, pp. Thelatyczczy, pp. Thokarowsczy, a za listhem iego mosczi pana woiewody Smoleńskiego imieniem iego mosczi urzędnik Opolski, pan Stanisław Wilczopolski, thakze iego mosczi pana Radziwiła—marszałka nadwornego wielkiego xięstwa Lithewskiego imieniem urzednik z Białey, pan Stanisław Łuszczewski opowiedali y oswiadczali się sami od siebie y od innego ryczersthwa powiathu Brzeszczkiego, kthorych thu się było zebrało. Lecz ysz są niekthorzy zabawieni służbą przy dworze krola iego mosczi, drudzy tesz służbą woienną w Iflianczieh, dlia czego do nas nie mogli przybydz, protestuiącz się solenniter przed nami na urząd Mielniczki, tusz przy nas będączy, że oni nie chcą thu w they jurisditiei stawacz. A gdzie by ktho chciał na ich imionach moczą przezyski rosciągacz, oni chczą thego wszyscy spolecznie bronicz y przypythowali się, aby się thesz s thamthey strony mianowali, kthorzy się z Brzeszczkiey jurisditiei do they Mielniczkiey przy panu Dębinskiem odrzuczaią. Jakosz za ich upominaniem pytalismy niekthorych,

s kthorych się ozwał ieden Stanisław Chrozonowski, kthorego mianowano, że iesth komornikiem Lubelskiem, on powiedział: że thęn urząd spuscził, a gdy go pythano, gdzie by się z Chmielowa pozywał, żem się nigdy niepozywał. Przeczіwko iemu urząd ziemski Brzeszczki powiedział, że się naydzie dosycz w xięgach Brzeszczkich actiy, kthorych sądzono Chmielowskich y theraz się w Brzesczіu sądzą. Zaraz że przythem prosili nas, aby themu urzędowi było zakazano, żeby się daley w jurisditią woiewodzthwa Brzeszczkiego nie wstępmował y żadnych przezyskow iakosz kolwiek na kthorem imieniu, albo ossobie s powiathu Brzeszczkiego, za niesthawaniem otrzymanych, nie exequouali, asz sam iego królewska moscz na seymie the roznicze miedzy nimi rozsądzi. My przysthawaiącz they że commissiey, w kthorey roskazuie nam iego królewska moscz, czo gdzieby czo wątpliwego było, abyśmy urząd y sąd napomnieli, isz by się zatrzymali od thakowego wstępmowania sobie w swoię jurisditią, wyrokiem naszem y moczą commissiey tey zakazalismy urzędowi grodzkiemu y sądowi ziemskiemu Mielniczkiemu, aby daley sliachty z imion ich, kthore maią w woiewodzthwie Brzeszczkiem, nie sądzili y rzeczy sądowych nie exequowali dothąd asz iego królewska moscz sam na seymie the roznicze miedzy nimi rozeznacz y zasthanowicz raczy. Przy kthorey tho inhibitiey naszey pan Piotr Padkowski — sędzia ziemski Mielniczki, protestował się, że iesliby ktho urząd solicittował de reddenda iusticia, a on propter eam inhibitionem był by negligens, ne sit fraudi ad tuendas penas in judices et officiales negligentes editum. Po skonczeniu actu thego w Mielniku, przes nas dzierzanego, widząc ześmy thu they commissiey iego królewskiey mosczi na iednem miesczu y dnia iednego nie mogli exequowacz, ale iescze iako nam thasz commissia roskazuie, potrzeba nam iechacz do Brzesczia Lithewskiego, a tham thesz acta, thak ziemskie, iako y grodzkie w they że sprawie ogliądacz, limittowaliśmy y odłożyli ulteriorem exequutionem commissionis do Brzesczia na przyszły piąthek y kazalismy woznemu obwołacz, aby każdy o them wiedział, byłali by komu potrzeba wedlie they commissiey posthąmpicz w czem daley, aby tham pilnował. Na thęnczas pan Dębinski, imieniem swoiem y sliachty przy nim sthoiączey, opowiedział: że ia iusz nie mam po czo do Brzesczia iezdzicz, czom miał z strony swey pokazacz y wywodzicz, thom iusz thu pokazał, czo się wszysthko na przyszłem seymie declaruie y obiasni. Pothem iego moscz pan Troczki tusz przy bythnosczi pana Dębinskiego położył przed nami wypis z xiąg grodzkich Lubelskich autentice wyięthy thakowy:

Actum [1]) in castro Lublinensi feria secunda festi sacratissimi Pentecosten anno Domini millessimo quingentesimo septuagesimo quarto. Co-

[1]) *Переводъ:* Совершено въ Люблинскомъ замкѣ во второй день праздника Святой Пятидесятницы въ лѣто Господне 1574. Передъ настоящими старостинскими судомъ и актами въ Люблинскомъ замкѣ былъ поданъ и предъявленъ Люблинскимъ зем-

ram officio et actis praesentibus capitanealibus in castro Lublinensi oblatae et exhibitae sunt per prouidum Albertum Kwiathek de suburbio Lublinensi Czwarthek, ministerialem terrestrem Lublinensem, nomine ex parte generosi Casparis Dębinski de Dębiany—aulici sacrae regiae magestatis, literae papireae certi mandati sacrae regiae magestatis, sub titulo et sigillo appenso manuque propria eiusdem sacrae regiae magestatis subscriptae, ad illustrem et magnificum Joannem comittem in Thęczyn—casztellanum Woyniciensem, Lublinensem etc. capitaneum, vel in eius absentia ad vicecapitaneum Lublinensem datae, petendo ab officio praesenti easdem actis praesentibus inscribi admitti; quas officium capitaneale castrense Lublinense sanas et integras omnique suspicionis nota prorsus carentes animaduertens cum ea qua decet reuerentia ab illo suscepit, ad solicitacionemque ipsius paratum se ex debito officii sui unicuique reddens, easdem actis praesentibus inscribi iniunxit et demandauit. Quarum quidem literarum sacrae regiae magestatis ea sunt verba et tenor sequitur talis: Henricus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Mazouiae, Samogitiae necnon Andium, Borboniorum et Aluernorum dux. Magnifico Joanni a Thęczym—casztellano Woiniciensi et capitaneo nostro Lublinensi, syncere nobis dilecto, gratiam nostram regiam, in absentia eius,—vicecapitaneo Lublinensi. Magnifice, syncere nobis dilecte! Intelleximus ex querella grauiter coram nobis nomine generosae Marinae Kopcziowna in Jabłona et Witulin heredis, generosi olim Ivani Kopecz filiae, generosi vero Casparis Dębinski, aulici nostri, uxoris legittimae, per eundem eius maritum grauiter

---

скимъ вознымъ, уважаемымъ Альбертомъ Квяткомъ изъ Люблинскаго предмѣстья Чвартка, отъ имени и со стороны его королевскаго величества дворецкаго, урожденнаго Каспера Дембинскаго изъ Дембяновъ, мандатъ (приказаніе) священнаго королевскаго величества, писанный на бумагѣ, съ титуломъ и привѣшенною печатью, подписанный собственною священнаго королевскаго величества рукою, данный на имя ясновельможнаго Ивана графа Тенчинскаго, каштеляна Войнскаго, старосты Люблинскаго и проч., или въ случаѣ его отсутствія, на имя его подстаросты, при чемъ помянутый возный просилъ, чтобы сей судъ дозволилъ таковой листъ внести въ настоящія актовыя книги. Люблинскій старостинскій гродскій судъ, находя тотъ листъ цѣлымъ, ненарушеннымъ и не обнаруживающимъ никакихъ признаковъ сомнительности, принялъ его отъ него съ должною почтительностью, и уже по долгу своей службы всегда готовый услуживать каждому и всякому, согласился на его ходатайство, далъ соотвѣтствующее приказаніе и распорядился, чтобъ помянутый листъ былъ записанъ въ настоящіе акты. Слова же и содержаніе сего священнаго королевскаго величества листа таковы: Генрихъ, Божіею милостію король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, жомойтскій и князь андскій, борбонскій и альвернскій. Вельможному Ивану Тенчинскому, каштеляну Воинскому и старостѣ нашему Люблинскому, искренне нами возлюбленному, наше королевское благоволеніе, въ его отсутствіи — подстаростѣ Люблинскому. Вельможный, искренне нами возлюбленный! Изъ жалобы отъ имени урожденной Марины Копчовны, вотчинницы имѣній Яблони и Витулина,

exposita, quod et si terra Podlachiae cum omnibus territoriis et districtibus sit per serenissimum olim Sigismundum Augustum—Dei gratia regem Poloniae, sanctae memoriae antecessorem nostrum, ad regnum tanquam ad suum corpus, a quo avulsa erat, autoritate conuentus Lublinensis adiuncta et sub jurisdictione legum et officialium regni restituta et reuocata, nihilominus tum magnificum Eustachium Wołowicz—castellanum Trocensem et magni ducatus Lithwaniae vicecancellarium capitaneumque Brzestensem, non obstantibus praemissis, ausum esse eosdem coniuges ad instantiam generosi Nicolai Christophori Radziwił—curiae nostrae magni ducatus Lithwaniae marszalko, occasione cuiusdam assertae violentae expulsionis ex jurisdictione eorum propria, minirum Lublinensi, cum ipsi et bona praefata Witulin et Jabłona dictae Marinae Kopcziowna hereditaria subsunt, ad arcem Brzestensem euocare, in eadem arce Brzestensi, jurisdictione et foro competenti non obstante, exceptione for declinatoria pro parte illorum opposita, vi potius et deffectu quam iuridice iudicantes, contra eosdemque decreta quaedam, si decreta dici merentur, ferre et damna ingentia, semota minimeque admissa apellacione, contra eosdem decernere. Quemadmodum ea omnia sunt coram nobis luculenter commonstrata et deducta; quomodo vero metuunt iidem coniuges, ne praetextu eiusmodi decretorum, quamuis in foro et jurisdictione incompetenti minusque iuridice ac contra jura et priuilegia regni latorum, officium illud capitaneale Brzestense executionem contra eosdem coniuges in bonis illorum, illi jurisdictioni non subiectis, facere, brachiumque nostrum regale extendere contendat, supplicauerunt nobis, ut

---

дочери урожденнаго покойнаго Ивана Коптя, законной супруги нашего дворецкаго, урожденнаго Каспера Дембинскаго, симъ ея мужемъ обстоятельно передъ нами изложенной, мы увидѣли, что не смотря на то, что Подляшская земля со всѣми ея областями и повѣтами найяснѣйшимъ покойнымъ Сигизмундомъ Августомъ — Божіею милостію королемъ польскимъ, нашимъ блаженной памяти предшественникомъ, по постановленію Люблинскаго сейма, присоединена къ королевству, какъ составная часть его, отъ котораго она была оторвана, и опять возвращена и отдана подъ юрисдикцію коронныхъ законовъ и чиновниковъ, что тѣмъ не менѣе вельможный Евстафій Воловичъ — каштелянъ Троцкій, вице-канцлеръ великаго княжества Литовскаго и староста Брестскій, нисколько не смущаясь выше изложенными обстоятельствами, осмѣлился вызвать помянутыхъ супруговъ по требованію урожденнаго Николая Христофора Радивила—надворнаго маршалка великаго княжества Литовскаго, въ Брестскій замокъ, по случаю какого то приписываемаго имъ насильственнаго изгнанія изъ ихъ собственной юрисдикціи, т. е. Люблинской, подъ которой находятся названныя вотчинныя имѣнія помянутой Марины Коптевны — Витулинъ и Яблонь, и тутъ, въ Брестскомъ замкѣ, безъ препятствія со стороны компетентнаго суда и юрисдикціи и несмотря на то, что они сослались на свое право уклоняться отъ несвойственнаго суда, разсудя ихъ скорѣе силою и кривдою, чѣмъ законнымъ порядкомъ, онъ не стѣснялся вынести какіе то декреты, — если только они заслуживаютъ названія декретовъ, — и опредѣлить имъ чрезмѣрныя наказанія, отклоняя при этомъ и вовсе не

ipsis de remedio juris et iustitiae ac securitatis opportuno pro munere nostro regio prospicere dignaremur. Quamborem nos illorum supplicationi tanquam iustae iurique et rationi consoni, non minusque muneri nostro regio deesse nollentes, synceritati tuae, quae nostrum in tractu Lublinensi brachium regale tenet, iniungimus et mandamus, ut quum et quando per praedictos coniuges requisita fuerit, eos et eorum bona a vi et oppressione officii Brzestensis et cuiusuis alterius, cui de iure non subsunt, autoritate nostra vindicet et deffendat, nec patiatur illius officii falcem in alienam immittere messem, tantisper donec nos de uniuerso causae statu inter partes deciderimus. Pro gratia et officii sui debito synceritas tua aliter non factura. Datum Cracouiae, die 26 mensis aprilis anno Domini millesimo quingentesimo septuagesimo quarto, regni vero nostri anno primo. Henricus rex, m. p.

Pokazał thesz y pozew ziemski Lubelski, ktorem na roki ziemskie Lubelskie z dzierżawy Woinskiey pozwał pana Troczkiego w roku 1575, przekładaiącz tho przed nami, abyśmy się przypatrzyli, że pan Dębinski, wyłamuiącz się z jurisditiei woiewodzthwa Brzesczkiego s thamthemi swemi imionami y dothąd nie wie sam, dokąd by się z niemi przykłonicz y sobie forum uczynicz miał, dlia czego czasem do Lublina, czasem do Mielnika uczieka się, aby iedno z niego ludzie sprawiedliwośczi nie docziągali, kthorą on them zatrudnia. Działo się na zamku krola iego mośczi w Brzesczіu w piąthek po niedzieli Invocavit, przy bytnosczi wielmożnego pana Iana Hayka—casztellana Brzesczkiego, starosthy Trabskiego y inych niektorych, kthorzy byli w Mielniku, gdzie urząd grodzki y ziemski

---

допуская апелляціи. Это все передъ нами обстоятельно изложено и выяснено. Но такъ какъ эти супруги опасаются, чтобы помянутый Брестскій старостинскій судъ, на основаніи такого рода декретовъ, хотя и вынесенныхъ въ некомпетентныхъ судѣ и юрисдикціи, совершенно незаконнымъ образомъ и противъ всѣхъ правъ и привиллегій королевства, всетаки не привелъ бы сихъ декретовъ въ исполненіи надъ ними въ ихъ имѣніяхъ, вовсе не подлежащихъ его юрисдикціи, и не потребовалъ бы отъ насъ для этого военной помощи, то они и просили насъ, чтобы мы по долгу нашей королевской обязанности изволили позаботиться объ удобномъ средствѣ для огражденія права, справедливости и безопасности ихъ. Вслѣдствіе этого мы, не желая пренебрегать столь справедливою и вполнѣ согласною съ закономъ и здравымъ разсудкомъ ихъ просьбою, равно какъ и нашимъ королевскимъ долгомъ, повелѣваемъ и поручаемъ твоей честности, коя въ Люблинскомъ округѣ завѣдуетъ нашею военною силою, чтобы ты, въ случаѣ если бы они когда-нибудь обратились къ твоей честности, нашимъ авторитетомъ защитилъ и освободилъ этихъ супруговъ и ихъ имѣнія отъ насилія и угнетенія со стороны Брестскаго или какого нибудь иного суда, которому они по праву не подлежатъ, и не дозволялъ бы тому суду запускать свой серпъ въ чужую жатву, до тѣхъ поръ, пока мы, по зрѣломъ обсужденіи всего дѣла, не разсудимъ сторонъ. При нашей милости и во исполненіе своей служебной обязанности твоя честность не поступитъ иначе.

Данъ въ Краковѣ, мѣсяца апрѣля 26 дня въ лѣто Господне 1574, нашего царствованія первое. Король Генрихъ, собственноручно.

Brzesczki wedlie nauki commissiei iego krolewskiey mośczi, pokazali przed nami acta, thak ziemskie iako y grodzkie, kthore reuidowalismy y kazawszy wypisacz summarie, regestra spraw tych osob, kthore z imion swych od Woinia, Łomaz y Kodeńcza w ziemsthwie y w grodzie miewali y w onych się przed them urzędem we wszelakich krzywdach swoych sądzili, one regestra rękami swemi podpisalismy, ktorych tho actii ukazało się w xięgach grodzkich ab anno Domini 1537, usque ad annum 1579 thak wiele y było by ich więczey, lecz sthare xięgi grodzkie pogorzały, kiedy zamek gorzał y pothem thesz czerkiew ruska swięthego Mikołaia zgorzała, a w xięgach ziemskich od roku 1566 do roku 1579 actii y zapisow y opowiedania trzydzieszczi y trzy. Thamże w Brzesczіu na thęn czas dowodzącz, ysz ziemianie Chmielowszczy zdawna do powiathu Brzesczkiego należą, położył iego moścz pan Troczki listh krola iego mośczi Zigmuntha Pirwszego po rusku pisany, kthóry w słowo od słowa na polskie przełożony, iesth thu wpisany: Zigmunth, Bożą miłosczią krol Polski, wielki xiądz Lithewski, Ruski, Pruski, Żmodzki, Mazoweczki y innych. Starosczie Brzesczkiemu, marszałku naszemu, dzierzawczy Wilkieyskiemu, Ostrynskiemu y Knyszynskiemu, panu Alexandru Iwanowiczu Chodkiewiczu. Żałowali nam czi poddani naszy ziemianie powiathu Brzesczkiego, kthorzy na graniczach Laczkich siedzą, Iakub Chmielowski, Stanisław Chmielowski z inszą braczią swą, na kniazia Iwana Wasilewicza Połubienskiego o thym: isz on krzywdy y uczіski wielkie im działa y w ziemię ich własną przes granicze zwieczysthe się wsthępuie y na siebie ich zabiera y s thego gwałthownem obyczaiem ich wyczіska, a oni, dzie, żadney obrony w them miecz y sprawiedliwosczi z niem dowiescz, ani thesz graniczenia o the ziemie swe z niem czynicz ne mogą, dlia thego ysz on them imionam swem, s ktorych tho krzywdy im czyni, nie iesth oyczycz, przethо czo by thwa miłoscz kniaziu Iwanu pod zakładem naszem przykazał, żeby on przes granicze zwieczysthe we własne ziemie ich nicz nie wsthempował y s tego ich nie wyczіskał y żadnych krzywd y grabieżow im nie czynił y we wszythkiem się zachował ku niem spokoynie. A twoia miłoscz w opiecze y obronie swey miał y we wszythkiem w czem by oni s kiem potrzebowali sprawiedliwosczi im dowodził, a nie dopuszcził nikomu krzywd im czynicz. Pisan w Lubline, miesiącza Iunia osmego dnia, indicta 15. Michaylo pissar. A my commissarze, wiedzącz, ysz nad tho iego krolewska moścz thąsz commissią roskazowacz nam raczy, po reuidowaniu act y wysłuchaniu document obwoda woiewodzthwa, abyśmy wyiachali na miescza y uroczyszcza, ktore by nam pokazane byli, baczącz drogi theraznieyszey dlia wzbierania wod po rospuszczeniu zimy niebespiecznoscz y trudnoscz czasu, zaniechaliśmy thego wyiachania, ale tho wszythko y każdą rzecz z ossobna, iako się przed nami działo, dostatecznie w ten act nasz spisawszy, na rozsądek iego krolewskiey

mości, na seym przyszły odesłalismy y odsyłami wszysthkę thę rzecz, zakładaiącz stronam oboyga woiewodzthwa rok na przyszłym seymie walnym coronnym, kthory kolwiek pirwey gdzie będzie obychodzon, od poczęczia thego seymu dzień dwunasthy, y thęn act rękami naszemi podpisawszy y pieczęczіami zapieczęthowawszy, stronam wydalismy. Dan w Brzesczіu Lithewskiem, feria sexta post dominicam Inuocauit proxima anno Domini millesimo quingentesimo septuagesimo nono. Woyczіech Sobiniwski z Starozrzeb — biskup Przemyslki, Paweł Szawinski z Wielkiego Sczawina — casztellan Łęczyczki, starostha Sochaczewski mp. Alexander Pronski — stolnik wielkiego xięsthwa Lithewskiego, Adam Pacziey sędzia ziemski Brzeszki, manu propria.

О КОПНЫХЪ СУДАХЪ.

Въ 1857 году покойный професоръ Иванишевъ напечаталъ въ „Русской Бесѣдѣ“ изслѣдованіе подъ заглавіемъ *„О сельскихъ общинахъ юго-западной Руси.“* Въ этомъ небольшомъ изслѣдованіи, составленномъ на основаніи актовъ юго-западной Руси, относящихся къ XV, XVI и XVII ст., кіевскій профессоръ первый указалъ на существованіе общинно-вѣчевыхъ судовъ въ юго-западной Руси. Открытіе это имѣло весьма важное научное значеніе: оно установило фактъ существованія вѣча и въ юго-западной Руси, сроднаго съ такимъ же точно вѣчемъ и въ Руси сѣверной и восточной, не только во времена древнѣйшія, но и во времена литовско-польскаго владычества. Съ того времени прошло безъ малаго 30 лѣтъ. На сцену дѣятельности была призвана Виленская археографическая коммисія; приступилъ къ изданію древнихъ историческихъ документовъ и Виленскій учебный округъ. Своей совокупной дѣятельностью они открыли и издали въ свѣтъ значительное количество актовъ, касающихся общинно-вѣчевыхъ судовъ и въ Руси сѣверо-западной и даже на Литвѣ. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ разъясняютъ это дѣло гораздо шире и обстоятельнѣе. Такъ нѣкоторые изъ нихъ показываютъ, что въ вѣчевыхъ судахъ принимали участіе не только крестьяне, мѣщане и безземельные бояре (какъ это видно изъ изслѣдованія Иванишева), но и „княжата“ и „панята“ и „земяне“; принимали также участіе и одни земяне цѣлаго повѣта; но объ этомъ мы будемъ говорить подробнѣе въ послѣдствіи.

Такъ какъ общія формы суда были совершенно одинаковы, какъ въ Руси юго-западной, такъ и въ сѣверо-западной, то во избѣжаніе излишнихъ повтореній, мы приводимъ въ краткомъ извлеченіи дословную выдержку изъ изслѣдованія профессора Иванишева, а въ концѣ ея обра-

тимъ вниманіе читателя на тѣ новыя данныя, которыя вытекаютъ изъ историческихъ документовъ, изданныхъ уже въ позднѣйшее время частію виленскимъ учебнымъ округомъ и частію виленской археографическою коммисіею.

Селенія, составлявшія общину, назывались *селами околичными*. На какомъ основаніи и въ какое время возникла и утвердилась между ними общинная связь, опредѣлить трудно. Этотъ вопросъ можно будетъ рѣшить тогда, когда будутъ открыты болѣе древніе акты. Въ памятникахъ письменнаго законодательства, дошедшихъ до насъ, нѣтъ объ этомъ никакихъ постановленій. Крестьяне иногда жаловались въ урядѣ, что нѣкоторыя селенія, состоя съ ними въ одной общинѣ, уклоняются отъ исполненія общинныхъ обязанностей; но связь между селеніями, крестьяне доказывали не законами и не договорами, а одною только давностью: „они издавна съ нами о шкоды вшелякія схоживалися“.

Каждому селенію принадлежало пространство земли, опредѣленное точными границами. Это необходимо было особенно потому, что въ случаѣ преступленія, отвѣтственность, прежде всего, падала на то селеніе, на земляхъ котораго находимы были улики. Совокупность земель, принадлежавшихъ такимъ селеніямъ, составляла округъ сельской общины. По присоединеніи древнихъ областей юго-западной Россіи къ Литвѣ и Польшѣ, общинныя земли частію присоединены были къ королевскимъ имѣніямъ, частію розданы помѣщикамъ, городамъ, церквамъ, и монастырямъ; поэтому сельскія общины въ томъ видѣ, какъ онѣ изображаются въ открытыхъ нами актахъ, не имѣли права собственности на земли, ими занимаемыя. Впрочемъ, каждый крестьянинъ отдѣльно могъ пріобрѣтать поземельные участки и владѣть ими на правѣ полной собственности.

Сельская община состояла изъ всѣхъ лицъ простаго сословія (люди простого стану), имѣвшихъ постоянную осѣдлость въ ея округѣ. Сюда относились: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе, и церковные, сельчане, или свободные поселяне, мѣщане, не пользовавшіеся правомъ магдебургскимъ. Сверхъ того, къ общинѣ принадлежали также земяне королевскіе, то есть, безземельные шляхтичи, которые получали во владѣніе участки королевскихъ земель, подъ условіемъ исполнять опредѣленныя, преимущественно военныя повинности.

Главная цѣль соединенія селеній въ общины состояла въ томъ, чтобы предупреждать нарушеніе законовъ, открывать и преслѣдовать преступниковъ, судить и наказывать ихъ, наконецъ присуждать и доставлять обиженному вознагражденіе. Каждое селеніе порознь и вся община

вмѣстѣ отвѣчали за проступки всѣхъ своихъ членовъ. Въ предѣлахъ своего округа община ручалась за безопасность жизни и имущества какъ своихъ собственныхъ членовъ, такъ и пришельцовъ. Мы говоримъ здѣсь о сельской общинѣ, какъ она является въ открытыхъ нами актахъ XVI и XVII вѣка; но, во времена болѣе отдаленныя, она могла имѣть болѣе обширный кругъ власти и отвѣтственности.

Каждая сельская община имѣла свои народныя собранія для совѣщаній и для рѣшенія дѣлъ, подлежавшихъ ея вѣдомству. Такое народное собраніе называлось *копа* или *купа*, также *громада*, *великая громада*. Совѣщаніе народнаго собранія называлось *вѣчемъ*: копа собиралась на вѣче, то есть для совѣщанія. Изъ этого видно, что вѣча, о которыхъ упоминаютъ наши древнія лѣтописи, не были исключительною принадлежностью городскихъ общинъ, но они принадлежали и сельскимъ общинамъ. Слово вѣче встрѣчается только въ древнѣйшемъ изъ открытыхъ нами актовъ (1564 апрѣля 18); въ позднѣйшихъ актахъ употребляются слова *купа*, *копа* и *громада*; въ актахъ XVII вѣка слово копа исчезаетъ, и употребляется вездѣ слово громада [1]).

Не всѣ лица, принадлежавшія къ сельской общинѣ, составляли народное собраніе и участвовали въ его совѣщаніяхъ; это право предоставлялось однимъ только домохозяевамъ, имѣвшимъ постоянную осѣдлость. Ихъ сыновья и братья, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, а также женщины, являлись въ собраніе только по особому требованію копы и при томъ не для совѣщанія, а только для свидѣтельскихъ показаній. Копа иногда поручала домохозяевамъ допросить сыновей и братьевъ и представить собранныя свѣдѣнія народному собранію. На копѣ являлся священникъ, но онъ присутствовалъ для приведенія подсудимыхъ къ присягѣ и въ качествѣ свидѣтеля, не принимая участія въ народныхъ совѣщаніяхъ.

Домохозяева, составлявшіе народное собраніе, назывались: *сходатаи*, *сходатаи суграничные*, *сосѣди околичные*, *сосѣди суграничники*, *судьи*

[1]) Слово *купа* и *громада* древни; они встрѣчаются въ переводѣ Библіи: „И принесоша десятины отъ телецъ и овецъ; и десятины отъ козъ и посвятиша Господу Богу своему. И внесоша и положиша *купы* многи. Мѣсяца третіяго начаша *купамъ* полагати основанія. И вниде Езекія и видѣша *купы*“ и проч. (Втор. книг. Паралип. Глав, 31. ст. 7—10). „И наметаша *громаду* каменія велику“ и проч. (Іис. Нав. Глав. 7, ст. 26). Замѣтимъ мимоходомъ, что и слово *община* встрѣчается въ переводѣ Библіи: „Душа, а'це согрѣшитъ и солжетъ другу о вданіи или о *общинѣ*“ „(Левит. глав. 6, ст. 1—3). Слово *громада*, въ смыслѣ народнаго собранія, встрѣчается въ Краледворской рукописи, въ поэмѣ о Бенешѣ Германовѣ: *Ai ta Benes Hermanów tamo lud w hromadu zve protiw sasikóm*“. Kralodvorsky Rukopis. W Praze, 1829, st. 140. Въ законѣ винодольскомъ (1280) народное собраніе называется *купъ* или *вкупъ*: „Скупишесе все на *купъ*“; „Избраше се одъ всякого града старійши *на вкупъ*“. Чтенія въ общ. истор. и древ. росс. 1846 года № 3-й. У Сербовъ и до сихъ поръ народное собраніе называется *скупъ*. См. Общественный и домашній бытъ Сербовъ. Жур. М. Н. П. 1856-го года, Апрѣль, стр. 91.

копные, мужеве, панове-мужове, обчіе, то есть общинные *мужи*. Между ними отличались *старцы*, которыхъ мнѣніе пользовалось уваженіемъ, особенно въ такихъ случаяхъ, когда нужно было постановить приговоръ на основаніи давнихъ рѣшеній народнаго собранія.

Такъ какъ каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать въ народныхъ собраніяхъ, и такъ какъ крестьяне, въ молодыхъ лѣтахъ, вступали въ бракъ и могли основывать отдѣльныя хозяйства, то поэтому каждый изъ нихъ имѣлъ возможность, въ теченіи многихъ лѣтъ, изучать народное обычное право и, въ свою очередь, передавать его младшимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ, вѣче было не только судебнымъ собраніемъ, но и школою для изученія права, которое безъ помощи письма, сохранялось въ памяти мужей-сходатаевъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому.

Сверхъ сходатаевъ, въ народное собраніе приглашались люди изъ трехъ селеній сосѣдней общины, по одному или по два человѣка изъ каждаго селенія. Эти лица назывались *людьми сторонними*; они не участвовали въ совѣщаніяхъ и въ постановленіи приговора, но слѣдили за ходомъ дѣлъ въ народномъ собраніи, чтобы, въ случаѣ надобности, свидѣтельствовать о производствѣ дѣлъ и судебныхъ рѣшеніяхъ.

Помѣщики и ихъ управители могли также присутствовать на копѣ; это случалось тогда, когда они сами приводили своихъ крестьянъ на вѣче. Впрочемъ, помѣщики и ихъ управляющіе не участвовали ни въ совѣщаніяхъ копы, ни въ постановленіяхъ судебныхъ приговоровъ. Какъ народному собранію, такъ и подсудимымъ, предоставлялось право приглашать *возная* изъ гродскаго уряда. Въ такомъ случаѣ возный присутствовалъ на копѣ въ качествѣ свидѣтеля, составлялъ протоколъ и представлялъ свое донесеніе въ урядъ гродскій, для вписанія въ актовыя книги.

Число сходатаевъ иногда было весьма значительно. Копа, собиравшаяся въ 1601-мъ году, заключала въ себѣ около ста человѣкъ, хотя собраніе было не полное, потому что нѣкоторые помѣщики своихъ крестьянъ на вѣче не пустили [1]). Копа, собиравшаяся въ 1602-мъ году, состояла изъ полутораста судей копныхъ [2]).

Копа собиралась въ центральномъ мѣстѣ сельской общины, которое называлось коповище или копище, и занималась изслѣдованіемъ и рѣшеніемъ дѣлъ подъ открытымъ небомъ. Для изслѣдованія дѣлъ уголовныхъ копа собиралась на мѣстѣ преступленія: въ дубравѣ, въ бору подъ горою. Если нужно было рѣшить споръ о поземельной собственности, то копа собиралась на спорной землѣ; а когда въ округѣ общины оказывался трупъ убитаго человѣка, то копа собиралась въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился трупъ или его разрозненные члены.

[1]) Книга град. владимірская 1601-го года, лист. 131—132.

[2]) Смотри Прилож. V.

Вѣдомству копы подлежали всѣ лица простаго сословія, имѣвшія свою осѣдлость въ округѣ сельской общины, именно: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, свободные поселенцы и мѣщане городовъ, не пользовавшихся правомъ магдебургскимъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть копы простиралась и на самыхъ помѣщиковъ. Помѣщики имѣли право, по добровольному согласію, представлять копѣ рѣшеніе споровъ, между ними возникшихъ. Такъ въ 1591-мъ году возникъ споръ между паномъ Малинскимъ и паномъ Вышинскимъ о правѣ собственности на ниву и копань. Вмѣсто того, чтобъ обратиться въ урядъ, помѣщики собрали копу, на которой старцы показали, что на спорной нивѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ покрадена была рѣпа, и что копа присудила удовлетвореніе пану Малинскому; что въ другой разъ собиралась копа о покражѣ пшеницы на той же нивѣ, и что вознагражденіе присуждено было тому же пану Малинскому. На этомъ основаніи, спорная нива и копань признаны собственностью пана Малинскаго; рѣшеніе было записано въ актовыя книги и получило законную силу [1]). Если въ помѣщичьемъ имѣніи, находившемся въ округѣ общины, причиненъ былъ вредъ, и если подозрѣніе падало на одного или нѣсколькихъ помѣщиковъ, имѣвшихъ осѣдлость въ томъ же округѣ, то помѣщикъ, потерпѣвшій вредъ, имѣлъ право собрать копу и просить, чтобъ она изслѣдовала дѣло и присудила удовлетвореніе за причиненный вредъ. Тогда копа посылала возныхъ и требовала, чтобъ обвиняемые помѣщики вмѣстѣ съ своими крестьянами, явились предъ собраніемъ и оправдались въ обвиненіи. Если помѣщики не являлись, то копа три раза посылала свое требованіе, и за тѣмъ, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, опредѣляла декретомъ своимъ взыскать съ непослушныхъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ удовлетвореніе за весь вредъ, причиненный истцу. По окончаніи суда, копа отправляла въ урядъ гродскій депутатовъ, которые вмѣстѣ съ вознымъ излагали дѣло, и объявляли рѣшеніе, для внесенія въ гродскія книги [2]). Копа имѣла право производить слѣдствіе надъ помѣщикомъ. Если онъ присутствовалъ при этомъ и замѣчалъ, что открываются обстоятельства, уличающія его въ преступленіи, то могъ прервать дѣйствіе копы, и требовать, чтобы дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла предоставлено было уряду гродскому. Такъ на копѣ, производившей въ 1581 году слѣдствіе о убіеніи жидовъ-мытниковъ луцкихъ, присутствовалъ панъ Яковъ Шибенскій съ своими крестьянами. Дворовая женщина Таца показала подъ пыткою, что убійство совершено съ вѣдома пана Шибенскаго. Тогда панъ Шибен-

[1]) Книга гродская луцкая 1591 года, листъ 47 на оборотѣ.

[2]) См. Приложеніе V.

скій сказалъ: „Слышу, что здѣсь и обо мнѣ идетъ рѣчь; эта подлая женщина и меня вмѣшала въ дѣло. Поэтому я, чтобъ доказать свою невинность, предаю всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ преступленіи, суду уряда гродскаго, и самъ явлюсь въ урядъ въ назначенный срокъ“. Затѣмъ копа разошлась, прекративъ изслѣдованіе дѣла [1]).

Постоянно возраставшая власть помѣщиковъ, ограничивая общинныя права поселянъ, произвела важное измѣненіе въ составѣ народныхъ собраній. Въ XVII вѣкѣ, мужи-сходатаи начинаютъ терять свое прежнее значеніе, уступая власть своимъ помѣщикамъ. Села околичныя посылаютъ отъ себя только по одному депутату; помѣщикъ или помѣщица съ нѣсколькими пріятелями, иногда въ присутствіи священника, производятъ судъ и расправу, постановляя приговоръ, на основаніи Литовскаго Статута. Крестьяне, присланные околичными селеніями, присутствуютъ безмолвно, соглашаясь съ распоряженіями помѣщика и его пріятелей; судъ общинный перестаетъ называться копнымъ судомъ, и получаетъ названіе сельскаго суда (sąd wieiski) [2]).

Изложивъ устройство общинъ сельскихъ и составъ народныхъ собраній, мы представимъ юридическіе обычаи, которыми руководствовалась копа, при изслѣдованіи и рѣшеніи дѣлъ. Но, чтобъ возстановить эти обычаи во всей ихъ полнотѣ, для этого недостаточны открытые нами акты; въ нихъ заключаются только судебные обычаи, въ примѣненіи къ немногимъ, частію уголовнымъ, частію гражданскимъ дѣламъ. Въ двухъ актахъ изображается судъ о выдраніи пчелъ изъ бортей [3]), въ одномъ актѣ заключается дѣло о порубкѣ бортнаго дерева и о похищеніи изъ борти меду [4]), одинъ актъ заключаетъ судъ о покражѣ вола [5]), одно дѣло о поджогѣ [6]), два дѣла объ убійствѣ [7]), одно дѣло о найденномъ въ округѣ общины трупѣ неизвѣстнаго человѣка [8]), наконецъ, одинъ актъ изображаетъ рѣшеніе спора, возникшаго между двумя помѣщиками, о правѣ собственности на ниву и капань [9]). На основаніи этихъ актовъ мы разсмотримъ порядокъ изслѣдованія дѣлъ, постановленіе судебныхъ рѣшеній и ихъ исполненіе.

---

[1]) Книга гродская луцкая 1583 года, листъ 297—300.

[2]) См. Прилож. VI. Также книга гродская владимірская 1622 года, лист. 480. Книга гродская владимірская 1622 года, листъ 638.

[3]) Прилож. I. Книга гродская владимірская 1601 года, листъ 131 .

[4]) Прилож. V.

[5]) Прилож. II.

[6]) Прилож. III.

[7]) Книга гродская луцкая 1583-го года, лист. 255—259, лист. 274; лист. 274 на обор. по 277; листъ 297—300; листъ 331-й на обор. Книга справъ поточныхъ луцкихъ 1590 года, лист. 942.

[8]) Прилож. IV.

[9]) Книга гродская луцкая 1591 года, листъ 47 на оборотѣ.

Въ порядкѣ судопроизводства копа слѣдовала своимъ древнимъ обычаямъ: „водле стародавное звыклости, водлугъ давнаго звычаю, водлугъ стародавнаго звычаю“; [1]). Совокупность народныхъ юридическихъ обычаевъ называется *копнымъ* правомъ; судъ, производившійся на основаніи этихъ обычаевъ, называется *копнымъ судомъ*. Сходатаи говорили: „звычай права нашого копнаго“, противуполагая это право посполитому праву, подъ которымъ они разумѣли писанные законы, изложенные въ Статутѣ Литовскомъ. Нѣкоторые обычаи копнаго права вошли въ составъ Статута и такимъ образомъ получили силу писаннаго закона. О такихъ обычаяхъ сходатаи говорили: „копный звычный, въ правѣ посполитомъ описанный“ [2]).

Если преступленіемъ нарушены были права частнаго лица, то, по началамъ копнаго права, обиженному самому предоставлялось отыскивать своего *шкодника*. Истецъ распрашивалъ людей, собиралъ письменныя доказательства, отыскивалъ улики. Такое предварительное изслѣдованіе дѣла называлось *обыскомъ*. Если истецъ, при всемъ своемъ стараніи, не могъ отыскать своего шкодника, и если онъ подозрѣвалъ, что преступникъ находится въ округѣ сельской общины, то онъ имѣлъ право требовать, чтобъ собрана была копа. Для этого онъ обращался къ помѣщикамъ, которые, по просьбѣ истца, высылали своихъ крестьянъ на вѣче. Истецъ могъ также обратиться въ урядъ гродскій, который давалъ ему урядовый листъ ко всѣмъ околичнымъ селеніямъ, составлявшимъ общину, приказывая собраться на копу (идти на копу, идти до права), въ опредѣленное время и въ назначенномъ мѣстѣ. Такіе же листы урядъ разсылалъ отъ себя по всѣмъ околичнымъ селеніямъ [3]). Крестьянинъ помѣщичій, желавшій предложить дѣло на рѣшеніе копнаго суда, обращался къ своему помѣщику, который оповѣщалъ околичныя селенія, назначая мѣсто и время собранію.

Всѣ селенія, составлявшія общину, обязаны были собраться на копу, въ назначенный срокъ. Если какое нибудь селеніе не являлось въ собраніе, то копа избирала депутатовъ, которые вмѣстѣ съ вознымъ отправлялись въ неявившееся селеніе и звали сходатаевъ на копу. Когда сходатаи идти не хотѣли, то депутаты возвращались и объявляли объ этомъ копѣ. Тогда копа, слѣдуя стародавнему обычаю, постановляла приговоръ, что селенія, не явившіяся на вѣче, за ихъ упорство въ непослушаніи, должны удовлетворить истца за весь причиненный ему

---

[1]) Смотр. Прилож. III; книга гродская луцкая 1591 года, л. 47 на оборотѣ; книга град. владимірская 1601 года, листъ 131.

[2]) Книга гродская луцкая 1569 года, листъ 237-ой. Здѣсь помѣщено слѣдствіе и судъ о найденномъ въ округѣ общины трупѣ неизвѣстнаго человѣка. Обычай, въ этомъ случаѣ наблюдавшійся, внесенъ въ Статутъ и составилъ арт. 31, разд. 11.

[3]) Книга гродская луцкая 1583 года, листъ 255.

вредъ, а себѣ искать виноватаго. Правило, на которомъ копа основывала такой приговоръ, выражалось словами: „невыходъ платитъ шкоду“ [1]).

Когда всѣ околичныя селенія, составлявшія общину, были собраны на копѣ, то истецъ имѣлъ право сдѣлать имъ перекличку, чтобъ удостовѣриться, всѣ-ли сходатаи находятся на лицо; затѣмъ онъ словесно излагалъ свою жалобу и произведенный имъ обыскъ, прося сходатаевъ изслѣдовать дѣло и постановить приговоръ, на основаніи права. Жалобу истца копа должна была слушать безмолвно, не прерывая рѣчей.

По выслушаніи жалобы, копа обязана была разъяснить всѣ обстоятельства преступленія и открыть виновнаго. Для достиженія этой цѣли употреблялись два способа: во первыхъ, распросъ на копѣ сходатаевъ и другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, во вторыхъ, изслѣдованіе *знаковъ*, то есть уликъ, доказывающихъ преступленіе; первый способъ называется *опытъ* (чинить опытъ, выслухать опытъ), второй способъ называется *ликъ* (копа ликомъ доходитъ шкодника, копа выходитъ на ликъ о шкоды).

Право производить опытъ принадлежало истцу. Сходатаи, тотчасъ по выслушаніи жалобы, начинали совѣщаніе, переговариваясь между собою. Если при этомъ совѣщаніи какой нибудь сходатай проговаривался, или открыто объявлялъ, что знаетъ преступника, или имѣетъ на кого нибудь подозрѣніе; то истецъ долженъ былъ засвидѣтельствовать это объявленіе копою (освѣтчать копою), и тогда копа требовала, чтобы проговорившійся сходатай объявилъ имя преступника и все, что ему извѣстно о преступленіи. Если онъ отказывался исполнить это требованіе, то долженъ былъ удовлетворить истца, по приговору копнаго суда; но удовлетворивъ истца, онъ пріобрѣталъ право отыскивать преступника, требовать отъ него удовлетворенія, или предать его суду.

Когда сходатаи, окончивъ переговоры, объявляли, что имъ ничего неизвѣстно ни о преступленіи, ни о преступникѣ, тогда истецъ объявлялъ, на кого онъ имѣетъ подозрѣніе, и подтверждалъ свои слова доказательствами. Подозрѣніе могло быть двоякаго рода: во первыхъ, истецъ могъ объявить, кого именно онъ считаетъ преступникомъ (кому даетъ вину); во вторыхъ, онъ могъ изъявить подозрѣніе, что кто нибудь изъ лицъ, принадлежавшихъ къ общинѣ, знаетъ, кѣмъ совершено преступленіе, но не хочетъ выдать преступника. Обвиняемый, противъ доказательствъ истца, долженъ былъ дать *выводъ*, то есть, очистить себя отъ подозрѣнія, опровергнувъ доводы истца, или представивъ доказательства своей невинности. Если отвѣты обвиняемаго копа находила удовлетворительными, то освобождала его отъ подозрѣнія; но если истецъ не соглашался съ мнѣніемъ копы, то могъ требовать, чтобы обвиняемый былъ подвергнутъ пыткѣ и копа исполняла требованіе истца. Но если допрашиваемый былъ человѣкъ добрый, вѣры годный и неподозрительный, то истецъ могъ подвергнуть его пыткѣ только тогда, когда подтверждалъ свое подозрѣніе присягою. Если-бы истецъ ничего не домучился, и подозрѣніе его осталось не доказаннымъ, то онъ обязанъ былъ заплатить обвиняемому за муку, по приговору копнаго суда. Пытка производилась въ присутствіи копы; допрашиваемаго сѣкли прутьями и жгли огнемъ.

Истецъ могъ три раза собирать копу, если распросъ сходатаевъ и изслѣдованіе судебныхъ доказательствъ того требовали. Послѣ перваго копнаго собранія, истецъ, до окончанія суда, отдавалъ помѣщику на поруки, въ опредѣленной суммѣ денегъ, всѣхъ крестьянъ того села, на которое падало подозрѣніе. Помѣщикъ обязанъ былъ заботиться о томъ, чтобы крестьяне этого селенія, уклоняясь отъ отвѣтственности, не разошлись въ разбродъ. Между каждою сходкою назначалось три дня промежутка; въ теченіи этого времени, истецъ продолжалъ розысканіе, для пополненія своихъ доказательствъ, а сходатаи обязаны были собирать свѣдѣнія, допрашивая сыновей и слугъ своихъ.

Если копа, на всѣхъ трехъ сходкахъ, объявляла, что она ничего не знаетъ и не вѣдаетъ ни о преступленіи, ни о преступникѣ, и если истецъ, съ своей стороны, ни на кого не могъ объявить подозрѣнія, то ему предоставлялось выбрать по произволу по нѣскольку мужей изъ всѣхъ селеній, присутствовавшихъ на копѣ, и требовать присяги въ томъ, что они ничего не знаютъ о преступленіи и преступника невѣдаютъ. Послѣ третьей сходки, на другой день, копа собиралась снова и сходатаи, избранные истцомъ, приводились къ присягѣ; впрочемъ истцу предоставлялось требовать присяги только отъ одного изъ нихъ, и если онъ отказывался, то, по приговору копы, долженъ былъ удовлетворить истца.

Сверхъ распроса сходатаевъ, средствомъ къ открытію преступника служили улики, называемыя въ актахъ копнаго суда *знаками*. Къ такимъ знакамъ преимущественно относились слѣды, оставленные преступникомъ на дорогѣ, по которой онъ уходилъ совершивъ преступленіе; также трупъ убитаго и разрозненные его члены. Если уликой были слѣды, оставленные преступникомъ, то истецъ, собравъ на копу сходатаевъ всѣхъ селеній, составлявшихъ общину, и пригласивъ людей стороннихъ, *гналъ слѣдъ*. Копа, *взявъ слѣдъ* въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе, вела его до конца. Каждое селеніе, входившее въ составъ общины, обязано было отвести слѣдъ отъ своихъ земель. Если-бы какое нибудь селеніе на копу не явилось, а между тѣмъ слѣдъ доведенъ былъ до земли, ему принадлежавшей, то

[1]) См. Прилож. III.

Библіотека Пражской Духовной Академіи Муйской Гимназіи

копа, остановившись на слѣду, вызывала сходатаевъ, требуя, чтобъ они вышли, *взяли слѣдъ* отъ копы и отвели его отъ своей земли къ чужой границѣ, по стародавнему обычаю. Если никто не являлся на зовъ, то копа ночевала на слѣду и, на другой день, во второй и третій разъ, вызывала жителей селенія. Если и послѣ третьяго зова никто не являлся, то копа, оставаясь на томъ же слѣду, присуждала все селеніе, неявившееся на слѣдъ, къ удовлетворенію истца за причиненный преступникомъ вредъ и за всѣ убытки. Жители этого селенія, удовлетворивъ истца, получали право отыскивать преступника.

Если въ округѣ общины находили трупъ неизвѣстнаго убитаго человѣка, и если никто не являлся съ жалобою на убійство, то помѣщикъ или его управляющій, принявъ мѣры къ сохраненію трупа, созывалъ сходатаевъ околичныхъ селеній для распроса, который производился надъ трупомъ убитаго. Сначала распрашиваемы были крестьяне того селенія, на земляхъ котораго найденъ былъ трупъ. За тѣмъ помѣщикъ, или его урядникъ, три раза спрашивалъ, не извѣстно-ли кому нибудь изъ нихъ, кто былъ убитый, и кѣмъ совершено убійство? Если сходатаи объявляли, что не знаютъ ни убитаго, ни убійцы, то каждый изъ нихъ долженъ былъ присягнуть въ томъ, что онъ убитаго не знаетъ и преступника не вѣдаетъ, и что никто изъ его общины не совершалъ убійства. Затѣмъ копа погребала трупъ, составлялся актъ копнаго слѣдствія и вносился въ актовыя книги.

Если истецъ, производя обыскъ, отыскивалъ своего шкодника въ какомъ нибудь селеніи, то обращался къ сельской громадѣ, которая, выслушавъ жалобу истца и разсмотрѣвъ представленныя имъ доказательства, обязана была выдать преступника. Истецъ могъ помириться съ своимъ шкодникомъ, получивъ отъ него удовлетвореніе, по добровольному согласію, или могъ препроводить его на мѣсто преступленія и предать копному суду. Если преступникъ подлежалъ смертной казни за совершенное преступленіе, то истецъ долженъ былъ приглашать палача. Копа выслушавъ жалобу истца и разсмотрѣвъ его доказательства, допрашивала обвиняемаго, а если недовольствовалась добровольнымъ показаніемъ, то подвергала его пыткѣ. По окончаніи слѣдствія, копа постановляла приговоръ и, если обвиняемый за свое преступленіе подлежалъ смертной казни, то онъ тотчасъ предавался въ руки палача.

Предъ совершеніемъ казни, каждый изъ присутствовавшихъ въ народномъ собраніи могъ требовать, чтобъ осужденный преступникъ былъ подвергнутъ пыткѣ, для удостовѣренія, не совершилъ ли онъ еще какихъ нибудь преступленій; особенно предсмертная пытка считалась необходимою, если въ округѣ общины преступленія были часты. Пыткѣ подвергался преступникъ также и тогда, когда онъ оговаривалъ когонибудь въ преступленіи; но оговоръ только тогда имѣлъ важность, когда осужденный подтверждалъ свои слова предъ самымъ совершеніемъ казни, стоя на ступеняхъ лѣстницы, приставленной къ висѣлицѣ (на послѣднемъ стопню у шибеницы на дробинѣ). Затѣмъ палачъ совершалъ казнь, въ присутствіи народнаго собранія.

Приговоръ копнаго суда называется *выналязокъ* [1]), *знайденье копное*, *усказанье* или *всказанье копное* [2]). Въ позднѣйшихъ актахъ употребляется слово *декретъ*, *декретъ копный* [3]). Приговоръ постановлялся общимъ голосомъ всѣхъ сходатаевъ, составлявшихъ народное собраніе (копа сказала, или всказала, копа забороняла). Неизвѣстно, какъ посту. пала копа въ случаѣ разногласія, возникавшаго между сходатаями при рѣшеніи дѣлъ; такой случай не встрѣчается въ открытыхъ нами актахъ.

Въ юридическихъ обычаяхъ юго-западной Россіи, какъ вообще въ древнихъ славянскихъ и германскихъ законодательствахъ, начало частнаго права было преобладающимъ не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ. Лицо, котораго право было нарушено преступленіемъ, могло предать виновнаго всей строгости законовъ, или окончить дѣло добровольнымъ соглашеніемъ; въ послѣднемъ случаѣ преступникъ освобождался отъ всякаго наказанія. Особенно уважалось прощеніе, которое давалъ смертельно раненый своему убійцѣ; преступникъ освобождался отъ всякаго суда и не платилъ головщины родственникамъ убитаго. Даже и въ томъ случаѣ, когда преступникъ былъ приговоренъ къ смертной казни, онъ могъ *поеднаться*, то есть помириться съ истцомъ и освободиться отъ наказанія [4]). Если дѣло не оканчивалось добровольнымъ соглашеніемъ, то копа постановляла приговоръ на основаніи Статута Литовскаго [5]).

Постановивъ приговоръ, копа принимала мѣры къ его исполненію. Если преступникъ приговоренъ былъ къ смертной казни, то приговоръ немедленно исполнялся въ присутствіи копы, на мѣстѣ суда. Если копа присуждала къ денежному взысканію помѣщичьяго крестьянина и если онъ платить отказывался, то всѣ сходатаи отправлялись къ помѣщику и требовали, чтобъ онъ приказалъ своему крестьянину исполнить приговоръ копнаго суда [6]). Право собственности на бортное дерево въ общемъ лѣсу обозначалось на самомъ деревѣ клеймомъ владѣльца. Если кто жаловался объ уничтоженіи клейма и о незаконномъ завла-

---

[1]) Книга городская луцкая 1583 года, листъ 274-й.

[2]) См. Прилож. I.

[3]) Книга городская луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ. Книга гродская владимірская 1622 года, листъ 480-й.

[4]) Такъ въ селѣ Подгайцахъ копа осудила на смертную казнь, за убіеніе тіуна, отъявленныхъ разбойниковъ, крестьянина Гушу и его сыновей; но осужденные поеднались и освобождены были отъ наказанія. Книга гродская луцкая 1583 года, листъ 274-й.

[5]) Книга гродская владимірская 1622 года, листы 480 и 638, приложеніе VI.

[6]) См. Прилож. II.

дѣніи бортнымъ деревомъ, то копа отправлялась въ лѣсъ и, постановивъ приговоръ, возобновляла клеймо истца, уничтоживъ клеймо незаконнаго владѣльца [1]). Во всѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ отказывался исполнить приговоръ копнаго суда, сходатаи приглашали вознаго, излагали ему дѣло и вмѣстѣ съ нимъ отправляли отъ себя посланцовъ въ урядъ гродскій, прося записать приговоръ въ актовыя книги.

Сельская община юго-западной Россіи, съ ея юридическими обычаями и самостоятельнымъ составомъ копныхъ судовъ, имѣетъ признаки глубокой древности. О началѣ и происхожденіи этого установленія мы не находимъ никакихъ свѣдѣній, ни въ лѣтописяхъ, ни въ письменныхъ законодательныхъ памятникахъ. Съ большою вѣроятностью можно предполагать, что сельскія общины возникли въ то время, когда славянскія племена, населявшія нынѣшнюю юго-западную Россію, еще не были соединены государственнымъ союзомъ, подъ верховною властію государей. Это предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ доказательствахъ: древніе князья русскіе, какъ великіе, такъ и удѣльные, не могли быть основателями сельскихъ общинъ. Въ первый періодъ образованія русскаго государства, городскія общины существовали въ юго-зададной Россіи, во всей ихъ силѣ, выражая свою власть посредствомъ народныхъ собраній, которыя назывались вѣчами. Демократическое начало, на которомъ основаны были эти народныя собранія, было совершенно противоположно политикѣ великихъ князей русскихъ, стремившихся къ самодержавію; поэтому древняя исторія Россіи представляетъ продолжительную и упорную борьбу верховной власти князей съ могущественными городскими общинами. Нельзя предполагать, чтобы князья Русскіе, истребляя городскія общины огнемъ и мечемъ, въ тоже время основывали сельскія общины, тѣмъ болѣе, что города, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые возникали не по распоряженію правительства, но по естественнымъ экономическимъ законамъ, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія и развитія промышленности, возникали изъ сельскихъ общинъ и почерпали изъ нихъ свои жизненныя силы.

Древнихъ польскихъ королей нельзя также считать основателями сельскихъ общинъ юго-западной Россіи. Они, также, какъ и русскіе князья, стремились къ самодержавію, и поэтому старались ослабить общинное начало у всѣхъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ польскаго королевства. Этой цѣли короли польскіе достигали преимущественно распространеніемъ нѣмецкаго права въ земляхъ имъ подвластныхъ, и усиленіемъ власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Нѣмецкое право, проникавшее въ Польшу со временъ Болеслава 1-го (992—1025), осно-

[1]) См. Прилож. V.

вывалось на избирательномъ началѣ; вмѣсто народнаго собранія или вѣча являлся войтъ съ лавниками и ратманами. Эти лица имѣли административную и судебную власть; народныя собранія подъ открытымъ небомъ замѣнялись засѣданіями въ магистратахъ и ратушахъ, народные юридическіе обычаи уступали мѣсто нѣмецкому праву, общины или совершенно исчезли, или слабѣли, теряя свое древнее юридическое значеніе.

Въ Статутѣ Литовскомъ, въ первый разъ находимъ ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія о существованіи сельскихъ общинъ въ юго-западной Россіи, объ ихъ древнемъ обычномъ правѣ и народныхъ собраніяхъ [1]). Во всѣдъ трехъ редакціяхъ Статута, сельская община является не новымъ, но стародавнимъ установленіемъ; народное сельское собраніе, или копа, производитъ судъ и расправу по стародавнимъ обычаямъ.

Статутъ Литовскій 1529 года въ первый разъ предоставилъ народнымъ сельскимъ собраніямъ законную, обязательную силу. Копа собирается, производитъ слѣдствіе и судъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1, Въ случаѣ вреда, причиненнаго въ чужомъ лѣсу (разд. VШ, арт. 51); 2, Въ случаѣ присвоенія чужой борти (разд. VШ, арт. 6); 3, Копа производила также слѣдствіе и судъ о воровствѣ, если преступникъ былъ неизвѣстенъ, и если подозрѣніе въ покражѣ падало на цѣлое селеніе. Впрочемъ, законодатель не считалъ нужнымъ вносить въ Статутъ полную систему обычнаго права, предполагая это право болѣе извѣстнымъ, чѣмъ писанные законы. Поэтому въ Статутѣ постановлено рѣшать дѣла по стародавнимъ обычаямъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, на которые нѣтъ опредѣленныхъ писанныхъ законовъ (разд. VI, арт. 1, 5, 25; разд. VШ, арт. 6). Такимъ образомъ, обычное или копное право, имѣвшее своимъ основаніемъ автономію общинъ, утверждено было верховной властію и получило силу закона, наравнѣ съ писанными законами.

Второй Статутъ Литовскій, изданный въ 1566 году, подтвердилъ статьи перваго Статута о копныхъ судахъ и, сверхъ того, заимствовалъ изъ копнаго права еще нѣсколько постановленій, не вошедшихъ въ первый Статутъ. Сюда относятся: слѣдствіе и судъ надъ трупомъ человѣка проѣзжаго или безплеменнаго, за котораго некому было получить головщину (разд. XI, арт. 31); слѣдствіе и судъ о потравѣ хлѣба скотомъ (разд. XШ, арт. 2); о преслѣдованіи и открытіи преступника по его слѣдамъ (XIV, арт. 6).

Третій Статутъ Литовскій, изданный въ 1588-мъ году, принялъ въ свой составъ постановленія о копныхъ судахъ, помѣщенныя въ первыхъ двухъ Статутахъ [2]), подтвердилъ существованіе древнихъ сельскихъ

[1]) Въ Русской правдѣ находимъ также слѣды общины и народныхъ юридическихъ обычаевъ, хотя съ примѣсью нѣмецкаго права. Но объ этомъ законодательномъ памятникѣ мы не будемъ говорить до тѣхъ поръ, пока не откроемъ бо́льшаго количества и болѣе древнихъ актовъ копнаго права.

[2]) Разд. XI. арт. 26; разд. XШ, арт. 2; разд. XIV, арт. 2, 9, 17 и 18.

общинъ въ юго-западной Руси и распространилъ это установленіе на нѣкоторыя другія области, входившія въ составъ польскаго королевства. Говоря о преслѣдованіи преступниковъ, Статутъ постановляетъ, что на Руси и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ издавна бывали народныя собранія сельскихъ общинъ (копы), тамъ они должны существовать на старыхъ коповищахъ, по старому обычаю. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копы не бывали, тамъ они должны быть собираемы, такимъ-же порядкомъ. Подкоморіи, завѣдывавшіе разграниченіемъ и размежеваніемъ земель, должны были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копъ не бывало, назначить сборныя мѣста, или коповища, приписавъ къ этимъ центральнымъ мѣстамъ всѣ околичныя селенія, находившіяся со всѣхъ четырехъ сторонъ, на разстояніи одной мили [1]).

Не смотря на постановленіе Статута Литовскаго, имѣвшее цѣлью распространить сельскія народныя собранія въ юго-западной Руси и дать имъ законную силу, сельскія общины, въ XVI и XVII вѣкахъ, являются въ состояніи совершеннаго упадка и разрушенія. Находясь въ противорѣчіи съ новыми началами государственнаго устройства и особенно съ властію помѣщиковъ, не соотвѣтствуя тому состоянію, въ какое были поставлены, какъ увидимъ ниже, крестьяне въ это время,— сельскія общины юго-западной Россіи, съ своими вѣчами и копнымъ правомъ, поражаютъ изслѣдователя, какъ развалины древняго, нѣкогда обширнаго и (можетъ быть) стройнаго зданія среди вновь построеннаго города. Власть вѣча и юридическіе обычаи, имъ созданные, въ древнія времена имѣли основаніемъ автономію общинъ. Но эта автономія должна была прекратиться съ принятіемъ верховною властію новыхъ началъ и съ развитіемъ неограниченной власти помѣщиковъ. Съ тѣхъ поръ общинное или копное право должно было оставаться неподвижнымъ; вся его сила и дѣйствительность принуждены были основываться только на вѣрномъ сохраненіи обычаевъ въ памяти мужей—сходатаевъ, на старинѣ и давности. Поэтому, когда сходатаи являлись въ урядъ и требовали исполненія постановленнаго ими приговора, то они ничѣмъ не могли доказать справедливости своего требованія, какъ только давностью своего копнаго права. Такъ общинная связь между селеніями, обязанность являться на копу и отвѣчать за совершенныя въ округѣ общины преступленія основывались только на томъ, что крестьяне этихъ селеній были сходатаями издавна: „издавна о шкоды вшелякія схоживалися“. Также точно и основныя положенія копнаго права, которыми руководствовались собранія общинъ въ производствѣ слѣдствія и суда, основывались на одной только давности: „издавна межи нами шкодника ничѣмъ инымъ, какъ только копою доходятъ“; или: „невыходъ всегда платитъ шкоду, по стародавнему обы-

[1]) Стат. Литов. 1588 года, разд. XIV, арт. 2.

чаю“; „копа вела слѣдъ, водле стародавное звыклости“ [1]). Основываясь на давности и остановившись неподвижно въ своемъ развитіи, копное право, въ XVI и XVII вѣкахъ, является несовременнымъ, несоотвѣтствующимъ новымъ условіямъ общественной жизни. Притомъ же въ это время существовали правительственныя мѣста по разнымъ отраслямъ управленія: урядамъ гродскимъ принадлежала мѣстная полиція, судъ надъ преступниками и рѣшеніе споровъ о движимой собственности; дѣла о поземельной собственности принадлежали уряду земскому; подкоморскіе суды завѣдывали межевыми дѣлами. Эти правительственныя мѣста, обнимая всѣ отрасли мѣстнаго управленія, руководствовались опредѣленными писанными законами; поэтому копные суды, со своими древними обычаями, сохранявшимися въ памяти сходатаевъ, представляли странную аномалію въ общемъ составѣ управленія.

Сходатаи, составлявшіе народныя сельскія собранія, находясь въ состояніи жалкаго униженія и угнетаемые бѣдностію, теряли способность быть безпристрастными слѣдователями, разумными судьями и правовѣдами. Отъ этого, при изслѣдованіи преступленій, они дѣйствуютъ робко, и рѣшенія ихъ не всегда согласны съ правомъ. Такъ на копѣ, производившей слѣдствіе, въ 1564 году, о выдраніи пчелъ изъ бортей, истцы, крестьяне Сенько и Демьянъ, объявили подозрѣніе въ покражѣ на повара господарскаго Степана. Обвиняемый давалъ отводъ, ссылаясь на мѣщанина Мельницкаго Зенька. По копному праву, слѣдовало прежде всего распросить Зенька; но истцы, не слушая приговора копы, подвергли обвиняемаго пыткѣ, били прутьемъ и жгли огнемъ. Сходатаи, вмѣсто того, чтобъ удержать мучителей, разошлись, и допрашиваемый умеръ подъ пыткою. Униженіе и бѣдность произвели нравственную порчу въ сельскомъ народонаселеніи; поселяне, вмѣсто того, чтобы предотвращать преступленія, открывать и наказывать преступниковъ, сами разбойничали, поджигали и грабили имѣнія сосѣднихъ владѣльцевъ, упорно отказываясь являться на вѣче, для открытія и наказанія преступниковъ. Судебная власть, которою пользовались крестьяне въ народныхъ собраніяхъ, находилась въ рѣзкомъ противурѣчіи съ неограниченною властію помѣщиковъ. Помѣщикъ и его управляющій имѣли безотвѣтное право казнить своихъ слугъ и крестьянъ смертію. Эти же самые крестьяне, собранные на копу, могли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, требовать помѣщиковъ на свой судъ и подвергать ихъ взысканіямъ (Прилож. V). Сходатаи, находясь въ полной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ и рѣшая дѣла въ ихъ присутствіи, не могли имѣть той свободы мыслей, которая необходима для безпристрастнаго изслѣдованія дѣла и для добросовѣстнаго суда. Иногда помѣщичій урядникъ, присутствуя на копѣ, вмѣшивался въ дѣлопро-

[1]) См. Прил. Ш.

изводство, перебивая рѣчи истца, прерывая распросъ сходатаевъ ругательствами, и самовольно уводилъ крестьянъ изъ собранія, не дождавшись судебнаго рѣшенія. Производя слѣдствіе и судъ подъ вліяніемъ помѣщиковъ и ихъ урядниковъ, копа постановляла рѣшенія, не всегда согласныя съ правомъ. Такъ, напримѣръ, копа, собиравшаяся для изслѣдованія и рѣшенія дѣла о покражѣ яблокъ и хмѣля въ саду Евстафія Коровая, въ угоду этого помѣщика, рѣшила дѣло неправильно. Одинъ изъ сходатаевъ, Хведько Игнатовъ сынъ, объявилъ на копѣ, что онъ видѣлъ, какъ сыновья крестьянина Кузьмича везли хмѣль чрезъ село отъ саду пана Евстафія Коровая. Послѣ такого показанія нужно было, по копному праву, допросить сыновей крестьянина Кузьмича; но копа, производя судъ въ присутствіи помѣщика, рѣшила дѣло иначе, предоставивъ истцу право выбрать изъ присутствовавшихъ въ собраніи крестьянъ шесть мужей, которые должны были присягнуть, что они о покражѣ ничего не знаютъ и преступника не вѣдаютъ. Крестьяне, твердо зная свое копное право, присягать отказались, сказали: „Ужъ какъ ты себѣ хочешь, панъ Коровай, а мы присягать не пойдемъ и не хочемъ; такъ какъ Хведько Игнатовъ сынъ вызналъ, что сыны Кузьмичовы везли чрезъ село хмѣль, отъ саду пана Евстафія Коровая ко двору своего помѣщика“. Тогда панъ Коровай выбралъ одного изъ шести сходатаевъ, крестьянина Гераська Кузьмича, и требовалъ отъ него одного присяги. Герасько Кузьмичъ также присягать отказался. Тогда копа опредѣлила декретомъ своимъ, что Герасько Кузьмичъ, отказавшійся присягнуть по требованію пана Коровая, долженъ заплатить за весь вредъ, причиненный покражею въ саду пана Коровая. Такимъ приговоромъ нарушено было копное право въ существенныхъ его основаніяхъ. Такъ какъ общинный союзъ оказывался безсильнымъ для предупрежденія преступленій и для водворенія безопасности, то помѣщики установляли между собою заруку: они заключали договоръ, по которому крестьяне одного селенія, причинившіе вредъ другому селенію, обязаны были, сверхъ удовлетворенія за убытки, платить денежный штрафъ, опредѣленный договоромъ [1]).

Вслѣдствіе жалкаго состоянія крестьянъ и ихъ безусловной зависимости отъ помѣщиковъ, народныя сельскія собранія теряли довѣріе; ихъ копное право выходило изъ употребленія, ихъ судебные приговоры оставались безсильными, возбуждая презрѣніе помѣщиковъ. Такъ, однажды объявленъ былъ приговоръ копы помѣщицѣ Хрептовичевой въ Богуринѣ. На основаніи этого приговора, вся копа, въ полномъ составѣ, явилась къ помѣщицѣ и требовала, чтобъ она приказала уряднику своему заплатить за покражу вола. Пани Хрептовичева отвѣчала: „я на голое слово мужицкое платить не приказываю“ [2]). Наконецъ, въ XVII вѣкѣ, нѣкоторые помѣщики вовсе запретили своимъ

[1]) Книга гродская луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ.

[2]) См. Прилож. II.

крестьянамъ ходить въ народныя сельскія собранія и принимать участіе въ общинныхъ судахъ. Въ 1602 году, собиралась копа во владимірскомъ повѣтѣ, около села Могильна. Крестьяне села Овадна, входившаго въ составъ общины, не явились на вѣче. Тогда сходатаи отправили отъ себя депутатовъ въ село Овадно и требовали, чтобъ крестьяне этого села явились на копу; крестьяне села Овадна сказали депутатамъ: „Мы рады были бы на копу идти, да паны наши приказали, чтобы мы ни на какую копу не ходили; поэтому, боясь своихъ пановъ, не пойдемъ“ [1]).

Изображенное нами состояніе сельскихъ общинъ юго-западной Руси, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, доказываетъ, что это установленіе уже отжило свой вѣкъ, что оно, какъ остатокъ древности, противорѣчило новымъ формамъ общественной жизни и должно было изчезнуть отъ разширенія власти правительственныхъ мѣстъ и лицъ, отъ нравственнаго и экономическаго упадка поселянъ, наконецъ отъ постепеннаго возрастанія власти помѣщиковъ надъ крестьянами.

Теперь посмотримъ, на сколько подвинули впередъ разъясненіе этого историческаго вопроса акты виленскіе.

Членъ виленской археографической коммиссіи, И. Я. Спрогисъ, въ предисловіи къ VI т. актовъ, заключающему въ себѣ нѣсколько документовъ о копныхъ судахъ, выразилъ попытку сгруппировать документы этого рода въ одно цѣлое и сравнить содержаніе ихъ съ историческими данными, находящимися въ статьѣ Иванишева. Изъ этого сравненія видно между прочимъ то, что копные суды существовали повсемѣстно во всемъ сѣверо-западномъ краѣ, существовали даже въ трокскомъ воеводствѣ, въ мѣстностяхъ, населенныхъ въ тѣ времена племенемъ литовскимъ; что коповища въ этомъ воеводствѣ были назначены государственными чиновниками, такъ называемыми *подкоморіями* [2]).

[1]) Книга гродская владимірская 1601 года, листъ 131.

[2]) Въ актовой книгѣ Трокскаго подкоморскаго суда, за 1585—1606 годы, при ея описаніи, найдено *пятнадцать* документовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи *копнаго суда въ Трокскомъ воеводствѣ*. Документы эти содержатъ въ себѣ опредѣленіе Трокскаго подкоморія Богдана Огинскаго, гдѣ должно находиться *коповище* или *мѣсто собранія копы каждой околицы*. Послѣ указанія коповища, въ каждомъ документѣ подробно перечисляются *всѣ села, королевскіе и помѣщичьи дворы, корчмы* и т. под., поименовываются сословія людей, какъ-то *крестьяне, бояре, мѣщане, татаре, шляхта* („и иншая вся шляхта въ Русокольняхъ“, стр. 70) и т. под., какіе только находились въ извѣстной околицѣ и которые обязаны были принимать участіе въ учрежденномъ въ ней копномъ судѣ. Надъ каждымъ помянутымъ документомъ стоитъ оглавленіе, показывающее въ какомъ именно селѣ, мѣстечкѣ или въ другомъ какомъ мѣстѣ коповище находится, и начинающееся одною и тою-же фразою; „коповище въ селѣ, мѣстечкѣ“... и проч. Послѣ указанія самаго коповища, вездѣ прибавляются одни и тѣ же слѣдующія слова: *„До которого коповища тая околица—на вси стороны по мили, и съ тыхъ селъ люди становити се маютъ и повинны будутъ“*.

Далѣе, представляя подробный анализъ историческихъ данныхъ, заключающихся въ статьѣ Иванишева и Виленскихъ актахъ, г. Спрогисъ дѣлаетъ нижеслѣдующее опредѣленіе.

Опредѣленіе коповицъ вышеупомянутымъ подкоморіемъ произведено *въ 1590 году, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ*, при чемъ каждый документъ начинается одними и тѣми-же вступительными словами: „за выѣханьемъ моимъ, черезъ мене Богдана Огинского, подкоморого Троцкого, державцы Дорсуниского, съ повиньности моее, враду моему подкоморскому належачое, ведлугъ артыкулу девятаго раздѣлу чотырнадцатого, назначиломъ *коповище* и села тыхъ, которые тамъ становити се повинни будутъ, описаломъ, *кгды бы хто копою шкоды своее доходити хотѣлъ*“.

Перечень коповищъ, обозначенныхъ въ разсматриваемыхъ документахъ:

1. (стр. 68, 5 Нояб.): „Коповище въ селѣ его королевское милости *Жижморскомъ, у Криванахъ*. До котораго коповища тая околица“... и проч.
2. (стр. 69, 6 Нояб.): „Коповище въ *Бекштанахъ*, селѣ Попортскомъ пана Кищиномъ“.
3. (стр. 69, 7 Нояб.): „Коповище на *Вевью*“ (нынѣ мѣстечко *Евье*).
4. (стр. 70, 8 Нояб.): „Коповище въ *Красномъ селѣ* пана Претоцкаго“.
5. (стр. 71, 9 Нояб.): „Коповище въ *Старыхъ Трокахъ*, при кляшторѣ мурованомъ“.
6. (стр. 71, 10 Нояб.). „Коповище въ селѣ *Сорокъ-Татарахъ*“.
7. (стр. 72, 11 Нояб.): „Коповище въ *Рудникахъ* — мѣстечку его королевское милости„.
8. (стр. 72, 12 Нояб.): „Коповище въ *Полукню*, надъ рѣчкою Лукною, за мостомъ противъ дому вознаго Петра Кудры“.
9. (стр. 72, 13 Нояб.): „Коповище въ *Лепунахъ* — мѣстечку Волькеницкомъ“.
10. (стр. 73, 14 Нояб.): „Коповище у Волькиникахъ — мѣстечкѣ его королевское милости“.
11. (стр. 74, 14 Нояб.): „Коповище въ мѣстечку ее милости паней подскарбиное *Ганусискомъ* (Ганусишки“).
12. (стр. 74, 15 Нояб.): „Коповище подъ Стравою, у корчмы пана Станислава Щасновича Стравинского, на *Олитьскомъ гостинцу*“.
13. (стр. 75, 15 Нояб.): „Коповище въ *Сомилишкахъ*“.
14. (стр. 80, 16 Нояб.): „Коповище у *Бирулишкахъ*, подъ Липами Держшковыми“.
15. (стр. 81, 17 Нояб.): „Коповище въ *Новосадахъ*, селѣ пана войского Троцкого пана Балцера Раецкого“.

Сверхъ того, въ Археографическомъ Сборникѣ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси, издаваемомъ при управленіи Виленскаго Учебнаго Округа, напечатаны три документа, указывающіе на существованіе того-же копнаго суда въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) въ Ошмянскомъ повѣтѣ, въ имѣніи *Сипелевичахъ*, въ 1584 г. (Донесеніе вознаго о томъ, какъ было имъ исполнено рѣшеніе сельской копы по дѣлу о потравѣ овса у помѣщика Адама Амвросіевича скотомъ помѣщика Матвѣя Балтромеевича. Т. I, стр. 166); 2. *въ Пинскомъ повѣтѣ*, въ имѣніи *Кретовѣ* въ 1625 г. (Донесеніе вознаго о собраніи и рѣшеніи копнаго суда по дѣлу о покражѣ двумя крестьянами Пинскаго владыки девяти ульевъ и трехъ бортей у помѣщика Андрея Терлецкаго. Т. VI, стр. 217), и 3, въ *Оршанскомъ повѣтѣ*, „копа звычайная“—подъ городомъ *Бобромъ*“, въ 1632 г. (Позывъ Льву Львовичу Сапѣгѣ по дѣлу о вооруженномъ нападеніи помѣщика Милашевича, б. служебника Александра Сапѣги, на копу и самовольномъ преданіи жестокому истязанію и пыткамъ трехъ копниковъ одного мѣщанина и двухъ крестьянъ).

„Въ статьѣ Н. Иванишева (стр. 4), селенія, составлявшія древнюю крестьянскую общину, подъ именемъ копы, называются *селами околичными*. Здѣсь, для выраженія этого понятія, употреблено самою копою слово, имѣющее, какъ намъ кажется, болѣе широкое и точное значеніе, *сусѣдство* (№ 62, стр. 93). Понятіе сосѣдства включаетъ въ себѣ не одни только *окрестныя села* (какъ показано выше), но и окрестные помѣщичьи дворы, которые, по смыслу нашихъ актовъ, если не прямо обязаны были, то добровольно принимали участіе въ отправленіи копнаго суда—наравнѣ съ крестьянскими поселеніями (№ 25, стр. 36, № 62).

Изъ многихъ названій, которыя носитъ тамъ (стр. 7) древняя народная община и ея представители, здѣсь встрѣчаются только слѣдующія—*копа* и *мужове* (№ 25, стр. 36, № 62).

О томъ, какія именно лица изъ крестьянъ и по сколько ихъ изъ каждаго села должны были являться на собраніе копы, здѣсь говорится неопредѣленно, указывается только, что изъ такого-то села явились такіе-то (поименованы двѣ—три фамиліи) и затѣмъ прибавлено, что „и *иншихъ немало*“, или „*все село* и *иншіе*“ (№ 25, стр. 25 и 26).

Тамъ (стр. 8) мѣста собранія копы назывались *коповищемъ*; изслѣдованіе дѣла производилось *подъ открытомъ небомъ*. Здѣсь тоже (№ 25, стр. 35; № 62, стр. 93; о копящихъ смотри примѣч. на стр. V, VII). При производствѣ копнаго суда тамъ въ качествѣ свидѣтеля и составителя донесенія въ судъ о его рѣшеніяхъ былъ приглашаемъ возный; здѣсь тоже (№ 25, стр. 35; № 62, стр. 92).

Тамъ (стр. 8, 9) мы видимъ, что помѣщики имѣли только сторонее отношеніе къ копѣ; приводили на нее своихъ крестьянъ; по добровольному согласію могли предоставлятъ копѣ рѣшеніе своихъ споровъ; могли даже сами созыватъ копу—въ томъ случаѣ, если въ округѣ общины случился у нихъ вредъ и подозрѣніе падало на ихъ же собрата—помѣщика, живущаго въ чертѣ того же округа; въ этомъ случаѣ копа должна была *гнать слѣдъ*, т. е. розыскивать слѣды преступленія. Здѣсь же участіе помѣщиковъ въ отправленіи копнаго суда представляется какъ бы болѣе непосредственнымъ. Во-первыхъ, какъ мы замѣтили выше, округъ, въ которомъ производилась дѣятельность копы, самою копою опредѣленъ понятіемъ *сосѣдства*. Во-вторыхъ мы видимъ, что здѣсь на копу, собранную помѣщикомъ Костюшкомъ, явились не одни крестьяне, или какъ они сами выражаются—*были согнаны*, изъ разныхъ селъ, но точно также явились на нее и представители *отъ всѣхъ помѣщичьихъ дворовъ, которые были въ округѣ настоящей копы*. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, не существовало обычая, по которому, помѣщики, если не всегда обязаны были, то во всякомъ случаѣ временно и въ опредѣленныхъ случаяхъ принимали добровольное участіе въ отправленіи копнаго суда, то трудно допустить, чтобы въ настоящемъ случаѣ, по одному простому желанію помѣщика Костюшки, яви-

лись на копу ихъ представители изъ всѣхъ дворовъ въ округѣ копы. Именно, какъ бы въ смыслѣ существованія этого обычая, вся копа по дѣлу Костюшки заявила и предъ вознымъ, что послѣ того, какъ изъ разныхъ селъ и дворовъ явились на первыя два ея собранія надлежащіе представители, не явился *только одинъ* помѣщикъ Димитрій Здитовецкій, ни самъ лично, ни тѣхъ не поставилъ, на кого жаловался Костюшко. Впрочемъ, необходимо здѣсь прибавить, что въ актѣ подъ № 62, по поводу собранія копы о пропажѣ трехъ крестьянскихъ свиней, сказано, что на нее сошлись крестьяне изъ *разныхъ селъ;* но объ участіи въ ней *помѣщичьихъ представителей* изъ окружныхъ дворовъ ничего не сказано.

Теперь рождается вопросъ: что же дѣлали на копѣ явившіеся сюда помѣщики или ихъ представители? Принимали ли они тутъ *непосредственное участіе въ совѣщаніяхъ копы и постановленіи ея приговоровъ* или же только исполняли *роль свидѣтелей*, которые должны были въ данныхъ случаяхъ давать копѣ отвѣтъ за свой дворъ? По крайней мѣрѣ на основаніи тѣхъ данныхъ, какія можно позаимствовать изъ разсматриваемыхъ нами актовъ, слѣдуетъ склониться на послѣднее, то есть, что участіе помѣщиковъ въ копномъ судѣ было только *въ качествѣ свидѣтелей*, но не болѣе. Такъ напр. когда Костюшко домогался, чтобы копа положила свое окончательное рѣшеніе касательно уже уличеннаго вора Яна Мочульскаго, копа, удовлетворяя его желаніе, употребила такой оборотъ рѣчи: „пане Костюшку, если бы то былъ *братъ нашъ мужикъ*, теды бысмы“ и проч. Еслибы предположить, что въ совѣщаніяхъ и въ постановленіи рѣшенія настоящей копы не принимали непосредственнаго, равнаго участія всѣ присутствующіе здѣсь помѣщичьи представители, то копа не могла бы такъ выразиться, если бы то былъ *братъ нашъ мужикъ;* въ противномъ случаѣ, она бы должна была употребить по крайней мѣрѣ такой оборотъ—если бы то былъ *мужикъ*, безъ добавленія слова *нашъ братъ*, потому что участвующіе тутъ представители помѣщиковъ, конечно, были *шляхтичи* и потому ни коимъ образомъ не могли бы быть названы копою словомъ—*нашъ братъ мужикъ*.

Такимъ образомъ отсюда уже можно вывести заключеніе для слѣдующаго новаго вопроса: *о какихъ лицахъ* копа могла постановлять свои приговоры? Изъ статьи Н. Иванишева видно, что только *о лицахъ простаго*, не *шляхецкаго сословія*. Здѣсь видно тоже самое. На предложеніе Костюшки—сдѣлать свой окончательный приговоръ надъ уличеннымъ похитителемъ Мочульскимъ, копа прямо уклонилась отъ произнесенія такого приговора надъ виновнымъ—какъ *шляхтичемъ*, замѣтивъ при этомъ, что она охотно бы это сдѣлала относительно *своего брата мужика*. Но во всякомъ случаѣ здѣсь весьма важно то обстоятельство, что помѣщикъ Костюшко именно домогался отъ копы подобнаго приговора надъ *шляхтичемъ*. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить предположенія, чтобы Костюшко въ данномъ случаѣ незналъ: кого можетъ судить копа и кого нѣтъ? Не служитъ ли настоящій случай указаніемъ на то, что еще не вымерло въ народѣ преданіе, по которому въ болѣе отдаленную старину судились на народныхъ вѣчахъ, безъ сомнѣнія, *не одни крестьяне, но и лица всѣхъ сословій безъ различій*, какъ напр. было въ древнемъ Новгородѣ, Псковѣ и др. городахъ? Вызывая въ памяти это старинное преданіе, Костюшко, безъ сомнѣнія, могъ совершенно основательно обратиться къ копѣ съ вышеприведеннымъ своимъ предложеніемъ—*судить шляхтича*. Копа отреклась отъ этого. Но это отреченіе могло произойти отъ разныхъ причинъ,—и во первыхъ отъ *сильнаго стѣсненія въ данную эпоху разныхъ древнихъ, не однихъ копныхъ, крестьянскихъ правъ*, а во вторыхъ *по простой скромности и нежеланію брать на себя отвѣтственность въ дѣлѣ лица* (Мочульскаго), *котораго братъ* Димитрій Здановецкій *былъ* сосѣднимъ помѣщикомъ, слѣдовательно лицемъ довольно сильнымъ для того, чтобы и самимъ копнымъ судьямъ надѣлать впослѣдствіи довольно непріятностей...

Далѣе, въ статьѣ Иванишева перечисляются слѣдующія подробности: (стр. 9) въ случаѣ неявки помѣщика на копу по первому извѣщенію, копа посылала къ нему *вознаго* съ новымъ напоминаніемъ; здѣсь тоже (№ 62, стр. 93). Изъ нѣсколькихъ случаевъ, перечисленныхъ тамъ (стр. 11), по которымъ собирались копы, здѣсь указаны только два: *воровство*, совершенное у помѣщика шляхтичемъ, и *пропажа* у крестьянъ трехъ свиней подъ помѣщичьимъ дворомъ (№ 25, стр. 62). Виновный тамъ (стр. 12) называется *шкодникомъ*; здѣсь тоже (№ 62, стр. 93). Тамъ (стр. 12) юридическое выраженіе: „невыходъ платитъ шкоду“; здѣсь: „невыходомъ его винуемо и виннымъ находимо“ (№ 62, стр. 93). Тамъ (стр. 13) право производить опытъ, т. е. дознаніе, подвергать виновнаго пыткѣ, и наконецъ обязанность уплатить за муку, принадлежатъ *одному истцу*; здѣсь, повидимому, *всей копѣ* (№ 25, стр. 37); для всѣхъ подобныхъ дѣйствій надъ виновнымъ, копа здѣсь постоянно выражается, дѣлая обращеніе къ себѣ,—*мы бысмы*... и проч. Изъ родовъ казни, къ которой иногда виновные были присуждаемы копою, тамъ (стр. 16) упоминается *о висѣлицѣ*. Здѣсь же говорится *о сажаніи виновнаго на пень*, колъ („мы бысмы его, виновнаго, выражается копа,—*на пеньку посадили*“, № 25, стр. 37). Тамъ (стр. 14) истецъ отдавалъ виновнаго *на поруку;* здѣсь тоже (№ 25, стр. 37). Тамъ (стр. 14) истецъ могъ собирать по своему дѣлу *три раза копу*, но такъ, что между каждою сходкою назначались *три дня промежутка*; здѣсь тоже самое—въ первомъ случаѣ; но во второмъ, изъ дѣла Костюшки видно, что копа собиралась не чрезъ три дня, *а чрезъ день* (№ 25, стр. 35). Тамъ (стр. 15) юридическіе выраженіе: „гнать слѣдъ“, т. е. открывать слѣдъ преступленія; здѣсь тоже (№ 25, стр. 35).

Кромѣ всего вышесказаннаго въ нашей сравнительной замѣткѣ, здѣсь полезно будетъ еще привести то мѣсто изъ трехъ разсмотрѣнныхъ нами копныхъ актовъ, въ которомъ самою копою опредѣляется цѣль копныхъ собраній, и за тѣмъ встрѣчающіяся въ нихъ болѣе замѣчательныя юридическія выраженія и отдѣльныя слова, касающіяся копы. Цѣль копныхъ собраній выражена въ такихъ словахъ (№ 62, стр. 93): *„въ сусѣдствѣ того дѣля копы збираютъ, кому шкода станетъ, абы шкодника дойсть могли.* Юридическія выраженія и слова, касающіяся копы—слѣдующія: *Отказъ чинить, учинить отказъ; отказывать* (за кого въ чемъ)—давать отвѣтъ; *збіять, збирать, копу*—собирать копу; *коповать* („о што копуете?“, № 25, стр. 36)—разсуждать, толковать, вести рѣчь на копѣ; *памятнымъ заложить копу* (№ 25, стр. 37)—закрыть копу, принявъ къ свѣдѣнію и исполненію ея рѣшенія; *выдать копный декретъ* (№ 25, стр. 37)—выдать копное рѣшеніе, декретъ; *опытъ чинить* (№ 62, стр. 93)—производить дознаніе, изслѣдованіе дѣла; *выйти, стать, становиться на копу* (№№ 25 и 62)—явиться на копу; *указать стать на копу* (№ 25), *сказывать на копу, казать выходить на копу*, (№ 62)—приказать, сдѣлать напоминаніе о явкѣ на копу.

По мимо свѣденій, изложенныхъ выше о копномъ судѣ, мы находимъ въ нововышедшемъ XIII томѣ актовъ Виленской Археографической Коммисіи новое указаніе на его существованіе въ началѣ XVI вѣка, въ предѣлахъ Витебскаго и Полоцкаго повѣтовъ. Такое указаніе усматривается въ группѣ актовъ этого тома подъ № 5. Здѣсь, въ увязчемъ листѣ (стр. 11) 1508 г. 10 Октября, представляющемъ вводъ во владѣніе господарскаго дворянина князя Ѳедора Ивановича Глинскаго селами, пожалованными ему великимъ княземъ Литовскимъ и королемъ польскимъ Александромъ и подтвержденными королемъ Сигизмундомъ I-мъ, а именно Авдѣевичами — въ Полоцкомъ повѣтѣ и Санниками и Амбросовичами въ Витебскомъ, а также въ раздѣльной записи (стр. 13—15) господарскаго же дворянина князя Михаила Ивановича Глинскаго, данной имъ 20 Января 1534 г. своимъ братаничамъ—князьямъ Глинскимъ на вышепомянутыя села, при установленіи ихъ границъ, въ числѣ граничныхъ пунктовъ, мы встрѣчаемъ урочище—*Сузвальное копанище*, расположенное на границѣ Витебскаго и Полоцкаго повѣтовъ, надъ р. Западною Двиною, на которое собирались для копнаго суда люди изъ окрестныхъ селъ—*Овдѣевичъ, Быстрѣевичъ, Горковичъ и Тѣшиловичъ*,—„на которомъ копанищу становятся люде сугранные Овдеевцы, Быстрейцы, и Горковцы и Тешиловцы“.

Но копные суды, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, слагавшіяся для нихъ къ концу XVI столѣтія, изъясненныя въ статьѣ профессора Иванишева, не вдругъ прекратили свое существованіе. Внутренняя ихъ сила была слишкомъ велика! И по этому неудивительно, что вспышки его погасающей жизни мы встрѣчаемъ еще въ очень позднее время, въ началѣ XVIII столѣтія. Какъ на доказательство этого, мы указываемъ на открытый Виленскою Археографическою Коммисіею и находящійся еще въ рукописи документъ, занесенный въ декретовую трибунальную книгу Виленскаго Центральнаго Архива подъ № 377, за 1718 г., на листахъ 318—22; документъ этотъ представляетъ декретъ главнаго литовскаго трибунала, по которому священникъ Красносельской церкви Стефанъ Валюжиничъ, его жена и родственники его присуждаются къ инфаміи и уплатѣ помѣщикамъ Могучимъ 4485 злот. польскихъ за вооруженное нападеніе, съ помощью русскихъ и шведскихъ войскъ, на ихъ имѣніе, находящееся въ Мстиславскомъ воеводствѣ, разграбленіе имущества и совершеніе разныхъ обидъ и насилій. Въ декретѣ этомъ, отъ 1 Сентября 1718 г., въ числѣ преступныхъ дѣяній вышепомянутаго священника и его родственниковъ, приводится и такой фактъ, что въ деревнѣ истцовъ Селищахъ ими были похищены изъ пивовареннаго завода какія-то трубы, цѣною въ 8 битыхъ талеровъ. Для уличенія этого похищенія истцы Могучіе, какъ видно, прибѣгли къ содѣйствію *копнаго суда*, и похищеніе было доказано *„тремя копами* (т. е. троекратнымъ собраніемъ копы) *съ приглашеніемъ* (zgromadzeniem) *окрестной шляхты*“, и *„копнымъ ихъ декретомъ*“ было постановлено возвратить потерпѣвшимъ ихъ трубы и вознаградить убытки.

С. Шолковичъ.

Перечень Литовскихъ князей, исповѣдывавшихъ православную вѣру, а равно и древнѣйшихъ дворянскихъ З.-Русскихъ фамилій [1]).

Литовская исторія до нынѣ еще мало освѣщена критикою; понятія объ ней сбивчивы и большею частію неправильны. Литва, въ тѣсномъ смыслѣ слова, по населявшему ее народу, составляла страну отдѣльную отъ Руси и Польши. Съ первыхъ временъ ея исторіи наблюдатель можетъ догадаться, что сосѣди не прекратятъ съ нею борьбы, и кто возьметъ верхъ, тотъ будетъ имѣть вліяніе и на переобразованіе народа литовскаго. Его сосѣди—русскіе и поляки—давно были просвѣщены свѣтомъ евангелія, когда литовцы еще поклонялись языческимъ богамъ; по естественному порядку распространенія просвѣщенія и мѣны понятій отъ сношеній съ сосѣдями, нужно было ожидать, что Литва поддастся или греческому православію русскихъ, или римскому католичеству поляковъ; а затѣмъ измѣнится больше или меньше и политическій бытъ народа литовскаго. Сначала существенный перевѣсъ имѣла Русь; послѣ дѣло приняло другой оборотъ. На польскій престолъ вступила юная королева Ядвига. Великій князь литовскій Ягайло [2]), вмѣстѣ съ рукою ея, получилъ краковскій престолъ, и судьба Литвы совершенно измѣнилась. Поляки стали смотрѣть на Литву, какъ на свою добычу. Понимая всю важность этого пріобрѣтенія, они никогда не упускали ея изъ виду: кроткими и насильственными мѣрами, переговорами и оружіемъ, хитрою политикою и явною враждою противъ королей, постоянно стѣсняли права литовцевъ, захватывали ихъ земли и, наконецъ, въ XVI вѣкѣ достигли своей цѣли.

[1]) Извлеченъ изъ статей Вѣстника Юг.-Зап. Россіи—Іюль и Августъ 1862 г.

[2]) Иначе Ягелло.

Библіотека Пражской Русской Гимназіи

Это стремленіе поляковъ захватить Литву много причинило зла литовской исторіи: писатели иностранные говорили о Литвѣ не больше того, сколько нужно было, чтобы узнать войны и отношенія ея къ сосѣдямъ, русскіе лѣтописцы знали беззаконную и безбожную Литву по ея смѣлымъ набѣгамъ на русскія земли, и стали смотрѣть на нее дружелюбнѣе только тогда, когда уже литовскихъ княженъ привозили къ намъ для замужества съ русскими князьями, а русскихъ княженъ начали выдавать за князей литовскихъ; самый бытъ Литвы не входилъ въ сказанія нашихъ лѣтописей; затѣмъ, поле литовской исторіи осталось за польскими писателями. Что-жъ они сдѣлали? Они имѣли въ виду одну только пользу своего отечества и писали о Литвѣ по своему, чтобы угодить соотечественникамъ, заглушить голосъ народа литовскаго, заставить довѣрчивыхъ читателей видѣть во всемъ одну только Польшу.

Когда западная Русь вошла въ составъ Великаго Княжества Литовскаго, грамотные русины записывали на память вѣковъ событія въ Литвѣ; но фанатическая ревность распространителей уніи уничтожила, сколько могла, памятники православія и русской жизни, и драгоцѣнныя сказанія лѣтописцевъ литовскихъ или преданы сожженію, какъ опасные обличители новаго порядка вещей, или погибли просто отъ небреженія, или еще существуютъ, но тлѣютъ гдѣ-либо никому невѣдомыя. Писатель XVI вѣка Стрыйковскій имѣлъ въ рукахъ 12 литовскихъ лѣтописцевъ; намъ извѣстна только одна четвертая доля ихъ: 1) лѣтописецъ Литвы, 2) хроника русская и 3) лѣтописецъ волынскій, неправильно извѣстный подъ именемъ Хроники Быховца. Первые два открыты въ библіотекѣ Супральскаго монастыря профессоромъ Даниловичемъ, послѣдняя найдена въ библіотекѣ помѣщика Быховца.

При такомъ печальномъ положеніи источниковъ литовской исторіи, изслѣдователь долженъ собирать уцѣлѣвшія крупицы и, съ чрезвычайнымъ напряженіемъ умственнаго взгляда, прозирать во мглу минувшихъ вѣковъ, чтобы въ разнообразныхъ и неполныхъ сказаніяхъ, составленныхъ съ различными и часто противоположными цѣлями, усмотрѣть дѣйствительную жизнь народа литовскаго [1]). Посвятивъ нѣсколько лѣтъ изслѣдованію источниковъ литовской исторіи, изучивъ сказанія лѣтописцевъ и открытые въ послѣднее время разные исторические памятники, я нахожу въ Литвѣ три періода, носящіе особый характеръ: 1) періодъ чисто литовскій до XIII вѣка, 2) періодъ литовско-русскій съ XIII вѣка до соединенія Литвы съ Польшею въ 1413 г. на городельскомъ сеймѣ и 3) періодъ литовско-польскій съ 1413 г.

[1]) Благодареніе Богу, теперь нѣтъ недостатка въ матеріалахъ для исторіи Литвы. Ихъ можно почерпать изъ разныхъ архивовъ западныхъ губерній, въ особенности центральнаго Виленскаго.

до вторичнаго и окончательнаго соединенія съ Польшею въ 1569 г. на люблинскомъ сеймѣ. Въ 1-мъ періодѣ народъ литовскій живетъ совершенно отдѣльною жизнію, имѣетъ свою вѣру, свой языкъ и свои обычаи; во 2-мъ періодѣ русскій элементъ видимо водворяется въ Литвѣ: литовскіе князья принимаютъ вѣру православную, женятся на княжнахъ русскихъ, выдаютъ своихъ дочерей за русскихъ князей; литовскіе князья, рожденные отъ русинокъ, съ матернимъ молокомъ всасываютъ жизнь русскую, съ младенчества исповѣдуютъ православную вѣру и воспитываются въ духѣ народности русской; при великокняжескомъ дворѣ говорятъ языкомъ великихъ княгинь и этотъ языкъ въ судопроизводствѣ получаетъ право гражданства, на немъ пишутся законы и творится судъ. Народъ чисто-литовскій большею частію исповѣдуетъ православіе и свыкается съ русскою рѣчью. Оставалось только объявить православіе господствующею религіею, и Литва обрусѣла бы совершенно; къ несчастію наступаетъ 3-й періодъ, и поляки напрягаютъ всѣ усилія завладѣть Литвою: земли ея по клочкамъ захватываютъ, владѣнія въ Литвѣ раздаютъ р.-католикамъ, къ литовскому имени присоединяются польскія фамиліи и польскій гербъ; честолюбцы, литовскіе магнаты обращаются въ р.-католичество, иначе кресла ихъ будутъ выброшены изъ сената. Истинные сыны отечества на сеймахъ стоятъ за свои права: на парчовскомъ сеймѣ бросаютъ и польскія фамиліи, и польскіе гербы въ знакъ совершеннаго отдѣленія отъ поляковъ; но сила превозмогаетъ и, послѣ продолжительной борьбы, Литва принуждена слиться съ Польшею, до тѣхъ поръ, пока не была присоединена къ Россіи, и мѣры правительства не привели въ ней къ лучшему положенію древняго русскаго элемента.

Первый періодъ не входитъ въ составъ настоящей статьи; предметъ ея составляютъ отношенія Литвы къ Россіи и Польшѣ во второмъ и третьемъ періодахъ. Тамъ, гдѣ могло бы возникнуть сомнѣніе въ безпристрастіи русскаго, будемъ указывать источники преимущественно польскіе, дабы каждый видѣлъ, что мы имѣемъ въ виду безпристрастное разъясненіе истины.

Православіе является въ Литвѣ прежде всего въ владѣтельныхъ семействахъ. Князей литовскихъ гораздо большее число исповѣдывало православную вѣру, нежели вообще думаютъ.

Изъ князей литовско-завилейскихъ сынами восточной церкви были:

1) Довмундъ — Старый Гермундовичъ, въ православіи Тимоѳей [1]), бывшій впослѣдствіи княземъ псковскимъ, прославившійся какъ воинъ и

[1]) Latopis Litw. i kron. Russ., стр. 149 и 150, Полн. собр. Русск. лѣт., изд. Археогр. ком., т. II, стр. 345.

какъ христіанинъ; родился 1227, умеръ 1299 года. 2) Наримундъ—Сирпутій Рамундовичъ [1]), умеръ въ 1284 году. 3) Гольша — Лѣсій Ромундовичъ [2]). 4) Гедрусъ Свилькелій Ромундовичъ [3]), князь Годройцкій. 5) Ромундъ или Римундъ Тройденовичъ, въ православіи Лаврентій или Лавръ [4]), уступившій престолъ Витенесу; родился 1281 года. 6) Миндовгъ Алгимундовичъ, въ православіи Іоаннъ [5]), бывшій намѣстникомъ кіевскимъ. 7) Нелюбъ Миндовговичъ (Іоанновичъ), въ православіи Александръ [6]), ушедшій въ Россію въ 1406 г. и бывшій княземъ переславскимъ.

Изъ князей литовско-новогрудскихъ: 1) Гинвилъ Мингайловичъ, въ православіи Юрій [7]), по сказанію польскихъ историковъ бывшій княземъ полоцкимъ; род. 1123, ум. 1199 года. 2) Борисъ Гинвиловичъ [8]), родился 1146, умеръ 1206 года. 3) Василій Рогволодъ Борисовичъ [9]), родился 1164 года, умеръ 1223 года. 4) Глѣбъ Рогволодовичъ [10]). 5) Миндовгъ Рингольдовичъ, король литовскій; родился 1203, убитъ 1263 г. О православіи его до сихъ поръ не было извѣстно, но въ густинской лѣтописи подъ 1246 г. ясно сказано — „пріятъ вѣру христіанскую отъ востока“ [11]). Извѣстно, что онъ крещенъ былъ въ римскую вѣру и за это папа далъ ему титулъ короля литовскаго; но поссорившись съ рыцарями, Миндовгъ обратился къ язычеству. Въ римскую вѣру онъ крещенъ въ 1252 г., слѣдовательно между этимъ крещеніемъ и принятіемъ православія, по густинской лѣтописи, протекло 6 лѣтъ. Не вѣроятно, чтобы лѣтописецъ принялъ послѣднее за первое, и притомъ онъ выражается весьма опредѣлительно. 6) Довмундъ или Монвидъ и Армидъ, сынъ Эрдзивила Игумиса [12]), по Нарбуту князь запущанскій или пальщанскій, а по Стрыйковскому смоленскій. 7) Викундъ, сынъ Эрдзивила Игумиса, князь витебскій [13]). 8) Товтивилъ Шашкинъ, въ православіи Ѳеофилъ [14]), сынъ Эрдзивила Игумиса,

[1]) Obraz Litwy Iaroszewicza, т. II, стр. 2. Ист. гос. Росс. Кар., т. IV, стр. 377.

[2]) Тамъ же. Годы не выставлены при тѣхъ князьяхъ, которыхъ время рожденія и смерти неизвѣстно; князья поставлены по нисходящимъ линіямъ.

[3]) Тамъ же.

[4]) Żywoty ss. Ewfros. i Parascew. Stebelsk., стр. 137. Dz. st. nar. lit. Narb., IV, стр. 297. Полн. соб. Русск. лѣт., изд. Археогр. ком., т. II, стр. 345. Въ послѣдней книгѣ, въ густинской лѣтописи онъ названъ Елисеемъ, жившимъ въ монастырѣ Лаврышевскомъ, но изъ Стебельскаго видно, что Елисей другое лицо.

[5]) Latop. Litw. i kron. Russ., стр. 227.

[6]) Тамъ же.

[7]) Hist. litw. Kojał. P. 1 p. Żywoty, ss. Ewfros. i Parask. Steb. стр. Dz. st. nar. lit. Narb., т. III, 307—316.

[8]) Тамъ же.

[9]) Тамъ же.

[10]) Тамъ же.

[11]) Полн. собр. Рус. лѣт. изд. Арх. ком., т. II, стр. 341.

[12]) [13]) [14]) Kron. Pol. Stryik. 1845 г., ч. I, стр. 286.

бывшій княземъ полоцкимъ; убитъ въ 1264 г. 9) Войшелгъ или Волштиникъ Миндовговичъ, великій князь литовскій, принявшій монашество [1]); родился 1223, убитъ 1267 г.

По соединеніи княжествъ Литовско-Завилейскаго и Литовско-Новогрудскаго въ одно государство, православіе исповѣдывали князья литовскіе: 1) Воинъ Витенесовичъ, въ православіи Василій [2]), бывшій княземъ полоцкимъ; родился 1296, ум. 1350 г. 2) Наримундъ Гедиминовичъ, въ православіи Глѣбъ [3]), князь пинскій; род. 1277, утонулъ 1348 г. 3) Ольгердъ Гедиминовичъ, великій князь литовскій, въ православіи Александръ, въ схимѣ Алексій [4]), род. 1296, ум. 1377 года. 4) Любартъ Гедиминовичъ, въ православіи Федоръ [5]), князь луцкій, род. 1299, ум. 1386 г. 5) Коріатъ Гедеминовичъ, въ православіи Михаилъ [6]); род. 1301, ум. около 1358 г. 6) Явнута или Евнутъ Гедиминовичъ, въ православіи Іоаннъ [7]), великій князь литовскій, потомъ князь заславскій въ минской губерніи [8]), род. 1306 г. 7. Александръ Наримундовичъ (Глѣбовичъ) [9]). 8) Юрій Наримундовичъ, князь белзскій [10]). 9. Бингольтъ Ольгердовичь, въ православіи Андрей [11]), князь полоцкій. 10) Димитрій Ольгердовичъ, князь трубецкій [12]). 11) Кориѓайло Ольгердовичъ, въ православіи Константинъ [13]), по крещеніи въ римско-католическую вѣру Казиміръ, князь черниговскій и чарторыжскій; убитъ 1390 г. 12) Владиміръ Ольгердовичъ [14]), князь кіевскій, а въ послѣдствіи попольскій; род. 1316 г. 13) Корибутъ Ольгердовичъ,

[1]) Latop. Litw. i kron. Russ., стр. 148.

[2]) Dz. star. nar. lit. Narb., т. IV, стр. 485.

[3]) Histor. nar. Pol. Narusz. изд. 2-е, т. IX, стр. 11. Dz. st. nar. lit. Narb., т. V, стр. 30, пр. 1. Стрыйковскій называетъ его въ православіи Василіемъ. Kron. Pol. 1845 г., ч. II, стр. 74.

[4]) Kron. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 14. Ист. Гос. Росс. Кар., т. IV, стр. 51 и пр. 50.

[5]) Ист. гос. Росс. Кар., т. IV, стр. 193. Kron. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 41 и 74

[6]) Hist. nar. Pol. Narusz. изд. 2-е, т. 9, стр. XIII.

[7]) Тамъ же, стр. XII, Lotop. Litw. i kron. Russ., стр. 163. Dz. st. nar. lit. Narb. т. V, стр. 31.

[8]) Kron. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 3.

[9]) Latop. Litw. i kron. Russ., стр. 163.

[10]) Имя и владѣніе его показываютъ въ немъ сына православной церкви. До введенія рим.-кат. въ Литву Ягайлою, никто изъ князей литовскихъ не былъ р.-католикомъ.

[11]) Kron. Pol. Stryik 1845 г., ч. II, стр. 57 и 76, Latop. Litw. i kron. Russ стр. 165 и 167. Hist. Pol. Długosz, стр. 61. Chronologia Steb., стр. 12, пр. 6. Hist. nar. Pol. Narusz. изд. 2-е, т. 9, ст. XVII.

[12]) Kron. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 58.

[13]) Chronolog. Stebels. ст. 8. Kron. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 57. Dz. st. nar. lit. Narb., т. V, стр. 145.

[14]) Hist. nar. Pol. Narusz. изд. 2, т. 10, стр. 217, пр. 2. Kron. Pol. Stryik. 1845 г. ч. II, стр. 57 и 74.

въ православіи Димитрій [1]), князь новгородъ-сѣверскій, въ послѣдствіи брацлавскій; род. 1358, убитъ 1399 г. 14) Скиргайло Ольгердовичъ, въ православіи Іоаннъ [2]), по перекрещеніи въ римскую вѣру Казиміръ, князь троцкій, въ послѣдствіи великій князь литовскій, наконецъ намѣстникъ кіевскій; род. 1354, отравленъ 1394 г. 15) Ягелло Ольгердовичъ, въ православіи Яковъ [3]) по перекрещеніи въ римскую вѣру Владиславъ, великій князь литовсаій и король польскій, родился 1350, умеръ 1434 г. [4]). 16) Борисъ Ольгердовичь [5]). 17) Лингвеній Ольгердовичъ, въ православіи Семенъ [6]), князь мстиславскій. 18) Свидригайло Ольгердовичъ, въ православіи Левъ, по перекрещеніи въ римскую вѣру Болеславъ, по возвращеніи въ православіе — по прежнему Левъ [7]), бывшій великимъ княземъ литовскимъ, род. 1355, ум. 1452 г. 19) Зодзѣвитъ Ольгердовичъ, въ православіи Иванъ или Федоръ [8]),

[1]) Hist. Pol. Długosz, стр. 125. Kr. Pol. Stryik. 1845 г.. ч. II, стр. 58 и 74. Chronol. Steb. стр. 8. Ист. Крит. пов. Галиц. Руси Зубриц., стр. 187 пр. 79.

[2]) Lat. Litw. i kr. Russ., стр. 47. Hist. Pol. Długosz., стр. 60 и 142. Kr. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 58. Chronolog. Steb. 8 и 15.

[3]) Hist. Pol. Długosz., стр. 60. Kr. Pol. Stryik 1845 г., ч. II, стр. 58. Dz. st. nar. lit. Narb., V, стр. 239. Ист. Кр. повѣсть Галицк. Руси Зубрицкаго, стр. 198.

[4]) Шейноха въ сочиненіи своемъ *Ядвига и Ягелло*, первый изъ писателей вздумалъ доказывать, что Ягайло окрещенъ былъ въ Краковѣ въ римскую вѣру прямо изъ язычника, основываясь на томъ, что современные сему латинскіе писатели: доминиканецъ Кронеръ, жеганскій аббатъ Рудольфъ и другіе называютъ его язычникомъ, и на томъ выводѣ, что если-бы Ягелло былъ христіаниномъ, хотя-бы и православнымъ, то навѣрно не сталъ-бы его крестить другой разъ. Но г. Шейнохъ забылъ, что во время самаго разгара религіозной ненависти между римско-католиками и греко-католиками, т. е. православными, обращаемыхъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, всегда перекрещивали, и рим.-католич. писатели православныхъ, почти всегда называли язычниками, пока папы XVII вѣка не запретили повторенія крещенія, а въ Россіи запрещено оно относительно римско-католиковъ во время патріаршества. Примѣровъ перекрещиванія и названія православныхъ язычниками со стороны латинянъ исторія представляетъ безчисленное множество. Слѣдовательно о дѣйствительности крещенія Ягеллы въ православіи лучше повѣрить свидѣтельству литовскихъ, русскихъ и нѣкоторыхъ польскихъ лѣтописцевъ, не имѣвшихъ при отмѣткѣ его въ своихъ лѣтописяхъ, никакой задней мысли, потому и утверждающихъ, что онъ былъ крещенъ въ младенчествѣ въ православіи и названъ Яковомъ, чѣмъ натяжкамъ г. Шейноха, которому, по видимому, пришлось не по вкусу, что первый польскій король изъ литовскихъ князей до перехода въ латинство былъ православнымъ. Но теперь мода у поляковъ,—искажать по своимъ видамъ, своихъ же собственныхъ лѣтописцевъ, или притворяться ихъ не понимающими.

[5]) Hist. nar. Pol. Narusz., т. 9, стр. XIX; во многихъ актахъ онъ называется христіанскимъ именемъ Бориса до женитьбы Ягеллы; слѣд. былъ православнымъ, ибо латинство князья приняли при женитьбѣ Ягеллы.

[6]) Latop. Lit. i kr. Russ., стр. 205. Kr. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 57 и 74.

[7]) Hist. nar. Pol. Narusz. изд. 2-е, т. 9, стр. XIX. Chronol. Steb. стр. 8. Dz. st. nar. lit. Narb., т. V, стр. 239. Ист. крит. пов. Галицк. Руси Зубрицкаго, стр. 207. Kr. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 58.

[8]) Kr. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 57.

ум. 1358 г. 20) Мингайло Ольгердовичъ, въ православіи Василій, по перекрещеніи въ римскую вѣру Вигундъ, или Александръ, князь керновскій; отравленъ 1392 г. У литовскаго лѣтописца въ числѣ сыновей Ольгерда нѣтъ ни Вигунда, ни Александра; послѣднимъ же сыномъ показанъ Мингайло. Вмѣстѣ съ Ягеллою крещенъ въ римскую католическую вѣру и Вигундъ, единоутробный (uterinus) братъ Ягеллы, который писался въ актахъ Александромъ [1]). Отъ метери Ягелловой Іуліаніи было 7 сыновей; обо всѣхъ ихъ согласно говоритъ литовскій лѣтописецъ и Нарбутъ, кромѣ того, что у перваго Димитрій Трубецкой выходитъ сыномъ Маріи, а у послѣдняго сыномъ Іуліаніи. Какъ затѣмъ остаются Мингайло и Вигундъ-Александръ, то и слѣдуетъ принять ихъ за одно лицо: иначе у Ольгерда было-бы не 12, а 13 сыновей. Въ Краковѣ ему дано имя Вигунда; а въ грамотахъ онъ писался Александромъ; изъ этого выходитъ, что Вигундъ въ православіи имѣлъ имя Василія, а въ латинствѣ Александра [2]). 21) Витовтъ или Витольдъ Кейстутовичъ, въ православіи Александръ, по принятіи латинства прежде Вигандъ, а послѣ Александръ, великій князь литовскій; род. 1344, умеръ 1430 г. Весьма многіе первый разъ услышатъ, что литовскій князь богатырь, составлявшій гордость народа литовскаго, былъ сыномъ православной церкви. Но это подтверждается словами ученаго и достовѣрнѣйшаго польскаго историка Длугоша [3]). Но когда и какимъ образомъ Витовтъ могъ принять православіе? Это предметъ совершенно неизвѣстный въ русской литературѣ, и потому, не ограничиваясь свидѣтельствомъ Длугоша, необходимо объяснить обстоятельства, къ сему относящіяся. Въ 1382 г., по умерщвленіи Ягеллою Кейстута, Витовтъ ушолъ къ прусскимъ рыцарямъ; въ 1383 г. назначенъ былъ съѣздъ Ягеллы съ великимъ магистромъ Цолнеромъ на островѣ рѣки Дубиссы; оба выѣхали, но не съѣхались. Между рыцарями разнесся слухъ, что мать Ягеллы Іуліанія Александровна составила заговоръ захватить магистра и рыцарей и увести въ Литву; а Ягелло подозрѣвалъ, что рыцари хотятъ его схватить или по крайней мѣрѣ насильно окрестить въ римскую вѣру. Обѣ стороны разъѣхались, затѣмъ объявлена война. Витовтъ предводительствовалъ передавшимися ему литовцами и жмудинами. Столица Кейстута — Троки взята, отдана Витовту, и все троцкое княжество добровольно ему покорилось; однакожъ въ скоромъ времени Скиргайло отнялъ Троки. Витовтъ опять долженъ былъ отправиться къ рыцарямъ, а чтобы болѣе привлечь ихъ къ себѣ, крестился въ Таплявѣ и названъ Вигандомъ. По описаніи этихъ про-

[1]) Hist. nar. Pol. Narusz. изд. 2, т. X, стр. 217.

[2]) Kron. Pol. 1845 г., ч. II, стр. 58.

[3]) Hist. Pol. Dług. p. 120 Witholdus, Grodnensis dux, magis modesti, magisque regeti et semper sobry vir ingenii, et propter Ruthenorum assistentiam, qui illi propter ritus sui identitatem magnopere afficiebantur.

ишествій, современный писатель Вигандъ говоритъ о Витовтѣ; „post hoc fecit se Ruthenice baptisare et nominatus est Alexander [1]), т. е. „послѣ сего крестился въ русскую вѣру и названъ Александромъ". Зачѣмъ ему было креститься въ это время въ православіе, и какъ могъ онъ это сдѣлать, находясь у рыцарей — авторъ не объяснилъ, и потому разсказъ его не совсѣмъ полонъ; но сущность дѣла отъ того нисколько не измѣняется. Римско-католическій писатель, говоря въ пользу православія, не могъ быть пристрастнымъ. Нарбутъ повѣривъ соображеніямъ Нарушевича, усомнился въ этомъ имени, и сказалъ, что Витовтъ въ православіи имѣлъ имя Георгія [2]). Этому повѣрилъ и Ярошевичъ [3]); но открытіе историческихъ памятниковъ совершенно оправдало Длугоша, и Нарбутъ какъ писатель, всему предпочитающій истину, отказался отъ своего мнѣнія, по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ 1384 г. Витовтъ съ рыцарями возобновилъ Ковно, дабы въ войнѣ съ Ягеллою имѣть крѣпость на правомъ берегу Нѣмона; но Ягелло и Скиргайло при Вилькишкахъ разбили рагнитскаго командора Виганда Вальдерсгейма. Великій магистръ взялъ новую запись у Витовта на покорность ордену, и уѣхалъ въ Пруссію. Между тѣмъ Ягелло, опасаясь воинственнаго Витовта, помирился съ нимъ чрезъ посредство матери своей Іуліаніи Александровны. Послѣдній въ Іюлѣ 1384 г. ушелъ отъ рыцарей и, чтобы доказать искренность своего примиренія, на дорогѣ взялъ у рыцарей Юрбургъ и Байербургъ. Прибывъ въ Литву, Витовтъ крестился въ православіе [4]). Какая могла быть причина, до сихъ поръ оставалась тайною. Она разоблачилась слѣдующимъ образомъ: въ книгахъ троцкаго трибунала 1585 г. открыта выпись грамоты, данной Витовтомъ 23 Августа 1384 г. (т. е. сейчасъ по прибытіи въ Литву) троцкому православному монастырю на разныя земли. Въ грамотѣ сказано: „Мы великій князь Витовтъ, нареченый во светомъ кре„щеніи Александръ, далисьми, на прозбу и на жоданье княгини нашое „великое Ульяны, къ монастыру нашому троцкому Рожеству Светое Пре„чистое озера троцкаго Лужу, ажъ до великое дороги", и проч. [5]). Княгиня Ульяна, о которой здѣсь говорится, есть великая княгиня, то есть тетка Витовта, мать Ягеллы, примирившая ихъ [6]). Въ началѣ 1384 г. Витовтъ еще дѣйствовалъ за одно съ рыцарями, слѣдовательно въ православіе крещенъ быть не могъ. Вигандъ, по описаніи событій, относящихся къ 1384 г., говоритъ, что Витовтъ крестился въ право-

[1]) Gesch. Preus Veigot в. V., p. 424.

[2]) Dz. st. nar. lit. Narb., т. V, стр. 338 и 382.

[3]) Obr. Lit. Iarosz., т. II, стр. 171.

[4]) Puścizna po Ianie Długoszu, to iest Kronika Wiganda z Marburga. Poznań 1842 г., стр. 304 и 305.

[5]) Собр. др. гр. и акт. Вильно 1843 г., ч. II, стр. 146.

[6]) Dz. st. nar. lit. Narb., т. V, стр. 381.

славіе съ именемъ Александра: въ этомъ году, по прибытіи отъ рыцарей, онъ даетъ земли монастырю православному, даетъ по просьбѣ и желанію Іуліаніи, и въ грамотѣ называется православнымъ именемъ Александра: „нареченый во светомъ крещеніи Александръ“, т. е. объ этомъ говоритъ, какъ о предметѣ новомъ, еще мало извѣстномъ (послѣ онъ Alexander alias Vitoldus, также Александръ або Витовтъ [1]). Сообразивъ все это, Нарбутъ весьма правильно заключаетъ, что Витовтъ принялъ крещеніе по убѣжденію тетки Іуліаніи Александровны, какъ бы въ благодарность за примиреніе съ Ягеллою. Крещеніе должно было совершиться въ троцкомъ монастырѣ, въ память чего и даровалъ ему землю согласно съ волею Іуліаніи. Такимъ образомъ время грамоты, т. е. 23 Августа 1384 г., указываетъ и на время крещенія Витовта [2]). Правда, онъ носилъ и имя Александра и послѣ того какъ перешелъ въ латинство; но оно принято имъ спустя два года въ 1386 г. передъ свадьбою Ягеллы съ Ядвигою въ Краковѣ, вмѣстѣ съ другими князьями литовскими, и Витовтъ крещенъ былъ въ латинскую вѣру (крещеніе у рыцарей считалось уничтоженнымъ чрезъ крещеніе православное, а православныхъ римскіе католики перекрещивали); но остался при имени Александра; имя Виганда онъ не хотѣлъ принять, чтобы оно не напоминало связей его съ врагами отечества—рыцарями [3]). Въ лѣтописи Новгородской Витовтъ также названъ Александромъ въ православіи: „Былъ князь Витовтъ прежде христіанинъ, а имя ему Александръ, и отъвръжеся христіанства и прія лядскую вѣру“ [4]). 22) Михаилъ Любартовичъ [5]). 23) Александръ Любартовичъ [6]). 24) Ѳедоръ Любартовичъ [7]), князь луцкій, потомъ—владимірскій. 25) Иванъ Любартовичъ [8]). 26) Юрій Коріатовичъ [9]). 27) Александръ Коріатовичъ [10]), князь волынскій. 28) Федоръ Коріатовичъ [11]). Твердость его въ православіи увидимъ ниже. 30) Федоръ Патрикеевичъ [12]), князь волынскій; убитъ 1399 г. 31) Александръ Патрикеевичъ [13]), князь Стародубскій. 32) Иванъ Вингольтовичъ, сынъ Вингольта—Андрея Ольгердовича [14]). 33) Михаилъ Дмитріевичъ [15]). 34) Андрей Дмитріевичъ [16]), сынъ Дмитрія

[1]) Акт. относ. къ ист. запад. Рус. 1846 г., т. I, стр. 23.

[2]) Ondina Pruskienickich źrudeł 1844 г. Zesz 1, стр. 16—20.

[3]) Тамъ-же, стр. 19.

[4]) У Карамз. Ист. Гос. Рос., т. V, пр. 182.

[5]) [6]) [7]) и [8]) Всѣ они крещены были въ православіе, потому что отецъ и мать Агапія или Буча дочь князя Владимірскаго на Волыни, были православные.

[9]) и [10]) Latop. Litw. i kr. Russ., стр. 50 и 51.

[11]) Kr. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 18.

[12]) Latop. Litw. i kr. Russ., стр. 219.

[13]) Тамъ-же, стр. 221.

[14]) Тамъ-же, стр. 210. Этотъ князь у Нарбута пропущенъ.

[15]) и [16]) Они безъ сомнѣнія были православные, потому что отецъ исповѣдывалъ православіе.

Ольгердовича Трубецкаго. 35) Александръ или Олелько Владиміровичъ, князь копыльскій, а потомъ и кіевскій; умеръ 1455 г. [1]). 36) Юрій Довготасъ Лингвеніевичъ (Семеновичъ) [2]), князь мстиславскій. 37) Ярославъ — Ѳедоръ Лингвеніевичъ [3]), убитъ подъ Вилькоміромъ 1435 г. 38) Михаилъ Олельковичъ [4]), князь копыльскій и слуцкій; убитъ 1482 г. 39. Семенъ Олельковичъ [5]), князь кіевскій; умеръ 1471 г. 40) Ѳедоръ Ивановичъ (сынъ Ивана Владиміровича Бѣльскаго, [6]). Нѣтъ сомнѣнія, что еще большее число князей литовскихъ исповѣдывало православіе, напр. Иванъ Бѣльскій, сынъ Владиміра Ольгердовича Кіевскаго, иначе сынъ его Ѳедоръ не могъ бы быть православнымъ, но мы не приводимъ ихъ здѣсь, не имѣя яснаго свидѣтельства лѣтописцевъ. Стрыйковскій, говоря о призваніи воеводою Гастольдомъ францискановъ въ Вильну въ 1332 г., пишетъ: уже чуть не всѣ князья литовскіе Гедиминовичи окрестились въ христіанскую православную вѣру, кромѣ Кейстута [7]). И такъ въ самое блистательное время Литвы почти всѣ князья исповѣдывали православіе. Въ роду ихъ недостаетъ только трехъ славныхъ именъ: Гедимина, Кейстута и защитника Москвы Остея [8]); по крайней мѣрѣ почти всѣ Ольгердовичи были сынами восточной церкви. До сихъ поръ не были сведены въ этомъ отношеніи сказанія лѣтописцевъ.

Посмотримъ теперь, какимъ путемъ православіе входило въ великокняжескій литовскій домъ. Извѣстно, что христіанская вѣра у многихъ народовъ введена была посредствомъ женъ. Тоже случилось и въ Литвѣ. Князья литовскіе вступали въ брачные союзы съ княжнами русскими; узнавъ ближе вѣру своихъ женъ, часто и сами принимали ее, напр. Ольгердъ первый разъ принялъ, женившись на Маріи, княж-

[1]) Весь родъ Олельковъ со пресѣченія его въ лицѣ княгини Софіи, бывшей за княземъ Радзивиломъ, былъ православнымъ, какъ доказываютъ церковныя книги съ собственноручными надписями Олельковичей, пожертвованныя ими въ слуцкій троицкій монастырь, которыя хранятся до сихъ поръ, и которыя самъ авторъ видѣлъ. Княгиня Софія почиваетъ въ церкви того же монастыря.

[2]) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 252. Kr. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 74.

[3]) Тамъ-же, стр. 233.

[4]) Latop. Litw. i kr. Russ., стр. 263, пр. 380.

[5]) Признается православнымъ, потому что весь родъ Владиміра Ольгердовича т. е. всѣ Олельковичи исповѣдывали православіе, какъ сказано выше.

[6]) Latop. Litw. i kr. Russ., стр. 263, пр. 380.

[7]) Kron. Pol Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 14: „Już mało nie wszystki xiążęta Litewskie Gediminowicy ochrzcili byli w Ruskich obrzędow wiarę chrzescianska, okrom. Kieistuta“. Годъ призванія Гастольдомъ францисканов у Стрыйковскаго поставленъ не правильно; вмѣсто 1332, слѣдуетъ поставить 1365 г. Журн. Мин. Нар. Просв. 1843 г. № 6, ст. Н. Елагина: «Первые Хрис. мученики въ Литвѣ.»

[8]) Онъ носилъ христіанское имя Александра и будучи сыномъ Вингольта—Андрея Ольгердовича, долженъ быть православнымъ; но мы не считаемъ его по тому-же, почему и Ивана Бѣльскаго.

нѣ витебской: „Ольгердъ же еще при житіи отца окрестился ради жены“; [1]) потомъ обратился въ язычество, вѣроятно, изъ политическихъ видовъ,—чтобы пользоваться любовію народа, еще коснѣвшаго въ язычествѣ, даже нѣкоторое время преслѣдовалъ христіанъ; но посдѣ покровительствовалъ имъ: подарилъ землю, гдѣ пострадали мученики Іоаннъ, Евстафій и Антоній [2]), строилъ церкви, и наконецъ передъ смертью принялъ православіе и схиму, по убѣжденію супруги своей. „Княгиня же Іуліаніа, видя мужа своего Ольгерда послѣднее дышуща, и зѣло печаловавшеся о его спасеніи и созва сыны своя, и отца своего духовнаго, призва Давида архимандрита печерскаго, и увѣща своего мужа, и Божіимъ поспѣшеніемъ сподоби его святаго крещенія... и святою схимою того украсивше... и по малѣхъ днехъ преставися, и положиша тѣло его въ церкви Пресвятой Богородицы въ Вильнѣ, юже самъ созда“ [3]). О Любартѣ Гедиминовичѣ также сказано: Любартъ уже давно окрестился въ русскую вѣру ради жены, княжны владимірской, за которою и волынское княжество получилъ въ удѣлъ, еще при жизни отца Гедимина“ [4]). И другіе князья, женатые на княжнахъ русскихъ, больше или меньше озарялись свѣтомъ православія, и если не всѣ принимали его, то по крайней мѣрѣ не питали къ нему такого непріязненнаго чув ства, какъ къ римскому католичеству. Мы знаемъ одно только гоненіе на православныхъ, когда пострадали Іоаннъ, Евстафій и Антоній; римскіе же монахи не одинъ разъ были преданы жесточайшей смерти.

Перечислимъ князей литовскихъ, которые имѣли женъ русскаго происхожденія: 1) Давмундъ старый Тимоѳей, бывшій княземъ Псковскимъ, имѣлъ въ супружествѣ Марію Димитріевну, дочь Димитрія Александровича, великаго князя Новгородскаго [5]). 2) Гедиминъ, великій князь литовскій, во второмъ и третьемъ бракѣ имѣлъ росіанокъ Ольгу [6]) и Евву, но кто именно онѣ были неизвѣстно [7]). 3) Любартъ

[1]) Ист. Гос. Рос. Кар., т. IV, прим. 267. Согласно сему и этими же словами говоритъ и Стрыйковскій. Kr. Pol. 1845 г., ч. II, стр. 14. Въ этомъ крещеніи сомнѣваться нельзя, потому что Ольгердъ построилъ въ Витебскѣ двѣ православныя церкви Благовѣщенія и Свято-духовскую. Chron. Steb., стр. 7. Lat. i Kr. Rus. стр. 27.

[2]) Жур. Мин. Нар. Прос. 1843 г., № 6, въ статьѣ Н. Елагина: «Первые христіанскіе мученики въ Литвѣ».

[3]) Истор. Гос. Рос. Карам., т. V, пр. 50.

[4]) Kr. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 29: «Lubart już się był przed tym dawno ochrzścił u Ruska wiarą gwoli żonie xiężnię Władzimierskiey, po kturey u Wołynskie xęzstwo ieszcze za Oyca wziął w udział».

[5]) Ист. Гос. Рос. Кар., т. IV, пр. 162.

[6]) Въ древней Витебской Благовѣщенской церкви сохранилось рукописное евангеліе, съ надписью древняго почерка, что оно принесено въ даръ церкви в. княгинею Ольгою, безъ сомнѣнія супругою Гедимина.

[7]) Соб. др. грам. и актовъ Вильно 1843 г., стр. XI. Obraz Lit. Iarosz., т. II, стр. 4. Нарбутъ думаетъ, что Ольга была дочь Всеволода Псковскаго. Dz. st. nar. lit., т. V, стр. 11.

Гедиминовичъ имѣлъ въ супружествѣ дочь князя Владимірскаго на Волыни [1]), по Стрыйковскому Агапію, а по родословнымъ Яблоновскаго Бучу; во второмъ же бракѣ—дочь Константина Ростовскаго [2]). 4) Евнутъ Гедиминовичъ, по нашимъ родословнымъ, женатъ былъ на княжнѣ витебской и тамъ же сказано, что Ольгердъ женился на княжнѣ полоцкой; но какъ о послѣднемъ изъ литовскаго лѣтописца достовѣрно извѣстно, что онъ женился на княжнѣ Витебской, то, вѣроятно имена въ нашихъ родословныхъ перемѣшаны, и Евнутъ женатъ былъ на княжнѣ Полоцкой [3]). 5. Корибутъ Ольгердовичъ имѣлъ въ супружествѣ дочь князя рязанскаго Александра [4]). 6) Ягайло Ольгердовичъ, великій князь литовскій и король польскій, въ 4-мъ супружествѣ имѣлъ Сонку (Софію) Андреевну, дочь Андрея Ивановича, князя друцкаго [5]); по принятіи римскаго исповѣданія она названа Софіею. 7) Лингвеній Ольгердовичъ женатъ былъ на Маріи Васильевнѣ, дочери Димитрія Іоанновича Донскаго, великаго князя московскаго [6]). 8. Свидригайло Ольгердовичъ имѣлъ въ супружествѣ Ольгу Борисовну, дочь князя тверскаго [7]). 9) Витовтъ Кейстутовичъ, въ первомъ бракѣ, женатъ былъ на Аннѣ Святославовнѣ, дочери князя смоленскаго [8]), а въ третьемъ бракѣ на Маріи Андреевнѣ, дочери князя лукомскаго и стародубовскаго [9]). 10) Александръ Коріатовичъ имѣлъ въ супружествѣ дочь велик. князя московскаго Симеона Іоанновича Гордаго [10]). Это число князей литовскихъ женатыхъ на княжнахъ русскихъ, значительно увеличится, если припомнимъ, что многіе изъ нихъ, какъ напр. Нелюбъ-Александръ, Владиміръ Ольгердовичъ кіевскій, Дмитрій Ольгердовичъ трубецкій и др. въ молодыхъ лѣтахъ переходили на Русь. Если бы эти князья, переселившись на Русь, прекращали всякое сноніе съ Литвою, то женитьба ихъ на княжнахъ русскихъ нисколько бы не способствовала развитію русскаго элемента въ Литвѣ; но извѣстно, что сношенія ихъ съ Литвою часто возобновлялись: такъ напр. потомки

[1]) De orid. Pol. Cremer. p. 204 Pistor. in Corpor. hist. Polon. 111, p. 166.

[2]) Ист. Гос. Рос. Кар., IV, пр. 267 и 351.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Hist. nar. Pol. Narusz., т. 9, стр. XVI.

[5]) Hist. Pol. Dług., стр. 446. Bielski, стр. 321. Kron. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 160. Chronolog. Stebel., стр. 28. Родословная Сонки будетъ подробнѣе объяснена ниже.

[6]) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 210 и 219.

[7]) Latop. Litw. Dług., стр. 11—83 и 610. Chron. Steb., стр. 30. Нѣкоторые называютъ ее Софіею. Акт. от. къ ист. Зап. Рус., т. I, пр. 50.

[8]) Chronolog. Steb., стр. 17.

[9]) Kron. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 155. Стебельскій старается доказать, что у Витовта были только двѣ жены. Chron. Steb., стр. 20.

[10]) Dz. st. nar. lit Narb., т. V, стр. 76. Отсюда же видно, что Александръ у Карамзина неправильно названъ Дмитріемъ.

Владиміра Ольгердовича, извѣстные подъ именемъ Олельковичей, князей кіевскихъ, копыльскихъ и слуцкихъ, такъ были близки къ литовцамъ, что при великокняжескомъ дворѣ пользовались особыми почестями, и даже были избираемы на великокняжескій литовскій престолъ [1]).

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что 16 браковъ князей литовскихъ съ княжнами русскими немного содѣйствовали введенію православія и русской народности въ родѣ князей литовскихъ; но вліяніе ихъ значительно увеличится, если подумаемъ, что отъ этихъ браковъ происходили дѣти, „которыя, воспитываясь подъ надзоромъ матерей русскихъ, съ малолѣтства привыкали къ понятіямъ ихъ вѣры, и равнодушно, можетъ быть и съ презрѣніемъ, смотрѣли на обряды языческіе“ [2]). Историкъ Меховита, каноникъ краковскій, о сыновьяхъ Ольгерда пишетъ, что мать ихъ, будучи русскою княжною, воспитывала ихъ въ нравахъ русскихъ, внушая вѣру православную [3]). Знаемъ также, что Ядвига не хотѣла выходить за Ягайлу, считая его язычникомъ. На это послы отвѣчали: „что касается до вѣры христіанской, то Ягайло вмѣстѣ съ прочими братьями, будучи рожденъ отъ матери христіанки, еще съ самой нѣжной юности наставленъ въ христіанской вѣрѣ“ (разумѣется православной, ибо мать была православная) [4]).

Сношенія Литвы съ Русью не ограничивались тѣмъ, что литовскіе князья женились на русскихъ княжнахъ; они и своихъ дочерей отдавали за князей русскихъ. Правда, литовскія княжны, удалясь изъ своего отечества, не развивали въ немъ постоянно русскаго элемента; но отцы, выдавъ дочерей на Русь, роднились съ нею, смотрѣли на нее, какъ на страну близкую ихъ родительскому сердцу. Все это знакомило Литву съ Русью и православіемъ, а когда княгини пріѣзжали въ Литву къ родителямъ, литовцы знакомились съ русскими сопровождавшими своихъ княгинь, и такимъ образомъ постепенно и нечувствительно Литва входила въ родство и единство съ Русью. Хроники любятъ разсказывать о войнахъ, побѣдахъ, пораженіяхъ; но такъ мало занимаются предметами семейными, что иногда, говоря о литовскихъ княжнахъ, выданныхъ въ замужество за князей русскихъ, забываютъ даже упомянуть объ имени тѣхъ княженъ. Перечислимъ ихъ, сколько позволяютъ историческіе памятники: 1) Дочь князя литовско-завилейскаго Утенеса или Дангерута Свальгатесовича была за доблестнымъ герсикскимъ княземъ Всеволодомъ [1]). 2) Дочь Эрдзивила или Игумиса Рингольдовича, князя литовско-новогрудскаго, неизвѣстная по имени, была супругою Даніила Галицкаго [2]). 3) Дочь Миндовга Рингольдовича, короля литовскаго, неизвѣстная по имени, была за Шварномъ Даниловичемъ Галицкимъ [3]). Этотъ бракъ доказываетъ, какъ сильно родство княжескихъ домовъ связывало Литву съ Русью: сынъ Миндовга-Войшелгъ уступилъ литовскій престолъ Шварну, потому что за послѣднимъ была сестра его. 4) Дочь Геманта или Ямонта Гурдовича, намѣстника смоленскаго, неизвѣстная по имени, была въ замужествѣ за Андреяномъ Титовичемъ, княземъ звенигородскимъ [4]). 5) Дочь Гедимина, великаго князя литовскаго, неизвѣстная по имени, была супругою тверскаго князя Дмитрія Михайловича Грозныя очи [5]). 6) Дочь Гедимина Августа-Анастасія была за Симеономъ Ивановичемъ, сыномъ Ивана Даниловича Калиты [6]). 7) Дочь Гедимина же, неизвѣстная по имени, была въ замужествѣ за Юріемъ Андреевичемъ Галицкимъ [7]). 8) Дочь Ольгерда Гедиминовича, великаго князя литовскаго, Аузинина, была супругою Бориса Константиновича, князя суздальскаго [8]). 9) Дочь Ольгерда же Марія была за княземъ русскимъ Давидомъ, но которымъ именно—неизвѣстно [9]). 10) Дочь Ольгерда же Елена въ замужествѣ за Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ [10]). 11) Дочь Ольгерда же Ѳеодора была за Святославомъ Титовичемъ, княземъ звенигородскимъ [11]). 12) Дочь Кейстута Гедиминовича Марія была за Иваномъ Михайловичемъ, сыномъ великаго князя тверскаго Михаила Александровича [12]). 13) Дочь Владиміра Ольгердовича кіевскаго, неизвѣстная по имени, была супругою Василія Михайловича, сына великаго князя тверскаго Михаила Александровича [13]). 14) Дочь Витовта Кейстутовича, вели-

[1]) Kron. Pol. Stryik. 1845 г., ч. II, стр. 206.

[2]) Obraz. Litw. Iarosz. 1844 г., ч. II, стр. 6.

[3]) Chronol. Pol. Mechor. p. 263 et. mores formabat graecos, ritum graecum illis instillans.

[4]) Cromer. de orig. Polonor. p 239 et 240: quod ad religionem christianam affinet, Iagellonem cum caeteris fratribus christiana matre natum, jam inde ab ineunte aetate christiana religione imbutum.

скаго Утенеса или Дангерута Свальгатесовича была за доблестнымъ герсикскимъ княземъ Всеволодомъ [1]). 2) Дочь Эрдзивила или Игумиса Рингольдовича, князя литовско-новогрудскаго, неизвѣстная по имени, была супругою Даніила Галицкаго [2]). 3) Дочь Миндовга Рингольдовича, короля литовскаго, неизвѣстная по имени, была за Шварномъ Даниловичемъ Галицкимъ [3]). Этотъ бракъ доказываетъ, какъ сильно родство княжескихъ домовъ связывало Литву съ Русью: сынъ Миндовга-Войшелгъ уступилъ литовскій престолъ Шварну, потому что за послѣднимъ была сестра его. 4) Дочь Геманта или Ямонта Гурдовича, намѣстника смоленскаго, неизвѣстная по имени, была въ замужествѣ за Андреяномъ Титовичемъ, княземъ звенигородскимъ [4]). 5) Дочь Гедимина, великаго князя литовскаго, неизвѣстная по имени, была супругою тверскаго князя Дмитрія Михайловича Грозныя очи [5]). 6) Дочь Гедимина Августа-Анастасія была за Симеономъ Ивановичемъ, сыномъ Ивана Даниловича Калиты [6]). 7) Дочь Гедимина же, неизвѣстная по имени, была въ замужествѣ за Юріемъ Андреевичемъ Галицкимъ [7]). 8) Дочь Ольгерда Гедиминовича, великаго князя литовскаго, Аузинина, была супругою Бориса Константиновича, князя суздальскаго [8]). 9) Дочь Ольгерда же Марія была за княземъ русскимъ Давидомъ, но которымъ именно—неизвѣстно [9]). 10) Дочь Ольгерда же Елена въ замужествѣ за Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ [10]). 11) Дочь Ольгерда же Ѳеодора была за Святославомъ Титовичемъ, княземъ звенигородскимъ [11]). 12) Дочь Кейстута Гедиминовича Марія была за Иваномъ Михайловичемъ, сыномъ великаго князя тверскаго Михаила Александровича [12]). 13) Дочь Владиміра Ольгердовича кіевскаго, неизвѣстная по имени, была супругою Василія Михайловича, сына великаго князя тверскаго Михаила Александровича [13]). 14) Дочь Витовта Кейстутовича, вели-

[1]) Dz. st. lit. Narb., т. III, стр. 460.

[2]) Полн. соб. Рус. Лѣт. изд. Археогр. Ком., т. II, стр. 187.

[3]) Тамъ-же, стр. 341.

[4]) Ист. Гос. Рос. Кар. V, пр. 137. Lat. Lit. i kr. R us., стр. 213.

[5]) Ист. Гос. Рос. Кар., т. IV, стр. 201. Соб. древ. грам. и акт. Вильно 1743 г., стр. XI.

[6]) Ист. Гос. Рос. Кар., т. IV, стр. 222. Соб. древ. грам. и акт. Вильно 1843 г., стр. XI.

[7]) Тамъ-же и Dz. st. Narb. т. III, tabl. III.

[8]) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 185. Dz. st. nar. lit. Narb. т. III, tabl. III.

[9]) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, пр. 411. Собр. др. грам. и акт. Вильно 1843 г. стр. XI.

[10]) Latop. Litw. i kr. Russ., стр. 182 и 183. Ист. Гос. Рос. Кар. т. V, стр. 24,

[11]) Ист. Гос. Рос. Кар. т. V пр. 137. Собр. др. грам. и акт. Вильно 1843 г., стр. XI.

[12]) Lat. Litw. i kr. Russ., стр. 216. Ист. Гос. Рос. Кар., т. V, пр. 137. Dz. st. nar. lit. Narb., т. VI, стр. 13.

[13]) Ист. Гос. Рос. Кар. т. V, пр. 137.

каго князя литовскаго, Анастасія-Софія, была за великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ [1]). 15) Дочь Александра Патрикеевича стародубскаго Аграфена была за Андреемъ Дмитріевичемъ, братомъ великаго князя московскаго Василія Дмитріевича [2]).

Почти всѣ эти браки ясно показываютъ цѣль политическую: малозначительные князья литовскіе не входили въ родство съ русскими, имѣя въ виду, что зятья не такъ легко поднимутъ оружіе на тестя, какъ еслибы не были связаны родствомъ [3]). Какъ бы то ни было, но всѣ славные князья литовскіе: Утенесъ—гроза нѣмцевъ, воинственный Эрдзивилъ, Миндовгъ—первый побѣдитель татаръ и глубокій политикъ своего времени, успѣвшій получить отъ папы королевскій вѣнецъ, великій Гедиминъ, создавшій великое княжество литовское, Ольгердъ—удивленіе современниковъ, Кейстутъ, прославившійся въ битвахъ, Витовтъ, князь—богатырь, гордость литовцевъ,—всѣ эти виновники славы народа литовскаго породнились съ князьями русскими. Слѣдовательно въ самое блистательное время Литвы, она видѣла въ Руси свою сестру, которой ввѣряла счастіе своихъ княженъ.

Сводя все вышесказанное подъ одинъ взглядъ, находимъ, что 56 литовскихъ князей исповѣдывали православную вѣру, 16 русскихъ княженъ были въ замужествѣ за князьями литовскими и 15 литовскихъ княженъ были выданы за князей русскихъ. Князья, происходя большею частію отъ русскихъ матерей, были преданы православной вѣрѣ и русской народности.

Какъ отъ Ольгерда произошло много княжескихъ родовъ, то всѣ они, наслѣдуя вѣру своихъ предковъ, были сынами церкви православной, и многія изъ княжескихъ фамилій, исповѣдывающихъ нынѣ римско-католическую вѣру, прежде были православными; именно въ началѣ XVII вѣка, по свидѣтельству самихъ иновѣрцевъ, православіе исповѣдывали князья: Заславскіе, Вишневецкіе, Чарторыйскіе, Збаражскіе, Сангушки, Острожскіе, Друцкіе, Коширскіе, Соломерецкіе, Пронскіе, Порицкіе, Пестрецкіе, Путятскіе, Четвертинскіе, Воронецкіе, Рожинскіе, Горскіе [4]), Глинскіе [5]) и многіе другіе.

[1]) Lat. Lit. i kr. Russ., стр. 45. Chronolog. Steb., стр. 18. Dz. st. nar. lit. Narb. т. V, стр. 462.

[2]) Lat. Litw. i kr. Russ., стр. 222, пр. 290. Время Соф. I, стр. 426.

[3]) Kron. Pol. Stryik. 1845 г., ч. I, стр. 282.

[4]) Kronika Sarmacyi Europ. Guagnin, стр. 123. Chronolog. Stebel., стр. 93, Wilno Kraszew., т. III, стр. 50. Журн. Мин. Нар. Прос. 1846 г. № 1, Отд. VI, стр. 27.

[5]) Акты отн. къ ист. запад. Русс. т. I, прим. 133.

А.

Александровичъ Тихонъ, іеромонахъ кіевскій и префектъ кіевской академіи. (Исторія кіевской академіи) [1]).

Б.

Базилевичъ Іоаннъ, протопопъ Краснянскій. (Исторія кіевской акад.).

Бака Василій, епископъ холмскій, около 1546 г. (См. Susza Fenix Greciae, część I, pag. 57; Steb. Przydat. do Chronol., (str. 146).

Барановичъ Лазарь, архіепископъ черниговскій и новгородъ-сѣверскій, блюститель каѳедры кіевскихъ митрополитовъ.

Блоницкій Яковъ, настоятель лубенскаго Мгарскаго монастыря. (Словарь ист. о писат. дух.).

Блонскій Іеронимъ, ректоръ кіевской академіи съ 1791 по 1797 г.

Богомолецъ Михаилъ, настоятель Онуфріевскаго могилевскаго монастыря, около 1582 года. (Архивъ полож. духов. конс., связка 33, № 11).

Богуславскій Антонъ, іеромонахъ могилевскій.

Ворецкій Іоаннъ, епископъ перемысльскій въ 1462 г. (Stebelski. Przyd. do Chronol., str. 255).

Борецкій Іовъ, митрополитъ кіевскій, посвященный патріархомъ іерусалимскимъ Ѳеофаномъ, 1620 года августа 15, въ Кіево-Печерской лаврѣ. (Описаніе кіев. Софійск. собора, стр. 161; Stebelski. Przyd. do Chron., str. 186; Исторія кіевской академіи, стр. 28).

Ворзобогатый Іоаннъ, въ монашествѣ Іона, епископъ луцкій и острожскій въ 1569 г. (Акты, относящіеся къ западн. Россіи. Т. III, № 47, стр. 149 и примѣчаніе къ № 13).

Борисковичъ Исаакъ, луцкій и острожскій епископъ. (Описаніе кіев. Соф. собор., стр. 165).

Братановичъ Анастасій, архіепископъ астраханскій, членъ св. сунода и Импер. россійс. академіи. (Истор. словарь писат. духов. чина митроп. Евгенія).

Брылинскій Стефанъ, епископъ перемышльскій, около 1551 года. (Stebelski, str. 255).

Бугаевскій, игуменъ Дятловицкаго монастыря. (Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго).

Вужинскій Гавріилъ, епископъ рязанскій и муромскій. (Словарь ист. писат. духов. чина митр. Евгенія).

[1]) „Вѣстникъ Запад. Россіи“ 1864 г.

Вѣлькевичъ Сильвестръ, митрополитъ кіевскій. (Акты, относ. къ зап. Россіи, т. I, № 18, стр. 72; Stebelski. Przyd. do Chron., str. 185; Описаніе кіево-Соф. собора мит. Евгенія).

Вѣнкевичъ Пахомій, намѣстникъ якобштадтскаго монастыря.

В.

Василевичъ Астафій, іеромонахъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря, жившій около 1676 г. (Арх. пол. духовн. консист., связка 30, № 105; архивъ полоцк. уѣздн. суда, актовая книга 1687 года, № 109).

Василевичъ Мина, протопопъ слуцкой Рождественской церкви. (Акты гор. Минска, Пинска и др., стр. 31, № 26).

Василевичъ Романъ, настоятель полоцк. Богоявленскаго монастыря, съ 1773—1778 г. (Архивъ и бог. мон. и синодики).

Василевичъ Ѳеодосій, епископъ бѣлорусскій, изъ слуцкихъ архимандритовъ. (Архивъ полоц. дух. консис., связка 30, №№ 96 и 97).

Винницкій Антоній, митрополитъ кіевскій и галицкій. (Акты города Минска и пр., № 133, стр. 287; Описаніе кіево-Софійск. собора, стр. 191).

Винницкій Иннокентій, епископъ перемышльскій. (Stebelski. Przyd. do Chron., str. 279).

Вишневскій Гедеонъ, іеромонахъ и профессоръ кіевской академіи въ 1710 году. (Исторія кіевской академіи).

Войнянка (Война) **Раина,** настоятельница пинскаго православнаго дѣвичьяго монастыря св. Варвары. (Акты, отн. къ ист. западн. Россіи. Т. 14, подъ годомъ 1580).

Волковичъ Іоанникій, іеромонахъ кіевскій, изъ воспитанниковъ львовскихъ училищъ. (Ист. слов. церк. пис. дух. чина мит. Евгенія).

Волловичъ Іосифъ, епископъ бѣлорусскій. (Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго).

Высоцкій Евтихій, настоятель кіевскаго Межигорскаго монастыря. (Акты, относ. къ ист. зап. Россіи, № 53, стр. 158).

Вѣржбицкій Тарасій, архимандритъ и ректоръ кіевской академіи съ 1768—1774 г. (Исторія кіевской академіи; истор. словарь церк. писат. духов. чина).

Г.

Галятовскій Іоанникій, архимандритъ. (Историч. словарь писателей духов. чина, ч. I; Исторія кіевской академіи).

Гдашицкій Исакій, намѣстникъ галицкой митрополіи, львовскій архимандритъ. (Акты, относ. къ ист. зап. Россіи. Т. II, № 141, стр. 168).

Гласко Анастасій, игуменъ бывшаго дисненскаго Вознесеннаго православнаго монастыря, около 1679 г. (Подъ №№ 586 и 848; Акты къ ист. зап. Россіи, № 170, т. V).

Гловацкій Сильвестръ, епископъ переяславскій и полтавскій. (Исторія кіевской академіи).

Голенковскій Варлаамъ, намѣстникъ сперва кіево-Печерскаго, а потомъ с.-петербургскаго Александро-Невскаго монастыря. (Историч. словарь писат. духовн. чина, ч. I).

Голенковскій Сильвестръ, настоятель витебскаго Маркова монастыря, около 1768 г. (Архивъ сего монастыря, №№ 143 и 147).

Головковичъ Виталій, намѣстникъ архимандріи лещинской, около 1664 г. (Акты Минска и проч., № 135).

Горбацкій Іосифъ, епископъ витебскій, оршанскій и мстиславскій. (Исторія кіевской академіи).

Горскій Ѳеофилактъ, епископъ коломенскій. (Словарь историч. писат. духов. чина, ч. I).

Григоровичъ Василій, монахъ антіохійскій. (Словарь историч. писат. духов. чина, ч. I).

Гулькевичъ-Глѣбовскій Богушъ, намѣстникъ кіевскаго Софійскаго собора въ 1577 году. (Акты, относ. къ истор. зап. Россіи, т. III, № 83, стр. 211).

Гумовскій Георгій, епископъ перемышльскій, около 1650 г. (Stebelski. Przyd. do Chron., str. 259).

Гугуревичъ Ѳеодосій, іеромонахъ и ректоръ кіевскаго коллегіума съ 1684—1686 годъ. (Ист. кіевск. духов. академіи).

Гуща Исаія, іеромонахъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря. (Архивъ полоц. Богояв. монас., вводный листъ о. настоятелю Гедеону и актовая книга 1670 года полоцкаго уѣзднаго суда).

Д.

Денисевичъ Антоній, іеромонахъ могилевскій. (Истор. уніи Бантышъ-Каменскаго).

Денисовичъ Иларіонъ, игуменъ бывшаго Купятицкаго православнаго монастыря близъ Пинска. (Истор. словарь духов. писат.).

Дзертко Антоній, игуменъ Грозовскаго монастыря. (Акты гор. Минска и проч., № 160, стр. 570 и 370).

Достоевскій Стефанъ, управляющій минскимъ Вознесенскимъ монаст. (Акты гор. Минска и проч., № 89, стр. 218).

Држевинскій Лаврентій, старшина виленскаго православнаго братства въ 1630 году. (Акты, отн. къ ист. зап. Россіи, т. IV, подъ 1631 г. и Ист. уніи Бантышъ-Каменскаго, стр. 69).

Дубровицкій Иннокентій, архимандритъ. (Словарь историч. духовн. писат., ч. I).

Дубневичъ Амвросій, епископъ черниговскій. (Исторія кіевской духовной академіи).

Думницкій Сильвестръ, намѣстникъ кіево-софійскій и ректоръ кіевской духовной академіи съ 1737 г. (тамъ же).

Е.

Еліашевичъ Алексѣй, проповѣдникъ бывшаго Игнацкаго (Витебс. губ., Лепельск. уѣз.) правосл. монаст. (Ист. уніи Бантышъ-Каменскаго).

Ж.

Желиборскій Арсеній, львовскій еписк. (Zbiór pamiętników o dawnej Polsce, przez Niemcewicza. T. IV, pag. 352; Описаніе кіево-Соф. собора мит. Евгенія; Stebelski. Przyd. do Chron., str. 231; Галятовскій въ предисловіи къ своимъ проповѣдямъ).

З.

Заборовскій Рафаилъ, кіевскій митрополитъ. (Описаніе кіево-Софійск. собора, стр. 221. Stebelski. Przyd. do Chronol., str. 192).

Загорскій Григорій-Гермогенъ, полоцкій архіепископъ. (О немъ смотри ист. акты зап. Россіи, т. IV, стр. 12, примѣч. 49. Стр. 91, № 77, стр. 157, № 115, стр. 182, № 128; Описаніе кіево-Софійс. собора, стр. 134 и отъ 131, 144. Niesiecki, Stebelski, Kojalowicz; Исторія Росс. цер. Платона, Филарета и друг.).

Залескій-Шицикъ Леонтій, намѣстникъ кіевской митрополіи около 1646 г. (Акты Вильны, Гродны и проч. Ч. II, № 43, стр. 129).

Занкевичъ Іосифъ, архимандритъ. (Исторія росс. церкви Филарета).

Заремба Михаилъ, іеромонахъ витебскаго Маркова монастыря. (Архивъ Маркова монастыря).

Збаражскій (князь) **Алексѣй,** епископъ холмскій. (Stebelski. Przyd. do Chron., str. 244).

Збируйскій Діонисій, епископъ холмскій. (Stebelski, str. 247. Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго и другіе).

Зигмунтовичъ (Циглеръ) **Игнатій,** игуменъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря. (Акты гор. Минска и проч., № 1111, стр. 308, подъ 1670 г.; Архивъ полоцк. Богоявл. монастыря; Актовая городская книга 1683 г. въ архивѣ полоцк. уѣздн. суда).

Зражевскій Василій, протопопъ бѣлоцерковскій, жившій около 1770 г. (Описаніе кіево-Софійск. собора).

И.

Игнатовичъ Ѳеофилъ, епископъ черниговскій и новгородъ-сѣверскій. (Исторія кіевской духов. академіи).

І.

Іевлашевичъ Макарій, епископъ пинскій и туровскій, около 1576 г. (Акты, относ. къ исторіи зап. Россіи, № 65, стр. 188).

К.

Калечинскій Сисой, получившій въ 1577 г. въ управленіе Маренинскій монастырь (въ Самогитіи). (Акты, относящ. къ исторіи запад. Россіи. Т. III, № 78, стр. 207).

Калиновскій Стефанъ, архіепископъ новгородскій. (Кіево-Соф. собора описаніе, стр. 234; Историч. словарь церк. писат. дух. чина).

Кальнофайскій Аѳанасій, соборный іеромонахъ кіево-Печерск. монаст.

Каменскій Амвросій, московскій архіепископъ.

Карпинскій Іакинфъ, архимандритъ московскаго Новоспасскаго монастыря. (Историч. словарь церк. писат. духов. чина).

Карповичъ Леонтій, епископъ владиміро-волынскій и брестскій. (Историч. словарь церк. писат. духов. чина.; Акты г. Минска и др., № 64, стр. 109).

Козачинскій Михаилъ, архимандритъ, кіевской академіи префектъ. (Историч. словарь писат. духов. чина).

Козловскій Исаія, ректоръ кіевскихъ училищъ, игуменъ пустыно-Николаевскаго монастыря, около 1645 г. (Описаніе кіево-Софійск. собора, стр. 163).

Козминичъ Несторъ, экзархъ патріаршій кіевской митрополіи, подляшскій протопопъ. (IV томъ актовъ, онос. къ исторіи запад. Россіи, № 179, стр. 313).

Колосовскій Аггей, епископъ бѣлградскій, около 1800 г. (Исторія кіевской академіи).

Кольчинскій Прокопій, іеромонахъ и ректоръ кіевской академіи съ 1700—1703 г. (Исторія кіевской академіи).

Коморовскій Илармій, епископъ черниговскій и новгородъ-сѣверскій въ концѣ XVIII вѣка. (Исторія кіевской академіи).

Конарскій Сильвестръ, настоятель полоцкаго Богоявленскаго монастыря, потомъ витебскаго Маркова монастыря съ 1713 г. (Архивъ сего монаст., № 60; Арх. полоц. дух. консист., связка 30, № 105).

Кононовичъ Іосифъ, игуменъ кіевскаго Богоявленскаго монастыря 1645 г. (Историч. описаніе кіево-Софійскаго собора).

Конисскій Георгій, архіеписк. бѣлорусскій. (Историч. словарь. писат. духов. чина; Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; Церков. исторія Платона, Филарета и проч.)

Копинскій Исаія, кіевскій митрополитъ. (Акты, относящ. къ исторіи запад. Россіи, т. IV, стр. 502 и 503, №№ 214, 215 и 216; подлинники этихъ грамотъ находятся въ архивѣ московскаго общества древностей; Историч. описаніе кіево-Софійск. собора; Истор. росс. церкви Платона; Исторія росс. церк. еп. Филарета и др.).

Копыстенскій Захарій, архимандритъ кіево-Печерскаго монастыря. (Историч. словарь духов. чина).

Копыстенскій Михаилъ, епископъ перемышльскій и самборскій. (Stebelski. Przyd. do Chron., str. 256; Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; Описаніе кіево-Софійскаго собора; Исторія росс. церкви Платона).

Корниловичъ Захарій, коадъюторъ-епископъ кіевскаго митрополита, епископъ переяславскій. (Описаніе кіево-Софійскаго собора).

Корсакъ Боркулавъ (вѣроятно Борисъ), монахъ, настоятель полоцкаго Іоанно Предтеченскаго монастыря. (Акты, относ. къ исторіи зап. Россіи, № 29, стр. 114).

Корсакъ Глѣбъ Ивановичъ, въ монашествѣ Герасимъ, архіепископъ полоцкій, владыка витебскій, оршанскій и мстиславскій. (Архивъ полоцк. духов. консисторіи, связка 30, № 113 и 288; Документы Бабиновицкой церкви, № 16; Акты, относ. къ истор. запад. Россіи, № 20, стр. 95).

Коссовъ Сильвестръ, митрополитъ кіевскій. (Акты, относ. къ исторіи зап. Россіи, т. IV; Историч. словарь писат. духовн. чина; Исторія кіевской академіи; Описаніе кіево-Софійск. собора; Архивъ полоцкой духовн. консисторіи, связка за № 15; Исторія росс. церкви Платона и еп. Филарета и другіе).

Коховскій Сильвестръ, іеромонахъ могилевскаго Спасскаго монастыря. (Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго).

Крайскій Порфирій, архимандритъ и ректоръ московской академіи. (Исторія кіевской академіи).

Крайскій Сильвестръ, архіепископъ смоленскій. (Историч. словарь писателей духов. чина).

Красинскій Іоаннъ, епископъ луцкій и острожскій. (Акты, относящ. къ истор. зап. Россіи, т. III, № 47, страница 149).

Красинскій Паисій, епископъ. (Описаніе кіево-Софійс. собора, стр. 130).

Крассовскій Іоаннъ, протоіерей придворной церкви, членъ св. сунода и Импер. россійск. академіи. (Истор. словарь писат. духов. чина).

Кржеменецкій Гавріилъ, митрополитъ кіевскій. (Описаніе кіево-Соф. собора, стр. 234).

Крживицкій Стефанъ, іеромонахъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря. (Архивъ Богоявл. монастыря и синодики).

Кржижановичъ Лаврентій, первый архиманд. черниговск. Ильинскаго монастыря. (Историч. словарь писат. духов. чина).

Кржижановскій Аѳиногенъ, игуменъ бывшаго полоцкаго Воскресенскаго монастыря. (Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго).

Критскій Антоній, игуменъ кобринскаго Спасскаго монастыря. (Акты, относ. къ истор. зап. Россіи, т. II, № 79, стр. 103).

Круповскій Іоасафъ, митрополитъ кіевскій. (Описаніе кіево-Софійск. собора, стр. 212; Stebelski. Przyd. do Chron., str. 192).

Крупецкій Аѳанасій, епископъ перемысльскій около 1612 г. (Stebelski. Przyd. do Chron., str. 256).

Крупскій Григорій, іеромонахъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря. (Архивъ сего монас. и актовая книга 1087 г.; Арх. полоцк. суда).

Кульчинскій Иннокентій, епископъ иркутскій. (Ист. кіевск. акад.).

Кунцевичъ Германъ, ректоръ кіевской академіи, архимандритъ московскій. (Исторія кіевск. академ.).

Курцевичъ Іосифъ, архимандритъ кіево-Печерской лавры. (Kulczyński—Monologium Baziliański; Życie b. Jozafata; Описаніе кіево-Софійск. собора).

Л.

Лабунскій Софроній, игуменъ кіевскаго Кирилловскаго монастыря. (Акты, относ. къ ист. зап. Россіи, т. IV, №№ 214, 215 и 216).

Лапицкій Каликстъ, игуменъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря. (Архивъ полоцк. дух. консист., связка 30, № 105; Актовая книга 1687 г. въ архивѣ полоцк. уѣзд. суда, № 109).

Лащевскій Кириллъ, епископъ чигиринскій. (Историч. словарь писат. духов. чина).

Левандовскій Стефанъ, протопопъ богуславскій. (Историч. словарь писат. духов. чина).

Левицкій Иларіонъ, іеромонахъ и ректоръ кіевской академіи. (Истор. кіевской академіи).

Ленкевичъ Гавріилъ, настоятель полоцкаго Богоявленскаго монастыря. (Архивъ полоцк. духов. консист., связка 31, № 7; Архивъ Богоявленскаго монастыря).

Лигановскій Іоакимъ, ректоръ кіевской академіи 1804—1813 годовъ. (Исторія кіевской академіи).

Лодыженскій Ѳеофилактъ, изъ русско-литовской шляхты, архіепископъ тверской и кашинскій, членъ св. сунода. (Историч. словарь писат. духов. чина; Исторія кіевской академіи; Церковная исторія росс. цер. еп. Филарета).

Ляскоронскій Сильвестръ, игуменъ виленскаго св.-Духовскаго монаст. (Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; Ист. росс. цер. еп. Филарета).

Лящевскій Варлаамъ, архимандритъ московскаго Донскаго монастыря. (Историч. словарь писат. духов. чина).

М.

Максимовичъ Манасія, архимандритъ и ректоръ кіевской академіи. (Историч. словарь писат. духов. чина).

Малиновскій Платонъ, архіепископъ московскій съ 1748 г. (Исторія кіевской академіи).

Малицкій Іерофей, епископъ черниговскій и новгородъ-сѣверскій.

Марецкій Софроній, игуменъ невельскаго Троицкаго монастыря около 1725 г. (Арх. нев. монастыря).

Маркевичъ Гедеонъ, настоятель полоцкаго Богоявленскаго монастыря около 1726 г. (Архивъ витебскаго Марковаго монастыря, № 166 и актовая гродская книга 1750 г., № 2, въ архивѣ полоцкаго уѣзднаго суда).

Маркевичъ Іоаннъ, іеромонахъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря. (Акт. книг. 1687 г., № 109, въ арх. полоцк. уѣзд. суда).

Массальскій князь **Иларіонъ,** архимандритъ супрасльскаго монастыря. (Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; Акты, относ. къ исторіи зап. Россіи, т. IV, № 156, стр. 242).

Мацѣевичъ Арсеній, митрополитъ ростовскій, членъ св. сунода. (Ист. пис. духов. чина).

Машковскій Діонисій, настоятель полоцкаго Богоявленскаго монастыря. (Архивъ полоцк. Богояв. монаст. и витеб. Марк.).

Мирославскій Аѳанасій, архимандритъ кіево-печерскій. (Истор. слов. писат. духов. чина).

Мировскій Гавріилъ, протопопъ слуцкій. (Акты г. Минска и проч.).

Мислављскій Самуилъ, митрополитъ кіевскій. (Описаніе кіево-Софійск. собора и Истор. слов. пис. дух. чина; Niesiecki „Korona polska").

Миткевичъ Іосифъ, епископъ бѣлогородскій. (Исторія кіев. академіи).

Могилянскій Арсеній, кіевскій митрополитъ, членъ св. сунода. (Описаніе кіево-Софійск. собора; Исторія кіевской академіи; Stebelski, Przyd. do Chron., str. 192; Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; Исторія росс. церкви Муравьева, Платона и еп. Филарета).

Могилянскій Евстафій, архимандритъ кіево-Печерскаго монастыря. (Истор. слов. пис. дух. ч.).

Мокржицкій Іоанникій, іеромонахъ и профессоръ новгородской семинаріи. (Истор. россійск. церк. еп. Филарета; Исторія церк. іерархіи, т. VI, стр. 813).

Мочульскій Ѳеофилактъ, архіепископъ курскій и бѣлгородскій. (Историч. слов. пис. дух. ч.).

Мужиловскій Андрей, протоіерей слуцкій и копыльскій. (Ист. слов. пис. дух. чина).

Мѣдзвѣцкій Ювеналій, іеромонахъ хутынскаго новгородскаго монастыря. (Истор. слов. пис. дух. ч.).

Н.

Нащинскій Давидъ, архимандритъ разныхъ поочередно монастырей и ректоръ кіевской академіи. (Истор. слов. пис. дух. чина).

Новаковичъ Ѳеодоръ, настоятель полоцкаго Борисо-Глѣбскаго монастыря. (Арх. полоц. Богоявлен. и Борисоглѣбск. мон.).

Нѣмиржина Александра, начальница (т. е. старшая) овруцкаго Заручевскаго монастыря. (Акты, относящ. къ исторіи зап. Россіи, № 170, стр. 218).

О.

Огинскій, князь Александръ, воевода минскій, староста церковный минскаго православнаго Петропавловскаго монастыря въ 1648 г. (Акты г. Минска и проч., № 121, стр. 249; Арх. полоцк. дух. конс., связка 31, de Schyzmate).

Одорскій Гедеонъ, архимандритъ батуринскій, ректоръ кіевской академіи въ 1703 — 1704 г. (Исторія кіевск. академіи).

Окушко Евѳимій, епископъ пинскій. (Stebelski. Przyd. do Chronol., str. 264; Kulczyński in append. ad. spec. eccl. Ruth. p. 75; Исторія росс. ц. еп. Филарета, Платона, Муравьева; Истор. Росс. госуд. Карамзина, Соловьева и друг.).

П.

Пашкевичъ — Толоконскій Петръ, настоятель минскаго Петропавловскаго монастыря около 1685 г. (Акты, отн. къ истор. зап. Россіи, № 151, стр. 46).

Пелкинскій Іакинфъ, настоятель витебскаго Маркова монастыря. (Архивъ витеб. Марк. монастыря).

Пельчицкій Леонтій, сперва епископъ холмскій съ 1585 г. потомъ пинскій.

Песочинскій Иларіонъ, архимандритъ кіево-Печерскаго монастыря. (Акты, относ. къ ист. зап. Рос. Т. Ш, № 52, стр. 157).

Петулинскій Рувимъ, іеромонахъ и префектъ кіевской академіи. (Ист. кіев. акад.).

Пигулевскій Палладій, настоятель мірскаго монастыря. (Актовая книга 1668 г. въ архивѣ полоцк. уѣзд. суда, № 782).

Піючевскій, профессоръ московской духовной семинаріи въ 1737 г.

Плетенецкій Александръ, архимандритъ пинскаго Лещинскаго монастыря съ 1595 г. (Акты, отн. къ истор. зап. Рос. Т. IV, № 81).

Подлускій Пахомій, іеромонахъ и ректоръ кіевскаго коллегіума съ 1689 по 93 г. (Ист. кіевск. акад.).

Подольскій Викторъ, намѣстникъ мстиславской соборной церкви. (Ист. уніи Бантышъ-Каменскаго).

Покорницкій Наѳанаилъ, намѣстникъ витебскаго Маркова монастыря. (Арх. Марк. мон., № 136 и 137).

Полонскій Захарій, настоятель невельскаго св. Троицкаго монастыря около 1801 г. (Арх. нев. мон.).

Полховскій Серапіонъ, нареченный епископъ могилевскій, оршанскій и мстиславскій. (Арх. пол. дух. конс., связка 30, № 3 и 115, связка 31, № 7).

Поманскій Иннокентій, епископъ воронежскій. (Истор. словарь пис. дух.).

Помовскій Сильвестръ, іеромонахъ и вице-ректоръ кіевской академіи съ 1716 — 1721 годъ. (Ист. кіевск. акад.).

Поцѣй Ипатій, сперва православный епископъ владимірскій и брестскій, потомъ, съ 1599 года, уніатскій митрополитъ. (Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; Stebelski; Описаніе кіево-Софійск. собора; Акты, относящ. къ ист. зап. Рос. Т. IV и многіе другіе).

Пржибыловичъ Стефанъ, архимандритъ около 1700 г. (Церк. истор. росс. ц. еп. Филарета).

Прокоповичъ Ѳеоѳанъ, архіепископъ новгородскій и первенствующій членъ св. сунода. (Истор. словарь писат. дух. чина; Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; Истор. россійск. церк. Муравьева, Платона и епископа рижскаго Филарета и друг.).

Протасевичъ Іона, митрополитъ кіевскій. (Акты, относ. къ ист. запад. Рос., № 2; Литовская метрика запад., кн. VIII, л. 158; Истор. опис. кіево-Софійск. собора; Zbiór konstytucji sejmowych; Konstytucje sejmu Lublińskiego 1569).

Пузына Михаилъ, игуменъ тупчевскаго-мстиславскаго монастыря. (Арх. витеб. Марк. мон.).

Р.

Рагоза Стефанъ, архимандритъ полоцкаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря. (Акты, относ. къ ист. зап. Россіи. Т. Ш, № 176, стр. 326).

Рагоза Михаилъ, сперва православный, а потомъ, со времени брестскаго собора въ 1596 г., уніатскій кіевскій митрополитъ. (Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; Акты г. Вильны и проч.; Акты г. Минска и пр.; Акты, относ. къ ист. зап. Росс. Т. IV; Описаніе кіево-Софійск. собора; Исторія росс. церкви Платона, Муравьева и епископа рижск. Филарета; Stebelski. Т. 1, 2 и 3, и многіе другіе).

Рагозянка Олимпіяда, игуменья Спаскаго и Благовѣщенскаго женскихъ монастырей. (Акты г. Минска и проч.; № 20, стр. 166).

Радзивиловскій Антоній, игуменъ кіево-Николаевскаго-пустыннаго монастыря. (Ист. слов. писат. дух. чина).

Радыловскій, епископъ перемышльскій. (Stebelski. Przyd. do Chronol., str. 255).

Рипинскій Ѳеоѳанъ (Богданъ), архіепископъ полоцкій, владыка витебскій. (Акты, относ. къ исторіи зап. Рос. Т. Ш, №№ 75, 91, 94, 98, 127, 155; Stebelski. Т. II і Ш; Описаніе кіево-Софійск. собора, стр. 120 и др.).

Ритарайскій Каликстъ, игуменъ витебскаго Маркова св. Троицкаго монастыря. (Арх. Маркова монастыря, № 61).

Роговскій Павелъ, игуменъ московскаго Заиконоспаскаго монастыря.

Рудзинскій Іустинъ, іеромонахъ московскаго Заиконоспаскаго монастыря и тамошнихъ школъ учитель. (Истор. уніи Бантышъ-Каменскаго).

Рылло Кассіанъ, архіепископъ ростовскій. (Истор. слов. пис. дух. чина).

С.

Савиновичъ Андрей, протоіерей московскаго Благовѣщенскаго собора и духовникъ царя Алексѣя Михайловича. (Ист. слов. пис. дух. чина).

Савицкій Гедеонъ, іеромонахъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря въ 1687 г. (Архивъ пол. дух. консис., связка 30, № 105; Арх. полоц. уѣзд. суда, градская книга 1687 г., № 109).

Саковичъ Кассіанъ, архимандритъ дубенскаго Преображенскаго монастыря. (Описаніе кіево-Софійск. собора).

Самовичъ Михаилъ, іеромонахъ того-же монастыря, того же 1687 г. (тамъ же).

Сапѣга Михаилъ, князь петругскій, въ монашествѣ Мисаилъ, кіевскій православный митрополитъ, избранъ изъ епископовъ смоленскихъ около 1474 года. (Акты, относ. къ ист. зап. Россіи. Т. III, № 101; Древняя рукопись, заключающая родословную князей Сапѣговъ, начиная съ Михаила (Мисаила), прозываемаго Петругомъ, отослана авторомъ въ Импер. арх. общество; Описаніе кіево-Соф. собора).

Сапѣжанка княгиня **Екатерина,** дочь гетмана и канцлера в. кн. литовскаго князя Сапѣги, инокиня виленскаго женскаго православнаго монастыря. (Stebelski. T. II, str. 234).

Свистельницкій Іеремія, епископъ львовскій. (Stebelski. Przyd. do Chronolog., str. 23).

Селецкій Аѳанаилъ, полоцкій архіепископъ. (Акты, относящ. къ ист. зап. Росс. Т. III; Исторія росс. ц. епископа Филарета и друг.).

Сицянко Нектарій, прокураторъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря. (Актов. кн. за 1745 г. въ архивѣ полоц. уѣзд. суда, № 2707).

Скальскій, іеромонахъ и учитель могилевской духовной семинаріи. (Истор. кіевской академіи).

Слонецкій Ѳеофилактъ, ректоръ кіевской академіи, потомъ епископъ вологодскій. (тамъ же).

Смолякъ-Харкевичъ Севастьянъ, іеромонахъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря. (Архив. полоцк. дух. конс., связка 30, № 105).

Сморжевскій Ѳеодосій, архимандритъ брянскаго монастыря. (Историч. слов. пис. дух. чина; Истор. кіевск. академіи).

Смотрицкій Мелетій (Герасимовичъ), архіепископъ полоцкій, епископъ витебскій и мстиславскій, архимандритъ виленскій и дерманскій. (Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; Истор. слов. пис. дух. чина; Описаніе кіево-Софійск. собора; Stebelski. T. II і III; Декретъ королевскихъ коммиссаровъ по дѣлу объ убіеніи Іосафата; Исторія русс. ц. епископа Филарета и друг.).

Сновская Людмилла (урожденная Войнянка), настоятельница пинскаго женскаго св. Варвары монастыря. (Акты, относящ. къ исторіи запад. Россіи. Т. IV, № 67, стр. 93).

Соколинскій-Друцкій князь **Левъ** (въ монашествѣ Лавръ), архіепископъ смоленскій. (Архивъ полоц. духов. консист., связка 30, № 10).

Сапковскій Парѳеній, епископъ смоленскій. (Истор. слов. пис. дух. чина).

Сосновскій Іона, епископъ холмскій. (Stebelski. Przyd. do Chronolog., str. 244).

Солтанъ Іосифъ, митрополитъ кіевскій и всея Руси. (Описаніе кіево-Софійск. собора; Исторія росс. церкви м. Платона, епископа Филарета, Муравьева и другихъ; Акты, относящіеся къ ист. зап. Россіи, т. II).

Софоновичъ Ѳеодосій, игуменъ кіево-Михайловскаго злато-верхаго монастыря. (Акты, отн. къ ист. зап. Росс., т. V, № 41).

Ставицкій Анатолій, архимандритъ и ректоръ кіевской академіи. (Исторія кіевской академіи).

Ставицкій Иннокентій, архимандритъ каменецъ-подольскій и ректоръ каменецкой семинаріи. (тамъ же).

Стагонскій Авраамій, пинскій и туровскій епископъ. (Описаніе кіево-Софійск. собора, стр. 163).

Сцѣбутовичъ Іоаннъ, іеромонахъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря. (Арх. пол. уѣзд. суда, актов. книга 1867 г., № 109; Архивъ пол. дух. конс., связка 30, № 105).

Сѣменовичъ Іаковъ, протопопъ нѣсвижской церкви Рождества Пресв. Богородицы. (Акты г. Минска, стр. 30, № 25).

Т.

Терлецкій Лаврентій, епископъ перемышльскій. (Акты, относ. къ ист. зап. Росс., т. II, № 185, стр. 338; Stebelski. Przyd. do Chron., str. 255).

Терлецкій Аѳанасій, архіепископъ полоцкій, епископъ витебскій, оршанскій и мстиславскій. (Акты зап. Росс. № 7, стр. 8; Истор. церкви епископа Филарета).

Терлецкій Кириллъ, епископъ луцкій. 1) Густинская лѣтопись, стр. 369 — 373; 2) Историко-политическое изслѣдованіе о началѣ и распространеніи уніи въ Литвѣ и западной Руси и о дѣйствіяхъ ея поборниковъ, сочиненное нѣкоторымъ львовскимъ священникомъ, бывшимъ на брестскомъ соборѣ и напеч. въ IV томѣ актовъ, относящ. къ истор. зап. Россіи; 3) Акты, отн. къ истор. зап. Росс. Т. IV; 4) Акты г. Минска и проч.; 5) Акты г. Вильны и др. 6) Сочин. Георгія Конисскаго; 7) Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; 8) Описаніе кіево-Софійскаго собора; 9) Исторія Малороссіи Бантышъ-Каменскаго; 10) Тоже — Маркевича; 11) Исторія росс. церкви: а) м. Платона, б) еп. Филарета и в) Муравьева; 12) Исторія Росс. государ.: а) Карамзина, б) Соловьева и в) Устрялова; 13) Stebelski. T. II і III; 14) Suplementum ad Historica Russiae Monumenta, ed. 1848 an., и множество другихъ. Изъ рукописныхъ: архивъ полоцк. дух. консисторіи и архивъ всѣхъ монастырей и церквей полоцкой епархіи *).

*) Автору всѣ эти архивы вполнѣ извѣстны.

Тихорскій Епифаній, епископъ бѣлгородскій. (Истор. кіевск. акад.).

Тодорскій Симонъ, архіепископъ псковскій и нарвскій. (Историч. слов. пис. духов. чина).

Тобіашевичъ Петроній, игуменъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря. (Архивъ полоц. дух. консистор., связка 30, № 60).

Томиловичъ Іоасафъ, іеромонахъ и префектъ кіевской академіи. (Исторія кіев. акад.).

Тризна Іосифъ, кіево-печерскій архимандритъ. (Описаніе кіево-Софійск. собора, стр. 184; Zbiór pamiętników o dawnej Polsce. T. IV, str. 350, przez Niemcewicza, Warszawa, 1822 r.).

Тризна Клементій, нареченный епископъ бѣлорусскій, намѣстникъ кіевской православной митрополіи около 1681 года. (Акты г. Минска, № 149, стр. 333; Архивъ полоц. дух. конс., связка 30, № 112).

Тукальскій-Нелюбовичъ Іосифъ, кіевскій митрополитъ, епископъ могилевскій и мстиславскій. (Акты г. Минска, № 312, стр. 286; Stebelski. Przyd. do Chronol., str. 194).

Турцевичъ Іоаннъ, архимандритъ. (Описаніе кіево-Софійск. собора; Исторія Малороссіи Маркевича и друг.).

Тучапскій Макарій, епископъ галицко-русскій и подольскій. (Акты, относ. къ истор. запад. Росс., № 185, стр. 338; Stebelski. Przyd. do Chronol., str. 230; Supplem. ad. Histor. Russiae mon. № 53, pag. 140, 141 и 145).

Тыкаровскій Іеремія, епископъ львовскій. (Описаніе кіево-Софійск. собора; Stebelski. Przyd. do Chronol., str. 231).

Ф.

Фальковскій Иринеій, епископъ чигиринскій. (Историч. слов. пис. дух. чина; Исторія кіевской академіи).

Филевскій Варѳоломей, игуменъ. (Истор. росс. ц. епис. Филарета).

Филиповичъ Іезекіиль, іеромонахъ и ректоръ кіевскаго коллегіума съ 1686 по 1689 годъ. (Исторія кіевской академіи).

Флоринскій Авраамъ, игуменъ виленскаго св. Духова монастыря. (Истор. росс. ц. еписк. Филарета).

Х.

Холодовскій Іоиль, игуменъ и намѣстникъ колодеженскаго монастыря. (Акты, отн. къ истор. зап. Россіи, № 256).

Ходановичъ Іоасафъ, настоятель минскаго Петропавловскаго монастыря. (Акты г. Минска и др., № 118, стр. 237).

Хоцяновскій Сильвестръ, игуменъ витебскаго Маркова монастыря. (Архивъ Марк. мон., № 143; Ист. уніи Бантышъ-Каменскаго).

Хребтовичъ-Литаворъ Гермогенъ, архіепископъ полоцкій, владыка витебскій и проч. (Акты, отн. къ истор. западн. Росс. Т. II, № 12, стр. 46 и 50).

Хребтовичъ-Литаворъ Мелетій, епископъ владиміро-волынскій и брестскій. (Акты, отн. къ ист. зап. Росс. Т. III, № III, стр. 241, № 117, стр. 250 и т. IV № 25, стр. 34).

Хриневецкій Спиридонъ, игуменъ яблочинскаго и намѣстникъ витебскаго Маркова монастырей. (Архивъ витеб. Марк. мон., № 63).

Ц.

Царикевичъ Митрофанъ, настоятель полоцкаго Богоявленскаго монастыря. (Арх. пол. Богоявлен. мон. и синодики).

Цвѣтковскій, профессоръ могилевской дух. семинаріи около 1757 г. (Истор. кіевск. акад.).

Ч.

Чайковскій Мелетій, намѣстникъ тупичевскаго мстиславскаго монастыря. (Архивъ Мар. монас.).

Чарнецкій Ѳеоѳанъ, нижегородскій епископъ. (Описаніе кіево-Софійск собора, стр. 237).

Чарноцкій Христофоръ, настоятель кіево-Николаевскаго монастыря и ректоръ кіевской академіи съ 1706—1709 г. (Ист. кіев. акад.).

Чарторійская княгиня **Марія,** игуменья пересопницкаго православнаго монастыря. (Акты, отн. къ ист. зап. Росс. Томъ I, № 212, стр. 259).

Четвертинскій князь **Гедеонъ-Святополкъ** кіевскій митрополитъ. (Описаніе кіево-Софійск. собора, стр. 197; Stebel. Przyd. do Chronol. str. 191 и другіе).

Четвертинскій князь **Сильвестръ,** епископъ могилевскій. (Ист. уніи Бант.-Каменс.; Описаніе кіево-Софійск. собора).

Ш.

Шваба Григорій, настоятель кіевскаго Выдубицкаго монастыря въ 1568 г. (Акты, отн. къ ист. зап. Росс., № 44, стр. 146).

Швонскій Михаилъ, протопопъ харьковскаго Успенскаго собора и префектъ харьковскаго коллегіума. (Истор. слов. пис. дух. чина).

Шенбелева Евгенія, игуменья и основательница при Петро-Павловской церкви въ Минскѣ женскаго монастыря въ 1637 г. (Акты г. Минска и проч., № 107, стр. 212).

Шептицкій Варлаамъ, епископъ львовскій съ 1710 г. (Stebel. Przyd. do Chronol., str. 234; Описаніе кіево-Софійск. собора; Истор. уніи Бант-Каменс.).

Шишка Арсеній, архіепископъ полоцкій, владыка витебскій и проч. (Акты, отн. къ истор. запад. Россіи. Т. III, № 29 и 30, стр. 114 и 115 и примѣч. стр. 7 къ № 25; Stebelski. T. II, rok. I, str. 99, Stryikowski, ks. XXV, str. 759; Описаніе кіево-Софійск. собора).

Шишка Гедеонъ, намѣстникъ могилевской епископіи около 1732 г. и настоятель минскаго православнаго монастыря около 1724 г. (Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; Архивъ полоцк. дух. консист., связка 30, № 53).

Шоповичъ Игнатій, намѣстникъ кіевской митрополіи. (Акты г. Минска 1633 года, № 95).

Шумлянскій Іосифъ, епископъ львовскій. (Описаніе кіево-Софійск. собора, стр. 196; Stebelski. Przyd. do Chronol., str. 194 і 232).

Шумлянскій Кириллъ, епископъ луцкій. (Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; Исторія ц. епис. Филарета и друг.).

Щ.

Щербина Мисаилъ, игуменъ кіевскаго Межигорскаго монастыря. (Акты, отн. къ истор. зап. Росс., № 121).

Щербацкій Тимофей, кіевскій митрополитъ. (Опис. кіево-Софійскаго собора).

Ю.

Юревичъ Пахомій, іеромонахъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря (Архивъ полоцк. Бог. монастыря вводный листъ).

Юрага-Гедройть Матѳей, въ монашествѣ **Мелетій,** настоятель полоцкаго православнаго монастыря (Актовыя книги 1686 г., № 325, въ архивѣ полоцк. уѣзд. суда; Архивъ сего жъ монаст. смотри выпись изъ гродскихъ книгъ духов. завѣщанія о. Мелетія Гедройть-Юраги, іюня 2 1639 г.).

Юшкевичъ Амвросій, архіепископъ новгородскій. (Исторія уніи Бант.-Каменс.; Описаніе кіево-Софійск. соб.; Акты города Вильны, часть II, № 46, стр. 135).

Я.

Яворскій Стефанъ, митрополитъ рязанскій, блюститель и экзархъ московскаго патріаршаго престола и, по учрежденіи св. сунода, президентъ онаго. (Истор. слов. пис. дух. чина).

Яворскій Ѳеофанъ, игуменъ минскаго Петро-Павловскаго монастыря. (Исторія уніи Бант.-Кам.).

Яворовскій Сильвестръ, знаменитый проповѣдникъ перемышльской епископской каѳедры около 1664 г. (Акты г. Минска, № 134, стр. 287).

Ямницкій Іосифъ, іеромонахъ и профессоръ кіевской академіи около 1757 года. (Исторія кіевской акад.).

Ясинскій Варлаамъ, митрополитъ кіевскій. (Опис. кіево-Софійск. собора, стр. 208; Stebelski. Przyd. do Chronol., str. 189).

Яцкевичъ Ивашко (Іоаннъ), владыка минскій около 1490 года. (Акты г. Минска и проч. № 1, стр. 1).

Примѣчаніе. Этотъ списокъ составленъ покойнымъ редакторомъ-издателемъ „Вѣстника Юго-Западной Россіи“ *Говорскимъ* въ 1862—63 годахъ; съ того времени разработка историческихъ матерьяловъ *Кіевской* и *Виленской* археографическихъ коммиссій настолько подвинула это дѣло впередъ, что если бы пришлось сдѣлать къ нему необходимыя дополненія, то перечень фамилій нужно бы было по меньшей мѣрѣ утроить. По независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ мы не могли взять на себя труда исполнить эту нетрудную и въ тоже время важную задачу теперь и ограничиваемся только настоящимъ замѣчаніемъ, но не теряемъ надежды составить такой перечень въ ближайшемъ будущемъ и напечатать его при изданіяхъ Виленской археографической коммиссіи. *С. Ш.*

Люблинскій съѣздъ 1569 года.

Глава I.

Дѣло соединенія Литвы и Западной Россіи съ Польшею до Люблинскаго съѣзда 1569 года.

Начальный характеръ союза Литвы и зап. Россіи съ Польшею. — Польская уніонная политика.—Споры о Волыни, Подольѣ и Подлѣсьѣ.—Борьба литовцевъ и русскихъ западной Россіи съ уніонною политикою Польши при Сигизмундѣ-Августѣ.—Польскіе и литовско-русскіе съѣзды въ его время и значеніе ихъ въ исторіи этой борьбы.—Положеніе поляковъ и литовско-русскихъ представителей въ отношеніи къ дѣлу уніи предъ Люблинскимъ съѣздомъ.

С о времени перваго соединенія Литвы и западной Россіи съ Польшею въ 1386 г., соединеніе это понималось литовцами и западно-русскими не иначе, какъ *въ смыслѣ политическаго союза*. Соединенныя государства обязывались жить въ мирѣ между собою, оказывать взаимную помощь противъ внѣшнихъ враговъ, взаимное содѣйствіе развитію своего благоустройства и могущества, но не сливаясь въ одно государство, сохраняя свою отдѣльность и самостоятельность. По такому представленію о союзѣ великаго княжества съ королевствомъ, представители перваго всегда старались имѣть, и, когда могли, имѣли своихъ отдѣльныхъ великихъ князей, сами избирая ихъ и возводя на престолъ на своихъ съѣздахъ, хотя со времени Казиміра Ягайловича избирали ихъ всегда изъ общей княжеству и королевству Ягайловой династіи. Какъ при такихъ отдѣльныхъ, такъ и при общихъ княжеству и королевству государяхъ, представители перваго старались удержать для него всѣ условія политической назависимости, каковы: отдѣльная территорія,

особые органы законодательной, судебной и административной власти. Такое представленіе о союзѣ княжества съ Польшею и сохраненіи при этомъ союзѣ его отдѣльности и независимости усматривается въ цѣломъ рядѣ актовъ и такъ называемыхъ привиллегій княжества. Таковы прежде всего Виленскій актъ 1401 года и первый Городельскій актъ отъ 2-го октября 1413 года, называемый „Sator“, говорящіе о союзѣ Литвы съ Польшею какъ *только о союзѣ* [1]). Таковы привиллегіи Казиміра 1447, 1452 и 1457 гг., привиллегіи Александра 1492 и 1499 и Сигизмунда 1506 г., которыми эти государи обязывались ограждать отдѣльность и цѣлость всей территоріи литовско-русскаго государства, его независимость, его самостоятельныя права и учрежденія. Для русскихъ православныхъ, составлявшихъ болѣе девяти десятыхъ въ составѣ государства, сознаніе политической отдѣльности отъ Польши охранялось различіемъ отъ поляковъ по народности, вѣрѣ, языку, который былъ также языкомъ и литовцевъ латинянъ, языкомъ почти всѣхъ государственныхъ актовъ и грамотъ и знаменемъ національнаго единенія между ними и русскими [2]). Поляки съ самаго начала *союза* Литвы и Руси съ Польшею усвоили иной взглядъ на этотъ союзъ. Союзъ этотъ сталъ для нихъ основою политики, направленной *къ уніи, къ инкорпораціи*, т. е. къ сліянію литовско-русскихъ земель съ Польшею въ одно польское государство съ видами для польскихъ пановъ на земельныя пріобрѣтенія и вообще на преобладаніе въ литовско-русскихъ владѣніяхъ, а для прелатовъ и ксендзовъ на новую пропаганду, новыя каѳедры и паствы. Свой взглядъ они также формулировали въ привиллегіяхъ на унію, каковы особенно городельская привиллегія 2 декабря 1413 г. и Александрова мельницкая 1501 г., составленныя подъ вліяніемъ поляковъ безъ согласія литовско-русскихъ представителей или съ согласія только весьма немногихъ изъ нихъ. Провозглашаемая этими актами унія, какъ инкорпорація, какъ сліяніе Литвы и Руси съ Польшею, была задачею будущаго. Но поляки неуклонно стремились къ осуществленію ея, при содѣйствіи общихъ княжеству и королевству государей, зависимыхъ отъ польской рады и сеймовъ, при содѣйствіи польскихъ шляхетскихъ учрежденій, усвояемыхъ княжеству, и латино-польской пропаганды въ немъ, которою отъ времени до времени оживлялось религіозное разъединеніе между литов-

---

[1]) Городельскій актъ отъ 2 октября называется „Sator“ отъ начальнаго слова его. Забываемое поляками различіе этого перваго городельскаго акта отъ втораго, составленнаго 2 декабря 1413 г., хорошо знали литовцы и указывали на это различіе и на Люблинскомъ съѣздѣ.

[2]) Андрей Василло, первый латинопольскій епископъ въ Вильнѣ, въ разговорѣ съ посѣтившимъ его тевтонскимъ рыцаремъ графомъ Кибургомъ, высказывалъ великое сожалѣніе, что въ Литвѣ, и по насажденіи въ ней латинства, продолжаетъ господствовать русскій языкъ и русская грамота.

цами латинянами и русскими православными къ подрыву ихъ союза, столько нужнаго для совмѣстной борьбы съ польскими притязаніями. Стремясь вообще къ завладѣнію подъ видомъ уніи Литвою и западною Россіею, поляки въ особенности усиливались захватить сосѣднія съ Польшею русскія земли, каковы Волынь, Подолье и Подлѣсье. Упорно домогались они этихъ земель при Ягайлѣ и Витовтѣ, которому, однакоже, удалось удержать ихъ при литовскомъ княжествѣ. Особенно ожесточенные были споры поляковъ съ литовцами за эти земли при Казимірѣ Ягайловичѣ, происходившіе на многочисленныхъ съѣздахъ и не одинъ разъ грозившіе перейти въ открытую войну. Литво-руссы удержали эти земли за своимъ государствомъ, но поляки не переставали вторгаться въ нихъ, не отказываясь отъ захвата ихъ въ будущемъ. Впрочемъ, въ краткомъ очеркѣ мы не войдемъ въ подробное изложеніе какъ исторіи упомянутыхъ выше актовъ и привиллегій литовско-русскихъ и польскихъ, такъ и исторіи самой борьбы между литво-руссами и поляками, обусловленной столь различнымъ пониманіемъ взаимныхъ отношеній соединенныхъ государствъ. Ограничимся краткимъ обзоромъ этой исторіи за ближайшее къ эпохѣ Люблинскаго съѣзда время, а именно время Сигизмунда-Августа, при которомъ состоялся этотъ съѣздъ, роковой въ исторической судьбѣ западной Россіи.

Еще въ 1526 г. высшіе литовско-русскіе чины просили короля Сигизмунда I дать имъ и короновать на великое княжество сына Сигизмунда-Августа, выражаясь: „когда великое княжество будетъ имѣть свою корону, тогда нельзя будетъ присоединить его къ коронѣ польской, потому что одна корона не можетъ быть „втѣлена“, т. е. войти въ составъ другой короны. Тогда панамъ полякамъ нельзя будетъ желать, чтобы это государство было унижено и присоединено къ нимъ, но будетъ равное братство и пріязнь за одно, противъ каждаго непріятеля“. Король исполнилъ эту просьбу настолько, насколько это совпадало съ видами его политики, какъ польскаго короля, преданнаго интересамъ Польши болѣе, чѣмъ княжества. Въ 1529 г. онъ привезъ въ Вильну девятилѣтняго королевича Сигизмунда-Августа, который торжественно провозглашенъ былъ великимъ княземъ литовскимъ. Но на корону для него король не согласился, даже не оставилъ его въ Вильнѣ, гдѣ великокняжеская рада моглабы управлять отъ его имени, а взялъ его въ Польшу, гдѣ поляки избрали его на польскій престолъ, обезпечивъ себѣ выгоды имѣть въ своихъ рукахъ власть будущаго общаго государя. Теперь Сигизмундъ I продолжалъ самъ управлять княжествомъ изъ Польши, гдѣ большею частію и жилъ, рѣдко бывая въ княжествѣ. Но на съѣздѣ 1529 г. совершилось другое, болѣе важное для княжества дѣло: это утвержденіе *перваго литовско-русскаго статута.* Какъ общій и свой законъ для всѣхъ земель государства, онъ ограждалъ его единство и самостоятельность, а своимъ русскимъ языкомъ свидѣтельствовалъ о продолжающемся господствѣ въ немъ русской стихіи, какъ основной. Польшу статутъ представлялъ страною чужою, поляковъ иноземцами, не имѣвшими права на уряды и общественныя должности и земельныя пріобрѣтенія въ княжествѣ, даже чрезъ браки, такъ что дѣвицы и вдовы, выходя замужъ за чужеземцевъ поляковъ, могли приносить имъ въ приданное деньги и движимость, но не родовыя имѣнія. Не смотря на статутъ, поляки имѣли возможность добывать уряды въ Литвѣ и Руси. На съѣздѣ въ Брестѣ въ маѣ 1542 г. литовцы жаловались на это королю, говоря, что „въ Литвѣ и Руси уряды и тіунства розданы ляхамъ“. Король отвѣчалъ, что въ этомъ виноваты сами литовцы, но что онъ впередъ хочетъ оберегать ихъ права. Жаловались и на то, что литовская шляхта, уклоняясь отъ суда своихъ воеводъ у старостъ, переноситъ свои тяжебныя дѣла въ Польшу до короны. Король запретилъ это дѣлать. Видно такимъ образомъ, что и сами литво-руссы не всегда были тверды въ охранѣ своихъ правъ, а шляхта или низшее дворянство почему то тяготилось судомъ своихъ воеводъ и старостъ, соблазняясь, быть можетъ, вольностями польской шляхты. Наконецъ, на Брестскомъ съѣздѣ 1544 г. король, вслѣдствіе новыхъ жалобъ литовско-русскихъ представителей на запущеніе имъ княжества, сдалъ управленіе имъ сыну Сигизмунду-Августу и сдѣлалъ много новыхъ назначеній на придворныя, почетныя и служебныя должности изъ среды ихъ самихъ. Великій князь прямо съ сейма переѣхалъ въ Вильну. Здѣсь первенствующее положеніе при немъ занялъ Николай Радзивиллъ Черный, а затѣмъ двоюродный братъ его Николай Рыжій, съ которыми онъ и породнился чрезъ бракъ съ сестрою Рыжаго—Варварою. Радзивиллы были сильными поборниками независимости своего государства отъ Польши, а Николай Черный старался упрочить ее.

На первомъ при новомъ государѣ Виленскомъ съѣздѣ 1547 г. въ отвѣтъ на просьбы чиновъ и представителей страны, государь обязался утвердить права и привиллегіи чиновъ и сословій духовныхъ и свѣтскихъ римскаго и греческаго закона; согласился на исправленіе статута чрезъ коммиссію изъ пяти лицъ римскаго и пяти греческаго закона, на точнѣйшее опредѣленіе границъ княжества отъ польской стороны, также и на то, чтобы, при переѣздахъ короля изъ Польши въ княжество, польскія придворныя и разныя лица оставляли его или переѣзжали только какъ гости, не вмѣшиваясь въ общественныя дѣла княжества.

Въ февралѣ 1548 г. скончался Сигизмундъ старый, а Сигизмундъ-Августъ сталъ общимъ государемъ обѣихъ странъ. Скоро затѣмъ рядомъ съ вопросомъ о литовскомъ бракѣ короля поляки подняли вопросъ и объ уніи на Петриковскомъ сеймѣ 1548 г. Король отстранилъ по-

слѣдній вопросъ, отстоялъ свой бракъ, хотя цѣною большихъ огорченій для него и Варвары, которая отъ нихъ и скончалась въ маѣ 1551 г., а король, увозя въ Вильну гробъ жены, говорилъ за нее о Польшѣ: terra ingrata non habebit ossa mea. Дружба короля съ Радзивиллами не ослабѣла, а, казалось, окрѣпла. Вмѣстѣ съ ними онъ казался искреннимъ сторонникомъ независимости великаго княжества.

29 сентября 1551 г. состоялся въ Вильнѣ большой съѣздъ или вальный сеймъ. Бывшіе здѣсь коронные послы подняли вопросъ объ уніи, но сеймъ отказался отъ переговоровъ о ней. Вмѣсто того повторены просьбы и постановленія такія же, какъ на сеймѣ 1547 г., съ добавленіемъ новыхъ просьбъ и съ жалобами на частые наѣзды, захваты и разбои поляковъ въ пограничныхъ русскихъ земляхъ, на что особенно жаловались волыняне. Замѣчательно, впрочемъ, что по поводу жалобъ на пріобрѣтеніе поляками въ литовско-русскихъ земляхъ имѣній чрезъ покупку и браки, король отвѣчалъ, что въ этомъ виноваты сами литовско-русскіе паны, допуская такіе покупки и браки. Если это правда, то говоритъ о слабости нѣкоторыхъ изъ нихъ, поддававшихся вліяніемъ жизни на сближеніе и родство съ поляками. На сеймѣ дана особенная привиллегія Николаю Черному хранить въ своемъ нѣсвижскомъ замкѣ всѣ акты и привиллегіи в. княжества, что дѣлало его какъ-бы главнымъ оберегателемъ и правъ княжества. На Парчевскомъ сеймѣ 1553 г. поляки опять пристали къ королю съ вопросомъ объ уніи, но опять безуспѣшно. На Виленскомъ съѣздѣ въ ноябрѣ 1554 г. члены съѣзда опять внесли, въ число другихъ просьбъ, просьбы и о томъ, чтобы выправлены были границы княжества со стороны Польши, чтобы на Волыни и Подлѣсьи чужеземцы поляки не занимали должностей, не пріобрѣтали осѣдлости, чтобы сдержаны были наѣзды, грабежи и „гвалты“ поляковъ. Король обѣщалъ принять мѣры противъ нихъ. Но въ числѣ жалобъ волынцевъ есть уже такія, которыя показываютъ недовольство ихъ на литовскихъ пановъ и самаго Радзивилла. Волынцы жаловались, что литовскіе паны, пріобрѣвшіе имѣнія на Волыни, не хотятъ судиться правомъ волынскимъ въ волынскихъ повѣтовыхъ судахъ. Жалоба касалась Радзивилла, наслѣдовавшаго отъ отца большое имѣніе на Волыни—м. Олыку (иначе Олиту, Олицу). Король понялъ намекъ, оправдывалъ Радзивилла, успокоивалъ волынцевъ. Послѣдніе просили еще, чтобы старосты луцкій и владимірскій и маршалокъ волынскій, по прежнему, имѣли свое мѣсто въ государевой радѣ, куда литовскіе паны, какъ видно, ихъ неохотно допускали. Король обѣщалъ вникнуть въ дѣло, возстановить прежній обычай. Въ дѣлѣ уніи это недовольство волынцевъ литовскими панами не лишено значенія, какъ увидимъ потомъ. Послѣ новыхъ на послѣдующихъ сеймахъ напоминаній о повѣркѣ границъ княжества съ королевствомъ, на Варшавскомъ сеймѣ 1557 г. постановлено назначить

для сего по двухъ коммиссаровъ съ обѣихъ сторонъ. Виленскій съѣздъ 1557—1558 г. въ присутствіи государя занятъ былъ обсужденіемъ многихъ вопросовъ и мѣръ касательно внутренняго благоустройства, укрѣпленія и охраны государства, какъ-бы въ предчувствіи великихъ грозящихъ ему опасностей и проектировалъ разныя дополненія и исправленія статута. Тоже продолжалось и на Виленскомъ съѣздѣ 1559 г., на которомъ внесены также просьбы къ королю отъ многихъ областей государства по предметамъ мѣстнаго самоуправленія. Интересна еще просьба по дѣлу князя Семена Слуцкаго и вдовы покойнаго князя Ильи Константиновича Острожскаго съ Ленчицкимъ воеводой Гуркою, напоминающія гнусныя польскія интриги и разсчеты при бракахъ съ русскими, не напрасно внушавшихъ опасенія литовско-русскимъ патріотамъ [1]). Король ограничился отвѣтомъ, что „хочетъ въ той справѣ чинити то, што слушнаго и пристойнаго видѣтися будетъ“. Дѣла литовскія, переговоры по ливонскому дѣлу и подготовка къ московской войнѣ задержали короля въ Литвѣ около трехъ лѣтъ. Поляки были недовольны, требовали возвращенія короля въ Польшу съ угрозою, что въ противномъ случаѣ сами будутъ думать о себѣ. Въ 1561 г. король уѣхалъ въ Польшу. Съ Радзивилломъ онъ разстался въ наилучшихъ отношеніяхъ. Могущество его, казалось, только упрочилось въ послѣднее пребываніе короля въ Литвѣ. Когда Радзивиллъ входилъ въ литовскій сенатъ, король дѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу ему, усаживалъ его не на обычномъ сенаторскомъ мѣстѣ, а у золотой занавѣси подлѣ трона. Въ публичныхъ собраніяхъ литовскіе паны и шляхтичи толпами тѣснились къ нему, стараясь всячески услужить. Теперь при отъѣздѣ въ Польшу король далъ Николаю Черному новую и опять совершенно особую привиллегію въ грамотѣ, которою объявилъ его правителемъ государства въ отсутствіе государя. Посланный въ 1562 г. королемъ въ Ливонію, признавшую власть Сигизмунда-Августа, Радзивиллъ въ своихъ грамотахъ ливонцамъ выражался: “Мы Николай Радзивиллъ, Божіею милостію, князь Олитскій и Нѣсвижскій“. Ходилъ даже слухъ, что онъ питалъ виды на литовскій престолъ по смерти бездѣтнаго Сигизмунда-Августа. Можно ли было предполагать, что такой могущественный противникъ уніи Литвы съ Польшею до-

[1]) Извѣстно, что Сигизмундъ Старый, желая пристроить незаконную дочь свою Беату Костелецкую, выдалъ ее въ 1539 г. замужъ за богатѣйшаго князя Илью К. Острожскаго. Послѣдній скончался чрезъ три года, а дочь его Елисавета или Гальшка Острожская, когда выросла, была, съ согласія опекуна Константина Острожскаго, обручена съ любившимъ ея и любимымъ ею Семеномъ Слуцкимъ. Сигизмундъ-Августъ устранилъ Острожскаго отъ опеки и насильно выдалъ Гальшку за своего пріятеля Ленчицкаго воеводу, поляка Лукаша Гурку, чтобы обогатить его громадными имѣніями Острожскихъ на Волыни. Семенъ погибъ отъ поляковъ, а Гальшка сошла съ ума. Во всей этой гнусной интригѣ замѣшана была цѣлая группа поляковъ, съ которыми мы встрѣтимся и на Люблинскомъ съѣздѣ.

пуститъ поляковъ поднять вопросъ о ней, а короля склониться на сторону поляковъ? Но полякамъ помогало время, помогали обстоятельства.

Съ 1563 г. король начинаетъ видимо склоняться на сторону польской уніонной политики, наперекоръ Радзивилламъ и всѣмъ литовско-русскимъ представителямъ. Бездѣтный послѣ трехъ браковъ, онъ въ 1563 г. развелся съ третьей женой, не смотря на упреки прелатовъ и пановъ, и не давалъ надеждъ на потомство. Грозила прерваться династія, служившая доселѣ связью Польши съ Литвою и опорою видовъ уніонной политики первой. Поляки напрягаютъ усилія довершить эту вѣковую политику прежде всего давленіемъ на короля. Но и самъ онъ, въ виду своего безпотомства, задался мыслію завершить свое правленіе подвигомъ для пользы управляемыхъ государствъ, понявъ ее какъ сліяніе ихъ въ одно государство *Польское*. Литовскія симпатіи, возбужденныя въ немъ съ конца сороковыхъ годовъ, не осилили въ немъ *польскаго духа*, болѣе и болѣе укрѣплявшагося въ Ягеллонахъ, особенно послѣднихъ изъ нихъ. На сторону Польши склоняло ихъ не только единовѣріе *со всею ею*, при отсутствіи такого единовѣрія съ девятью десятыми частями литовско-русскаго государства, но и убѣжденіе или предубѣжденіе о большей высотѣ ея культуры и образованія въ сравненіи съ великимъ княжествомъ. Польское образованіе подъ вліяніемъ протестантства дѣйствительно поднялось въ вѣкъ Сигизмунда I и Сигизмунда-Августа, называемый золотымъ вѣкомъ польской литературы. Не мало повліяла на перемѣну настроенія короля въ вопросѣ объ уніи московская война, наведшая страхъ на него, особенно по взятіи московскимъ государемъ Полоцка въ февралѣ 1563 г. и настраивавшая его искать спасенія великаго княжества въ сліяніи его съ Польшею. Но для насъ гораздо важнѣе вліяніе этой войны на самихъ представителей литовско-русскаго государства и на ихъ положеніе въ вопросѣ объ уніи. Было время, когда недовольные своимъ государствомъ православные западно-руссы переходили подъ власть единовѣрнаго московскаго государя. Были такіе переходы и въ лучшее время Іоанна IV. Да и теперь, при началѣ московской войны, ходили слухи о готовности Кіева перейти подъ власть московскаго государя. Но, вообще, литовско-русскіе государственные люди не думали теперь о томъ. Помимо другихъ причинъ, ихъ отклоняла отъ того нажитая временемъ привычка къ своимъ свободнымъ учрежденіямъ, во многомъ отличнымъ отъ московскихъ, слухъ о тираніи Іоанна, вслѣдствіе которой не изъ западной Россіи переходили теперь въ Московскую, а обратно. Литовско-русскіе государственные люди не желали поступиться Москвѣ ни Ливоніею [1]), ни Полоцкомъ, ни другими землями, и пугались напоминаній

[1]) Ливонія, послѣ разгрома ея войсками Іоанна Грознаго, искала защиты у польско-литовскаго государя Сигизмунда-Августа, признавъ власть его. Первые договоры объ этомъ заключены въ Польшѣ въ 1559 и 1561 г., какъ договоры между Литвой и Ливоніей," почему Ливонія считалась присоединенною къ Литвѣ, а не Польшѣ.

со стороны Москвы о правахъ московскаго государя на Кіевъ, Волынь, Подолію. При началѣ войны они всячески старались предотвратить ее мирными переговорами. Литовскіе посланцы не одинъ разъ говорили въ Москвѣ, что Радзивиллъ, Воловичъ и др. убѣждаютъ короля быть въ любви и мирѣ съ московскимъ государемъ, но поляки бранятъ ихъ, возбуждаютъ короля къ войнѣ, грозятъ даже устранить съ престола, если не начнетъ войны. Когда началась война, литовцы взялись за нее энергически, и хотя имѣли немалые успѣхи въ 1564 и слѣдующихъ годахъ, но не возвратили Полоцка и не видѣли близкой возможности сдержать московскія силы. Между тѣмъ, эта война держала ихъ въ большомъ напряженіи, пала на нихъ большими тягостями, привела въ крайнее утомленіе и истощеніе, не избавивъ отъ страха московскихъ завоеваній. Поляки продолжали поджигать къ войнѣ и короля, и литовцевъ, но сами не спѣшили помогать, стали помогать уже тогда, когда заслышали о московскихъ рѣчахъ касательно правъ московскаго государя на Кіевъ, Волынь, Подолію и даже Галицію, но и теперь помогали плохо, выказывали больше задору, чѣмъ усердія и умѣнія, въ тоже время предъявляя большія претензіи за эту плохую помощь. То было въ духѣ ловкой или, точнѣе, коварной политики, связанной съ дѣломъ уніи, разсчитанной именно на то, что московская война, утомивъ, истощивъ литовцевъ, вообще, приведя ихъ въ крайнее затрудненіе и страхъ, *пригонитъ* ихъ къ уніи, какъ потомъ и выражались поляки.

Прелюдіею ея было дѣло объ *экзекуціи* на польскомъ Петриковскомъ сеймѣ 1562—3 гг., имѣвшее свое независимое значеніе для поляковъ, но заключавшее угрозу и литовско-русскимъ панамъ въ вопросѣ объ уніи, какъ то увидимъ на Люблинскомъ съѣздѣ [1]).

Съ своей стороны, литовско-русскіе представители, не смотря на тягости и затрудненія отъ войны, старались скрѣплять свои учрежденія и союзъ между собою, въ виду предстоящей борьбы съ Польшею. Въ іюнѣ 1563 г. собрались на съѣздъ въ Вильну р.-католическіе епископы

[1]) Подъ *экзекуціею* (executio legum) разумѣлось вообще исполненіе законовъ. На Петриковскомъ сеймѣ подъ нею разумѣлось исполненіе конституціи 1504 г. о столовыхъ королевскихъ имѣніяхъ, по которой они должны были раздаваться впредь не иначе, какъ съ согласія сейма. Послѣ 1504 г. высшіе польскіе паны продолжали добывать эти имѣнія отъ королей безъ согласія сейма, въ видѣ пожалованій, залога за даваемыя въ долгъ королямъ деньги и т. д., обращая ихъ въ собственность. Отъ этого страдало государство, на нужды котораго, особенно военныя, должна была идти часть доходовъ съ этихъ имѣній. На Петриковскомъ сеймѣ члены посольской палаты подняли вопросъ объ экзекуціи противъ высшихъ пановъ, требуя повѣрки незаконныхъ пожалованій, грамотъ на нихъ, возврата позабранныхъ ими королевскихъ имѣній, привлеченія къ платежамъ съ нихъ, на что согласился и король, обѣщавъ платить съ своихъ столовыхъ имѣній четвертую часть дохода на нужды государства. Грозная для высшихъ польскихъ пановъ экзекуція была угрозой и литовско-русскимъ панамъ, владѣвшимъ государевыми имѣніями въ Литвѣ и Руси.

виленскій, луцкій, кіевскій, Радзивиллы Николай Черный и Николай Рыжій, Константинъ Острожскій, князь Стефанъ Збаражскій, Евстафій Воловичъ, Павелъ Сапѣга, Григорій, Юрій и Иванъ Ходкевичи, Романъ Сангушко, Николай Кишка, Николай Нарушевичъ и многіе другіе маршалки, старосты, державцы, урядники земскіе и дворные изъ всего литовско-русскаго государства. Главнѣйшимъ дѣломъ отъѣзда была грамота, данная 7 іюня королемъ литовскому и русскому дворянству православной вѣры о сравненіи его въ правахъ съ дворянами королевства р.-католической вѣры. Извѣстно, что въ актахъ городельскаго съѣзда права на польскіе гербы и общественныя должности въ литовскомъ государствѣ предоставлялись только литовцамъ латинской вѣры. Постановленіе это, сдѣланное въ видахъ латинской пропаганды въ Литвѣ и Руси, вмѣстѣ съ тѣмъ, создало для литовцевъ-латинянъ привиллегированное положеніе, тяжелое и обидное для православныхъ, поддерживало рознь между ними и литовцами-латинянами. Не одинъ разъ думали поправить это религіозною уніею, при невозможности навязать русскимъ латинство, но и унія не удавалась. Грамота прямо заявляетъ, что упомянутое постановленіе городельскихъ грамотъ отмѣняется, что и сдѣлано было оно на городельскомъ съѣздѣ будто-бы потому только, что тамъ не было всѣхъ литовцевъ, не было русскихъ, но что заслуги и вѣрность русскихъ достаточно и славно обнаружены при прежнихъ государяхъ, почему они и допускались въ совѣтъ короля и на общественныя должности. Теперь право это утверждается для нихъ уже какъ законъ, подлежащій внесенію въ статутъ. Безъ сомнѣнія, что такое постановленіе состоялось подъ вліяніемъ идей вѣротерпимости, привнесенныхъ протестантствомъ, котораго держались теперь многіе въ Литвѣ, въ томъ числѣ оба Радзивиллы, Иванъ Ходкевичъ, Воловичъ, Кишка, а также съ цѣлью укрѣпить вѣрность русскихъ православныхъ во время войны. Но у короля уравненіе правъ русскихъ православныхъ дворянъ съ польскими было, сверхъ того, еще новымъ средствомъ предрасполагать ихъ къ уніи съ Польшей, о чемъ онъ думалъ теперь.

Варшавскій сеймъ съ ноября 1563 г. до апрѣля 1564 г. Это былъ общій сеймъ польскихъ и литовско-русскихъ представителей; въ числѣ послѣднихъ были нѣкоторые изъ упомянутыхъ выше лицъ и еще другіе, всѣхъ до 30 лицъ. Сеймъ вновь толковалъ объ экзекуціи, о сборахъ на войско противъ Москвы, но главнымъ образомъ объ уніи Литвы съ Польшею. Съ польской и литовской стороны были представлены и обсуждены акты и привиллегіи на унію прежнихъ государей. Оказывалось то, что должно было оказаться по извѣстной исторіи этихъ актовъ и привиллегій. Одни изъ нихъ изображали унію съ польской точки зрѣнія, какъ сліяніе соединенныхъ странъ и народовъ въ одно государство, въ одинъ народъ, другіе съ литовской—какъ союзъ

политическій, при которомъ сохранялась отдѣльность и независимость литовско-русскаго государства. Произошли большіе и горячіе споры, особенно по вопросу о старыхъ привиллегіяхъ на унію. Николай Черный привезъ цѣлый сундучекъ литовскихъ привиллегій, которыя, какъ знаемъ, отданы были ему на храненіе актомъ 1551 г. Когда поляки ссылались на старыя привиллегіи, тогда онъ, вынувъ изъ сундучка Александрову привиллегію, потрясалъ ею на сеймѣ въ отпоръ полякамъ [1]). Послѣдніе требовали, чтобы уничтожены были всѣ признаки отдѣльности литовскаго государства, чтобы у соединенныхъ государствъ остались одинъ канцлеръ, одинъ маршалъ, одна печать, одинъ скарбъ, одна канцелярія, одинъ титулъ (король польскій и земель литовскаго княжества), одни общіе сеймы, чтобы уничтожено было отдѣльное возведеніе государей на литовскій престолъ, оставлено одно коронованіе въ Польшѣ. Наконецъ, они говорили и о правахъ Польши на Волынь, Подолію и проч. Но эти требованія были отвергнуты литовско-русскими представителями. Король старался мирить спорящихъ, видимо склоняясь на сторону уніи. Въ пользу ея онъ совершилъ *важнѣйшій и рѣшительный актъ*. Наибольшею помѣхою дѣлу уніи считалось то, что въ Польшѣ король избирательный, а въ Литвѣ наслѣдственный обладатель своихъ русско-литовскихъ земель. И вотъ король за себя и за потомковъ, если бы еще имѣлъ ихъ, *отрекается отъ своего наслѣдственнаго права на литовско-русское государство и передаетъ его польскому королевству*, съ которымъ первое имѣетъ соединиться въ одно государство, въ одинъ народъ, съ однимъ государемъ, съ общими сеймами и т. п. Остальные пункты уніи отлагались до обсужденія на слѣдующихъ сеймахъ литовскихъ и польскихъ и общихъ. Это постановленіе внесено и въ конституціи сейма отъ 1 апрѣля 1564 г., издано еще прежде въ видѣ особой королевской *деклараціи* объ уніи отъ 13 марта и объявлено въ *сеймовомъ рецессѣ* отъ 13 марта. Литовско-русскіе представители волею или неволею подписали рецессъ, но не подписалъ его Николай Черный Радзивиллъ и съ раздраженіемъ уѣхалъ съ сейма [2]).

[1]) Объ этомъ потрясеніи не одинъ разъ упоминалъ на Люблинскомъ съѣздѣ 1569 г. краковскій епископъ Падневскій, разумѣя привиллегію 1501 г. Не совсѣмъ понятно, почему Радзивиллъ потрясалъ привиллегіею 1501 г., выгодною для поляковъ, а не привиллегіями 1492 или 1499 гг., выгодными для литовцевъ. Или Падневскій не хотѣлъ понять и сказать, какою именно привиллегіею потрясалъ Радзивиллъ, или Радзивиллъ, потрясая привиллегіею 1501 г., отражалъ ею новый замыселъ поляковъ—получить отъ короля Литву и Русь въ качествѣ дара польской коронѣ, на основаніи Ягайловыхъ обѣщаній: ибо Александрова привиллегія 1501 г., при всей выгодѣ ея для поляковъ, все еще не заключала мысли о такомъ дарѣ.

[2]) Объ этомъ говорилъ тотъ-же Падневскій на Люблинскомъ съѣздѣ. *Рецессомъ* назывались такія постановленія сеймовъ, которыми извѣстные вопросы, хотя и предрѣшались, но оставлялись еще открытыми для окончательнаго обсужденія на ближайшихъ сеймахъ.

Варшавскій сеймъ произвелъ большое раздраженіе и среди остальныхъ литовцевъ. Еще во время сейма одинъ литвинъ изъ Вильна отъ 11 февраля писалъ какому-то другому знатному, что „панове ляхове давными и разными претекстами хотѣли, же бы Литву у кабалу записали и у вѣчную неволю собѣ насъ взяли“ и вычислялъ извѣстныя намъ притязанія поляковъ, радуясь, что они отвергнуты литовцами [1]). Николай Черный въ письмахъ къ королю послѣ сейма выражался, что Литвѣ грозитъ неволя съ двухъ сторонъ: отъ Москвы чрезъ силу, а отъ поляковъ чрезъ интриги, что съ одной стороны надъ головами литовцевъ виситъ мечь непріятельскій, съ другой арканъ (powroz) живой и вѣчной неволи. Король отвѣчалъ: Богъ да покараетъ того, по чьей винѣ дѣло уніи не дойдетъ до конца; никого мы не вели и не ведемъ къ неволѣ, а къ большей свободѣ, къ братскому согласію и любви; если чего не разумѣемъ, рады научиться, для чего и пріѣхали теперь въ Литву [2]). Пріѣхавъ въ Литву, король созвалъ *литовскій сеймъ въ г. Бѣльскѣ (на Подлѣсьи) въ маѣ и іюнѣ 1564 г.* Хотя бывшіе при королѣ поляки, въ числѣ ихъ и примасъ Уханскій, поднимали вопросъ объ уніи, но литовцы и русскіе уклонились отъ переговоровъ, предпочитая заняться исключительно своими дѣлами. Былъ представленъ литовскій статутъ, исправленный коммиссіею, послѣ многолѣтней работы надъ этимъ. Статутъ этотъ, называемый вторымъ, утвержденъ привиллегіею короля 1 іюня 1564 г. Этимъ вторымъ статутомъ еще съ большею силою, чѣмъ первымъ 1529 г., утверждается отдѣльность и независимость литовско-русскаго государства: чужеземцамъ и заграничникамъ сосѣдняго государства (т. е. Польши) запрещалось пріобрѣтать земли въ Литвѣ и Руси; пріобрѣвшіе частными способами обязывались возвратить ихъ; получившіе такія земли по особенной милости короля обязывались нести съ нихъ земскую службу, но не имѣли права занимать служебныя и почетныя должности, право на которыя имѣютъ только литовцы и русскіе. За неисполненіе такихъ постановленій статутъ именемъ государя грозитъ непослушнымъ отнятіемъ ихъ имѣній и причисленіемъ ихъ къ столовымъ королевскимъ имѣніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, государь обѣщаетъ возвратить къ литовскому государству все, что отошло отъ него къ Польшѣ, Мазовіи, Пруссіи, Ливоніи [3]). Важнѣйшимъ дополненіемъ въ немъ было принятое уже на Виленскомъ сеймѣ 1557 г. и теперь внесенное въ статутъ учрежденіе выборныхъ уѣздныхъ или повѣтовыхъ судей и пословъ земскихъ. Король отказался отъ доходовъ отъ судовъ, совершаемыхъ отъ его имени намѣстниками его, воеводами и др., отказались въ

[1]) А. з. Р. III, № 85.

[2]) Голембіовскаго—Czasy Zygmunta-Augusta, 170—171. Wilno 1851.

[3]) Временникъ Моск. Общ. исторіи и др. кн. 23, стр. 44. Эти же пункты статута приводятся и въ „Дневникѣ“ Люблинскаго сейма.

пользу выборныхъ судей изъ дворянъ отъ своихъ правъ и доходовъ судебныхъ и знатные паны, воеводы, старосты, какъ-то: оба Радзивилла, Константинъ Острожскій, Иванъ Ходкевичъ, Павелъ Сапѣга, Богушъ Корецкій, Стефанъ Збаражскій, Василій Тышкевичъ, Евстафій Волловичъ. Это было дѣломъ патріотизма литовско-русскихъ пановъ, желавшихъ лучшаго устройства страны и достиженія его своими силами безъ помощи Польши. Литовцы уѣхали съ надеждою всегда имѣть свои отдѣльные вальные сеймы, такъ что и при утвержденіи статута сдѣлана оговорка, что дальнѣйшее исправленіе его, какое потребуется еще, будетъ сдѣлано не иначе, какъ на вальномъ сеймѣ. Но переѣхавъ въ Польшу, непостоянный король сталъ опять сдаваться на ея сторону. Въ томъ же году на Парчевскомъ сеймѣ король вновь обсуждалъ съ поляками способы къ приведенію до конца дѣла уніи. Въ связи съ этимъ занялись вопросомъ о Ливоніи, отъ которой предъ тѣмъ отказывалась Польша, но которую постановили теперь считать присоединенною совмѣстно къ Польшѣ и Литвѣ, какъ имѣющимъ остаться въ уніи. На Парчевскомъ сеймѣ совершилось другое дѣло, имѣющее значеніе и въ исторіи уніи. Сюда явился новый папскій нунцій, ловкій и энергичный кардиналъ Коммедони и представилъ королю присланную отъ папы книгу опредѣленій только что окончившагося Тридентскаго собора, съ требованіемъ, чтобы они приняты были и въ Польшѣ. Въ сильной рѣчи кардиналъ пугалъ короля ужасами революціи отъ разновѣрія религіознаго и вольнодумства въ Польшѣ и Литвѣ и увѣщевалъ его принять опредѣленія собора для охраны и утвержденія единой р.-католической вѣры. Поляки отказывались; возражалъ самъ примасъ Уханскій, требовавшій, чтобы опредѣленія собора были предварительно обсуждены представителями польской церкви и страны. Но король объявилъ, что слова нунція считаетъ внушеніемъ свыше и изъявляетъ волю свою на принятіе опредѣленій собора. То было предвѣстіе уніи религіозной! Кстати замѣтить, что Коммедони, искусный дипломатъ, напряженно слѣдилъ и за ходомъ дѣла объ уніи, за значеніемъ въ этомъ дѣлѣ тогдашнихъ отношеній Литвы къ Ливоніи и Москвѣ, за отношеніемъ къ нему русскихъ православныхъ, стоялъ въ вопросѣ объ уніи за Польшу, надѣясь на близкое торжество въ ней папизма, которому политическая унія Польши должна проложить путь въ Литвѣ и Руси. Петриковскій сеймъ 1565 г. трактовалъ не объ уніи, а объ искорененіи разныхъ злоупотребленій, о денежныхъ сборахъ на московскую войну изъ-за Ливоніи, какъ присоединенной уже и къ Польшѣ. Денегъ не собрали, но сеймъ дозволилъ королю подъ залогъ столовыхъ имѣній занять сумму въ 500,000 злотыхъ. Съ Петриковскаго сейма король уѣхалъ въ Литву.

Здѣсь литовско-русскіе паны и дворяне на съѣздѣ въ Трабахъ обсуждали какъ средства обороны страны, такъ и вопросы внутренняго устройства,

въ частности вопросъ о новомъ исправленіи статута и въ этомъ смыслѣ сдѣлали представленіе королю, съ октября жившему уже въ Вильнѣ [1]). Король все обѣщалъ сдѣлать на предстоящемъ сеймѣ, который и созвалъ въ Вильнѣ въ мѣсяцѣ ноябрѣ 1565 г. Важнѣйшимъ актомъ сейма была жалованная грамота короля отъ 30 декабря, которою подтверждался и вводился въ общее употребленіе новоисправленный статутъ и учреждались для литовско-русскихъ земель повѣтовые или уѣздные сеймики по примѣру сеймиковъ польскихъ [2]). Это было новое учрежденіе, служившее къ дальнѣйшему приравненію и сближенію учрежденій литовскихъ съ польскими, а слѣдовательно къ подкрѣпленію дѣла уніи. Король и поляки замѣчали, что уніи наиболѣе противятся знатные литовскіе аристократы, опасающіеся подрыва своего значенія, и разсчитывали, что низшее дворянство, льстясь на вольности шляхетства, скорѣе аристократовъ поддастся на унію, въ чемъ отчасти и не ошиблись.

Виленскій сеймъ въ мартѣ 1566 г. На этомъ сеймѣ статутъ опять пополненъ статьями, принятыми на сеймахъ 1563 и 1565 гг., и нѣкоторыми другими и вновь утвержденъ. Литовцы могли считать обезпеченною независимость своего государства, которая признается статутомъ.

Польскій Люблинскій сеймъ и Литовскій Брестскій 1566 г. Люблинскій сеймъ 1566 г. назначался для поляковъ и литовцевъ съ цѣлью трактовать объ уніи; но полякамъ пришлось заняться только своими дѣлами; литовцы не прибыли на сеймъ, ссылаясь на опасность отлучки изъ страны по случаю войны московской. За то сами они въ мѣсяцѣ іюнѣ собрались на съѣздъ въ Брестѣ литовскомъ. Здѣсь они опять занялись исправленіемъ и дополненіемъ статута и свои пункты о томъ послали на утвержденіе королю въ Люблинъ. Въ инструкціи своимъ посламъ на Люблинскій сеймъ отъ 5 августа они поручили заявить, что не отказываются отъ уніи, не будутъ избирать отдѣльно короля, а съѣдутся, если будетъ нужно, на общій сеймъ на границахъ, но что унія ни въ чемъ не должна нарушать ни правъ, ни границъ Литвы, что общіе сеймы будутъ поочередно то въ Польшѣ, то въ Литвѣ, что сохранится и обычай возведенія избраннаго короля на литовскій престолъ въ Вильнѣ чрезъ вручение ему меча литовскимъ маршаломъ.

Польскій сеймъ въ Петриковѣ и Литовскій въ Гроднѣ 1567 года. Поляки отправили съ этого сейма въ Литву подканцлера Петра Мышковскаго, каштеляна Холмскаго Лысаковскаго и Станислава Чарнковскаго для новыхъ переговоровъ объ уніи. Переговоры происходили

[1]) О съѣздѣ въ Трабахъ (мѣстечко въ Ошмянскомъ уѣздѣ, Виленской губ.) упоминается въ „Виленск. Археогр. Сборникѣ“ (II, IV, № 62).

[2]) А. з. Р. III, № 38.

въ м. Молодечнѣ (Виленской губ., Ошмянскаго уѣзда). Литовцы отвѣчали, что не прочь отъ уніи, что ничто не должно быть умалено въ титулахъ, правахъ, достоинствахъ Литвы. Собравшись затѣмъ на сеймъ въ Гроднѣ, гдѣ былъ и король, литовцы въ отпоръ полякамъ, объявившимъ, что Ливонія уже присоединена совмѣстно къ Польшѣ и Литвѣ, поставили, что Ливонія присоединяется къ Литвѣ, съ тѣмъ, что если унія ея съ Польшею состоится, то тогда Ливонія считаться будетъ присоединенною вмѣстѣ къ Литвѣ и Польшѣ. Янъ Ходкевичъ еще прежде назначенъ администраторомъ Ливоніи.

Гродненскій сеймъ въ іюнѣ и іюлѣ 1568 г. На этомъ большомъ сеймѣ король опять уговаривалъ литовцевъ и русскихъ къ уніи. Но они старались занять его своими дѣлами. Такъ, опять подвергнуты разсмотрѣнію новые пункты статута для внесенія въ него. Предложены были пункты или просьбы и кіевскимъ митрополитомъ Іоною Протасевичемъ о разныхъ правахъ православной церкви, іерархіи и духовенства. Король частію утверждалъ ихъ, частію отлагалъ. Въ частности митрополитъ просилъ, чтобы, по примѣру латинскихъ епископовъ, допущены были въ сенатъ и православные русскіе. Король отклонилъ эту просьбу, сказавъ, что отлагаетъ ее на „иншій часъ“. Видно у разновѣрныхъ литовскихъ пановъ не было охоты поддержать столь законную просьбу православнаго митрополита. На Гродненскомъ сеймѣ еще разъ подтверждено присоединеніе Ливоніи къ Литвѣ, какъ отдѣльному государству. Предъ окончаніемъ сейма литовцы видимо въ противовѣсъ рецессу Варшавскаго сейма 1563—64 гг., объявившаго уже унію дѣломъ предрѣшеннымъ, составили свой рецессъ, которымъ затронутыя, но не рѣшенныя дѣла о самостоятельномъ устройствѣ государства отлагались до новаго вальнаго сейма въ Вильнѣ [1]). Но уже не суждено было литовцамъ дождаться этого *своего* сейма. Король, обѣщавшій созвать его, или лицемѣрилъ, или, что вѣроятнѣе, по свойственному ему непостоянству и безхарактерности, давалъ противорѣчивыя обѣщанія въ Польшѣ полякамъ, въ Литвѣ литовцамъ. Еще въ 1568 г. онъ далъ приказъ Григорію Ходкевичу пріостановить военныя дѣйствія, сказалъ и полякамъ не идти на помощь литовцамъ въ московской войнѣ, послалъ гонца въ Москву для начатія сношеній о перемиріи, временемъ котораго и предположилъ воспользоваться для окончанія дѣла объ уніи [2]). Теперь, возвратясь съ Гродненскаго

[1]) О рецессѣ Гродненскаго сейма и предположеніи созвать Литовскій сеймъ въ Вильнѣ въ 1569 г. упоминается въ просьбѣ литовцевъ и русскихъ и отвѣтахъ на нихъ короля на Люблинскомъ съѣздѣ (Ярошевичъ, Obraz Litwy въ II, стр. 187. Wilno 1844 г.).

[2]) Объ этихъ распоряженіяхъ короля, о цѣли которыхъ догадывался Ходкевичъ, упоминается въ его письмѣ къ Павлу Сапѣгѣ отъ 2 декабря 1568 г. (А. з. Р. III, № 45, и въ „Дневникѣ“ Люблинскаго сейма, въ рѣчи Чарнковскаго, стр. 647).

сейма въ Польшу, онъ окончательно отдался во власть поляковъ и, забывъ о предположенномъ Литовскомъ сеймѣ въ Вильнѣ, назначилъ общій польско-литовско-русскій сеймъ или съѣздъ въ Люблинѣ на 23 декабря 1569 года [1]).

Положеніе поляковъ предъ съѣздомъ было выгодное. Они имѣли одну ясную и опредѣленную мысль объ уніи, какъ о сліяніи, выработанную почти двухвѣковою политикою Польши, формулированную въ тѣхъ старыхъ и новыхъ актахъ на унію, которые составились подъ вліяніемъ поляковъ. Они имѣли въ своихъ рукахъ власть короля, которою могли по своему воспользоваться для принужденія къ уніи литовско-русскихъ представителей то угрозою, то обѣщаніемъ милостей, также какъ и приманкою шляхетскихъ вольностей. Наконецъ, они не были столько, какъ литовцы, затруднены и устрашены войною извнѣ и потому могли дѣйствовать съ большею свободою и увѣренностью. Не такъ было выгодно положеніе литовцевъ и русскихъ. Они продолжали держаться мысли объ уніи, какъ союзѣ съ сохраненіемъ при немъ отдѣльности и самостоятельности своего государства, имѣя опору этой мысли во всемъ своемъ прошломъ и въ цѣломъ запасѣ привиллегій и статей статута. Но въ самой этой мысли уже заключалась двойственность, двусторонность, тяготѣвшая надъ ними въ теченіе всей прошедшей исторіи, отражавшаяся и на самыхъ актахъ уніи, даже литовско-русскихъ. Чувствуя это, литовцы, какъ увидимъ, предпочитали оставить въ сторонѣ всѣ „старыя записи“ на унію и устроить ее заново на основѣ мысли о братской любви, братскомъ союзѣ. Но устраивать унію заново на такой идеальной основѣ теперь слишкомъ трудно было для литовцевъ и русскихъ, когда они не могли создать у себя отдѣльной государственной власти, въ лицѣ отдѣльнаго государя, ни грозить такою возможностію королю и полякамъ, какъ могли сдѣлать это въ былыя времена. Ни родъ Олельковичей, изъ котораго грозили литовцы и русскіе избрать себѣ отдѣльнаго великаго князя при Казимірѣ, ни другой какой-либо изъ литовско-русскихъ княжескихъ родовъ, не давалъ опоры для подобной надежды. Не только литовцы, но и русскіе не могли теперь грозить королю и Польшѣ союзомъ съ Москвою, напротивъ, страхъ, наведенный московскою войною, заставлялъ ихъ не отрываться отъ союза съ Польшею. Слѣдуетъ прибавить, что если поляки далеко не отличались согласіемъ на своихъ сеймахъ, то въ дѣлѣ борьбы съ литовцами и русскими они способны были достигать полной солидарности, не смотря на различіе сословныхъ интересовъ, религіозныхъ мнѣній и т. п., такъ что въ этомъ дѣлѣ умѣли сходиться маг-

[1]) Королевскіе листы или извѣстительныя письма съ призывомъ на съѣздъ разсылались уже въ первой половинѣ октября (Лѣтопись занятій Археогр. коммиссіи, Вып. V. Отд. III, стр. 4, Спб. 1871 г.).

натъ съ шляхтичемъ, латинскій епископъ съ социніаниномъ. Литовцамъ и русскимъ не доставало прочной солидарности. Слѣды разъединенія между ними, внесеннаго латинствомъ и привиллегированнымъ положеніемъ литовцевъ латинянъ въ сравненіи съ русскими православными, еще не совсѣмъ изгладились, не смотря на переходъ въ протестантство многихъ литовскихъ пановъ и на уравненіе правъ лицъ р.-католической и православной вѣры на сеймахъ Виленскомъ 1563 г. и Гродненскомъ 1568 г., такъ еще недавнее и притомъ неполное, не простершееся на православную іерархію. Преобладательныя притязанія литовцевъ едва ли даже не усилились во время могущества Николая Чернаго Радзивилла, когда литовцы и большею частію протестанты понабрали слишкомъ много должностей и имѣній въ русскихъ земляхъ, забывая, что главною опорою самобытности литовско-русскаго государства могла быть только русская народно-православная стихія, рѣшительно преобладающая въ составѣ государства. Съ другой стороны, высшіе литовскіе чины, на себя, главнымъ образомъ, принявшіе дѣло борьбы съ поляками, не подготовили себѣ достаточной опоры въ низшемъ литовскомъ дворянствѣ. Они обращались съ нимъ гордо и властно, угнетали иногда и тяжелыми повинностями. Въ самомъ вопросѣ объ уніи они преслѣдовали не только общій государственный, но и личный аристократическій интересъ, опасаясь, чтобы унія не принесла имъ, польской, такъ называемой, экзекуціи, не умалила ихъ значенія чрезъ подъемъ низшаго дворянства до вольностей польской шляхты Надлежало, впрочемъ, ожидать, что послѣ тѣхъ уступокъ и улучшеній въ общественныхъ отношеніяхъ, какія сдѣланы на послѣднихъ сеймахъ, начиная особенно съ Виленскаго 1563 г., послѣдуютъ со временемъ и другія, къ устраненію внутреннихъ недоразумѣній въ Литвѣ и Руси. Это могло состояться на новыхъ литовско-русскихъ сеймахъ, созыва которыхъ не напрасно домогались литовцы до общаго польско-литовскаго сейма по дѣлу уніи. Но поляки не дали имъ времени на это. Хорошо понимая затруднительное и безпомощное положеніе литовцевъ и русскихъ въ данную эпоху и нѣкоторыя недоразумѣнія между ними, они пользуются этимъ съ полныхъ эгоизмомъ и спѣшатъ кончать дѣло объ уніи.

Предъ общимъ съѣздомъ поляки и литовско-русскіе представители имѣли свои мѣстные съѣзды или сеймики для выбора депутатовъ на общій съѣздъ и составленія инструкцій имъ. Такъ, извѣстенъ съѣздъ въ Воинѣ (на Подлѣсьѣ), въ имѣніи подканцлера Евстафія Воловича. Но вообще о повѣтовыхъ съѣздахъ или сеймикахъ литовско-русскихъ дворянъ предъ Люблинскимъ съѣздомъ извѣстно очень немного. Недавно (1565 г.) учрежденные сеймики эти были еще дѣломъ довольно новымъ для нихъ. Со словъ нѣкоторыхъ русскихъ дворянъ поляки утверждали, будто на этихъ сеймикахъ всѣмъ заправляли высшіе ли-

товскіе паны и сановники, сами дѣлали постановленія, приказывая дворянамъ подписывать здѣсь, а чаще на дому, грозя противникамъ даже палкой. Если есть часть правды въ этомъ, то значитъ литовскіе паны слишкомъ и не въ пору понадѣялись на свои силы, чѣмъ и могли воспользоваться поляки [1]).

Наиболѣе смѣлыми и энергическими представителями и борцами за самостоятельность и независимость литовско-русскаго государства на Люблинскомъ съѣздѣ были знатные литовцы. Это особенно: Николай Рыжій Радзивиллъ, виленскій воевода и литовскій канцлеръ, наслѣдовавшій эти званія по смерти Николая Чернаго († 1565 г.), также какъ и значеніе главы литовскаго протестантства и главнаго поборника литовской независимости; потомъ Иванъ Ходкевичъ, староста жмудскій, по вѣрѣ протестантъ, хотя братья и родичи его еще оставались православными; наконецъ Евстафій Воловичъ, литовскій подканцлеръ, брестскій староста, владѣвшій тремя имѣніями на Подлѣсьѣ, родомъ русскій и православный, но теперь также протестантъ. Эти три лица были въ большой милости у короля, особенно Николай Рыжій, братъ Варвары, нѣкогда интимный другъ короля, обогатившаго его громадными имѣніями. Но если и Радзивиллъ Черный, въ свое время еще болѣе могущественный, не могъ, наконецъ, осилить давленія поляковъ на короля, то уже труднѣе было это менѣе даровитому Николаю Рыжему. Вообще, эти три и другіе знатные литовцы не довольно поняли, что сила ихъ теперь не въ королѣ, что ее слѣдовало искать въ крѣпкомъ союзѣ съ православными русскими. Между тѣмъ, гордый Николай Рыжій состязался за старшинство въ сенатѣ съ православнымъ Слуцкимъ княземъ, прямымъ потомкомъ тѣхъ Олельковичей, изъ рода которыхъ еще при Казимірѣ хотѣли избрать великаго князя. Ходкевичъ имѣлъ какіе-то нелады съ княземъ Острожскимъ, преслѣдовалъ виленскаго воеводича Глѣбовича за его будто бы измѣнническія сношенія съ Іоанномъ Грознымъ. Болѣе повидимому наклоненъ былъ держаться союза съ православными русскими Воловичъ, вступавшійся за права и Слуцкаго князя, нравившійся, какъ извѣстно, и Іоанну Грозному. Изъ православныхъ русскихъ князей виднѣе на съѣздѣ волынско-подольскіе магнаты князья Константинъ Острожскій, Константинъ Вишневецкій, Александръ Чарторыйскій, Романъ Сангушко. Не видно, однако, чтобы они были въ крѣпкомъ союзѣ съ литовскими панами. Всѣ эти и другіе князья и высшіе сановники, по самому званію, имѣли представлять сенаторскую половину сейма вмѣстѣ съ латинскими литовскими епископами, но не православными іерархами, не получившими еще мѣста въ сенатѣ. Послы отъ земскаго дворянства, имѣвшіе составить посольскую половину его, извѣстны немногіе. Вообще, и сенаторы, и послы литовско-русскіе неохотно и медленно собирались на сеймъ, прибывали не одновременно, одни опоздали, другіе совсѣмъ не прибыли. Это объясняется затрудненіями военнаго времени, хлопотливостію поѣздки въ пограничный Люблинъ изъ дальнихъ русскихъ земель, тяжестію для земскихъ пословъ издержекъ на поѣздку и содержаніе во время сейма, дорогое по случаю большаго скопленія пріѣзжихъ, наконецъ, и болѣе всего просто желаніемъ уклониться отъ участія въ роковомъ дѣлѣ уніи, съ надеждою, что дѣло, такимъ образомъ, можетъ еще затянуться и даже быть отложеннымъ. За то поляки собрались своевременно и притомъ въ большомъ числѣ, согласно инструкціямъ, даннымъ ихъ сеймикамъ изъ королевской канцеляріи. Разновременность пріѣзда и малочисленность пріѣхавшихъ литовско-русскихъ представителей не особенно смущали ихъ. Они воспользуются и этимъ обстоятельствомъ, чтобы вести дѣло уніи по частямъ. Тѣмъ не менѣе, ни король, ни польскіе сеймовые паны не думали, что сеймъ затянется такъ долго. Самое открытіе его замедлилось. Назначенный на 23 декабря, съѣздъ открылся спустя болѣе двухъ недѣль, когда прибыли нетерпѣливо ожидаемые литовскіе представители.

[1]) О съѣздѣ въ Воинѣ упоминается въ „Дневникѣ“ Люблинскаго съѣзда. Указаніемъ на повѣтовые съѣзды или сеймики для выбора депутатовъ на Люблинскій съѣздъ и составленія инструкціи имъ могутъ служить просьбы литовско-русскихъ представителей, представленныя королю на этомъ съѣздѣ (у Ярошевича тамъ-же) и упоминаніе объ инструкціи отъ Брестскаго земства (Вил. Археогр. Сборн. VII, № 24). О самовластныхъ распоряженіяхъ высшихъ литовскихъ пановъ на повѣтовыхъ съѣздахъ не одинъ разъ упоминаютъ на Люблинскомъ съѣздѣ подлѣсяне, а съ ихъ словъ и поляки.

Глава II.

Открытіе съѣзда и его дѣйствія съ *10 по 20 января:* польская постановка вопроса объ уніи; принужденіе литовцевъ къ переговорамъ о ней.—*Засѣданія съ 21 января по 1 марта:* переговоры поляковъ съ литовскими сенаторами; Радзивиллъ, Ходкевичъ и др.—Защита литовцами правъ княжества и мысль ихъ объ уніи, несогласная съ мыслію поляковъ.—Раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, усиливающееся при новыхъ переговорахъ.—Литовцы уклоняются отъ переговоровъ объ уніи и хотятъ занять короля своими дѣлами.—Король союзникъ поляковъ; замыселъ ихъ противъ литовцевъ, огорченіе послѣднихъ и отъѣздъ изъ Люблина.—*Засѣданія съ 1 марта по 4 апрѣля:* проекты насильственныхъ мѣръ противъ литовцевъ и толки о войнѣ.—Замыселъ о присоединеніи русскихъ земель по частямъ.—Присоединеніе Подлѣсья съ помощію интритъ и насилія.—Присяга на унію нѣсколькихъ Подлѣсянъ.—Воловичъ, отказъ его отъ присяги и угрозы ему.—Подготовка присоединенія Волыни.—Константинъ Острожскій и надежды на него поляковъ.—Прусская унія.—Универсалъ короля съ призывомъ Подлѣсянъ и Волынянъ на сеймъ для уніи къ 3 апрѣля.—Грамоты литовцевъ противъ поляковъ и мѣры сейма противъ первыхъ; приговоръ о контумаціи.—*Засѣданія съ 4 апрѣля по 6 іюня:* возобновленіе дѣла о присоединеніи Волыни.—Литовское посольство, неуспѣхъ его и отправленіе безъ отвѣта.—Письма Под-

лѣсянъ и Волынянъ, не прибывшихъ къ сроку на съѣздъ.—Наказанія или угрозы неприбывшимъ, милости присягнувшимъ на унію.—Прибытіе Подлѣсянъ, затѣмъ Волынцевъ.—Присяга ихъ на унію, въ числѣ ихъ К. Острожскаго.—Присоединеніе части Подоліи или Брацлавскаго воеводства: Романъ Сангушко и его присяга.—Вопросъ о присоединеніи Кіева и споры о немъ между поляками.—Волынцы требуютъ присоединенія Кіева.—Декретъ 4 іюня о присоединеніи Кіева.—Привиллегіи Волынская и Кіевская.—Присяга на унію въ Луцкѣ и Владимірѣ.—*Засѣданія съ 6 іюня по 1 іюля:* горестное настроеніе литовцевъ; прибытіе ихъ въ Люблинъ, жалостливыя рѣчи королю и полякамъ, послѣднія усилія спасти остатки самостоятельности княжества.—Колѣнопреклоненная рѣчь королю и отвѣты на нее.—Согласіе литовцевъ на унію.—Польско-Литовская привиллегія и присяга на унію 1 іюля.—Торжество поляковъ.—*Засѣданія съ 2 іюля по 12 августа:* дѣло Ливонское, дѣло Московское, дѣло объ экзекуціи и долгахъ короля; другія дѣла.—Закрытіе съѣзда.—Дѣйствительный характеръ дѣла уніи, совершившагося на съѣздѣ *).

---

10 января, въ понедѣльникъ, послѣдовало открытіе сейма, въ залѣ сенатскихъ собраній, въ присутствіи короля, въ составѣ около 160 человѣкъ изъ сенаторовъ и сеймовыхъ пословъ. Единогласно избранный предъ тѣмъ посольскій маршалъ, реффендарій королевства, Дрогичинскій староста Станиславъ Сендзивой Чарнковскій обратился къ королю съ привѣтственною рѣчью. Ораторъ восхвалилъ польскій народъ, всегда вѣрный своимъ королямъ, выше и дороже всего ставящій свою прекрасную свободу, восхвалилъ короля, стража этой свободы, и его труды для блага Рѣчи Посполитой, которые всегда готовы раздѣлять съ нимъ и поляки, какъ готовы были въ недавнюю войну съ московскимъ непріятелемъ, и если не участвовали въ ней, то потому, что не были позваны королемъ [1]). Перейдя затѣмъ, хотя и не скоро, къ дѣлу уніи,

*) Главными источниками для настоящаго очерка служили: 1) Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г., въ превосходномъ изданіи его (С.-Петербургъ 1869 г.), которымъ наука обязана трудамъ М. О. Кояловича; 2) Volumina Legum т. I и II, Petersbourg 1859 г.; акты западной Россіи; акты южной и западной Россіи; архивъ юго-западной Россіи; жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни (Кіевъ 1549 г.); Виленскій археологическій сборникъ. Насколько пользовались мы каждымъ изъ этихъ источниковъ, спеціалистамъ видно и безъ нашихъ ссылокъ. Пользуясь, какъ пособіемъ при этихъ главныхъ источникахъ, нѣсколькими польскими изданіями и сочиненіями, касающимися уніи Литвы съ Польшею, мы не забывали о необходимой осторожности въ отношеніи къ послѣднимъ, внушаемой извѣстнымъ предвзятымъ взглядомъ поляковъ на Люблинскую унію. Имѣя въ виду только то значеніе Люблинскаго съѣзда, какое онъ имѣетъ для западной Россіи въ исторіи борьбы ея съ Польшею, мы не касались другихъ сторонъ этого съѣзда.

[1]) Панъ Чарнковскій прилыгалъ, когда хвалилъ готовность поляковъ помочь королю въ московской войнѣ. Готовность эта была очень сомнительною, и поляки съ удовольствіемъ приняли распоряженіе короля, приказавшаго и литовцамъ пріостановить военныя дѣйствія, чтобы во время перемирія покончить дѣло съ уніей. То, что далѣе затѣмъ говоритъ Чарнковскій о своихъ предкахъ, отличавшихся въ исторіи

напомнивъ о томъ, какъ она началась при Ядвигѣ и Ягайлѣ, при участіи въ томъ и славныхъ предковъ самого оратора, какъ она утверждена *письменными актами* и присягами польско-литовскихъ государей, ораторъ налегаетъ на то, что унія эта представляла собою именно *сліяніе двухъ странъ и народовъ въ одно тѣло, въ одинъ народъ.* Теперь королю предстоитъ довершить въ этомъ смыслѣ дѣло уніи, которое превознесетъ его выше Геркулесовъ, Александровъ Македонскихъ, Цезарей и т. п. Упомянувъ и о другихъ предметахъ, предстоящихъ обсужденію сейма, ораторъ восторгается величіемъ дѣла его: „сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!“ И такъ, въ рѣчи на открытіе сейма съ полною опредѣлительностію высказана основная мысль поляковъ объ уніи, какъ о сліяніи, которое предстоитъ довершить на основаніи старыхъ актовъ уніи, разумѣя, конечно, акты, диктованные поляками.

11 января, опять въ присутствіи короля, сенаторовъ и сеймовыхъ пословъ, происходила подача сенаторами мнѣній о томъ, какъ вести дѣла сейма. Первыми говорили епископы, между которыми сразу выдѣляется краковскій епископъ Филиппъ Падневскій, какъ лучшій ораторъ, умѣвшій прямѣе и отчетливѣе формулировать свои мнѣнія, и ставшій руководителемъ сенаторской части сейма. Дѣло уніи онъ призналъ, за нимъ и другіе, первымъ и главнѣйшимъ дѣломъ сейма. Слѣдуетъ упомянуть, что въ своихъ рѣчахъ епископы не опустили насказать королю много рѣзкихъ нотацій за оставленіе имъ своей жены, за дурную жизнь, даже за самоволіе, за дурное управленіе, причемъ епископъ Куявскій проговорился, что „причиной, почему литовцы не хотятъ уніи съ нами, наше дурное управленіе, и то, что, по ихъ словамъ, у насъ нѣтъ ничего надежнаго“. Король не усидѣлъ подъ такимъ потокомъ увѣщательныхъ рѣчей, имѣвшихъ длиться еще, неожиданно всталъ и ушелъ, сказавъ, однако, что и онъ дѣло уніи считаетъ важнѣйшимъ для сейма, а что о частныхъ дѣлахъ его можетъ быть рѣчь послѣ, если будетъ удобное къ тому время.

12 января сенаторы и сеймовые послы собрались уже безъ короля и то совмѣстно, то отдѣльно совѣщались о способѣ переговоровъ съ литовцами и порѣшили вести ихъ чрезъ депутатовъ, которые и избраны. По предложенію канцлера и настоянію пословъ принято рѣшеніе, чтобы король присутствовалъ при переговорахъ съ литовцами; мотивировалось оно тѣмъ, чтобы король „не ускользнулъ“ отъ дѣла, и въ случаѣ неудачи его, не искалъ себѣ оправданія въ томъ, что отсутствовалъ.

уніи, довольно справедливо. И самъ онъ еще до Люблинскаго съѣзда показывалъ рвеніе къ дѣлу уніи, а въ болѣе молодые годы отличался еще участіемъ въ гнусной интригѣ польской противъ русскаго православнаго князя Димитрія Сангушка, у котораго отняли жену Елисавету Острожскую, чтобы отдать ее и ея имѣнія польскому пану, и котораго потомъ убили.

По особенному настоянію пословъ, принято также рѣшеніе, чтобы при переговорахъ съ литовскими сенаторами присутствовали и литовскіе послы, ибо литовскіе сенаторы заботливо не допускаютъ ихъ до личныхъ совѣщаній съ поляками, опасаясь, что, познакомясь съ правами польской свободы, литовско-русская шляхта полюбитъ унію, которую они, сенаторы, представляютъ этой шляхтѣ въ дурномъ видѣ и приводятъ въ омерзеніе. Эти рѣшенія весьма характерны, первое, по недовѣрію къ королю въ дѣлѣ уніи, второе, по надеждѣ на силу приманки для уніи, представляемую польской свободою. Въ общихъ рѣшеніяхъ сказалась также выступающая съ первыхъ же дней сейма преобладающая роль посольской или шляхетской половины его, усилившейся въ послѣдніе годы.

Со вторника 13 января начались чрезъ избранныхъ депутатовъ сношенія польскихъ сенаторовъ и сеймовыхъ пословъ съ литовскими сенаторами по дѣлу уніи, затянувшіяся на недѣлю. Литовцы попросили два дня отсрочки, которую продлили еще на нѣсколько дней—до 20 января. Въ эти дни они усиленно совѣщались съ королемъ о дѣлахъ Литовскаго княжества, настаивая особенно на томъ, чтобы король утвердилъ на сеймѣ новый литовскій статутъ и, согласно статьямъ его, отнялъ у поляковъ занимаемыя ими должности въ Литвѣ и отдалъ литовцамъ. Этими важными требованіями литовцы сразу фактически заявляли свой взглядъ на унію, по которому, согласно статуту, литовско-русское государство должно сохранять свою политическую отдѣльность и самостоятельность. Требованіе о должностяхъ король еще могъ исполнить, отчасти и исполнилъ [1]). Но исполнить требованіе объ утвержденіи литовскаго статута не могъ, потому что не былъ допущенъ. Литовцы дали знать полякамъ, что не вступятъ ни въ какіе переговоры съ ними объ уніи, прежде чѣмъ король не утвердитъ новаго статута. Съ своей стороны, польскіе сенаторы и послы послѣ то отдѣльныхъ, то общихъ совѣщаній, приставали къ королю съ требованіемъ своею властью побудить литовцевъ къ началію переговоровъ объ уніи. Это требованіе формулировано опять по настоянію преимущественно пословъ демократической части сейма, съ добавленіемъ притомъ другаго требованія, чтобы король не держалъ отдѣльныхъ совѣщаній съ литовцами. Тутъ опять сказались черты посольской или шляхетско-демократической половины польскаго сейма: властность, во имя свободы, требованій по отношенію къ королю и готовность распорядиться властью короля для

[1]) Впрочемъ, только у трехъ поляковъ отняты литовскія должности и отданы литовско-русскимъ панамъ. Замѣчательно также, что одна изъ этихъ должностей отдана князю Боровскому, 90 лѣтнему старику, другая князю Головнѣ, тоже старому и больному, что одна изъ должностей, отнятая теперь у поляка, досталась было ему, какъ осѣвшему въ Литвѣ послѣ брака на литвинкѣ. Это одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ вторженія поляковъ въ Литву и Русь чрезъ браки.

насилія надъ литовцами. Осаждаемый противоположными требованіями съ обѣихъ сторонъ, бѣдный король занемогъ отъ возобновившихся припадковъ ревматизма и, какъ видится, уже сталъ раздражаться на литовцевъ, идущихъ наперекоръ давно уже данному имъ полякамъ слову покончить съ дѣломъ уніи. Къ сожалѣнію, между литовско-русскими представителями заходили какія-то несогласія, такъ что въ присутствіи самого короля послышались рѣзкія рѣчи между старостой Жмудскимъ Ходкевичемъ и княземъ Константиномъ Острожскимъ. Всѣмъ этимъ воспользовались поляки и добились у короля приказа литовцамъ непремѣнно явиться въ собраніе сейма для переговоровъ объ уніи. Это было 20 января.

21 января литовскіе сенаторы впервые, согласно приказу короля, явились въ замокъ, гдѣ польскіе сенаторы и послы уже долго ожидали ихъ въ сенатской залѣ; но литовцы не пошли въ эту залу, а собрались въ особой залѣ, бывшей насупротивъ первой. Поляки хотѣли или были вынуждены показать вѣжливость и порѣшили первыми идти къ литовцамъ, но спросивъ о томъ напередъ короля чрезъ депутатовъ. Возвратясь отъ короля, депутаты зашли въ литовскую залу и краковскій епископъ пригласилъ литовцевъ въ сенатскую залу, выражаясь, что „двери отперты“. Радзивиллъ, отъ имени литовцевъ, поблагодарилъ за приглашеніе, но отказался принять его, выразившись: „двери дѣйствительно открыты, но есть еще рѣшетка, чрезъ которую мы не можемъ перейти къ вамъ, развѣ сниметъ ее король“ (разумѣя ожидаемое утвержденіе королемъ статута). Депутаты ушли, но скоро затѣмъ литовцы, платя вѣжливостью за вѣжливость, послали къ полякамъ депутатовъ во главѣ съ Евстафіемъ Воловичемъ, который въ рѣчи къ полякамъ просилъ извинить литовцевъ, что они не могутъ идти на совѣщанія съ поляками, потому что не кончили дѣлъ съ королемъ по устроенію своей страны и просятъ поляковъ быть терпѣливыми. Послѣ недолгаго совѣщанія, поляки прислали къ литовцамъ депутатовъ во главѣ съ краковскимъ епископомъ, который, восхваливъ унію, какъ дѣло выгодное для обѣихъ сторонъ и утвержденное привиллегіями и клятвами, убѣждалъ начать совѣщанія. Радзивиллъ и Ходкевичъ отвѣчали, что готовы начать совѣщанія, но не прежде какъ тогда, когда устроятъ съ королемъ дѣла своего государства и король утвердитъ литовскій статутъ, потому что литовцы хотятъ соединиться съ поляками, какъ равные имъ въ благородствѣ и достоинствѣ. Въ отвѣтъ на намеки въ рѣчи краковскаго епископа на власть короля въ Литвѣ, Радзивиллъ замѣтилъ, что не думаетъ, чтобы уже пропѣта была вѣчная память литовскому княжеству, а Ходкевичъ прибавилъ, что дѣло уніи собственно до короля и не касается, а есть свободное дѣло между поляками и литовцами, что онъ не полагаетъ, что Литва тогда только получила вольность, когда ею сталъ управлять польскій король. Пе-

реговоры вызвали раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, польскіе депутаты ушли къ своимъ, а затѣмъ пришелъ отъ литовцевъ Ходкевичъ съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, что они не начнутъ совѣщаній объ уніи до утвержденія королемъ статута, статьи котораго обѣщаютъ прислать завтра же [1]). Оба собранія разошлись.

23 января, вечеромъ, литовцы не явились въ замокъ, а только прислали статьи статута. Польскіе сенаторы и послы разсматривали эти статьи и съ великою досадою увидѣли, что онѣ клонятся не къ польской уніи, а къ огражденію политической самостоятельности Литвы, съ присоединеніемъ къ ней Инфлянтъ, т. е. Ливоніи. Послы настаивали не входить болѣе ни въ какія сношенія съ литовцами и прибѣгнуть къ власти короля, который чрезъ маршала дѣйствительно сдѣлалъ внушеніе литовцамъ. Сенаторы, не такъ завзятые какъ послы, отправили и отъ себя пословъ къ нимъ, и литовцы обѣщали въ понедѣльникъ быть въ собраніи.

24 января, въ понедѣльникъ, собравшіеся польскіе сенаторы и послы уже надѣялись, что литовцы засядутъ съ ними въ общей залѣ и оставили мѣста для нихъ. Литовцы явились, и на этотъ разъ не одни сенаторы, но и послы; но въ сенатскую залу къ полякамъ литовцы, однакоже, не пошли, а собрались опять въ свою отдѣльную залу. Не усаживаясь на мѣста, поляки прислали сказать литовцамъ, что ихъ ждутъ; тѣ отвѣчали, что ждутъ отвѣта на статьи статута. Поляки рѣшились отвѣчать и литовцы въ *первый разъ* вступили въ сенатскую залу, но не заняли оставленныхъ для нихъ мѣстъ. Рѣчь къ нимъ держалъ все тотъ же епископъ краковскій, порицалъ, хотя и въ сдержанныхъ выраженіяхъ, статьи статута, какъ подрывающія унію, защищалъ унію старыми привиллегіями, сказавъ, однако, что въ нихъ можетъ быть и измѣнено нѣчто, не къ подрыву уніи. Литовцы обѣщали отвѣчать. Отвѣты держаны Радзивилломъ въ засѣданіи слѣдующаго дня, 25 января: „вы, господа, началъ онъ, дѣлаете намъ внушеніе, чтобы мы не теряли даромъ времени; но потеря времени насъ безпокоитъ больше, нежели васъ. На нашихъ хребтахъ былъ непріятель, когда мы уѣхали сюда, желая поставить съ вами унію, которая бы объединила насъ взаимно любовію и, если сказать правду, мы устремились къ ней почти бѣгомъ, тогда какъ предки наши шли къ ней тихимъ шагомъ.“ Коснувшись начала уніи литовцевъ съ поляками и

[1]) Мы видѣли, что Литовскій статутъ былъ уже утвержденъ Сигизмундомъ-Августомъ на Литовскихъ сеймахъ 1566 и 1568 г. Но здѣсь требовалось утвержденіе новыхъ статей его именно на общемъ польско-литовскомъ сеймѣ отъ имени короны, что само собою означало бы признаніе ею отдѣльности и самостоятельности литовско-русскаго государства, ограждаемыхъ статутомъ, а также признаніе уже предрѣшало-бы и вопросъ объ уніи, какъ *только союзъ* отдѣльныхъ и равноправныхъ государствъ, а не сліяніи ихъ въ одно польское государство.

признавая не малую долю добра въ ней для литовцевъ, Радзивиллъ первымъ добромъ считалъ то, что литовцы чрезъ поляковъ, по милости Божіей, пришли къ познанію вѣры. Къ сожалѣнію, онъ забылъ, что еще прежде это познаніе Литва приняла отъ Руси. Справедливѣе былъ онъ, когда затѣмъ пояснялъ, что вопросъ объ уніи имѣетъ совсѣмъ другое, чѣмъ когда-либо прежде, значеніе теперь, когда доживаетъ свой вѣкъ послѣдній представитель Ягеллоновой династіи, служившей связью Литвы и Польши, и что теперь именно слѣдуетъ литовцамъ позаботиться о прочномъ устройствѣ дѣлъ своего княжества, прежде чѣмъ рѣшать вопросъ объ уніи. Защищая статьи статута, имѣвшаго опредѣлить это устройство, Радзивиллъ закончилъ, что *предварительное утвержденіе ихъ* королемъ литовцы считаютъ условіемъ для начатія переговоровъ объ уніи. Но уже въ послѣдній разъ ставится литовцами такое условіе: вѣроятно, король, по настоянію поляковъ, далъ знать литовцамъ, что утвержденія статей новаго статута не будетъ. То стѣсненное положеніе литовцевъ, ослабленныхъ бывшею и угрожаемыхъ новою войною съ Москвою, на которое намекалъ Радзивиллъ, вынуждало ихъ помириться съ невозможностью достичь утвержденія статута и согласиться начать прямо переговоры объ уніи, какъ это видно въ слѣдующихъ засѣданіяхъ.

Съ 26 января литовцы, вѣроятно, по внушенію короля, впервые засѣли съ поляками въ сеймовой залѣ и тоже повторили и въ собраніи 27 января. Литовскіе сенаторы сидѣли противъ польскихъ, а за тѣми и другими послы обѣихъ сторонъ. Было упомянуто, что еще съ 24 января со стороны литовцевъ стали являться въ собранія сейма не одни сенаторы, какъ было предъ тѣмъ, но и послы. Теперь они являлись еще въ болѣе полномъ составѣ, т. е. со всѣми послами. Это обстоятельство литовскіе сенаторы сочли нужнымъ даже поставить на видъ полякамъ, говоря, что литовцы болѣе не желаютъ вести переговоры объ уніи чрезъ депутатовъ, что въ частности литовскіе послы присланы затѣмъ, чтобы лично присутствовать при всѣхъ переговорахъ. А въ засѣданіи 27 января Радзивиллъ выразился: „на одной телѣгѣ и для одного дѣла всѣ мы (литовцы) пріѣхали сюда; всѣ мы и должны совѣщаться съ вами объ уніи“. Этимъ само собой должно было устраняться подозрѣніе поляковъ, будто литовскіе сенаторы—аристократы намѣренно не допускаютъ пословъ отъ дворянъ участвовать въ переговорахъ съ поляками, чтобы первые чрезъ сближеніе съ послами польскими не прельстились ихъ шляхетскими правами и не поддались ради нихъ на унію. Съ другой стороны, послѣ неудачи въ вопросѣ объ утвержденіи статута, литовскіе сенаторы почувствовали, что почва подъ ними слабѣетъ, что имъ необходимо сплотить силы въ виду имѣвшихъ наступить прямыхъ переговоровъ объ уніи.

Съ открытіемъ 26 января общаго засѣданія поляковъ и литовцевъ, отъ имени послѣднихъ Ходкевичъ поставилъ вопросъ: съ чего хотятъ поляки начинать переговоры объ уніи? и предупредилъ, что литовцы во всякомъ случаѣ хотятъ удержать свои права и статутъ (хотя и не утвержденный). Начавшіеся такимъ образомъ прямые переговоры объ уніи продолжались въ одномъ направленіи до 7 февраля и выяснили рѣзкое различіе во взглядѣ на унію одной и другой стороны. Поляки, главнымъ ораторомъ которыхъ былъ все тотъ же краковскій епископъ, утверждали, что переговоры слѣдуетъ начать съ древнихъ привиллегій и договоровъ, на нихъ основать унію, которая должна быть сліяніемъ обоихъ государствъ въ одно тѣло, обоихъ народовъ въ одинъ народъ. Литовцы, за которыхъ почти всегда говорили тѣ же Ходкевичъ и Радзивиллъ, утверждали, что унія должна быть заключена на основаніи братской любви, должна устроиться по новому свободному соглашенію въ духѣ этой любви, съ сохраненіемъ внутренней отдѣльности литовскаго государства. Вслѣдствіе такого различія взглядовъ, съ 28 января, повидимому, прекратились было на нѣсколько дней и общія собранія поляковъ и литовцевъ и замѣнились опять сношеніями черезъ депутатовъ. Литовцы постоянно держались одного опредѣленнаго мнѣнія объ уніи, и еще со втораго засѣданія заявивъ желаніе, чтобы поляки сообщали имъ свои главныя рѣчи и отвѣты письменно, для обсужденія ихъ литовцами въ своихъ отдѣльныхъ совѣщаніяхъ, съ своей стороны, дали полякамъ письменное изложеніе своего мнѣнія объ уніи или проекта ея, прося, чтобы такое письменное изложеніе своего мнѣнія или проекта дали имъ и поляки. На совѣщаніяхъ по поводу этого требованія, происходившихъ у поляковъ въ отсутствіе литовцевъ, мнѣнія членовъ польскаго сейма раздѣлились. Сенаторы во главѣ съ краковскимъ епископомъ, держась общаго мнѣнія, что унію слѣдуетъ основать на старыхъ привиллегіяхъ и договорахъ, соглашались на этой основѣ составить письменный отвѣтъ литовцамъ, въ видѣ проекта новой записи на унію, новой привиллегіи на нее отъ имени сейма или короля; разногласіе происходило только въ томъ, какую изъ древнихъ привиллегій положить въ основу новой записи, слѣдуетъ ли упоминать ихъ въ самой записи. Изъ древнихъ привиллегій считали болѣе удобною для поляковъ привиллегію Александра, но этой привиллегіи, какъ объясняли другіе, особенно боятся литовцы, потому что она установляетъ *экзекуцію* [1]). Поэтому рѣшились составить новую привиллегію только согласно съ древними, но безъ упоминанія о нихъ. Другіе, глав-

[1]) Подъ привиллегіею Александра разумѣется извѣстная намъ привиллегія 1501 г.; она не установляла экзекуціи, установленной уже на польскомъ сеймѣ 1504 г., но предполагалось, что въ силу привиллегіи 1501 г., провозгласившей *сліяніе* Литовскаго в. княжества съ Польшею въ одно государство, экзекуція со временемъ должна распространиться и на литовцевъ.

нымъ образомъ послы, не допускали такой записи, считая ее опасною, могущею умалять, даже подвергать сомнѣнію значеніе древнихъ записей и давать самому дѣлу уніи видъ дѣла, устрояемаго заново, по новому соглашенію. Они требовали обратиться опять къ власти короля, заставить литовцевъ подтвердить присягою старыя привиллегіи, главнымъ образомъ привиллегію Александра, которыя *обязательны* для литовцевъ, а полякамъ даютъ власть надъ ними. Рѣзче всѣхъ настаивали на этомъ послы краковскаго воеводства, съ Шафранцемъ во главѣ, требовавшіе еще (какъ требовали и нѣкоторые другіе), чтобы сверхъ этихъ привиллегій взять въ основу уніи постановленія и декларацію варшавскаго сейма 1563 — 64 г., которыми уже подарена Литва Польшѣ и признано сліяніе первой съ послѣднею. Противъ ссылки на Варшавскую декларацію краковскій епископъ ставилъ въ тихомолку то возраженіе, что она не была подписана на сеймѣ Николаемъ Радзивилломъ Чернымъ. Но и это возраженіе не помогло. Когда новая привиллегія на унію была составлена отъ имени короля и притомъ только съ общимъ упоминаніемъ о старыхъ привиллегіяхъ, но безъ названія ихъ въ частности, то по настоянію пословъ, особенно краковцевъ, эта запись была отвергнута, съ рѣшеніемъ не передавать ее литовцамъ. Когда они, сперва чрезъ депутатовъ, а потомъ всѣ вмѣстѣ явились 5 февраля въ общее засѣданіе съ просьбой о письменномъ отвѣтѣ или записи на унію, то вмѣсто этого имъ данъ былъ краткій письменный отвѣтъ, что поляки не намѣрены вступать ни въ какіе переговоры съ литовцами помимо старыхъ привиллегій, что литовцамъ остается засѣсть въ общее засѣданіе съ поляками и на основаніи тѣхъ привиллегій обсуждать дѣло по братски. Впрочемъ, если не въ самомъ засѣданіи сейма, то послѣ него, сенаторы, не смотря на сопротивленіе пословъ, сообщили литовцамъ (можетъ быть, частнымъ образомъ) и полную записку объ уніи, какъ отвѣтъ на записку о томъ литовцевъ. Этотъ отвѣтъ въ смягченномъ видѣ заключалъ, однако же, ту же мысль объ уніи на основаніи старыхъ привиллегій.

Въ слѣдующіе дни съ 7 по 12 февраля полякамъ пришлось совѣщаться однимъ. Литовцы не являлись въ сеймовыя собранія ихъ. Получивъ отъ поляковъ и краткій отвѣтъ и затѣмъ обширный отвѣтъ, говорившій только о старыхъ привиллегіяхъ на унію, литовцы 7 февраля прислали имъ чрезъ Нарушевича свой на этотъ разъ болѣе пространный и обстоятельный отвѣтъ или записку объ уніи. Въ этой запискѣ литовцы, по прежнему, настаиваютъ на своемъ рѣшеніи вести дѣло объ уніи на основаніи не старыхъ привиллегій, а на основаніи братской любви, подтверждая, что таково порученіе, данное имъ какъ сенаторамъ, такъ и земскимъ посламъ, отъ ихъ братій духовныхъ и свѣтскихъ, при отправленіи ихъ на сеймъ. Но къ этому въ запискѣ

приложены выписки изъ собственно литовскихъ, извѣстныхъ намъ привиллегій на унію Казиміра 1452 г., Александра 1492 г., Сигизмунда 1506 и 1526 и, наконецъ, изъ литовскаго статута, показывающія, наперекоръ польскимъ привиллегіямъ, что и при уніи ограждалась отдѣльность и самостоятельность Литвы. Поставивъ это на видъ полякамъ, литовцы повторяютъ просьбу вести переговоры объ уніи не на основаніи привиллегій, а на основаніи братской любви и просятъ дать имъ отвѣтъ. По поводу записки литовцевъ начались то отдѣльныя, то общія совѣщанія польскаго сената и пословъ, затянувшіяся на пять дней и сопровождавшіяся бурными преніями. Сенаторы во главѣ съ краковскимъ епископомъ соглашались дать литовцамъ новый, болѣе обстоятельный, письменный проектъ уніи, который и составленъ въ болѣе сдержанной формѣ, даже безъ упоминанія о Варшавской деклараціи. Послы большею частью не соглашались на этотъ проектъ, причемъ то отрицали самую допустимость всякаго новаго проекта, настаивая на старыхъ привиллегіяхъ, на постановленіяхъ и рецессѣ Варшавскаго сейма, то предлагали свой проектъ. Краковцы и здѣсь выступали съ наиболѣе рѣзкимъ мнѣніемъ. Между сенаторами и послами прорывались выраженія недовѣрія, досады, упрековъ. Казалось разстроится дѣло въ самомъ польскомъ сеймѣ. Но предостереженіе отъ такой случайности дано на совѣщаніи сенаторовъ и пословъ русскаго (Галицкаго) воеводства у гетмана и русскаго воеводы Синявскаго, который убѣждалъ не разрывать уніи, доказывалъ необходимость для русскаго воеводства литовской помощи, ставилъ на видъ и то, что если Литва разорветъ союзъ съ Польшею, то отъ Польши отпадутъ и Пруссія, и Инфлянты (Ливонія). Послѣ новыхъ совѣщаній и споровъ принято сенаторами 11, а послами 12 февраля предложеніе краковскаго епископа положить предъ литовцами и старыя привиллегіи, и Варшавскій рецессъ, и новый проектъ.

12 февраля литовскіе сенаторы и послы опять явились въ собраніе сейма. По общему соглашенію рѣчь къ нимъ держалъ краковскій епископъ. Рѣчь была длинная и, надо правду сказать, умная и искусная. Съ польской точки зрѣнія епископъ обозрѣвалъ исторію уніи со времени Ягайлы, доказывая, что, какъ наслѣдственный и самодержавный государь, онъ своею властію присоединилъ Литву къ Польшѣ, какъ бы подарилъ первую послѣдней или, точнѣе, подарилъ соединенной польско-литовской Рѣчи Посполитой, составляющей единое тѣло, что таковы были и другія привиллегіи, каковы особенно Александра; опровергалъ сдѣланныя въ запискѣ литовцевъ ссылки на литовскія привиллегіи, представляя, между прочимъ, то, что въ паралелль съ ними у поляковъ имѣются другія привиллегіи, что, впрочемъ, права литовцевъ по ихъ привиллегіямъ будутъ сохранены и въ уніи, насколько они ей не противорѣчатъ; напоминалъ, будто на Варшавскомъ

сеймѣ литовцы, дѣйствовавшіе, безъ сомнѣнія, по мысли своихъ избирателей, наклонны были начать дѣло уніи даже съ Ягайловыхъ привиллегій и потомъ хотя и пошли къ позднѣйшему времени, но остановились на привиллегіи Александра, которою потрясалъ на сеймѣ достойной и славной памяти мужъ Н.Радзивиллъ (Черный) и убѣждалъ поляковъ тянуть литовцевъ только къ этой послѣдней уніи, т. е. Александровой. Въ заключеніе епископъ патетически призывалъ литовцевъ къ возобновленію и утвержденію уніи, на основаніи старыхъ привиллегій и договоровъ. Поляки были въ восхищеніи отъ этой рѣчи епископа. Не такъ отнеслись къ ней литовцы. Хладнокровно началъ отвѣтъ на нее Радзивиллъ: „такого длиннаго трактата еще намъ не приходилось слышать здѣсь ни разу во все время, какъ, по призыву короля, мы пріѣхали сюда въ Люблинъ. Такъ какъ отвѣтъ епископа довольно длиненъ и краснорѣчивъ и въ немъ онъ изложилъ и припомнилъ много разныхъ вещей, особенно привиллегій, то мы не можемъ всего этого запомнить, мы вѣдь люди холодныхъ странъ; мы естественно ко всему болѣе хладнокровны; потому, слѣдуя школьной пословицѣ—„книга вторая память“, просимъ дать намъ на бумагѣ рѣчь епископа, а также и самую запись на унію“. Ходкевичъ отозвался еще: „если мы вамъ подарены, то къ чему еще вамъ унія съ нами?“ Радзивиллъ продолжалъ: „насъ никто не можетъ подарить, потому что мы люди вольные и нашими вольностями и почестями, пріобрѣтенными у нашихъ государей доблестными заслугами предковъ, проливавшихъ кровь за отечество, можемъ сравниться со всякимъ другимъ народомъ. Господамъ полякамъ Литва дарила собакъ, жеребцовъ, маленькихъ жмудскихъ лошадей, а не насъ, свободныхъ, благородныхъ людей, и если бы кто пожелалъ отнять у насъ эту свободу и благородство, я того считалъ бы и называлъ тираномъ“. Затѣмъ литовцы удалились, сказавъ: „дадимъ вамъ отвѣтъ сегодня или въ какой-либо другой день“. Чрезъ два дня, 15 февраля, они прислали письменный отвѣтъ на рѣчь епископа и свой проектъ уніи въ слѣдующихъ пунктахъ: поляки и литовцы имѣютъ одного государя, который избирается на общемъ изъ равнаго числа поляковъ и литовцевъ сеймѣ, коронуется сперва въ Краковѣ, потомъ въ Вильнѣ, подтверждая при этомъ тамъ и здѣсь права каждаго государства; оба народа имѣютъ общіе сеймы, разъ въ Польшѣ, другой разъ въ Литвѣ, по очереди; но Литва и Польша имѣютъ и свои отдѣльные сеймы, свои сенаты, свои государственныя печати; сохраняется территоріальная отдѣльность Литвы, причемъ осѣдлость поляковъ въ Литвѣ допускается, но чины и должности въ Литвѣ сохраняются только при литовцахъ и т. д.

Литовскій проектъ уніи вызвалъ въ засѣданіи 16 февраля сильное раздраженіе. Холмскій подкоморій Сѣнинскій говорилъ о литовцахъ съ негодованіемъ и угрозами и просилъ сенаторовъ не уступать литовцамъ

На слѣдующій день, когда литовцы явились въ засѣданіе сената, краковскій епископъ въ рѣчи къ нимъ говорилъ уже гораздо рѣзче, чѣмъ когда-либо прежде, выразившись, между прочимъ, что проектъ литовцевъ ведетъ къ разрыву, а не къ уніи, что поляки и не очень нуждаются въ ней, что она нужнѣе литовцамъ и настойчиво спрашивалъ: хотятъ ли они наконецъ уніи? Литовцы обѣщали отвѣчать. Съ отвѣтомъ прибыли литовцы въ сенатъ 19 февраля. Отвѣтную рѣчь держалъ Ходкевичъ, и это была блестящая рѣчь. Сходная въ существѣ съ отвѣтомъ 15 февраля, рѣчь заключала болѣе обстоятельный обзоръ и характеристику прежнихъ привиллегій и въ частности и тѣхъ, какія поляки добывали себѣ помимо литовцевъ, начиная съ Городельскаго сейма [1]). Рѣчь заключалась рѣшительнымъ отказомъ заключить унію на основаніи старыхъ привиллегій. Совѣщанія прекратились теперь. Литовцы хотѣли занять короля отдѣльными дѣлами своего государства и представили о томъ свои просьбы королю, въ томъ числѣ просьбы о назначеніи въ Вильнѣ съѣзда депутатовъ для исправленія статута и о выправленіи границъ литовскаго княжества со стороны Польши, Мазовіи, Пруссіи и Ливоніи. На первую просьбу король согласился и срокомъ съѣзда назначилъ 4-ю недѣлю послѣ Пасхи въ томъ же 1569 г. На вторую просьбу отвѣчалъ, что отлагаетъ это дѣло до совмѣстнаго соглашенія съ панами и послами коронными, когда „начнется справа около уніи“ [2]). Эти и другіе отвѣты, данные 20 февраля, показываютъ, что въ данный моментъ король и самъ уже не зналъ, какъ быть и что будетъ „съ справою около уніи“. Онъ сталъ держать секретныя совѣщанія о томъ съ польскими сенаторами, отдѣльныя совѣщанія съ литовскими сенаторами. Но эти совѣщанія возбудили у польскихъ сеймовыхъ пословъ подозрѣнія къ королю и въ отвѣтъ на усиливающіяся налеганія ихъ онъ вынужденъ былъ давать обѣщанія, что не обманетъ ихъ, еще попробуетъ уговорить литовцевъ, и хотя сожалѣетъ, что сеймовые паны взваливаютъ на его плечи это тяжелое дѣло уніи, вмѣсто того, чтобы самимъ устроить, тѣмъ не менѣе, онъ истощитъ всѣ усилія для достиженія цѣли. Прошла цѣлая недѣля и литовцы не получали отвѣта на свой отзывъ, данный въ рѣчи Ходкевича 19 февраля. 26 февраля, въ субботу, литовцы явились къ королю, объяснили, почему не могли и не могутъ согласиться съ поляками по дѣлу уніи, и высказали надежду, что въ другое время, дастъ Богъ, легче будетъ устроить это дѣло, когда литовцы у себя на родинѣ сообщатъ своимъ братьямъ о томъ, что здѣсь слышали и получили на бумагѣ отъ поляковъ, посовѣтуются и установятъ съ своими

[1]) Особенно важно свидѣтельство Ходкевича о Городельскомъ актѣ 2 декабря 1413 г., какъ составленномъ поляками безъ участія литовцевъ.

[2]) Эти просьбы и отвѣты на нихъ, не упоминаемые въ „Дневникѣ“ сейма, помѣщены у Ярошевича (Obraz Litwy II, стр. 186–192).

братьями какое либо соглашеніе. Объяснивъ это, литовцы прибавили, что имъ болѣе не для чего оставаться въ Люблинѣ. Но король приказалъ имъ подождать до слѣдующаго дня. Литовцы послушались. Въ воскресенье 27 февраля литовцы сперва утромъ, потомъ вечеромъ посылали къ королю депутатовъ, но они не были допущены къ нему. У короля и поляковъ уже составился тайный планъ завлечь литовцевъ въ унію силою или обманомъ. Еще съ начала прошлой недѣли король то самъ, то чрезъ сенаторовъ напоминалъ польскимъ сеймовымъ панамъ, чтобы сеймовыя совѣщанія ихъ велись тайно, чтобы въ засѣданія сейма не были допускаемы постороннія лица и сами члены сейма не выносили за порогъ того, что говорится въ засѣданіяхъ. Секретничали и сами сенаторы. Къ понедѣльнику 28 февраля приготовлялась рѣшительная атака на литовцевъ и русскихъ. Еще въ субботу король обѣщалъ, что прикажетъ литовцамъ непремѣнно явиться въ засѣданіе сейма 28 февраля. Для засѣданія приготовлена краковскимъ епископомъ рѣчь, въ которой унія объявлялась какъ дѣло утвержденное старыми привиллегіями, съ выраженіемъ изумленія, что литовцы отказываются отъ нея и съ просьбою къ королю въ этомъ самомъ засѣданіи подтвердить ее въ формѣ деклараціи, какъ дѣло состоявшееся. Рѣчь разсмотрѣна и одобрена сенаторами и послами. Споръ возникъ было только о томъ, упоминать ли въ рѣчи о Волыни. Одни требовали упоминать, замѣчая, что Волынь для Польши важнѣе самой Литвы; другіе совѣтовали не упоминать, чтобы Литва не догадалась, что Польша хочетъ взять себѣ Волынь. Положили не упоминать о Волыни и весь замыселъ держать въ секретѣ, чтобы не провѣдали о томъ литовцы. Въ понедѣльникъ польскіе сенаторы и послы рано собрались въ засѣданіе сейма. Литовцы не являлись. Отъ сейма послали напомнить королю субботнее обѣщаніе. Король отвѣчалъ, что уже два раза посылалъ за литовцами; пошлетъ въ третій разъ и затѣмъ поручилъ маршалу послать двухъ-трехъ польскихъ сенаторовъ къ важнѣйшимъ литовскимъ и каждаго отдѣльно просить прибыть въ засѣданіе сейма. Два польскіе сенатора поѣхали приглашать. Отъ Радзивилла получили отвѣтъ, что „къ королю радъ ѣхать, но ѣхать для дѣла уніи уже поздно; нѣтъ другихъ литовскихъ сенаторовъ, къ польскимъ сенаторамъ не поѣдемъ“. Ходкевичъ отвѣчалъ: „къ королю поѣду, къ польскимъ сенаторамъ нѣтъ“. Князь Острожскій отвѣчалъ: „*поѣдемъ*, но сегодня не можемъ собраться, потому что наши послы стоятъ по деревнямъ“. Но затѣмъ литовскіе сенаторы согласились прибыть въ замокъ завтра, 1 марта. Пока происходили эти разъѣзды и приглашенія, польскіе сенаторы и послы съ досадою ожидали вѣстей, тѣмъ болѣе, что, какъ стало извѣстно, еще въ воскресенье нѣкоторые литовскіе послы уѣхали, другіе собирались въ дорогу. Зарядъ, приготовленный на засѣданіе, приходилось отложить на завтра. Но безпо-

коились и литовскіе сенаторы. Въ бывшихъ приглашеніяхъ въ засѣданіе, по условію о секретѣ, имъ не объясняли, что именно будетъ въ засѣданіи. Они рѣшились еще сегодня узнать о томъ отъ короля и сенаторовъ и поѣхали въ замокъ. На мосту предъ замкомъ они встрѣтили двухъ польскихъ сенаторовъ, которые сказали, что польскій сенатъ уже разошелся, но болѣе ничего не объяснили. Это огорчило литовскихъ сенаторовъ, уже догадывавшихся о замыслѣ поляковъ. Они возвратились домой, но вечеромъ послѣ ужина литовскіе сенаторы еще разъ пріѣзжали къ королю, а именно Радзивиллъ, Ходкевичъ, Воловичъ. Тутъ они застали двухъ польскихъ сенаторовъ, бывшихъ у нихъ съ приглашеніемъ на засѣданіе и уже сказавшихъ королю, что литовцы будутъ въ замкѣ завтра. Литовцы просили короля говорить съ ними не въ присутствіи польскихъ сенаторовъ. Король не согласился. Къ сожалѣнію, гордый Радзивиллъ въ такую критическую минуту повелъ рѣчь предъ королемъ о своемъ правѣ на первенство голоса въ сенатѣ предъ Слуцкимъ княземъ и вообще объ обидахъ дому Радзивилловъ. Воловичъ защищалъ права отсутствующаго Слуцкаго князя. Король отвѣчалъ Радзивиллу: „вѣдь завтра ваша милость будетъ въ сенатѣ и тамъ съ польскими сенаторами обсудится ваше дѣло. Но съ чѣмъ собственно теперь пріѣхали вы, гг. сенаторы“? Радзивиллъ и Ходкевичъ высказали прежде всего сожалѣніе, что литовцевъ приглашали въ нынѣшнее засѣданіе чрезъ польскаго, а не литовскаго маршала, что, однако же, пріѣхавъ къ королю, какъ покорные слуги, они хотѣли бы знать, зачѣмъ звали ихъ въ засѣданіе, что до нихъ дошли слухи, будто въ засѣданіи предполагалось дѣлать какія-то деклараціи объ уніи, которыхъ они и слышать не хотятъ, и будто бы даже литовцевъ хотятъ забирать силою по домамъ и тащить въ засѣданіе. „Если бы дошло до того, прибавилъ смѣлый Ходкевичъ, то и мы будемъ защищаться силою въ своихъ домахъ“. Послѣдній слухъ король назвалъ ложнымъ, но о деклараціи промолчалъ, сказавъ только: „Богъ дастъ устроится между вами дѣло такъ, что всѣ будемъ рады“. Такой отвѣтъ не могъ успокоить литовскихъ сенаторовъ, увидѣвшихъ, что король всецѣло въ стачкѣ съ поляками. Еще разъ напомнивъ королю о своихъ правахъ, о безцѣльности съѣзда при томъ положеніи, до какого дошло дѣло, они съ тяжелымъ чувствомъ ушли отъ него и одни ночью, другіе утромъ 1-го марта уѣхали изъ Люблина. Предъ отъѣздомъ они поручили литовскимъ подканцлеру Воловичу и подскарбію Нарушевичу извиниться за нихъ предъ королемъ, объясниться предъ польскими сенаторами о причинахъ отъѣзда.

Отъѣздъ съ сейма едва ли не былъ политическою ошибкою со стороны литовско-русскихъ представителей. Онъ оставлялъ дѣло уніи въ рукахъ поляковъ и возможность для нихъ вести его по частямъ давленіемъ на отдѣльныхъ лицъ, на отдѣльныя группы.

Биб-іотека Прагской ... Гимназіи

1-го марта собрались въ своихъ палатахъ сенаторы и послы. Послѣднимъ сообщено отъ короля, что литовцы уѣхали и король сожалѣетъ о томъ. Послы единогласно постановили идти къ королю и сенаторамъ и первому напомнить его обязанности, а послѣднихъ просить, чтобы въ присутствіи пословъ давали мнѣнія о томъ, что дѣлать далѣе. Пошли въ сенатъ, куда прибылъ и король. Извѣстный уже намъ Сѣнинскій въ рѣчи къ королю и сенаторамъ, послѣ рѣзкаго осужденія литовцевъ, просилъ не отдавать дѣла сейма на посмѣяніе и вести его до конца. Король чрезъ канцлера отвѣчалъ, что литовцы позволили себѣ неприличіе, уѣхали мятежническимъ образомъ, даже не попрощавшись, что, не смотря на это, онъ доведетъ унію до конца: „только вы, гг. сенаторы и послы, давайте совѣты мнѣ“. Сенаторы обѣщали дѣйствовать согласно съ послами и вскорѣ затѣмъ предложили пункты противъ отъѣхавшихъ литовцевъ о томъ, чтобы съ ними поступить, какъ съ непокорными, какъ мятежниками, уничтожить всѣ старыя отдѣльныя литовскія привиллегіи, объявить королевскимъ указомъ принадлежащими Польшѣ Волынь и Подлѣсье и отнынѣ же всѣ дѣла ихъ вѣдать въ Польшѣ и по польскимъ законамъ, и за польскою печатью; тѣхъ волынцевъ и подлѣсянъ, которые покорятся указу, освободить *отъ экзекуціи*, противящихся же лишить этой милости [1]), разослать по Литвѣ универсалъ о всемъ происходившемъ на сеймѣ, чтобы-де Литва не клеветала на сеймъ, пригласить находящихся еще въ Люблинѣ волынянъ и подлѣсянъ явиться въ засѣданіе; созвать на Волыни и Подлѣсьи сеймики, съ которыхъ должны прибыть на сеймъ тамошніе сенаторы и послы, старостъ и урядниковъ волынскихъ и подлѣсскихъ обязать принесть присягу королю и королевству подъ опасеніемъ лишенія должностей и почестей; привлечь татаръ на сторону Польши, чтобы Литва не призвала ихъ противъ Польши, назначить гетмана и обезопасить границы; обдумать мѣры къ безопасности короля, когда онъ поѣдетъ въ Литву, а также средства къ удержанію его здѣсь на сеймѣ (т. е. къ содержанію его). Съ своей стороны, король, какъ будто запуганный, свидѣтельствовался Богомъ, что онъ прилагалъ все усердіе къ дѣлу уніи, обѣщалъ исполнить все, что ему предлагаютъ и еще посовѣтуютъ и ничего не пощадить, чтобы безъ всякаго послабленія привести унію до конца. Онъ объявилъ затѣмъ, что отдаетъ Польшѣ Волынь и Подлѣсье, что и теперь вторично даритъ ей свое Литовское княжество, даже свои частныя имѣнія въ Литвѣ, какъ наслѣдственныя, такъ и благопріобрѣтенныя, сохраняя ихъ только лично и пожизненно при себѣ, просилъ только помнить о его потомствѣ и выражалъ надежду, что поляки будутъ ему за все это благодарны.

[1]) О значеніи экзекуціи мы упоминали въ замѣткѣ о Петриковскомъ сеймѣ 1562—63 гг.

Такъ сурово ставилось дѣло литовское въ свободолюбивой Польшѣ. Но замѣчательно, что эти пункты показались то въ томъ, то въ другомъ отношеніи недостаточными при обсужденіи ихъ въ посольскомъ собраніи 2 марта. Нѣкоторые изъ пословъ, представителей шляхетской демократіи, требовали болѣе суровыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, особенно Сѣнинскій, выразившись о литовцахъ, что „эти лицемѣрные друзья хуже для насъ самыхъ открытыхъ враговъ“, а по поводу предложенія благодарить короля за согласіе на сенатскіе пункты и за его обѣщанія замѣтилъ, что пока не за что благодарить короля, ибо онъ возвращаетъ Польшѣ лишь то, что ей принадлежало, да и самое дѣло уніи еще не кончено. Принято, однако же, благодарить, но съ этою благодарностью послы 3 марта представили королю свои пункты противъ литовцевъ, гдѣ, сверхъ сенатскихъ пунктовъ, предлагается, между прочимъ, еще потребовать отъ короля указа *контумаціи* [1]) на литовцевъ, привесть унію къ концу въ *тотъ* или *безъ тои*, т. е. силою закона или мечемъ и стараться между Польшей и Литвою вопросы объ уніи порѣшить указомъ о ней короля въ пользу Польши; увеличить льготы волынянамъ и подлѣсянамъ для привлеченія ихъ къ уніи, принять болѣе рѣшительныя мѣры къ военной охранѣ въ Литвѣ не только короля, но и тѣхъ литовцевъ, которые согласятся на унію. Король чрезъканцлера далъ отвѣты, согласные съ мнѣніемъ пословъ и только чрезъ епископа краковскаго уговаривалъ не настаивать на нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ напр., не требовать указа о приведеніи уніи въ дѣйствіе силою королевской власти и указа о контумаціи, а подумать о средствахъ, т. е. деньгахъ, нужныхъ для дѣла, когда-бы королю пришлось ѣхать въ Литву приводить унію въ дѣйствіе.

Съ слѣдующаго дня 4 марта обсуждались или принимались мѣры къ осуществленію упомянутыхъ пунктовъ. По вопросу о средствахъ на войско, нужное для охраны короля на случай поѣздки его въ Литву и вообще войны съ Литвою, одни соглашались на *экзекуцію*, другіе устранялись отъ нея, говоря, что она неразлучна съ дѣломъ уніи, которая еще не существуетъ и можетъ даже погибнуть, и предлагали „посполитое рушенье“, а иные налегали на средства самаго короля. Согласно порѣшили только вопросъ о скорѣйшемъ исполненіи пункта о присоединеніи Подлѣсья и Волыни, начавъ съ Подлѣсья. 5 марта дѣйствительно состоялось *присоединеніе Подлѣсья*. Съ подлѣсянъ начали, конечно, потому что они были слабѣе числомъ и силою, имѣли при томъ какіе-то счеты съ литовцами, какъ будто тяготились ихъ преобладаніемъ и соблазнялись вольностями сосѣдней польской шляхты [2]).

[1]) Контумаціею называлось заочное постановленіе противъ лицъ *непокорныхъ мятежныхъ*, неявившихся на судъ или для извѣстнаго дѣла, или самовольно уклонившихся отъ него до окончанія суда и дѣла.

[2]) Жалобы подлѣсянъ на притѣсненіе отъ литовскихъ пановъ упоминаются въ нѣсколькихъ мѣстахъ „Дневника“. (Стр. 180, 182, 184, 186—7, 274).

Просьбу или вѣрнѣе постановленіе о присоединеніи Подлѣсья приносятъ королю именно послы во главѣ съ маршаломъ Чарнковскимъ. Король, уже, впрочемъ, рѣшившій для себя этотъ вопросъ, спросилъ только, согласны ли послы принять подъ свою защиту подлѣсянъ, которымъ, по ихъ словамъ, угрожаютъ литовцы? Послы, посовѣщавшись въ своей палатѣ, заявили готовность защищать подлѣсянъ, какъ братій, не щадя имущества и жизни. Отъ короля дано подлѣсянамъ приказаніе явиться въ засѣданіе сейма. Нашлось ихъ въ Люблинѣ всего *три*: Косинскій, подлѣсскій маршалъ и дрогичинскій писарь, Буйно, дрогичинскій хорунжій и брянскій подстароста и Касперъ Ижиковичъ, дрогичинскій и мельницкій подкоморій. Прочіе уѣхали всѣ, бѣжа отъ присоединенія. Уѣхалъ было и Ижиковичъ, но его догнали и воротили. Предъ этими-то тремя подлѣсянами, между коими не было ни одного сенатора, вообще знатнаго, говорились пышныя рѣчи, изъ коихъ рѣчь Чарнковскаго начиналась словами: „сей день, его же сотвори Господь!“ Въ рѣчахъ объявлялось о присоединеніи, обѣщалась защита, а въ частныхъ разговорахъ утѣшали подлѣсянъ и другими обѣщаніями, особенно свободою отъ экзекуцій. Въ то же время назначено отъ короля содержаніе этимъ подлѣсянамъ на время пребыванія ихъ въ Люблинѣ, такъ какъ они, выступивъ изъ данныхъ имъ избирателями полномочій, уже не могли получать содержанія отъ нихъ. Эти-то три подлѣсянина согласились засѣсть въ польскомъ сеймѣ, признавая тѣмъ присоединеніе, о которомъ, между тѣмъ, уже готовъ былъ королевскій универсалъ, готова и привиллегія на присоединеніе, еще ими и не читанныя. По просьбѣ подлѣсянъ читана была копія универсала о присоединеніи Подлѣсья, въ послѣдующихъ засѣданіяхъ копія привиллегіи. Привиллегія и универсалъ еще не одинъ разъ разсматривались, редактировались въ послѣдующихъ засѣданіяхъ уже при участіи и подлѣсянъ прежнихъ, и вновь прибывшихъ, которые все-таки домогались удержать нѣкоторую независимость отъ поляковъ и ихъ сейма, требуя, напр., чтобы должности въ Подлѣсьи давались только подлѣсянамъ и чтобы апелляція отъ судовъ шли не къ сейму, а къ королю, на что польскіе послы не согласились. Привиллегія, хотя и позже получившая окончательную редакцію, датована была, однако же, отъ 5-го марта, когда признано состоявшимся присоединеніе Подлѣсья. Въ привиллегіи говорится, что подлѣсская земля принадлежала Польшѣ извѣчно еще до Ягайлы, при немъ и при Владиславѣ Варненскомъ, но что Казиміръ Ягайловичъ, потому что одинъ властвовалъ надъ Польшей и Литвой, оторвалъ Подлѣсье отъ польской Мазовіи, хотя польскіе чины противились тому и потомъ всегда домогались отъ государей возвратить ее Польшѣ. Теперь по волѣ сейма и по волѣ *пословъ отъ всѣхъ чиновъ Подлѣсской земли* король возвращаетъ ее къ Польшѣ, какъ членъ къ своему настоящему тѣлу и истинной гла-

вѣ [1]). Являя милость свою возвращаемой землѣ, король освождаетъ ее отъ разныхъ податей, поборовъ, таможенныхъ пошлинъ и проч., приравнивая въ этомъ подлѣсянъ къ другимъ обывателямъ польской короны, освобождаетъ даже отъ постановленій объ экзекуціи, обезпечиваетъ для подлѣсянъ всѣ поземельныя наданья, владѣнія, имѣнія, права осѣдлости, всѣ привиллегіи и проч., установляетъ земскіе суды съ апелляціей къ вальному сейму коронному и къ великимъ судамъ воеводскимъ, имѣющимъ отправляться ежегодно; сенаторамъ и посламъ подлѣсскимъ даетъ мѣсто на сеймахъ; всѣ должности въ землѣ Подлѣсской обѣщаетъ давать природнымъ подлѣсянамъ и вообще не уменьшать этихъ должностей и почестей, а прибавлять. Всѣмъ сановникамъ, чинамъ и старостамъ Подлѣсской земли приказывается поэтому въ назначенные дни явиться предъ королемъ для принесенія присяги коронѣ польской, а подстаростамъ учинить присягу на мѣстѣ, подъ угрозою отнятія должностей и отдачи ихъ другимъ. Послѣ 5 марта подготовлялось принесеніе присяги подлѣсянами польской коронѣ. Естественно было начать съ подлѣсянскихъ пословъ и должностныхъ лицъ, которыхъ легче было принудить къ тому угрозою отнятія должностей. Польскіе послы не переставали напоминать о томъ королю и по его приказанію подлѣсяне 9 марта явились на сеймъ и вошли въ собраніе посольской палаты. Ихъ было всего пять: упомянутые уже Косинскій, Буйно, Ижиковичъ, и Матишекъ, писарь и староста мельницкій, и Дульскій, староста журавскій и брянскій. Не сразу согласились они на присягу. Отъ имени товарищей Косинскій просилъ польскихъ пословъ *не принуждать* ихъ къ присягѣ, пока имъ не будетъ обезпечена защита и свобода, потому что, говорилъ онъ, „наша жизнь и наши имѣнія въ опасности отъ литовскихъ сенаторовъ“. Отъ имени польскихъ пословъ маршалъ ихъ Чарнковскій витіевато увѣрялъ подлѣсянъ, что „никто никогда не ошибался въ польскомъ народѣ, который со славою всегда защищалъ свои земли и своихъ братьевъ. Если бы кто замышлялъ противъ васъ коварство, то мы будемъ защищать васъ нашею кровью и нашимъ достояніемъ“. Затѣмъ всѣ пошли наверхъ въ сенатскую залу, гдѣ былъ и король. Онъ повторилъ подлѣсянамъ увѣреніе въ защитѣ ихъ, и началась присяга. Безъ отговоровъ присягнули только Косинскій и Буйно. Ижиковичъ, тотъ самый, который хотѣлъ было убѣжать 5 марта, но вороченъ съ дороги, сталъ и теперь отговариваться отъ присяги, пока не пріѣдутъ другіе подлѣсяне, но, замѣчается въ „Дневникѣ“ сейма, „отговорка не помогла, ему *приказано* было присягать, и онъ присягнулъ“. Присягали на евангеліи, на которое положенъ былъ крестъ гнѣзненскаго архіепископа съ цѣпочкой. Еще до-

[1]) Выраженіе отъ всѣхъ чиновъ Подлѣской земли также лживо, какъ и увѣреніе о былой принадлежности Подлѣсья къ польской Мазовіи. Ни одинъ изъ высшихъ чиновъ Подлѣсской земли еще не принималъ уніи и не присягалъ на нее.

лѣе сопротивлялся Матишекъ. Въ сильной и умной рѣчи къ королю онъ напоминалъ ему свою вѣрную службу и присягу, которую онъ уже приносилъ ему, какъ литовскому государю и своему литовскому государству и притомъ дважды, разъ вступая въ должность писаря, другой разъ, принимая староство; новую присягу онъ считалъ оскорбленіемъ совѣсти, ссылался на то, что онъ не принадлежитъ къ посламъ, которые обязаны присягать, а держитъ только мельницкое староство, за которое далъ королю немалую сумму денегъ, когда годъ тому назадъ король ѣздилъ къ войскамъ. Именемъ Бога умолялъ Матишекъ не принуждать его къ присягѣ. Тогда польскій маршалъ Чарнковскій въ рѣчи къ королю гордо заявилъ, что „намъ важна не личность г. Матишка; если онъ не хочетъ быть съ нами за одно, то на его мѣсто долженъ быть другой староста“. Посовѣщавшись съ сенаторами, король сказалъ Матишку, что оставляетъ его при его совѣсти и не нудитъ къ присягѣ, но отнимаетъ у него староство. Матишекъ сталъ опять просить, но канцлеръ Дембинскій не давалъ ему говорить, сказавъ: „пойдешь-ли ты?“ и въ другой разъ: „иди же!“ Матишекъ рѣшился лучше принести присягу и остаться при старостве. Послѣ этого изъявилъ готовность принести присягу и Дульскій. Дѣло съ присягой Ижиковича и Матишка весьма выразительно для характеристики всего дѣла уніи на Люблинскомъ сеймѣ. Принужденіе, угрозы лишенія должностей и имѣній—вотъ главные или болѣе сильные способы, которыми велось это дѣло съ начала до конца. Еще интереснѣе дѣло съ присягой Евстафія Воловича. Это былъ видный сановникъ, много лѣтъ бывшій при королѣ литовскомъ писаремъ, а теперь подканцлеромъ литовскимъ. Послѣ выѣзда литовскихъ сенаторовъ онъ остался въ Люблинѣ, какъ по своей должности, такъ особенно для того, чтобы слѣдить за ходомъ дѣла объ уніи и предупреждать литовцевъ. Онъ же считался подлѣсяниномъ, какъ державецъ трехъ староствъ Ломазъ, Гадынца и Воина, которыя, въ качествѣ государевыхъ имѣній, принадлежали къ замку г. Бреста. Поляки сочли ихъ принадлежащими къ Подлѣсью, теперь уже присоединенному къ Польшѣ, и на этомъ основали свое требованіе присяги отъ Воловича. Такое требованіе стали заявлять именно сеймовые послы: уже въ прежнихъ засѣданіяхъ они не разъ заговаривали объ этомъ, а теперь, когда добились присяги отъ нѣсколькихъ подлѣсянъ, рѣшительные принялись и за Воловича. Сенаторы, впереди ихъ краковскій епископъ и самъ король готовы были не принуждать Воловича къ присягѣ, изъ уваженія къ его заслугамъ и къ высокому положенію его, какъ литовскаго сенатора, насиліе надъ которымъ можетъ вызвать еще большее раздраженіе среди знатныхъ литовцевъ. Но подобныя принужденія со стороны польскихъ сенаторовъ и короля не остановили сеймовыхъ пословъ; они стали еще упорнѣе въ своемъ требованіи, задавшись мыслію осилить и оспорить знатнаго

литовско-русскаго представителя, чтобы сразу подорвать его вліяніе и въ Литвѣ. Въ нѣсколькихъ рѣчахъ, произнесенныхъ ораторами посольской части сейма, высказано было, между прочимъ, что на Воловича смотрятъ и другіе литовцы, смотритъ вся Литва, что если онъ присягнетъ, то за нимъ присягнутъ и многіе другіе, что, напротивъ, освобожденіе или отказъ его отъ присяги поощритъ и другихъ къ тому же, что съ освобожденіемъ Воловича отъ присяги окажется какъ бы несправедливою и даже тайною и та присяга, которая уже принесена нѣсколькими изъ незнакомыхъ подлѣсянъ. „Выйдетъ, замѣтилъ въ своей рѣчи холмскій сеймовый посолъ Сѣницкій, по пословицѣ: „муха увязла въ паутинѣ, а оводъ пробился“. Богъ отомстилъ бы намъ за присягу другихъ, если бы о томъ не просилъ“. Подъ вліяніемъ такихъ рѣчей сеймовыхъ пословъ на ихъ сторону стали склоняться одинъ за другимъ и польскіе сенаторы, склонился, наконецъ, и самъ король, и въ засѣданіи 9-го марта маршалъ королевства объявилъ посламъ: „его величество приказалъ мнѣ объявить Евстафію Воловичу, чтобы завтра явился сюда“. 10-го марта открылось общее собраніе сейма, въ присутствіи короля и всѣ настроены были видѣть нѣчто необыкновенное. Прежде всего канцлеръ отъ имени короля убѣждалъ сеймовыхъ пословъ держать себя прилично и во время предстоящихъ переговоровъ съ Воловичемъ и оказывать уваженіе къ такому важному литовскому сановнику. Посольскій маршалъ обѣщалъ это отъ именн пословъ, заключивъ свою рѣчь о томъ энергическимъ увѣреніемъ: „если будутъ здѣсь какія либо бесѣды, то, ей-ей, онѣ будутъ приличны, и мы будемъ держать себя прилично, какъ слѣдуетъ держать себя предъ престоломъ вашего величества“. Затѣмъ, именемъ короля приглашенъ въ собраніе Воловичъ, уже находившійся въ сосѣдней королевской залѣ. Канцлеръ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Любезный г. подканцлеръ великаго княжества Литовскаго! По желанію гг. сеймовыхъ пословъ и по настоянію гг. сенаторовъ королевства его величество изволилъ приказать вамъ явиться сюда и исполнить свой долгъ, т. е. принести присягу королю и королевству въ качествѣ державца тѣхъ подлѣсскихъ староствъ, которыя вы имѣете отъ его величества, т. е. въ качествѣ старосты Ломазъ, Годынца и Воина, подобно тому, какъ это сдѣлали другіе державцы староствъ“. Воловичъ отвѣчалъ рѣчью къ самому королю: „Свѣтлѣйшій, милостивый король! Во все то время, какъ я служу вашему величеству, т. е. съ юныхъ моихъ лѣтъ, вы никогда не обманывались во мнѣ, потому что я всегда поступалъ такъ, какъ слѣдуетъ поступать вѣрному подданному и слугѣ вашего величества. Свѣтлѣйшій, милостивый государь! Вашему величеству хорошо извѣстно, что я приносилъ присягу великому княжеству Литовскому: какъ же мнѣ приносить другую присягу королевству? Прежде чѣмъ принуждать меня къ этой присягѣ благоволите ваше величество

доказать, почему бы этимъ староствамъ слѣдовало принадлежать къ королевству, а не къ великому княжеству Литовскому; до сихъ поръ они принадлежали Литвѣ, и я держу ихъ, какъ земли, принадлежащія къ главному въ той странѣ замку—Брестью. Притомъ я остался здѣсь одинъ; самъ я безъ другихъ никому ничего (изъ литовскихъ владѣній) не могу отдавать въ собственность. Надѣюсь, что ваше величество, какъ христіанскій государь, не будете принуждать меня къ тому, что противно моей совѣсти“. Почтительный и мужественный отвѣтъ Воловича выслушанъ сдержанно. Именемъ короля ему сказано удалиться въ другую залу. Послѣ нѣкотораго совѣщанія, подъ вліяніемъ все тѣхъ же сеймовыхъ пословъ, рѣшено заговорить съ Воловичемъ, хотя и вѣжливо, но уже съ угрозою. Опять пригласили его въ собраніе и канцлеръ Дембинскій отъ имени короля сказалъ ему такъ: „Любезный подканцлеръ! Его величество, милостивый государь нашъ, выслушавъ ваше объясненіе, именно то, что вы присягали его величеству по Литовскому княжеству и въ частности, что вы присягали ему, какъ староста Брестскаго замка, находитъ, что отъ васъ и не требуется вторичная присяга въ этомъ смыслѣ, но требуется она отъ васъ только какъ отъ державца поименованныхъ мѣстъ—Ломазъ, Гадынца и Воина, которыя принадлежатъ къ Польскому королевству. И такъ какъ его величество, какъ и вы, бережетъ въ этомъ случаѣ свою совѣсть, потому что обязанъ соблюдать всѣ привиллегіи, которыя утвердилъ своею присягою, наконецъ, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ споръ возникаетъ касательно Подлѣсья только съ вами, почтенный сенаторъ, а не со всѣми литовцами, то его величеству угодно, чтобы вы исполнили свой долгъ, если хотите быть владѣтелемъ этихъ имѣній“. Послѣднія угрожающія слова не могли не смутить Воловича, но онъ не потерялъ мужества и отвѣчалъ слѣдующею рѣчью къ королю: „Свѣтлѣйшій, милостивый король! Всегда я остерегался, чтобы вы, мой государь, *не входили въ судъ со мною*. Я вовсе не пришелъ сюда на судъ и не можетъ здѣсь быть произнесенъ надо мною никакой приговоръ. Пришелъ я сюда потому, что вы, ваше величество, Божій помазанникъ, такъ приказали. Какъ вѣрноподданный, я обязанъ былъ исполнить вашу волю и явиться сюда. Слышу, что здѣсь упоминаютъ землю подлѣсскую. Въ этой землѣ мнѣ даны староства по особенной милости вашего величества за честную службу мою, за то, что я отразилъ жестокаго врага вашего. Прошу ваше величество не входить со мною въ судъ, потому что я не призванъ сюда на судъ именемъ закона. Прошу васъ, помазанникъ Божій, отпустить меня отсюда съ доброю мыслію. Что же касается Подлѣсья, то прошу, ваше величество, оставить открытымъ другое ухо тому государству (т. е. Литовскому) и дать мнѣ время извѣстить о томъ другихъ моихъ братьевъ. Нужно еще удостовѣриться, принадлежатъ ли тѣ земли къ Подлѣсью и къ поль-

скому королевству, ибо доселѣ мы этого не знали". Въ рѣчи своей Воловичъ защищалъ и отъѣздъ литовцевъ. Воловичу отвѣчали дѣйствительно вѣжливо, но за вѣжливыми отвѣтами канцлеръ отъ имени короля объявилъ ему, что въ случаѣ несогласія на присягу подлѣсскія староства будутъ отняты у него и отданы другимъ. Воловичъ отказался принести присягу. На это отъ имени короля отвѣчали Воловичу уже коротко: „по совѣщаніи съ гг. сенаторами, его величество уже удостовѣрился, что тѣ земли издавна принадлежатъ къ королевству, потому извольте исполнить долгъ, какъ рѣшено уже прежде". Воловичъ просилъ дать ему время подумать о столь важномъ и трудномъ дѣлѣ и пока не принуждать его къ присягѣ, о которой онъ думаетъ, что не долженъ приносить ее. По совѣщаніи короля съ сенаторами, Воловичу объявлено уже рѣшительно, что если онъ не принесетъ присяги, то король возьметъ себѣ его староства и распорядится ими по своему усмотрѣнію. Но и Воловичъ отвѣчалъ съ прежнимъ мужествомъ, обращалъ рѣчь къ самому королю и заключилъ ее словами: „дѣлайте, ваше величество, со мною, что вамъ угодно, но присягать я не могу!" Воловичу приказали удалиться, а по выходѣ его сенаторы и сеймовые послы поспѣшили благодарить короля за твердость или, вѣрнѣе сказать, за угодливость сеймовому собранію въ дѣлѣ его съ Воловичемъ. Тѣмъ не менѣе, дѣло это, въ которомъ одинъ литовскорусскій представитель имѣлъ мужество не поддаваться ни на вѣжливыя слова, ни на угрозы цѣлаго сеймоваго собранія, не могло не потревожить поляковъ. Какъ эпизодъ подлѣсскаго дѣла, въ сущности неудачный, оно внушало опасеніе если не за исходъ всего этого дѣла, то по крайней мѣрѣ за легкость удачи въ немъ. Поэтому дѣломъ подлѣсянъ и Воловича настойчиво занимались въ слѣдующихъ собраніяхъ сейма. Послы не одинъ разъ напоминали королю, чтобы отнялъ у Воловича подлѣсскія староства, запретилъ ему, какъ литовскому подканцлеру, употреблять литовскую печать по дѣламъ Подлѣсья и, вообще, изъять дѣла Подлѣсья и Волыни изъ литовской канцеляріи. Это и дѣлалось исподоволь. Малодушные страхи присягнувшихъ на унію подлѣсянъ, просившихъ защиты отъ грозившихъ будто бы имъ литовскихъ сенаторовъ, и затѣмъ слухи о грамотахъ литовскихъ сенаторовъ на Волынь и Подлѣсье съ призывомъ къ войнѣ ускорили изданіе королевскаго универсала отъ 12 марта, для разсылки на Подлѣсье и Волынь. Здѣсь послѣ порицанія прежняго отъѣзда съ сейма, подлѣсяне призывались явиться на него опять къ воскресенью пятой недѣли поста для принесенія присяги, подъ угрозою сенаторамъ лишенія сенаторствъ, старостамъ — старостъ и т. д. Между тѣмъ выправлялась привиллегія о присоединеніи Подлѣсья, обсуждались мѣры защиты подлѣсянъ, которые продолжали высказываться съ своими страхами въ такой мѣрѣ, что нѣкто Гинча, лосицкій староста изъ Подлѣсья, просилъ защиты отъ могущаго угрожать ему сосѣда по имѣнію Ходкевича, и только подъ этимъ условіемъ соглашался принесть присягу; привлекались между тѣмъ прибывавшіе по призыву короля подлѣсяне, о несогласныхъ на присягу послы продолжали настаивать, чтобы король отнималъ у нихъ должности и имѣнія. Къ 27 марта подлѣсское дѣло значительно подвинулось, окончательно принята привиллегія на присоединеніе, объявлены присоединенными, будто бы по собственной просьбѣ, подлѣсскіе города Бѣльскъ и Брянскъ, но все еще не всѣ подлѣсяне прибыли на сеймъ ни къ этому сроку, ни къ 3-му апрѣля, такъ что о мѣрахъ противъ нихъ разсуждали еще и потомъ.

Когда съ первыхъ дней марта принялись за присоединеніе Подлѣсья, то предполагали одновременно вести дѣло и о присоединеніи Волыни. Надѣялись особенно на кіевскаго воеводу Константина Острожскаго, который не уѣхалъ въ слѣдъ за литовскими сенаторами и оставался въ Люблинѣ еще нѣсколько дней. Какъ маршалъ волынскій и староста владимірскій, какъ первый вельможа своего края, онъ естественно долженъ былъ имѣть первенствующую роль въ вопросѣ о Волыни. Послѣ объявленія извѣстныхъ намъ пунктовъ объ уніи и противъ литовцевъ (1 и 2 марта), король приглашалъ Острожскаго въ засѣданіе польскаго сената. Князь отвѣтилъ: „для уніи идти въ сенатъ не имѣю власти, но самъ лично, какъ покорный подданный, буду". Но 4 марта прислалъ королю извѣстіе, что не можетъ быть по болѣзни, потому что его схватила лихорадка. Тогда же открылось, что въ Люблинѣ не осталось ни одного посла изъ Волыни; всѣ уѣхали. 6 марта уѣхалъ и Острожскій, написавъ маршалу королевства, что уѣзжаетъ по настоятельной надобности, но уѣзжаетъ недалеко—къ Тарнову, и если его величество дастъ ему знать, чтобы пріѣхалъ, то онъ пріѣдетъ непремѣнно. Король сообщилъ о томъ посламъ. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ собраніи сейма 7 марта послы выразились предъ королемъ: „великое безпокойство возбуждаетъ въ насъ отъѣздъ воеводы кіевскаго, самаго великаго сановника волынскаго". Дѣлались, какъ кажется, намеки, чтобы послать за нимъ. Но изъ среды сената всталъ и обратился къ королю каштелянъ краковскій Мѣлецкій: „Свѣтлѣйшій, милостивый король! г. воевода кіевскій уѣхалъ не по другой какой-либо причинѣ, а потому, что нездоровъ, но онъ на все согласится, исполнитъ свою обязанность и пріѣдетъ, когда вашему величеству угодно будетъ извѣстить его. Онъ будетъ въ Тарновѣ, не дальше". Это было личнымъ со стороны Мѣлецкаго увѣреніемъ о томъ, что писалъ Острожскій маршалу. Вѣроятно, была доля правды и въ томъ добавочномъ увѣреніи, что Острожскій „согласится на все". Неявка въ сенатъ, а потомъ отъѣздъ Острожскаго, отъѣздъ и всѣхъ волынянъ, заставили сеймъ, думавшій одновременно вести дѣло о присоединеніи Подлѣсья и Волыни, налечь прежде на Подлѣсье. Но не оставлялась и Волынь.

12 марта, когда изданъ былъ универсалъ о Подлѣсьѣ, изданъ былъ универсалъ и о Волыни, призывавшій волынцевъ на сеймъ къ вербному воскресенію 3 апрѣля. Затѣмъ, въ видѣ подготовки дѣла присоединенія Волыни, сеймъ въ разныхъ засѣданіяхъ слѣдующихъ дней обсуждалъ проектъ привиллегіи на присоединеніе Волыни, мѣры о защитѣ ея, какъ и Подлѣсья, отъ литовцевъ и т. д. Все это дѣлалось безъ волынянъ, которые въ частности и не думали просить о защитѣ ихъ отъ Литвы, которой имъ не приходилось бояться столько, сколько боялись, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ подлѣсянъ. Что обдумывали и что дѣлали волынцы послѣ универсала 12 марта, въ виду призыва на съѣздъ къ 3 апрѣля, съѣзжались ли они на сеймики и совѣщанія, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Но было о чемъ думать имъ. Универсалъ за непріѣздъ на сеймъ грозилъ лишеніемъ должностей и имѣній. Ниже увидимъ, что и эта угроза не сразу подѣйствовала на волынцевъ.

Между тѣмъ, на ряду съ дѣлами Подлѣсья и Волыни поставлено на сеймѣ и дѣло Пруссіи, сенаторамъ и посламъ которой также приказано было явиться на сеймъ Тѣ и другіе весьма неохотно собирались на сеймъ, прибыли поздно—около 10 марта и не хотѣли идти на засѣданія сейма. Послѣ долгихъ переговоровъ и споровъ съ поляками и угрозъ со стороны короля лишеніемъ должностей, прусскіе сенаторы согласились засѣдать съ поляками. Далѣе упирались прусскіе послы отъ земянъ и городовъ. Польскіе послы много разъ и безплодно задавались вопросомъ: что дѣлать съ ними? безплодно напоминали и королю о мѣрахъ къ принужденію ихъ явиться въ засѣданіе и такъ протянулось это дѣло до 4 апрѣля, когда король объявилъ, что не находитъ другой мѣры противъ прусскихъ пословъ, кромѣ той, что они обязаны будутъ принять все то, что и безъ нихъ польскій сеймъ постановитъ относительно Пруссіи.

Съ большою озабоченностью шли совѣщанія о самой Литвѣ. Мы видѣли, что послѣ отъѣзда литовскихъ сенаторовъ и пословъ съ сейма, составлены были пункты противъ литовцевъ и болѣе горячіе изъ польскихъ пословъ предлагали самыя рѣшительныя мѣры. Король и сенаторы продолжали удерживаться и удерживать отъ этихъ мѣръ, которымъ, впрочемъ, противились и болѣе благоразумные изъ пословъ. Поводомъ къ новой досадѣ на литовцевъ среди пословъ было и то, что одинъ изъ знатнѣйшихъ литовскихъ сенаторовъ, воевода троцкій, князь Стефанъ Збаражскій, остававшійся, подобно Острожскому, въ Люблинѣ по отъѣздѣ прочихъ, также уѣхалъ, и кажется въ одинъ день съ Острожскимъ, 6 марта. Этотъ отъѣздъ, по всей вѣроятности, вызванъ былъ совершившимся 5 марта актомъ присоединенія Подлѣсья, хотя и комичнымъ, но достаточно обнаруживавшимъ замыслы сейма. Король успокоивалъ пословъ, что Збаражскій обѣщалъ пріѣхать, когда будетъ позванъ; увѣрялъ, что пріѣдетъ Ходкевичъ, которому послы готовы

были устроить непріятность по поводу дѣла его съ виленскимъ воеводичемъ Глѣбовичемъ [1]). Тѣмъ не менѣе, ни Збаражскій, ни Ходкевичъ, ни кто другой изъ Литвы не пріѣхалъ. Оставались только Глѣбовичъ по своему дѣлу съ Ходкевичемъ, подканцлеръ Воловичъ и подскарбій Нарушевичъ, а съ ними секретари литовской канцеляріи Гарабурда и Война [2]). Съ 11 марта до 5 апрѣля отдѣльныя совѣщанія относительно Литвы сосредоточивались на слѣдующихъ предметахъ Въ сенатѣ, на тайныхъ совѣщаніяхъ его съ королемъ, обсуждались общая привиллегія на унію и способы къ ея осуществленію. Послы нѣкоторое время совсѣмъ отказывались отъ обсужденія привиллегіи, настаивая въ замѣнъ этого на разныхъ прямыхъ мѣрахъ практическаго свойства и, большею частью, насильственнаго характера, какъ то: на мѣрахъ противъ Воловича, который своимъ отказомъ отъ подлѣсской присяги вредитъ, какъ литовскій подканцлеръ, и литовской уніи, объ отнятіи у послѣдняго литовской печати по дѣламъ Подлѣсья и Волыни, объ изъятіи литовской монеты изъ употребленія и т. под. Но, наконецъ, согласились и послы просматривать привиллегіи на литовскую унію и этотъ пересмотръ сопровождался сердитыми спорами, такъ что много разъ выправляемая привиллегія не была, какъ кажется, рѣшительно редактирована до 5 апрѣля, а нѣкоторые послы, какъ краковскіе, продолжали говорить противъ всякой новой привиллегіи, требуя властнаго объявленія уніи на основаніи старыхъ привиллегій и Варшавскаго сейма. За то были выработаны и приняты оповѣстительныя грамоты (litterae significatoriales) о дѣлахъ уніи на сеймѣ для разсылки въ Литву, чтобы уѣхавшіе литовцы не клеветали на сеймъ. Принята къ концу марта также долго вырабатывавшаяся „контумаціонная“ грамота противъ литовцевъ на случай несогласія ихъ на унію. Рядомъ съ этимъ обсуждались средства на случай военныхъ дѣйствій противъ Литвы, причемъ болѣе горячіе изъ пословъ настаивали на „посполитомъ рушеніи“. Но вообще обсужденіе военныхъ дѣйствій противъ Литвы шло весьма туго, вслѣдствіе прекаліи о существующихъ средствахъ и источникахъ, нежеланія пановъ подвергнуться новымъ платежамъ, такъ что въ концѣ всего тяжесть сбора на войну возложена на населеніе въ видѣ налога, по 20 грошей съ лана. Среди этихъ совѣщаній и прекаліи не одинъ разъ говорились укорительныя слова и о королѣ, неумѣющемъ своими средствами и своею властію вести

---

[1]) О дѣлѣ Глѣбовича ниже.

[2]) По поводу отъѣзда литовцевъ изъ Люблина 1 марта составлена была эпиграмма: Литовцы заключили съ нами хорошую унію!
Убѣжали оставивъ Гарабурду и Войну.

Эпиграмма означала: вмѣсто уніи оставили смятеніе (гарабурду) и войну. См. предисловіе къ изданію „Дневника“ сейма г. Кояловича. Стр. II.

дѣло уніи, такъ что сенаторамъ, особенно краковскому епископу, не одинъ разъ приходилось защищать короля и успокоивать пословъ, что король, уже присоединившій Подлѣсье и Волынь, столько сдѣлавши вообще для уніи, доведетъ это дѣло до конца. Толки о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Литвы поджигались въ частности дѣломъ подлѣсскимъ и волынскимъ. Какъ мы видѣли, подлѣсяне, т. е. тѣ очень немногіе изъ нихъ, которые оставались въ Люблинѣ и приняли унію, просили защиты отъ литовцевъ, потомъ спрашивали и о томъ, что дѣлать имъ по поводу грамотъ, разсылаемыхъ литовцами по Подлѣсью съ призывомъ собираться на войну. Объ этихъ грамотахъ въ собраніи 12 марта упоминалъ въ рѣчи къ королю и посолъ польскій, калишскій судья Потворовскій, выражаясь, что литовскіе сенаторы разсылаютъ грамоты въ Подлѣсье и Волынь съ приказаніемъ, чтобы жители этихъ областей, подъ опасеніемъ потери имѣній, шли на войну. Грамоты эти не извѣстны, но, безъ сомнѣнія, онѣ существовали и составлены были на какомъ либо изъ совѣщаній литовскихъ сенаторовъ въ Вильнѣ. Эти грамоты были ошибкою въ томъ смыслѣ, что едва-ли литовскіе сенаторы могли надѣяться, что ихъ послушаютъ на Подлѣсьѣ и Волыни. Грамоты эти только ускорили изданіе королевскаго универсала, призывавшаго подлѣсянъ и волынцевъ на сеймъ для довершенія дѣла уніи. Для такихъ лицъ, какъ напр. князь Острожскій, грамоты отъ Радзивилла и Ходкевича и проч. теряли силу послѣ королевскаго универсала. А угроза литовскихъ сенаторскихъ грамотъ лишать имѣній тѣхъ, кто ихъ не послушается, была уже слишкомъ смѣлою и сама собой подрывала силу этихъ грамотъ и не для такихъ лицъ, какъ Острожскій. Словомъ, послѣ искуснаго маневра польскаго сейма, взявшагося присоединить сперва Подлѣсье, Волынь и Пруссію и тѣмъ обезсилить Литву, угрожаемую съ другой стороны возможностію войны съ Москвою, Литвѣ ничего болѣе не оставалось, какъ явиться на сеймъ и здѣсь еще разъ лично отстаивать свое дѣло, свою независимость. Нѣкоторая надежда оставалась литовцамъ на Волынь, присоединеніе которой, хотя и объявлено въ королевскомъ универсалѣ, но двигалось далеко не такъ, какъ присоединеніе Подлѣсья, ибо изъ волынцевъ никто еще не присягалъ на унію, никто еще не пріѣзжалъ на сеймъ въ виду назначеннаго королемъ и уже приближавшагося срока для пріѣзда 3 апрѣля. Евстафій Воловичъ, уже лишенный подлѣсскихъ староствъ, но не упадавшій духомъ въ противодѣйствіи уніи, напрягалъ усилія удержать волынцевъ отъ пріѣзда на сеймъ и не задолго до 3 апрѣля разсылалъ грамоты по Волыни, убѣждая не ѣхать на сеймъ. Не столько, вѣроятно, въ силу этихъ грамотъ Воловича, сколько по собственной волѣ, волынцы неохотно собирались на сеймъ, но все-таки къ 3 апрѣля стали нѣкоторые съѣзжаться, а также и подлѣсяне, еще не принявшіе присяги. Нельзя было отсутствовать и литовцамъ въ

такой критическій моментъ и къ 3 апрѣля послы отъ нихъ дѣйствительно явились на сеймъ, и дѣло уніи оживилось.

Въ засѣданіяхъ съ 4 апрѣля предполагалось начать собственно съ присоединенія Волыни, довершая и присоединеніе Подлѣсья. Немногіе изъ волынцевъ и подлѣсянъ пріѣхали къ вербному воскресенью 5 апрѣля. Непріѣхавшіе прислали письма къ королю, въ которыхъ одни извинялись болѣзнію, а другіе тѣмъ, что къ грамотамъ, призывавшимъ на сеймъ, приложена необычная печать (польская, а не литовская), но при этомъ объясненіи также ссылались на болѣзнь. Такія письма получены, между прочимъ, отъ луцкаго р.-католическаго епископа Викторина Вирбицкаго, отъ волынскаго воеводы, отъ подлѣсскаго воеводы Костецкаго, отъ бѣльскаго кастеляна, отъ кіевскаго воеводы князя Острожскаго, который, впрочемъ, ссылаясь на болѣзнь, прибавлялъ, что какъ только выздоровѣетъ, то исполнитъ все, что прикажетъ король. Эти письма были королемъ сообщены посламъ сейма. Они требовали строгихъ мѣръ противъ непріѣхавшихъ, а король объявилъ, что непріѣхавшихъ по болѣзни привлечетъ къ присягѣ на унію чрезъ депутатовъ, которыхъ пошлетъ въ ихъ области, а ссылающихся на необычную печать лишитъ должностей почетныхъ и служебныхъ. Послы удовольствовались этимъ, но прибавили, чтобы еще разъ посланы были призывныя грамоты на Волынь и Подлѣсье, а относительно нѣкоторыхъ непріѣхавшихъ немедленно же приняты были строгія мѣры, особенно противъ луцкаго р.-католическаго епископа, тѣмъ болѣе, что онъ русскій, и даже письма писалъ къ королю по-русски, а не по-польски и не по-латыни. Снисхожденіе они совѣтовали только по отношенію къ князю Острожскому, который обѣщалъ, что какъ выздоровѣетъ, то пріѣдетъ и исполнитъ все, что прикажетъ король. Бывшій на сеймѣ владѣлецъ имѣній на Волыни Сѣрадскій воевода Альбертъ Ласскій, родомъ полякъ, объявилъ свое присоединеніе къ Польшѣ, чѣмъ какъ бы начиналось присоединеніе Волыни [1]).

Въ слѣдующее засѣданіе 5 апрѣля явилось только что прибывшее литовское посольство: Ходкевичъ, жмудскій староста, витебскій кастелянъ Пацъ, литовскій крайчій Радзивиллъ и Кишка, литовскій подчашій, къ которымъ присоединился и Воловичъ. Король не хотѣлъ быть въ общемъ собраніи сейма при справленіи литовцами своего посольства. Въ длинной рѣчи, читанной по тетрадкѣ Ходкевичемъ, литовцы горько жалуются на объявленіе королевскими универсалами при-

[1]) Этотъ Альбертъ Ласскій былъ съ 1564 г. женатъ на Беатѣ Костелецкой, вдовѣ посла Иліи Константиновича Острожскаго, матери несчастной Елисаветы Острожской. Женился онъ на уже довольно пожилой Беатѣ изъ разсчета и завладѣлъ доставшимся ей послѣ Иліи имѣніемъ съ м. Янушполемъ, которое удержалъ и послѣ того, какъ заточилъ неуживчивую Беату въ своемъ венгерскомъ замкѣ Кезмаркѣ. Так. обр., браки поляковъ съ русскими пригодились полякамъ и на Люблинскомъ съѣздѣ.

соединенія, безъ ихъ вѣдома, Подлѣсья и Волыни къ Польшѣ, по поводу обвиненія ихъ за отъѣздъ съ сейма, оправдываютъ свой отъѣздъ съ сейма, напоминая, что они дѣйствовали на сеймѣ согласно данному имъ отъ братій порученію вести дѣло уніи не на основаніи старыхъ привиллегій, а на основаніи братской любви, что видя другой образъ дѣйствій поляковъ, они не могли выступить изъ своихъ полномочій и должны были уѣхать, уѣхали, впрочемъ, не безъ вѣдома короля, желали дать чрезъ уполномоченныхъ послѣднія объясненія о причинѣ отъѣзда, но лишены были возможности на это, что теперь, посовѣщавшись между собою, они чрезъ свое посольство заявляютъ, что Подлѣсье и Волынь присоединены несправедливо, потому что они всегда принадлежали къ Литвѣ, а не Польшѣ; они просятъ отмѣнить универсалы о Подлѣсьѣ и Волыни и вести дѣло уніи не по частямъ съ тою или другою областью, а съ цѣлою страною, указываютъ и на то, что отторженіе отъ Литвы цѣлыхъ областей ставитъ ее въ новую опасность отъ страшнаго непріятеля московскаго, который можетъ стать смѣлѣе на захватъ другихъ областей ея, что если когда, то теперь, когда литовцы ведутъ войну съ страшнымъ непріятелемъ, полякамъ слѣдуетъ показать любовь и братство давнимъ союзникамъ и вести унію не иначе, какъ въ духѣ братской любви и по взаимному соглашенію, напоминаютъ увѣренія, данныя въ этомъ смыслѣ литовцамъ(въ Воинѣ) польскимъ посольствомъ незадолго до Люблинскаго съѣзда, повторяютъ, что они отнюдь не сторонятся отъ уніи, но желаютъ, чтобы это дѣло велось и устроилось справедливѣе и лучше, и потому просятъ составить новый проектъ уніи и назначить для дѣла о ней другой новый сеймъ ближе къ границѣ обоихъ государствъ: „къ уніи надобно идти не съ злою мыслію и съ подавленнымъ сердцемъ, а съ совершенно бодрымъ и спокойнымъ духомъ“. Польскіе сенаторы обѣщали дать отвѣтъ и просили оставить имъ рукопись рѣчи; литовцы обѣщали прислать копію съ нея и уѣхали изъ замка.

Скоро по удаленіи литовцевъ краковскій епископъ поставилъ польскимъ сеймовымъ посламъ вопросъ: „будете ли твердо добиваться уніи, какъ обѣщали? Будете ли помогать намъ довести ее до конца и защитить Подлѣсье и Волынь, которыя мы съ такими большими завѣреніями приняли подъ свою защиту?“ И затѣмъ убѣждалъ, что это дѣло можно всего лучше устроить на деньги отъ четвертой части [1]) и посредствомъ налога, а не „посполитымъ рушеніемъ“, какъ предлагали послы, которое, кромѣ другихъ неудобствъ, безвременно и тѣмъ, что Польшѣ теперь грозитъ еще опасность отъ венгерцевъ и нѣмцевъ. Такія внушенія дѣлали и другіе. Но на этотъ разъ послы не спѣшили отвѣтомъ, затѣмъ послѣ другихъ дѣлъ объявлено было королемъ, что засѣданія сейма отлагаются до среды послѣ праздника пасхи, до 13 апрѣля.

[1]) Т. е. четвертой части доходовъ съ королевскихъ столовыхъ имѣній.

Послы разошлись недовольными, но мало брались за дѣло, въ виду праздниковъ, на которые инымъ хотѣлось уѣхать. Но въ тотъ день по приказу короля на воротахъ замка прибиты были два универсала, изъ которыхъ въ одномъ, между прочимъ, подтверждалось дѣло присоединенія Подлѣсья и Волыни, а въ другомъ приказывалось пруссакамъ сенаторамъ и посламъ, еще не засѣдавшимъ въ сеймѣ, явиться въ слѣдующія засѣданія, съ угрозами въ случаѣ непослушанія. Это былъ косвенный отвѣтъ короля и литовцамъ, показывавшій, что онъ не думаетъ отступать въ предпринятомъ дѣлѣ объ уніи. Тяжело долженъ былъ пройти послѣ того праздникъ Пасхи для литовцевъ и волынянъ, пріѣхавшихъ въ Люблинъ.

Съ возобновленіемъ засѣданій сейма послѣ Пасхи съ 13 апрѣля начались, между другими совѣщаніями, совѣщанія и по дѣлу литовскаго посольства, продолжавшіяся до 23 апрѣля. Сенаторы и послы скоро и одинаково рѣшили не прерывать сейма, не отмѣнять того, что сдѣлано относительно Подлѣсья и Волыни, не вступать въ диспуты съ прибывшими теперь литовскими послами, а съ большею твердостію продолжать дѣло уніи. Но сенатъ наклоненъ былъ назначить литовцамъ сеймики для избранія новыхъ пословъ съ неограниченными полномочіями и послать на разсмотрѣніе проектъ уніи. Послы не соглашались на назначеніе литовскихъ сеймиковъ, ставя на видъ, будто литовскіе сеймики не такіе, какъ польскіе, что тамъ все дѣлаютъ сенаторы, а шляхта безгласна. Замѣчательно, что на этомъ настаивали особенно, уже извѣстные намъ, присягнувшіе на унію, послы подлѣсскіе, отъ имени которыхъ дрогичинскій хорунжій Буйно говорилъ: „въ Литвѣ пріѣзжаютъ на сеймики только воевода, староста, да хорунжій; напишутъ, что имъ вздумается и пошлютъ къ шляхтичу на домъ, чтобы подписалъ. Если онъ не подпишетъ, то его отдуютъ палками... Тамъ шляхта не участвуетъ ни въ какихъ совѣщаніяхъ; тамъ сенаторы дѣлаютъ, что хотятъ“. Къ этому Буйно прибавлялъ, чтобы поскорѣе сняты были съ подлѣсянъ наложенныя на нихъ Литвою тяжести, снята была съ нихъ литовская неволя, послѣ чего волынцы станутъ скорѣе склоняться къ уніи ради польскихъ вольностей. Сенаторы уступили посламъ, и сеймики для литовцевъ не были назначены. Повторялись строгія рѣчи противъ волынцевъ и подлѣсянъ, не пріѣхавшихъ на сеймъ, съ угрозою имъ экзекуціей и лишеніемъ должностей и имѣній, съ требованіемъ вообще, чтобы король *принялъ* ихъ къ присягѣ. Литовскіе послы желали добиться, по крайней мѣрѣ, отвѣта на свою посольскую рѣчь, сносились о томъ съ польскими сенаторами, слушали читанную имъ привиллегію на унію, соглашались принять въ основу ея даже *Александрову привиллегію*, просили дать новымъ литовскимъ посламъ шестинедѣльный срокъ для пріѣзда на сеймъ. Сенаторы наклонны были удовлетворить литовцевъ, хотѣли дать отвѣтъ, но польскіе послы рѣшительно воспро-

тивились этому, и литовцы уже 23 апрѣля отправлены были безъ отвѣта. Имъ только назначено четыре недѣли срока для присылки новыхъ пословъ, а волынцамъ три недѣли для пріѣзда на сеймъ къ присягѣ. Болѣе ранній срокъ назначенъ послѣднимъ для того, чтобы „литовцы не могли сговориться съ ними“ и чтобы покончить съ волынцами до пріѣзда литовцевъ. Въ тоже время въ цѣломъ рядѣ засѣданій шли совѣщанія о средствахъ на войну, сопровождавшіяся большими спорами, пререканіями касательно экзекуціи, четвертой части дохода съ королевскихъ имѣній, новаго налога, отвергаемаго особенно послами краковскаго воеводства, и покончены пока объявленіемъ, вмѣсто всего, „посполитаго рушенія“, согласно мнѣнію болѣе радикальныхъ пословъ. Эпизодомъ въ сеймовыхъ засѣданіяхъ этихъ десяти дней было судебное дѣло Глѣбовича съ Ходкевичемъ, по обвиненію перваго послѣднимъ въ предательствѣ на сторону московскаго царя, едва не дошедшее до поединка между ними, но опять отложенное. Во всякомъ случаѣ, дѣло, которое компрометировало литовцевъ, было на руку полякамъ.

Въ ожиданіи волынцевъ, доканчивали привлеченіе къ уніи подлѣсянъ. Срокъ для пріѣзда ихъ назначенъ былъ къ 28 апрѣля. Съ приближеніемъ этого срока сеймовые послы повторяли напоминанія королю, чтобы принудилъ подлѣсянъ явиться. Шляхта подлѣсская, кажется, являлась понемногу. Но не явились подлѣсскіе сенаторы и знатные паны и прислали къ королю письма, извиняясь въ непріѣздѣ одни болѣзнію, другіе тѣмъ, что призывная грамота писана не изъ литовской, а изъ польской канцеляріи, съ печатью не литовскою, а польскою и безъ подписи короля, иные говорили еще, что оглядываются на литовскихъ сенаторовъ и сановниковъ, иные, наконецъ, обѣщали пріѣхать. Такія письма писали королю: подлѣсскій воевода Василій Тышкевичъ, подлѣсскій кастелянъ (неизвѣстный), бѣльскій староста Юрій Ходкевичъ, троцкій воеводичъ, князь Слуцкій, жена витебскаго воеводы (не названная по имени и фамиліи), сынъ Николая Чернаго—Николай Христоферъ Радзивиллъ, виленскій воеводичъ, нѣкто Александръ Вояновскій, княгиня Полубенская и др. Изъ нихъ только Слуцкій князь обѣщалъ пріѣхать и просилъ отстрочки, а Полубенская писала, что пріѣдетъ и ударитъ челомъ [1]). Понятно, что подобныя то уклончивыя, то робкія письма не могли стѣснять ни короля, ни сеймовыхъ пословъ, которымъ они были предъявлены. Согласно требованію пословъ, подлѣсскій воевода и кастелянъ лишены должностей; подлѣсское воеводство отдано литовскому подчашему Кишкѣ, а каштелянство уже извѣстному Адаму Косинскому, фигурировавшему уже въ сеймѣ въ званіи подлѣсскаго маршала. Оба они тотчасъ принесли присягу на вѣрность. Къ шляхтѣ же подлѣсской посланы королевскіе коммиссары для приведенія ея къ присягѣ, которую и выполнила эта шляхта, польщенная предъ тѣмъ снятіемъ съ Подлѣсья налога, наложеннаго на него литовцами, и другими шляхетскими льготами. Еще не всѣ подлѣсяне присягнули, но уже не трудно было ожидать, что неприсягнувшіе не надолго устоятъ въ своемъ отказѣ. Въ ожиданіи срока пріѣзда волынянъ, сеймъ усилилъ начавшіяся еще ранѣе совѣщанія по дѣламъ Подоліи. Въ виду постигшихъ ее разореній отъ татаръ и возможности новыхъ вторженій оттуда, подоляне освобождались отъ нѣкоторыхъ сборовъ и налоговъ, толковали затѣмъ объ уплатѣ жалованья военнымъ людямъ, стоящимъ въ Подоліи, объ усиленіи и лучшемъ устройствѣ тамъ военныхъ силъ, о вооруженіи городовъ Каменца и Бара; изъ этихъ толковъ ничего особеннаго не вышло для Подоліи, но они показывали, что поляки считаютъ Подолію, также какъ и Волынь, принадлежащею Польшѣ, и потому заботятся о ней.

Въ воскресенье 15 мая истекалъ второй срокъ, назначенный для пріѣзда волынянъ на сеймъ. 14 мая ихъ было очень мало и сеймовые послы въ засѣданіи этого дня уже постановили въ понедѣльникъ просить короля, чтобы подвергъ экзекуціи непріѣхавшихъ волынянъ, а также и подлѣсянъ, срокъ пріѣзда которыхъ истекъ еще ранѣе. Въ понедѣльникъ 16 мая послы уже собирались идти къ королю съ этою просьбою, какъ имъ присланы были письма волынцевъ къ королю, въ которыхъ они извинялись то болѣзнію, то краткостью срока и просили отсрочить имъ пріѣздъ на недѣлю или даже на двѣ. Это указаніе на сроки заставляетъ предполагать, что были съѣзды и совѣщанія между волынцами, на которыхъ они условились относительно срока, а, вѣроятно, и образа дѣйствій по пріѣздѣ на сеймъ. Не пріѣхалъ и Константинъ Острожскій, а въ письмѣ къ королю прибавилъ еще, что Кременецъ, присоединяемый вмѣстѣ съ Волынью къ Польшѣ, ей не принадлежитъ. Сеймовые послы были сильно раздосадованы и, ставя на видъ самые убытки, терпимые ими отъ затяжки сейма, просили короля дать понять ослушникамъ, что онъ гнѣвается на нихъ. Король отвѣчалъ, что ослушаніе волынцевъ огорчаетъ также его и сенаторовъ, а затѣмъ, посовѣтовавшись съ послѣдними, прислалъ сказать посламъ, что рѣшился подвергнуть ослушниковъ экзекуціи, т. е. будетъ отнимать у нихъ служебныя и почетныя должности и отдавать другимъ, только не знаетъ, кому отдавать, потому что должности эти слѣдуетъ давать лицамъ, имѣющимъ тамъ осѣдлость, а никто изъ нихъ не проситъ, что притомъ нужно имѣть на Волыни войско, чтобы новыя должностныя лица могли безопасно жить, а на войско нужны деньги: „извольте, господа, обсудить это“. 17 мая послы обсуждали и рѣшили, что на

[1]) Кромѣ подлѣсскихъ воеводы и каштеляна, а также бѣльскаго старосты, всѣ другія, упомянутыя здѣсь, лица призывались къ пріѣзду и присягѣ на присоединеніе Подлѣсья не по своимъ чинамъ и званіямъ въ Литвѣ, а только какъ владѣльцы имѣній на Подлѣсьѣ.

отнимаемыя на Волыни должности король можетъ послать *своихъ дворянъ*, которые должны отнять ихъ у волынцевъ, а въ случаѣ неуступки со стороны послѣднихъ, именемъ короля приказать *городамъ и селамъ* не повиноваться имъ; для содержанія войска на Волыни послы соглашались и на налогъ, которому краковскіе и сендомірскіе послы противились по прежнему. Между тѣмъ пріѣхали нѣкоторые волынцы и подлѣсяне и просили короля подождать неявившихся волынцевъ до понедѣльника 23 мая, т. е. до недѣльнаго срока, какъ о томъ прежде просили; король по совѣту сенаторовъ согласился и не приступалъ къ экзекуціи, о чемъ сообщилъ и посламъ. За то одинъ изъ просившихъ, князь Петръ Збаражскій, луцкій воеводичъ, въ утѣшеніе короля и сейма, рѣшился принять и 21 мая принялъ присягу, въ качествѣ владѣльца Межирѣчья на Подлѣсьи.

23 мая волынцы и подлѣсяне пріѣхали уже въ большемъ числѣ, хотя далеко еще не всѣ. Они извинялись, что не пріѣхали до срока, просили не подвергать ихъ за это немилости, а относительно присяги заявили, что если они должны приносить ее, то пусть и представители королевства принесутъ присягу имъ. Надо полагать, что это заявленіе и было подготовлено волынцами на ихъ совѣщаніяхъ предъ отправленіемъ на съѣздъ. Польскіе сенаторы и послы отклонили такое требованіе, смягчая свой отказъ сладкими рѣчами о братствѣ, а послы подкрѣпляя его тѣмъ, будто король только возвращаетъ Польшѣ то, что ей принадлежало. Волею-неволею волыняне въ присутствіи короля, сената, пословъ принесли присягу въ тотъ же день 23 мая. Это были луцкій р.-католическій епископъ Вербицкій, волынскій маршалъ Загоровскій и другія *должностныя* или чиновныя лица—луцкіе и владимірскіе судьи, подсудки, подкоморіи, писари, ключники, мостовничіе, всего 15 лицъ. Кромѣ Вербицкаго и Загоровскаго, все это были не важные чиновники и паны. Слѣдующій день 24 мая назначенъ для присяги самыхъ высшихъ и знатныхъ пановъ и сановниковъ волынскихъ. Было полное собраніе сейма въ присутствіи короля. Вошли знатные волынцы: князь Константинъ Острожскій, воевода кіевскій, князь Богушъ Корецкій, староста луцкій, брацлавскій и винницкій, князь Константинъ Вишневецкій, князь Чарторыйскій, воевода волынскій, Василій Древинскій, писарь великаго княжества Литовскаго и съ нимъ четыре подлѣсяне, въ числѣ ихъ братья Ижиковичи.

Отъ имени волынцевъ князь Корецкій въ рѣчи къ королю объяснялъ, что если они не пріѣхали на сеймъ по первой призывной грамотѣ короля, то потому, что эта грамота издана была за печатью необычною, т. е. польскою, а не литовскою, что, впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ и не могли пріѣхать по болѣзни. Теперь, узнавъ изъ второй призывной грамоты, что король уже присоединилъ Волынь къ Польшѣ, они, всегда привыкшіе повиноваться королю, пріѣхали на сеймъ, но

просятъ не принуждать ихъ къ присягѣ, смущающей ихъ совѣсть, потому что уже разъ присягали литовскому княжеству. Отъ имени короля отвѣчалъ подканцлеръ ксендзъ Красинскій, что король милостиво принимаетъ объясненіе волынцевъ о позднемъ пріѣздѣ, но, присоединивъ, по своему долгу, къ королевству Волынь и Подлѣсье, какъ принадлежавшее ему и прежде, требуетъ отъ волынцевъ присяги ему, которая не должна смущать ихъ, потому что прежнія присяги ихъ литовскому княжеству теперь потеряли силу и требуется новая королевству. Корецкій просилъ сенаторовъ и пословъ ходатайствовать предъ королемъ, чтобы волынцы не присягали. Отъ имени сенаторовъ гнѣзненскій архіепископъ убѣждалъ волынцевъ не отговариваться отъ новой присяги, добавивъ еще, что прежнюю присягу ихъ они, сенаторы, берутъ на свою совѣсть. Князь Корецкій просилъ, чтобы за присягою волынцевъ принесли и имъ присягу польскіе сенаторы и послы. Гнѣзненскій, затѣмъ краковскій епископъ отвѣчали, что полякамъ не слѣдуетъ приносить присяги, потому что они въ свое время уже присягали королевству. Выступилъ затѣмъ князь Вишневецкій съ рѣчью къ королю, по порученію волынцевъ. Онъ напомнилъ о всегдашней вѣрности и преданности ихъ своимъ государямъ и нынѣшнему государю, просилъ, чтобы съ присоединеніемъ къ Польшѣ не были нарушены ихъ права и вольности, что они желаютъ соединиться, какъ люди свободные и благородные, увѣренные, что никому не уступятъ въ достоинствѣ и благородствѣ, что между ними есть княжескіе роды, положеніе и честь которыхъ должны быть сохранены. „Съ другой стороны, мы люди иной съ вами вѣры, особенно мы, люди греческой вѣры, просимъ, *чтобы насъ не унижали (за вѣру) и чтобы никого не принуждали къ другой вѣрѣ*. Просимъ, наконецъ, не принуждать насъ къ присягѣ сегодня, а подождать до пріѣзда другихъ братій нашихъ, чтобы намъ не оскорбить ихъ тѣмъ, что станемъ присягать безъ нихъ“. Напоминаніе волынцевъ о вѣрѣ, непринужденіи къ другой вѣрѣ было первымъ въ этомъ смыслѣ заявленіемъ на сеймѣ и безспорно однимъ изъ важнѣйшихъ. Оно-то особенно дѣлаетъ честь волынскимъ вельможамъ. Вѣроятно, по этому предмету было еще много говорено ими и что это-то многое разумѣется въ замѣткѣ „Дневника“: „много и другихъ просьбъ они приносили, но онѣ здѣсь не записаны, потому что были излишни“. Столько же вѣроятно, что въ этихъ просьбахъ волынцы высказывали опасенія относительно *экзекуціи*. По совѣщаніи короля съ сенаторами, волынцамъ отвѣчалъ сперва архіепископъ гнѣзненскій, а потомъ и самъ король довольно длинною рѣчью. Архіепископъ увѣрялъ, что волынцамъ не будетъ никакого униженія, что права и вольности ихъ будутъ не только сохранены, но и увеличены, если это окажется нужнымъ и откроется на совѣщаніяхъ, когда они засядутъ на сеймѣ съ поляками, что въ частности имъ нечего бояться

экзекуціи, которая ихъ не будетъ касаться, потому что ее взяло на себя королевство. Король повелъ свою рѣчь въ тонѣ благосклонномъ. „Думаю, говорилъ онъ, что по милости Божіей, я и всякаго изъ моихъ подданныхъ держу при свободѣ и вольностяхъ и повелѣваю ими по закону, а не какъ нибудь иначе. Надѣюсь, что всѣ мои государства, надъ которыми Богъ поставилъ меня, признаютъ это, и вы, господа, сами не можете не признать, что я не подвергаю васъ никакому порабощенію". Сказавъ затѣмъ, что, по долгу своей присяги польскому королевству, присоединяетъ теперь къ нему Волынь и Подлѣсье, оправдываетъ это дѣло тѣмъ, будто страны эти принадлежали королевству, но отошли отъ него вслѣдствіе послабленія его предковъ и вслѣдствіе того, что въ королевствѣ и въ княжествѣ литовскомъ былъ „одинъ и тотъ же мой родъ", что теперь король возвращаетъ ихъ только королевству. Повторивъ увѣренія, что не только сохранитъ, но и съ удовольствіемъ умножитъ вольности волынскихъ господъ, что въ частности не подвергаетъ ихъ экзекуціи, король закончилъ: „исполните и вы, господа, свой долгъ, идите къ присягѣ". Отъ имени земскихъ пословъ маршалъ ихъ Чарнковскій, обратясь къ королю, сказалъ, что они желаютъ соединиться съ волынцами, именно какъ съ людьми равными и свободными, жаждутъ ихъ любви и братства, что не зная надъ собою никакого рабства, а зная только вольности и свободу, хотятъ дѣлиться ими съ волынцами, дѣлиться и всякимъ счастіемъ и несчастіями; но что теперь не въ пору отстрочивать присягу, когда вчера уже присягнули другіе волынцы. Настала тишина. Волынцы не шли къ присягѣ. Ксендзъ подканцлеръ сказалъ: „извольте, господа, идти къ присягѣ". Князь Вишневецкій отвѣчалъ: „мы пріѣхали сюда добровольно; по принужденію ничего не дѣлаемъ". Затѣмъ кіевскій воевода князь Острожскій сказалъ: „я на слово вѣрю моему государю во всемъ и нисколько не сомнѣваюсь, что будетъ сдѣлано все, что слышу отъ моего государя". Говоря такъ покорно и преданно, знаменитый князь, первый вельможа волынскій, безъ сомнѣнія, желалъ въ будущемъ охранить права русской Волыни, въ виду неизбѣжности соединенія ея съ Польшей. Однако же, волынцы, не смотря на новыя убѣжденія сенаторовъ, не шли къ присягѣ и король сказалъ: „оставьте ихъ въ покоѣ; они вольны присягать и не присягать; тутъ никого не неволятъ; дѣло дѣлается добровольно. Если не хотятъ присягать, пусть уйдутъ, а я поступлю по закону". Далеко не согласовалась съ хваленою польскою вольностію эта угроза поступленія по закону, въ данномъ случаѣ сомнительному. Съ достоинствомъ отозвались на эту угрозу воевода волынскій князь Чарторыйскій и воевода кіевскій князь Острожскій, напоминали о заслугахъ своихъ предковъ, о своей службѣ, а Чарторыйскій напоминалъ о происхожденіи своего рода отъ князей литовскихъ. За всѣмъ тѣмъ они и всѣ бывшіе тутъ волынцы и четыре подлѣсянина принесли присягу. Присяга такихъ лицъ уже предвѣщала присягу и остальныхъ. И дѣйствительно, на слѣдующій день 25-го мая присягавшихъ изъ Подлѣсья и особенно Волыни было такъ уже много, что на присягу ушелъ весь день. Впервые присягнулъ и посолъ отъ шляхты брацлавской и винницкой Иванъ Кишка. Чарторыйскій не опустилъ предъявить грамоту отъ короля венгерскаго и польскаго Владислава, свидѣтельствующую о родствѣ Чарторыйскихъ съ литовскимъ княжескимъ домомъ. Присяга продолжалась и 26 мая. Въ числѣ другихъ въ этотъ день присягнули, хотя не безъ предварительныхъ отговорокъ, два знатные паны: Евстафій Воловичъ и воевода Троцкій князь Збаражскій (отецъ), впрочемъ, еще не въ качествѣ литовскихъ подданныхъ, а въ качествѣ владѣльцевъ имѣній на Подлѣсьѣ и Волыни, сохраненіе или возвращеніе которыхъ, безъ сомнѣнія, и желали прежде всего обезпечить присягой [1]).

За присоединеніемъ Волыни послѣдовало присоединеніе и Подлѣсья и Брацлавскаго воеводства, во главѣ котораго стоялъ Романъ Сангушко, воевода брацлавскій и винницкій. Сангушко еще отъ 4 апрѣля писалъ къ королю письмо, въ которомъ извинялся, что не можетъ исполнить повелѣнія короля—прибыть на съѣздъ, извинялся именно болѣзнію и невозможностію по дурной весенней дорогѣ доставить королю пушки и плѣнныхъ, но обѣщалъ съ поправленіемъ здоровья и улучшеніемъ дороги прибыть немедленно. Прибывъ теперь, онъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Люблинъ, какъ недавній побѣдитель, представивъ королю плѣнныхъ и пушки. Сангушко былъ принятъ имъ милостиво. Но торжество это не помѣшало полякамъ тотчасъ налечь на него по дѣлу уніи. Въ первомъ же засѣданіи сейма 1 іюня потребовали отъ Сангушки присяги на унію. Въ сильной рѣчи къ королю, внушительной въ устахъ недавняго побѣдителя при Улѣ, Сангушко напоминалъ о вѣрности и заслугахъ своихъ предковъ, о своей службѣ и просилъ не принуждать его къ присягѣ, которую онъ считаетъ противною своей совѣсти, ибо присягалъ прежде литовскому государству. Король чрезъ канцлера Дембинскаго, потомъ самъ признавалъ и восхвалялъ доблести и заслуги предковъ Сангушки и его самого, но убѣждалъ къ присягѣ, увѣряя, что она не должна смущать совѣсть князя, что король присоединилъ брацлавское воеводство къ Польшѣ, потому что страна эта принадлежала прежде къ Подоліи, принадлежащей къ Польшѣ, что Сангушко обязанъ присягнуть какъ воевода брацлавскій

[1]) Напр. Воловичъ, у котораго 12 марта отняты были подлѣсскія имѣнія за отказъ отъ присяги, скоро послѣ присяги сталъ хлопотать о возвращеніи ихъ; но польскіе сеймовые послы отражали всѣ его просьбы объ этомъ почти до конца сейма, предлагая, чтобы король вознаградилъ Воловича чѣмъ либо другимъ за суммы, данныя королю подъ залогъ этихъ имѣній. Суммы эти причтены Воловичу, а по окончаніи сейма онъ получилъ троцкое каштелянство.

и какъ житель Волыни. Еще два раза Сангушко обмѣнялся рѣчами съ королемъ, съ ораторами отъ сенаторовъ и пословъ, гдѣ по прежнему говорилось о правахъ и вольностяхъ, о братствѣ и любви и т. п. Разнѣженный рѣчами короля и польскихъ ораторовъ, Сангушко въ присутствіи и другихъ бывшихъ тутъ волынцевъ, будто бы воскликнулъ, что волынцы отдадутъ королю и Рѣчи Посполитой не только свои имущества и свои услуги, но и свои души, ибо не новость имъ приносить такія жертвы для блага Рѣчи Посполитой и пользы короля. Быть можетъ онъ напоминалъ заслуги и подвиги отца Константина Острожскаго, о которыхъ напоминалъ прежде Чарторыйскій. Затѣмъ Сангушко просилъ, чтобы ему наперед прочитали присягу. Когда она была прочитана и ему подносили золотой крестъ гнѣзненскаго архіепископа для совершенія присяги, Сангушко, ставъ на колѣни, просилъ короля, чтобы онъ, какъ помазанникъ Божій, положилъ свою руку на его голову и тѣмъ снялъ съ него прежнюю присягу, принесенную имъ литовскому княжеству. Король исполнилъ его желаніе. Тогда Сангушко принесъ присягу и какъ владѣлецъ имѣній на Волыни, и какъ воевода брацлавскій и засѣлъ въ польскомъ сенатѣ. Принесли затѣмъ присягу староста луцкій князь Корецкій, кастелянъ брацлавскій князь Капуста и многіе другіе изъ пановъ и сановниковъ волынскихъ, брацлавскихъ и др. Довольный всѣмъ этимъ, король напомнилъ, сколько въ этомъ дѣлѣ онъ положилъ усердія.

Очередь дошла и до Кіева. О немъ стали говорить настойчивѣе, по мѣрѣ приближенія къ концу дѣла волынскаго. Посольскій маршалъ Чарнковскій въ собраніи 29 мая первый заговорилъ о мнимыхъ привиллегіяхъ Польши на Кіевъ. Болѣе совѣстливые изъ самыхъ польскихъ пословъ сомнѣвались въ значеніи этихъ привиллегій, какъ напр. Валентинъ Орѣховскій, судья перемышльскій. Но 1 іюня и онъ отъ имени посольской палаты заявилъ въ рѣчи къ королю, что доводами Чарнковскаго послы убѣдились въ правахъ Польши и на Кіевъ. Король откладывалъ вопросъ и совѣтовался съ сенаторами. Но еще съ конца мая присоединенія Кіева стали требовать и русскіе волынцы, уже присягнувшіе на унію съ Польшею. Они доказывали, что Кіевъ принадлежитъ не къ литовской Руси, а къ Волыни, что ей принадлежали Берестье, Кобринъ, Пинскъ съ границею по Наревъ и Ясольду. Если вѣрить „Дневнику“, волынцы прибавляли и слѣдующія разсужденія: „положеніе Волыни безъ Кіева будетъ плохо, говорили они, потому, во-первыхъ, что литовцамъ будутъ оставлены *ворота* [1]), чрезъ которыя они, по злобѣ и мести, будутъ вводить на Волынь скифовъ (татаръ), какъ это они дѣлали въ прежнія времена, во-вторыхъ, московскій князь сильно старается овладѣть Кіевомъ, какъ бывшей нѣкогда митрополіей Россіи. Если Кіевъ будетъ въ рукахъ литовцевъ, то невозможно думать, чтобы они могли защищать его. Рѣчь Посполитая потому еще должна отнять Кіевъ у литовцевъ, что если онъ будетъ въ ихъ рукахъ, то имъ впослѣдствіи легко будетъ возставать противъ нея“. 3 іюня польскіе сеймовые послы возобновили свои совѣщанія, а потомъ представленія королю о Кіевѣ и къ прежнимъ доводамъ за присоединеніе его прибавили новый, что Кіевъ трижды былъ взятъ и разграбленъ польскими королями [1]). Они настояли также, чтобы имъ присутствовать при обсужденіи этого дѣла королемъ и сенаторами. Предосторожность была не напрасною. Часть сенаторовъ высказалась противъ присоединенія Кіева къ Польшѣ и за оставленіе его при Литвѣ. Это была меньшая часть, но къ ней принадлежалъ умнѣйшій и передовой ораторъ сената, краковскій епископъ Падневскій. Меньшинство сенаторовъ мотивировало свое мнѣніе такъ: „мы можемъ доставить Кіеву слабую защиту, тогда какъ та страна требуетъ значительной посылки войска, котораго мы не можемъ нанять съ малыми издержками. Поэтому Кіевъ нужно оставить литовцамъ; пусть они своей казной устроятъ и защищаютъ его, какъ устрояли и защищали до сихъ поръ. Намъ нужно соображать, какъ бы не взять на себя больше тяжести, чѣмъ сколько могутъ вынести наши силы Не желательно также платить скифамъ (татарамъ) ежегодную дань, которую литовцы даютъ въ видѣ платы за кіевскую область, чтобы тѣ не опустошали ее. Соображая все это, легко усмотрѣть, сколько расходовъ мы надѣлаемъ себѣ, если возьмемъ Кіевъ, съ которымъ неизбѣжно перешла бы къ намъ обязанность платить и вышесказанную дань за Кіевъ, и мы не видимъ, откуда бы взять намъ на это средства, когда у насъ совершенный недостатокъ въ деньгахъ“. Споръ о Кіевѣ былъ крайне возбужденный, обѣ расходившіяся во мнѣніяхъ стороны клятвами увѣряли одна другую, что судятъ и говорятъ такъ, какъ внушаетъ имъ Богъ и совѣсть. Король колебался и отложилъ дѣло до слѣдующаго собранія. Сеймовые послы были сильно озабочены и старательно приготовились къ собранію 4 іюня въ субботу. Сами сплотившись въ единодушномъ рѣшеніи, они тѣмъ настойчивѣе просили согласныхъ съ ними сенаторовъ присоединиться къ нимъ при принятомъ ими требованіи, чтобы король высказался самъ за присоединеніе Кіева, отстранивъ, такимъ образомъ, мнѣніе сенаторскаго меньшинства. Рѣчь къ королю отъ имени пословъ

[1]) Выраженіе о Кіевѣ, какъ о воротахъ въ литовско-польское государство, было ходячимъ издавна. А. з. Р. II, стр. 173.

[1]) Кіевъ взятъ былъ поляками только дважды—въ 1018 г. Болеславомъ I и въ 1069 г. Болеславомъ II. Третьимъ взятьемъ считалось здѣсь, можетъ быть, занятіе Кіева Изяславомъ безъ войны въ 1076 г. и на томъ основаніи, что тогда въ отрядѣ Изяслава были и поляки. Привилегій на присоединеніе Кіева не было. Ссылавшійся на эти привилегіи Чарнковскій или просто прилгнулъ, или же имѣлъ въ виду общее обѣщаніе Ягайлы присоединить къ Польшѣ русскія земли.

въ общемъ собраніи сейма держалъ все тотъ же маршалъ Чарнковскій, и эта рѣчь была, по замѣчанію „Дневника“, прекраснѣе всѣхъ рѣчей его. Отважный маршалъ энергически защищалъ мнимыя привиллегіи королевства на Кіевъ, говорилъ о достоинствѣ и пользѣ Рѣчи Посполитой, требующихъ присоединенія его, опровергалъ, какъ выразился онъ, трусливыя опасенія противниковъ присоединенія, прославлялъ доблесть древнихъ поляковъ, всегда совѣтовавшихъ королямъ завоевать Кіевъ и покорить Пруссію, косвенно порицалъ нынѣшнихъ совѣтниковъ короля, убѣждалъ короля и сенаторовъ не отступать предъ столь важнымъ для безопасности Рѣчи Посполитой дѣломъ и поспѣшить присоединить къ ней *матерь городовъ русскихъ*, какъ называется Кіевъ въ привилегіяхъ. Рѣчь маршала покрываема была громкими рукоплесканіями. Эти рукоплесканія не оглушали такихъ лицъ, какъ епископъ Падневскій, продолжавшій съ немногими другими держаться прежняго мнѣнія; но они осилили колеблющагося короля, который, послѣ долго еще кипѣвшихъ въ собраніи споровъ, вполголоса сталъ переговариваться съ сенаторами и заявилъ наконецъ, что присоединяется къ мнѣнію большинства, что было бы опаснымъ, если бы Кіевъ находился во власти литовцевъ, припоминалъ при этомъ старыя интриги литовцевъ противъ королевства, которыя могли бы повториться впослѣдствіи, если бы въ рукахъ ихъ остались эти ворота королевства, показывалъ, какъ полезно послѣднему для удержанія литовцевъ во власти оцѣпить ихъ кругомъ своими укрѣпленіями и владѣніями. Король окончилъ приказаніемъ канцлеру Дембинскому объявить о присоединеніи Кіева. Вслѣдъ затѣмъ канцлеръ чрезъ маршала пригласилъ собраніе къ тишинѣ, которая легко возстановилась, потому что всѣ съ нетерпѣніемъ ждали рѣшенія дѣла. Канцлеръ объявилъ королевскій декретъ 4 іюня о присоединеніи Кіева и кіевскія земли съ городами: Черкасы, Каневъ, Бѣлая Церковь, Остеръ, Любечь, Овручь. Декретъ принятъ, по словамъ „Дневника“, съ великою и живѣйшею радостью; отъ сенаторовъ и пословъ пошли благодарности королю, которыхъ усталый король не могъ и дослушать и поспѣшилъ уйти; а на бывшихъ противниковъ присоединенія посыпались сердитые упреки. Въ понедѣльникъ 6 іюня принесъ присягу Константинъ Острожскій, какъ воевода кіевскій.

Сеймовыя пренія о Кіевѣ и ихъ исходъ знаменательны. Они еще разъ показываютъ преобладающую роль на сеймѣ земскихъ пословъ. Ихъ маршалъ и первый ораторъ Чарнковскій одолѣлъ въ этомъ вопросѣ перваго сенатскаго оратора, краковскаго епископа Падневскаго; послы одолѣли сенаторовъ и короля. Для насъ, впрочемъ, болѣе замѣчателенъ тотъ фактъ, что за одно съ большинствомъ польскаго сейма требуютъ присоединенія Кіева отъ Литвы къ Польшѣ и русскіе православные волынцы, высказываясь относительно литовцевъ почти

въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и поляки. Какъ бы не объяснять значенія этого факта, онъ довольно показываетъ, что сердца волынцевъ не лежали къ кореннымъ литовцамъ и это зависѣло отъ стремленія послѣднихъ къ своего рода гегемоніи надъ русскими областями, примѣтной особенно у гордыхъ литовскихъ вельможъ, какъ Радзивиллъ, или даже Иванъ Ходкевичъ, заспорившій съ славнымъ княземъ Острожскимъ еще при началѣ сейма. Жалобы на преобладаніе литовцевъ, тягости отъ нихъ, слышимыя у подлѣсянъ и волынянъ, вѣроятно, были не напрасны. Съ другой стороны, наиболѣе видные представители изъ литовцевъ наравнѣ съ поляками были теперь чужды православнымъ русскимъ по вѣрѣ и теперь почти всѣ были протестанты, какъ Радзивиллъ, Ходкевичъ, Воловичъ, что не могло не отзываться на взаимныхъ отношеніяхъ между ними и русскими православными. Вообще, если волынцы послѣ того, какъ земля ихъ уже присоединена къ Польшѣ отъ Литвы, не хотѣли оставить Кіева при послѣдней, то они сознавали, что дѣлали, они сознавали или, вѣрнѣе, чувствовали болѣе того, что говорили: они желали остаться въ ближайшей связи съ Кіевомъ, имѣя съ нимъ гораздо болѣе долгое и общее прошлое, чѣмъ съ Вильной или Троками, чѣмъ съ коренной Литвой и Жмудью. Въ этомъ общемъ прошломъ таились для нихъ такія надежды, какихъ совсѣмъ и не въ пору было высказывать на сеймѣ: это надежда въ союзѣ съ Кіевомъ отстаивать права своей вѣры, народности и нѣкоторой областной автономіи и по присоединеніи къ Польшѣ. Привилегіи на присоединеніе волынской и кіевской земель, изданныя первая отъ 26 мая, вторая отъ 5 іюня, въ существенныхъ чертахъ сходны; онѣ сходны, въ частности, и по лживости доводовъ на права Польши на эти земли, но сходны и въ томъ, что обѣими привилегіями ограждаются права русской вѣры и русскаго языка, имѣвшаго по прежнему остаться языкомъ королевскихъ грамотъ въ этихъ земляхъ, административныхъ и судебныхъ актовъ и т. д.

По окончаніи дѣла присоединенія Подлѣсья, Волыни, Подоліи, Кіева и кіевской земли, время было приступить къ послѣднему дѣлу— къ присоединенію самой Литвы. Въ тотъ день, когда объявленъ декретъ о присоединеніи Кіева, давно жданные литовскіе послы уже были въ Люблинѣ.

Но прежде рѣчи о нихъ, дополнимъ исторію присоединенія названныхъ выше областей извѣстіями о томъ, какъ производилось дѣло присоединенія въ повѣтовыхъ городахъ названныхъ областей. Подъ руками у насъ только два документа объ этомъ, касающіеся волынскихъ повѣтовыхъ городовъ Луцка и Владиміра. Послѣ того какъ 24 мая присягнули на унію знатнѣйшіе сановники и паны волынскіе, король, продолжая въ слѣдующіе дни выслушивать присягу другихъ волынцевъ, бывшихъ въ Люблинѣ, издалъ 25 мая универсалъ на русскомъ языкѣ

о приведеніи къ присягѣ волынскихъ дворянъ и другихъ обывателей по городамъ Волыни. Универсалъ обращенъ ко всѣмъ вообще и каждому въ частности: сановникамъ, панамъ, земскимъ урядникамъ, старостамъ, подстаростамъ, всѣмъ людямъ рыцарскаго сословія, также бурмистрамъ, райцамъ, городовымъ урядамъ и всѣмъ обывателямъ волынской земли. Объявляя имъ свою королевскую ласку, какъ вѣрнымъ и милымъ, король напоминаетъ о прежнихъ универсалахъ, по которымъ уже привернулъ волынскую землю къ польской коронѣ, какъ ей издавна принадлежащую; что онъ назначилъ было вербное воскресенье, какъ срокъ для пріѣзда волынцевъ въ Люблинъ „на унію“, что потомъ, по просьбѣ ихъ, отложилъ этотъ срокъ на 14 мая, что къ этому сроку и явились въ Люблинъ волынскіе князья, паны и члены рады и уже принесли присягу, но что требуется, чтобы ее принесли не они только, но и всѣ обыватели волынской земли. Облегчая ихъ, король не обязываетъ ихъ ѣхать въ Люблинъ, но предоставляетъ принесть присягу въ своихъ повѣтахъ предъ посылаемыми для сего королевскими коммиссарами, предъ старостою или подстаростою и другими сановниками и чинами, назначая для сего 16 іюня, къ какому сроку приказываетъ всѣмъ явиться въ свой повѣтовый городъ для учиненія присяги по слѣдующей формѣ: „Я NN присягаю пану Богу вшехмогучому, же отъ того часу напотомъ вѣрный и послушный буду королеви его милости, на тотъ часъ и напотомъ будучому, и коронѣ польской, справуючися во всей повинности своей, вѣрне и статечне, стоячи при королю его милости и коронѣ польской, а николи ся отъ нее не отрываючи, и вшелякаго небезпеченства и шкоды, подле можности моей, остерегати яко на вѣрнаго подданнаго належитъ, такъ ми панъ Богъ, рачъ помочи и Его святая Евангелія“. У того, кто противился-бы принесть такую присягу, король грозитъ *конфисковать* имѣнія, какъ у непослушнаго его верховной власти и закону. Старосты обязывались огласить этотъ универсалъ по повѣтамъ, внесть въ гродскія книги, внесть также списки присягавшихъ и неприсягавшихъ, а выпись изъ нихъ чрезъ коммиссара должна быть доставлена королю для поступленія по закону съ непослушными.

Въ Луцкъ посланъ былъ съ универсаломъ королевскій коморникъ и коммиссаръ панъ Станиславъ Мольскій. Прибывъ въ Луцкъ, онъ 8 іюня явился въ городской урядъ, гдѣ въ отсутствіе старосты князя Богуша Корецкаго предсѣдалъ подстароста Петръ Хомякъ, безъ сомнѣнія, уже слыхавшій, а теперь отъ Мольскаго подробнѣе узнавшій о принесеніи присяги въ Люблинѣ самимъ старостой. Онъ внесъ универсалъ въ гродскія книги и, списавши копіи съ него, по обычаю, разослалъ ихъ за гродскою печатью въ повѣтъ. Слухъ о присягѣ въ Люблинѣ „преднѣйшихъ“ пановъ, угроза конфискаціей имуществъ заставляли послушаться универсала. Къ 16 іюня наѣхало множество волынскихъ пановъ въ Луцкъ, и въ городскомъ замкѣ на урядѣ предъ паномъ Мольскимъ началась присяга. Первыми присягнули члены уряда подстароста Петръ Хомякъ, судья Титъ Хомякъ, писарь Ѳедоръ Русинъ и воротный замка Ярошъ Паликіевскій; затѣмъ присягали дворяне; всѣхъ присягнувшихъ въ этотъ день было 53, между ними князь Андрей Головня-Острожецкій и княгиня Авдотья Яловинская-Козинская. 17 мая принесли присягу 120 дворянъ волынскихъ, между ними княгини Четвертинская и Любецкая, луцкій православный епископъ Иванъ Красенскій и жидичинскій архимандритъ Іона и двое бояръ Красносельскихъ. Почти всѣ присягавшіе обозначали свои имѣнія, по которымъ присягали, и которыя находились иногда не въ луцкомъ только уѣздѣ, но въ кременецкомъ, овручскомъ и даже кіевскомъ. За троихъ изъ дворянъ, не бывшихъ у присяги, ихъ повѣренные или родственники объяснили предъ урядомъ и коммиссаромъ причины неявки, какими были или болѣзнь, или отлучка въ свои литовскія имѣнія, послѣдовавшая еще до оповѣщенія универсала. Были, впрочемъ, случаи, что жены присягали за больныхъ или отсутствующихъ мужей или матери за недорослыхъ дѣтей. Одинъ больной Григорій Гулевичъ, хорунжій земли волынской, присягалъ на дому своемъ въ Подлубицахъ предъ тѣмъ же коммиссаромъ, пріѣзжавшимъ для сего на домъ. Луцкій владыка Красенскій въ своемъ имѣніи Рожищахъ, а архимандритъ жидичинскій въ Жидичинѣ [1]). Не явилось къ присягѣ безъ объясненія причинъ 48 дворянъ, въ томъ числѣ были самые знатные. Во главѣ списка неявившихся стоятъ такія лица, какъ князь Острожскій, Чарторыйскій, Корецкій и другія, уже присягавшія въ Люблинѣ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что были въ числѣ неявившихся и другіе, также принесшіе присягу въ Люблинѣ [2]). Всѣхъ присягавшихъ насчитывается, такимъ образомъ, 226 лицъ, что *приблизительно* и опредѣляетъ численный составъ волынскихъ пановъ и дворянъ, землевладѣльцевъ луцкаго повѣта въ данное время. За весьма немногими исключеніями, это были дворяне русскіе и православные. 23 іюня присягали члены городскаго (мѣщанскаго) уряда и поспольство: бурмистръ съ 3 радцами и писа-

[1]) Присягавшіе не въ урядѣ едва ли могли присягать въ тотъ же день 17 мая; они могли присягать послѣ—до 23 мая, когда королевскаго коммиссара видимъ опять въ Луцкѣ. До этого дня онъ не могъ побывать тамъ, гдѣ присягали названныя три лица, внесенныя, однако же, въ списокъ присягавшихъ дворянъ, присяга которыхъ въ Луцкѣ окончилась 17 мая.

[2]) Дѣлаемъ это замѣчаніе въ виду того ошибочнаго вывода, сдѣланнаго издателемъ документа о луцкой присягѣ, будто означенные въ немъ не присягавшими, и между ними самые знатные паны, вообще не являлись къ присягѣ (Арх. юго-зап. Рос. ч. II, т. I. XVIV, прим. 3. Кіевъ 1861 г.). О луцкомъ присяжномъ листѣ слѣдуетъ сказать тоже, что тутъ же говорится у издателя о владимірскомъ присяжномъ листѣ, помѣщенномъ въ изданіи: „Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и Волыни, т. I., стр. 19 и дал. Кіевъ 1849 г.“

ремъ, ландвойтъ съ 8 присяжными, 9 цехмистровъ за себя и за свою цеховую братію и 10 выборныхъ изъ посполства луцкихъ мѣщанъ, всѣхъ 33; затѣмъ армяне—попъ Вартинъ и три купца за всѣхъ армянъ луцкихъ; 5 евреевъ рабинскаго сбора за себя и весь сборъ и 5 евреевъ караимскаго сбора за себя и весь сборъ. Списокъ присягавшихъ и неприсягавшихъ внесенъ въ гродскія книги, а выпись изъ нихъ взята коммиссаромъ для доклада королю въ Люблинъ. Въ другой важнѣйшій городъ на Волыни—Владиміръ посланъ былъ съ королевскимъ универсаломъ коммиссаръ Иванъ Фалибовскій. Конечно, и здѣсь для созыва къ присягѣ было сдѣлано то, что и въ Луцкѣ. Присяга началась, какъ и въ Луцкѣ, 16 іюня, продолжалась 17 и 18. Первыми, какъ и въ Луцкѣ, присягали чины гродскаго уряда: подстароста Михаилъ Павловичъ, гродскій судья Иванъ Кахусовскій и писарь Якимъ Васильевичъ, затѣмъ князья Михаилъ, Дмитрій и Стефанъ Ружинскіе, князь Дмитрій Козека, князья Михаилъ и Дмитрій Курцевичи, а далѣе и другіе дворяне и дворянки, всѣхъ 48. И здѣсь нѣкоторые присягали разомъ по имѣніямъ въ разныхъ повѣтахъ; вдовы присягали за себя и свое потомство, т. е. недорослыхъ дѣтей или же вмѣстѣ съ взрослыми сыновьями, жены за больныхъ или отсутствующихъ мужей. Неявившимися къ присягѣ показано 61 лице, начиная опять съ Константина Острожскаго, о которомъ, какъ о старостѣ владимірскомъ, почтительно выражено, что „его милость не изволилъ быть на своемъ урядѣ здѣсь“. Между неявившимися есть лица, названныя по „Дневнику“, какъ присягавшія въ Люблинѣ. О нѣкоторыхъ другихъ, какъ не названныхъ въ «Дневникѣ», замѣчено именно, что они присягали въ Люблинѣ или уѣхали туда. О другихъ сказано, что уѣхали въ Литву, Польшу или, вообще, находятся далеко на службѣ королевской или у знатныхъ пановъ, такъ что не могли прибыть къ сроку, иные даже не могли и узнать о срокѣ для присяги. О значительной части неявившихся замѣчено, однако же, что не явились они „по неизвѣстной причинѣ“. Къ нимъ причисленъ и князь Андрей Курбскій. Для полученія полнаго свѣдѣнія о дворянахъ, подлежащихъ внесенію въ присяжный списокъ, гродскій урядъ и королевскій коммиссаръ Фалибовскій посылали къ сборщику податей въ владимірскомъ повѣтѣ пану Иваницкому, также къ владимірскому судьѣ, прося ихъ доставить свѣдѣнія о повѣтовыхъ дворянахъ изъ поборовыхъ реестровъ но получили въ отвѣтъ, что таковыхъ нѣтъ и что они отданы съ поборовымъ отчетомъ и деньгами главнымъ сборщикамъ. Во всякомъ случаѣ 109 дворянъ, показанныхъ въ присяжномъ листѣ, даютъ приблизительное представленіе о составѣ дворянъ владимірскаго повѣта. Въ сравненіи съ луцкимъ повѣтомъ здѣсь дворянъ было на половину менѣе, за то *княжескихъ фамилій* здѣсь было больше, чѣмъ въ луцкомъ повѣтѣ. Впрочемъ, это большею частію бѣдныя, такъ сказать

захудалыя княжескія фамиліи, представители которыхъ сами служили у такихъ знатныхъ князей, какъ Острожскій, Сангушко. 16 іюня присягали и городовые урядники: войтъ (М. Дубницкій, извѣстный безчинникъ и хищникъ) и присяжники, бурмистръ и ратмоты или радцы, цехмистеры или старшины цеховъ, всѣхъ 18. Лицъ духовныхъ, армянъ и евреевъ въ присяжномъ листѣ не означено. Съ прискорбіемъ нужно замѣтить, что въ такую важную пору, какою была для Волыни настоящая пора, во главѣ церкви стояли крайне недостойныя лица—Іона Борзобогатый - Красенскій, епископъ луцкій, и Ѳеодосій Лозовскій, епископъ владимірскій, оба извѣстные буяны и хищники. Они имѣли достаточно отваги, чтобы презирать королевскихъ посланцевъ и королевскіе приговоры на нихъ за беззаконія ихъ, но не были способны подумать объ интересахъ православной вѣры, церкви на Волыни въ моментъ присоединенія ея къ Польшѣ.

Изъ намековъ въ присяжныхъ листахъ луцкомъ и владимірскомъ видно, что одновременно производилось приведеніе къ присягѣ дворянъ и обывателей и въ другихъ мѣстахъ Волыни, Подоліи, также въ *кіевскомъ* повѣтѣ, хотя универсалъ о присягѣ въ послѣднемъ могъ быть изданъ не ранѣе 4 іюня [1]). Итакъ, вторая половина іюня была временемъ повсюдной присяги на унію во всѣхъ названныхъ русскихъ областяхъ, обнимавшихъ южную половину западной Руси. Слѣдуетъ присовокупить, что хотя волынцы одни въ Люблинѣ, другіе въ своихъ повѣтовыхъ городахъ уже приносили присягу на унію, а *волынская* привилегія датирована отъ 26 мая, но окончательная обработка ея продолжалась въ Люблинѣ на сеймѣ еще долго уже при участіи волынцевъ, какъ членовъ сейма, которые до выработки ея не хотѣли даже и являться для засѣданія на сеймѣ съ польскими сенаторами и послами. Проекты ея волынцы составили и послали къ королю и сенаторамъ только 13 іюня. Польскіе послы и сенаторы заботливо обсуждали ее въ слѣдующіе дни, желая измѣнить тѣ пункты ея, гдѣ волынцы осво-

[1]) Что въ кіевскомъ повѣтѣ съ 16 іюня уже производилась присяга, видно, между прочимъ, изъ заявленія, даннаго при совершеніи во Владимірѣ присяги Андреемъ Киселемъ, что онъ, присягая по своему имѣнію въ владимірскомъ повѣтѣ, имѣетъ еще часть селища въ повѣтѣ кіевскомъ, но въ *одинъ день* явиться въ Кіевъ и здѣсь во Владимірѣ ему было невозможно. „Жизнь Курбскаго, тамъ же, стр. 20—21“. Не имѣя подъ руками документа съ подробнымъ описаніемъ производства присяги на унію въ Кіевѣ и Кіевской землѣ, имѣемъ только общее упоминаніе объ этомъ обстоятельствѣ въ королевской грамотѣ Заушскимъ земянамъ въ Кіевскомъ воеводствѣ отъ 4 фев. 1570 г. Въ грамотѣ упоминается, что для выслушанія присяги земянъ и всѣхъ обывателей Кіевской земли король посылалъ своего дворянина Яна Быстриковскаго, который, какъ выражается король въ грамотѣ, „намъ далъ справу, ижъ и тые земяне наши (т. е. Заушскіе), заровно съ иными земяны и обывателми земли Кіевское, водлугъ повинности своее, присягу ку коронѣ учинили и въ реестръ между иными земяны и обыватели земли Кіевское заровно суть описаны и предъ насъ господаря принесены.“ (Акты Южн. и Зап. Рос., т. I, № 153, стр. 170).

бождаются отъ платежа 4-ой части, т. е. экзекуціи и обязываются ходить на войну только тогда, когда будетъ посполитое рушенье. Поляки, особенно послы, настаивали на томъ, чтобы привлечь волынцевъ къ означенному платежу и къ участію въ войнѣ во всякое время, когда понадобится войско. Замѣчательно, что король самъ вступился предъ поляками за волынцевъ въ собраніи сейма 19 іюня: „вѣдь я далъ клятву, что буду защищать ихъ. Я обѣщалъ имъ.... Вы, господа, тоже обѣщали. Чтожъ это такое! Они принесли присягу на присоединеніе къ Польшѣ, а теперь имъ уничтожаютъ то, что обѣщали! Это было бы безславіемъ для меня. И какъ бы потомъ повѣрили мнѣ другіе, когда бы я этимъ не сдержалъ слова“. Много было по этому поводу разговоровъ, споровъ, даже ссоръ и перебранокъ. Въ болѣе умѣренномъ и примирительномъ духѣ говорилъ здѣсь, какъ большею частью и всегда, посолъ Орѣховскій, перемышльскій судья; упорны были, какъ и всегда, послы краковскаго воеводства. Кончилось дѣло, однакоже, въ пользу волынцевъ, умѣвшихъ и имѣвшихъ силу отстоять себя. Но возвратимся къ Литвѣ.

Мы видѣли, что литовское посольство во главѣ съ Яномъ Ходкевичемъ, находившееся въ Люблинѣ съ 4 по 23 апрѣля, послѣ безплодныхъ протестовъ на сеймѣ и своихъ безплодныхъ совѣщаній съ польскими сенаторами, отправлено было 23 апрѣля безъ отвѣта на сдѣланныя имъ предложенія. Съ тяжелымъ чувствомъ уѣхали литовцы изъ Люблина на родину, скорбныя вѣсти привезли собратьямъ. Теперь уже не время было думать о призывѣ къ вооруженному сопротивленію полякамъ. Переписка представительныхъ литовцевъ, извѣстная отъ этого времени, свидѣтельствуетъ только о ихъ заботѣ спасти для Литвы что можно. Литовскій земскій подскарбій Николай Нарушевичъ, уѣзжавшій на время изъ Люблина въ Литву, писалъ отъ 26 апрѣля изъ Вильны Николаю-Христофору Радзивиллу и послалъ ему цѣлую связку писемъ („фасцикулъ листовъ“) изъ Люблина. Эти письма (намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстныя), безъ сомнѣнія, должны были познакомить князя съ печальнымъ положеніемъ литовскаго дѣла въ Люблинѣ. Николай-Христофоръ, прозваніемъ Сиротка, старшій, но теперь только 20-лѣтній, сынъ Николая Чернаго, имѣлъ быть хранителемъ отцовскаго завѣта въ дѣлѣ вѣры, такъ и въ дѣлѣ защиты независимости Литвы отъ Польши [1]). Не устоялъ онъ въ первомъ, не могъ устоять и въ послѣднемъ, хотя на него, повидимому, надѣялись, какъ на сына Николая Чернаго и какъ на бывшаго любимца короля. Вмѣстѣ съ

[1]) Этотъ Николай-Христофоръ былъ съ дѣтства любимцемъ короля, отъ котораго и получилъ прозваніе *Сиротки*. Ему и другимъ сыновьямъ отецъ завѣщалъ быть вѣрными кальвинизму и преданіямъ фамиліи. Но скоро іезуиты стали зорко слѣдить за молодыми княжичами, начиная съ старшаго и покончили обращеніемъ всѣхъ въ р.-католичество.

Ходкевичемъ онъ былъ въ Люблинѣ съ 4 апрѣля, привлекаемъ былъ къ присягѣ на унію по своему подлѣсскому имѣнію Морды, то тогда не присягнулъ, просилъ отсрочки у короля, который отвѣчалъ, что не можетъ ручаться за то, что заставятъ его сдѣлать польскіе сенаторы и послы. Уѣхавъ изъ Люблина, онъ жилъ въ одномъ изъ своихъ имѣній, куда и писалъ ему Нарушевичъ и откуда самъ онъ писалъ къ королю съ извиненіемъ за непріѣздъ на подлѣсскую присягу во вторичный срокъ и съ объясненіемъ, что „смотритъ на старшихъ литовскихъ сенаторовъ и поступитъ такъ, какъ они поступятъ“. Теперь, послѣ письма отъ Нарушевича, онъ получилъ новое письмо отъ поляка Кречовскаго изъ Люблина отъ 4 мая. Кречовскій совѣтовалъ Сироткѣ поспѣшить къ сроку въ Люблинъ, чтобы не подвергнуться приговору *контумаціи* и не потерять имѣнія Морды. Извѣщая о примѣрахъ отнятія доходныхъ урядовъ у нѣкоторыхъ изъ подлѣсянъ, заупрямившихся присягнуть на унію, и отдачѣ ихъ другимъ присягнувшимъ, Кречовскій искусительно подсказываетъ молодому магнату, что, прибывъ для присяги, онъ не только избавился бы отъ опасности потерять Морды, но и могъ бы добыть для себя вакантную должность подлѣсскаго подчашія. Сейчасъ увидимъ, что Сиротка, не смотря на свое магнатство, не останется глухъ къ льстивымъ совѣтамъ своего польскаго пріятеля. Гораздо тверже казался старый дядя его Николай Радзивиллъ Рыжій. Уѣхавъ 1 марта изъ Люблина, онъ болѣе не пріѣзжалъ, и воеводствуя въ Вильнѣ, какъ первый литовскій вельможа, ободрялъ другихъ на сопротивленіе полякамъ. Теперь невеселыя получалъ онъ письма. Отъ 20 мая Иванъ Ходкевичъ изъ своего имѣнія Гущи на Волыни писалъ Рыжему, что по полученнымъ изъ Люблина извѣстіямъ, тамъ угрозами о контумаціи и конфискаціи имѣній принуждаютъ волынянъ присягать на унію, что поляки не хотятъ продлить для литовцевъ срокъ пріѣзда на сеймъ [1]) и не скрываютъ своей радости на случай, если литовцы и не пріѣдутъ, ибо тогда литовскія имѣнія, на основаніи приговора о контумаціи, перейдутъ въ польскія руки, что вообще нечего ждать литовцамъ въ это невзгодное для нихъ время, а слѣдуетъ ѣхать въ Люблинъ и притомъ не порознь, а вмѣстѣ, и въ заключеніе умолялъ князя прибыть лично въ Люблинъ, ибо „безъ вашей милости мы ничего не сможемъ сдѣлать“. Еще печальнѣе было письмо Ходкевича къ Радзивиллу отъ 28 мая изъ Парчева. Увѣдомляя, что воеводы троцкій, кіевскій, волынскій, луцкій бискупъ, даже Евстафій Воловичъ и не мало мелкой шляхты присягнули на своихъ волынскихъ имѣніяхъ, что волынскіе

[1]) Литовцамъ, послѣ отправленія 23 апрѣля посольства ихъ безъ отвѣта, сеймъ назначилъ четыре недѣли срока для новаго пріѣзда на сеймъ. Литовское посольство просило продлить этотъ срокъ до шести недѣль, но сеймъ, по настоянію посольской палаты, не согласился на это.

послы требуютъ, чтобы Кіевъ, какъ принадлежащій не Руси, а Волыни, присоединенъ былъ къ Волыни, т. е. къ Польшѣ вмѣстѣ съ Волынью, Ходкевичъ присовокупляетъ, что и король старается, чтобы не было оппозиціи уніи [1]). Къ концу мая уже истекъ срокъ, назначенный для пріѣзда литовцевъ, и Ходкевичъ съ нѣкоторыми литовцами прибылъ въ Люблинъ. Литовское дѣло засталъ онъ въ положеніи отчаянномъ, о чемъ и сообщилъ Николаю Рыжему письмомъ отъ 31 мая. „До чего дошло уже дѣло и опись убогой и бѣдной Литвы, нѣтъ нужды и говорить вашей милости. Сердце поражается болію при видѣ того, что съ нами дѣлается, что насъ преслѣдуетъ зло съ той стороны, отъ которой мы ждали всякаго добра (т. е. Польши). Литовцы живо присягаютъ: одни, хотя и не рады, но должны, другіе съ распростертыми объятіями". Сказавъ далѣе о требованіи волынцевъ, чтобы Кіевъ, Берестье, Пинскъ и Кобринъ были присоединены къ Волыни съ границею по Наревъ и Ясольду, Ходкевичъ прибавляетъ, что поляки, видя такой успѣхъ на своей сторонѣ, начинаютъ увѣрять, что въ уніи съ Литвой они болѣе не нуждаются, что вмѣстѣ съ уніей имъ пришлось бы принять на себя тяжкую обязанность защищать Литву отъ москалей, что поляки грозятъ отнять отъ Литвы и Жмудь и отдать пруссамъ. Ходкевичъ умоляетъ Радзивилла поспѣшить въ Люблинъ для защиты убогой Литвы. Гордый магнатъ эгоистъ не хотѣлъ подпасть униженію, ждавшему литовцевъ въ Люблинѣ. Но Николай Христоферъ пріѣхалъ и сейчасъ принесъ присягу по подлѣсскому имѣнію. Прибывали и другіе литовскіе сенаторы. Во главѣ съ Ходкевичемъ они еще разъ принялись отстаивать литовское дѣло. Они говорили о томъ королю въ частной аудіенціи 3 іюня, высказывая въ частности свою скорбь о присоединеніи Волыни къ Польшѣ и замыслѣ присоединенія Кіева съ его областію. Но эту скорбь поляки рѣшились усилить, чтобы подавить ею литовцевъ, и 4 іюня изданъ королевскій указъ о присоединеніи Кіева. Узнали литовцы и о томъ, что обыватели берестскаго повѣта въ инструкціи своимъ посламъ наказываютъ не возвращаться безъ уніи. „Никогда еще не было столь тяжелыхъ ударовъ нашему отечеству и, вѣроятно, за грѣхи Богъ караетъ Литву", писалъ изъ Люблина Нарушевичъ Николаю Рыжему отъ 5 іюня. Всю вину за неудачи Литвы литовскіе патріоты, по словамъ Нарушевича, приписывали литовскимъ знатнымъ сенаторамъ, ихъ рѣзкому обращенію съ королемъ и отъѣзду съ сейма, и впереди всѣхъ виня за это самого Радзивилла. Гордецъ этотъ продолжалъ блистать своимъ отсутствіемъ и тяжесть борьбы съ

[1]) Всѣ упоминаемыя здѣсь письма Нарушевича, Кречовскаго и Ходкевича помѣщены въ Вилен. археогр. сборникѣ т. VII, №№ 19—27. Слѣдуетъ замѣтить, что дни, къ которымъ пріурочиваются въ этихъ письмахъ извѣстныя дѣйствія сейма, не совпадаютъ съ днями, къ которымъ они отнесены въ „Дневникѣ". Это одно изъ указаній на отсутствіе въ послѣднемъ строгой точности. Датамъ писемъ мы довѣряемъ болѣе, чѣмъ „Дневнику".

поляками падала на Ходкевича съ товарищами. Съ великою горечью писалъ къ Радзивиллу отъ 6 іюня, выражаясь, что дѣла идутъ все хуже и хуже, и что какъ не предвидится средствъ къ поправленію ихъ, то большая половина литовскихъ пословъ впала въ какую-то апатію. Сообщая о недавней внезапной кончинѣ своего дяди Юрія Ходкевича, Иванъ Ходкевичъ сообщалъ, что на дняхъ за обѣдомъ у него, Ивана, Юрій, какъ истинный патріотъ, выражалъ желаніе не дождаться уніи. Такъ и сталось: къ утру Богу душу отдалъ [1]). Не смотря на семейное горе, Иванъ Ходкевичъ имѣлъ довольно бодрости, чтобы продолжать борьбу совмѣстно съ Воловичемъ и другими. Въ собраніи сената 7 іюля Ходкевичъ говорилъ сильную рѣчь, съ горечью и съ колкими упреками за отторженіе отъ Литвы и присоединеніе къ Польшѣ цѣлыхъ областей, принадлежность которыхъ къ Польшѣ еще не доказана. „Непріятель, говорилъ Ходкевичъ, во время перемирія не нарушалъ собственности, а насъ, живущихъ въ вѣчномъ мирѣ и братствѣ съ вами, вы, господа поляки, лишаете этого права. Справедливости мало на землѣ! Но Богъ такой неправды съ нами не попуститъ: рано или поздно, но разсчетъ будетъ". Краковскій епископъ отвѣчалъ увѣщаніями литовцамъ признать совершившееся, продолжить дѣло, засѣсть въ сеймѣ и обрабатывать общую привиллегію на унію. „Не знаю, отозвался Ходкевичъ, какая то будетъ унія, когда мы видимъ, что уже теперь между вами въ сенатѣ сидятъ литовскіе сенаторы. Вы уже обрѣзали намъ крылья! Между вами уже сидятъ воеводы: волынскій, кіевскій, подлѣсскій, между вами и другіе сенаторы—кастеляны. Впрочемъ, дайте намъ привиллегію на унію: мы обсудимъ ее". Имъ дали эту привиллегію, а посольскій маршалъ Чарнковскій присоединилъ и свои увѣщанія литовцамъ отъ имени поляковъ. На слѣдующій день королю донесены послами рѣзкія рѣчи литовцевъ, оскорбительныя и для короля. Король отвѣчалъ, что и самъ дурно смотритъ на поступокъ литовцевъ, но совѣтуетъ оставить его безъ вниманія и вести дѣло до конца. „Сказать правду, прибавилъ король, литовцы не могутъ не сердиться; невзгода ихъ не маловажная,—у нихъ вѣдь оборваны крылья, но вы, господа, добивайтесь своего". Эти выраженія, какъ Ходкевича, такъ и самаго короля объ оборванныхъ у литовцевъ крыльяхъ (чрезъ отторженіе южно-русскихъ земель отъ Литвы) достаточно выясняютъ и прежнюю политику сейма и короля, и безъисходное теперешнее положеніе литовцевъ, которымъ оставалось одно—идти на унію. Но они желали, по крайней мѣрѣ, покончить ее, насколько можно, безобидно для Литвы, сохранивъ хоть что-нибудь изъ аттрибутовъ прежней незави-

[1]) Письмо отъ 6 іюня приведено въ предисловіи къ изданію „Дневника" стр. Ш, съ усвоеніемъ его Григорію Ходкевичу. Но оно писано не Григоріемъ, а Иваномъ Ходкевичемъ и упоминаетъ о смерти не Еронима, а Юрія Ходкевича, о которомъ говорится въ письмѣ московскаго посланца Булгакова. А. з. Р. Ш, стр. 152.

симости ея. Въ этомъ весь смыслъ дальнѣйшихъ переговоровъ ихъ объ уніи до самаго конца сейма.

Разсматривая данную имъ поляками привиллегію на унію и выработывая свои проекты ея, литовцы требовали отмѣнить въ привиллегіи слѣдующіе пункты: а) предисловіе о контумаціи, дававшее мысль, что литовцы, какъ мятежники, уѣхавшіе предъ тѣмъ изъ сейма, приневолены къ уніи властію короля; б) пунктъ о наслѣдствѣ великаго княжества литовскаго, переходящемъ къ Польшѣ по варшавской деклараціи, и настаивали, что Литва была свободнымъ государствомъ, свободно избиравшимъ своихъ государей, между тѣмъ, какъ пунктомъ о наслѣдствѣ давалось представленіе о порабощеніи Литвы королевству, какъ подаренной ему королемъ, по праву распоряжаться своимъ наслѣдствомъ,—въ связи съ тѣмъ литовцы требовали, чтобы въ привиллегіи не были упомянуты ни древнѣйшія привиллегіи, исключая Александровой, на которую они уже прежде согласились, ни новая варшавская декларація, ни даже Люблинскій сеймъ, какъ упоминавшій о контумаціи и отдавшій Польшѣ отъ Литвы цѣлыя земли; в) сохранить двѣ государственныя печати, польскую и литовскую, какъ въ грамотахъ на избраніе короля, такъ въ самой привиллегіи на унію и вообще въ важныхъ государственныхъ актахъ, сохранить, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ почетныя должности и чины литовскіе; г) общіе сеймы соединеннаго государства держать попеременно то въ Польшѣ, то въ Литвѣ, вообще не унижать чести и достоинства литовскаго государства; д) сохранить Инфлянты (Ливонію) при Литвѣ, которая пріобрѣла ихъ большими жертвами и кровію; е) требовали, чтобы не только поляки сенаторы и послы принесли присягу Литвѣ, какъ Литва принесетъ ее полякамъ, но чтобы принесли ей присягу и представители земель, уже объявленныхъ присоединенными къ Польшѣ; ж) требовали, наконецъ, чтобы всѣ пункты на унію были окончательно выработаны и опредѣлены въ привиллегіи по взаимному соглашенію до присяги, которая послѣ того уже будетъ принесена, и литовцы засядутъ въ общемъ сеймѣ соединенныхъ государствъ. Эти пункты во многомъ уже выражали уступку литовцевъ, въ сравненіи съ начальными требованіями ихъ; но еще не конецъ былъ ихъ уступкамъ. Замѣчательно, что на большую часть этихъ пунктовъ наклонны были согласиться король и сенаторы, но не соглашалось большинство пословъ. Они продолжали твердить, что не хотятъ входить съ литовцами ни въ какія совѣщанія и соглашенія и требуютъ безусловнаго принятія уже составленной привиллегіи. Болѣе умѣренные и благоразумные склонялись на уступки въ извѣстныхъ пунктахъ, напр., въ пунктѣ объ исключеніи контумаціи, говоря, что она не имѣетъ смысла теперь, когда литовцы пріѣхали на сеймъ. Но крайніе, каковы особенно послы краковскаго воеводства, нас таивали и на ней, совѣтуя показать твердость предъ литовцами,

ни въ чемъ не уступать имъ и высказывая готовность даже бросить дѣло уніи, если литовцы не уступятъ. Благоразумнѣйшіе изъ пословъ во главѣ съ тѣмъ-же Орѣховскимъ называли такую твердость упрямствомъ, считали позоромъ и несчастіемъ разстроить дѣло, такъ долго и съ такими усиліями преслѣдуемое. Завзятость болѣе несговорчивыхъ пословъ доходила до того, что они позволили себѣ дерзкія инсинуаціи противъ короля и сената, домогались непремѣнно присутствовать въ совѣщаніяхъ его съ сенаторами и даже не приглашенные вторгались въ сенатскую залу, когда король держалъ тайныя совѣщанія съ сенаторами [1]). Такъ 15 іюня, когда король обсуждалъ съ сенаторами пункты литовской рукописи, т. е. проекта привиллегіи на унію, послы, возбужденные особенно сочленами изъ краковскаго воеводства, въ пылу задора, рѣшили, не смотря на убѣжденія сдерживавшаго ихъ Орѣховскаго, отправить депутацію къ королю и сенаторамъ и требовать прекратить обсужденіе литовской рукописи. На этотъ разъ поддерживаемый сенаторами король далъ имъ выговоръ за нахальство и отослалъ ихъ назадъ ни съ чѣмъ. Тѣмъ не менѣе, подъ давленіемъ пословъ король и сенаторы принуждены были склонять литовцевъ къ новымъ уступкамъ, къ постепенному отказу отъ своихъ пунктовъ. Надо признать, что поставленный между налеганіями съ одной—польской и неподатливостью съ другой—литовской сторонъ, король трудился болѣе всѣхъ надъ дѣломъ соглашенія. Во время собраній польскихъ сенаторовъ въ одной, литовскихъ въ другой залѣ, король попеременно ходилъ то въ одну, то въ другую залу, переговаривался то съ той, то съ другой стороной, посылалъ отвѣты и успокоенія посламъ, которые, ожидая результата переговоровъ въ своей нижней залѣ, не переставали высказывать нетерпѣніе и напоминать королю и сенаторамъ, чтобы не уступали литовцамъ. Особенно тяжки были для короля послѣдніе дни такихъ переговоровъ 24 и 25 іюня, когда онъ провелъ въ нихъ разъ около 6, другой и болѣе того часовъ, такъ что отъ утомленія почувствовалъ себя дурно. Безъ сомнѣнія, во время этихъ-то переговоровъ онъ гарантировалъ литовцамъ устранить изъ привиллегіи на унію рѣчи о контумаціи, являлъ благосклонность къ нимъ послѣ бывшаго предъ тѣмъ гнѣва, обѣщалъ защиту и т. п. И онъ наконецъ достигъ цѣли. Литовцы, въ свою очередь, также истомленные и щадившіе короля, рѣшились согласиться на унію, принесть присягу ему, предавъ на волю короля какъ все дѣло уніи, такъ и самую привиллегію на нее, имѣвшую окончательно опредѣлиться послѣ присяги, какую съ своей стороны обѣщали дать и поляки.

[1]) Въ инсинуаціяхъ сеймовыхъ пословъ шляхтичей видится подозрѣніе къ королю и сенаторамъ въ томъ, что они наклонны въ союзѣ съ литовскими сенаторами подорвать значеніе посольской или шляхетской палаты сейма, властною притязательностью которой дѣйствительно тяготились польскіе сенаторы.

28 іюня, наканунѣ праздника Петра и Павла, было особенно торжественное собраніе сейма. Король наканунѣ предупредилъ о томъ пословъ, приказавъ собраться имъ съ сенатомъ поранѣе—въ десятомъ часу, прибавивъ, что и самъ противъ обыкновенія пообѣдаетъ ранѣе, чтобы быть ранѣе въ сенатѣ. Собрались польскіе сенаторы, пришелъ король и, когда прибыли литовскіе сенаторы, позвалъ въ сенатскую залу и сеймовыхъ пословъ. Отъ литовцевъ выступилъ съ рѣчью къ королю все тотъ же Ходкевичъ. Въ этой длинной, сильной и трогательной рѣчи онъ еще разъ напомнилъ, на чемъ остановилось дѣло послѣ прежнихъ уступокъ въ немъ со стороны литовцевъ, сдѣланныхъ ими, какъ вѣрными подданными, изъ повиновенія королю, указалъ также на тѣ пункты польской привиллегіи на унію, на которые они не соглашались, но наконецъ согласились, хотя принудили себя къ тому съ великою болію и стѣсненіемъ сердца; еще разъ объясняетъ тяжесть этихъ пунктовъ и умоляетъ хоть что нибудь измѣнить въ нихъ, хоть что нибудь сохранить для литовцевъ, сохранить особую государственную печать, ради чести бывшаго литовскаго государства, цѣлость котораго своею кровію защищали литовцы и если не могли довершить защиты, то потому, что нужно было уступить препятствіямъ, судьбѣ и времени. Чувствуя теперь свое безвыходное положеніе, смущаемое въ своей совѣсти, претящей имъ согласиться на порабощеніе своей страны Польшѣ, литовцы ищутъ опоры въ Богѣ и королѣ: „Намъ уже не къ кому обратиться за помощію, развѣ только къ Богу и къ вамъ, милостивый государь нашъ, какъ защитнику нашихъ правъ и Божію помазаннику.... Приносимъ вамъ нижайшую просьбу такъ привести къ концу это дѣло, дабы оно не влекло за собою порабощенія и позора намъ и потомкамъ нашимъ.... Будьте сами стражемъ и умирителемъ этого дѣла, и если вы его совершите въ любви, то это будетъ для насъ величайшею отъ васъ милостію.... Мы теперь доведены до того, что должны съ покорною просьбою пасть къ ногамъ вашего величества“. Всѣ литовцы съ плачемъ пали на колѣна, а Ходкевичъ продолжалъ: „именемъ Бога умоляемъ тебя, государь, помнить нашу службу, нашу вѣрность тебѣ и нашу кровь, которую мы проливали для твоей славы. Благоволи такъ устроить насъ, чтобы всѣмъ намъ была честь, а не посмѣяніе и униженіе, чтобы сохранены были наше доброе имя и твоя государская совѣсть. Именемъ Бога умоляемъ тебя помнить, что ты намъ утвердилъ своею собственною присягою“. Литовцы встали съ плачемъ. „И изъ насъ, поляковъ, замѣчаетъ авторъ „Дневника“, рѣдко кто не плакалъ или не былъ взволнованъ отъ жалости, потому что многіе сенаторы плакали“. Ходкевичъ обратился къ польскимъ сенаторамъ: „просимъ васъ, милостивые государи, ради Бога, постарайтесь такъ кончить это дѣло, чтобы мы могли при этомъ сохранить нашу добрую совѣсть, нашу честь, и чтобы всѣмъ намъ была отъ того радость“. Литовцамъ отвѣчалъ епископъ краковскій, начавъ такъ: „милостивые государи! Въ этой залѣ между нами, кажется, нѣтъ ни одного, кого бы не растрогала эта печальная, жалобная и, можно сказать, слезная рѣчь, съ которою вы обратились къ его величеству и къ намъ; но справедливо ли въ ней вы все говорите, это еще нужно надлежащимъ образомъ разсмотрѣть“. Послѣ разныхъ дополнительныхъ объясненій, епископъ заключилъ: „Богъ дастъ, вы съ радостью согласитесь на унію“. Затѣмъ онъ всталъ, встали со стульевъ и всѣ сенаторы и епископъ продолжалъ: „просимъ васъ, милостивые государи и братья, согласитесь принять унію. Что касается до послѣднихъ пунктовъ, вами предложенныхъ, то король самъ дастъ отвѣтъ на нихъ. Вторично просимъ васъ, согласитесь на унію, покончите дѣло“. Сказалъ краткую рѣчь и король, призналъ важность рѣчи литовской, защищалъ унію и благодарилъ литовцевъ за принятіе ими нѣкоторыхъ, предъ тѣмъ спорныхъ пунктовъ ея. Потомъ подканцлеръ ксендзъ Красинскій, по приказу короля, читалъ по напередъ уже приготовленной тетрадкѣ длинный отвѣтъ, въ которомъ особенно выяснялъ и защищалъ необходимость тѣхъ пунктовъ привиллегіи на унію, на которые указалъ Ходкевичъ въ своей рѣчи, какъ обидные и нежеланные для литовцевъ. „Вамъ, гг., прочитано мое мнѣніе, сказалъ король, обратясь къ литовцамъ: вы видите, что я имѣю въ виду одно—благоустроить дѣла въ государствахъ, надъ которыми Богъ поставилъ меня до времени, возложивъ на меня обязанность стараться, чтобы между этими двумя народами сохранялось надолго единеніе. Я дѣйствительно старался всегда и буду стараться исполнить эту обязанность. Дѣлать что либо противъ совѣсти, у меня, по милости Божіей, нѣтъ желанія. И это дѣло уніи, ей-ей, я устроилъ по совѣсти и остерегался вести васъ къ тому, что могло бы быть противъ вашей совѣсти... Я не забываю, что долженъ предстать предъ Богомъ и дать ему отчетъ, какъ исполнялъ здѣсь все то, что Онъ мнѣ ввѣрилъ, и какъ всякій получитъ отъ Него награду за добрыя дѣла, такъ и я надѣюсь получить ее за это дѣло уніи“. Эти слова король говорилъ со слезами, присутствовавшіе тоже плакали. Король продолжалъ: „я убѣжденъ, что это дѣло не противно ни моей, ни вашей совѣсти, потому что тутъ имѣется въ виду взаимная любовь и вѣчное братство, а гдѣ любовь, тамъ пребываетъ Богъ, и напротивъ, тамъ нѣтъ Бога, гдѣ нѣтъ любви....“ И долго еще говорилъ король, высказывалъ свою вѣру, что унія устрояется самимъ Богомъ и совѣтовалъ литовцамъ покориться волѣ Божіей, клятвенно увѣряя, что онъ не ведетъ ихъ къ порабощенію чрезъ эту унію, что литовцы будутъ имѣть съ нею тѣ же почести и вольности, какія имѣются въ королевствѣ. „Вы, господа, продолжалъ еще король, во время своей рѣчи плакали и падали на колѣна. Этимъ вы показали мнѣ необычную въ мірѣ честь, мнѣ—человѣку, созданію

грѣховному. Притомъ такую честь не въ обычаѣ приносить государямъ, которые правятъ вольнымъ народомъ, по законамъ, но такъ какъ это сдѣлали вы, мои сенаторы, то какъ бы то ни было, я долженъ принять отъ васъ эту честь, но повторяю, это колѣнопреклоненіе мы должны дѣлать только предъ Богомъ, а не предъ мірскими владыками“.... Король закончилъ выраженіемъ увѣренности, что литовцы со временемъ будутъ сами рады уніи, а теперь исполнятъ его волю о ней. Отъ имени литовцевъ епископъ жмудскій почтительно попросилъ дать имъ еще время на размышленіе и передать на обсужденіе письменный отвѣтъ короля, читанный подканцлеромъ. Король сказалъ дать. Литовцы удалились въ свою залу и обсуждали отвѣтъ около трехъ часовъ. Сеймъ не расходился и ждалъ, а съ нимъ и король. Литовцы возвратились и Ходкевичъ опять держалъ умную рѣчь въ глубоко скорбномъ и, такъ сказать, молебномъ тонѣ, взывая къ милости короля и прося, чтобы при заключеніи уніи признаны были чистота и безупречность дѣйствій литовцевъ, соблюдены благо, достоинство и честь ихъ страны, чтобы дано было о томъ и письменное увѣреніе литовцамъ въ привиллегіи на унію. О томъ же просилъ въ рѣчи къ сенаторамъ и Евстафій Воловичъ. Отъ сенаторовъ епископъ краковскій отвѣчалъ убѣдительнѣйшими увѣреніями литовцевъ, что ихъ будутъ имѣть какъ братьевъ и т. д Повторилъ и король увѣреніе въ своей полной благосклонности къ литовцамъ, въ заботливости о благѣ ихъ, какъ только они исполнятъ его волю объ уніи. Поздно кончилось собраніе сейма и унія признана состоявшеюся.

На слѣдующій день, въ праздникъ Петра и Павла, въ Люблинскихъ костелахъ уже пѣли: Тебе, Бога, хвалимъ..., а проповѣдники призывали народъ благословлять Бога о счастливомъ событіи. То были еще поспѣшныя изліянія чувствъ радости. Въ самый этотъ день, не смотря на праздникъ, литовскіе депутаты, прибывши къ польскимъ посламъ, выправляли привиллегію на унію, пытались, но безуспѣшно, отстаивать отдѣльную литовскую печать; на слѣдующій день выправка привиллегіи производилась въ сенатѣ въ присутствіи короля. Литовцы на все согласились и на 1 іюля назначена присяга на унію.

Прежде всего читана въ слухъ всѣхъ привиллегія на унію, предложенная въ двухъ совершенно сходныхъ спискахъ—одномъ отъ имени поляковъ, другомъ отъ имени литовцевъ, такъ что они имѣли видъ взаимнаго вѣчнаго обязательства, которое давали одна другой обѣ стороны. Въ первомъ пунктѣ или предисловіи за началомъ—„во имя Господа, аминь. Да будетъ памятно нижеизложенное дѣло на вѣчныя времена“ и проч.,—поименованы лица, присутствующія на сеймѣ, польскіе сенаторы и послы, между ними сенаторы и послы воеводствъ подлѣсскаго, волынскаго, подольскаго и кіевскаго, какъ уже присоединенныхъ къ Польшѣ [1]). Какъ представители страны, имѣющіе полномочія отъ братій, они возобновляютъ и укрѣпляютъ союзъ королевства съ великимъ княжествомъ литовскимъ, который издавна существовалъ и охотно всегда поддерживался, и хотя былъ затрудненъ какимъ то образомъ только въ недавнія злыя и мятежныя времена, но остается обязательнымъ на основаніи древнихъ привиллегій. Дальнѣйшими пунктами новой привиллегіи утверждается вѣчное сліяніе государствъ въ одно тѣло, одинъ народъ, одно государство, одну Рѣчь Посполитую съ однимъ всегда государемъ; прекращается отдѣльное избраніе и возведеніе на престолъ великаго князя въ Литвѣ, но сохраняется титулъ великаго княжества; у соединеннаго государства должны быть общій сенатъ и общіе сеймы, подъ предсѣдательствомъ общаго государя; отдѣльные государственные сеймы въ Литвѣ уничтожаются; общіе же созываются въ Польшѣ; король сохранитъ въ цѣлости всѣ права и привиллегіи, вольности, почетныя и служебныя должности, суды, званія, княжескія сословія, шляхетскіе роды въ земляхъ соединенныхъ государствъ; присяга отнынѣ будетъ приноситься одному польскому королевству; представители соединенныхъ народовъ обязуются помогать одни другимъ и поровну дѣлить счастье и несчастье; сношенія и союзъ съ другими народами должны быть ведены совѣтомъ и согласіемъ представителей обоихъ народовъ; монета должна быть общая, всѣ таможенныя пошлины, водяныя и сухопутныя, уничтожаются, кромѣ обыкновенныхъ купеческихъ пошлинъ; отмѣняются всѣ постановленія, запрещавшія или ограничивавшія пріобрѣтеніе земельныхъ владѣній обывателями одной страны въ другой; экзекуція касательно столовыхъ имѣній короля на чиновъ и лицъ литовскаго княжества не простирается и самой рѣчи о ней сенаторы и всѣ чины обязываются не поднимать. Хотя отнынѣ король прекратитъ раздачу существующихъ имѣній королевскаго стола, но тѣ имѣнія, которыя потомъ могутъ переходить къ королю отъ родовъ княжескихъ, сенаторскихъ, шляхетскихъ, онъ можетъ раздавать лицамъ и родамъ польскимъ и литовскимъ. Крѣпости и имѣнія, отнимаемыя отъ врага—московскаго князя, король будетъ возвращать тѣмъ, чьи они были прежде. Эти пункты привиллегіи обѣ стороны именемъ Божіимъ и честнымъ шляхетскимъ и христіанскимъ словомъ обѣщаютъ за себя и потомковъ хранить свято и неизмѣнно и общими силами подъ властію короля возставать противъ нарушителей ихъ и вручаютъ одна сторона другой списки привиллегіи съ привѣшенными къ нимъ печатями участвовавшихъ лицъ.

[1]) Всѣхъ сенаторовъ и пословъ изъ этихъ четырехъ воеводствъ поименовано всего до 30 при общемъ составѣ сенаторовъ и пословъ соединенныхъ польскихъ и русскихъ земель, простиравшемся свыше 160. Такъ слабо было численное представительство русскихъ на сеймѣ. Число литовцевъ, подписавшихся на литовскомъ спискѣ привиллегій, намъ не извѣстно.

Затѣмъ началась присяга. На столѣ предъ королемъ положено было евангеліе отъ Іоанна. Присягавшіе становились на колѣна, клали два пальца на евангеліе и произносили форму присяги. Первыми присягали польскіе сенаторы, начиная съ епископовъ, за ними свѣтскіе сенаторы, по восемь заразъ; далѣе литовскіе сенаторы, потомъ польскіе и литовскіе послы по воеводствамъ. Съ польскими сенаторами и послами присягали и русскіе При актѣ присяги польскіе сенаторы благодарили Бога, что дожили до этого времени и сильно плакали, такъ что и канцлеръ не могъ отъ волненія читать формулу присяги и ее сталъ читать великій маршалъ, но потомъ канцлеръ, оправившись, продолжалъ читать ее сенаторамъ и посламъ. Литовцамъ читалъ формулу присяги подканцлеръ Воловичъ [1]). Присяга длилась до 8 часовъ вечера. Король все время стоялъ у стола, снявъ шапку. Архіепископъ гнѣзненскій благодарилъ короля, поздравлялъ литовцевъ въ рѣчи къ нимъ, на что отвѣчалъ рѣчью Ходкевичъ, а все заключилъ рѣчью король. Затѣмъ на уже приготовленномъ у замка конѣ король, сопутствуемый сенаторами, послами и народомъ, подъ сильнымъ дождемъ, поѣхалъ въ костелъ св. Станислава; по слову короля запѣли: Тебе, Бога, хвалимъ...; король былъ въ слезахъ и самъ пѣлъ. По окончаніи богослуженія король отправился въ замокъ.

Событіями 1 іюня завершилось главное дѣло сейма—утвержденіе уніи Но сеймъ продолжался еще до 12 августа. Требовалось еще формулировать всѣ частные акты уніи въ общемъ актѣ или конституціи на унію. Оставались нерѣшенными и многія другія дѣла, какъ намѣченныя въ самомъ началѣ сейма, такъ и выдвигавшіяся во время сейма. Много разъ принимались за эти дѣла на сеймѣ, обсуждали ихъ, спорили о нихъ, но большею частію еще не довершили ихъ. Эти другія дѣла сейма не имѣютъ для насъ непосредственнаго значенія и мы можемъ сказать о нихъ короче и по стольку, по скольку они соприкасаются съ дѣломъ уніи, излагая притомъ не въ порядкѣ сеймовыхъ засѣданій, а въ порядкѣ ихъ однородности. Таковы:

1) Дѣло объ Инфлянтахъ или Ливоніи. На Люблинскомъ съѣздѣ съ первыхъ же дней неудачныхъ переговоровъ съ литовцами, поляки уже заговорили о Ливоніи, какъ неправильно присвоенной притязательными литовцами. Послѣ отъѣзда ихъ съ сейма 1 марта, поляки стали настойчивѣе

[1]) Литовцы присягали два раза: разъ какъ польскіе сенаторы, другой разъ на привиллегіи. Скандальнымъ эпизодомъ во время присяги былъ отказъ трехъ польскихъ социніанъ—антитринитаріевъ присягать по формулѣ, гдѣ были слова: присягаю Господу Богу, въ *Троицѣ единому*. Только одинъ, по увѣщанію короля, согласился присягнуть, не произнося, однако, послѣднихъ словъ. Другіе два ушли, избѣгая присяги. Отъ нихъ потребовали присяги на слѣдующій день, а когда они отказывались, то постановлено было лишить ихъ права подачи мнѣній и самаго засѣданія на сеймѣ. Послѣ этого они согласились присягнуть.

говорить и Ливоніи и, согласно принятому проекту, поразить Литву отторженіемъ отъ нея разныхъ земель по частямъ, не одинъ разъ требовали немедленнаго отнятія у Литвы и присоединенія къ Польшѣ и Ливоніи. Король обыкновенно повторялъ, что надо еще подождать. Затѣмъ въ іюнѣ, когда съ пріѣздомъ литовцевъ на сеймъ возобновились переговоры объ уніи, литовцы вступались и за свои права на Ливонію. Ходкевичъ, болѣе всѣхъ подвизавшійся въ пріобрѣтеніи Ливоніи, бывшій ея правителемъ, давшій и свой гербъ ей, имѣлъ полное право въ своей знаменитой рѣчи 25 іюня выразиться такъ: „что касается Инфлянтовъ, то вашему величеству извѣстно, какъ мы защищали ихъ отъ враговъ, сколько понесли издержекъ и сколько, наконецъ, принесли въ жертву нашей крови и жизни. И что еще важнѣе: мы дали имъ клятву, что они будутъ при литовскомъ княжествѣ. Поэтому, если Инфлянты, вслѣдствіе совѣтовъ и убѣжденій вашего величества, сами пожелаютъ отойти отъ насъ, то ваше величество благоволите снять съ насъ вышесказанную присягу. Но такъ какъ мы, какъ я уже сказалъ, получили эту страну цѣною великихъ потерь, защищали ее отъ непріятеля и до сихъ поръ защищаемъ, жертвуя для сего нашимъ имуществомъ и здоровьемъ, то справедливо было бы вознаградить наши потери“. 1 іюля, въ день присяги на унію, литовцы требовали, чтобы представители Инфлянтовъ присягали вмѣстѣ съ литовцами, какъ члены литовскаго княжества. Но поляки отвѣчали: „Инфлянты на столько же принадлежатъ королевству, на сколько и вамъ; можно даже сказать, что они больше принадлежатъ королевству, чѣмъ вамъ: поэтому они присягнутъ королевству особо, а не вмѣстѣ съ вами“. Вопросъ объ Инфлянтахъ продолжалъ обсуждаться и въ засѣданіи 27 іюля. Замѣчательно, что, настаивая на принесеніи ливонцами присяги прямо королевству, нѣкоторые поляки предполагали, однакоже, до поры до времени оставить ихъ подъ покровительствомъ литовцевъ, т. е. оставить на плечахъ ихъ тягости защиты этой страны, а самую страну взять къ коронѣ. При этихъ спорахъ Ходкевичъ, между прочимъ, замѣтилъ: „кто хочетъ имѣть въ виду выгоды, тому не мѣшаетъ имѣть въ виду и убытки“. Долго еще и послѣ толковали объ Инфлянтахъ, между тѣмъ какъ самихъ то представителей ихъ было въ Люблинѣ всего нѣсколько и тѣ какъ то прятались, такъ что ихъ мало видѣли и мало слышали о нихъ. Наконецъ уже 8 августа находившіеся въ Люблинѣ ливонскіе послы принесли присягу и земля ихъ признана присоединенною совмѣстно къ Польшѣ и Литвѣ, какъ одному государству. При этомъ ливонскіе послы въ весьма жалобливой, по лагыни сказанной рѣчи говорили о великихъ несчастіяхъ, испытанныхъ ливонцами за ихъ грѣхи отъ разныхъ жестокихъ враговъ, и просили короля защищать отъ послѣднихъ, потому что они уже его подданные, а онъ король, можно думать, сильнѣе теперь всѣхъ христіанскихъ государей. Ранѣе того

прибывшій въ Люблинъ прусскій князь Фридрихъ-Альбертъ принесъ 19 іюня присягу на подданство Польшѣ, чѣмъ закончено присоединеніе Пруссіи.

Дѣло Московское. Поляки выражались, что московская война пригнала Литву къ уніи [1]). Теперь, когда унія состоялась, надлежало ожидать, что Польша и Литва соединенными силами возобновятъ войну для возврата прежнихъ и послѣднихъ утратъ. И дѣйствительно, въ совѣщаніяхъ послѣ 1 іюля не разъ поднимался вопросъ о возобновленіи войны, но рядомъ съ вопросомъ и объ отправленіи посольства въ Москву для заключенія мира. Замѣчательно, что наиболѣе горячимъ сторонникомъ войны былъ брацлавскій воевода Романъ Сангушко, упоенный, какъ видно, недавнею своею побѣдою при Улѣ. Въ засѣданіи 2 іюля онъ выражался, что было бы позоромъ заключать миръ съ московскимъ государемъ: это значило бы упускать благопріятное время для войны. А такимъ онъ считалъ данное время, какъ вслѣдствіе внутренняго состоянія московскаго государства при тираніи Іоанна, такъ вслѣдствіе слуха о готовящемся будто бы движеніи противъ Москвы турецкаго султана, о чемъ говорилъ въ Люблинѣ посолъ турецкаго султана, потурчившійся полякъ Стражъ. Но воинственныя замашки Сангушка и немногихъ другихъ остались безплодны. Королю и полякамъ казалось теперь гораздо удобнѣе помириться съ Москвою, чтобы упрочить дѣло уніи. Финансовыя затрудненія еще болѣе обезоруживали какъ короля, такъ и поляковъ съ литовцами. Тѣ и другіе наклонны были взваливать тяжесть военныхъ издержекъ на короля, у котораго, между тѣмъ, совсѣмъ не было денегъ. Въ Москвѣ также слѣдили за ходомъ уніи на сеймѣ, во время котораго былъ въ Люблинѣ нѣкоторое время и московскій гонецъ. Окончаніе дѣла уніи произвело сдерживающее вліяніе на Москву, куда посланецъ Василій Булгаковъ принесъ такую вѣсть: „въ единочество король ляховъ съ литовскими панами привелъ, и присяга межъ ими была; а единанье ихъ на томъ, что имъ стояти ото всѣхъ украинъ за одинъ: ляхамъ Литвѣ пособляти, а Литвѣ ляхамъ пособляти, безъ пенязей“ [2]). Это *безъ пенязей* болѣе всего объясняетъ, что въ слѣдующемъ 1570 г. прибыло въ Москву большое польско-литовское посольство для заключенія мира.

Дѣло объ экзекуціи и долгахъ короля. Въ началѣ сеймовыхъ совѣщаній поляки выражались, что „унія повѣнчана съ экзекуціей“, что одна съ другой должны быть неразлучны. Вопросъ объ экзекуціи поднимали на сеймѣ почти всегда члены посольской или земско-шляхетской палаты, направляя его противъ знатныхъ пановъ, которые поразобрали значительную часть королевскихъ столовыхъ имѣній. Угро-

[1]) Предисловіе къ изд. „Дневника“ стр. VII, примѣч. 3.
[2]) А. з. Р. Ш, стр. 150.

жаемые возможностію то утраты ихъ, то привлеченія къ платежу четвертой части доходовъ съ нихъ, паны надѣялись вознаградить себя послѣ уніи доходными мѣстами и пріобрѣтеніями въ литовско-русскихъ земляхъ. Но боялись экзекуціи и многіе литовско-русскіе паны, также владѣвшіе государевыми столовыми имѣніями въ своихъ земляхъ. Въ этомъ для многихъ изъ нихъ заключалась особенная опасность и самой уніи, вслѣдствіе которой польскіе статуты объ экзекуціи могли быть распространены и на литовско-русскія области. Потому-то король и сеймовые паны для привлеченія ихъ къ уніи сочли нужнымъ успокоивать ихъ, что они не будутъ подвергнуты экзекуціи. Это говорили они подлѣсянамъ, волынянамъ и литовцамъ, и затѣмъ условіе о свободѣ отъ экзекуціи внесено во всѣ привиллегіи на унію, составленныя на сеймѣ для присоединяемыхъ земель. Освобождая эти земли отъ экзекуціи, поляки говорили, что берутъ ее на себя. Такимъ образомъ, по окончаніи всего дѣла уніи, надлежало приступить къ экзекуціи относительно польскихъ пановъ. Послѣ 1 іюля это дѣлалось усиленнѣе, чѣмъ прежде. Сдѣлано, однако же, весьма немного. Отъ закона до его исполненія въ Польшѣ было очень далеко. Въ „Дневникѣ“ сейма не разъ встрѣчаются замѣчанія: „обсуждали дѣла объ экзекуціи, но болѣе ссорились, чѣмъ разсуждали и рѣшали“. За весьма немногими исключеніями, польскіе паны удержали столовыя королевскія имѣнія и слабо привлекались къ платежамъ съ нихъ. Отсюда вышло то, что дѣло объ экзекуціи пало наибольшею тяжестію на короля. Его то особенно привлекали теперь къ платежу четвертой части доходовъ со своихъ столовыхъ имѣній, какъ обязался онъ на Петриковскомъ сеймѣ 1563 г. Король, всегда нуждавшійся въ деньгахъ, давно не платилъ, или плохо платилъ, и на немъ по его столовымъ имѣніямъ, по займамъ, сдѣланнымъ подъ залогъ этихъ имѣній, считалось много долга. Сеймовые паны широко понимали этотъ долгъ, требуя съ короля не только недавнихъ долговъ, но и старыхъ, требуя платежа не только съ имѣній, позже возвратившихся къ королю, чрезъ обратный переходъ къ нему земельныхъ пожалованій его, но также съ имѣній давнихъ, даже съ такихъ, какія онъ считалъ личною собственностью, напримѣръ, тѣхъ, которыя достались ему отъ матери, королевы Боны, словомъ, *со всѣхъ королевскихъ имѣній.* Долгъ выходилъ громадный. Хотя по временамъ паны и сдерживались въ своихъ заявленіяхъ къ королю по этому долгу, даже выражались, что уплаты его просятъ какъ милости, но вообще не отступали отъ своихъ требованій. Заходила рѣчь о томъ, чтобы часть королевскаго долга покрыли богатые польскіе прелаты-сенаторы. Но тѣ отказались. Хотѣли, по крайней мѣрѣ, чтобы прелаты поручились за короля въ уплатѣ долга, но прелаты отказались и отъ этого. Много огорченій и даже прямо оскорбленій нанесено было королю на сеймѣ во время всѣхъ этихъ толковъ и

представленій ему объ уплатѣ долга. Не одинъ разъ король заболѣвалъ, наслушавшись рѣчей сеймовыхъ пановъ, особенно пословъ по этому предмету, и даже говорилъ о неблагодарности ему пановъ за то, что онъ сдѣлалъ для нихъ въ вопросѣ объ уніи. Король долженъ былъ покориться и обѣщалъ уплату долга, но въ самомъ концѣ сказалъ, что все-таки не будетъ платить старыхъ долговъ. Онъ былъ и безъ того ограбленъ панами. Съ другой стороны, они ничего не сдѣлали по неоднократно повторяемымъ на сеймѣ просьбамъ короля объ обезпеченіи его потомства (король разумѣлъ здѣсь своихъ сестеръ). Споры о долгахъ короля, обострившіеся особенно къ концу сейма, наиболѣе объясняютъ то тяжелое и грустное настроеніе, которое замѣчается у короля и сеймовыхъ пановъ въ это время.

Въ числѣ вопросовъ, занимавшихъ сеймъ послѣ 1 іюля, частію рѣшенныхъ лишь кое-какъ, были вопросы о снятіи пошлины на соль, о чемъ особенно просили послы галицко-русской, белзской, волынской, кіевской и подлѣсской земель, а также вопросъ о жидахъ, на которыхъ особенно жаловались представители—дворяне литовско-русскихъ земель, выражаясь, что „жиды одолѣли ихъ, держатъ торговыя пошлины, сборы на торгахъ, мельницы, побрали въ аренду солодовни и всѣ другія доходныя статьи“ („Дневникъ“, стр. 385). Скоро имѣло наступить и то, что жиды будутъ брать въ аренду и церкви, и притомъ отъ самихъ литовско-русскихъ пановъ, когда они ополячатся! Успѣшнѣе шла работа надъ послѣднею обработкою сеймовыхъ конституцій, которыя почти закончены въ послѣдніе дни сейма. Вслѣдъ затѣмъ составлена была коммиссія для новой обработки Литовскаго статута, съ измѣненіями, какія требовались теперь вслѣдствіе уніи. Это будетъ третій литовскій статутъ, напечатанный уже въ 1588 г. Своимъ русскимъ языкомъ и уцѣлѣвшими чертами самобытнаго литовско-русскаго права онъ еще будетъ напоминать Литвѣ и западной Россіи о ихъ національной отдѣльности и самобытности, которую будутъ отстаивать литовско-русскіе представители и послѣ уніи, доколѣ не ополячатся подъ давленіемъ польской религіозно-національной пропаганды.

Еще съ начала августа стали говорить объ ускореніи закрытія сейма, затянувшагося такъ долго, какъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ сеймовъ. Жаловались на крайнее утомленіе, а послы и на истощеніе средствъ содержанія. Король чаще и чаще заболѣвалъ. Наконецъ, на 11 августа назначены закрытіе сейма и прощаніе съ королемъ. Собрались въ общей залѣ сенаторы и послы, и маршалъ посольской палаты Чарнковскій сталъ говорить рѣчь, но впалъ въ обморокъ. Пришлось отложить церемонію на завтра. 12 августа опять собрались сенаторы и послы въ присутствіи короля. Чарнковскій оправился. Прощальная рѣчь его продолжалась по „Дневнику“ два часа. Онъ благодарилъ

короля за труды и восхвалялъ за великое дѣло, которое совершилъ король на сеймѣ съ великою славою для себя и на страхъ своему врагу (т. е. московскому государю); убѣждалъ короля благодарить Бога и Ему приписывалъ это дѣло; убѣждалъ хорошо управлять своими государствами, такъ широко теперь распространенными; указывалъ королю на вопли обиженныхъ и просилъ утолить ихъ печали; не преминулъ указать и на врага его, московскаго государя, и говорилъ, что нужно энергически продолжать съ нимъ войну, внесть войну въ собственную землю его. Много и другихъ вещей говорилъ маршалъ и закончилъ призывомъ Божія благословенія на короля. Король отвѣчалъ сперва чрезъ канцлера, потомъ самъ—и довольно длинною рѣчью. Онъ началъ благодареніемъ Богу, и Его святой волѣ приписывалъ дѣла, совершившіяся на сеймѣ; о себѣ говорилъ, что исполнилъ то, что всегда было мыслью его предковъ, что какъ всею душею преданный Рѣчи Посполитой, онъ благодаренъ сенаторамъ и посламъ за труды ихъ въ великихъ дѣлахъ, совершившихся на сеймѣ. Указавъ на значеніе этихъ дѣлъ, король присовокупилъ, что думаетъ еще объ одномъ, имѣющемъ завершить ихъ великомъ дѣлѣ — *о возстановленіи единства вѣры*, котораго хочетъ достигнуть, однако же, безъ всякаго насилія совѣсти и не прибѣгая къ насильнымъ мѣрамъ, неумѣстнымъ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти. Затѣмъ еще напоминалъ о правилахъ избранія короля, о правосудіи, о мѣрахъ защиты государства (но не о войнѣ), объ обезпеченіи королевскаго потомства, не преминувъ и здѣсь сказать, что не будетъ платить четвертой части съ старыхъ суммъ, и заключилъ призывомъ Божія благословенія на сенаторовъ и пословъ. По окончаніи королевской рѣчи, послы подходили къ королю, давали ему свою руку и цѣловали руку короля. Затѣмъ король всталъ и съ сенаторами ушелъ въ свои комнаты. Съѣздъ окончился.

Красивыя рѣчи, говоренныя при началѣ съѣзда, во время съѣзда и при закрытіи его, не закрываютъ истиннаго характера дѣла, совершившагося на съѣздѣ, какъ дѣла интриги и насилія съ одной стороны, слабости и безпомощности съ другой. Такое дѣло не могло устоять. Разрушеніе его подготовятъ сами поляки. Скоро послѣ уніи политической они начинаютъ работать надъ уніею религіозною, руководимые іезуитами, прибывшими въ Вильну въ самый годъ Люблинскаго съѣзда. Начнется для западной Россіи новая борьба съ Польшею, ея латино-уніатскою пропагандою, съ замыслами ея на полонизацію высшихъ сословій русскаго общества и на порабощеніе русскаго народа въ западной и южной Россіи. Въ этой новой борьбѣ полякамъ, хотя не легко и не скоро, но довольно удастся олатинить и ополячить многихъ изъ тѣхъ литовскихъ и русскихъ пановъ и дворянъ, которые имѣли слабость поддаться на Люблинскую унію политическую, или потомковъ ихъ. Но въ этой борьбѣ поляки и ополячившіеся русскіе

дворяне встрѣтятся съ тою силою, о которой забыли на Люблинскомъ съѣздѣ, которой они не предполагали и долго не разгадали и потомъ. Это сила всего русскаго народа южной и западной Россіи, нашедшаго мощнаго союзника въ единоплеменномъ и единовѣрномъ народѣ Великой Россіи, послѣ того, какъ, изгнавъ поляковъ изъ Москвы въ 1612 г. и укрѣпясь подъ властію новаго царствующаго дома, Великая Россія, подъ знаменемъ своихъ государей, выступитъ на подвигъ защиты угнетаемой западной Россіи. Возсоединеніе отторженныхъ земель ея съ единою русскою землею было славнымъ плодомъ такого подвига. Пала унія Люблинская и Брестская, пала съ ними Польша, осталась Россія съ ея великимъ будущимъ, къ какому ведетъ ее рука Провидѣнія.

Ив. Малышевскій.

Польская цивилизація и ея вліяніе на Западную Русь.

Ѳ. Еленева.

Поляки съ давнихъ поръ оглашаютъ Европу жестокими обвиненіями русскаго народа. Не ограничиваясь извращеніемъ частныхъ фактовъ ближайшаго къ намъ времени и сферою чисто политическою, они переносятъ русско-польскій вопросъ въ область исторіи и стараются представить въ ложномъ свѣтѣ тѣ событія, надъ которыми она давно уже произнесла свой приговоръ. Между прочимъ, многовѣковую прю Польши съ Россіею они выставляютъ, какъ борьбу высокой польской цивилизаціи съ русскимъ варварствомъ; западную Русь, или по ихъ выраженію забранный край, они выдаютъ за страну искони польскую по духу и національности; утверждаютъ, что Польша цивилизовала этотъ край, что потомъ варварская Россія не только исторгла его у польской цивилизаціи, но стремилась убить эту цивилизацію въ самомъ ея отечествѣ, Польшѣ; что западная Русь должна принадлежать полякамъ не только по праву прежняго ея завоеванія польскимъ оружіемъ, но и по праву нравственнаго ея завоеванія польскою цивилизаціею, по сочувствію всего населенія этого края къ польскому элементу, какъ представителю высокой цивилизаціи; наконецъ, поляки добавляютъ, что, по тому же нравственному праву, они должны стать во главѣ всѣхъ славянскихъ племенъ, чтобы руководить ихъ по пути цивилизаціи и гражданской свободы. Вступать русскимъ въ состязаніе съ поляками по этому предмету на полѣ европейской журналистики было бы въ настоящее время безполезно: поляки сами хорошо понимаютъ, на сколько заключается правды въ этихъ утвержденіяхъ; западные же публицисты, печатающіе и повторяющіе польскіе іереміады, не желаютъ и справляться съ ихъ справедливостію; тѣмъ и другимъ нужна только удобная формула для выраженія своей вражды къ Россіи и для дѣйствія на немыслящую и

незнакомую съ дѣломъ массу. Но и въ русской публикѣ, читающей иностранные журналы, также встрѣчаются иногда люди, которые, принимая на вѣру все, вычитанное въ иностранныхъ книгахъ, съ увлеченіемъ повторяютъ въ обществѣ тѣ же самыя похвалы польской цивилизаціи. Конечно, въ побужденіяхъ и цѣляхъ тѣхъ и другихъ хвалителей польской цивилизаціи нѣтъ ничего общаго: тамъ, со стороны поляковъ и западныхъ публицистовъ, умышленное искаженіе фактовъ для достиженія скрытыхъ политическихъ цѣлей; здѣсь, со стороны русскихъ хвалителей, просто невѣдѣніе фактовъ, наивно вдающееся въ обманъ, и съ другой стороны — желаніе заявить предъ публикой свой такъ называемый либерализмъ, весьма ложно въ этомъ случаѣ понимаемый. Но такъ какъ въ нашей публикѣ между слушателями этихъ хвалителей польской цивилизаціи найдутся, быть можетъ, и такіе, историческія свѣдѣнія которыхъ не превышаютъ свѣдѣній самихъ хвалителей, то не безполезно будетъ заглянуть въ исторію, чтобы судить, до какой степени справедливы притязанія поляковъ на высокую цивилизацію и на принадлежность имъ западной Руси. При этомъ мы отстраняемъ отъ себя, во-первыхъ, всѣ другіе, чисто политическіе вопросы, прикосновенные къ русско-польской распрѣ, каковы напримѣръ слѣдующіе: какое можетъ быть лучшее рѣшеніе польскаго вопроса; имѣетъ ли Польша въ самой себѣ достаточно условій для независимаго существованія; одна ли Россія, какъ думаютъ поляки, служитъ препятствіемъ къ ихъ политической самостоятельности, или же этой самостоятельности не допустили бы и другія двѣ державы, раздѣлившія Польшу; наконецъ, какія были послѣднія и ближайшія причины нынѣшняго польскаго возстанія и въ чемъ заключается его главная сила, вслѣдствіе которой оно до сихъ поръ не можетъ быть подавлено многочисленною и хорошо организованною арміею. Цѣль настоящей статьи отвѣчать только на историческую сторону польскихъ обвиненій, т. е. на вопросъ: дѣйствительно ли многовѣковая распря русскихъ съ поляками имѣетъ значеніе борьбы высокой польской цивилизаціи съ русскимъ варварствомъ и въ какой мѣрѣ справедливы притязанія Польши на западную Русь? Во-вторыхъ, при рѣшеніи этого вопроса, мы устраняемъ всякія отвлеченныя сужденія, которыя, какъ извѣстно, до того гибки, что могутъ быть повернуты въ какую угодно сторону; мы намѣрены отвѣчать одними лишь неопровержимыми фактами, записанными и утвержденными исторіею.

Лучшее время польской исторіи было отъ Казиміра Ягеллона до конца царствованія Сигизмунда-Августа, т. е. отъ половины XV вѣка до 1572 г. Въ эту эпоху Польша, не испытавшая татарскаго ига и, по своему географическому положенію, находившаяся въ частыхъ сношеніяхъ съ западною Европою, дѣйствительно опередила Россію въ нѣкоторыхъ сторонахъ общественной жизни. Грамотность была довольно распространена въ польскомъ народѣ, а изъ краковской академіи вышло даже нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ. Торговля и ремесла начинали уже дѣятельно развиваться, подъ вліяніемъ огромнаго числа нѣмецкихъ переселенцевъ, составлявшихъ почти исключительно городское населеніе, вслѣдствіе этого матеріальное благосостояніе высшихъ и среднихъ классовъ было въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ Россіи, опустошенной татарскими погромами и удаленной отъ промышленнаго движенія Европы. Но этимъ и ограничивались всѣ преимущества Польши передъ Россіею. Въ политическомъ устройствѣ Польша представляла въ это время шляхетскую республику, въ которой король носилъ только титулъ монарха, а въ сущности имѣлъ значеніе президента посполитой рѣчи. Правомъ собираться на сеймы для рѣшенія государственныхъ вопросовъ пользовалось на дѣлѣ одно шляхетское сословіе, для горожанъ же это право всегда было лишь номинальное, потому сеймы повели только къ безграничному своеволію шляхетства и къ угнетенію имъ прочихъ сословій. Законы, издаваемые подъ исключительнымъ вліяніемъ шляхты, постепенно расширяли ея права и отнимали права горожанъ и поселянъ. Притомъ польское законодательство представляло въ это время нестройную смѣсь разнохарактерныхъ и часто противорѣчивыхъ постановленій; не только каждое сословіе, но каждая провинція, каждая національность и часто отдѣльные города имѣли свои особые законы, что производило хаосъ въ управленіи и судопроизводствѣ и возбуждало враждебныя столкновенія между сословіями и національностями. Гласные суды, существовавшіе въ то время въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, опять только усиливали шляхетское преобладаніе, ибо крестьяне были устранены закономъ отъ участія въ нихъ, а горожане изгонялись силою. Крѣпостное право фактически существовало въ Польшѣ уже въ теченіе всего XIV столѣтія; еще Казиміръ Великій (1333 — 1370 г.) обуздывалъ самоуправство помѣщиковъ и заслужилъ отъ нихъ названіе холопскаго короля, król chłopow [1]). Въ концѣ XV вѣка и въ началѣ слѣдующаго крѣпостное право было признано закономъ. Статутомъ 1496 г. и послѣдующими постановленіями всѣ крестьяне лишены были права владѣть землею и укрѣплены за помѣщиками, безъ дозволенія которыхъ не могли впредь перемѣнять мѣста жительства; всѣ участки, которыми крестьяне владѣли на правѣ собственности, были у нихъ отобраны и присоединены къ помѣщичьимъ землямъ, часто безъ всякаго вознагражденія. Съ другой стороны, законъ не препятствовалъ болѣе помѣщикамъ изгонять крестьянъ изъ тѣхъ участковъ, которые, по прежн-

[1]) О крѣпостномъ состояніи въ древней Польшѣ см. *Зубрицкаго* Критико-историческую повѣсть Червонной Руси, перев. съ польскаго, изд. москов. общества исторіи и древн., стр. 134, прим. 38 и стр. 340, прим. 215, и *Lelevel* Hist. de Pologne, en 2 vol. Paris 1844, tome II, Considèr. p. 56—58.

нимъ постановленіямъ, находились въ наслѣдственномъ ихъ пользованіи за извѣстныя повинности къ помѣщикамъ. Наконецъ, крестьяне были подчинены суду помѣщиковъ. Такимъ образомъ, крестьяне разомъ потеряли и личную свободу, и права собственности, и обезпеченіе пропитанія, и покровительство закона; повинности ихъ къ помѣщикамъ шли съ этой поры непрерывно возрастая [1]). Польское высшее духовенство было въ то время образованнѣе русскаго, но самая эта образованность обращалась во вредъ народа. Нигдѣ католическій фанатизмъ не дѣйствовалъ съ такою силою и не принесъ такихъ горькихъ плодовъ, какъ въ Польшѣ. Высшее польское духовенство смотрѣло на народъ, какъ на свою жертву; дѣятельно вспомоществуемое іезуитами и пользуясь неограниченнымъ вліяніемъ при дворѣ и на высшіе классы, оно собирало несмѣтныя богатства, постоянно поблажало сильнымъ, угнетало слабыхъ, разжигало фанатизмъ, возбуждало религіозныя преслѣдованія и взаимную ненависть гражданъ. Владѣя совѣстью народа и управляя его образованіемъ, оно болѣе всѣхъ другихъ сословій повинно въ злополучной судьбѣ своего отечества. Въ разсматриваемый періодъ началось и глубоко пустило корни царство іезуитовъ въ Польшѣ. Іезуиты, захватившіе въ свое завѣдываніе большую часть школъ, воспитали цѣлыя поколѣнія поляковъ, пропитанныхъ духомъ іезуитства, тѣ поколѣнія, которыя впослѣдствіи огнемъ и мечемъ вводили въ западной Руси католицизмъ и польское преобладаніе. Въ противность польскому духовенству, духовенство русское, бѣдное и въ массѣ мало образованное, имѣло въ это и въ предшествовавшее время одно неоспоримое достоинство: оно не отдѣляло себя отъ народа, не стремилось къ свѣтской власти, было истиннымъ заступникомъ народа, какъ предъ монгольскими завоевателями, такъ и предъ собственными владѣтелями; оно страдало и погибло съ народомъ и за народъ. Вотъ какъ описываетъ внутреннее состояніе Польши въ этотъ лучшій періодъ ея существованія извѣстный польскій историкъ Іоахимъ Лелевель:

„Политическими правами пользовалось исключительно одно дворянское сословіе; въ его власти находился остальной народъ, горожане и поселяне. Шляхта заявляла громогласно, что имѣетъ право жизни и смерти надъ своими кмѣтами или крестьянами. Старосты и воеводы употребляли во зло свою власть надъ городами. Шляхта изгоняла изъ сеймовъ городскихъ представителей. Невзгоды рѣчи посполитой бывали ужасны и судьба горожанъ и поселянъ была невыносимо тяжела, когда шляхта начинала своевольничать. Во время междуцарствій въ особенности проявлялось въ ней это стремленіе; некому было ее усмирять и буйство ея становилось неукротимо. Шляхта въ эти времена утрачивала разсудокъ, склонялась на всѣ беззаконія, всѣхъ обижала, часто

[1]) См. Lelevel Hist. de Pologne, tome II. Considèr. p. 140—150.

неистовствовала и уничтожала въ нѣсколько мѣсяцевъ благія начинанія многихъ лѣтъ. Буйствовала шляхта и въ царствованіе королей; нѣкоторые изъ нихъ предсказывали своевольнымъ, что погубятъ они посполитую рѣчь, но укротить ихъ не могли [1])“.

Положеніе крестьянъ при Сигизмундѣ-Августѣ (1548—1572 г.) Лелевель очерчиваетъ слѣдующими словами:

„Въ эту эпоху закончено было порабощеніе крѣпостнаго класса; ярмо его еще болѣе отягчено; уничтожены льготы, которыя напоминали еще нѣсколько старинную свободу; поземельныя права кметовъ окончательно ниспровергнуты; ихъ гражданскія отношенія къ помѣщикамъ расторгнуты безвозвратно; остались только паны и крѣпостные хлопы, pan i poddany-chłop. Помѣщикъ имѣлъ надъ крестьянами неоспоримое право жизни и смерти, за исключеніемъ только тѣхъ, которые съ дѣтства посвящали себя наукамъ или духовному званію и вслѣдствіе того считались освобожденными отъ крѣпостной зависимости. Крестьяне осуждены были на вѣчное рабство и законъ призналъ ихъ предметами несуществующими. Были чудовища, которыя, презирая права божескія и человѣческія, безнаказанно отнимали жизнь у своихъ крѣпостныхъ. Были могущественные магнаты, и въ томъ числѣ епископы, громко обвиняемые всѣмъ духовенствомъ, которые, будучи ненасытимы въ развратѣ и удовлетвореніи чреву, тиранили крестьянъ болѣе, чѣмъ шляхта; они были убѣждены, что все должно уступать ихъ власти и соперничали другъ съ другомъ въ угнетеніи своихъ крѣпостныхъ; они отнимали у нихъ собственность, лишали ихъ всѣхъ средствъ существованія, утверждая, что все, чѣмъ владѣетъ народъ, принадлежитъ магнатамъ, что помѣщикъ воленъ прогнать крестьянина, если считаетъ его ненужнымъ или имъ недоволенъ; ненужнымъ же становился для нихъ крестьянинъ тогда, когда они находили болѣе выгоднымъ завладѣть его имуществомъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ могъ быть ограбленъ и выгнанъ изъ своего пепелища, а самъ не имѣлъ права перемѣнить мѣсто жительства. Андрей Модржевскій въ своемъ сочиненіи о реорганизаціи рѣчи посполитой, изданномъ въ 1554—1559 г., говоритъ: „И съ вашего языка не сходитъ слово свобода, тогда какъ у васъ нѣтъ ничего другаго, кромѣ дикаго рабства, отдавшаго жизнь человѣка на произволъ его господина. Шляхта считаетъ поселянъ и всѣхъ простолюдиновъ собаками; это общепринятое выраженіе у этихъ гнусныхъ людей; если шляхтичъ убьетъ крестьянина, котораго онъ величаетъ хлопомъ, т. е. отверженцемъ, онъ говоритъ: „я убилъ собаку“. Помѣщикъ-деспотъ безнаказанно насиловалъ крестьянскихъ женъ и дочерей въ присутствіи оскорбленныхъ мужей и отцевъ. Помѣщикъ-деспотъ навлекалъ на

[1]) Lelevel, tome I, p. 114 et 142.

себя отлученіе отъ церкви, изгонялъ приходскаго священника, осквернялъ алтарь; располагая совѣстью крестьянъ, онъ предписывалъ имъ свою собственную религію — рабство и барщину [1])".

Конечно, не таковъ порядокъ, который даетъ прочное гражданское устройство странѣ и можетъ быть названъ истинною цивилизаціею. Знаніе латыни, распространенное въ образованныхъ классахъ, нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ, образовавшихся на западно-европейскихъ книгахъ, блестящая роскошь магнатовъ и дипломатическое искусство высшаго духовенства, завѣдывавшаго внѣшнею политикою, все это было еще недостаточно, чтобы искупить коренное зло, скрывавшееся въ общественномъ устройствѣ этой страны.

Теперь вернемся нѣсколько назадъ и взглянемъ на судьбу западной Руси, чтобы видѣть, когда и какимъ образомъ стало обнаруживаться вліяніе польской цивилизаціи на эту страну. Западная Русь, заключавшая въ себѣ цѣлую половину русскаго племени, обнимала огромное пространство отъ Динабурга и Опочки до устьевъ Днѣпра и Дуная и отъ городовъ Гродно, Люблина и горъ Карпатскихъ до Можайска, Новосиля и Полтавы. Здѣсь были древнѣйшія и знаменитѣйшія русскія княжества. Въ XIII-мъ столѣтіи изъ соединенія множества мелкихъ удѣловъ образовались на этомъ пространствѣ слѣдующія княжества: Галицкое (нынѣшняя австрійская Галиція, Подольская губернія, Бессарабская область, часть Молдавіи, воеводства Люблинское, Подлѣсское и часть Сандомірскаго), Кіевское, Волынское (губерніи Волынская, Гродненская и южная часть Минской), Полоцкое (губернія Витебская, сѣверная часть Минской и часть Виленской), Смоленское (губ. Смоленская и сѣверная часть Могилевской), Черниговское (губ. Черниговская и южная часть Могилевской), наконецъ Сѣверское (по верховьямъ Десны и Оки и по Сейму). Всѣми этими княжествами владѣли потомки Ярослава 1-го, истиннаго основателя русской державы, преимущественно въ колѣнѣ его внука Владиміра Мономаха. Сильнѣйшимъ изъ этихъ княжествъ было Галицкое, носившее также названіе королевства Русскаго. Знаменитый Даніилъ Галицкій включилъ въ его составъ всю юго-западную Русь, отъ Нѣмана до Чернаго моря и отъ Вислы и Сана до Днѣпра; сынъ его Шварнъ, женатый на дочери перваго литовскаго князя Миндовга, владѣлъ и Литвою. Всѣ эти русскія княжества, въ XIV-мъ столѣтіи и въ началѣ XV-го, во времена удѣльныхъ неурядицъ и татарскаго ига, отдѣлились отъ остальной Руси и соединились съ Литвою. (Только Русь Червонная или нынѣшняя австрійская Галиція и Русь Люблинская или Надвислянская были непосредственно присоединены къ Польшѣ; изъ нихъ первая никогда

[1]) Lelevel, tome II, Considèr. p. 158—167.

уже болѣе не возвращалась къ своему древнему отечеству). Литовцы, сперва малочисленный и бѣдный народъ латышскаго племени, не имѣвшій ничего общаго съ поляками, жили въ лѣсахъ Виленской и Ковенской губерній и при Ярославѣ 1-мъ платили дань русскимъ шкурами, лыками и вѣниками. Впослѣдствіи, предводимые своими воинственными князьями, начиная съ Миндовга, они стали мало по малу усиливаться на счетъ сосѣднихъ русскихъ земель, и въ началѣ XIV-го столѣтія, при знаменитомъ Гедиминѣ, соединясь съ большею частію западно-русскихъ княжествъ, образовали могущественную Литовско-Русскую державу. При наслѣдникахъ Гедимина Ольгердѣ и Витовтѣ въ составъ этой державы вошли и остальныя изъ перечисленныхъ русскихъ княжествъ. Отдѣленіе западной Руси отъ восточной сдѣлано было не столько оружіемъ литовскихъ владѣтелей, сколько ихъ политикою и близкими родственными связями съ удѣльными западно-русскими князьями. Въ то время, какъ Русь восточная изнывала подъ татарскимъ игомъ и не было на землѣ русской никакого центра, вокругъ котораго она могла бы соединить свои разрозненныя силы, литовскіе владѣтели: Гедиминъ, Ольгердъ, Витовтъ, вспомоществуемые удѣльными князьями западной Руси, давали успѣшный отпоръ монголамъ. Это побудило многихъ изъ западно-русскихъ князей искать въ союзѣ съ Литвою спасенія отъ монгольскаго владычества; другіе русскіе удѣлы были подчинены власти литовскихъ владѣтелей силою оружія; постоянныя тѣсныя родственныя связи литовскихъ князей съ русскими еще болѣе облегчили и ускорили соединеніе двухъ народовъ. Такимъ образомъ сложилось единодержавное Литовско-Русское государство, подъ властію Гедимина и его потомковъ, подобно тому, какъ, полтораста лѣтъ спустя, другая половина Руси образовала единодержавное московское государство подъ властію Іоанна III. Гедиминъ и его потомки стали называться великими князьями литовскими и русскими. Русскій народъ соединенъ былъ съ литовскимъ не какъ ему подвластный, а какъ „вольный съ вольнымъ и равный съ равнымъ"; выраженіе это постоянно повторяется въ грамотахъ великихъ князей къ народу. Такъ, въ грамотѣ 1435 г. великаго князя Владислава, бывшаго уже и королемъ польскимъ, говорится: „Рицарство шляхетское русское зъ рицарствомъ шляхетскимъ литовскимъ и тѣ народы зупельне зъединочатся, яко ровный зъ ровнымъ и свободный зъ свободнымъ, и яко единоплеменны суть и доброю волею едность свою ухундовали и укрѣпили, вызволившися отъ ярема татарскаго общею ратію русскою и литовскою предъ Гедимина, праотца нашего; и теперь въ имѣніяхъ своихъ и побыткахъ да имутъ русняки свободу и волю свою непреслѣдованну и ненасилуему и судятся въ нихъ отъ самихъ себя, а въ суды земскіе и градскіе избираютъ судей и урядниковъ вольными голосами, по правамъ своимъ и статутамъ, якіе утверждаемъ и заховуемъ на вѣчныя времена и за

посесоровъ нашихъ о нихъ ручаемся" [1]). Въ великомъ княжествѣ Литовско-Русскомъ литовское племя составляло не болѣе одной двѣнадцатой доли населенія, весь же остальной народъ былъ чисто русскаго происхожденія. Литовцы были въ то время на гораздо низшей степени гражданскаго развитія, чѣмъ русскіе, потому русскіе явились въ великомъ княжествѣ элементомъ цивилизующимъ и преобладавшимъ не только по числу, но и въ нравственномъ отношеніи. Русскій языкъ, главнѣйшій органъ цивилизаціи, былъ общимъ письменнымъ языкомъ и между литовцами, а при дворѣ и въ высшихъ классахъ литовскихъ онъ былъ и общимъ разговорнымъ. Коренные русскіе законы или такъ называемыя судныя статьи были введены во всемъ государствѣ, не исключая и собственно литовскихъ земель. Эти законы обычнаго русскаго права, замѣчательные по своей полнотѣ и стройности, были впослѣдствіи, уже при польскомъ вліяніи, собраны въ одну книгу и изданы, на русскомъ же языкѣ, подъ именемъ Литовскаго Статута, въ который вошли тогда и нѣкоторыя польскія нововведенія. Великіе князья литовскіе, имѣя постоянно женами и матерями княженъ русскихъ, впервые приняли христіанскую вѣру по закону православному; почти всѣ вельможи литовскіе и часть простаго народа исповѣдывали также православную вѣру. Великое княжество было въ полномъ смыслѣ государствомъ русскимъ и отличалось отъ восточной или московской Руси только тѣмъ, что верховная власть принадлежала въ немъ не потомкамъ варяжскаго витязя Рюрика, а дому литовскаго князя Гедимина. Исторіи собственной Литвы здѣсь нѣтъ и быть не можетъ, какъ народа слишкомъ малаго и незначительнаго, и потому ничего, кромѣ своего имени, не сообщившаго исторіи западной Руси. Безъ Руси Литва осталась бы навсегда бѣднымъ и незамѣченнымъ исторіей уголкомъ земли; вся ея сила и извѣстность отъ Руси. Частыя войны потомковъ Гедимина съ государями московскими имѣли характеръ спора двухъ владѣтельныхъ домовъ Россіи за право обладанія всею русскою областью. Потомки св. Владиміра, царствовавшіе въ Москвѣ, смотрѣли на западную Русь, какъ на свою родовую вотчину, которую они должны добывать оружіемъ, и потому послѣ всякой войны отказывались заключать съ литовско-русскими владѣтелями вѣчный миръ, а соглашались лишь на перемиріе; съ своей стороны, Гедиминовичи, царствовавшіе въ Вильнѣ, а потомъ въ Краковѣ, и бывшіе въ женскомъ колѣнѣ также потомками св. Владиміра, притомъ владѣвшіе лучшими и богатѣйшими русскими землями, равнымъ образомъ, считали себя въ правѣ стремиться къ обладанію всею Русью. Такъ смотрѣли на эту борьбу современники и сами спорившіе государи.

Сліяніе Литовско-Русскаго великаго княжества съ Польшею и послѣдующее преобладаніе Польши надъ западною Русью были приготов-

[1]) *Конискій.* Исторія Русовъ, изд. Моск. Общ. Исторіи и Древн., стр. 11.

лены не превосходствомъ польской цивилизаціи и не матеріальною силою Польши, а дальновидною и необыкновенно настойчивою политикою польскихъ государственныхъ людей, въ особенности же высшаго духовенства, завѣдывавшаго дипломатическими дѣлами королевства. Польша, до соединенія съ Литовско-Русскимъ великимъ княжествомъ, была государствомъ ничтожнымъ, не могшимъ защищать свои границы не только отъ литовско-русскихъ полковъ, но даже отъ прусскихъ крестоносцевъ или крыжаковъ. Польскіе государственные люди поняли, что единственнымъ спасеніемъ для Польши было примкнуть къ могущественной Литовско-Русской державѣ. Съ другой стороны, римское духовенство, подчинившее себѣ всю христіанскую Европу за исключеніемъ Россіи, жадно устремляло взоры на эту страну. Положено было убѣдить литовско-русскаго великаго князя Ягайлу, внука Гедиминова, принять избирательную польскую корону. Все было пущено въ ходъ: и католическая проповѣдь, и очарованіе женщины, чтобы склонить слабодушнаго Ягайлу на принятіе польскаго престола, что и совершилось въ 1386 г., не смотря на ропотъ и сопротивленіе литовско-русскихъ чиновъ. Мало того, польское духовенство, называвшее православныхъ язычниками, а церкви ихъ синагогами, убѣдило Ягайлу отречься отъ родительской вѣры (отецъ Ягайлы, великій князь Ольгердъ, былъ православный, а мать Юліана — русская княжна) и въ Краковѣ перекрестило его и всѣхъ его братьевъ въ католичество [1]); съ тѣхъ поръ потомки Гедимина навсегда остались католиками. Однимъ этимъ событіемъ, соединеніемъ короны польской съ литовско-русскою, Польша пріобрѣла огромное значеніе въ Европѣ; всѣмъ своимъ послѣдующимъ могуществомъ она единственно обязана соединенію своему съ западною Русью. Начавъ съ Ягайлы, поляки въ теченіе 200 лѣтъ постоянно выбирали на королевскій престолъ государей литовско-русскаго владѣтельнаго дома, пока онъ пресѣкся въ лицѣ Сигизмунда-Августа, послѣдняго потомка Гедимина и послѣдняго польскаго короля русской крови и русскаго языка. Лучшее время польской исторіи прошло подъ правленіемъ дома Гедиминова. Литовско-русскіе чины, съ своей стороны, постоянно противились этимъ избраніямъ, проникая виды поляковъ и понимая опасность, которая грозила ихъ народности отъ переселенія ихъ великихъ князей въ Краковъ, столицу Польши, подъ вліяніе польскихъ интересовъ и католическаго духовенства. Между литовскою Русью и Польшею возникла своего рода борьба за то, кому изъ нихъ имѣть въ своей столицѣ старшихъ представителей Гедиминова дома. Поляки влекли ихъ въ Краковъ вліяніемъ религіи, приманкою пріятной жизни въ богатомъ европейскомъ городѣ, наконецъ всѣми ухищреніями ловкой политики; русскіе и литовцы грозили имъ, напротивъ, вовсе от-

[1]) Długosz lib. X, pag. 60, *Зубрицкій*, стр. 191—209.

ложиться отъ ихъ власти, что и дѣлали въ первое время безпрестанно, избирая себѣ отдѣльныхъ государей изъ младшихъ потомковъ Гедимина и громя Польшу набѣгами. Но поляки неутомимо и настойчиво преслѣдовали свою цѣль, сдѣлавшуюся съ этихъ поръ кореннымъ основаніемъ всей ихъ политики: они постоянно избирали на престолъ только литовско-русскихъ владѣтелей и черезъ нихъ, какъ ревностныхъ католиковъ, исподволь распространяли на Руси польское вліяніе и подготовляли ее къ соединенію съ Польшею. Встрѣчая непреодолимую стойкость русскихъ въ ихъ вѣрѣ и народности и рѣшительное отвращеніе ихъ отъ всего польскаго, поляки принуждены были долго, цѣлые два вѣка, дѣйствовать съ крайнею осторожностію. Они искусно завлекали въ свои сѣти и обходили разными дипломатическими обманами суровыхъ и малообразованныхъ русскихъ и литовскихъ вельможъ, привыкшихъ болѣе владѣть мечемъ, чѣмъ заниматься политикою. Потомъ, когда почва была уже достаточно подготовлена и разъединеніе въ литовско-русскомъ народѣ посѣяно, мы увидимъ, какимъ заговорятъ съ нимъ языкомъ польскіе ксендзы и шляхта.

По избраніи Ягайлы на польскій престолъ, великое княжество Литовско-Русское въ теченіе 183 лѣтъ сохраняло самостоятельное политическое существованіе, какъ отдѣльное государство; въ первыя же 58 лѣтъ оно даже постоянно управлялось отдѣльными государями Гедиминова дома, жившими въ Вильнѣ и вовсе не признававшими зависимости отъ королей польскихъ; въ остальныя 125 лѣтъ, именно съ Казиміра-Ягеллона, великое княжество, оставаясь все-таки отдѣльною державою, имѣло только съ Польшею одного общаго государя, хотя и не непрерывно. Во все время самостоятельнаго существованія великаго княжества русскій элементъ держался крѣпко въ большинствѣ народа, хотя къ концу этого періода въ государственныя учрежденія и въ нравы высшаго класса сталъ проникать польскій оттѣнокъ. Русскій языкъ, русскіе законы и православная вѣра были, по прежнему, въ немъ господствующими, не смотря на то, что со времени Ягайлы великіе князья и часть собственно литовскаго племени приняли католичество. Въ Вильнѣ, столицѣ великаго княжества, было гораздо болѣе церквей православныхъ, чѣмъ католическихъ; тамъ же находилась и каѳедра западно-русской митрополіи, перенесенная изъ Кіева. Престолъ великокняжескій окружали большею частію русскіе вельможи; въ самомъ Краковѣ русскій языкъ былъ языкомъ придворнымъ до Сигизмунда-Августа. Однако, поляки и римское духовенство не спускали глазъ съ западной Руси, и, конечно, ихъ ловко разсчитанная политика не могла остаться безъ вліянія на русскій народъ. Еще при Ягайлѣ польское духовенство, пользуясь фанатизмомъ этого перекрещенца, пыталось ввести на Руси католичество; слѣдствіемъ этой попытки было только то, что литовско-русскій народъ вовсе отказался признавать

Ягайлу своимъ государемъ. Надобно было избрать другіе подступы, болѣе осторожные и непроницаемые. Русскій народъ издревле отличался единствомъ духа и равноправностію всѣхъ сословій, что и было главною причиною того, что восточная Русь выдержала всѣ невзгоды и не распалась, а еще болѣе въ нихъ сплотилась. Поляки поняли, что прежде всего надобно было подорвать это единство въ русскомъ народѣ, произвесть отчужденіе высшихъ сословій отъ низшихъ. Съ этою цѣлью они внушали королямъ давать русскому дворянству исключительныя права польской шляхты, что льстило самолюбію и тщеславію русскихъ бояръ, не проникавшихъ значенія этой мѣры. Литовско-русское дворянство, подобно польскому, получило право собираться на сеймы и сеймики для сужденія о государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ; получило гербы и почетныя титла, дотолѣ чуждые русскому понятію; наконецъ, мало-по-малу, получило и право неограниченнаго самоуправства въ своихъ помѣстьяхъ. Этимъ положено было въ великомъ княжествѣ начало преобладанію дворянства надъ прочими сословіями, со всѣми гибельными его послѣдствіями, и здѣсь, какъ въ Польшѣ, появились магнаты и мелкая шляхта, возникли крѣпостные хлопы и дворовая челядь. Многимъ городамъ, по примѣру польскихъ, дано было тевтонское или такъ называемое магдебургское право, занесенное въ Польшу нѣмецкими пришельцами, составлявшими тамъ почти исключительно городское населеніе. На Руси это право принесло тѣ же вредныя послѣдствія, какъ и въ Польшѣ: будучи совершенно чуждо народнымъ понятіямъ и находясь въ противорѣчіи съ другими мѣстными законами, оно ставило горожанъ въ враждебное положеніе къ прочимъ сословіямъ и какъ бы внѣ законовъ страны. Въ Литовскій Статутъ были введены многіе польскіе законы, полагавшіе рѣзкое различіе между сословіями, вмѣсто древней русской равноправности: простолюдины не могли уже быть возводимы ни въ какія достоинства; дворянинъ, который по бѣдности проживалъ въ городѣ и занимался торговлею или ремесломъ, лишался своихъ правъ и имѣніе отъ него отбиралось; горожанамъ и поселянамъ запрещено было, подъ опасеніемъ штрафа, носить дорогія платья и украшенія; панъ, имѣвшій въ услуженіи бѣднаго шляхтича, могъ, въ случаѣ преступленія съ его стороны, пригласивъ нѣсколькихъ дворянъ, судить съ ними шляхтича и приговорить хотя бы къ лишенію живота, а въ дѣлахъ, не ведущихъ къ лишенію чести, панъ могъ судить и наказывать шляхтича своею единоличною властію (Лит. Ст. ч. I, разд. 3). Русь раздѣлена была на воеводства и повѣты; прежніе намѣстники, посадники и волостели стали называться воеводами, каштелянами и старостами. Русскій языкъ началъ мало-по-малу искажаться польскими оборотами и реченіями.

Изъ всѣхъ этихъ польскихъ нововведеній на Руси, самымъ гибельнымъ, имѣвшимъ огромное вліяніе на судьбу не только западной, но

и восточной Россіи, было, конечно, крѣпостное право, дотолѣ неизвѣстное русскому народу; потому не безполезно будетъ сказать объ этомъ предметѣ нѣсколько подробнѣе.

Во всей Руси, какъ восточной, такъ и западной, земли искони принадлежали: либо непосредственно владѣтельному князю, либо частнымъ собственникамъ (вотчинныя земли), либо сельскимъ общинамъ. Впослѣдствіи, при большемъ развитіи государственнаго права на Руси, земли общинныя обратились въ государственныя или черныя. Сверхъ того, изъ свободныхъ, никѣмъ незанятыхъ земель князья давали участки во временное пользованіе своимъ служилымъ людямъ, дворянамъ, подъ условіемъ нести государственную службу; это были помѣстья. Вотчинники и помѣщики призывали на свои земли крестьянъ и заключали съ ними временныя условія, по которымъ крестьяне обязывались землевладѣльцу, за пользованіе его землею, тягло на него тянуть и оброки платить; крестьяне, сидѣвшіе на земляхъ княжескихъ, и повинности отбывали прямо на князя. Всѣ вообще крестьяне, на чьихъ бы земляхъ они ни жили, тянули подати и всякія разметы въ государственную казну (исключая частныхъ случаевъ, земель обѣленныхъ), а по общему управленію и суду были подчинены властямъ, назначаемымъ отъ правительства. Крестьяне могли свободно, въ извѣстные сроки, переходить съ однѣхъ земель на другія, съ общинныхъ на вотчинныя и помѣстныя, съ княжескихъ на частныя, отъ одного землевладѣльца къ другому. Всѣ эти крестьяне, безъ исключенія, были людьми вольными въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова; ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ были только отношенія жильцевъ или наемщиковъ и основывались на добровольныхъ условіяхъ; во всѣхъ же правахъ гражданскихъ крестьяне были совершенно уравнены съ другими сословіями; самое названіе барщины или панщизны неизвѣстно было на западной Руси до польскаго вліянія, то есть до XV вѣка, а на Руси восточной до XVII вѣка. Какъ по Русской Правдѣ, такъ и по Литовскому Статуту, рабами признавались на Руси только: военноплѣнные, преступники, которымъ пощажена жизнь, и тѣ, кто самъ себя запродавалъ въ кабалу. Русскіе поселяне не только были людьми вольными, но пользовались самымъ широкимъ общиннымъ самоуправленіемъ, какого мы не встрѣчаемъ ни въ одной другой странѣ Европы. Изъ древнихъ актовъ, сохранившихся на западной Руси, видно, что тамъ каждая сельская община (соединеніе нѣсколькихъ селеній) имѣла свое народное собраніе, называвшееся копою или громадою, а засѣданіе этого собранія называлось вѣчемъ. Копа рѣшала всѣ дѣла по общинному управленію и суду и имѣла даже право произносить смертные приговоры. Вѣдомству копы подлежали всѣ крестьяне той общины, жившіе какъ на земляхъ великокняжескихъ, такъ и на земляхъ помѣщичьихъ, монастырскихъ и своихъ собственныхъ. Власть копы простиралась часто даже на помѣщиковъ, которые въ этихъ случаяхъ были приглашаемы на вѣче; если же не являлись, то копа произносила рѣшеніе заочно. Помѣщики, въ спорахъ между собою, также обращались часто къ разбирательству копы. Въ такомъ положеніи застало крестьянъ на западной Руси польское вліяніе. Прежде всего, еще въ XV столѣтіи, Польша внесла крѣпостное рабство въ Галицкую Русь, принадлежавшую ей съ 1340 г. Потомъ, въ томъ же XV столѣтіи, при первыхъ королях изъ литовско-русскаго дома, поляки стали вводить его на Волыни и Подоліи, временно отторгнутыхъ Польшею отъ великаго княжества. Далѣе, польская шляхта, смотрѣвшая на западную Русь, какъ на свою добычу, постоянно выпрашивала у королей жалованныхъ земель на Руси, въ противность обязательству, принимаемому всякій разъ великими князьями при избраніи ихъ на польскій престолъ, не давать полякамъ земель на Руси. Польскіе магнаты, а впослѣдствіи и простые шляхтичи, массами устремлялись на русскую землю, принося съ собою понятія рабства, давно уже существовавшаго въ Польшѣ фактически. Уже въ XV вѣкѣ русскіе поселяне, гнетомые польскими помѣщиками въ Галиціи, Волыни и Подоліи, тысячами оставляли свои земли и селились близъ днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ положили начало тому казачеству, въ которомъ ненависть къ своимъ поработителямъ передавалась изъ рода въ родъ; другіе уходили къ татарамъ и приводили ихъ полчища опустошать свою же русскую землю, предпочитая предавать ее раззоренію, чѣмъ оставлять въ рабствѣ у польской шляхты. Съ другой стороны, какъ было уже упомянуто, польскіе короли, желая привлечь на свою сторону литовско-русское дворянство и склонить его къ соединенію великаго княжества съ королевствомъ, уравнивали его въ правахъ съ дворянствомъ польскимъ и предоставляли литовско-русскимъ помѣщикамъ неограниченную власть въ ихъ имѣніяхъ. Пока единство вѣры и національности не было еще расторгнуто въ русскомъ народѣ и пока держалось въ немъ его вѣковое обычное право, русское дворянство пользовалось умѣренно своими новыми правами, и идеи крѣпостнаго рабства, дотолѣ ему чуждыя, не могли еще проникнуть въ него глубоко. Однако, въ XVI вѣкѣ самоуправленіе сельскихъ общинъ было уже сильно поколеблено на западной Руси, хотя и признавалось по буквѣ литовско-русскаго статута; помѣщики открыто выражали пренебреженіе къ приговорамъ копныхъ судовъ, которые не могли имѣть значенія на ряду съ зачинавшимся самовластіемъ дворянства. Изъ древнихъ актовъ видно, что Сигизмундъ I безпрерывно раздаетъ помѣщикамъ на Руси крестьянъ цѣлыми селеніями, слѣдовательно эти крестьяне считались уже укрѣпленными за своими помѣщиками. При Сигизмундѣ-Августѣ встрѣчаются еще болѣе положительныя упоминанія о закрѣпленіи крестьянъ въ различныхъ мѣстностяхъ великаго княжества: такъ, въ 1547 г. литовскіе дворяне

жаловались королю, что виленскіе мѣщане не выдаютъ имъ бѣжавшихъ отъ нихъ людей отчизныхъ (вотчинныхъ) и паробковъ и иной челяди невольной; король указалъ: кто бѣжалъ до мѣста виленскаго за три года, тому оставаться тамъ безповоротно, а кто менѣе трехъ лѣтъ, тѣхъ выдавать, а кто бѣжитъ и послѣ указа, таковымъ не маетъ быти давность аже до 10 лѣтъ [1]). Тотъ же Сигизмундъ-Августъ въ 1560 г. утверждаетъ литовско-русскому дворянству право судить крестьянъ въ своихъ имѣніяхъ. По мѣрѣ того, какъ крѣпостное рабство подвигалось изъ Польши все болѣе и болѣе во внутрь Руси, древнія русскія учрежденія стирались, исчезали и въ XVII вѣкѣ едва уже встрѣчаются нѣкоторыя упоминанія о сельскихъ вѣчахъ [2]).

Вотъ слѣды, которые оставила намъ Польша въ самый лучшій періодъ своего существованія. Все, что поддерживало еще въ западной Руси стройность и единство народной жизни и гражданскую свободу большинства жителей, все это было русскаго происхожденія; все, что полагало въ ней начало разъединенія, вражды и рабства, пришло къ намъ изъ Польши. Но, какъ мы сказали выше, разъединеніе это не было еще глубоко въ теченіе XVI вѣка: оно было въ правахъ сословій, духъ же народный оставался цѣленъ и тѣмъ смягчалъ взаимныя отношенія гражданъ. Литовско-русскіе чины постоянно и упорно противились соединенію двухъ государствъ въ одно, не смотря на настоянія своихъ великихъ князей, королей польскихъ. Эти послѣдніе, живя постоянно въ Краковѣ и дѣйствуя подъ вліяніемъ католическаго духовенства, самою силою вещей все болѣе и болѣе входили въ кругъ польскихъ интересовъ и забывали выгоды своихъ наслѣдственныхъ земель. До какой степени духъ самостоятельной народности и отвращеніе отъ Польши были сильны въ литовско-русскомъ народѣ видно изъ того, что онъ дѣлалъ безпрерывныя нашествія на Польшу, какъ на державу враждебную, не смотря на то, что оба народа имѣли уже общаго государя; эти нашествія прекратились лишь при Сигизмундѣ I, предпослѣднемъ королѣ литовско-русскаго дома. Чѣмъ болѣе польскіе короли отдалялись отъ интересовъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній въ угоду интересамъ польскимъ, тѣмъ болѣе западная Русь тянула на сторону Руси московской; еще въ XV столѣтіи многія мелкія княжества по Окѣ и Деснѣ добровольно поддались Іоанну III; въ 1514 году возвращенъ былъ Смоленскъ, жители котораго привѣтствовали московскіе полки, какъ своихъ избавителей. При Сигизмундѣ-Августѣ для Польши еще болѣе возросла опасность соединенія западной Руси съ восточною, ибо Сигизмундъ не имѣлъ наслѣдника и съ

[1]) Акты, отн. къ ист. запад. Россіи, томъ 3, стр. 11.

[2]) О крестьянахъ въ зап. Руси см. *Иванишева*: „О древнихъ сельскихъ общинахъ ю.-зап. Россіи“, „Русская Бесѣда“ 1857 г., кн. 3 и сравни *Зубрицкаго*, стр. 136, 137, 339 и 340 прим.

его смертію долженъ былъ прекратиться родъ Гедимина, русскій по крови и языку. Поляки употребили всѣ усилія, чтобы ускорить соединеніе великаго княжества съ королевствомъ. Король, по ихъ внушенію, нѣсколько разъ созывалъ для этого сеймы, но всегда безполезно, доколѣ живъ былъ князь Николай Радзивиллъ, канцлеръ литовскій (православной вѣры), благородный защитникъ народности своего отечества; онъ говорилъ, что „поляки льнутъ къ Литвѣ и Руси, какъ пчелы къ цвѣтамъ, чтобы, высосавъ медъ, бросить ихъ“. Наконецъ, по смерти Радзивилла, происками поляковъ, насильственными дѣйствіями короля и предательствомъ двухъ русскихъ вельможъ, князей Острожскаго и Черторыйскаго (впослѣдствіи ополячившіеся Chartoryiskii), соединеніе послѣдовало на люблинскомъ сеймѣ въ 1569 г., не смотря на протесты огромнаго большинства русскихъ и литовскихъ депутатовъ, которые съ ропотомъ и шумомъ вышли изъ сейма, не откланявшись королю. Польша торжествовала успѣхъ своихъ двухвѣковыхъ домогательствъ; она не только обезоружила своего самаго опаснаго врага, западную Русь, но сдѣлала ее основою своего наружнаго могущества. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось тогда полякамъ, ибо никто не могъ предвидѣть, что съ этихъ поръ выступалъ на сцену другой историческій вопросъ — быть ли Польшѣ, или быть Россіи, и что, триста лѣтъ спустя, рѣшеніе этого вопроса поведетъ къ уничтоженію самой Польши. Великое княжество присоединилось къ Польшѣ не въ качествѣ удѣла, а какъ равноправное ей государство. „Землю русскую и княжество Кіевское, сказано въ грамотѣ Сигизмунда-Августа, и всѣхъ оныя земли жителей къ польскому королевству, какъ равныхъ къ равнымъ и свободныхъ къ свободнымъ, присовокупляемъ и соединяемъ“. При этомъ опредѣлено: оба народа управляются однимъ государемъ, избираемымъ Польшею и Русью вмѣстѣ; сенатъ долженъ состоять изъ равнаго числа членовъ отъ обоихъ народовъ, но въ общихъ дѣлахъ первенство остается за Польшею, потому что она яко бы образовалась въ государство ранѣе, чѣмъ Русь, пользовалась издревле титуломъ королевства и шляхетскими правами. Оба народа имѣютъ одинъ сеймъ. Сеймы имѣютъ быть въ Варшавѣ, городѣ, находящемся въ Мазовіи, слѣдовательно ни польскомъ, ни русскомъ. Великое княжество удержало литовскій статутъ и русскій языкъ въ дѣлопроизводствѣ. Православная западно-русская церковь все еще продолжала находиться въ единеніи съ церковію восточною; въ Вильнѣ русскія церкви стояли на ряду съ католическими. Въ концѣ царствованія Сигизмунда-Августа большая часть сенаторовъ принадлежала къ православной вѣрѣ. Немедленно послѣ смерти Сигизмунда-Августа литовско-русскіе чины предлагали сперва великокняжескую корону Іоанну Грозному, а потомъ просили его дать имъ на престолъ царевича Ѳеодора, обѣщая хлопотать, чтобы и поляки приняли его на свой

престолъ. Упрямство и неуступчивость Іоанна по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ были причиною, что соединеніе обѣихъ половинъ Руси тогда не состоялось. До самой смерти Стефана Баторія не было еще и рѣчи объ ополяченіи русскаго края; только знатнѣйшіе изъ литовско-русскихъ вельможъ, посѣщавшіе королевскій дворъ, стали, со временъ Сигизмунда-Августа, усвоивать себѣ польскій языкъ. Дѣйствительное ополяченіе западной Руси началось при Сигизмундѣ III. Для поляковъ, и по соединеніи Руси съ Польшею, все еще была страшна самостоятельная народность русскаго племени. Они понимали, что лучшимъ средствомъ уничтожить эту народность было обращеніе русскихъ въ католичество; это была, какъ мы знаемъ, давнишняя и задушевная цѣль польскихъ государственныхъ людей. Теперь наступила благопріятная минута для ея выполненія. Удобнѣйшимъ для сего орудіемъ были польское духовенство и іезуиты, давно уже стерегшіе Русь, какъ свою добычу. Изувѣрный король, бывшій въ полномъ ихъ распоряженіи, объявилъ въ 1595 г. введеніе уніи, т. е. соединеніе церкви православной съ католическою, и открылъ жестокое гоненіе на всѣхъ, несоглашавшихся подчиниться этой насильственной мѣрѣ. Слово унія служило только для прикрытія настоящей цѣли, которою было совершенное обращеніе русскихъ въ католичество. Всѣ православные, русскіе и литвины, были изгнаны изъ сената; духовные, не признававшіе уніи, не были посвящаемы въ епископы; богатѣйшіе монастыри и приходы отдавались уніатамъ; православные были удаляемы отъ государственныхъ должностей и замѣняемы уніатами. Польша съ радостію видѣла плоды своей политики: непримиримая ненависть открылась между двумя русскими партіями, православными и уніатами; одна старалась уничтожить другую. Уніаты, дѣйствуя въ духѣ своихъ руководителей, іезуитовъ, и находя поддержку во всѣхъ властяхъ, начиная съ короля, превозмогали и умножались числомъ. Ненависть ихъ преимущественно обращалась на православное духовенство: священники, непоколебимые въ православіи, подвергались всякаго рода оскорбленіямъ, съ безчестіемъ изгоняемы были изъ приходовъ, по ложнымъ доносамъ предавались суду и нерѣдко оканчивали жизнь въ оковахъ или среди мученій. Православнымъ не дозволялось сооружать храмы, а тѣ, которые уже существовали, были запираемы, разрушаемы, обращаемы въ шинки и конюшни. Некому было отпѣвать мертвыхъ, крестить младенцевъ. Народъ собирался на молитву въ построенныхъ за городомъ шалашахъ, но и оттуда былъ разгоняемъ. Лишенныя въ шести епархіяхъ епископовъ, православные прибѣгали къ епископамъ галицкимъ, львовскому и перемышльскому. Въ полномъ собраніи варшавскаго сейма одинъ изъ русскихъ депутатовъ такъ отвѣчалъ на упреки Сигизмунда въ томъ, что русскіе слабо помогали полякамъ въ войнѣ противъ шведовъ: „Мы вѣрные сыны Посполитой Рѣчи, но какъ

можемъ мы идти противъ внѣшняго врага, когда насъ преслѣдуютъ враги внутренніе, когда ожесточенная унія отнимаетъ у насъ и свободу совѣсти, и гражданское благосостояніе. Повсюду храмы наши затворены, священники изгнаны, церковныя имущества разграблены; младенцы остаются безъ крещенія, умирающіе безъ исповѣди, мертвые безъ погребенія; тѣла умершихъ выбрасываютъ въ поле, какъ нечистыхъ животныхъ. Всѣ, несогласившіеся измѣнить вѣрѣ своихъ отцевъ, удалены отъ публичныхъ должностей; наше православіе вмѣняется намъ въ преступленіе; мы лишены покровительства законовъ; мы вопіемъ, но никто не внемлетъ нашимъ воплямъ“ [1]). Обитатели сѣверной части великаго княжества, ослабленные переходомъ множества русскихъ въ унію, не имѣли силъ бороться съ Польшею и безъ боя склонились подъ ея гнетомъ. Но на югѣ, въ Малороссіи (нынѣшнія губерніи Кіевская, Подольская, Полтавская и Черниговская), введеніе уніи встрѣтило въ началѣ сильный отпоръ. Тамъ жили воинственные казаки, потомки тѣхъ русскихъ, которые бѣжали на берега Днѣпра отъ крѣпостнаго порабощенія польскою шляхтою. Казаки хранили наслѣдственную ненависть къ поработителямъ своихъ отцевъ. Теперь поляки, отнявшіе у малороссіянъ гражданскую свободу, хотѣли отнять у нихъ и прародительскую вѣру. Вся Малороссія возстала и началась безпощадная война, ознаменованная съ обѣихъ сторонъ страшными жестокостями. Казаки рубили всѣхъ, кто только носилъ польское имя; поляки придумывали неслыханные истязанія для плѣнныхъ и побѣжденныхъ. Гетманъ Косинскій, зазванный обманомъ въ Брестъ, замурованъ въ каменномъ столбѣ; гетманъ Наливайка, съ тремя малороссійскими депутатами, были изжарены въ мѣдномъ быкѣ; съ гетмана Павлюка, схваченнаго обманомъ, съ живаго содрали кожу; гетманъ Остраница, залученный также обманомъ, былъ колесованъ со множествомъ сподвижниковъ. Малороссіяне, лишенные своихъ вождей, были сломлены силою; унія и польское владычество торжествовали и въ этомъ краѣ. Вотъ какъ описываетъ введеніе уніи въ Малороссіи Георгій Конискій, бывшій архіепископомъ бѣлорусскимъ въ эпоху возвращенія этого края къ Россіи и извѣстный мужественною рѣчью, произнесенною имъ на варшавскомъ сеймѣ въ защиту угнетенныхъ православныхъ: „Весь русскій народъ объявленъ на сеймѣ отступнымъ, вѣроломнымъ и бунтливымъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ сего нероновскаго приговора было отлученіе навсегда депутатовъ русскихъ отъ сейма, а всего рыцарства отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отборъ старостъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ русскихъ и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство

[1]) Lelevel, t. II, Consid p. 214.

русское названо хлопами, а народъ, отвергавшій унію, схизматиками. Во всѣ правительственные и судебные уряды малороссійскіе насланы поляки съ многочисленными штатами, города заняты польскими гарнизонами, а другія селенія ихъ же войсками. Имъ дана власть все тое дѣлать народу русскому, что сами захотятъ и придумаютъ, и они исполняли наказъ сей съ лихвою, и что только смыслить можетъ своевольное, надменное и пьяное человѣчество, дѣлали то надъ несчастнымъ русскимъ народомъ безъ угрызенія совѣсти. Грабительства, насиліе женщинъ и самыхъ дѣтей, побои, мучительства и убійства превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Они, почитая и называя народъ невольниками или ясыромъ польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ. Собиравшихся вмѣстѣ нѣсколькихъ человѣкъ для обыкновенныхъ хозяйскихъ работъ или празднествъ тотчасъ съ побоями разгоняли и о разговорахъ ихъ пытками истязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ. Церкви русскія силою или гвалтомъ обращали на унію. Духовенство римское, разъѣзжавшее съ тріумфомъ по малой Россіи для надсмотра и понужденія къ уніатству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двѣнадцати и болѣе человѣкъ въ цугъ. На прислуги сему духовенству выбираемы были поляками самыя краснѣйшія изъ дѣвицъ русскихъ. Церкви несоглашавшихся на унію прихожанъ отданы жидамъ въ аренду и положена за всякую въ нихъ отправу денежная плата. Жиды, яко непримиримые враги христіанства, съ восхищеніемъ принялись за такое надежное для нихъ скверноприбыточество и тотчасъ ключи церковные и веревки колокольныя отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ христіанской повиненъ ктиторъ идти къ жиду торжиться съ нимъ и выпросить ключи; а жидъ при томъ, насмѣявшись довольно богослуженію христіанскому и перехуливши все, христіанами чтимое, называя его языческимъ, или по ихъ гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи съ клятвою, что ничего въ запасъ не отправлено. Страданіе и отчаяніе народа увеличилось новымъ приключеніемъ, содѣлавшимъ еще замѣчательнѣе всей землѣ эту эпоху. Чиновное шляхетство малороссійское, не стерпя гоненій отъ поляковъ и не могши перенесть лишенія мѣстъ своихъ, а паче потерянія ранговыхъ и нажитыхъ имѣній, отложилось отъ народа своего и разными происками, посулами и дарами закупило знатнѣйшихъ урядниковъ польскихъ и духовныхъ римскихъ, сладило и задружило съ ними, и мало-по-малу согласилось первѣе на унію, потомъ обратилось совсѣмъ въ католичество. Впослѣдствіи сіе шляхетство, соединясь съ польскимъ шляхетствомъ свойствомъ, родствомъ и другими обязанностями, отреклось и отъ самой породы своей русской, а всемѣрно старалось, изуродовавъ природныя свои названія, пріискивать и придумывать къ нимъ польское произношеніе и называть.

себя природными поляками. Слѣдствіемъ переворота сего было то, что имѣнія сему шляхетству и должности ихъ возвращены, а ранговыя утверждены имъ въ вѣчность и во всемъ сравнены съ польскимъ шляхетствомъ. Въ благодарность за то приняли и они въ разсужденіе народа русскаго всю систему политики польской и, подражая имъ, гнали преизлихо сей несчастный народъ“ [1]. Гетманское достоинство было вовсе отмѣнено; едва нѣсколько тысячъ казаковъ зачислено въ военную службу, остальные обращены въ крѣпостное рабство [2]. То же самое, и даже еще въ большихъ размѣрахъ, повторилось и въ остальныхъ частяхъ западной Руси; всѣ крестьяне были обращены въ крѣпостныхъ рабовъ; все дворянство и почти все городское населеніе перешли въ католичество; большая часть крестьянъ была присоединена къ уніи, незначительная доля устояла въ православіи, испытавъ всевозможныя гоненія со стороны помѣщиковъ. Уже при Владиславѣ, сынѣ Сигизмунда III, положеніе крестьянъ въ великомъ княжествѣ было хуже, чѣмъ даже въ самой Польшѣ, хотя литовскій статутъ, и послѣ всѣхъ польскихъ въ немъ нововведеній, обезпечивалъ человѣческія права крестьянъ болѣе, чѣмъ польское законодательство. Такъ, по литовскому статуту опредѣлялась дворянину смертная казнь за убійство простолюдина (часть 2, разд. 12, арт. 1); по польскимъ же законамъ дворянинъ за ту же вину платилъ только пеню въ 30 гривенъ (Кор. Конст. 1581 г. кн. 2, стр. 1012), которая, впрочемъ, никогда почти не взыскивалась; мало того, по польскимъ законамъ помѣщикъ или его управляющій могли казнить крестьянъ и дворовыхъ смертію (Voll. legg. II, 607), что было впослѣдствіи распространено польскимъ правительствомъ и на великое княжество. Литовскій статутъ обязывалъ помѣщиковъ, во время голода, кормить дворовыхъ людей, въ противномъ случаѣ дворовые дѣлались свободными (разд. 12, арт. 2); польскіе же помѣщики имѣли право во всякое время изгонять своихъ дворовыхъ и крестьянъ. Но и эти ограниченія помѣщичьей власти на Руси оставались мертвою буквою при безпредѣльномъ своеволіи и презрѣніи законовъ со стороны польской шляхты и при полной безгласности крестьянъ. Статутъ литовскій въ 1614 г. былъ уже изданъ на польскомъ языкѣ; самое имя русскихъ было тщательно избѣгаемо въ оффиціальныхъ актахъ. Съ этихъ поръ польская шляхта, католическое духовенство и ополячившееся дворянство русское и литовское, въ теченіе 200 лѣтъ, т. е. до самаго уничтоженія Польши, физическимъ и нравственнымъ насиліемъ гнули русскій народъ подъ ярмо польской цивилизаціи, и дѣйствительно, успѣхи этой цивилизаціи въ западномъ краѣ были огромны. Татарское иго далеко не оставило

[1] *Георгій Конискій.* Исторія малой Россіи. Изд. Моск. Общ. ист. и древн., стр. 40—41.

[2] Lelevel, I, p. 168.

такихъ глубокихъ слѣдовъ въ восточной Россіи, какіе оставило польское владычество въ Россіи западной. Полудикіе монголы жаждали только добычи и дани; произведя грабежъ и собравъ дань, они оставляли русскій народъ въ покоѣ, уважали его вѣру, не трогали обычаевъ. Поляки не довольствовались тѣмъ, что отняли у русскаго народа гражданскую свободу, землю, имущества; они насиловали его вѣру и совѣсть, искажали въ немъ образъ человѣческій, желали стереть съ лица земли самое имя русскихъ. Вотъ почему западный край, хотя уже около ста лѣтъ возвращенный къ своему древнему отечеству, до сихъ поръ не можетъ оправиться отъ польскаго разоренія. Угнетеніе крестьянъ и преслѣдованіе православной вѣры вызвали въ Малороссіи, Волыни, даже въ Бѣлоруссіи цѣлый рядъ возстаній противъ Польши, продолжавшихся вплоть до возвращенія этихъ провинцій къ Россіи Екатериною Великою: при царѣ Алексѣѣ возстаніе малороссіянъ подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, окончившееся добровольнымъ подданствомъ московскому царю части Малороссіи по лѣвую сторону Днѣпра; потомъ, при Петрѣ, возстаніе крестьянъ и казаковъ, предводимыхъ Палеемъ; въ 1750 г. возстаніе запорожцевъ; въ 1744 г. возстаніе бѣлорусскихъ крестьянъ въ кричевскомъ староствѣ. Несчастные, забитые жители западной Руси въ теченіе 200 лѣтъ дѣлали безплодныя усилія, чтобы высвободиться отъ чужеземнаго ига; они ждали только той минуты, когда придетъ къ нимъ помощь отъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братьевъ, съ которыми нѣкогда они составляли одинъ русскій народъ.

Мы видѣли, какими средствами Польша вводила свою цивилизацію въ западной Россіи; теперь посмотримъ, какова же была ея собственная цивилизація съ того времени, когда началось во всей силѣ ея цивилизующее вліяніе на западную Русь. При этомъ мы съ намѣреніемъ устраняемъ свидѣтельства русскихъ и западно-европейскихъ лѣтописцевъ и ограничиваемся буквальными выписками изъ Лелевеля, котораго, конечно, нельзя заподозрить въ клеветѣ на польскій народъ. Вотъ какъ описываетъ Лелевель внутреннее состояніе Польши и Литовско-Русскаго великаго княжества отъ Сигизмунда III до Михаила Вишневецкаго, т. е. именно въ тотъ періодъ, когда началось и пустило корни ополяченіе западной Руси:

„Достаточно бросить взглядъ на положеніе низшихъ сословій, чтобы видѣть, въ какомъ упадкѣ и нищетѣ находилась въ это время Польша. Народонаселеніе уменьшилось въ ней поразительнымъ образомъ. Нѣсколько милліоновъ людей погибло въ самое короткое время, среди кровавыхъ смутъ и внѣшнихъ войнъ. До милліона переселилось съ казаками на сторону (авторъ разумѣетъ здѣсь русскихъ крестьянъ, бѣжавшихъ на Днѣпръ отъ крѣпостнаго порабощенія); множество народа перебралось за границу въ Шленскъ (т. е. закрѣпощенные русскіе крестьяне изъ Галиціи и Люблинской Руси). Цѣлыя селенія и мѣстечки исчезаютъ. Въ деревняхъ и селахъ убыло по нѣскольку десятковъ усадьбъ; земли, нѣкогда обработанныя, поросли лѣсомъ. Едва по нѣскольку ремесленниковъ осталось въ городахъ, гдѣ въ былое время они считались сотнями. Народъ будто уже не нуждался, какъ прежде, въ сапожникахъ, портныхъ и другихъ ремесленникахъ. И поселянинъ, и горожанинъ, и убогій на загонѣ шляхтичъ равно прикрывали свое тѣло дерюжною рубахою и бурою сермягой. Мясо было уже въ рѣдкость; горшки и миски наполнялись варевомъ безъ всякой приправы; часто не доставало даже пушнины, т. е. хлѣба изъ отрубей, изъ котораго торчали колосяныя иглы. Горѣлкой заливалъ бѣднякъ свою горемычную долю; ничто уже не обезпечивало его собственности. Школы посѣщались мелкою шляхтою и горожанами только изрѣдка, а крестьянину было уже не до школы. Не одинъ разъ знатный панъ приневоливалъ убогую шляхту къ барщинѣ и обращалъ ее въ рабство. Горожане лишены многихъ правъ и предоставлены произволу воеводъ и старостъ; уполномоченные городовъ изгнаны навсегда изъ сеймовъ. Безумство шляхты превзошло всякую мѣру. Мѣстечки, превращенныя въ селенія, постепенно утрачивали свои льготы; даже королевскія имущества, гнетомыя старостами, не были пощажены. Отъ поселянъ требовались безпрерывно новые заработки, барщина, подати, оброки, насильственные поборы. Чудовищное правило, что поселянинъ рожденъ иначе, чѣмъ дворянинъ, а потому душа и тѣло его принадлежатъ господину, повсемѣстно утвердилось. Господинъ, считая своимъ каждый его заработокъ, распоряжался крѣпостнымъ, какъ своею вещью. Ничто не охраняло уже правъ собственности, а тотъ край, въ которомъ не признается это священное право, обреченъ на конечную гибель. Посполитая рѣчь, въ которой шляхетство пользовалось полною свободою и всѣми преимуществами, была въ сущности гнѣздилищемъ самой тяжкой неволи. Усиліями іезуитовъ повсемѣстно утвердилась римско-католическая религія; первѣйшіе домы Польши и Литовскаго великаго княжества, даже Радзивиллы, отступились отъ православія (подъ именемъ Польши авторъ разумѣетъ здѣсь Галицію и Люблинскую Русь); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, убывало значительно и населеніе посполитой рѣчи. Многіе протестанты добровольно покинули Польшу; даже даровитѣйшіе изъ православныхъ, лютеранъ и кальвинистовъ не допускались на службу республикѣ. Лишенные правъ вольности и своего значенія, граждане-иновѣрцы и некатолическая шляхта пришли въ негодованіе; многіе перешли на сторону иноземцевъ. Легко себѣ представить, до какой степени возбуждены были народныя страсти и до чего дошли раздоры и смуты въ ослабѣвшей Польшѣ въ тѣ времена, когда господствовавшая надо всѣмъ шляхта вооружала на себя и казаковъ, и иновѣрцевъ, и въ то же время безпрерывно раздражала и притѣсняла

низшія сословія, устраняя изъ государства множество полезныхъ гражданъ. Наконецъ, эта самая шляхта, жертва нравственныхъ и политическихъ заблужденій вѣка, укоренившихся въ ней ложнымъ направленіемъ и недостаткомъ образованія, лишилась постепенно способности содѣйствовать чему-либо благому для отечества. Школы былыхъ временъ закрылись. Польша не считалась уже убѣжищемъ наукъ и общественной образованности. Бездарность преобладала въ литературѣ, Процвѣтали еще немногія протестантскія училища, уцѣлѣвшія отъ уничтоженія, которому подверглись школы иновѣрцевъ. Знаменитѣйшими и многочисленнѣйшими школами были іезуитскія; онѣ посѣщались множествомъ учениковъ. Въ упадающемъ краѣ и среди угасающаго просвѣщенія научное направленіе въ школахъ было плохое. Не заботились уже объ истинномъ образованіи, а убивали лишь время на изученіе латыни. Усатый студентъ, выдолбивъ въ низшихъ классахъ наизустъ грамматику, переходилъ въ реторику и піитику. Заучивъ всѣ реторическія натяжки, онъ доходилъ, наконецъ, до философіи, т. е. къ безконечнымъ усиліямъ выдавать ложь за истину, въ формѣ замысловатыхъ софизмовъ. Полезныхъ знаній не передавалось вовсе. Рѣдко кто доходилъ до философіи; выучивъ, какъ попугай, правила грамматики и реторики, выступалъ на жизненное поприще студентъ-невѣжда, свыкшійся съ палкою и готовый на всякое буйство. Ученики различныхъ школъ ненавидѣли другъ друга; драка была ихъ главнымъ занятіемъ; при всякомъ удобномъ случаѣ они оскорбляли и колотили иновѣрцевъ. Сорока лѣтъ отъ роду шляхтичъ начиналъ узнавать о существѣ посполитой рѣчи, попадая въ составъ судебной палестры, т. е. корпуса адвокатовъ и стряпчихъ, кочуя по канцеляріямъ или поступая въ услуженіе ко двору ясновельможнаго пана. До того ему извѣстно было только то, что онъ шляхтичъ; объ отечествѣ онъ и не помышлялъ прежде; потому не удивительно, что ему были совершенно чужды интересы роднаго края. Въ тѣ же времена является впервые шляхетскій гоноръ, гнусное подражаніе французскому point d'honneur. Этотъ гоноръ состоялъ въ забіячествѣ, кровавыхъ схваткахъ и рѣзнѣ, все это называлось поединкомъ. Фанфаронъ и хвастунъ, всегда готовый помѣряться съ равнымъ себѣ, прежде всѣхъ уходилъ съ поля сраженія. Этотъ же гоноръ, правильнѣе кулачное право, былъ причиною пашней и тайныхъ совѣщаній съ чужеземцами, которые стали внимательно присматриваться къ смутамъ посполитой рѣчи, въ надеждѣ ими воспользоваться. Ея разстройство было ужасно и уже ничѣмъ непоправимо. Это вполнѣ сознавалъ Янъ Казиміръ, предвидѣвшій неотразимую гибель своей державы“ [1]).

[1]) Lelevel, I, p. 187—191 et 151.

А вотъ какъ описываетъ Лелевель послѣдующее состояніе Польши, при короляхъ саксонской династіи и при послѣднемъ польскомъ королѣ Станиславѣ Понятовскомъ:

„Польша спасла себя отъ гибели во время Яна Казиміра, но послѣдующія безпрерывныя невзгоды довели ее до конечнаго ослабленія; подобно больному, истощенному страданіями, она замерла для всякой дѣятельности. Польша при короляхъ „Сасахъ“ считала себя благоденствующею; повторяли: za Sasa popuszczaj pasa, т. е. при королѣ Сасѣ отпускай кушакъ, пользуйся полной свободой. Но въ сущности тогдашняя Польша была похожа на заѣзжую корчму; кто въ нее врывался, тотъ заводилъ шумъ и тревогу, а затѣмъ спокойно отправлялся далѣе. Всѣ соглашались, что неурядицею держится Польша и что такой порядокъ вещей хорошъ для нея и удобенъ. Сеймы, прекращаемые восклицаніемъ „veto“, почти никогда не доходили до конца. За то на пирахъ попойки и смѣлыя схватки свидѣтельствовали, что дома во всемъ изобиліе, а въ запальчивой удали нѣтъ недостатка. Уклонявшіеся отъ пьяныхъ бесѣдъ устранялись отъ общества. Польша подобилась въ тѣ времена разслабленному, который, отставляя преждевременно ложе, снова впадаетъ въ тяжкій и уже смертельный недугъ: онъ не чувствуетъ страданій, свыкся съ ними, органы его притупились, угасло даже болѣзненное ощущеніе. Такъ, въ Польшѣ поселяне, горожане и сама шляхта равнодушно переносили униженіе, безславіе и страданія. Обезсиленная, она утрачиваетъ область за областью, лишается большей части народонаселенія, ея казна истощена, войско уменьшено и даже остатки его распущены. Ничему не противился сонмъ шляхты равнодушный и къ такимъ даже нововведеніямъ, которыя подрывали польскую народность; уже невѣдомы были этой огрубѣвшей шляхтѣ сущность и нужды посполитой рѣчи. Страшное изнеможеніе овладѣло этою олигархическою страною. Нравственное усыпленіе, подобно летаргіи, оковало всѣхъ, знатныхъ и простолюдиновъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Общее отупѣніе, бездѣйствіе, грубость доказывали политическую дряхлость страны. Іезуитскій обскурантизмъ собиралъ плоды своихъ подвиговъ; чуждые и враждебные странѣ элементы безнаказанно издѣвались надъ нею. Шляхтичи стали массами присвоивать себѣ графскій титулъ, выпрашивая его отъ иностранныхъ правительствъ; съ другой стороны, древнія княжескія достоинства Литвы и Руси открыли честолюбцамъ неизчерпаемый источникъ, откуда они добывали себѣ эти титла, болѣе почетные графскихъ. Злополучные, которые не могли какъ нибудь прицѣпиться къ этимъ геральдическимъ, до безконечности развѣтвленнымъ деревамъ, прибѣгали къ милости нѣмецкаго императора. Каждый шляхтичъ хвалился тѣмъ, что нѣтъ подъ солнцемъ человѣка свободнѣе его. Дѣйствительно, богатый шляхтичъ считалъ себя выше закона, заставлялъ его бездѣйствовать или толковалъ въ

свою пользу; въ своемъ же имѣніи онъ былъ полнѣйшій деспотъ. Преступники оставляемы были безъ наказанія, если никто не преслѣдовалъ ихъ передъ судомъ. Шляхтичъ, какое бы ни совершилъ преступленіе, не могъ быть задержанъ, если не былъ еще обвиненъ по суду или не взятъ на мѣстѣ преступленія; поистинѣ можно было сказать, что преступленіе оставалось въ Польшѣ безнаказаннымъ. Каждый всемогущій панъ имѣлъ собственную полицію и не желалъ подчиняться никакой другой, которая могла бы стѣснить его волю. Противъ враговъ внутреннихъ или внѣшнихъ каждый вооружался лишь для собственной защиты и по собственному произволу, и тѣмъ обезоруживалъ страну. Законъ, по которому староства давались пожизненно, открылъ широкое поле достопамятному разграбленію національныхъ имуществъ. Могущественные магнаты и ловкіе интриганты, посредствомъ разныхъ уловокъ, присвоивали себѣ національныя имущества, обращая ихъ навсегда въ свою собственность. Когда вышла булла папы Климента XIV объ уничтоженіи іезуитскаго ордена, колоссальныя имущества, которыми іезуиты владѣли въ Польшѣ, были, по опредѣленію сейма, предназначены на народное просвѣщеніе. Коммиссія, которой поручена была администрація по-іезуитскихъ имѣній, совершила самыя наглыя грабительства, подъ главнымъ руководствомъ виленскаго епископа Игнатія Масальскаго. Громадныя имущества были поглощены въ безднѣ безпорядка или разворованы посредствомъ безчестныхъ продѣлокъ; еще громаднѣйшія были промотаны. Національныя имущества послужили также иностраннымъ правительствамъ для того, чтобы платить за услуги продажныхъ магнатовъ, торговавшихъ своимъ отечествомъ. Посредствомъ такихъ-то грабительствъ составились колоссальныя состоянія Браницкихъ, Любомірскихъ, Понинскихъ, Масальскихъ и др.“ [1]).

Положеніе крестьянъ въ Польшѣ и великомъ княжествѣ, въ XVII и XVIII вѣкахъ, до самаго уничтоженія польскаго королевства, Лелевель описываетъ слѣдующимъ образомъ:

„По мѣрѣ возрастанія своеволія шляхты, новыя средства эксплуатировать крестьянъ были придумываемы и истощены наконецъ до послѣдней капли. Дворянство предоставило себѣ исключительное пользованіе величкинскими соляными копями и продавало соль по возвышенной цѣнѣ крестьянамъ и всѣмъ жителямъ своихъ имѣній; помѣщикъ дѣлалъ разсчетъ, сколько каждому крестьянину потребно соли для его хозяйства, и заставлялъ его непремѣнно выбирать указанное количество, съ воспрещеніемъ покупать соль на сторонѣ. Подобный же торгъ помѣщики производили сельдями, водкою, пивомъ и разными другими припасами и товарами, которые были необходимы въ крестьянскомъ

[1]) Lelevel I p. 204, 206—207, 224; II Consid. p. 333, 338 et Le règne de S. Poniatovski p. 85—86.

хозяйствѣ. Агентами помѣщиковъ въ этой торговлѣ были жиды и дворня. Въ этой монополіи не имѣли права участвовать ни мелкая шляхта, еще болѣе бѣдная и несчастная, чѣмъ крестьяне, ни помѣщики средней руки; это была привилегія богатыхъ магнатовъ и старостъ, которые держали въ своихъ рукахъ національныя имущества и извлекали свои богатства изъ народнаго пота, чтобы выставлять напоказъ свою, столь извѣстную расточительность и непомѣрную роскошь. Положеніе крестьянъ польскихъ и русскихъ, какъ схизматиковъ, такъ и обращенныхъ въ католичество, сдѣлалось еще хуже, чѣмъ въ прежнее время, и угнетеніе ихъ переполнило послѣднюю мѣру. Прежде еще оставались въ ихъ пользу кое-какія формы, воспоминанія, условія, обычаи; отнынѣ навсегда все изчезаетъ, полное безправіе и пренебреженіе становится удѣломъ этого презрѣннаго, гнуснаго, нечистаго, проклятаго племени. Называть крестьянъ хлопами становится уже недостаточно; ихъ именуютъ отверженнымъ племенемъ Хама, осужденнымъ на рабство, проклятымъ изначала, какъ только оно вышло изъ Ноева ковчега. Ругательныя названія, какими честили этихъ хлоповъ и хамовъ, служили только вступленіемъ ко всякаго рода другимъ беззаконіямъ относительно ихъ. Панщизна и поборы были увеличены до-нельзя. Крестьянинъ, имѣвшій въ пользованіи полъ-влока земли въ трехъ поляхъ, или иногда и нѣсколько болѣе, когда отводилась новь, обязанъ былъ отбывать на барщинѣ три дня конныхъ и три дня пѣшихъ, всего шесть дней въ недѣлю. Сверхъ того, была барщина не въ урядъ, извѣстная подъ именемъ гвалта или дарамщизны, наприм. во время жатвы и сѣнокоса, когда обязаны были являться на панское поле всѣ жители деревни. Помѣщики, старосты, арендаторы только и дѣлали, что справлялись другъ у друга на счетъ величины повинностей, и каждый считалъ себя вправѣ налагать на своихъ крестьянъ такія повинности, какія находилъ у другаго. Крестьяне должны были платить десятину въ пользу духовенства, которое признавало смертельнымъ грѣхомъ, если она не была взносима въ точности и въ изобиліи. Кромѣ того, приходскій ксендзъ бралъ себѣ добрую часть за спасеніе душъ; жертвенники были покрыты приношеніями, и въ праздники, во время обѣдни, ксендзъ тонулъ въ грудахъ насыпаннаго хлѣба. На каждомъ шагу крестьянинъ долженъ былъ работать, давать, истощаться въ пользу другихъ. Жиды, которыхъ народъ называлъ піявицами, содержа на арендѣ шинки и пивные заводы, неутомимо спаивали крестьянъ въ пользу помѣщиковъ. Крестьянинъ, живя постоянно подъ вліяніемъ той мысли, что и самъ онъ, и весь его заработокъ принадлежатъ пану, не думалъ о сбереженіи и предпочиталъ лучше пропивать свою худобу, чѣмъ видѣть ее загребленною. Если же онъ и успѣвалъ сдѣлать какое сбереженіе, то спѣшилъ зарывать его въ землю, всячески скрывая то отъ сосѣдей; въ противномъ случаѣ жидъ или

управитель имѣнія, пристально стерегшіе каждое движеніе крестьянина, тотчасъ завладѣвали его добромъ. Богатые магнаты почти никогда не жили въ своихъ имѣніяхъ и не видали своихъ рабовъ; средніе помѣщики также предоставляли крестьянъ распоряженію жидовъ и управителей. Огромная масса нищенствующей шляхты, считая промышленныя занятія унизительными для своего шляхетскаго достоинства, бросилась на должности управителей или экономовъ въ имѣніяхъ. Этотъ подлый классъ управителей состоялъ изъ низкихъ угодниковъ панской волѣ, которые пресмыкались передъ панами и въ то же время ихъ обкрадывали, а крестьянъ презирали, ненавидѣли и тиранили. Лишенные всякой совѣсти и состраданія, они не выпускали изъ рукъ плети и по собственному капризу чинили расправу съ крестьянами. Старинные общинные суды изчезли; дикій произволъ пановъ и управителей располагалъ душою и тѣломъ крестьянина, обращеннаго въ раба. Иногда панъ, по капризу или чтобы выразить благорасположеніе къ своимъ крестьянамъ, созывалъ громаду (на Руси) или гмину (въ Польшѣ), тѣнь нѣкогда бывшаго общиннаго самоуправленія. Но эти собранія, происходившія въ присутствіи и подъ управленіемъ полновластнаго господина, оканчивались только его же собственными повелѣніями. „Мы едва различаемъ крестьянъ, пишетъ король Станиславъ Лещинскій, отъ рабочаго скота, которымъ они пашутъ наши поля. Часто мы менѣе щадимъ силы крестьянъ, чѣмъ силы животныхъ, и еще чаще мы ведемъ ими постыдный торгъ, продавая ихъ господамъ столь же жестокимъ, которые, посредствомъ чрезмѣрнаго труда, возмѣщаютъ на нихъ цѣну ихъ новаго рабства. Я не могу вспомнить безъ ужаса тотъ законъ, по которому каждый шляхтичъ, убившій крестьянина, подвергается только штрафу въ15 фр. Мы считаемъ крестьянъ существами иной породы и почти отказываемъ имъ въ правѣ дышать однимъ съ нами воздухомъ“ [1]). Бернульи, въ своемъ путешествіи по Польшѣ (1781 г.), разсказываетъ, что шляхтичъ могъ насиловать каждую дѣвушку, которая ему понравится, отвѣчая сотнею палочныхъ ударовъ тому, кто бы вздумалъ на это жаловаться, что для крестьянина не было въ Польшѣ ни закона, ни правосудія. Послѣдній польскій король Станиславъ Понятовскій поручилъ Андрею Замойскому составить новый кодексъ гражданскихъ законовъ, такъ какъ прежній, совершенно устарѣвшій, предоставлялъ широкое поле произволу и безпорядкамъ. Въ этомъ кодексѣ, добросовѣстно исполненномъ Замойскимъ съ помощію нѣсколькихъ просвѣщенныхъ людей, предлагались, между прочимъ нѣкоторыя облегченія въ пользу крестьянъ, нисколько впрочемъ не касавшіяся ни отмѣны барщины, ни вообще измѣненія повинностей; все ограничивалось только тѣмъ, что кодексъ подчинялъ крестьянъ общей юстиціи (вмѣсто собственнаго суда помѣщиковъ), предлагалъ учредить сельскія школы для ихъ образованія и предоставлялъ свободу труда тѣмъ изъ крестьянъ, которые не состояли на барщинѣ и не входили въ составъ тягла. Едва этотъ кодексъ былъ представленъ на сеймъ (1780 г.), какъ неистовая ярость овладѣла всѣмъ собраніемъ. Познанскій депутатъ Сокольницкій первый бросилъ о-земъ три тома кодекса и топталъ ихъ ногами, изрыгая проклятія и на кодексъ, и на его составителя. По предложенію короннаго маршала князя Любомірскаго и волынскаго депутата Каминскаго, среди бѣшеныхъ криковъ и ругательствъ депутатовъ, обвинявшихъ Замойскаго въ измѣнѣ отечеству, въ посягательствѣ на шляхетскую вольность и права, сеймъ объявилъ кодексъ достойнымъ сожженія чрезъ палача и отвергъ его безъ разсмотрѣнія“ [1]).

[1]) Эти слова благородный Лещинскій писалъ, находясь уже во Франціи, послѣ потери польскаго престола.

Здѣсь мы позволяемъ себѣ сдѣлать отступленіе и остановиться на минуту предъ поразительною оч видностью нѣкоторыхъ фактовъ, бросающихъ свѣтъ на одно изъ важнѣйшихъ событій нашей собственной исторіи, до сихъ поръ недостаточно еще уясненное. Сблизимъ нѣкоторыя эпохи и событія. Крѣпостное право фактически существовало въ Польшѣ уже въ XIV и XV столѣтіяхъ; въ 1496 г. и въ самомъ началѣ слѣдующаго XVI столѣтія оно, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, признается уже закономъ, именно: крестьяне прикрѣпляются къ землѣ, лишаются права владѣть собственными участками и отдаются подъ управу и судъ помѣщиковъ; наконецъ, во второй половинѣ XVI вѣка, крестьяне, даже по буквѣ закона, лишаются всѣхъ человѣческихъ правъ, и крѣпостное состояніе принимаетъ характеръ полнаго, безусловнаго рабства: за убійство крестьянина полагается только пеня въ 30 гривенъ [2]) и дается право помѣщикамъ и управляющимъ казнить крестьянъ и дворовыхъ смертію [3]). Далѣе Польша переноситъ крѣпостное рабство въ западную Русь, именно въ XV столѣтіи въ Галицію, Волынь и Подолію, въ XVI столѣтіи полагаетъ ему начало во всѣхъ остальныхъ областяхъ западной Руси, еще независѣвшихъ отъ Польши непосредственно; наконецъ, въ первыхъ годахъ XVII столѣтія, окончательно вводитъ его во всей западной Руси, въ томъ же безпощадно суровомъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ самой Польшѣ. Съ другой стороны, въ восточной или московской Руси крестьяне, въ теченіе XVI вѣка, остаются по прежнему вполнѣ свободными членами русскаго общества, имѣющими передъ закономъ и судомъ равныя права съ дворянами и горожанами. Около 1592 года, въ

[1]) T. II, Considèr., p. 248—249, 283, 290—295, 315 et le règne de S. Poniatovski, p. 111.

[2]) Кор. Конст. 1581 г. кн. 2, стр. 1012.

[3]) Voll. legg. II, 607, законъ 1557 г.

видахъ финансовыхъ, по причинѣ постояннаго недобора податей отъ безпрерывныхъ переходовъ крестьянъ и запустѣнія многихъ земель, правительство воспрещаетъ *тяглымъ* крестьянамъ переходъ съ одного мѣста на другое. Въ началѣ эта мѣра была чисто государственная, не только не имѣла въ виду интереса богатыхъ землевладѣльцевъ, но была противу ихъ выгодъ и возбуждала ихъ неудовольствіе; она относилась не до однихъ крестьянъ, жившихъ на земляхъ частныхъ собственниковъ, но и до крестьянъ государственныхъ, дворцовыхъ и другихъ; притомъ подъ эту мѣру подводились одни только крестьяне тяглые, ибо казенныя подати взыскивались тогда съ тягла, а не съ души, крестьяне же, въ тяглѣ несостоявшіе (гулящіе), по прежнему, могли переходить съ мѣста на мѣсто. Однимъ словомъ, прикрѣпленіе тяглыхъ крестьянъ къ землѣ, совершившееся въ концѣ XVI столѣтія, отнюдь не имѣло тогда характера порабощенія крестьянъ помѣщикамъ, и, однако, повело въ нему впослѣдствіи, сцѣпленіемъ обстоятельствъ и постороннихъ вліяній. Крестьяне, и послѣ прекращенія выхода, сохраняютъ личную независимость отъ помѣщиковъ, удерживаютъ общинное самоуправленіе чрезъ своихъ выборныхъ начальниковъ и передъ государствомъ попрежнему остаются еще самостоятельнымъ сословіемъ, подчиненнымъ по управленію и суду общимъ земскимъ властямъ; они были крѣпки землѣ, но не были еще крѣпостными помѣщиковъ. Этотъ характеръ признаетъ за ними и Уложеніе 1649 года. За годъ до смерти Алексѣя Михайловича, именно подъ 1675 годомъ, впервые встрѣчаются отдѣльные случаи, когда помѣщики, съ вѣдома и разрѣшенія правительства, мѣняются крестьянами и продаютъ ихъ *безъ земли:* здѣсь начало настоящаго крѣпостнаго права, т. е. завладѣнія личностью крестьянина. Наконецъ, Петръ Великій (въ 1719 и 1722 г.) уравниваетъ помѣщичьихъ крестьянъ съ кабальными людьми или холопами и, вмѣсто прежней тягловой подати, вноситъ ихъ всѣхъ въ подушный окладъ, отвѣтственность за который возлагаетъ на помѣщиковъ: здѣсь законъ окончательно уже признаетъ и обобщаетъ крѣпостное право въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до нашего времени; государство имѣетъ уже дѣло съ одними помѣщиками, а крестьяне, какъ граждане, для него не существуютъ. Какимъ же образомъ могло вдругъ, въ какія нибудь 50 лѣтъ, возникнуть у насъ столь крупное явленіе, какъ обращеніе нѣсколькихъ милліоновъ свободныхъ гражданъ въ крѣпостное состояніе? Явленія народной жизни выработываются или изъ самой жизни народа, и тогда они выступаютъ медленно и постепенно, или же приносятся извнѣ, посторонними вліяніями, чрезъ соприкосновеніе народной жизни съ подобными явленіями чужой, но почему-либо близкой среды, и тогда эти явленія могутъ возникать внезапно и неожиданно. Въ самой русской жизни, какъ мы видѣли, не было до конца XVI вѣка никакихъ данныхъ для зарожденія крѣпостнаго права; напротивъ того, ни одна страна Европы не представляла такого свободнаго, полноправнаго быта сельскаго класса, какой мы видимъ на Руси. Но мы должны вспомнить, что при царѣ Алексѣѣ въ московскомъ государствѣ существовала уже готовая форма крѣпостнаго права въ областяхъ, возвращенныхъ этимъ государемъ отъ Польши, именно: въ Смоленской, Сѣверской и нѣкоторой части Бѣлоруссіи (снова уступленной Польшѣ при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ). Алексѣй Михайловичъ, по политическимъ разсчетамъ, подтверждаетъ дворянству этихъ областей права и привиллегіи, полученныя имъ отъ королей польскихъ, и въ томъ числѣ право на владѣніе крѣпостными людьми [1]). Въ Малороссіи, безпрестанно то освобождавшейся отъ Польши, то снова ей подчиняемой, крѣпостное право также было распространено вездѣ, гдѣ казаки не успѣвали изгнать польскихъ помѣщиковъ. Существующій фактъ своимъ примѣромъ неотразимо дѣйствуетъ на дворянство другихъ областей Россіи, и мало-по-малу увлекаетъ его не только завладѣвать личностію крестьянъ, но и ходатайствовать передъ правительствомъ объ утвержденіи этихъ сдѣлокъ. Кромѣ того, при первыхъ государяхъ Романова дома усиливается переселеніе въ московское государство дворянскихъ родовъ изъ западной Руси; эти дворяне, принося съ собою понятія, сложившіяся подъ польскимъ господствомъ, и получая отъ русскихъ государей помѣстья, еще болѣе способствуютъ развитію въ Великоруссіи пріемовъ крѣпостнаго права. Мѣстныя власти, по общему порядку вещей, мирволятъ богатымъ боярамъ и знатнымъ выходцамъ и не заботятся ограждать крестьянъ отъ напора новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ имъ стѣсненій. Правительство, принужденное еще прежде прекратить крестьянскій выходъ, но не нашедшее еще никакой опредѣленной юридической формы для устройства отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и землѣ, издавшее, такъ сказать, одно начало закона безъ его средины и конца, допускаетъ помѣщиковъ воспользоваться, съ одной стороны, этою недоконченностію закона, а съ другой, готовою уже формою отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ, т. е. поль-

[1]) Алексѣй Михайловичъ, по взятіи Смоленска въ 1654 г., подтверждаетъ *даже смоленскимъ мѣщанамъ* привиллегію, данную имъ королемъ Сигизмундомъ III, на право владѣть крѣпостными крестьянами и дворовыми, покупать и продавать ихъ съ землею и безъ земли, хотя въ это время и самые дворяне въ московскомъ государствѣ не имѣли еще такихъ правъ надъ крестьянами. Эта привилегія подтверждена была смоленскимъ мѣщанамъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, указомъ правительствующаго сената 11-го сентября 1746 г. (см. полн. собр. зак.). Это право смоленскихъ мѣщанъ сохранилось до нашего времени, какъ живой и осязательный памятникъ того, какимъ образомъ крѣпостное порабощеніе переходило въ Россію изъ Польши черезъ западную Русь; въ Смоленскѣ до послѣдняго времени оставались еще мѣщане и купцы, владѣвшіе крѣпостными людьми; указомъ Императора Николая Павловича воспрещенъ былъ, однако, дальнѣйшій переходъ этихъ крѣпостныхъ къ наслѣдникамъ ихъ владѣльцевъ.

скимъ крѣпостнымъ правамъ. То, что при Алексѣѣ Михайловичѣ было допускаемо, какъ частный случай, то Петръ Великій окончательно утверждаетъ и обобщаетъ закономъ. Такимъ образомъ, темная полоса крѣпостнаго права, выступивъ изъ Польши, покрыла сперва западную Русь, потомъ внезапно надвинулась и на Русь восточную, подобно тому, какъ сама Польша заимствовала это учрежденіе изъ Германіи, ибо первоначальнымъ отечествомъ крѣпостнаго права должна быть почитаема феодальная нѣмецкая земля. Мы и въ наше время могли видѣть слѣды этого постепеннаго движенія крѣпостнаго права изъ Польши въ Россію: чѣмъ ближе къ границамъ Польши, тѣмъ это право было у насъ суровѣе, тѣмъ болѣе оно подходило къ своему прототипу—старинному польскому крѣпостному рабству. Языкъ народа есть самый неподкупный свидѣтель минувшихъ событій: какъ слова *кнутъ* и *батоги* перешли въ нашъ языкъ по наслѣдству отъ татаръ, такъ названія *холопъ*, *челядь*, *хамъ* (chłop, czeladź, cham отъ Хама, Ноева сына) завѣщала намъ Польша. Самый фактъ существованія крѣпостнаго права въ Польшѣ, конечно, не можетъ быть поставленъ въ упрекъ польскому дворянству, ибо возникновеніе подобныхъ явленій въ народной жизни зависитъ болѣе отъ силы событій и духа времени, чѣмъ отъ частной воли людей. Но въ упрекъ польскому дворянству должно быть поставлено то, что оно, будучи самодержавнымъ сословіемъ въ государствѣ и само создавая законы, довело крѣпостное право до послѣднихъ предѣловъ жестокости, какой не было видно ни въ одной другой странѣ Европы. Русское дворянство, подчинясь неотразимой силѣ событій, приняло только фактъ, не имъ внесенный въ русскую жизнь и не имъ возведенный въ законъ. Но и въ самое суровое время крѣпостнаго права въ Россіи, оно не могло быть и сравниваемо съ безусловнымъ рабствомъ польскихъ крестьянъ; явленія, бывшія на Руси частными случаями и исключеніями, въ Польшѣ были общимъ правиломъ; русскій крестьянинъ, хотя и лишенъ былъ правъ гражданскихъ, но никогда не переставалъ пользоваться правами человѣческими, чего не было въ Польшѣ. Такъ, польское общественное устройство, самою отличительною чертою котораго было безпощадное крѣпостное рабство, имѣло неотразимое и печальное вліяніе не только на западную Русь, но и на Русь восточную.

Теперь возвратимся къ прерванному разсказу и докончимъ обозрѣніе польской цивилизаціи въ послѣдніе два вѣка самостоятельнаго существованія Польши. Въ Императорской публичной библіотекѣ есть старинная польская брошюра, подъ названіемъ: *Катихизисъ рѣчи посполитой*, перешедшая туда изъ библіотеки послѣдняго польскаго короля Станислава Понятовскаго. Она кратко, но очень мѣтко описываетъ состояніе польскаго общества и государства въ XVIII столѣтіи. Подобныя современныя свидѣтельства, вылившіяся подъ впечатлѣніемъ живой дѣйствительности, лучше всего даютъ понятіе объ извѣстной эпохѣ;

потому выписываемъ изъ этой брошюры нѣсколько словъ, въ дополненіе къ разсказамъ Лелевеля:

„Власть короля ограничивается въ Польшѣ созваніемъ сеймовъ, раздачею должностей и утвержденіемъ ярмарокъ. Въ великой Польшѣ (нынѣшняя прусская Познань) есть шляхтичи-бруковцы (уличники), живущіе по городамъ; это нищіе, лѣнивцы и пьяницы, а нерѣдко и бродяги. При наступленіи сеймиковъ (провинціальные сеймы), богатѣйшіе помѣщики велятъ перешить наизнанку свои старые мундиры и пріодѣнутъ бруковцевъ; каждый привезетъ своихъ партизановъ, называетъ ихъ своими панами-братами, вотъ и является равенство. Въ малой Польшѣ (южная часть нынѣшняго Царства Польскаго) паны имѣютъ обширныя вотчины и большія староства, а въ нихъ множество чиншевой шляхты, своею бѣдностью, грубостью и повинностями нисколько не отличающейся отъ простыхъ земледѣльцевъ. Этой-то шляхтѣ паны приказываютъ идти на сеймики, какъ на барщину, избрать извѣстное лицо депутатомъ и, если выступитъ противная партія, то драться съ нею, какъ обыкновенно бываетъ въ этой сторонѣ при межевыхъ спорахъ. Этой шляхетской ватагѣ, собранной на сеймикъ, даютъ обильное количество водки и меду и также называютъ ее панами-братами, кричатъ: vivat вольность и равенство! Вотъ вамъ и еще шляхетское равенство! Тотъ самый шляхтичъ, котораго эсаулъ кнутомъ выгоняетъ на полевыя работы, является здѣсь равнымъ своему господину. То же можно сказать о мелкихъ шляхтичахъ, живущихъ въ другихъ польскихъ воеводствахъ. Въ Польшѣ, кромѣ торговли земными произведеніями, есть еще торговля политическая, одному только польскому народу свойственная. Она бываетъ заграничная и внутренняя. Торговля истыхъ поляковъ съ сосѣдственными землями состоитъ въ продажѣ имъ правительственныхъ намѣреній и государственныхъ тайнъ; этою торговлею занимаются только сенаторы и министры, мелкіе же шляхтичи являются здѣсь только какъ бы перекупщиками и мелочными торговцами. Внутреннюю торговлю истыхъ поляковъ составляютъ: продажа правосудія, наемъ на сеймики, продажа почетныхъ званій и чиновническихъ мѣстъ. Коронный Гетманъ—это великій вождь весьма сильнаго войска, вождь, булава котораго, переставъ быть страшною для враговъ, превратилась въ насиліе и деспотизмъ для гражданъ. Авторитетъ гетманской власти состоитъ въ разогнаніи сеймовъ, въ распространеніи подозрѣній о королѣ, въ насильственномъ выборѣ своихъ пословъ на сеймикахъ, въ доставленіи своихъ депутатовъ въ трибуналы, чтобы исторгать чужое достояніе, словомъ въ распоряженіи совѣтами и судами, наконецъ, въ присвоеніи себѣ посредничества inter Majestatem et libertatem, между королемъ и свободою. Война стала въ Польшѣ невозможною, потому что если бы вздумали даже отнять у нея Пруссію, часть малой Польши и Литвы, то все это могло бы совер-

шиться безъ войны, безъ пролитія крови и даже безъ выстрѣла. Рѣчь посполитая имѣетъ свои особыя бѣдствія, отличныя отъ бѣдствій другихъ народовъ, а именно междуцарствія, конфедераціи, элекціи, насилія на выборахъ, примиренія, амнистіи; этихъ явленій слишкомъ достаточно для замѣны землетрясеній, эпидемій и опустошительныхъ войнъ. Амнистія это есть точка терпѣнія стоическихъ философовъ, перенесенная въ конституцію польскаго правительства: когда во время междуцарствія открываются грабежи, разбои, поджоги и другія насилія, рѣчь посполитая все это извиняетъ, являя въ правительственныхъ дѣйствіяхъ слабость, а въ оскорбленіи гражданъ терпѣливость". Катихизисъ оканчивается слѣдующимъ символомъ вѣры польскаго народа: „Вѣрую и признаю шляхетскую вольность виновницею безпорядковъ, притѣсненій и презрѣнія ближнихъ, лишившую хлопа правъ человѣческихъ, а мѣщанина правъ гражданскихъ,—вольность, отъ которой произошло самовластіе пановъ, породившее разладъ, подлость и раздѣленіе шляхты на партіи, проникнутыя духомъ мошенничества и дерзкаго насилія сильныхъ. Вѣрую, что король, лишенный правъ, терпитъ отъ преобладающей аристократіи упреки въ народныхъ бѣдствіяхъ, часто незаслуженно. Вѣрую, что войско, казна, стража, юстиція и безопасность столицы, раздѣленныя между четырьмя управленіями, служатъ причиною притѣсненій, грабительства и несправедливостей. Вѣрую въ подкупность государственныхъ чиновъ и сеймовыхъ депутатовъ; вѣрую въ ихъ сношенія съ иностранными министрами для общихъ своекорыстныхъ видовъ. Вѣрую въ воскресеніе иностраннаго преобладанія и неурядицъ; вѣрую въ прощеніе клятвопреступленій и измѣны и въ учрежденіе когда нибудь въ Польшѣ лучшаго правительства".

Наконецъ приведемъ слова, которыми Лелевель заканчиваетъ свою исторію, дѣлая общій обзоръ состоянія Польши въ теченіе XVIII вѣка:

„Умственное порабощеніе и всѣ невзгоды, испытанныя Польшею, принесли свои плоды. Суевѣріе и фанатизмъ ожесточили и унизили народный духъ. Нравственное отупѣніе овладѣло низшими классами и небогатою шляхтою. Вся политическая дѣятельность сосредоточивалась въ рукахъ безпечнаго меньшинства, и Польша потеряла всякое значеніе въ европейской дипломатіи. При всей обширности своихъ владѣній, она, въ политическомъ смыслѣ, была только мертвою пустынею, отдѣлявшею Турцію отъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Польша болѣе всѣхъ другихъ странъ ощутила на себѣ гибельныя послѣдствія тѣхъ религіозныхъ преслѣдованій, которыя, не принеся почти никакой пользы папской пропагандѣ, тягостно отозвались для человѣчества. Испанія также раздѣлила съ Польшею эти послѣдствія, но географическое положеніе спасло независимость Испаніи. Польша, повергнутая въ состояніе грубости и безсилія, безоружная, жалкая жертва этой римской пропаганды, презираемая своими недругами, пренебрегаемая всѣми прочими народами, Польша смотрѣла, однако, съ высокомѣріемъ на своихъ сосѣдей, хотя успѣхи ихъ въ политической жизни представляли поразительный контрастъ съ ея собственнымъ разложеніемъ. Чья рука могла отвратить отъ нея опредѣленіе рока? Если Польша продолжала еще влачить существованіе, то была обязана этимъ своей слабости и омертвѣнію; ея ничтожество было единственною причиною того, что она оставалась въ забвеніи и пренебреженіи у другихъ націй, до той поры, когда она, пробуждаясь отъ летаргіи, обнаруживала нѣкоторые признаки жизни" [1]).

Мы прослѣдили, по разсказамъ польскаго историка, то состояніе, въ которомъ находилась Польша въ теченіе трехъ съ половиною вѣковъ и въ которое она постепенно увлекла съ собою и западную Русь. Эту землю св. Владиміра, Ярослава I, Владиміра Мономаха, Осьмомысла, Романа Волынскаго, Даніила Галицкаго, землю вѣчеваго строя и копныхъ судовъ, Польша въ три съ половиною вѣка обратила въ землю хлоповъ. Древнее русское дворянство и городское сословіе постепенно отчуждались отъ русской вѣры, языка, народности, переродились въ противниковъ всего русскаго, стали, однимъ словомъ, поляками и пошли по одной съ ними дорогѣ. Простой народъ, хотя и сдѣланный насильственно получленомъ римской церкви, сохранилъ, однако, остатки инаго духа и память другой народности. Не имѣя возможности дѣйствовать иначе для охраненія своего роднаго, онъ всѣмъ посягательствамъ противопоставилъ ничѣмъ непоколебимую стойкость русскаго въ своемъ, свое русское упорство, подавшее поводъ къ пословицѣ: „упартый якъ русинъ"; онъ уперся на своемъ и оттерпѣлся отъ всѣхъ нападеній, приговаривая: „тверда Русь, усе перебуде". Притомъ нашъ простой народъ спасло еще то обстоятельство, что польская цивилизація дѣйствовала на него болѣе матеріальнымъ гнетомъ, чѣмъ нравственнымъ растлѣніемъ, сіе же послѣднее выпало преимущественно на долю дворянства и горожанъ; русскіе хлопы были слишкомъ бѣдны и презрѣнны для того, чтобы польское духовенство и іезуиты могли долго трудиться надъ ихъ обращеніемъ въ свою народность. Мы, къ сожалѣнію, слишкомъ равнодушны къ своей исторіи и не всегда понимаемъ ея наиболѣе замѣчательныя и высокія черты; но если когда нибудь сильный и правдивый историческій талантъ выкажетъ во всемъ свѣтѣ судьбу западной Россіи, то мы увидимъ, что рѣдко всемірная исторія представляла такое утѣшительное торжество праваго дѣла, нѣсколько столѣтій казавшагося безвозвратно погубленнымъ, такую величественную картину народа, который, чрезъ многіе вѣка страданій и нравственнаго насилія, уберегаетъ, какъ святыню, свои родныя начала, чтобы потомъ, когда-то

[1]) T. II. Consid., p. 357, 358.

въ неизвѣстной будущности, воскреснуть со всѣмъ русскимъ народомъ къ лучшей политической жизни.

Гдѣ же, послѣ всего сказаннаго, тѣ факты, тѣ историческія свидѣтельства, которые показывали бы, что Польша была на высокой степени цивилизаціи и что она цивилизовала западную Русь? Безправность городскаго сословія и самое тяжкое рабство крестьянъ, безграничное самоуправство магнатовъ, мелкая или такъ называемая сѣрая (шарачковая) шляхта, огрубѣвшая, загнанная и вчастую обращаемая въ рабство, права собственности и личная свобода большинства гражданъ ничѣмъ необезпеченныя, всеобщая продажность служебнаго сословія и грабительство національныхъ имуществъ, король, не имѣвшій никакой власти и бывшій игрушкою сеймовъ, престолъ, начиная съ Генриха французскаго продаваемый съ молотка тому, кто больше дастъ сеймовымъ избирателямъ, безпрерывныя конфедераціи, раздиравшія страну и оканчивавшіяся призывомъ иностранныхъ войскъ для рѣшенія своихъ распрей, и наконецъ, надъ всѣмъ этимъ, нравственное господство іезуитовъ, безпощадный фанатизмъ и религіозныя преслѣдованія—это ли суть признаки, не говоримъ, высокой цивилизаціи, но сколько нибудь устроеннаго и способнаго къ дальнѣйшему бытію общества? Польскіе сеймы, въ которыхъ сосредоточивалась политическая жизнь страны, прикрываясь громкимъ названіемъ рѣчи посполитой, были въ сущности гнѣздилищемъ рабства для всѣхъ сословій, кромѣ богатаго дворянства, были истиннымъ трибуналомъ невѣжества, продажности, насилія и политическаго безсмыслія. Пресловутое сеймовое „veto“ одно выражаетъ собою всю хаотическую неурядицу, царствовавшую въ польскомъ общественномъ устройствѣ. Цивилизація народная состоитъ въ соединеніи двухъ существенныхъ условій: прочнаго государственнаго порядка и возможнаго въ данную эпоху индивидуальнаго развитія народа, т. е. развитія его нравственныхъ и дѣятельныхъ силъ. Въ Польшѣ было полное отсутствіе того и другаго: государственное устройство было образцомъ хаоса и непрочности, индивидуальная же самодѣятельность существовала въ одномъ незначительномъ меньшинствѣ, и то не въ смыслѣ гражданской свободы, а въ смыслѣ безграничнаго своеволія. Не Россія была причиною гибели Польши; она сама издавна носила въ своемъ организмѣ неизцѣлимую болѣзнь и неудержимо стремилась къ разложенію. Кто виноватъ въ томъ, что когда блестящіе польскіе магнаты проводили время въ пирахъ и сеймовыхъ спорахъ московскіе великіе князья и бояре, не имѣвшіе понятія ни о латыни, ни о мишурѣ французско-нѣмецкаго рыцарства, среди самыхъ невыгодныхъ и бѣдственныхъ обстоятельствъ, съ изумительною настойчивостію и политическимъ смысломъ, собирали во едино русскую землю и закладывали прочное основаніе ея будущему могуществу? Кто виноватъ въ томъ, что Россія изъ бездны золъ и политическаго уничиженія

была вынесена въ 1612 г. на плечахъ своихъ сѣрыхъ армяковъ и лапотниковъ, а Польша, нѣкогда могущественная и властительная, стала главнымъ леномъ іезуитовъ, заднимъ дворомъ сосѣднихъ державъ, дошла до того, что при Вишневецкомъ платила харачъ туркамъ и потомъ теряла одну область за другою? Гордое и хвастливое рыцарство польское безмолвно допускаетъ Карла XII овладѣть Варшавою и Краковомъ, а новобранцы Петра Великаго и его малограмотные полководцы разбиваютъ на голову этого самаго Карла и навсегда порѣшаютъ съ преобладаніемъ Швеціи на сѣверѣ. Такъ называемое варварское русское правительство постоянно, начиная съ Петра, ходатайствуетъ въ цивилизованной Варшавѣ о возвращеніи польскимъ диссидентамъ отнятыхъ у нихъ гражданскихъ правъ. Наконецъ Россія становится на ряду первенствующихъ державъ Европы, а Польша умираетъ естественною смертію больнаго, въ которомъ изсякли всѣ жизненныя силы. Гдѣ же здѣсь побѣда варварства надъ цивилизаціей? Не видимъ ли мы здѣсь, наоборотъ, того естественнаго порядка вещей, повторяющагося во всей исторіи, что народъ, одряхлѣвшій и утратившій политическій смыслъ, уступаетъ мѣсто другому народу, съ свѣжими силами и государственнымъ разумомъ? Такой исходъ давно уже предвидѣли лучшіе государственные люди Польши; король Янъ-Казиміръ, слагая съ себя корону и прощаясь съ народомъ на сеймѣ (1669 г.), торжественно предсказывалъ, что посполитая рѣчь сама себя погубитъ, что, рано или поздно, Россія, Австрія и Пруссія уничтожатъ Польшу и раздѣлятъ ее между собою. Екатерина II, возвративъ западную Русь ея древнему отечеству, довершила только дѣло собиранія русской земли, начатое Іоанномъ III еще въ XV столѣтіи. Русь, найдя въ Москвѣ свой естественный центръ тяжести, стала неудержимо стремиться къ нему всѣми своими, дотолѣ разрозненными частями. Въ XV вѣкѣ добровольно отходятъ отъ Польши и подчиняются Іоанну III многія мелкія княжества по Окѣ, Деснѣ и Сейму. Въ XVI вѣкѣ, при Василіи III, возвращается Россіи Смоленскъ, временно опять отторгнутый поляками въ эпоху междуцарствія, послѣ достопамятной двадцатимѣсячной отчаянной защиты, когда смольяне, истощивъ всѣ запасы, потерявъ въ битвахъ и отъ болѣзней почти весь гарнизонъ, заперлись въ соборномъ храмѣ и взорвали себя на воздухъ съ семействами и имуществомъ, предпочитая лучше погибнуть, чѣмъ возвратиться подъ ненавистное иго поляковъ. Въ XVII вѣкѣ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, вторично возвращается Смоленскъ, съ частью Бѣлоруссіи (снова уступленной Польшѣ при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ), присоединяется область Сѣверская и добровольно подчиняется Москвѣ Малороссія по лѣвую сторону Днѣпра, съ Кіевомъ. Остальныя малороссійскія области не перестаютъ умолять русскихъ государей о помощи для сверженія польскаго господства. Наконецъ Екатерина II, въ концѣ прошедшаго столѣтія, при троекрат-

номъ раздѣлѣ Польши (1773, 1793 и 1795 г.), возвращаетъ отъ нея почти всѣ остальныя русскія земли, за исключеніемъ Бѣлостокской области, Галиціи и Люблинской Руси. Мы видѣли, что Польша никогда не завоевывала западной Руси: сперва Литовско-Русское великое княжество соединилось съ Польшею на равныхъ правахъ, потомъ Польша опутала его своими кознями, и когда лучшая часть народа бѣжала отъ преслѣдованій, а другая была ополячена, то Польша постепенно поработила весь остальной народъ. Возвращеніе западной Руси отъ Польши также нельзя назвать завоеваніемъ: это было естественное, добровольное сліяніе двухъ разорванныхъ частей одного народа, какъ скоро только часть порабощенная стала находить защиту и поддержку со стороны русскихъ государей. Этимъ объясняется та легкость, съ какою совершилось при Екатеринѣ возвращеніе къ Россіи огромнаго края между Днѣпромъ и нынѣшними границами Царства Польскаго. На всемъ этомъ пространствѣ, кромѣ польской шляхты и католическаго духовенства, ни одинъ голосъ не раздался въ пользу Польши, ни одна рука не поднялась изъ среды русскаго народа, чтобы отстаивать ея господство; русскія войска имѣли дѣло только съ польскимъ войскомъ, жители же возвращеннаго края встрѣчали наши полки, какъ своихъ освободителей. Вотъ почему русскій народъ помнитъ и чтитъ имя Екатерины Великой: возвративъ милліоны русскихъ къ ихъ древнему отечеству, она возстановила Россію въ тѣхъ границахъ, которыя указаны ей самимъ Провидѣніемъ, указаны всею нашею исторіею, начиная съ св. Владиміра и Ярослава I. Польша, лишенная русскихъ областей, составлявшихъ все ея значеніе и силу, возвратилась къ своему прежнему ничтожеству, въ которомъ она была до соединенія съ Литовско-Русскою державою. При ея внѣшнемъ безсиліи и внутреннемъ неустройствѣ, она не могла уже существовать самостоятельно вблизи сильныхъ западныхъ сосѣдей, Австріи и Пруссіи, которыя и раздѣлили между собою земли, составлявшія коренную Польшу; вмѣстѣ съ ними отошли къ этимъ державамъ и древнія русскія области: Галиція и Люблинская Русь къ Австріи, а Бѣлостокская область къ Пруссіи. Впослѣдствіи, въ 1807 и 1809 г., Наполеонъ образовалъ изъ коренныхъ польскихъ провинцій герцогство Варшавское, отданное имъ подъ управленіе его союзника, короля Саксонскаго; Бѣлостокская же область возвращена была Россіи. По изгнаніи Наполеона изъ Россіи, русскія войска силою оружія заняли союзное ему Варшавское герцогство, которое, по Вѣнскому трактату, и было признано за Россіею, подъ именемъ Царства Польскаго, за исключеніемъ Познани, отданной Пруссіи, Кракова, объявленнаго республикою, и области Тарнопольской, возвращенной Австріи вмѣстѣ съ величкенскими соляными копями.

Мы видѣли, что Польшу погубило меньшинство, захватившее въ свои руки всю власть въ государствѣ, именно дворянство и духовенство. Но, быть можетъ, потомки этого меньшинства стали благоразумнѣе своихъ предковъ; быть можетъ въ 68 лѣтъ, протекшихъ со времени уничтоженія Польши, это меньшинство стало на сторонѣ государственнаго порядка, гражданской свободы и религіозной терпимости, которые такъ долго и такъ упорно были отвергаемы предками? Хотя вообще народы перерождаются весьма трудно, но 68 лѣтъ періодъ не малый; въ это время два поколѣнія возросло и дѣйствовало на сценѣ; успѣхи вѣка коснулись всѣхъ европейскихъ народовъ. Посмотримъ же, на сторонѣ ли государственнаго порядка, гражданской свободы и религіозной терпимости, однимъ словомъ, на сторонѣ ли истинной цивилизаціи были въ это время симпатіи и дѣятельность польскаго меньшинства. При этомъ оставимъ опять въ сторонѣ всякія отвлеченныя разсужденія и ограничимся однимъ указаніемъ фактовъ.

Когда, въ началѣ нынѣшняго вѣка, Наполеонъ съ своими полчищами держалъ всю Европу подъ гнетомъ своего солдатскаго деспотизма, поляки были его покорными рабами и во всѣхъ концахъ Европы, даже на заатлантическомъ островѣ Сенъ-Доминго, усердно помогали ему угнетать свободу націй. Конечно, Наполеонъ, топтавшій права народовъ, и его великая армія, ограбившая всю Европу отъ храмовъ и дворцовъ до хижины земледѣльца, не были представителями свободы и цивилизаціи. Противъ нихъ была ненависть всѣхъ народовъ, отъ Мадрита до Москвы; на ихъ сторонѣ были лишь симпатіи и усердное содѣйствіе польскаго меньшинства. Въ то же время Россія своею кровію тушила пожаръ французскаго деспотизма и, сквозь дымъ и огонь битвъ, влекла европейцевъ къ спасенію ихъ свободы и цивилизаціи. Неистовства, произведенныя въ двѣнадцатомъ году въ Россіи арміею Наполеона, преимущественно совершены были поляками: губерніи Смоленская, Московская, Калужская и наша древняя столица долго помнили ожесточенную злобу, съ какою поляки бросались на безоружныхъ жителей и на все, что было дорого народному чувству. Они вели войну, какъ истинные варвары, не щадили ни пола, ни возраста, надругались надъ русскими храмами, истребляли памятники древности, и все это было сдѣлано ими вслѣдъ за тѣмъ, какъ Императоръ Александръ I, въ слѣдствіе особыхъ вліяній и своего личнаго великодушія, осыпалъ поляковъ чрезмѣрными милостями, въ ущербъ русскому населенію западнаго края, и готовъ былъ относительно Польши вовсе оставить путь, предначертанный русской политикѣ его великою бабкою, дѣйствовавшею въ духѣ истинныхъ интересовъ и историческихъ правъ своего народа. Въ возмездіе за предательство и всѣ неистовства поляковъ, Императоръ Александръ I осыпалъ ихъ новыми благодѣяніями и на вѣнскомъ конгрессѣ былъ усерднымъ защитникомъ ихъ интересовъ. Въ девяти западныхъ губерніяхъ положеніе крестьянъ, принадлежавшихъ польскимъ помѣщикамъ, было

большею частію ужасно; въ особенности Бѣлорусскія губерніи, а также Минская и Гродненская, представляли нищету и порабощеніе, о которыхъ въ Великороссіи не имѣютъ понятія. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, была помѣщена въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ статья смоленскаго помѣщика Энгельгардта, въ которой онъ описываетъ сцены, происходящія каждый годъ во время плаванія барокъ, идущихъ по Двинѣ въ Ригу изъ смоленскихъ пристаней. На всемъ пути ихъ по Витебской губерніи, сотни голодныхъ и полунагихъ крестьянъ толпятся на берегу, прося у судовщиковъ хлѣба; судовщики раздѣляютъ имъ свою небогатую провизію, а нѣкоторые судохозяева впередъ заготовляютъ для этой цѣли печеный хлѣбъ. Когда хлѣбъ свозится на берегъ, голодные крестьяне бросаются на него какъ звѣри; авторъ самъ видѣлъ раздирающія сцены, какъ, въ происходящей при этомъ дракѣ, мужчины вырывали хлѣбъ у женщинъ, взрослые у дѣтей. „Въ Витебской губерніи, сказано во всеподданнѣйшемъ донесеніи 1855 г. бывшаго главнаго начальника этого края, крестьяне почти не знаютъ хлѣба, питаются грибами и разными сырыми веществами, порождающими болѣзни; нищета страшная, а рядомъ роскошь помѣщиковъ; жизненныя силы края совершенно истощились въ нравственномъ и физическомъ отношеніи; разслабленіе достигло крайнихъ предѣловъ“. Когда въ 1855 г., во время англо-французской войны, русскія войска расположены были въ Гродненской губерніи, то полки, баталіоны и батареи наперерывъ давали обѣды голоднымъ крестьянамъ: накрывали столы на 200 и болѣе человѣкъ, и всегда было недостаточно. Ужасающая нищета производитъ въ этихъ краяхъ ежегодныя эпидемическія болѣзни, уносящія народъ тысячами; въ томъ же 1855 г. наши войска встрѣчали тамъ по дорогамъ лежащіе трупы людей, погибшихъ отъ голода и болѣзней, хотя въ этомъ году не было тамъ ни холеры, ни особеннаго, чрезвычайнаго неурожая. То, что, назадъ тому 300 лѣтъ, писалъ Модржевскій о польскихъ шляхтичахъ, которые, если убьютъ хлопа, говорятъ я убилъ собаку [1]), то въ нѣкоторой степени мы видимъ и нынѣ. Конечно, убивать хлопа уже нельзя, но всякій, кто жилъ въ западномъ краѣ, знаетъ, что, по понятіямъ многихъ польскихъ помѣщиковъ, между хлопомъ и собакою мало различія; когда панъ или пани выдаютъ экономку ежедневную провизію, то весьма часто и теперь слышится фраза: это панамъ, а это хлопамъ и собакамъ. Обрѣзана только воля, а понятія остались тѣ же. Равнымъ образомъ польскіе помѣщики и ксендзы не могутъ уже теперь преслѣдовать православную вѣру такъ, какъ дѣлали они то въ былое время; но при каждомъ случаѣ они стараются попрекнуть крестьянина его вѣрою, называя ее хлопскою, собачьею, стараются наругаться надъ нею, если могутъ сдѣлать то безнаказанно. Сельскія православныя церкви въ западныхъ губерніяхъ, малыя, убогія, полуразвалившіяся, похожи болѣе на сараи, чѣмъ на Божьи храмы. Деньги, собираемыя съ русскихъ крестьянъ, польскіе помѣщики проматывали на свои удовольствія, а крестьянамъ отказывали даже въ приличныхъ и достаточно помѣстительныхъ храмахъ, гдѣ они могли бы молитвою облегчать душу отъ многовѣковой польской страды. Правительство должно было принимать мѣры, оказывавшіяся большею частью безуспѣшными, чтобы понуждать польскихъ помѣщиковъ къ сколько нибудь приличному содержанію православныхъ церквей. Тогда какъ во всей нашей Имперіи католическая религія, подобно всѣмъ прочимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, пользуется полнѣйшею свободою и уваженіемъ со стороны русскаго народа, въ Польшѣ и западномъ краѣ ксендзы и высшее духовенство постоянно вели скрытую католическую пропаганду между русскими жителями, усиливая ее по мѣрѣ безнаказанности, въ которой оставались ихъ козни. Жестокое обращеніе съ крестьянами польскихъ управителей или экономовъ давно уже вызвало въ нашемъ законодательствѣ особыя постановленія по этому предмету для западныхъ губерній. Вообще же, для облегченія бѣдственнаго положенія крестьянъ въ этихъ губерніяхъ, были предпринимаемы въ прошедшее царствованіе нѣкоторыя палліативныя мѣры, именно введеніе инвентарей, которые должны были опредѣлить мѣру крестьянскихъ повинностей къ помѣщикамъ. Въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ сильная мѣстная власть настояла на составленіи и введеніи инвентарей, дѣйствительно облегчившихъ положеніе крестьянъ; лѣтъ черезъ пять послѣ ихъ введенія, нельзя уже было узнать прежнихъ разоренныхъ и истощенныхъ крестьянъ кіевскихъ, волынскихъ и подольскихъ. Зато сколько же было, со стороны польскихъ помѣщиковъ, воплей и нареканій на виновниковъ этого улучшенія. Въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ инвентари имѣли иную судьбу: помѣщики соединенными усиліями восторжествовали надъ дѣйствіями мѣстныхъ властей; составленіе инвентарей тянулось многіе годы; составленные самими же помѣщиками, они не привели ровно ни къ чему и нисколько не облегчили участи крестьянъ. Когда наконецъ, вслѣдствіе непремѣннаго рѣшенія нынѣ царствующаго Государя Императора освободить помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, объявлена была достопамятная реформа 19-го февраля 1861 г., польскіе помѣщики западныхъ губерній, и во главѣ ихъ мировые посредники, старались всѣми силами противодѣйствовать введенію этой реформы. Тогда какъ въ остальной Россіи крестьянское дѣло велось весьма успѣшно, при добросовѣстномъ содѣйствіи русскаго дворянства, въ западныхъ губерніяхъ польскіе помѣщики упорно отказывались отъ составленія уставныхъ грамотъ, пока правительство не приняло противъ этого особыхъ пону-

[1]) Modrzevsky, de republ. emendan. 1, 15.

дительныхъ мѣръ. Освобожденіе крестьянъ, раздраживъ польскихъ помѣщиковъ западныхъ губерній противъ правительства, было одною изъ главныхъ причинъ того дѣятельнаго участія, какое они приняли въ послѣднемъ возстаніи Царства Польскаго; они съ жаромъ ухватились за эту послѣднюю надежду возвратить утраченныя права надъ крестьянами и сдѣлали отчаянную попытку воскресить старинную рѣчь посполитую, гдѣ они, по прежнему, могли бы безгранично властвовать надъ народомъ. Только этимъ отчаяніемъ погибшаго крѣпостнаго права и можно объяснить, почему, даже въ Витебской и Могилевской губерніяхъ, польскіе помѣщики тянутъ на соединеніе съ Польшею, хотя до очевидности ясно, что нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія на успѣхъ такой попытки. Въ одномъ замѣчательномъ сообщеніи изъ Могилева, помѣщенномъ недавно въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, между прочимъ, говорится, что когда мировые посредники, вновь назначенные въ этомъ краѣ самимъ правительствомъ, предлагаютъ помѣщикамъ подавать уставныя грамоты, то большею частію слышатъ такой отвѣтъ: „мы теперь въ вашихъ рукахъ, вы можете насъ повѣсить, но правъ своихъ мы не уступимъ“. Этимъ же крѣпостнымъ оттѣнкомъ послѣдняго польскаго возстанія объясняется и то, что даже въ Царствѣ Польскомъ крестьяне до сихъ поръ отказываются принимать въ немъ участіе, а вначалѣ даже открыто дѣйствовали противъ повстанцевъ, не смотря на то, что съ одной стороны они находятся подъ страхомъ истязаній и грабежа, а съ другой долго не встрѣчали ни матеріальной, ни нравственной поддержки. Польскіе крестьяне, съ своимъ практическимъ смысломъ, не даютъ ни малѣйшей вѣры громкой вывѣскѣ, выставляемой на показъ предводителями возстанія; они по преданію помнятъ порядки посполитой рѣчи и хорошо понимаютъ истинный характеръ и стремленіе польскихъ помѣщиковъ они не забываютъ и того, что русское правительство еще недавно, посредствомъ очиншеванія съ правомъ выкупа земель, значительно облегчило ихъ повинности и открыло имъ возможность сдѣлаться собственниками ихъ участковъ. Когда въ 1846 г. русинскіе и польскіе крестьяне въ Галиціи истребили значительное число тамошнихъ польскихъ помѣщиковъ, то поляки, по своему обыкновенію, не задумались свернуть все дѣло на австрійское правительство, тогда какъ истинною причиною этого событія было безпощадное угнетеніе крестьянъ, тотъ духъ хлопства, который всегда и вездѣ составлялъ отличительную черту польскаго дворянства.

Вотъ факты, которые лучше всякихъ разсужденій показываютъ, далеко ли нынѣшнее польское меньшинство опередило своихъ предковъ въ понятіяхъ о гражданской свободѣ и вѣротерпимости. Конечно, никакой государственный порядокъ и никакое разумное и твердое правительство не могли бы удовлетворить это меньшинство, которому было такъ привольно при существованіи рѣчи посполитой, когда оно орало

и сѣяло на хребтѣ народа и въ то же время, для собственнаго разгула, возбуждало всѣ эти конфедераціи, рокоши и куриныя войны [1]), погубившіе Польшу. Назадъ тому болѣе 200 лѣтъ, одинъ путешественникъ, бывшій въ Польшѣ, писалъ: „Нашего короля, говорятъ поляки, можно сравнить съ пчелиною маткою: у него нѣтъ жала и онъ не можетъ дѣлать никакого зла своимъ подданнымъ, но за то онъ можетъ дѣлать имъ много добра; въ его распоряженіи находятся епархіи, аббатства, палатинства, сенаторства, староства, важнѣйшія должности военныя, финансовыя, судебныя, полицейскія, и все это онъ можетъ раздавать, кому пожелаетъ“ [2]). Это понятіе о власти всецѣло сохранилось въ польскомъ меньшинствѣ до сего дня. Правительства, раздѣлившія Польшу, легко могли бы удовлетворить и успокоить это меньшинство, если бы рѣшились отдать ему опять народъ въ рабство, а богатства страны на разграбленіе; но такъ какъ этого не дѣлается, то отсюда преимущественно всѣ вопли и обвиненія, подъ благовидною вывѣскою защиты національной свободы. Каковы бы ни были недостатки и злоупотребленія въ управленіи бывшихъ польскихъ провинцій, но всякій, кто хотя немного знакомъ съ дѣломъ, долженъ сознаться, что, со времени уничтоженія Польши, порядокъ, водворившійся въ Познани, въ Царствѣ Польскомъ и Галиціи, не можетъ быть и сравниваемъ съ прежнимъ хаотическимъ и жалкимъ прозябаніемъ этой страны, какъ относительно общественнаго благоустройства и дѣятельности законовъ, такъ и по успѣхамъ просвѣщенія и промышленности; большинство жителей, классъ трудящійся и желающій прежде всего спокойствія и обезпеченія правъ личности и собственности, несомнѣнно выигралъ отъ иноземнаго господства, какъ бы оно ни было тяжело для народнаго чувства. Благосостояніе, которымъ пользовалась Польша подъ русскимъ правительствомъ до революціи 1830 г., по сознанію даже многихъ добросовѣстныхъ поляковъ, не имѣло себѣ подобнаго въ исторіи этой страны. Между тѣмъ, съ самаго уничтоженія Польши, польское меньшинство не перестаетъ слагать на державы, раздѣлившія эту страну, всѣ ея прошедшія и настоящія невзгоды и обвинять ихъ предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы съ тѣми преувеличеніями и ложью, которыя какъ бы сдѣлались существенною принадлежностію польской политической прессы. Но кто же, какъ не само это меньшинство, служило и служитъ главною причиною всѣхъ бѣдствій польскаго народа? Оно погубило сперва національную независимость страны, а потомъ, продолжая, по-прежнему, преслѣдовать только свои личные, противуобщественные инстинкты и интересы, постоянно держитъ Польшу въ томъ

[1]) *Рокошъ*—возстаніе шляхты противъ короля и сената; *куриною войною* названо одно безтолковое возстаніе шляхты при Сигизмундѣ I-мъ.

[2]) Laboureur, voyage de Guebriant en 1644, vol. II, p. 10.

тревожномъ положеніи, которое не примиряется ни съ какими уступками и постоянно вызываетъ крайнія мѣры. Революція 1830 г. и событія настоящаго времени ясно показали, что меньшинство, держащее Польшу подъ своимъ вліяніемъ, довело эту несчастную страну до того жалкаго состоянія, что, какъ скоро ослабѣваетъ въ ней военная диктатура, общественный порядокъ ниспровергается и уступаетъ мѣсто безначалію и террору меньшинства. Это меньшинство, пользуясь невѣжествомъ остальнаго народа, природною запальчивостію поляковъ и ихъ старинною любовію ко всякаго рода передрягамъ и посполитымъ рушеньямъ, легко возбуждаетъ политическія страсти въ народѣ; а если народъ, наученный опытомъ, колеблется слѣдовать за меньшинствомъ, то оно, какъ при нынѣшнемъ возстаніи, дѣйствуетъ на него терроромъ, вооруженнымъ всѣми средствами наглаго деспотизма и хладнокровно разсчитаннаго варварства. Главнымъ подспорьемъ для дѣйствій меньшинства служитъ мелкая шляхта и городскіе ремесленники, вышедшіе большею частію также изъ обнищавшихъ шляхтичей. Мелкая шляхта составляетъ въ Польшѣ многочисленный классъ пролетаріевъ, столь же несчастный и грубый, какъ фабричное населеніе большихъ европейскихъ городовъ; но, отъ постоянной праздности и отъ фанатическаго вліянія ксендзовъ, эта шляхта, еще болѣе, чѣмъ западные пролетаріи, способна къ возбужденію въ ней анархическихъ и разрушительныхъ инстинктовъ. Всѣ эти шляхтичи-бруковцы, чиншовые и шарачковые до сего дня сохранились въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ въ своемъ первобытномъ видѣ. Кто жилъ въ этихъ краяхъ, тотъ знаетъ, что большая часть преступленій всегда совершалась этимъ, глубоко безнравственнымъ классомъ, униженнымъ морально цѣлыми вѣками пресмыкательства предъ панами и безнаказаннаго своеволія. Эти то шляхтичи, вмѣстѣ съ городскими пролетаріями и дворовою челядью, и служатъ теперь главнымъ матеріаломъ возстанія и усердными палачами для исполненія тѣхъ неслыханныхъ злодѣяній надъ мирными жителями, которыя предписываются руководителями возстанія, а въ бою они первые оставляютъ поле сраженія и образуютъ тѣ бѣгущія банды, которыя разсыпаются при появленіи русскаго войска. Теперь уже и на западѣ, въ Германіи и Англіи, нѣкоторые независимые и наиболѣе уважаемые органы прессы начинаютъ понимать истинный характеръ нынѣшняго польскаго возстанія. Хотя вообще весьма немногіе люди способны съ перваго раза отличать истинно высокія стремленія отъ благовидной лжи, прикрывающей самые дикіе и противуобщественные инстинкты извѣстными громкими фразами, но нынѣшнія дѣйствія польскаго меньшинства заставили усомниться въ чистотѣ его цѣлей даже самыхъ горячихъ защитниковъ польской національной независимости. Національная независимость есть святое и драгоцѣнное право тѣхъ народовъ, которые способны ею пользоваться не во вредъ другимъ народамъ и самимъ себѣ; если народъ имѣетъ достаточно нравственныхъ и матеріальныхъ силъ, чтобы охранять свою независимость, то человѣчество можетъ только этому радоваться. Политическія причины могутъ предписывать государствамъ обязанность противиться отдѣленію отъ нихъ тѣхъ или другихъ разноплеменныхъ частей; но граждане, смотрящіе на событія съ общечеловѣческой стороны, въ своихъ личныхъ чувствахъ никогда не осудятъ мужественныхъ и чистыхъ стремленій, хотя бы они принадлежали политическимъ врагамъ. Въ 1849 г. Россія вела войну противъ венгерцевъ; но и общество, и самое войско русское, свято исполняя долгъ государственный, не порицали, однако, усилій венгерцевъ и уважали ихъ честный бой. То ли мы видимъ въ нынѣшнемъ польскомъ возстаніи? Человѣческое чувство отказывается вѣрить, чтобы руководители совершающихся нынѣ въ Польшѣ событій имѣли цѣлію цивилизацію, гражданскую свободу и національную независимость въ ея законномъ и честномъ смыслѣ, чтобы они были способны утвердить въ своей странѣ эти начала, столь противоположныя ихъ дѣйствіямъ. Между этими высокими понятіями и нынѣшними дѣйствіями польскаго меньшинства не можетъ быть ничего общаго. Бой за свободу и цивидизацію долженъ возвышать, а не унижать духъ своихъ бойцевъ; онъ ведется съ желѣзомъ въ рукѣ и съ религіею въ сердцѣ, а не посредствомъ яда, кинжала изъ-за угла, утонченнаго убійства и истязанія безоружныхъ жителей, пытки плѣнныхъ, грабежа и поджога, низкихъ козней и воровства, возведенныхъ въ политическій догматъ, наглой лжи и клеветы, наконецъ не посредствомъ правилъ извѣстнаго польскаго катихизиса. Въ этихъ дѣйствіяхъ польскаго меньшинства нельзя не узнать того же духа инквизиціи и іезуитства, которымъ замараны страницы прежней польской исторіи; нельзя не узнать, чья рука писала эти, до послѣдней степени безнравственныя правила, выраженныя въ польскомъ катихизисѣ; они возбуждаютъ грустныя мысли о той націи, въ которой подобныя ученія могутъ находить послѣдователей. Можно ли повѣрить, что руководители возстанія одушевлены единственно стремленіемъ къ національной независимости, когда они въ то же время посягаютъ на національную независимость 9 губерній, русскихъ по исторіи и національности, въ которыхъ поляки составляютъ элементъ пришлый и враждебный народу, а по численности далеко уступающій даже еврейскому населенію этого края. Но, къ счастію Польши, духъ, управляющій дѣйствіями господствующаго въ ней меньшинства и проповѣдующій правила польскаго катихизиса, далеко не всеобщъ въ польскомъ народѣ; есть много поляковъ, которые съ негодованіемъ и стыдомъ отворачиваются отъ подобной системы, подрывающей въ корнѣ національное польское дѣло. Равнымъ образомъ, въ рядахъ поляковъ, сражающихся въ эту минуту противъ нашихъ войскъ, далеко не всѣ причастны

стремленіямъ и дѣйствіямъ меньшинства; между ними есть много людей, обманутыхъ знаменемъ національной свободы, которымъ прикрыли себя предводители возстанія, а теперь немогущихъ уже отступить, по вліянію террора, грозящаго ножемъ и веревкою изъ своихъ безопасныхъ и недоступныхъ притоновъ. Это тѣ поляки которые, первые въ бою, послѣдніе въ отступленіи, честно умираютъ въ сраженіи и не оскверняютъ своихъ рукъ исполненіемъ кровавыхъ приговоровъ подземнаго правительства. Русскій народъ знаетъ это различіе, существующее между его врагами, и не смѣшиваетъ ихъ въ своихъ чувствахъ. Если терроръ меньшинства и наглая дерзость шляхты и ксендзовъ въ исполненіи экзекуцій надъ мирными жителями достигли такого ужасающаго успѣха, то въ этомъ нельзя винить одинъ только польскій народъ, большинство котораго само стонетъ подъ гнетомъ таинственнаго трибунала и разузданной дерзости шляхты и ксендзовъ; такому печальному исходу способствовали и другія, отчасти уже извѣстныя русской публикѣ обстоятельства, о которыхъ не мѣсто здѣсь распространяться.

Уваженіе къ страданіямъ, въ которыя повергнутъ польскій народъ руководителями возстанія, и къ той крови, которая въ эту минуту имъ проливается, не позволяетъ русскому подробно перечислять событія, совершающіяся нынѣ на театрѣ войны, и разслѣдовать ихъ нравственный характеръ. Когда живыя раны настоящаго закроются и не могутъ уже быть потревожены обнаруженіемъ истины, когда притомъ нынѣшнія событія будутъ извѣстны съ большею подробностію и могутъ быть обсуживаемы съ одинаковымъ безпристрастіемъ, тогда исторія и надъ этими событіями произнесетъ свой приговоръ и скажетъ, съ чьей стороны этотъ бой былъ бой честный и открытый. Приговоръ исторіи, каковъ бы онъ ни былъ, не падетъ безразлично на весь польскій народъ; она приметъ въ соображеніе и увлеченіе истиннаго патріотизма, и гнетущее вліяніе террора, и раздраженіе народныхъ страстей; она отдѣлитъ общія и неизбѣжныя принадлежности всякой войны отъ исключительныхъ и позорныхъ дѣяній нынѣшняго польскаго возстанія; она укажетъ, гдѣ былъ источникъ этихъ дѣяній и насколько принесли они пользы польскому дѣлу.

Если бы поляки могли съ большимъ безпристрастіемъ прислушиваться къ мнѣнію русскаго общества, они увидѣли бы, что никто болѣе русскихъ не желаетъ имъ достигнуть лучшаго положенія. Если и можно упрекать иногда русское общественное мнѣніе въ какой-либо крайности относительно поляковъ, то уже, конечно, не въ ненависти и мести, а скорѣе въ слабомъ сознаніи правоты русскаго дѣла, въ ложно понимаемомъ великодушіи и въ излишней довѣрчивости къ тѣмъ, которые съ давнихъ поръ преслѣдуютъ насъ и въ средѣ нашего собственнаго отечества, и предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, и подъ личиною друзей, и въ качествѣ враговъ, и оружіемъ тайныхъ козней, и помощію открытой лжи и клеветы. Русскій народъ, кромѣ своей незлобивой природы, имѣетъ существенный поводъ желать, болѣе всякаго другаго народа, чтобы поляки, тѣмъ или другимъ способомъ, достигли лучшаго существованія въ своемъ отечествѣ, ибо ихъ тревожное и враждебное къ намъ положеніе слишкомъ тяжко отзывается не только на западной Россіи, но и на всемъ строѣ нашей государственной жизни. Думаемъ, однако, что возрожденіе Польши не можетъ быть сдѣлано ни руками западныхъ державъ, ни руками того меньшинства, которое царитъ теперь надъ нею своимъ терроромъ: западныя державы всегда искали въ польскомъ вопросѣ только своихъ собственныхъ интересовъ, и отъ ихъ вмѣшательства, въ окончательномъ результатѣ, ничего кромѣ зла не выходило для Польши; ожидать же ея возрожденія отъ руководителей нынѣшняго возстанія потому невѣроятно, что возрожденіе народа къ лучшей жизни не можетъ выйдти изъ рукъ нечистыхъ и изъ темныхъ безднъ подземной политики.

Сравнивъ недавнее и настоящее Польши съ ея давнопрошедшимъ, нельзя не придти къ заключенію, что польское меньшинство осталось вѣрно преданіямъ своихъ отцевъ относительно понятій о государственномъ порядкѣ, гражданской свободѣ и религіозной терпимости. Тотъ же духъ анархіи, хлопства и изувѣрства, то же отсутствіе политическаго смысла почти всецѣло сохранились въ нынѣшнемъ польскомъ меньшинствѣ и многочисленной мелкой шляхтѣ. Если разрушительное дѣйствіе этихъ началъ, дошедшее въ минуту уничтоженія Польши до своихъ крайнихъ предѣловъ, не продолжалось съ тѣхъ поръ непрерывно и съ прежнею силою, то этимъ польскій народъ единственно обязанъ новому порядку вещей, установившемуся въ ихъ странѣ и сдерживавшему, сколько было возможно, инстинкты меньшинства. Какимъ же образомъ, послѣ всѣхъ этихъ, столь громкихъ свидѣтельствъ исторіи, объяснить невѣроятныя притязанія поляковъ на высокую цивилизацію и первенствующую роль между славянскими племенами? Откуда происходятъ ихъ безпощадныя обвиненія русскаго народа, ихъ провозглашенія, что наша давнишняя съ ними распря есть борьба польской цивилизаціи и свободы съ русскимъ варварствомъ и рабствомъ? Лучшимъ отвѣтомъ на эти вопросы могутъ служить слѣдующія слова западно-славянскаго писателя Зубрицкаго (галицкаго русина), глубокаго знатока польской исторіи и польскаго народнаго характера: „Разсуждая о порокахъ, заблужденіяхъ и страстяхъ этого, соплеменнаго намъ народа, я увѣрился, что источникъ злополучій его надобно искать въ легкомысліи, самохвальствѣ, надменности и ложномъ убѣжденіи, по которому онъ считаетъ себя самымъ доблестнѣйшимъ, благоразумнѣйшимъ, знаменитѣйшимъ и т. п. въ свѣтѣ. Такое превратное мнѣніе произвели въ немъ большею частію историки и лѣтописцы, питая ложными изображеніями народное чванство и хвастовство, описывая маловажныя

стычки и даже пораженія, какъ блестящія побѣды, выставляя прежнее ихъ правленіе и народныя учрежденія образцемъ совершенства, а государство польское могущественнѣйшею державой, словомъ, льстя ложному тщеславію. Вотъ почему я поставилъ себѣ обязанностію обнажить польскую исторію отъ всей мишуры, наполняющей голову пустыми парами. Я намѣренъ доказать: что польское правленіе было вреднымъ безначаліемъ; что ни одно сословіе, исключая малое число олигарховъ, не пользовалось благосостояніемъ, предлагаемымъ всякимъ благоустроеннымъ государствомъ своимъ гражданамъ; что въ Польшѣ не существовало ни хорошихъ законовъ, ни соотвѣтственнаго судопроизводства; что она была сначала мелкимъ государствомъ, и только послѣ соединенія съ Литвою и русскими землями заняла почетнѣйшее мѣсто между европейскими державами; что даже крестовыхъ рыцарей не въ состояніи была обуздывать безъ пособія русскаго и литовскаго народа; что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ побѣдъ, которыми пользоваться не умѣла, она почти всегда сносила униженіе, и что, по причинѣ такого внутренняго неустройства, наша Галицкая Русь представляла подъ ея владычествомъ зрѣлище разоренія, опустошенія и притонъ для татарскихъ, валашскихъ и другихъ ордъ“ [1]). Къ этимъ словамъ Зубрицкаго надобно еще прибавить, что вездѣ, гдѣ дѣло касается русскаго народа, всѣ безъ исключенія польскіе историки умышленно искажаютъ факты и проводятъ ложные взгляды, домогаясь стереть на страницахъ исторіи самостоятельную народность западной Руси, утаить ея значеніе въ прежнемъ могуществѣ польскаго государства, представить въ ложномъ свѣтѣ борьбу Польши съ Россіею, унизить вообще весь русскій народъ и доказать, что онъ есть не болѣе, какъ нестройная толпа варваровъ. Мы не говоримъ уже о тѣхъ жалкихъ баснописцахъ настоящаго времени, которые, въ безсильной злобѣ противъ русскаго народа, выводятъ его происхожденіе отъ караимовъ, турокъ и т. п. Мало того, всѣ русскіе и западно-славянскіе изслѣдователи древностей жалуются, что въ самыхъ даже историческихъ актахъ, сохранившихся въ западной Руси и бывшихъ польскихъ областяхъ, постоянно встрѣчаются поддѣлки, подлоги и искаженія, сдѣланные рукою польскихъ патріотовъ, въ особенности же католическаго духовенства и іезуитовъ, и все опять съ тою же главною цѣлію, доказать ничтожность русскаго народа и неоспоримое право Польши на западную Русь. Такого то рода баснями пробавляется польское общество, и онѣ замѣняютъ для него историческое образованіе. Послѣ этого не удивительно, что многіе, такъ называемые образованные поляки чистосердечно убѣждены въ своемъ превосходствѣ предъ другими народами и въ томъ, что западная Русь, или ,по ихъ выраженію, забранный край,

[1]) *Зубрицкій*, Крит. Ист. пов. Червонной Руси, стр. 92—93.

есть чисто польская земля. Ложь относительно русскаго народа сдѣлалась какъ бы наслѣдственнымъ историческимъ догматомъ поляковъ; и это понятно: они хорошо сознаютъ, что все прежнее значеніе Польши единственно зависѣло отъ западной Руси, что, за отдѣленіемъ этого края, Польша, какова бы ни была ея послѣдующая судьба, обречена на политическое ничтожество, что, стало быть, коренной для нея вопросъ не въ Познани и Галиціи, но въ русскихъ областяхъ, а эти области крѣпко держитъ за собою Россія, отсюда преимущественно и вся ненависть поляковъ къ русскимъ. Польское меньшинство, чувствуя свое безсиліе, желаетъ разжалобить Европу и выиграть свое дѣло ложью, распространяя всевозможныя клеветы на русскій народъ, стараясь увѣрить своихъ безкорыстныхъ покровителей и самихъ поляковъ въ варварствѣ и ничтожествѣ русскихъ, въ безспорномъ правѣ Польши на западно-русскій край, въ сочувствіи къ ней всего населенія этого края. На лжи и клеветы польскаго меньшинства мы, русскіе, не можемъ отвѣчать тѣмъ же, какъ не можемъ, въ нынѣшней войнѣ, употреблять противъ поляковъ тѣ средства, которыя они противъ насъ употребляютъ. Злоба польскаго меньшинства понятна, это злоба безсилія, самая ослѣпленная и неистовая изъ всѣхъ злобъ; съ нашей стороны должно быть спокойствіе и достоинство силы. Ни предъ Европою, ни предъ нынѣшнимъ польскимъ поколѣніемъ Россіи не за чѣмъ и не для чего оправдываться: дѣло зашло уже слишкомъ далеко, и его рѣшитъ оружіе и приговоръ Того, Кто есть послѣдній и верховный рѣшитель браней. Для будущаго же польскаго поколѣнія достаточно будетъ и одного факта, чтобы уличить предъ дѣтьми ложь ихъ отцевъ и оправдать дѣйствія Россіи: исторія скажетъ, что если въ эту минуту въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ и Бѣлоруссіи не истреблены польскіе помѣщики такъ, какъ они были истреблены въ Галиціи, то этимъ они единственно обязаны великодушію русскаго народа и тѣмъ мѣрамъ, которыя приняты для ихъ спасенія русскимъ правительствомъ. Исторія поставитъ этотъ фактъ противъ золотыхъ грамотъ, поджоговъ, польскаго катихизиса и т. п., и оцѣнитъ обѣ стороны по достоинству; а намъ остается только радоваться счастливому исходу этой опасности, угрожавшей польскому населенію западнаго края, и благодарить правительство за принятыя мѣры. Но презирая орудіе лжи, которымъ польское меньшинство думаетъ защитить свое дѣло, мы, русскіе, не можемъ однако освободить себя отъ обязанности обличать эту ложь предъ своими согражданами: ибо, какъ бы ложь ни была нагла, но если она дѣйствуетъ систематически и прикрываясь благовидною вывѣскою, а съ противной стороны встрѣчаетъ молчаніе и равнодушіе, то рано или поздно она, даже въ средѣ противной, можетъ поселить въ умахъ большинства неясность, сомнѣніе, колебанія. Вотъ почему мы считали своею обязанностію припомнить здѣсь тѣ факты польской исторіи, старой и

новой, о которыхъ въ другое время не желали бы припоминать. Русскій народъ почти уже столѣтіе доказываетъ полякамъ свое незлопамятство, слѣдуя на дѣлѣ своей пословицѣ: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“. Поляки жили среди насъ лучше, чѣмъ живутъ они въ собственномъ отечествѣ; ни правительство наше, ни общество не дѣлали различія между ними и русскими; мы чтили ихъ святую вѣру; мы уважали ихъ несчастія; мы скорбно болѣли за жертвы ихъ тревожнаго политическаго положенія; мы осторожно обходили все, что могло бы напомнить ихъ стародавнія несправедливости къ русскимъ и наше теперешнее надъ ними преимущество; мы почти забыли и эту кровавую, страдальческую старину западной Россіи, и тѣ неистовства противъ русскихъ, которыми поляки прославили себя въ двѣнадцатомъ году. Но кто же теперь, какъ не сами поляки, своею на насъ ложью и клеветою безъ всякой мѣры и границъ, вынуждаютъ насъ припомнить эти печальныя страницы ихъ и нашей исторіи? Счастливы будутъ поколѣнія, за нами слѣдующія, если имъ не придется уже вспоминать эту старину и мѣрять мѣру взаимныхъ обидъ и несправедливостей, если обѣ стороны одинаково сознаютъ, что судьба ихъ до того переплетена исторіею, что имъ нѣтъ другаго выхода къ покою и миру, какъ только въ согласномъ и равноправномъ союзѣ.

Еще одно и послѣднее слово о западной Россіи, безъ котораго нашъ краткій обзоръ ея судьбы казался бы недоговореннымъ Поляки предъявляютъ притязаніе на возвращеніе этого края подъ ихъ господство. Возможно ли осуществленіе такого притязанія? Подобный вопросъ можетъ показаться страннымъ послѣ всего, что было сказано. Ни прошедшее, ни настоящее Польши, ни ея нравственныя, ни ея матеріальныя силы не оправдываютъ такого притязанія; на нашей сторонѣ право историческое и право нравственное, народное чувство милліоновъ русскихъ гражданъ, искони населяющихъ этотъ край, и ихъ отвращеніе отъ пришлаго и враждебнаго элемента; наконецъ, въ нашей сторонѣ матеріальная сила. Такъ, все это справедливо, безспорно и хорошо извѣстно самимъ полякамъ; но они не на это и били, разсчитывая снова захватить западную Русь. Если бы правое дѣло могло всегда торжествовать только своею правотою, тогда и не было бы въ исторіи человѣчества тѣхъ кровавыхъ страницъ и вопіющихъ несправедливостей, которыя такъ часто въ ней встрѣчаются; если бы одно народное чувство и матеріальная сила племени могли рѣшать его судьбу, тогда западная Русь никогда и не была бы подъ господствомъ Польши. Въ судьбахъ человѣчества есть еще и другіе двигатели, есть причины, такъ сказать, отрицательныя, которыя также играютъ немаловажную роль въ исторіи и часто превозмогаютъ надъ причинами положительными. Напримѣръ, есть народы, въ которыхъ безпечность составляетъ какъ бы существенное свойство ихъ характера и причиняетъ имъ несчетныя бѣды, едва потомъ поправляемыя порывами единодушнаго мужества и тысячами геройскихъ жертвъ. Бываютъ также эпохи, когда къ прирожденнымъ, наслѣдственнымъ недостаткамъ народа присоединяются недостатки злопріобрѣтенные, напущенные, какъ бы эпидемическіе; напримѣръ: когда въ образованные классы общества вдругъ проникаетъ неуваженіе къ своей народности, непониманіе и даже отрицаніе историческихъ правъ и заслугъ своего народа, неспособность жить своимъ умомъ и судить о вещахъ самостоятельно, низкое ласкательство и раболѣпство предъ мнѣніемъ своихъ враговъ, заискиваніе ихъ похвалы и одобренія; когда являются общественные дѣятели, которые, будучи неспособны ни къ сознанію своего долга, ни къ мужественной и честной дѣятельности, будучи одушевлены только страстію къ популярности, всегдашнею спутницею ничтожности, позволяютъ себѣ удовлетворять свое мелкое самолюбіе насчетъ кровныхъ нуждъ народа, позволяютъ себѣ дешево цѣнить то, что имъ не принадлежитъ, что куплено вѣковыми усиліями и жертвами цѣлаго народа. Представимъ себѣ, что, при такихъ недостаткахъ одной стороны, сторона противная будетъ ими ловко пользоваться, будетъ ихъ возбуждать и поощрять тайными и явными путями, и въ то же время безпечности, недѣятельности, разномыслію и пренебреженію народныхъ интересовъ со стороны общественныхъ дѣятелей противопоставитъ настойчивость, единодушіе, стремленіе къ своей цѣли во что бы то ни стало, іезуитское правило, что цѣль оправдываетъ всякія средства,—если мы представимъ себѣ такое взаимное положеніе двухъ сторонъ, то есть большая опасность, что сторона недѣятельная сама повредитъ успѣху своего дѣла и замедлитъ его торжество. Какое значеніе можетъ имѣть правота дѣла, если она не сознается даже тѣми, кому она принадлежитъ? Какой вѣсъ могутъ имѣть чувства и интересы народной массы, если образованное общество, которое только и можетъ ихъ разумно сознавать и направлять, остается къ нимъ равнодушно? Что значитъ матеріальная сила, если она подтачивается и оцѣпеняется недѣятельностію гражданскою? Дѣло можетъ быть самое правое, на его сторонѣ могутъ быть сочувствіе и интересы милліоновъ, за него можетъ геройски умирать войско, и все-таки дѣло это можетъ быть проиграно, если въ общественныхъ дѣятеляхъ нѣтъ гражданской доблести, нѣтъ твердости убѣжденій, предусмотрительности, неутомимой дѣятельности, однимъ словомъ, нѣтъ преданности дѣлу. Мы взяли самое крайнее положеніе одной изъ двухъ сторонъ, которое, къ счастію, рѣдко доходитъ въ дѣйствительности до такой степени; но, тѣмъ не менѣе, оно возможно, а слѣдовательно возможны и его послѣдствія. Мы хотѣли только сказать, что подобное сочетаніе обстоятельствъ гораздо опаснѣе для страны, чѣмъ временное занятіе одной изъ ея частей какою бы то ни было непріятельскою арміею. Напримѣръ, въ двѣнадцатомъ году непріятель-

ская армія, и притомъ довольно уважительныхъ размѣровъ, занимала почти весь нашъ западный край и нѣкоторыя центральныя губерніи; однако, наше дѣло не было тогда проиграно, потому именно, что тогда не было у насъ сочетанія всѣхъ сказанныхъ отрицательныхъ условій: наши отцы не справлялись тогда о томъ, чья цивилизація лучше, французская или русская; не спрашивали у непріятеля, одобрялъ ли онъ наши дѣйствія; всѣ классы народа, образованные и необразованные, одинаково считали тогда русское дѣло своимъ собственнымъ дѣломъ. Надо сознаться, что русское общество не сдѣлало до сихъ поръ ничего для нашего западнаго края; эта страна была доселѣ не дочерью, а только падчерицею Россіи. Западный край не имѣетъ своего національнаго высшаго класса, а между его простымъ народомъ и образованнымъ обществомъ остальной Россіи не существовало до сихъ поръ почти никакой духовной связи: потому западно-русскій народъ вовсе былъ оторванъ отъ умственнаго и общественнаго движенія своего отечества. Наше общество едва ли и вспоминало до нынѣшнихъ событій, что за Кіевомъ и Смоленскомъ живутъ еще цѣлые милліоны русскихъ, но живутъ въ нищетѣ матеріальной и духовной, угнетенные и нравственно униженные враждебнымъ элементомъ, покинутые безъ руководства и поддержки родными братьями. Гдѣ дѣло идетъ объ исцѣленіи столь глубокихъ ранъ, причиненныхъ народу его исторіею, тамъ однѣ правительственныя мѣры никогда не могутъ быть достаточны, если само общество не сочувствуетъ дѣлу и умываетъ отъ него руки. Съ того времени, какъ началось при Екатеринѣ возвращеніе къ Россіи западнаго края, прошло 90 лѣтъ, и въ эти 90 лѣтъ ни одного общественнаго дѣятеля, который бы принялъ къ сердцу нужды и страданія западно-русскаго народа! ни одного общественнаго предпріятія, которое бы послужило на его пользу! Наше купечество ежегодно шлетъ десятки тысячъ на содержаніе палестинскихъ пилигримовъ и аѳонскихъ монаховъ; наше образованное общество удивляетъ отъ своихъ щедротъ заграничныхъ метръ-дотелей; мы заботимся о введеніи цивилизаціи на Амурѣ и покровительствуемъ свободныхъ художниковъ чуть ли не всего свѣта: а между тѣмъ истинно подвижническій и кроваво трудящійся западно-русскій народъ въ трехъ губерніяхъ умираетъ съ голоду, въ семи губерніяхъ лишенъ нерѣдко молитвенныхъ храмовъ; западно-русскій народъ не знаетъ, что и молиться, и мыслить, и просвѣщаться наукой можно такъ же хорошо, если еще не лучше, и на его родномъ языкѣ, какъ на языкѣ польскомъ; отъ границъ Польши вплоть до стѣнъ Кіева и Смоленска польская пропаганда, въ разныхъ видахъ, свободно гуляла въ русскомъ народѣ, какъ бы во времена рѣчи посполитой. Непостижимо и изумительно, какъ еще этотъ, закаленный въ терпѣніи народъ сохранилъ приверженность къ своему отечеству, когда девяностолѣтній опытъ долженъ бы былъ повидимому окончательно ниспро-

вергнуть его вѣковыя упованія и надежды. Имѣли ли бы мы право сѣтовать и упрекать кого бы ни было, если бы неузнанные и непризнанные нами братья отвернулись отъ насъ въ другую сторону? А между тѣмъ русское царство безъ западнаго края не будетъ уже царствомъ всероссійскимъ, и западный край, внѣ Россіи, не будетъ уже русскимъ краемъ. Поистинѣ западно-русскій народъ, подобно плѣненному Израилю, можетъ сказать о себѣ: „*На хребтѣ моемъ орали орати, проводили долгія бороздны свои; мы прошли сквозь огнь и воду*“, и только недавно онъ могъ прибавить: „*но Ты, Боже, вывелъ насъ на прохладу*“ (Псал. 128: 3 и 65: 12). Надъ этимъ народомъ, забытымъ и пренебреженнымъ отъ русскаго общества, видимо бодрствовало Провидѣніе: если бы приснопамятный манифестъ 19-го февраля 1861 г. не явился столь благовременно, то нельзя и предвидѣть, какой оборотъ могло бы имѣть для западной Россіи нынѣшнее польское возстаніе. Но въ эту минуту западно-русскій народъ, такъ громко и такъ геройски, самъ заявляетъ намъ, что онъ существуетъ, что въ немъ бьется русское сердце, что онъ жаждетъ свѣта истины и знаній и требуетъ уврачеванія своихъ многовѣковыхъ страданій.

Причины неуспѣха въ Западномъ краѣ русскаго дѣла [1]).

Митр. Сѣмашко.

акъ вѣрноподданный, какъ сынъ отечества, какъ членъ православныя церкви и какъ возсоединенный архіерей, обязанный нѣкоторою отвѣтственностью предъ возсоединеннымъ и за возсоединенныхъ, долгомъ считаю обратить еще разъ вниманіе правительства на обстоятельства края, съ которымъ связано мое служеніе.

Кажется, послѣ благословеннаго Богомъ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью, вскорѣ забыто, что они были для поляковъ и римскихъ католиковъ и авангардомъ и оплотомъ противъ русской народности и православія, что возсоединеніе было для латино-польской партіи самымъ чувствительнымъ ударомъ, что эта партія должна была искать новыхъ условій для обезпеченія своего положенія и что соотношенія оной къ возсоединеннымъ должны были принять характеръ не только недоброжелательства, но и мести. Кажется также, латино-польскую партію сочли слабою, забывая, что она, кромѣ собственныхъ силъ, имѣетъ опору въ общей иновѣрной и иностранной партіи, по видамъ религіознымъ и политическимъ. Кажется не обращено также вниманія, что страдательное совершенно положеніе, въ которомъ поставлены возсоединенные со времени слитія съ православною церковію, должно было и облегчить, и осмѣлить латино-польскую партію въ ея дѣйствіяхъ.

Не знаю, приходилось-ли кому измѣрить и оцѣнить вполнѣ, что сдѣлано въ пользу этой партіи въ послѣдніе десять или пятнадцать лѣтъ. Здѣсь не намѣренъ я распространяться о дѣйствіяхъ на пользу латинской іерархіи. Это дѣло прошлое и уже неисправимо. Тутъ не главное конкордатъ мѣра политическая, можетъ быть, необходимая. Но вообще предшествовавшія, сопровождавшія и послѣдовавшія за оную учрежденія и распоряженія клонились къ тому, чтобы упрочить и усилить противу прежняго римско-католическую іерархію въ Россіи. Теперь православному духовенству въ западныхъ епархіяхъ едва-ли всѣхъ силъ достаточно, чтобы бороться съ однимъ только римско-католическимъ духовенствомъ. Но еще разъ, я не намѣренъ распространяться о семъ духовенствѣ, а обращу вниманіе на другое, постепенно въ здѣшней странѣ устроенное орудіе латино-польской партіи-гражданское чиноначаліе.

[1]) Изъ записокъ митрополита Сѣмашко.

Библіотека Прагской Ист.-Ф. Мужской гимназіи

Обстоятельствами вынужденъ я былъ собрать въ прошломъ мѣсяцѣ по секрету свѣдѣніе о числѣ чиновниковъ православнаго и иновѣрнаго исповѣданія по губерніямъ Виленской и Гродненской, въ которыхъ число народа, исповѣдующаго православную и римско-католическую вѣру, немного разнствуетъ. И вотъ это оказывается изъ сихъ свѣдѣній.

Извѣстно, что православные въ сказанныхъ двухъ губерніяхъ состоятъ почти изъ однихъ крестьянъ, а почти всѣ помѣщики принадлежатъ римско-католическому вѣроисповѣданію и такъ называемой польской кастѣ. Слѣдовательно, православные вполнѣ зависятъ по крѣпостному праву отъ сихъ иновѣрныхъ и инородныхъ помѣщиковъ. Чтобы въ подобномъ положеніи поставить и казенныхъ крестьянъ, чиновники по вѣдомству государственныхъ имуществъ назначены преимущественно изъ иновѣрцевъ. Въ обѣихъ палатахъ, Виленской и Гродненской, изъ 14 членовъ только 4 православныхъ, изъ 37 дѣлопроизводителей и другихъ чиновниковъ только 5 православныхъ, изъ 12 столоначальниковъ только 2 православныхъ, изъ 41 окружныхъ начальниковъ, ихъ помощниковъ, лѣсничихъ и люстраторовъ только 8 православныхъ, то есть изъ 104 старшихъ чиновниковъ только 10 православныхъ. Если къ сему прибавить, что по сказаннымъ двумъ губерніямъ-всѣ восемнадцать губернскіе и уѣздные предводители дворянства, а въ числѣ ихъ письмоводителей только одинъ православный, то ясно, что всѣ православные обѣихъ губерній состоятъ въ полной зависимости отъ иновѣрцевъ въ ближайшихъ и необходимыхъ условіяхъ своего быта.

Чтобы уравновѣсить это преобладаніе иновѣрной ближайшей власти надъ православными, едва-ли достаточно было бы всей попечительности мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ, въ самомъ лучшемъ и надежномъ составѣ. Но вотъ каковъ на дѣлѣ этотъ составъ. При генералъ-губернаторѣ, правитель канцеляріи, старшіе и младшіе секретари, помощники секретарей и прочіе чиновники канцеляріи, въ числѣ 21, всѣ иновѣрцы, за исключеніемъ одного помощника секретаря православнаго, только въ числѣ адъютантовъ, дежурныхъ офицеровъ и чиновниковъ особыхъ порученій есть шесть православныхъ на пять иновѣрныхъ. При обоихъ гражданскихъ губернаторахъ въ числѣ правителей канцелярій, чиновниковъ особыхъ порученій, а также старшихъ и младшихъ помощниковъ правителей канцелярій 9 православныхъ, а 20 иновѣр-

цевъ. Въ обоихъ губернскихъ правленіяхъ въ числѣ членовъ, секретарей, прочихъ чиновниковъ и столоначальниковъ есть 39 иновѣрцевъ, а только 11 православныхъ. Такимъ образомъ, высшее управленіе двухъ губерній состоитъ изъ 27 только православныхъ, а изъ 84 иновѣрныхъ старшихъ чиновниковъ.

Въ такой-же пропорціи находится исполнительная власть по уѣздамъ. Въ числѣ городничихъ и земскихъ исправниковъ, которые должны быть, кажется, по положенію въ здѣшней странѣ русскіе и православные, уже третья часть ихъ по Виленской и Гродненской губерніи изъ иновѣрцевъ. Письмоводителей при городничихъ 5 православныхъ, а 11 иновѣрцевъ. Засѣдателей и секретарей по земскимъ судамъ 10 православныхъ, а 40 иновѣрцевъ. Становыхъ приставовъ 9 православныхъ, а 57 иновѣрцевъ. То есть на 165 старшихъ уѣздныхъ чиновниковъ исполнительной власти только 47 православныхъ.

Судебная часть еще менѣе благопріятна для православныхъ, нежели правительственная и исполнительная. По четыремъ палатамъ гражданскаго и уголовнаго суда, Виленскимъ и Гродненскимъ, въ числѣ 18 членовъ только 5 православныхъ, въ числѣ 26 секретарей и другихъ чиновниковъ только 1 православный, въ числѣ 20 столоначальниковъ нѣтъ ни одного православнаго. По всѣмъ уѣзднымъ судамъ обѣихъ губерній 2 православныхъ, а 59 иновѣрныхъ членовъ и тоже 2 секретарей православныхъ, а 14 иновѣрныхъ. То есть, изъ 141 старшихъ чиновниковъ по судебной части только 10 православныхъ.

Такимъ же образомъ замѣщены старшія мѣста и по другимъ вѣдомствамъ Изъ числа 107 членовъ обѣихъ казенныхъ палатъ, ихъ секретарей и чиновниковъ особыхъ порученій, ихъ бухгалтеровъ, контролеровъ, столоначальниковъ и другихъ чиновниковъ, а также уѣздныхъ казначеевъ съ ихъ помощниками, бухгалтерами и журналистами—православныхъ всего на все только 8. Изъ числа 18 членовъ, секретарей, старшихъ чиновниковъ и столоначальниковъ обоихъ приказовъ общественнаго призрѣнія православныхъ только 4. Изъ числа 30 членовъ, секретарей, инженеровъ, архитекторовъ, землемѣровъ и другихъ старшихъ чиновниковъ по обѣимъ строительнымъ и дорожнымъ комиссіямъ тоже православныхъ только 4. Изъ числа 26 членовъ и старшихъ чиновниковъ по окружному управленію III округа корпуса инженеровъ военныхъ поселеній православныхъ только 8. Изъ числа 25 губернскихъ и уѣздныхъ почтмейстеровъ съ ихъ помощниками только 6 православныхъ. Изъ числа 21 губернскихъ и уѣздныхъ прокуроровъ и стряпчихъ только 4 православныхъ. Изъ числа 26 членовъ человѣколюбиваго общества и управляющихъ семью виленскими богоугодными заведеніями только 2 православныхъ. Изъ числа же 53 членовъ врачебныхъ управъ, а также и другихъ штатныхъ врачей нѣтъ ни одного православнаго.

Всѣхъ же старшихъ чиновниковъ вышепоименованныхъ по Виленской и Гродненской губерніямъ изъ иновѣрныхъ 723, изъ православныхъ же 140, то есть менѣе шестой части всѣхъ чиновниковъ. Между иновѣрцами едва десятая часть приходится на протестантовъ и магометанъ остальные всѣ римскіе католики. Въ низшемъ слоѣ чиноначалія эта пропорція еще менѣе благопріятна православнымъ.

Но эта ариѳметическая пропорція между православными и иновѣрными чиновниками далеко еще не представляетъ дѣйствительнаго преобладанія сей послѣдней массы. Тѣми же способами, которыми латинопольская партія съумѣла замѣстить по преимуществу своими людьми должностныя мѣста, она умѣетъ управлять назначеніемъ или устраненіемъ самихъ православныхъ чиновниковъ, по своимъ видамъ; а небольшое число самостоятельныхъ ей легко вводить въ заблужденіе, задобривать или устрашать. Ясно, что, при подобномъ составѣ чиноначалія, самые благонамѣренные и прозорливые начальники едва ли могутъ устоять противъ общаго теченія.

Такимъ образомъ, православное населеніе Виленской и Гродненской губерній, числомъ почти въ семьсотъ тысячъ народа, зависитъ почти совершенно отъ произвола римлянъ, господствующихъ надъ онымъ посредствомъ помѣщиковъ и посредствомъ мѣстныхъ правительственныхъ и судебныхъ властей. Духовенство православное въ такой же зависимости, и посредствомъ своихъ прихожанъ, и по необходимымъ житейскимъ потребностямъ Нужно дѣло особенной ясности, чтобы можно его вести съ успѣхомъ, иначе оное замнутъ или происками, или ябедою, или проволочкою. Самое дѣло выигранное оффиціально обращается обыкновенно не въ пользу выигравшаго и не въ пользу православія. Выигравшему возмѣстятъ косвенными средствами; а дѣло, самое чистое, представятъ въ общемъ мнѣніи въ видѣ неблагопріятномъ православію и православному духовенству, такъ что самое благоразуміе требуетъ по большей части молчанія и долготерпѣнія. Естественно, что въ такомъ положеніи дѣлъ могутъ быть покойны тѣ только изъ православнаго духовенства, которые потворствуютъ видамъ преобладающей латино-польской партіи; усердные же подвижники и исполнители своего долга необходимо должны быть предметомъ недоброжелательства и происковъ той партіи.

Я не говорю о себѣ—участь свою давно уже предалъ я на волю Провидѣнія. Но, кажется, всякая мѣстность, гдѣ бы семьсотъ тысячъ православныхъ находились въ подобномъ положеніи, должно бы обратить вниманіе; а чтожъ Литовская епархія, которая находится въ исключительномъ положеніи во всѣхъ отношеніяхъ: въ другихъ западныхъ епархіяхъ масса православнаго населенія господствуетъ надъ малочисленнымъ иновѣрнымъ населеніемъ; въ Литовской семьсотъ тысячъ

православныхъ разбросаны по тремъ губерніямъ, среди полутора милліона однихъ римскихъ католиковъ.

Въ другихъ епархіяхъ число возсоединенныхъ немногочисленно въ сравненіи съ древлеправославными, а слѣдовательно можетъ быть удобно направляемо и охраняемо; въ Литовской вся паства почти исключительно состоитъ изъ возсоединенныхъ. Сами возсоединенные въ другихъ епархіяхъ не столько было отступили отъ русской народности и постановленій восточныя церкви, какъ въ Литовской, бывшей преимущественно подъ продолжительнѣйшимъ вліяніемъ иновѣрчества и иноземства. Очевидно, что я имѣю и большее право, и большую обязанность просить правительство о преимущественномъ охраненіи литовской паствы отъ вліянія господствующихъ здѣсь чуждыхъ элементовъ. Мнѣ одному это не по силамъ.

Но не одно положеніе православной паствы въ здѣшней странѣ заставило меня изъяснить теперь все прописанное. Я не разъ о томъ представлялъ, и боюсь, не наскучилъ ли уже. Не забота также о русской народности въ сей странѣ меня къ тому побудила. Какъ ни больно, что десять милліоновъ русскаго и литовскаго народа въ западныхъ губерніяхъ подчиняются вновь, болѣе и болѣе, преобладанію сорока или пятидесяти тысячъ такъ называемыхъ польскихъ семействъ, а тѣмъ самымъ и польской партіи, посредствомъ латинскаго духовенства, посредствомъ помѣщиковъ и посредствомъ чиноначалія: но это со временемъ измѣнилось бы при первомъ вѣрномъ взглядѣ правительства.

Теперь дѣло не о православіи, не о народности западныхъ губерній, но о настоящемъ политическомъ положеніи государства, и молчаніе съ моей стороны объ указанномъ выше было бы преступно. Не мнѣ одному извѣстно, что уже наканунѣ послѣдняго польскаго мятежа еще не вѣрили людямъ, предостерегавшимъ объ ономъ. Кто же можетъ увѣрить, что латино-польская партія не имѣла въ виду нынѣшнихъ событій, при устройствѣ, какъ выше видно, столь сильнаго своего преобладанія въ здѣшней странѣ. Я не говорю, чтобы эта партія сама собою была теперь столько сильна матеріально, дабы слишкомъ безпокоить правительство. Но, въ случаѣ движенія на Россію всего Запада, не приготовлено ли въ здѣшней странѣ для враговъ самое благопріятное управленіе и не лишено ли правительство нужныхъ орудій для полезнаго въ ней дѣйствія во все теченіе могущихъ продолжаться военныхъ происшествій и въ случайныхъ обстоятельствахъ? Объ этомъ, кажется, слѣдуетъ подумать. Слѣдуетъ подумать и о томъ, что гражданское управленіе не формируется такъ скоро и удобно, какъ переформированъ литовскій корпусъ въ 1830 году. Мнѣ случилось слышать, будто поддерживающіе латино-польскую партію указываютъ на Финляндію и остъ-зейскія губерніи. И смѣшно, и больно! Нужно слишкомъ много

доброй воли или слишкомъ мало познанія здѣшней страны, чтобы находить между сими мѣстностями какое-либо соотношеніе.

Сохрани Господи, чтобы все прописанное выше перетолковано было во вредъ и недоброжелательство къ здѣшнимъ чиновникамъ изъ поляковъ и латинянъ. Они не менѣе другихъ могутъ служить государству съ честію и пользою, въ рядахъ русскаго воинства и въ числѣ гражданскихъ чиновниковъ по другимъ областямъ. Но въ здѣшней странѣ они связаны личными соотношеніями, связаны общественнымъ мнѣніемъ, которое указываетъ не на Россію, а на Польшу: и по необходимости должны (разумѣется не безъ исключенія) быть орудіями видовъ латино-польской партіи и римскаго духовенства.

Пишу это вашему сіятельству, не какъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода, но какъ ближайшему слугѣ Государя Императора. Здѣсь уже дѣло не объ участи какого нибудь митрополита Іосифа или семисотъ тысячъ возсоединенныхъ. Теперь не въ томъ дѣло: пріятнѣе-ли и удобнѣе здѣшнимъ правителямъ держаться партіи сильной, богатой и съ вліяніемъ; но въ томъ, чтобы десятимилліонную массу русскаго и литовскаго народа въ западныхъ губерніяхъ обезпечить на пути долга при всякихъ могущихъ возникнуть случайностяхъ и охранять ее отъ чуждаго вліянія. Ссылаюсь на совѣсть каждаго не предубѣжденнаго: можетъ-ли онъ иначе, какъ я, смотрѣть на постепенное усиленіе въ здѣшней странѣ латино-польской партіи? Впрочемъ, можетъ статься, правительство во всемъ этомъ имѣло въ виду особыя цѣли и обстоятельства, мнѣ неизвѣстныя. Въ семъ предположеніи, мысли свои я представляю секретно-конфиденціально, чувствуя, что исполнилъ долгъ свой по совѣсти и по крайнему моему разумѣнію.

Прошу покорнѣйше ваше сіятельство увѣдомить меня о полученіи сей бумаги.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Три политическія записки о С.-З. краѣ.

Гр. М. Н. Муравьева [1]).

ЗАПИСКА 1831 ГОДА

объ учрежденіи приличнаго гражданскаго управленія въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и уничтоженіи началъ, наиболѣе служившихъ къ отчужденію оныхъ отъ Россіи.

I.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ управленія Могилевскою губерніею, вникая въ духъ и характеръ ея обывателей, я старался, по непрестаннымъ сношеніямъ оныхъ съ литовскими губерніями, познать прочія отъ Польши возвращенныя области, вліяніе коихъ и на самую Бѣлоруссію столько еще значительно, что мятежныя въ оныхъ происшедшія событія произвели даже въ Бѣлоруссіи нѣкоторое колебаніе во мнѣніяхъ.

Благодѣтельною волею всемилостивѣйшаго Государя главныя начала сего политическаго отчужденія Бѣлоруссіи уже пресѣчены, и нужны лишь окончательныя распоряженія правительствующаго сената, для совершеннаго и точнаго исполненія оной. Случаю угодно было, чтобы я былъ въ продолженіе болѣе трехъ мѣсяцевъ употребленъ, по волѣ бывшаго главнокомандующаго резервною арміею, къ содѣйствію въ прекращеніи мятежей въ Минской и Литовскихъ губерніяхъ и водворенію гражданскаго управленія въ Самогитіи, а потому, исполняя возложенную на меня обязанность, я старался со вниманіемъ слѣдить

[1]) Изъ русскаго архива за 1885 г.

за всѣми связями тайныхъ крамолъ мятежниковъ и сколько возможно вникать въ характеръ обывателей и истинныя причины, произведшія толикія бѣдствія.

Опытъ достаточно доказалъ, что совершенно необходимо безъ замедленія стараться общими правительственными распоряженіями уничтожить тѣ начала, которыя наиболѣе способствовали къ развитію мятежа, смирить умы мѣрами предусмотрительнаго и дѣятельнаго управленія и, пользуясь нынѣшнимъ утомленіемъ мнѣній, измѣнить весь составъ и порядокъ внутренняго управленія сими губерніями, основавъ оное на началахъ прочныхъ и соотвѣтственныхъ обстоятельствамъ, посредствомъ энергическихъ дѣйствій котораго могли бы всегда быть остановлены при самомъ началѣ всякія предпріятія и тайныя крамолы къ нарушенію тишины, Но какъ самый составъ общаго таковаго управленія для удобства дѣйствій долженъ наиболѣе быть сосредоточенъ, то я полагалъ бы необходимымъ:

1) Подчинить каждыя двѣ изъ сихъ губерній временно намѣстнику, который былъ бы снабженъ особыми инструкціями въ руководство тѣхъ преобразованій, которыя должны быть сдѣланы; ибо въ сихъ областяхъ наиболѣе нужны сосредоточенная власть и предусмотрительныя гражданскія и политическія распоряженія, истекающія отъ Высочайшей воли.

2) Дѣйствія намѣстника въ отношеніи совершеннаго усмиренія и преобразованія края не должны быть подвергнуты общему раздробительному распоряженію высшаго начальства, кромѣ обыкновенной текущей переписки, и зависѣть прямо отъ благодѣтельной воли Его Императорскаго Величества, и по мѣрѣ надобности отъ Высочайшаго соизволенія даются намѣстнику особыя наставленія и права.

3) Не смѣя входить въ подробности сего предположенія, полагалъ бы однакожъ, что для единообразнаго сосредоточенія всѣхъ распоряженій, касательно предстоящихъ коренныхъ преобразованій въ сихъ областяхъ, было бы полезно учредить особый комитетъ, котораго меморіи исполнялись бы съ Высочайшаго утвержденія, кромѣ случаевъ, не выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ.

4) Всѣ раздробленныя части управленія въ губерніяхъ должны, на основаніи Учрежденія о губерніяхъ, хотя временно совокуплены быть въ лицѣ намѣстника области и получать отъ него приличныя направленія, соотвѣтственно Высочайше данной ему власти и инструкцій, кромѣ финансоваго управленія, получившаго уже вездѣ прочное и единообразное основаніе.

5) Гражданскіе губернаторы, опредѣленные въ сіи губерніи, должны быть коренные русскіе и не имѣть родственныхъ связей въ тѣхъ губерніяхъ; нравственныя качества, усердіе къ благу службы, дѣятельность, способность и знаніе края должны служить руководствомъ въ назначеніи оныхъ.

6) Дѣйствія гражданскихъ губернаторовъ должны быть подчинены лишь наблюденію намѣстника и права ихъ болѣе или менѣе распространены по мѣрѣ особой Высочайшей воли; ибо благо службы въ таковыхъ важныхъ случаяхъ требуетъ умноженія власти и правъ по мѣрѣ встрѣчающихся мѣстныхъ политическихъ надобностей, которыя не всегда удобно впередъ опредѣлены быть могутъ.

7) Всѣ губернскіе чиновники должны быть преимущественно замѣщены изъ коренныхъ русскихъ, извѣстныхъ своими нравственными свойствами, знаніемъ дѣла и совершенно обезпечены приличнымъ содержаніемъ.

8) Предоставя выгоду въ чинахъ и содержаніи и сдѣлавъ вызовъ благонамѣренныхъ лицъ изъ Россіи, никакого нѣтъ сомнѣнія, что съ пособіемъ намѣстника области и благонамѣреннаго губернатора чиновники изъ самыхъ лучшихъ фамилій, для блага отечества, примутъ на себя сіи обязанности.

9) Гражданскія палаты однѣ, по мнѣнію моему, могутъ сохранить своихъ предсѣдателей изъ туземцевъ, но съ тѣмъ, чтобы совѣтникъ и половинное число засѣдателей были бы назначены отъ короны. Уголовныя же палаты должны быть безъ исключенія составлены изъ русскихъ самоблагонамѣренныхъ чиновниковъ, ибо отъ справедливаго дѣйствія уголовной палаты много зависитъ порядокъ въ губерніи.

10) Какъ таковыми распоряженіями на счетъ чиновниковъ отъемлется на нѣкоторое время возможность туземцамъ занимать въ губерніяхъ своихъ коронныя мѣста, то и полезно было бы доставить имъ возможность служенія внутри Россіи, послѣ котораго, если нѣкоторые изъ нихъ окажутся достойными довѣрія начальства, то могутъ получить мѣста въ своей губерніи; но таковую мѣру, по мнѣнію моему, публиковать не должно. Предусмотрительность намѣстника можетъ весьма легко косвеннымъ образомъ многихъ на сіе склонить и сіе даже необходимо относительно людей нѣсколько опасныхъ.

11) Почтовыя конторы и прочіе чиновники почтоваго вѣдомства должны также зависѣть отъ намѣстника области и немедленно замѣщены быть коренными русскими: опытъ доказалъ, сколько даже мелочные почтовые чиновники, опредѣленные изъ туземцевъ, были вредны, ибо они съ удобствомъ со всѣхъ станцій болѣе или менѣе распространяли въ краю мятежныя извѣстія.

12) Полиціи въ городахъ и уѣздахъ должны быть также основаны совершенно на иныхъ началахъ. Въ народѣ, въ коемъ обыватели болѣе или менѣе раздѣляютъ преступныя намѣренія, необходимо сколько возможно раздробить и усилить вліяніе, наблюденіе и отвѣтственность полицій, избравъ для сего людей достойныхъ довѣрія правительства, и наконецъ возложивъ на самыхъ значительнѣйшихъ владѣльцевъ и даже ксендзовъ-плебановъ, имѣющихъ наиболѣе вліянія въ приходахъ своихъ

непосредственную строжайшую отвѣтственность за малѣйшее допущеніе въ оныхъ какихъ либо безпорядковъ, злонамѣренныхъ скопищъ и крамолъ: опытъ доказалъ, что однимъ симъ способомъ полицейскаго парафіальнаго раздѣленія и управленія уѣзда, имѣющаго удобство раздробительности и строгой отвѣтственности, можно прочнымъ образомъ обезпечить спокойствіе края.

13) Главное полицейское управленіе въ уѣздахъ должно быть поручено предсѣдательству исправниковъ, назначенныхъ изъ самоблагонадежныхъ коренныхъ русскихъ чиновниковъ, совершенно обезпеченныхъ въ своемъ существованіи; прочіе члены земскаго суда должны быть также изъ русскихъ чиновниковъ и число ихъ умножено, сообразясь съ населеніемъ и обширностью уѣзда.

14) Для избѣжанія самоуправныхъ дѣйствій въ политическомъ наблюденіи за уѣздомъ, необходимо возложить на обязанность особаго дворянскаго чиновника, или самого предводителя, дѣлать обще съ земскимъ исправникомъ распоряженія на счетъ спокойствія и тишины въ уѣздахъ. Всѣ общія обыкновенныя распоряженія земскаго суда должны идти на извѣстномъ основаніи учрежденія о губерніяхъ.

15) Подробности сего парафіальнаго управленія, основаннаго на взаимной отвѣтственности главнѣйшихъ лицъ въ уѣздахъ и опредѣленія правъ и обязанности инструкціями, требуютъ особаго изложенія, которое можетъ быть сдѣлано, ежели благоугодно будетъ правительству принять сію систему парафіальнаго полицейскаго управленія. Удобство сего управленія, временно введеннаго мною съ разрѣшенія г. главнокомандовавшаго въ Самогитіи, достаточно уже на опытѣ доказано.

16) Таковымъ образомъ устроенныя полицейскія управленія, непосредственно зависящія отъ благоразумной распорядительности намѣстника области и начальника губерніи, безъ всякаго сомнѣнія, произведутъ значительную пользу и пресѣкутъ зло при самомъ началѣ, ежели въ составъ оныхъ будутъ входить лица, соотвѣтствующія благонамѣренной цѣли учрежденія и притомъ судъ и расправа за нарушеніе вѣрноподданнической присяги до нѣкотораго времени будетъ производиться по силѣ военныхъ законовъ, въ таковыхъ случаяхъ совершенно необходимыхъ; ибо всякій бунтъ есть моральное зло и болѣзнь, которую при самомъ началѣ должно пресѣкать и предупреждать мѣрами сильными.

17) Городскія правленія должны также быть составлены изъ коренныхъ русскихъ, измѣнивъ совершенно составъ полицейскихъ командъ и внутренней стражи, которыя, доселѣ бывши наполнены туземцами, были въ уѣздахъ первымъ основаніемъ успѣха мятежниковъ.

18) Утвержденіе чиновниковъ, назначаемыхъ отъ выбора дворянства, не исключая даже и губернскаго предводителя, должно, не ограничиваясь двумя кандидатами, зависѣть отъ намѣстника, и онъ долженъ

въ семъ случаѣ сообразоваться съ нравственнымъ и политическимъ расположеніемъ умовъ и въ особенности самихъ избранныхъ лицъ.

19) Судебныя присутственныя мѣста въ уѣздахъ должны также, по мнѣнію моему, какъ и гражданскія палаты, частію составлены быть изъ коренныхъ россійскихъ чиновниковъ, въ магистратахъ же и ратушахъ допущены къ засѣданію и именитые евреи, усиленіе вліянія коихъ въ семъ краѣ для правительства нашего совершенно еще необходимо.

20) Канцеляріи всѣхъ полицейскихъ правительственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ и уѣздахъ должны быть на первый случай по крайней мѣрѣ на половину наполнены русскими; а въ особенности безъ исключенія должны быть ими заняты всѣ должности секретарей, столоначальниковъ и повытчиковъ, оставивъ лишь нѣсколько производителей изъ туземцевъ для переводовъ польскихъ документовъ. Канцелярскіе сіи чиновники должны также быть обезпечены въ своемъ содержаніи и легко могутъ быть выписаны изъ Россіи, съ нѣкоторыми предоставленными выгодами на счетъ чиновъ.

21) По причинѣ необходимаго бдительнаго присмотра за порядкомъ полицейскаго управленія, должно назначить начальнику губерніи по крайней мѣрѣ четырехъ благонадежныхъ русскихъ чиновниковъ для особыхъ порученій, а къ намѣстнику по усмотрѣнію его, сколько надобность въ томъ востребуетъ по обширности ввѣренной ему области, обезпечивъ чиновниковъ сихъ какъ при намѣстникѣ, такъ и гражданскомъ губернаторѣ особымъ отличнымъ содержаніемъ и выгодами по службѣ; ибо отъ усердія, благонамѣренности и дѣятельности оныхъ во многомъ будетъ зависѣть успѣхъ новаго устройства и порядка въ губерніи.

22) Вообще всѣ чиновники, опредѣляемые въ губернію, какого бы они вѣдомства ни были, должны непосредственно зависѣть отъ намѣстника, который отвѣчаетъ за ввѣренную ему область предъ Государемъ, а потому и не можетъ быть стѣсняемъ въ назначеніи оныхъ, и помимо его никто опредѣленъ быть не долженъ. Награжденіе чиновниковъ должно также непосредственно производиться по его представленіямъ прямо къ Государю Императору; ибо тогда только можетъ быть успѣхъ въ управленіи губерніи, когда власть намѣстника будетъ сосредоточена.

23) Всякая губернія и область, до совершеннаго окончанія кореннаго преобразованія, должна имѣть опредѣлительное число постоянной военной силы, непосредственно зависящей въ губерніяхъ отъ начальниковъ оныхъ, а вообще въ области отъ намѣстника.

24) Команды сіи должны преимущественно состоять изъ легкой конницы, способной для содѣйствія полицейскому управленію, и малаго числа пѣхоты. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ благовременною помощію оныхъ, всякое малѣйшее нарушеніе тишины и спокойствія будетъ при самомъ началѣ прекращено, и для сего нужно въ десятеро

менѣе войска при соотвѣтственномъ гражданскомъ устройствѣ, нежели сколько употреблено было для укрощенія мятежей.

25) Независимо отъ общихъ мѣръ, принимаемыхъ высшимъ правительствомъ для наблюденія за умами обывателей, необходимо, чтобы намѣстникамъ и начальникамъ губерній даны были способы къ такому же наблюденію за дѣйствіями обывателей, что весьма легко устроить въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ; ибо самый характеръ поляковъ къ сему способствуетъ, и притомъ въ оныхъ есть много населеній: раскольниковъ, евреевъ, татаръ, разныхъ иноземцевъ, туземцевъ-кальвинистовъ и наконецъ прусскихъ выходцевъ, которые всегда съ усердіемъ готовы служить нашему правительству, лишь бы мѣстное начальство умѣло употребить оныхъ и, не полагаясь на неосновательныя извѣстія, обращало бы преимущественно вниманіе на открытіе тайныхъ дѣйствій и внушенія лицъ зловредныхъ, предупреждая ихъ мѣрами благоразумными, не раздражая умовъ, до чего весьма легко достигнуть можно съ народомъ польскимъ.

26) Важный предметъ предполагаемаго мною предварительнаго новаго преобразованія управленія въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, здѣсь лишь вкратцѣ изложенъ въ главныхъ своихъ началахъ, которыя должны быть примѣняемы и даже измѣняемы по обстоятельствамъ мѣстнаго моральнаго и политическаго положенія областей.

27) Внимательный опытъ доказалъ необходимость сего преобразованія, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что безъ учрежденія помянутаго выше сего гражданскаго управленія нельзя отвѣчать за спокойствіе края, а еще менѣе приступать къ какимъ либо кореннымъ политическимъ преобразованіямъ, совершенно необходимымъ для уничтоженія всѣхъ элементовъ, произведшихъ толикія бѣдствія и упрочившихъ отчужденіе края сего отъ Россіи.

II.

О политическомъ преобразованіи губерній, отъ Польши возвращенныхъ, и уничтоженіи тѣхъ началъ, которыя постепенно довели край сей до совершеннаго отчужденія отъ Россіи.

Не касаясь общихъ причинъ, ускорившихъ и приготовившихъ умы къ востанію противозаконной власти, происходящихъ отъ общихъ правительственныхъ долговременныхъ распоряженій относительно Царства Польскаго, поддержанія духа полонизма во всѣхъ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, образованія польскаго и литовскаго отдѣльнаго войска и иныхъ важнѣйшихъ причинъ, довольно уже извѣстныхъ правительству, обращусь лишь къ тѣмъ предметамъ, которые, по мнѣнію моему, собственно должны быть измѣнены въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, не дерзая входить въ сужденіе общихъ правитель-

ственныхъ распоряженій, требующихъ государственнаго соображенія и потому превышающихъ способности и возможности мои.

1) Литва, какъ и Бѣлоруссія, получила въ послѣдствіи времени подтвержденіе правъ своихъ въ отношеніи удержанія въ оней законовъ польскихъ и литовскихъ, въ существѣ своемъ служащихъ лишь къ запутанности дѣлъ и отчужденію края сего отъ Россіи.

2) Уничтоженіе Литовскаго статута, по крайней мѣрѣ въ способахъ процедуры вовсе несообразныхъ съ существомъ хода дѣлъ во всемъ государствѣ, есть, по мнѣнію моему, совершенно необходимо и можетъ быть исполнено, а въ особенности нынѣ (знавши духъ литовцевъ) безъ особаго затрудненія. Различіе мѣръ осторожности противу Бѣлоруссіи должно состоять только въ томъ, чтобы предварительно привести въ извѣстность весь многочисленный классъ скитающихся въ Литвѣ адвокатовъ, служившій основаніемъ къ распространенію мятежа и потому опасный и вредный. Адвокатовъ сихъ необходимо постепенно благоразумными мѣрами отвлечь къ разнымъ должностямъ внутрь Имперіи въ мѣста безопасныя, но отнюдь не въ столицы, гдѣ и безъ того слишкомъ много поляковъ служитъ по разнымъ отраслямъ правительственнаго управленія.

3) Съ удаленіемъ адвокатовъ, литовское дворянство, въ существѣ своемъ мало образованное, а въ Самогитіи отличающееся особою грубостью и тупостью въ понятіяхъ, и наконецъ во всей Польшѣ всегда уступчивое и покорное при мѣрахъ благоразумной рѣшительности, безъ всякаго сомнѣнія, безмолвно будетъ покорствовать и равнодушно будетъ смотрѣть на всѣ преобразованія, о которыхъ лишь могло говорить и думать, когда были люди, способные внушать оному подобныя понятія.

4) Внимательное наблюденіе бывшаго мятежа въ Литвѣ достаточно обнаружило ничтожный характеръ литовцевъ, и потому можно утвердительно сказать, что, при благоразумномъ и дѣятельномъ управленіи намѣстника, устройствѣ приличнаго полицейскаго внутренняго порядка и предварительнаго отстраненія главныхъ элементовъ, возродившихъ мятежъ въ Литвѣ, весьма удобно будетъ сдѣлать въ оной всѣ тѣ преобразованія, которыя угодны будутъ правительству, и литовцы примутъ оныя едва ли даже не съ большею покорностію, нежели въ Бѣлоруссіи, особенно послѣ случившихся событій. Но для сего необходимо:

5) Рѣшительно уничтожить гнѣздилище литовскаго вольнодумства раскасированіемъ Виленскаго университета по разнымъ училищамъ во внутрь Имперіи, преобразовавъ постепенно всю учебную часть на основаніи россійскихъ учебныхъ заведеній и отнявъ у духовенства право заниматься образованіемъ юношества. Все сіе должно предоставить благоразумному распоряженію намѣстника области и дать ему достаточныя средства и власть къ приведенію въ исполненіе сего предпріятія. Преобразованіе внутреннихъ училищъ въ Литовскихъ губерніяхъ, равно и

духовныхъ, можетъ быть произведено постепенно, дабы тѣмъ временемъ не затруднить воспитанія юношества и не произвести безнужнаго ропота. Рѣшительное же раскасированіе и уничтоженіе навсегда Виленскаго университета можетъ быть приведено немедленно въ исполненіе; ибо университетъ сей теперь существуетъ лишь по одному имени и большая часть воспитывавшагося въ ономъ юношества и даже много учителей разошлись и толпами пристали къ бунтовщикамъ.

6) Мѣра сія, по мнѣнію моему, совершенно необходима, но по важности предмета требуетъ благоразумнаго примѣненія и исполненія.

7) Виленскій университетъ, столь прославляемый въ общемъ мнѣніи поляковъ, сколько я могъ замѣтить (имѣвши въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ весьма часто случаи видѣть людей въ ономъ образованныхъ), вовсе не есть источникъ должнаго просвѣщенія. Литовское дворянство какъ бы по нѣкоему предубѣжденію посылаетъ туда своихъ дѣтей, которыя, проводя дни въ праздности и вольнодумствѣ, не обучаясь ничему основательному, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ праздношатанія, возвращаются домой, получивъ въ ономъ нѣкій наружный блескъ вреднаго полупросвѣщенія и рѣшительное основаніе вольнодумства. Одно сословіе шляхты и разночинцевъ пріобрѣтало при томъ же вольнодумствѣ нѣкоторыя знанія, а въ особенности по части духовной, медицинской и адвокатской, также дѣти экономовъ, коммиссаровъ и притомъ бѣднѣйшихъ сословій пользовались нѣкоторыми выгодами онаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтали еще болѣе духа вольнодумства, безвѣрія и разврата.

8) Римское духовенство, пользуясь толикими привиллегіями подъ правленіемъ Россіи, наиболѣе имѣетъ способовъ вредить оной чрезмѣрнымъ вліяніемъ своимъ на умы обывателей, которыхъ оно не престанетъ побуждать къ возстанію противъ правительства, доколѣ не будетъ лишено главныхъ къ сему способовъ богатствомъ своимъ и правомъ воспитывать юношество.

9) Никакія милости и благодѣянія правительства не въ силахъ привязать сословія сего къ Россіи; ибо римское духовенство чувствуетъ, что отдѣльнымъ с.-петербургскимъ коллегіальнымъ управленіемъ оно отчуждается отъ власти папы римскаго, а потому со временемъ должно лишиться многихъ духовныхъ правъ, несовмѣстнымъ въ благоустроенномъ самостоятельномъ государствѣ.

10) Духовенство въ коренныхъ понятіяхъ своихъ связываетъ существованіе католицизма съ независимостію Польши, и потому дотолѣ будетъ возбуждать обывателей къ мятежу, пока рѣшительными мѣрами (не касаясь, впрочемъ, до обрядовъ религіи) не уменьшится вліяніе его лишеніемъ тѣхъ богатствъ, которыя даютъ одному толикое надъ прочими преимущество и не отымется право вселять въ юныя сердца воспитывающихся отчужденіе отъ всего русскаго.

11) Мѣры отнятія духовныхъ имѣній и лишенія правъ воспитывать юношество суть совершенно необходимы, но должны быть приведены въ исполненіе съ большою осторожностью и въ особенности въ Самогитіи, въ которой духовенство вліяніемъ своимъ пріобрѣло почти неограниченную власть надъ обывателями.

12) По мнѣнію моему, къ сему приступить должно теперь, пока умы еще поражены и утомлены неудачею въ мятежѣ, лишая постепенно сихъ правъ тѣ монастыри и костелы, въ которыхъ по сдѣланному изысканію наиболѣе распространялся духовенствомъ духъ мятежа, и какъ въ таковыхъ преступныхъ дѣйствіяхъ едва ли хотя одинъ кляшторъ или костелъ не участвовалъ, то, дабы не поразить мнѣній крутою мѣрою, благоразумное мѣстное начальство можетъ обратить силу сего распоряженія на болѣе опасныя и вольнодумныя конгрегаціи, сначала будто бы временно лишивъ богатѣйшіе монастыри и кляшторы недвижимыхъ имѣній, когда же впослѣдствіи времени къ сей мысли пріобыкнутъ, то рѣшительно отнять вообще всѣ духовныя имѣнія.

13) Таковымъ же образомъ можно поступить и относительно воспитанія юношества, замѣнивъ съ тѣмъ вмѣстѣ духовныя училища свѣтскими на общемъ основаніи.

14) Кромѣ сихъ главныхъ двухъ предположеній, есть еще много иныхъ частныхъ мѣръ, которыя необходимо предпринять намѣстнику къ обезпеченію области отъ вреднаго вліянія римскаго духовенства, какъ то: ограниченіе числа онаго въ монастыряхъ и приходахъ, прекращеніе праздношатанія ихъ безъ надлежащихъ видовъ по губерніи, строгое воспрещеніе принимать въ сословіе свое разныя лица безъ вѣдома мѣстнаго начальства, часто весьма подозрительныхъ и даже изъ Царства Польскаго и проч. и проч., которые безпорядки, допущаемые умышленно мѣстнымъ главнымъ католическимъ духовенствомъ, вовсе независящимъ отъ гражданскаго управленія, умножаютъ самовольное вредное онаго вліяніе на умы обывателей.

15) Многочисленное сословіе шляхты, издревле буйное и развратное, не взирая на всѣ предоставленныя оному льготы, было, есть и всегда будетъ орудіемъ первымъ и оплотомъ мятежа, ежели не будутъ приняты рѣшительныя мѣры къ коренному преобразованію политическаго и гражданскаго бытія онаго.

16) Сіе сословіе тунеядцевъ, по большей части неосѣдлое и привыкшее къ праздношатанію, по духу и характеру своему всегда буйное, дотолѣ не будетъ спокойно, пока правительство не сдѣлаетъ оному надлежащаго разбора и не переселитъ въ отдаленныя, охранныя пограничныя линіи тѣхъ изъ нихъ, которые, не имѣя осѣдлости и не доказавъ дворянства своего, мечтаютъ получить права и преимущества посредствомъ мятежей или иныхъ политическихъ переворотовъ.

17) Опытъ доказалъ, что въ литовскихъ и минскихъ мятежахъ неосѣдлая шляхта составляла самыя буйныя, постоянныя и злобныя толпища мятежниковъ, и даже во времена спокойныя большая часть разнаго рода преступленій въ губерніяхъ производится лицами изъ сего же сословія.

18) Сіе осѣдлое сословіе людей, язва всякаго края, должно быть немедленно для благоустройства въ губерніяхъ, по сдѣланному разбору правъ ихъ на дворянство, частію, какъ выше сказано, переселено, а осѣдлые и не доказавшіе своего шляхетства въ герольдіи принуждены къ избранію приличнаго образа жизни, приписавъ тѣхъ, которые имѣютъ опредѣленную осѣдлость, но не доказали своего дворянства, къ разнымъ городскимъ обществамъ.

19) Для точнаго исполненія сего преобразованія, необходимо положить кратчайшій срокъ, послѣ котораго уже не допускать вновь образованія сего пагубнаго сословія изъ бродягъ и иныхъ лицъ, которыя понынѣ оное безпрестанно умножаютъ. Важный предметъ сего преобразованія шляхты требуетъ отдѣльнаго изложенія, которое особо препровождено, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, къ управляющему министерствомъ юстиціи.

Кромѣ всѣхъ вышепоименованныхъ главныхъ предметовъ, долженствующихъ, по мнѣнію моему, войти въ составъ политическаго преобразованія губерній отъ Польши возвращенныхъ, есть еще много иныхъ второстепенной важности, которыя не должны, однако, выходить изъ цѣли и вниманія намѣстниковъ тѣхъ областей, какъ то: введеніе россійскихъ наименованій мѣстъ и должностей, писаніе на россійскомъ языкѣ всѣхъ служебныхъ бумагъ, умноженіе русскихъ семействъ въ Литвѣ, сколько возможно доставленіе имъ прочной осѣдлости, словомъ, даже всѣхъ тѣхъ мелочныхъ оттѣнковъ, которые отдѣльно сами по себѣ не составляютъ, кажется, особой важности, но въ сложности съ прочими, безъ всякаго сомнѣнія, произведутъ впослѣдствіи времени полезное вліяніе и будутъ служить къ истребленію существующаго еще понынѣ отчужденія сихъ областей отъ Россіи.

Важный предметъ, мною вкратцѣ здѣсь описываемый, требуетъ внимательнаго и подробнаго изложенія способовъ и времени постепеннаго онаго примѣненія; но какъ цѣль сего писанія есть лишь представленіе правительству настоящихъ элементовъ и недостатковъ, наиболѣе способствовавшихъ, по мнѣнію моему, къ развитію мятежа въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и притомъ настоящая причина допущенія сего была и понынѣ еще есть недостатокъ въ коренномъ составѣ и образованіи мѣстнаго управленія (что можетъ быть на всякомъ шагу доказано неоспоримыми событіями), то и ограничиваюсь въ сей запискѣ изложеніемъ способа того управленія, которое по слабому разумѣнію моему совершенно необходимо къ огражденію края сего отъ

подобныхъ же бѣдствій и къ упроченію на будущія времена посредствомъ политическихъ коренныхъ преобразованій спокойствія и совершеннаго слитія онаго съ Россійскою Имперіею.

Записка о нѣкоторыхъ вопросахъ по устройству Сѣверо-Западнаго Края.

Подана 14-го мая 1864 года.

1) Хотя внѣшній мятежъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ окончательно и подавленъ, но огонь тлѣетъ еще подъ пепломъ, и несомнѣнно, что, съ ослабленіемъ правительственныхъ мѣръ наблюденія, онъ опять возгорится еще съ вящшею силою; а потому, зная польскую самонадѣянность и безуміе, можно ли допустить, какъ нѣкоторые полагаютъ, примиреніе съ польскимъ элементомъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и, принявъ обманчивую маску польской покорности за чистосердечное чувство раскаянія и моленіе о помилованіи, обратиться къ прежней системѣ уступчиваго управленія?

2) Можетъ ли высшее правительство допустить, чтобъ край, въ которомъ $^5/_6$ населенія вполнѣ русскаго, исповѣдующаго православную вѣру, могъ когда либо быть признанъ польскимъ и дозволить, какъ это было въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, развиваться въ немъ польскому элементу, совершенно чуждому и допущенному тамъ лишь по нашему малому предвидѣнію и недостатку уваженія къ собственной народности?

3) Не слѣдуетъ ли правительству разъ на всегда, сознать прежнія ошибки въ управленіи Сѣверо-Западнымъ краемъ, признать его окончательно русскимъ, составляющихъ древнее достояніе Россіи, постановивъ непремѣннымъ правиломъ, чтобы въ краѣ отнюдь не было допускаемо ни малѣйшихъ признаковъ польской пропаганды и принявъ дѣятельныя мѣры къ подавленію пришлаго польскаго элемента и къ окончательному возстановленію русской народности, отнюдь не дозволяя уклоняться отъ принятой въ семъ отношеніи системы.

4) Не должно ли, наконецъ, правительство убѣдиться, что одними мѣрами строгой справедливости, а отнюдь не снисхожденіемъ и уступками, можно удержать этотъ край и остановить безумные порывы польской пропаганды и всегда враждебныхъ намъ римско-католическаго духовенства и шляхетства?

Для утвержденія русскаго владычества въ Сѣверо-Западномъ краѣ необходимо принять слѣдующія главныя мѣры:

1) Упрочить и возвысить русскую народность и православіе, такъ чтобы не было и малѣйшаго повода опасаться, что край можетъ когда либо сдѣлаться польскимъ. Въ сихъ видахъ въ особенности заняться

прочнымъ устройствомъ быта крестьянъ и распространеніемъ общественнаго образованія въ духѣ православія и русской народности.

2) Поддержать православное духовенство, поставивъ его въ положеніе, независимое отъ землевладѣльцевъ, дабы совокупно съ народомъ оно могло твердо противостоять польской пропагандѣ, которая, безъ сомнѣнія, еще нѣкоторое время будетъ пытаться пускать свои корни. Римско-католическое же духовенство поставить въ такое положеніе, чтобы оно не могло болѣе вредить своимъ фанатическимъ возбужденіемъ обывателей къ противодѣйствію постановленіямъ правительства, и для сего учредить за нимъ повсюду строжайшее наблюденіе и взыскивать неукоснительно за всякое отступленіе отъ законнаго порядка и въ особенности за манифестаціи въ смыслѣ польской пропаганды.

3) Въ отношеніи общей администраціи принять слѣдующія мѣры: устроить такимъ образомъ правительственные органы въ краѣ, чтобы высшія служебныя мѣста и мѣста отдѣльныхъ начальниковъ, а равно всѣ тѣ, которыя приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, были замѣщены чиновниками русскаго происхожденія.

Водворить русскій элементъ въ краѣ всѣми возможными средствами, какъ то: поселеніемъ тамъ русскихъ крестьянъ, продажею русскимъ лицамъ всѣхъ сословій конфискованныхъ, секвестрованныхъ и просроченныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ имѣній, изгнаніемъ изъ края всѣхъ тѣхъ, которые участвовали въ мятежѣ и крамолахъ и недопущеніемъ ихъ возвращаться на родину; ибо своимъ присутствіемъ они, безъ всякаго сомнѣнія, значительно усугубили бы зло, чему бывали неоднократные примѣры.

Наконецъ, само высшее правительство должно идти твердо и непоколебимо избраннымъ имъ путемъ, отнюдь не допуская въ краѣ польскаго элемента, прекращая неукоснительно строгими мѣрами всякія даже малѣйшія попытки къ распространенію польской пропаганды и имѣя въ виду, что хотя въ настоящее время революціонная организація и жондъ уже обезсилены и уничтожены въ Сѣверо-Западномъ краѣ, но многіе изъ его агентовъ продолжаютъ дѣйствовать внѣ предѣловъ Западнаго края, въ столицахъ и внутри Имперіи.

Мѣры въ отношеніи устройства быта Крестьянъ.

1) Всѣ правительственные органы, какъ высшіе, такъ и мѣстные, должны быть неуклонно направлены къ тому, чтобы крестьяне были поставлены въ совершенно независимое положеніе отъ владѣльцевъ и не могли бы быть стѣсняемы ими въ средствахъ своего хозяйства, а для сего чтобы имъ были возвращены всѣ тѣ угодья, которыя у нихъ отняты съ 1857 года, т. е. со времени заявленія самими владѣльцами о ихъ желаніи упрочить бытъ крестьянъ.

2) Какъ инвентари съ 1846 года служили основаніемъ отношеній между помѣщиками и крестьянами и въ народѣ считаются единственнымъ указаніемъ для разбора взаимныхъ притязаній и по угодьямъ, и по повинностямъ, и какъ притомъ сами помѣщики внесли въ уставныя грамоты крестьянскія повинности по инвентарямъ, измѣнивъ земельные надѣлы: посему справедливость требуетъ всѣмъ тѣмъ крестьянамъ, которые съ 1846 г. были обезземелены, возвратить хотя часть земли, которою они владѣли, дабы они могли построить на ней хату и имѣть по крайней мѣрѣ огородъ и небольшую запашку. Сею единственно мѣрою возможно было удержать помѣщиковъ отъ насильственной высылки крестьянъ въ мятежъ. При семъ нужнымъ считаю замѣтить, что отнятіе земельныхъ участковъ не только у временно-обязанныхъ крестьянъ, но и у старообрядцевъ, шляхты, вольныхъ людей и иныхъ, служило средствомъ побужденія ихъ къ участію въ мятежѣ; а потому правительство, не взирая на все противодѣйствіе землевладѣльцевъ, котораго теперь, впрочемъ, не существуетъ, должно удержать эту мѣру для будущаго спокойствія края.

3) Мировыя учрежденія не должны ни подъ какимъ видомъ отступать отъ начала правильной оцѣнки земельныхъ угодій, изъ угожденія помѣщикамъ и въ особенности нѣкоторымъ личностямъ, а, напротивъ того, дѣйствовать на точномъ основаніи закона и данныхъ имъ инструкцій, имѣя въ виду, что отдѣльные клочки земли, большею частію самаго дурнаго качества, отданные въ надѣлъ крестьянамъ, не могутъ быть оцѣнены какъ бы того желали сами помѣщики, привыкшіе брать съ крестьянъ непомѣрные оброки и потому жалующіеся на низкую оцѣнку.

4) Отнюдь не нарушать установленнаго правила, чтобы разверстаніе угодій дѣлалось не иначе, какъ по полюбовному соглашенію, и оставлять пастбища въ общемъ владѣніи, если крестьяне сами не пожелаютъ отдѣльнаго выдѣла, предоставляя, впрочемъ, помѣщикамъ входить по сему предмету въ ближайшія соглашенія и даже денежныя сдѣлки съ крестьянами. Равнымъ образомъ сохранить правило о топливѣ и въ отношеніи крестьянъ-собственниковъ на тотъ срокъ, который установленъ вообще для временно-обязанныхъ крестьянъ. Эта мѣра совершенно необходима по исключительности политическаго положенія края, ибо крестьяне должны быть поставлены въ полную независимость отъ помѣщиковъ.

5) Въ Инфляндскихъ уѣздахъ ограничить размѣръ крестьянскихъ платежей, постановивъ, чтобы оные отнюдь не превосходили того, что крестьяне платили до составленія уставныхъ грамотъ, причемъ допустить и самую оцѣнку земель, какъ это сдѣлано въ прочихъ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ, не придерживаясь постановленія о густотѣ народонаселенія.

6) Скорѣе разрѣшить вопросъ объ обезпеченіи вольныхъ людей, населяющихъ Западный край въ числѣ болѣе 70 т. душъ, которые находятся въ самомъ бѣдственномъ и стѣсненномъ положеніи, ибо они лишены правъ на землю и совершенно зависятъ отъ произвола владѣльцевъ, тогда какъ въ отношеніи повинностей они были въ одинаковомъ положеніи съ временно-обязанными крестьянами, которые получаютъ нынѣ отъ правительства полное огражденіе своихъ правъ.

7) Предоставить главному начальнику края, въ случаѣ невозможности для крестьянъ выплачивать, до окончанія дѣйствій повѣрочныхъ коммиссій, огромные оброки, требуемые съ нихъ въ пользу помѣщиковъ по уставнымъ грамотамъ, отсрочивать таковые платежи, по усмотрѣнію дѣйствительной необходимости и безъ взысканія пеней.

Мѣры въ отношеніи народнаго образованія.

1) Обратить особенное вниманіе на устройство возможно большаго числа народныхъ школъ какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ. Въ этихъ школахъ преподавать самыя элементарныя знанія и преимущественно русскую и славянскую грамоту, первыя начала счисленія, молитвы, первоначальныя понятія о догматахъ православной вѣры и обучать пѣнію на клиросѣ.

Школы эти преимущественно должны оставаться въ рукахъ духовенства, но гдѣ окажется нужнымъ, въ помощь духовнымъ лицамъ могутъ быть назначаемы и свѣтскія. Посему учреждать свѣтскія народныя школы слѣдуетъ только тамъ, гдѣ не будетъ возможности поручать оныя православному духовенству. Содержаніе школъ въ селеніяхъ постепенно относить на счетъ сельскихъ обществъ, по мѣрѣ изъявленія ими на то желанія; учителями же и ихъ помощниками назначать, гдѣ окажется удобнымъ, сельскихъ писарей изъ семинаристовъ, вызванныхъ изъ Великороссійскихъ губерній, дабы тѣмъ самымъ сократить излишніе расходы и дать наставникамъ болѣе приличное содержаніе.

Въ настоящее время, по сдѣланному вызову, уже прибыло въ Сѣверо-Западный край изъ разныхъ Великорусскихъ губерній до ста воспитанниковъ семинарій; всѣ они размѣщены на должности частію сельскихъ писарей, частію учителей и исполняютъ свои обязанности отлично. Для удержанія этихъ семинаристовъ на означенныхъ мѣстахъ и для привлеченія въ большемъ числѣ желающихъ, необходимо предоставить имъ нѣкоторыя служебныя преимущества, о чемъ предоставляется особое соображеніе.

2) Въ городахъ можно учреждать двухклассныя училища съ большимъ развитіемъ знаній, но отнюдь не допуская обученія польскому языку.

3) Разсмотрѣть вновь, гдѣ можно ожидать пользы отъ оставленія гимназій и прогимназій и трехклассныхъ училищъ и гдѣ таковыя надобно упразднить; ибо въ краѣ ихъ слишкомъ много а учащихся въ нихъ теперь очень мало, какъ это видно изъ прилагаемой вѣдомости. Они стоятъ правительству дорого и образуютъ только враговъ Россіи: въ нихъ сосредоточивалась постоянно польская пропаганда, и даже православные, которые получили образованіе въ сихъ гимназіяхъ и училищахъ, съ особеннымъ чувствомъ озлобленія противъ Россіи содѣйствовали мятежникамъ.

Достаточно было бы оставить гимназіи въ губернскихъ городахъ и, по особымъ уваженіямъ, въ видѣ исключенія, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, преобразовавъ оныя совершенно и замѣстивъ всѣ преподавательскія мѣста учителями изъ Россіи. Деньги, которыя останутся отъ упраздненія излишнихъ гимназій и трехклассныхъ училищъ слѣдуетъ употребить на усиленіе вообще народнаго образованія въ селахъ и городахъ и на открытіе русскихъ училищъ для приготовленія русскихъ учителей, а также нѣсколькихъ женскихъ гимназій, совершенно необходимыхъ для распространенія русской народности и уничтоженія частныхъ женскихъ пансіоновъ, въ коихъ сосредоточивается вредная язва польской фанатической пропаганды между женщинами.

4) Ввести преподаваніе жмудской грамоты русскими буквами во всѣхъ школахъ Самогитіи. Подобные буквари теперь уже печатаются и о распространеніи ихъ даны будутъ надлежащія наставленія.

5) Въ гимназіяхъ и прочихъ высшихъ училищахъ прекратить преподаваніе польскаго языка, какъ это уже сдѣлано во всѣхъ уѣздныхъ и народныхъ училищахъ и какъ это было до 1858 года.

6) Прекратить продажу польскихъ букварей и вообще руководствъ для преподаванія на польскомъ языкѣ, издаваемыхъ въ Варшавѣ и иныхъ городахъ съ революціонною цѣлью; ибо въ оныхъ намѣренно вездѣ распространяются мысли объ отдѣленіи Сѣверо-Западнаго края отъ Россіи, и самыя дѣтскія игры, продаваемыя повсемѣстно, направлены къ тому, чтобы изучить географію и исторію Польши въ предѣлахъ 1772 г. Такіе буквари и игры перепечатываются, кромѣ Варшавы, во всѣхъ западныхъ губерніяхъ, что слѣдуетъ строго запретить.

7) Обратить особенное вниманіе на правильное преподаваніе русской исторіи и въ особенности исторіи западной Россіи.

8) Въ Бѣлорусскомъ учебномъ округѣ назначить помощника къ попечителю, возложивъ на него постоянное наблюденіе на мѣстахъ за ходомъ народнаго образованія и поставивъ его въ ближайшія сношенія съ главнымъ начальникомъ края.

9) Такъ какъ въ Самогитіи, т. е. въ Ковенской губерніи, требуется особенное наблюденіе и постоянный на мѣстахъ надзоръ за учебною частью, то посему слѣдуетъ назначить тамъ, въ помощь попечителю Виленскаго учебнаго округа, особаго инспектора, который бы слѣдилъ за успѣшнымъ развитіемъ русскихъ школъ и заботился объ уничтоженіи вліянія на нихъ фанатическаго католическаго духовенства.

10) Поручить министерству народнаго просвѣщенія немедленно командировать въ Сѣверо-Западный край возможно большее число русскихъ преподавателей въ гимназіи, съ оказаніемъ имъ надлежащаго пособія, и хотя временно, если они не пожелаютъ остаться въ Западномъ краѣ на постоянной службѣ; ибо необходимо безотлагательно извлечь народное образованіе изъ рукъ польскихъ.

Мѣры въ отношеніи обезпеченія православнаго духовенства.

1) Необходимость увеличенія содержанія православному духовенству въ Сѣверо-Западномъ краѣ есть одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ, подлежащихъ въ настоящее время разрѣшенію. Безъ содѣйствія православнаго духовенства мы не можемъ надѣяться на прочное водвореніе русской народности въ томъ краѣ. Духовенство наше лишено тамъ всѣхъ средствъ существованія, а прихожане слишкомъ бѣдны, чтобы помогать ему. Польскіе паны пренебрегаютъ и гнушаются имъ. Оно обречено на нищенство и теперь не получаетъ ни дровъ для отопленія, ни средствъ для обработыванія земельно-церковныхъ участковъ.

Правительству непристойно оставлять духовенство свое въ столь уничиженномъ положеніи, равно какъ и церкви, которыхъ большая часть представляетъ самое печальное зрѣлище.

Предметъ этотъ такъ важенъ, что нѣтъ тѣхъ пожертвованій, которыхъ правительство не должно бы было для него сдѣлать. Еще разъ повторяю, что достоинство самаго правительства требуетъ возвысить духовенство приличнымъ содержаніемъ, а также возобновить старыя и построить новыя церкви. О первомъ предметѣ я уже входилъ въ сношеніе съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода и указалъ ему для сего источникъ. На возобновленіе и постройку православныхъ церквей также обращено мною вниманіе; нужны только нѣкоторыя средства. Правительство не можетъ и не должно жалѣть этихъ средствъ, ибо это необходимо какъ въ матеріальномъ, такъ и еще болѣе въ моральномъ и политическомъ отношеніяхъ. Эти пожертвованія со стороны правительства будутъ непродолжительны, ибо скоро народъ православный, вышедшій изъ подъ гнета польскихъ пановъ, оперится и придетъ самъ на помощь православію. Мы уже и теперь видимъ во многихъ мѣстахъ радушное съ его стороны содѣйствіе.

Для постройки церквей въ литовскихъ губерніяхъ нужно отпустить, по примѣру бѣлорусскихъ, до 500 т. руб. заимообразно, и тогда съ

имѣющимися мѣстными средствами можно будетъ управиться этимъ дѣломъ.

2) Въ Вильнѣ учредить высшее духовное училище, въ видѣ добавочныхъ классовъ въ семинаріи, съ допущеніемъ въ оные свѣтскихъ учениковъ. Увеличить число училищъ для воспитанія дочерей священниковъ, учредивъ на первый разъ таковое въ г. Слонимѣ.

3) Вызвать изъ Россіи нѣсколько благонадежныхъ священниковъ, преимущественно для городовъ и нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ селъ, и замѣнить ими бывшихъ уніатскихъ священниковъ, изъ коихъ нѣкоторые не должны оставаться на своихъ мѣстахъ.

Мѣры въ отношеніи устройства римско-католическаго духовенства.

1) Немедленно упразднить, не дѣлая дополнительнаго изслѣдованія, римско-католическіе монастыри, которые принимали большее или меньшее участіе въ возстаніи, допущеніемъ ли ухода монаховъ въ мятежъ, или распространеніемъ революціонныхъ прокламацій къ народу, или снабженіемъ шаекъ продовольствіемъ и оружіемъ. Предоставить главному начальнику края вмѣсто этихъ монастырей учредить приходы тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ по числу населенія; зданія же монастырей принять въ распоряженіе правительства.

Мнѣ кажется, что эта мѣра послужила бы самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на послѣднюю аллокуцію папы, особенно, если вмѣстѣ съ этимъ будетъ упразднена саратовская епархія и измѣненъ столь много сдѣлавшій намъ вреда конкордатъ. Можно было бы и всѣ католическіе монастыри упразднить, какъ это сдѣлано въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ, ибо они вообще представляли постоянный притонъ мятежниковъ. Нынѣ же сдѣлать соображеніе и распорядиться о переводѣ тельшевскаго епископа со всѣмъ духовнымъ римско-католическимъ управленіемъ изъ м. Ворни въ г. Ковну. До сихъ поръ епископъ тельшевскій находился внѣ всякаго наблюденія начальства и потому римско-католическое духовенство въ Ковенской губерніи оказало большое фанатическое противодѣйствіе правительству. Перемѣщеніе это не представитъ затрудненія, ибо въ Ковнѣ есть монастыри, которые будутъ подлежать упраздненію, и найдутся мѣстныя средства для покрытія нужныхъ по сему предмету расходовъ.

На будущее время не допускать поступленія въ монашество безъ согласія главнаго начальника края.

Всѣхъ клериковъ перевести въ семинаріи для окончательнаго обученія, не допуская вновь набирать таковыхъ въ монастыри, а въ семинаріяхъ опредѣлить комплектъ, свыше котораго не допускать пріема учениковъ.

2) Не дозволять учрежденія новыхъ филіальныхъ костеловъ и возобновленія существующихъ, безъ разрѣшенія главнаго начальника края. Равнымъ образомъ не учреждать новыхъ алтарей и каплицъ въ частныхъ домахъ и уменьшить нынѣ же число существующихъ, не дозволяя капеллянамъ бродяжничать по краю.

Опредѣлить штатное число ксендзовъ въ приходахъ и болѣе того числа отнюдь не допускать. Вообще опредѣлять ксендзовъ въ приходы не иначе, какъ съ согласія губернатора и съ ручательствомъ въ благонадежности со стороны самихъ прихожанъ и въ особенности болѣе значительныхъ землевладѣльцевъ прихода.

Общія административныя мѣры.

1) Подтвердить окончательно о повсемѣстномъ введеніи русскаго языка, какъ это нынѣ сдѣлано съ прекращеніемъ употребленія польскаго языка во всѣхъ офиціальныхъ и служебныхъ сношеніяхъ, а также и въ наружныхъ изображеніяхъ всякаго рода, особенно въ мѣстахъ, посѣщаемыхъ народомъ.

2) Немедленно всѣ высшія служебныя должности по всѣмъ вѣдомствамъ, а также всѣ мѣста, имѣющія прикосновеніе съ народомъ, замѣстить русскими чиновниками, прочія же должности замѣщать русскими постепенно.

3) Вмѣнить въ строгую обязанность всѣмъ министерствамъ привести эти мѣры въ исполненіе командированіемъ изъ Россіи чиновниковъ вполнѣ благонадежныхъ и прекратить всякія въ этомъ отношеніи пререканія, какъ это нынѣ случается со стороны нѣкоторыхъ вѣдомствъ.

4) Заселять край русскими сколько возможно сосредоточеннѣе. Заселеніе это производить, не отстраняя и старообрядцевъ, ибо они болѣе другихъ сохраняютъ русскую народность.

Для заселенія назначать преимущественно конфискованныя и секвестрованныя имѣнія, а также земли, оставшіяся послѣ шляхты, переселенной изъ болѣе опасныхъ для общественнаго спокойствія мѣстъ.

5) Скорѣе разрѣшить вопросъ о недозволеніи лицамъ польской шляхты отыскивать дворянство.

6) Необходимо также образовать колоніи изъ отставныхъ солдатъ, которыхъ помѣщики отставляютъ безъ пріюта, изгоняя изъ селеній. Я уже сдѣлалъ распоряженіе о подобной колонизаціи въ Могилевской и Гродненской губерніяхъ, въ видѣ опыта.

7) Разрѣшить вопросъ о порядкѣ продажи секвестрованныхъ имѣній лицъ сосланныхъ на постоянное жительство во внутреннія губерніи.

8) Имѣя въ виду, что лица, высланныя изъ края въ видахъ административнаго взысканія по IV-й категоріи, составляютъ элементъ са-

мый вредный для края и что возвращеніе ихъ могло бы имѣть самыя дурныя послѣдствія, я полагалъ бы отправить ихъ нынѣ же въ мѣстности для сего особо назначенныя правительствомъ и не дозволяя имъ возвращаться на родину въ теченіе самаго продолжительнаго срока, по моему мнѣнію, не менѣе 15 лѣтъ.

9) Всѣхъ лицъ польскаго происхожденія, которыя отправлены на житье во внутреннія губерніи по политической ихъ неблагонадежности, по представленіямъ мѣстныхъ начальствъ ни въ какомъ случаѣ не возвращать ранѣе 5 лѣтъ, и притомъ, если въ теченіе этого времени они не навлекутъ на себя новыхъ обвиненій.

10) Содержаніе тѣхъ и другихъ лицъ можетъ быть обращено на имѣнія ихъ, секвестрованныя и остающіяся безъ секвестра.

11) Мѣстность для водворенія всѣхъ лицъ, высылаемыхъ изъ Западнаго края, должна быть избрана совершенно отдаленная отъ остальнаго населенія Имперіи, какъ напр. Печорскій край, Зауральскіе уѣзды Пермской губерніи и нѣкоторыя части Тобольской, гдѣ большое изобиліе лѣса для постройки жилищъ; а можетъ быть было бы полезно сосредоточить это населеніе и въ Омской области, гдѣ находятся наши войска, такъ что при малѣйшемъ покушеніи къ безпорядкамъ они могутъ быть немедленно прекращены. Переселенцы скоро свыкнутся съ краемъ, какъ свыкаются во всѣхъ другихъ странахъ лица, выселяемыя изъ оныхъ въ отдаленныя пустыни за политическія преступленія. Здѣсь надо имѣть прежде всего въ виду Россію и огражденіе ея отъ опасности заразы польскою пропагандою; гуманность же можетъ быть вполнѣ соблюдена и въ Печорскомъ, и въ другомъ краѣ, когда переселенцамъ будутъ доставлены всѣ средства къ жизни, кромѣ способовъ вредить Россіи. Впрочемъ, если найдутся другія уединенныя мѣстности болѣе удобныя и съ лучшимъ климатомъ, то и онѣ могутъ быть предоставлены для заселенія сказанными лицами.

12) Сдѣлать постепенное примежеваніе нѣкоторыхъ уѣздовъ Сѣверо-Западнаго края въ востоку, дабы такимъ образомъ слить сіи уѣзды съ русскимъ народонаселеніемъ.

13) Дозволять ѣздить во внутреннія губерніи Россіи лицамъ польскаго происхожденія по паспортамъ, выдаваемымъ не болѣе какъ на одинъ годъ, съ положительнымъ обозначеніемъ въ оныхъ мѣста, которое кто полагалъ избрать для жительства безъ права разъѣзда по всей Имперіи.

Такъ какъ уроженцы западныхъ губерній постоянно пользовались фальшивыми видами, то установить выдачу имъ паспортовъ на особой бумагѣ съ надлежащими предосторожностями противъ подложныхъ подписей.

14) Строго держаться правила, чтобы въ великороссійскихъ учебныхъ заведеніяхъ отнюдь не допускать польскихъ воспитанниковъ болѣе $^{1}/_{10}$ всего числа учащихся, ибо опытъ указалъ, какой вредъ они принесли Россіи: всѣ мятежныя шайки были ими наполнены и они увлекли даже многихъ русскихъ. И теперь еще тюрьмы въ Сѣверо-Западномъ краѣ наполнены студентами Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Кіевскаго университетовъ.

15) Обратить вниманіе, чтобъ главныя управленія въ столицахъ и другихъ городахъ не были наполняемы, какъ нынѣ, польскими чиновниками, и въ особенности, чтобъ отнюдь таковыхъ не было въ полицейскихъ и почтовыхъ должностяхъ На службу же внутри Россіи опредѣлять лицъ польскаго происхожденія не иначе, какъ по удостовѣренію въ ихъ политической благонадежности. Поляки знаютъ, что въ западныхъ губерніяхъ теперь ничего сдѣлать не могутъ, и всѣ ихъ усилія стремятся къ распространенію польской пропаганды внутри Имперіи, а это опаснѣе самаго мятежа въ западныхъ губерніяхъ. Поляки понимаютъ, что только такими дѣйствіями могутъ ослабить Россію. Въ отношеніи Августовской губерніи необходимо нынѣ же рѣшить, какіе имѣетъ правительство окончательные виды для управленія оной, ибо продолжать тамъ двойственную систему управленія крайне неудобно, и желательно, чтобы центральное управленіе въ Варшавѣ сближалось сколь возможно съ видами неотдѣльнаго управленія отъ Россіи.

Имѣя въ виду, что Сѣверо-Западный край не можетъ имѣть ничего общаго съ Царствомъ Польскимъ, ибо въ немъ господствуетъ и должна быть утверждена русская народность, тогда какъ, напротивъ того, въ Царствѣ Польскомъ все должно остаться подъ вліяніемъ польскаго элемента, я еще разъ возобновляю свое ходатайство о возстановленіи таможенной линіи на границѣ между Сѣверо-Западнымъ краемъ и Царствомъ-Польскимъ, дабы фактически положить рѣзкую черту между этими двумя противоположными началами, русскимъ и польскимъ. Я не полагаю, чтобъ Россія могла приписать это намѣренію правительства отказаться отъ Царства Польскаго. Оно останется навсегда нашимъ, какъ Финляндія, которая имѣетъ свои опредѣлительныя таможенныя границы. Между тѣмъ, возстановленіе таможенной линіи между Царствомъ Польскимъ и Сѣверо-Западнымъ краемъ могло бы прекратить всякую мысль въ обитателяхъ сего края, что они могутъ составлять когда либо одно цѣлое съ Царствомъ Польскимъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ вопросовъ, есть еще очень много второстепенныхъ, о которыхъ я здѣсь не упоминаю; изложилъ же я съ нѣкоторою подробностью только главнѣйшія указанія, болѣе съ цѣлію ознакомить съ тѣмъ направленіемъ, котораго я держался при управленіи ввѣреннымъ мнѣ краемъ, основываясь на долговременномъ опытѣ изученія онаго во время двухъ бывшихъ въ немъ революцій 1831 и 1863 годовъ; продолженіе этой системы я считаю совершенно необходимымъ

для прочнаго возстановленія русской народности и русскаго господства въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Если всѣ изложенныя здѣсь соображенія удостоятся одобренія Вашего Императорскаго Величества, то необходимо, чтобы они были приняты къ точному и неизмѣнному руководству всѣми вѣдомствами и чтобы о всѣхъ распоряженіяхъ своихъ, выходящихъ изъ обыкновеннаго хода текущихъ дѣлъ, они сообщали на предварительное заключеніе главнаго начальника края, которому болѣе всѣхъ могутъ быть извѣстны мѣстныя обстоятельства.

Лично представлена Государю Императору въ Петербургѣ 5-го апрѣля 1865 года.

Оставляя Сѣверо-Западный край и сдѣлавъ въ ономъ, согласно съ Высочайшими Вашего Императорскаго Величества указаніями, всѣ тѣ распоряженія, которыя были необходимы для подавленія мятежа и упроченія въ ономъ русской народности и православія, безъ чего край этотъ при непрестанномъ систематическомъ (какъ это было въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ) крамольномъ направленіи польскаго элемента неминуемо отпадетъ отъ Россіи, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству о необходимости, не взирая на всѣ возгласы польской партіи и вообще враговъ Россіи, повелѣть не отступать отъ принятыхъ нынѣ въ управленіи тѣмъ краемъ началъ, подавляя всѣми имѣющимися въ распоряженіи тамошняго начальства средствами безпрерывно возникающую враждебную намъ польско-латинскую пропаганду.

Я знаю, что многіе осуждаютъ принятыя мною мѣры для подавленія въ краѣ польскаго элемента; но это единственное средство къ удержанію края, и возможность этихъ мѣръ доказана уже на опытѣ: теперь уже почти повсюду въ краѣ русскій элементъ господствуетъ, и необходимо только постоянное продолженіе въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ, безъ малѣйшаго ослабленія, принятой системы для окончательнаго подавленія враждебнаго намъ элемента и упроченія въ краѣ нашего владычества.

Главныя мѣры, которыя необходимо продолжать, суть слѣдующія:

1) Не снимать военнаго положенія еще нѣсколько лѣтъ, до совершеннаго прекращенія попытокъ польско-заграничной эмиграціи къ возбужденію вновь крамольныхъ покушеній. Не должно полагаться на теперешнее спокойствіе въ краѣ, ибо въ ономъ кроются еще подъ пепломъ элементы мятежа.

2) Не отмѣнять установленнаго 5% сбора, какъ средства для удовлетворенія необходимыхъ расходовъ по политическому положенію края и выходящихъ изъ обыкновенныхъ, установленныхъ для сего государствомъ; притомъ поляки тогда только будутъ смирны, когда будутъ уменьшены ихъ матеріальныя средства; ихъ надобно, какъ говорится, бить по карману, тогда все будетъ спокойно. Возгласы о разореніи края не имѣютъ основанія; денегъ много; лучшее доказательство перекупъ имѣній мѣстными владѣльцами.

3) Не возвращать еще долгое время высланныхъ изъ Сѣверо-Западнаго края за политическія преступленія на житье въ Россію и не снимать съ имѣній ихъ секвестра; принявъ мѣры къ прекращенію постоянно производимой ими, помимо начальства, корреспонденціи съ западными губерніями, поддерживающей крамольныя ожиданія.

4) Не объявлять никому изъ сосланныхъ поляковъ всемилостивѣйшаго прощенія, ибо возвращеніе ихъ послужитъ только къ возвращенію новыхъ безпорядковъ въ краѣ и нисколько ихъ не умиротворитъ Все, что можно сдѣлать, это допустить нѣкоторое смягченіе въ наказаніяхъ находящимся въ Сибири, и то не прежде, какъ послѣ пятилѣтняго исполненія надъ ними приговора.

Заняться окончательнымъ устройствомъ крестьянскаго дѣла на тѣхъ началахъ, на которыхъ оно теперь уже производится, имѣя въ виду, что необходимо такъ обезпечить крестьянъ въ Западномъ краѣ, чтобъ они не имѣли нужды прибѣгать въ пособію отъ владѣльцевъ. Крестьянское населеніе составляетъ главный оплотъ нашего въ краѣ владычества, и оно должно быть поставлено въ полную независимость отъ владѣльцевъ-поляковъ, всегда намъ враждебныхъ.

6) Должно стараться просвѣтить крестьянское населеніе, научая его русской грамотности вмѣстѣ съ правилами православной вѣры. Этотъ предметъ идетъ уже весьма успѣшно, и учреждено въ краѣ много сотенъ школъ, даже и на Жмуди. Крестьяне вездѣ съ охотою изучаютъ русскую грамоту и сами просятъ о назначеніи русскихъ учителей. Они принимаютъ уже радушное участіе въ устройствѣ православныхъ церквей и гордятся названіемъ русскихъ.

7) Утвержденіе православія въ краѣ есть одна изъ самыхъ необходимыхъ основныхъ мѣръ, ибо православіе соединено съ понятіемъ о русской народности, какъ, напротивъ того, католикъ и полякъ составляютъ одно.

8) Независимо отъ устройства православныхъ церквей, необходимо постоянно поддерживать наше духовенство, бдительно и строго слѣдя за дѣйствіями католическаго, намъ всегда враждебнаго, духовенства и укрощая безъ колебанія всѣ попытки онаго къ увлеченію изъ православія. Для сего;

а) не дозволять имъ строить каплицъ и костеловъ безъ дозволенія гражданскаго начальства и въ особенности среди православныхъ приходовъ.

б) не дозволять заводить школъ.

в) взыскивать съ ксендзовъ, когда онѣ запрещаютъ смѣшанные браки;

г) не дозволять имъ разъѣзжать по уѣздамъ, внѣ своихъ приходовъ; и читать проповѣди безъ дозволенія и просмотра начальства;

д) не дозволять дѣлать имъ никакихъ процессій безъ разрѣшенія начальства;

е) строго наблюдать, чтобы не посвящали въ ксендзы безъ разрѣшенія гражданскаго начальства и чтобъ не назначать ксендзовъ въ приходы безъ согласія гражданскаго начальства и болѣе опредѣленнаго числа по спискамъ 1864 года;

ж) за всѣ отступленія отъ предписаннаго облагать штрафомъ ксендзовъ и ихъ начальство.

9) Продолжать принятую систему замѣщенія польскихъ чиновниковъ русскими, отнюдь не ослабляя этой мѣры, какъ совершенно необходимой для будущаго упроченія въ краѣ русскаго начала.

10) Умножить вездѣ русскія школы, обративъ вниманіе и на евреевъ, которые готовы слѣдовать польскимъ тенденціямъ; а потому не надобно сливать еврейскихъ школъ съ польскими, но собственно еврейскія школы преобразовать, придавъ имъ русское направленіе, какъ это теперь уже дѣлается.

11) Ввести окончательно русскія буквы въ жмудскихъ букваряхъ и молитвенникахъ, сдѣлать тоже и въ отношеніи латышской грамотности, какъ это уже исполнено въ нѣкоторыхъ школахъ въ Инфляндскихъ уѣздахъ.

12) Стараться правильнымъ преподаваніемъ исторіи уничтожить превратное и враждебное намъ направленіе, распространенное бывшими польскими школами. Надобно всѣмъ и постоянно разъяснять, что край Сѣверо-Западный всегда былъ и есть русскій и что польскій элементъ есть временно накинутый въ эпоху польскаго владычества.

13) Эта мысль уже повсемѣстно развивается въ краѣ съ большимъ успѣхомъ; надобно только поддержать полезное сіе стремленіе, ибо только моральнымъ перерожденіемъ и уничтоженіемъ польско-латинской пропаганды можно упрочить наше владычество въ краѣ.

Что такое польская шляхта?

М. Юзефовича.

Есть у насъ свои люди, которые считаютъ поляковъ овечками, а насъ волками. Нужды нѣтъ, что эти овечки знать не хотятъ ни о какомъ долгѣ русскихъ подданныхъ, ни о какихъ обязанностяхъ русскихъ гражданъ; что они уже около вѣка служатъ разлагающимъ элементомъ въ нашемъ государственномъ организмѣ, что они и теперь, послѣ внѣшняго подавленія мятежа, вездѣ у насъ продолжаютъ свои подземныя козни: жгутъ наши города и села, заводятъ тайныя политическія общества въ самой Сибири, выдвигаютъ свои польскія притязанія даже за Кавказомъ [1]), стараются обратить Одессу въ новый центръ своей пропаганды и, проникая во всѣ слои общества нашего, во всѣ сферы нашей администраціи, подъѣдаютъ, какъ корнеточные черви, всѣ зародыши нашей оплодотворяющей жизни: все это нисколько не мѣшаетъ полякамъ, не въ качествѣ русскихъ подданныхъ, а именно въ качествѣ поляковъ находить у насъ друзей и покровителей.

Эти друзья и покровители польщизны взываютъ о примиреніи, протестуютъ противъ всякихъ общихъ мѣръ, требуютъ преслѣдованія однихъ фактовъ, хотя бы повторяющихся до безконечности, находятъ оправданіе для правъ польской національности на русской землѣ и,

---

[1]) Въ кавказскомъ календарѣ за 1865 годъ церковные календари: православный, армяно-грегоріянскій и армяно-католическій напечатаны на русскомъ языкѣ, а римско-католическій весь на языкѣ польскомъ!

будто бы въ интересахъ цивилизаціи, преклоняются передъ такъ называемой польскою интеллигенціей! На основаніи этихъ главныхъ положеній, они порицаютъ требованія нашего патріотизма, отвергаютъ эти требованія, какъ грубыя и варварскія, а нашихъ государственныхъ людей, спасающихъ дѣло Россіи, клеймятъ прозвищемъ людоѣдовъ.

Между этими господами есть, разумѣется, *сознательные* и *безсознательные*. Первые видятъ въ полякахъ хорошее средство для своихъ собственныхъ цѣлей, удобное орудіе для ослабленія нашей государственной крѣпости, а всякое такое средство и орудіе есть искомое ихъ задачи. Эти выродки русской жизни всегда были союзниками поляковъ, всегда дѣлили съ ними отечество. Вторые же относятся сочувственно къ полякамъ только потому, что не выяснили себѣ дѣла и, по русскому добродушію, не смотрящему ни назадъ, ни впередъ, подчинились, безъ заднихъ мыслей, ходячимъ у насъ гуманнымъ теоріямъ. Одна изъ такихъ теорій въ особенности способствовала у насъ поддержанію ложнаго взгляда на польскій вопросъ: это теорія о народѣ и государствѣ, которая принимаетъ ихъ не какъ двѣ нераздѣльныя силы одного и того же организма, внутреннюю и внѣшнюю, долженствующія, какъ душа и тѣло, дѣйствовать каждая сообразно требованіямъ общей жизни и соразмѣрно зрѣлости и развитію ея органовъ, а представляетъ государство какъ наружную оболочку, болѣе или менѣе крѣпкую, съ внутренними перегородками, за которыми могутъ жить и развиваться отдѣльные организмы, существуя, подобно нѣкоторымъ моллюскамъ, безъ вреда общему содержанію охраняющей ихъ внѣшней формы. Добрые у насъ люди, наслушавшись этой нѣмецкой теоріи, устарѣлой и брошенной уже въ самой Германіи, относятся къ польскому у насъ населенію, какъ въ составной части государственнаго аггрегата, могущей сохранять въ немъ свой политическій характеръ, не нарушая законовъ связывающей государство силы, а вслѣдствіе того требуютъ не только пощады польской историко-политической національности, но и уваженія къ ней.

Польскій вопросъ есть исключительно вопросъ шляхетскій: не будь шляхты, не было бы и польскаго вопроса. Поэтому, чтобъ уяснить себѣ польскій вопросъ до сознательнаго его уразумѣнія и дать себѣ правильный отчетъ объ отношеніяхъ его къ намъ, должно понять, что такое шляхта. Понявъ внутренній смыслъ шляхетства, не одинъ, быть можетъ, изъ нашихъ честныхъ гуманистовъ почувствуетъ глубокую антипатію къ предмету своихъ нынѣшнихъ сочувствій. Такъ было и со мною самимъ: я не врагъ польскаго племени и безразлично смотрѣлъ съ братскимъ чувствомъ на всѣхъ поляковъ, пока не изучилъ и не понялъ монстра, называемаго шляхтой.

Посмотримъ же, что такое шляхта.

Мы не будемъ говорить о томъ, какъ изъ смѣси феодализма и демократіи [1]), сословнаго своенравія и гражданской равноправности сложилась шляхетская община и какъ латинство дополнило эту амальгаму, добавивъ къ ней свое начало духовнаго рабства. На почвѣ этихъ противорѣчій возникла общественность съ кулачнымъ правомъ узаконенныхъ мятежей, называвшихся конфедераціями, образовалось государство безъ правительства, съ націей безъ народа, выросли неслыханныя сословныя привиллегіи и развилась небывалая сословная исключительность, которая выдѣлила себя изъ народа, какъ никогда не выдѣлялись изъ него ни личный деспотизмъ, ни олигархія, которая поглотила государство, какъ непоглащала его никакая демократія, которая поставила всю массу народа внѣ всякаго закона, и не пріискала своимъ собственнымъ правамъ другаго обезпеченія, кромѣ круговой поруки взаимнаго насилія. Это сословіе, лишивъ верховную власть свободы дѣйствій и обративъ народъ въ животную рабочую силу,—и какой народъ? не завоеванный, не чужой, а свой, однокровный,—формально провозгласило свое надъ нимъ самодержавное право жизни и смерти. Закономъ было воспрещено принимать въ судахъ жалобы на владѣльца, даже за убійство имъ своего крестьянина (1572 года), и вслѣдъ затѣмъ, каждому шляхтичу былъ представленъ надъ его крестьянами весь судъ, не только гражданскій, но и духовный, съ правомъ за непослушаніе въ дѣлахъ религіозныхъ смертной казни (1573 годъ); шляхта не только предавала смерти своихъ крестьянъ по личному произволу, но она формальными актами отдавала ихъ въ аренду, съ правомъ меча, жидамъ. Вообще, что касается до крѣпостнаго права, то польско-шляхетская цивилизація, какъ и во многомъ другомъ, представляетъ небывалое явленіе въ христіанскомъ мірѣ: у всѣхъ христіанскихъ народовъ, по мѣрѣ развитія общечеловѣческихъ понятій, крѣпостное право слабѣло, сглаживалось закономъ и, наконецъ, вовсе отмѣнялось. Въ одной Польшѣ оно не только никогда не было ограничиваемо, но постоянно распространялось до конца ея существованія. Такъ, почти наканунѣ ея разрушенія, въ 1764 году, конституціей о поповичахъ, дѣти православнаго и уніатскаго духовенства обращались въ крѣпостныхъ тѣхъ селеній, гдѣ ихъ отцы были священниками, а въ 1768 году помѣщена, между основными законами республики, слѣдующая статья:

---

[1]) Въ шляхтѣ есть множество фамилій, имѣющихъ одинъ гербъ и не имѣющихъ между собою никакихъ родовыхъ отношеній. Это произошло отъ того, что знатные польскіе феодалы приписывали къ своему гербу, въ качествѣ домочадцевъ, людей, имъ служившихъ, и тѣмъ усиливали свою партію. Такую тактику вели польскіе паны съ особеннымъ успѣхомъ въ русско-литовскихъ областяхъ, гдѣ изъ подобныхъ огербованныхъ слугъ образовалась большая часть *нынѣшнихъ родовитыхъ шляхтичей*, гордящихся, на основаніи герба, своею мнимою древностью.

„Неприкосновенность власти и *права собственности* шляхты надъ имѣніями и *крестьянами* не должна быть ни отмѣняема, ни уменьшаема. Однакожъ, право жизни и смерти не можетъ *оставаться въ рукахъ помѣщика*, но крестьянинъ, совершившій уголовное преступленіе, долженъ быть отправленъ въ судъ городской или земскій". Не ясно ли, что помѣщичье право на жизнь крестьянъ существовало до 1768 года? Но мы имѣемъ документальныя доказательства, что ограниченіе этого права оставалось только въ буквѣ закона и на практикѣ не было исполняемо. Однимъ словомъ, нѣтъ такого насилія, такого средневѣковаго злодѣянія, котораго не совершала бы шляхта надъ простымъ народомъ, до конца XVIII вѣка, особенно въ русскихъ областяхъ, гдѣ прежніе служилые люди русско-литовскаго государства, ошляхтованные, олатиненные и ополяченные, неистовствовали надъ крестьянами со всею злостью отступничества, вплоть до раздѣловъ Польши. За доказательствами сказаннаго отсылаемъ сомнѣвающихся къ лучшимъ польскимъ историкамъ: Лелевелю, Маціовскому, Морачевскому, Шейнохѣ, и къ актамъ, изданнымъ кіевскою археографическою коммиссіей [1]).

Въ школѣ шляхетскаго самоуправія образовался характеръ шляхетской личности, принявшій въ себя всю порчу своевластной воли и все растлѣніе безправнаго существованія. Подчиняясь одной грубой силѣ, польскій шляхтичъ могъ быть только деспотомъ или рабомъ; развиваясь исключительно въ этомъ направленіи, онъ потерялъ всякое сознаніе права, всякое чувство гражданскаго долга, и потому самъ лишился способности пользоваться законной свободой. Nous serons serfs pour demeurer tyrans, этотъ стихъ, какъ девизъ, прилагается къ шляхетству.

Мы говоримъ, разумѣется, не о лицахъ, а о массѣ. Были и въ польскомъ шляхетствѣ блестящія исключенія изъ общей порчи: были добрые помѣщики, заботившіеся о благосостояніи своихъ крестьянъ, являлись правдолюбивые голоса и на шляхетскихъ сеймахъ, возникали и на шляхетской почвѣ такіе государственные люди, какъ литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, этотъ пророкъ-обличитель злодѣяній витебскаго епископа Іоасафата Кунцевича, котораго въ нынѣшнемъ году папа вздумалъ канонизировать. Есть и теперь люди польскаго происхожденія, которыхъ мы смѣло поставили бы въ примѣръ гражданскаго мужества, непоколебимой вѣрности присягѣ, глубокаго сознанія гражданскаго долга и для которыхъ мы желали бы рѣзкаго отмежеванія отъ остальной шляхетской среды; но частныя исключенія не измѣняютъ общаго правила. Шляхетская масса осталась и теперь тѣмъ

[1]) Прибавимъ еще: къ Трентовскому, Крашевскому, Ярошевичу, Нарбуту, актамъ, изданнымъ С.-П.-ской археографическою коммиссіею, актамъ городовъ Вильны Трокъ и проч., актамъ города Минска и проч. къ „Вѣстнику юго-западной Россіи" и многихъ другихъ.

же чѣмъ была во время покойной неурядицы, именовавшейся Рѣчью Посполитою, съ тою только разницей, что предки были доступны нѣкоторымъ доблестямъ, свойственнымъ полновластію, а нынѣшніе потомки остались при однихъ порочныхъ инстинктахъ утраченной власти. Мы не хотимъ входить въ разборъ частностей нынѣшняго шляхетскаго характера: о нихъ во-очію свидѣтельствуетъ живая дѣйствительность.

Чтобы исцѣлить шляхетскую язву, потребовался раздѣлъ Польши. Какъ же поступили мы у себя съ этимъ цѣлительнымъ средствомъ? Увы! мы только раздражили язву, давъ ей возможность не заживать, а на нашъ счетъ растравляться.

По возвращеніи отъ Польши нашихъ западныхъ областей, мудрая политика Екатерины не устояла долѣе ея жизни. Мѣсто политики національной заступила политика ложнаго великодушія, примирительной уступчивости польско-шляхетскимъ интересамъ, политика своенароднаго отреченія, признавшая господство на русской землѣ чужой вѣры, чужаго языка, чужихъ законовъ. Подъ владычествомъ слабаго польскаго государства, русская народность могла бороться и боролась съ шляхетскою идеей и воплощавшимъ ее полонизмомъ. Подъ властью русской государственной силы, русская народность лишилась возможности самозащищенія и должна была поникнуть передъ народностью шляхетской: ни русскій народъ, ни православное духовенство не смѣли уже возставать противъ давленія польско-шляхетской стихіи, господство которой, въ русскихъ западныхъ областяхъ, было формально признано русскимъ государствомъ и принято имъ подъ свою защиту. Послѣдствія извѣстны: все, что оставалось русскаго въ шляхетствѣ, все, что попадало въ эти области изъ русскихъ людей, подчинялось польско-шляхетскому давленію, ополячивалось и олатинивалось, потому что ополяченіе вело за собой олатиненіе и наоборотъ, такъ какъ латино-шляхетская интрига, успѣвъ усвоить своей церкви исключительно польскій характеръ, слила у насъ латинство и полонизмъ въ одно понятіе. Этого давленія не вынесли даже нѣмецкіе бароны, отошедшіе съ честью Курляндіи къ Витебской губерніи, которые, подобно другимъ, также обратились въ поляковъ и латинянъ. И ежели уцѣлѣло русское простонародье, оставшись вѣрнымъ своей народности и вѣрѣ, то благодаря только легкомысленному презрѣнію шляхты къ хлопамъ.

Такимъ образомъ, вопреки историческому приговору, осудившему, раздѣломъ Польши, шляхетскую идею съ ея институтомъ на упраздненіе, мы, своею политикою, продлили искуственно ея существованіе. Что мудренаго, что съ уцѣлѣвшимъ у насъ шляхетствомъ уцѣлѣли и его притязанія, надежды, стремленія, особенно послѣ того, какъ мы сами создали для нихъ центръ опоры въ возстановленномъ нами польскомъ государствѣ? Конечно приговоръ исторіи отъ того неизмѣнился; но сколько

золъ и бѣдствій мы навлекли этою политикой не только на себя, но и на самую шляхту!

Не будемъ уклоняться отъ осужденія самихъ себя: мы до того виновны въ совершенныхъ и въ совершаемыхъ нашею шляхтой преступленіяхъ, что адвокату, сколько нибудь знакомому съ исторіей Западнаго края Россіи, не трудно было бы передъ судомъ присяжныхъ обратить большую долю отвѣтственности за эти преступленія на насъ самихъ. Вотъ почему не въ преслѣдованіи отдѣльныхъ фактовъ состоитъ теперь наша задача, а въ системѣ общихъ мѣръ, направленныхъ къ упраздненію польско-шляхетской идеи, со всѣми ея проявленіями. Къ этой цѣли должна быть обращена теперь вся наша энергія, какъ правительственная, такъ и общественная. Въ основу нашей государственной политики и нашихъ государственныхъ отношеній должно лечь безусловное отрицаніе польской національности на русской землѣ и строгое требованіе отъ поляковъ, живущихъ на ней, безусловнаго признанія всѣхъ обязанностей, сопряженныхъ съ идеей русскаго отечества, съ долгомъ русскаго подданства и съ правами русскаго гражданства. На русской землѣ не можетъ быть Польши, слѣдовательно, не можетъ быть и поляковъ, въ качествѣ подданныхъ и гражданъ.

Только такимъ путемъ мы освободимъ себя отъ вопіющаго противорѣчія, какимъ является въ нашей жизни нынѣшняя польская шляхта, и дадимъ ей самой выходъ изъ существованія, исторически невозможнаго. Увѣрьте шляхту, что новыхъ ошибокъ съ нашей стороны не будетъ, что возврата прошедшаго не послѣдуетъ и, повѣрьте, нынѣшніе польскіе патріоты не оставятъ, какъ теперь, безъ признанія такой непреложной истины, какъ слѣдующая, недавно имъ высказанная нами: „что люди, живущіе на правахъ подданныхъ и гражданъ въ чужой странѣ, обязаны за такія права признавать эту страну своимъ отечествомъ и что затѣмъ всякая солидарность гражданская и политическая, съ другой страной, этнографически родственною этимъ людямъ, обязательно для нихъ прекращается актомъ подданства и гражданства“ [1]).

[1]) „Вѣстникъ Западной Россіи“. Апрѣль 1865 года.

Возможенъ ли миръ съ нами польской шляхты?

М. Юзефовича.

Польскій вопросъ вступаетъ у насъ въ новый періодъ, по нашему мнѣнію, самый для насъ опасный, въ періодъ примирительный. Поляки, побѣждаемые нами на поляхъ и въ лѣсахъ, всегда были у насъ непобѣдимы въ гостинныхъ и кабинетахъ, и потому, послѣ нынѣшняго пораженія, они снова берутся за оружіе, которое никогда имъ противъ насъ не измѣняло,—за оружіе притворства и лести, коварства и лицемѣрія. Въ нашихъ гостинныхъ снова уже слышатся сочувственные отзывы о полякахъ, а кое-гдѣ изъ кабинетовъ раздаются и формальные призывы къ примиренію съ ними. Въ Петербургѣ, какъ слышно, примирительная политика имѣетъ уже много защитниковъ. Тамошніе журналы берутъ шляхту подъ свое крыло и возстаютъ на русскихъ людей, отвергающихъ съ нею примиреніе! Однимъ словомъ, у насъ подготовляются всѣ элементы для новаго акта старой польско-русской трагикомедіи, гдѣ, по прежнему, намъ предоставляются пошлая роль въ началѣ и кровавая роль въ концѣ. Странное примиреніе.

Мы уже около вѣка всячески ублажаемъ поляковъ, стараясь склонить ихъ къ братскому союзу, и все безуспѣшно. Отчего? Оттого, что мы и до сихъ поръ еще не выяснили себѣ внутренняго смысла польскихъ къ намъ отношеній. Публика наша все еще думаетъ, что мы боремся съ вещественною силой, которая должна, наконецъ, сознать свое безсиліе и примириться съ нами, а того, что составляетъ душу нашей борьбы, мы не потрудились принять въ соображеніе, не потрудились размыслить, что съ нами ратуетъ не мечъ, а идея, и что съ

идеей не бываетъ примиренія: должно уступить ей или упразднить ее, и потому борьба съ идеей всегда ведется на жизнь и смерть.

Польская идея вся воплощается въ привиллегіяхъ шляхетскаго института, не признающаго внѣ себя никакой власти и никакого права. Польская шляхта не есть аристократія, не есть и демократія, а есть самодержавіе единицъ, отрицающихъ и власть государства, и права народа. Польскій шляхетскій институтъ есть общественность безъ исполнительной власти и безъ народа: это историческій монстръ, безпримѣрный въ исторіи человѣчества. Поэтому всѣ извѣстныя донынѣ общественныя системы равно не приложимы къ шляхетскому институту; всѣ учрежденія, ихъ выражающія, будь они англійскія, будь американскія, равно не могутъ удовлетворить его требованіямъ. Слѣдовательно, нѣтъ такихъ сдѣлокъ, которыя могли бы примирить его съ нами. Это доказываетъ и долгій нашъ историческій опытъ.

По возвращеніи отъ Польши древнихъ нашихъ областей, мы не коснулись въ нихъ до польской народности: мы отнеслись къ ней съ самою широкою уступчивостью. Въ самомъ началѣ, мы оставили полякамъ полную свободу вѣроисповѣданія, сохранили имъ церковныя имущества, отобранныя у нашей собственной церкви, предоставили имъ всѣ наши дворянскія привиллегіи и, ради этихъ привиллегій, утвердили за ними крѣпостное право надъ русскимъ народомъ! Потомъ, мы имъ возстановили законы, судоустройство, возвратили господство ихъ языку, границы ихъ областямъ, включивъ въ нихъ и самый Кіевъ; оживили новою жизнью ихъ университетъ и отдали въ ихъ руки все мѣстное народное образованіе.

Далѣе, мы, по ихъ же собственному сознанію, воскресили самую Польшу, надѣлили ее либеральными, самостоятельными учрежденіями и довели ея благосостояніе до замѣчательной степени развитія. Кажется, можно бы полякамъ помириться съ нами на этихъ основаніяхъ. Чѣмъ же они намъ заплатили? Враждою, ни на часъ не умолкавшею, политическими происками, тайными обществами и заговорами, ни на минуту не прекращавшимися, формальною измѣной въ 1812 году и кровавымъ возстаніемъ въ 1830, съ помощью превосходной арміи, нами же для нихъ созданной! Въ нынѣшнее царствованіе чего не готовъ былъ сдѣлать для блага Польши нашъ Государь и съ какимъ сочувствіемъ относилась къ ней вся Россія! Но шляхетскому духу истинный либерализмъ тяжелѣе самаго тяжкаго деспотизма, потому что истинная свобода убиваетъ привиллегію. Полное освобожденіе у насъ крестьянъ, какъ преддверіе этой свободы, навело ужасъ на шляхту, и она, предвидя то же самое для польскаго народа, рѣшилась на послѣднее средство спасенія и возстала на борьбу съ нами, отмѣченную всѣмъ неистовствомъ злобы, доведенной до отчаянія.

Библіотека Пражской Ист.-Филол. Русской Гимназіи

Таковъ шляхетскій патріотизмъ, въ которомъ наши гуманисты ищутъ оправданія полякамъ, не понимая, что этотъ патріотизмъ есть не что иное, какъ самый грубый, самый корыстный сословный эгоизмъ, относящійся къ землѣ и народу только въ смыслѣ шляхетскихъ интересовъ. Въ понятіи шляхты представленіе объ отечествѣ сосредоточивается въ ней одной и всѣ отечественные интересы суть исключительно ея собственные интересы и заключаются въ требованіяхъ ея деспотическихъ стремленій.

Шляхта не только не примирима, но и не можетъ примириться съ нами, потому что русская держава не можетъ предоставить ей самодержавнаго произвола, анархическаго самоуправленія, а ей нельзя отказаться отъ этихъ началъ, не измѣнивъ себѣ самой, не поразивъ себя смертельно.

Шляхта дошла теперь до вопроса: быть или не быть, и ей нуженъ съ нами не миръ, а перемиріе, чтобы снова убаюкать насъ, по прежнему усыпить и заложить новые подземные пути для своихъ происковъ. Есть признаки, есть данныя, которые даютъ уже намъ возможность заключать о самой программѣ этихъ происковъ. Послѣ прошлогодняго пораженія, польская шляхта, разумѣется, уже не помышляетъ о матеріальной съ нами борьбѣ; полная неудача со стороны народа и со стороны внѣшней помощи разрѣшила окончательно вопросъ о ея матеріальныхъ средствахъ. Слѣдовательно, она можетъ ожидать себѣ спасенія только отъ нашего собственнаго ослабленія, и потому вся ея программа разсчитана теперь на видахъ нашего внутренняго разложенія.

Пользуясь переходнымъ состояніемъ нашей жизни и естественными явленіями совершающагося въ ней преобразовательнаго процесса, измѣненіемъ всѣхъ почти прежнихъ отношеній, колебаніемъ неустановившихся еще отношеній новыхъ и возбужденнымъ броженіемъ умовъ, поляки имѣютъ въ виду затруднить правильный ходъ нашихъ преобразованій, внести разладъ въ наши новыя учрежденія, посѣять раздоръ между нашими общественными классами, поколебать прочность связей между правительствомъ и народомъ и, наконецъ, разорвать наше народное единство. Главными элементами для этой интриги должны служить: крестьянское дѣло, экономическія затрудненія дворянства, нашъ недозрѣлый либерализмъ, перезрѣлый гуманизмъ и племенное соперничество, называемое сумасбродными стремленіямм украинофильства. Скажемъ, не обинуясь: ловкая и искусная пропаганда въ правѣ разсчитывать у насъ на всѣ эти элементы.

Кому извѣстно, какъ недоступно нашимъ бѣднымъ неграмотнымъ крестьянамъ отчетливое пониманіе писанныхъ уставовъ, тотъ знаетъ, какъ легко, самыми неуловимыми средствами, сбивать ихъ съ толку и, извращая ихъ понятія о дарованныхъ имъ льготахъ и правахъ, отклонять ихъ отъ исполненія обязанностей, ссорить ихъ съ администра-

ціей, доводить послѣднюю до строгихъ мѣръ и разрушать, такимъ образомъ, добрыя отношенія между народомъ и законною властью. Для сельской пропаганды у поляковъ готовы отличные миссіонеры въ ихъ домашней челяди, воспитанной въ польскомъ духѣ и поселяемой ими теперь въ сельскихъ обществахъ, въ ближайшемъ соприкосновеніи съ народомъ.

Экономическія затрудненія здѣшняго русскаго дворянства не измѣняютъ, конечно, ни патріотизма его чувствъ, ни чистоты его стремленій. Но русская натура любитъ ворчать и русскіе люди не хотятъ понять, что въ обстоятельствахъ, подобныхъ здѣшнимъ, ихъ ворчанье за свои частные интересы равносильно противодѣйствію нашимъ общимъ интересамъ и что оно служитъ пропагандѣ нашихъ враговъ самою дѣйствительною опорой и положительнымъ содѣйствіемъ ихъ видамъ.

Нашъ юный либерализмъ дѣлилъ уже и прежде съ поляками русскую землю. Онъ былъ и во время нынѣшняго мятежа за одно съ ними; что мудренаго, что онъ и теперь не отказался отъ сердечнаго съ ними союза? По крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ признакамъ, польская интрига продолжаетъ разсчитывать на его помощь.

Что касается до нашего историческаго, перезрѣлаго гуманизма, разглагольствующаго въ гостинныхъ, доктринерствующаго въ кабинетахъ и торгующаго въ журнальныхъ конторахъ, то умилить однихъ, провести другихъ и купить третьихъ у насъ легче чѣмъ гдѣ-нибудь, особенно такимъ сихъ дѣлъ мастерамъ, какъ поляки.

Украинофильство представляетъ у насъ странное явленіе: украинофилы ненавидятъ поляковъ и служатъ лучшими орудіями для ихъ цѣлей; поляки ненавидятъ украинофиловъ и дорожатъ у насъ болѣе всего ихъ направленіемъ. Это кажущееся противорѣчіе объясняется, однакожъ, очень просто. Украинофильская идея произошла на свѣтъ въ 40-хъ годахъ, на нашихъ глазахъ здѣсь въ Кіевѣ, отъ брака польской интриги съ казацкимъ патріотизмомъ: первая обольстила послѣдній представленіемъ ему, въ самыхъ поэтическихъ размѣрахъ, величія, силы и самобытнаго значенія малорусскаго племени, поглащаемаго будто бы великорусскимъ и долженствующаго въ немъ исчезнуть. Даровитые, но не хитрые молодые люди ухватились за это открытіе, какъ говорится, обѣими руками и, по польскимъ же внушеніямъ и объясненіямъ, выработали цѣлую украинофильскую доктрину, изъ которой вышли: сперва язычное обособленіе, потомъ русскій федерализмъ и наконецъ украинскій сепаратизмъ. Искренно привязавшись къ народной идеѣ, они стали изучать мѣстную исторію, собирать лѣтописи, письменные памятники, устныя преданія, повѣрять и изслѣдовать прошедшее, и, по мѣрѣ изученія, разоблачали раны, нанесенныя южно-русскому народу польскимъ владычествомъ; но, въ то же время, эти простодушные народолюбцы

не замѣчали, что они ходятъ на помочахъ польскихъ нянекъ и что ихъ ведутъ, шагъ за шагомъ, къ самымъ вожделѣннымъ цѣлямъ польскаго іезуитизма: къ народному нашему раздвоенію, къ племенному антагонизму и къ формальному расторженію русскаго единства. Отсюда, съ одной стороны, ненависть украинофиловъ къ полякамъ, стремленіе какъ можно болѣе вредить имъ у народа и вмѣстѣ съ тѣмъ самая полезная служба ихъ дѣлу; а, съ другой стороны, ненависть поляковъ къ личности украинофиловъ, стараніе вредить имъ всѣми средствами предъ правительствомъ и самая усердная забота о поддержаніи ихъ разлагающаго направленія.

Чтобы примирить свои противоположные интересы, польская тактика перенесла центръ украинофильства въ Галицію, гдѣ не только надѣется охранить его отъ стѣснительныхъ вліяній, но гдѣ успѣла уже сблизиться съ его представителями. Оттуда она намѣрена дурачить нашихъ народолюбцевъ такою южно-русскою литературой, какою польское перо снабжало уже галицкую „Мету“, даже изъ Кіева, разсчитывая, рано или поздно, привлечь ихъ на свою сторону, по примѣру галицкихъ. По всему вышеизложенному, разсчетъ этотъ не имѣетъ ничего невѣроятнаго: стоитъ только распалить нашъ украинофильскій задоръ до перевѣса ненависти къ Москвѣ надъ ненавистью къ Польшѣ, и наши украинофилы, хотя и незаконнорожденныя дѣти польской матери, признаютъ, пожалуй, кровныя права ея надъ собою и обратятся изъ безсознательныхъ въ сознательныхъ ея хлоповъ. Впрочемъ, это единственная роль, какую могли бы сыграть у насъ Запорожцы нашего времени.

Главнымъ операціоннымъ базисомъ своей дѣятельности поляки назначаютъ у насъ Одессу, эту международную станцію, какъ называетъ ее „Одесскій Вѣстникъ“, съ ея широкимъ морскимъ путемъ для сообщенія со всѣми революціонными центрами Европы и, притомъ, сопредѣльную здѣшнему краю. По крайней мѣрѣ вотъ свѣдѣнія, нами здѣсь полученныя *изъ первыхъ рукъ*: въ Одессѣ и, смотря по обстоятельствамъ, вообще въ Новороссійскомъ краѣ они замышляютъ замѣнить народныя православныя школы извѣстными Фребелевскими Kinder-Garten'ами, какъ разсадниками раціонализма и самыми удобными проводниками нравственнаго растлѣнія нашего народа. Они поторопились даже изготовить списокъ кандидатовъ [1]), которыми желали бы замѣстить каѳедры будущаго Одесскаго университета! Православныхъ славянъ, сербовъ и болгаръ разсчитываютъ они навсегда изгнать изъ Одесскаго учебнаго округа, какъ *мерзавцевъ и негодяевъ*, по польскому взгляду портящихъ

[1]) Списокъ этотъ былъ неосторожно предъявленъ въ Кіевѣ. Во главѣ его стоялъ здѣшній полякъ Ельскій, бѣжавшій въ банды и потомъ безъ вѣсти пропавшій. Прочіе кандидаты состояли изъ болѣе или менѣе достойныхъ Ельскаго соплеменниковъ.

учебныя заведенія, а по нашему взгляду, какъ людей, которые, получивъ у насъ образованіе, могутъ мѣшать дѣлу латинской пропаганды на славянскомъ югѣ и поддерживать тамъ сочувствіе къ Россіи.

Отклонить вовсе или хоть замедлить Кіевско-Московскую желѣзную дорогу и скорѣе осуществить постройку Кіевско-Одесской входитъ также въ планы польской программы.

Вотъ куда метитъ польское съ нами примиреніе! Если мы не правы, пусть поляки протестуютъ противъ насъ: мы отнесемся съ полнымъ вниманіемъ къ ихъ протестамъ, но только къ ихъ однимъ.

Еслибъ Одесса по этому проекту могла сдѣлаться польскимъ операціоннымъ базисомъ, то она, конечно, имѣла бы большое вліяніе на Юго-Западный край и отъ него преимущественно была бы вспомоществуема. Поэтому здѣсь кстати указать на очень важное заблужденіе, съ какимъ у насъ смотрятъ на этотъ край.

У насъ вообще думаютъ, что въ Юго-Западномъ краѣ полонизмъ слабѣе, чѣмъ въ Сѣверо-Западномъ, и потому не признаютъ здѣсь необходимости тѣхъ энергическихъ мѣръ, какія принимаются противъ полонизма въ Литвѣ.

Это мнѣніе находится въ совершенно обратномъ отношеніи къ дѣйствительности, вслѣдствіе поверхностнаго взгляда на предметъ и невѣрнаго пониманія истинныхъ отношеній Юго-Западнаго и Сѣверо-Западнаго края къ Польшѣ.

У литовско-бѣлорусскихъ поляковъ есть своя исторія, есть преданіе о самобытномъ государствѣ, есть, слѣдовательно, свои собственныя влеченія, свои особые интересы и стремленія, которыя не допускаютъ ихъ до полной солидарности съ интересами и стремленіями Польши: отечество у нихъ не Польша, а Литва. Въ Юго-Западномъ краѣ, напротивъ, у поляковъ нѣтъ собственной почвы: всѣ ихъ преданія суть чисто-польскія, всѣ представленія объ отечествѣ, о государствѣ, о политической самобытности связаны у нихъ неразрывно съ Польшей; поэтому всѣ ихъ интересы и стремленія находятся въ полнѣйшей солидарности съ нею и они относятся къ ней, какъ часть къ своему цѣлому. Такъ понимаютъ эти отношенія сами поляки, такъ не разъ высказывались они намъ лично и въ такомъ именно смыслѣ выразились теперь ихъ дѣйствія: въ Литвѣ и Бѣлоруссіи они не задумались, по своимъ мѣстнымъ разсчетамъ, представить акты покорности, не спрашиваясь у Варшавы; здѣсь же они молчали, пока не былъ поданъ сигналъ изъ главнаго центра, которому они считаютъ себя безусловно подлежащими, и тогда они подали адресы, гдѣ нѣтъ и помину о Россіи, т.-е. какъ отъ чисто-польской страны [1]).

[1]) Мы исключаемъ адресъ, поданный отъ Кіевскаго уѣзда и подписанный немногими лицами, именующими въ немъ себя не поляками, а дворянами римско-католическаго исповѣданія, какъ и быть должно на Русской землѣ.

Конечно, русская народная стихія крѣпче въ Юго-Западномъ краѣ, чѣмъ въ Сѣверо-Западномъ: она разселена болѣе крупными группами, ранѣе чѣмъ тамъ была поставлена въ лучшія гражданскія отношенія и не забыла еще геройской борьбы своихъ предковъ съ Польшей; но полонизмъ не есть сила вещественная; а народъ, въ своей неразвитости, представляетъ все-таки одну силу матеріальную, ту силу, въ которой не можетъ быть у насъ нигдѣ недостатка, но которой недостаточно для рѣшенія нашей распри съ поляками, потому что, какъ мы уже сказали, противъ насъ ратуетъ не мечъ, а идея. Идея же эта крѣпче гнѣздится въ Юго-Западномъ краѣ, чѣмъ въ Сѣверо-Западномъ.

Борьба съ идеей есть дѣло общества. Внѣшней силѣ правительства подчиняются лишь ея проявленія; упразднить же ее можетъ одна сила общественная. Поэтому само русское общество должно обуздать польскую идею и довести ее до изнеможенія. Всякая выходка польскихъ у насъ притязаній, всякое ей послабленіе должны встрѣчаться протестомъ со стороны общества и предаваться гласно суду общественнаго мнѣнія. Держать поляковъ въ почтительномъ отъ насъ отдаленіи не то, что институтская ссора кофейныхъ съ зелеными, какъ утверждаетъ голосъ петербургскихъ гуманистовъ. Общественное изолированіе у насъ польской стихіи внесетъ въ нее застой и разложеніе. Общественнымъ изолированіемъ русской народности поляки всего болѣе содѣйствовали ополяченію здѣшняго русскаго дворянства.

Мы не хотимъ внѣшняго примиренія съ поляками, потому что не хотимъ крови въ будущемъ. Мы желаемъ отъ нашей политики не преслѣдованія фактовъ, а мѣръ, которыя сдѣлали бы ихъ навсегда невозможными. Отъ русскаго же общества мы требуемъ, чтобъ оно поставило свою здѣсь народность на такую высоту, которая была бы недосягаема для польскихъ посягательствъ и у подножія которой эти посягательства упразднились бы сами собою, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, окончила бы свое существованіе и самая польская идея.

Что такое полонизмъ? [1]).

Ив. Аксакова.

Полонизмъ! говорили мы въ 12 № (23 марта). Полонизмъ, тевтонизмъ!... Какая сила въ этихъ измахъ? Что это— армія, что-ли? Нѣтъ, не армія, да у насъ есть и свои арміи, получше нѣмецкихъ и польскихъ... Ужъ не новое ли нашествіе получищъ?... Нисколько, да и по общему отзыву, полонизмъ для Западно-Русскаго края всего опаснѣе во времена мира: вся сила этой враждебной силы именно въ мирѣ. Что-жъ это? Государство ли, стремящееся поработить чужую народность? Но Польское государство уже лѣтъ семьдесятъ, какъ не существуетъ. Что-жъ это наконецъ? учрежденіе ли, крѣпкая ли организація какого нибудь института, стройная ли система, всѣми принятая, всѣми послушно приводимая въ исполненіе, тайное ли общество, заговоръ, въ которомъ участвующіе дружно повинуются условленному плану дѣйствія?..

„Эти измы“, говорится далѣе въ статьѣ, „чисто нравственная сила, которою никто не управляетъ и не распоряжается; это не государство и не учрежденіе,—она, эта сила, какъ тонкій воздухъ, проникающій въ самые сокровенные волосные сосуды человѣческаго тѣла, обхватываетъ собою цѣлыя страны, проникая въ умъ, душу и сердце человѣка, окрашивая своимъ, почти неуловимымъ для опредѣленія, колоритомъ

1) Изъ передовой статьи газеты „День“ 1863 г., № 38.

всѣ его представленія, видоизмѣняя по своему его убѣжденія, вторгаясь въ самую рѣчь, въ самый бытъ народный... Конечно, русскій простой народъ несомнѣнно и неколебимо русскій, но, какъ мы уже не разъ говорили, одна непосредственная бытовая сила народности, безъ народнаго самосознанія, безъ дѣятельности народнаго духа въ высшей области мысли и знанія, есть нерѣдко сила пассивная, не только неспособная подчинять себѣ чужія сколько-нибудь развитыя народности, но сама легко, незамѣтно имъ подчиняющаяся!.. Необходима высшая сознательная дѣятельность народнаго духа. Область же этой дѣятельности есть именно то, что называется обществомъ, т. е. среда, гдѣ личное просвѣщеніе народныхъ единицъ, переставшихъ быть однородною массою, образуетъ новое сознательное единство, новую силу общественности. А есть ли у насъ эта сила, есть ли у насъ это русское общество“?..

Теперь, по усмиреніи мятежа въ Западномъ и Юго-Западномъ краѣ, болѣе чѣмъ когда либо необходимо напряженіе нашей общественной силы для борьбы съ полонизмомъ. Страшно подумать, что, съ принесеніемъ повинной русскому правительству польскимъ населеніемъ края, намъ грозитъ возвращеніе къ старому порядку, что мы сами поспѣшимъ изгладить слѣды мятежа, замазать щели и трещины, сами постараемся привести положеніе дѣлъ, по возможности, въ прежній видъ, какъ будто никакого мятежа и не бывало!! Время уже приступать къ реформамъ радикальнымъ, къ совершенной реорганизаціи края, и если мы не воспользуемся тѣмъ урокомъ, который намъ задалъ польскій мятежъ, если онъ насъ еще не надоумилъ, то послѣдствія будутъ самыя бѣдственныя. Поляки дѣйствительно, какъ угрожалъ намъ авторъ письма, приведеннаго нами въ послѣднемъ 37 №, прибѣгнутъ къ другому способу осуществленія своихъ замысловъ: они пойдутъ къ цѣли путями менѣе опасными, не столь видными и компрометирующими, „безъ подпольныхъ угрозъ“, безъ убійствъ изъ-за угла, безъ кинжаловъ и орсиніевскихъ бомбъ. Сохраняя свое господствующее положеніе въ краѣ, какъ класса владѣющаго огромною поземельною собственностью, богатаго и образованнаго, они удесятерятъ свою нравственную дѣятельность и постараются добиться миромъ того, чего не добились войною. Они напрягутъ всѣ усилія къ тому, чтобы отравить и деморализировать тамошнее русское общество или молодое его поколѣніе, нарядивъ свое исключительно-національное, весьма опредѣленное и узкое, шляхетное стремленіе въ характеръ соціально-космополитическій! Они придадутъ силу, плотность, такъ сказать реальность всѣмъ элементамъ безпорядка, всѣмъ элементамъ революціоннымъ, не имѣющимъ корней въ русской почвѣ. Если о Царствѣ Польскомъ признается неблаговременнымъ разсуждать теперь иначе, какъ въ смыслѣ усмире-

нія мятежа, на основаніи правила, что „довлѣетъ дневи злоба его“, то для Западнаго края этой неблаговременности уже не существуетъ. Мы не можемъ безъ сильной тревоги думать о томъ, что обстоятельства, такъ оживившія и ободрившія Бѣлоруссію, пріурочены, такъ сказать, къ лицу одного человѣка, котораго болѣзнь или другія причины могутъ заставить покинуть занимаемое имъ мѣсто. Что же будетъ тогда? Гдѣ эти мѣры прочныя, открывающія путь лучшему будущему и дѣлающія невозможнымъ не то что повтореніе мятежа, а повтореніе прежнихъ системъ управленія и возвращеніе стараго порядка, столь благопріятнаго полонизму?! А въ Юго-Западномъ краѣ мы уже и теперь, благодаря той администраціи, которой защитники такъ сходятся съ поляками въ оцѣнкѣ народнаго движенія, очистившаго Украйну отъ польскихъ шаекъ, и клеймятъ его названіемъ соціальнаго, направленнаго противъ пановъ вообще, а не противъ чуждой народности (!), въ Юго-Западномъ краѣ мы уже и теперь видимъ смѣло поднявшуюся голову полонизма, шипящаго злобой! Подсмѣиваясь надъ усиліями русской журналистики и вообще московскихъ защитниковъ русской народности, онъ возлагаетъ свою великую надежду на тотъ умственный сумбуръ, который царствуетъ въ значительной части русской образованной молодежи того края и въ той, которая пишетъ статьи въ защиту кіевской администраціи, и въ той, которая пишетъ статьи противъ московщины въ львовскомъ „Словѣ“, и въ „хлопоманахъ“, и въ „федералистахъ“, и въ мнимыхъ „народолюбцахъ“, не понимающихъ въ своей ограниченности, что стоять горячо за украинскую народность и въ тоже время ненавидѣть Москву значитъ очищать поле для побѣдъ полонизма... Не хороши тѣ извѣстія о Юго-Западномъ краѣ, которыя доходятъ до насъ, не смотря на доказательства, представленныя адвокатами кіевской администраціи, что не всѣ мѣста административной службы сплошь заняты чиновниками-поляками!..

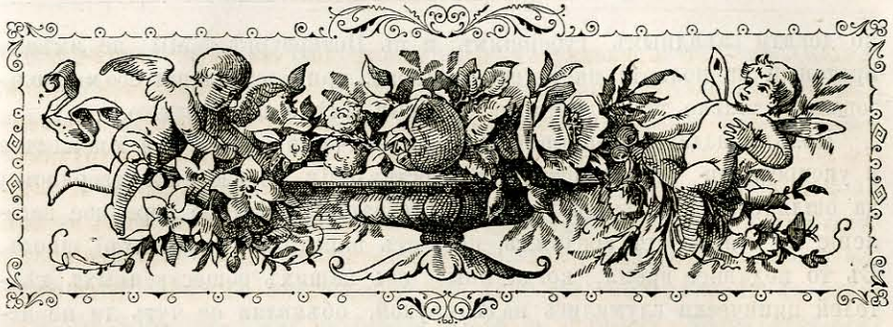
И такъ, оглянемся: въ какомъ же положеніи дѣло, какой же выводъ изъ всѣхъ нашихъ словъ?

Во-первыхъ, обществу нечего себя обманывать на счетъ ничтожнаго будто бы значенія польскаго мятежа. Это самообольщеніе очень вредно, способно ослабить его дѣятельность и заставить его подумать, что дѣло можетъ обойтись помощью одной внѣшней правительственной энергіи, а отъ самаго общества, послѣ экспозиціи его патріотизма нынѣшнимъ лѣтомъ, ничего уже болѣе и не требуется. Напротивъ. Если польскій вопросъ, какъ мы сказали, продолжаетъ быть по неволѣ „властителемъ нашихъ душъ“, возбуждая въ насъ патріотическое негодованіе къ полякамъ и патріотическое участіе къ нашимъ войскамъ, то этого еще мало. Слѣдуетъ додумываться до конца и явить неусыпную бдительность общественнаго духа и дѣятельность общественной мысли.

Во-вторыхъ, что касается Царства Польскаго, тамъ дѣйствительно вся „злоба довлѣющая дневи“ заключается въ „усмиреніи мятежа“. Мы это охотно признаемъ, оставаясь вѣрными своему личному взгляду на положеніе Царства. Но это усмиреніе зависитъ не отъ однѣхъ военныхъ энергическихъ, но и отъ умныхъ административныхъ мѣръ. Всего же нужнѣе введеніе той общественной реформы, о которой мы уже говорили и отъ которой можно ожидать самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій для самой Польши. Эта реформа—надѣленіе польскихъ крестьянъ землею въ собственность и замѣна дѣйствія вотчиннаго права или патримоньяльной юрисдикціи крестьянскимъ самоуправленіемъ. Такая реформа должна, кажется, возбудить въ сильной степени участіе русскаго общества и вызвать разработку вопроса о польскомъ крестьянствѣ въ самой литературѣ.

Затѣмъ, въ-третьихъ, положеніе Западнаго и Юго-Западнаго края Россіи требуетъ, настоятельно требуетъ полнѣйшаго напряженія нашихъ общественныхъ силъ для борьбы съ полонизмомъ. Необходимо изученіе, изслѣдованіе, знакомство, сближеніе съ краемъ; необходима постоянная братская проповѣдь, внушенія, совѣты, содѣйствіе русскимъ школамъ, учрежденіе братствъ, наконецъ, дружное, совмѣстное распутываніе той умственной и нравственной путаницы, которая замѣчается, какъ мы сказали, въ значительной части русскаго образованнаго общества того края. Нужно ли повторять, что современныя модныя направленія нашей молодежи, прозванныя нигилизмомъ, федерализмомъ и проч., не въ силахъ бороться съ полонизмомъ, а представляютъ для него, сами того не зная, самую выгодную почву, и что любовь, законная, понятная любовь украинцевъ къ прекрасной своей Украйнѣ, выродившись въ „украинофильство“, нерѣдко уклоняется въ сторону, совершенно противоположную отъ требованій украинской народности! Но независимо отъ всей этой дѣятельности, которая требуетъ простора литературнаго слова, необходимо также содѣйствіе разумнымъ административнымъ мѣрамъ правительства. Мы негодуемъ, что поляки наполняютъ тамъ весь составъ управленія и что участь русскаго народа въ рукахъ поляковъ-чиновниковъ. За чѣмъ же дѣло стало? Въ газетахъ безпрестанно печатается приглашеніе отъ правительства русскимъ изъ Великорусскихъ губерній занять мѣста мировыхъ посредниковъ и нѣкоторыя другія въ нашихъ западныхъ областяхъ. Пусть же честные образованные молодые русскіе люди, кончивъ курсъ въ университетѣ, направятся въ Западный край съ своими свѣжими, бодрыми силами и явятся туда миссіонерами русской народности! Какъ много тамъ дѣла! какое широкое поприще для дѣятельности самой благой, сколько добра и пользы можно тамъ принесть бѣдному, загнанному русскому простонародью! Есть надъ чѣмъ потрудиться, съ чѣмъ бо-

роться, къ чему приложить силы. А есть ли что желательнѣе и отраднѣе для благороднаго молодаго сердца, какъ перспектива такой пользы и такой дѣятельности? Но этого ли именно желаетъ современное молодое поколѣніе? Способно ли, охоче ли оно къ подобнымъ трудамъ? Да и гдѣ она, наша молодежь? Ея не слышно и не видно..... А безъ нея, безъ этой фаланги будущихъ борцовъ намъ на смѣну, чѣмъ и кѣмъ будетъ производиться борьба съ нравственною силою „полонизма“?..... Вотъ съ чѣмъ связывается польскій вопросъ для Россіи, вотъ надъ чѣмъ слѣдуетъ задуматься обществу!.....



Правительственныя уступки полонизму въ учебныхъ заведеніяхъ Сѣверо-Западнаго края [1]).

Райковскаго.

Во время безпорядковъ и мятежа, потрясавшихъ западныя губерніи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній играли въ политической агитаціи роль настолько замѣтную, что вынудили администрацію обратить серьезное вниманіе на политическія демонстраціи шестнадцатилѣтнихъ школьниковъ и даже сознаться, что дѣятельное участіе ихъ въ безпорядкахъ, при разгарѣ революціонныхъ страстей, проходило для края не безслѣдно. Учебныя заведенія этихъ губерній издавна имѣли значеніе не только воспитательное, но и политическое, какъ учрежденія, могущественно содѣйствовавшія, при пособіи польскаго костела, созданію и развитію въ Западномъ краѣ польщизны; они служили кадромъ, чрезъ который прошла вся масса польскаго дворянства; въ нихъ польщизна, на казенныя деньги, получила и первоначальное образованіе, и прочныя основы тѣхъ враждебныхъ чувствъ къ русскому народу и Русскому государству, за которыя мы до сихъ поръ платимся. Въ настоящемъ очеркѣ мы предполагаемъ коснуться лишь чисто политической стороны этихъ училищъ, насколько она извѣстна намъ по личному наблюденію и по матеріаламъ, которые мы тщательно старались собирать во время трехлѣтнихъ объѣздовъ нашихъ

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ 1869 г. Январь, стр. 113—137 изъ статьи: „Польская молодежь въ учеб. зав. С.-З. Края“.

по девяти западнымъ губерніямъ и въ Петербургѣ. Мы не имѣемъ претензіи на полноту настоящаго очерка: при составленіи его мы пользовались только тѣми данными, которыя имѣли подъ рукою.

Поляки издавна понимали великое значеніе школы для юношества и употребляли всѣ средства для доставленія образованія дворянству да ошляхеченной челяди, ревниво отстраняя мѣстное коренное населеніе не только отъ среднихъ, но и отъ народныхъ (русскихъ) школъ. Въ то недавнее время, когда иные изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей цинически глумились надъ наукой, объявляя ее чуть ли не источникомъ всѣхъ золъ, и искренно вѣрили въ возможность выработки даже государственныхъ дѣятелей посредствомъ строевой и канцелярской практики, поляки полагали всѣ усилія на развитіе школъ, понимая, что политическій смыслъ можетъ созрѣть только на почвѣ, обработанной заботливо и съ знаніемъ дѣла. И обстоятельства болѣе благопріятствовали полякамъ въ дѣлѣ научнаго образованія, чѣмъ намъ. Поляки имѣли гораздо больше воспитательныхъ средствъ, чѣмъ мы (средства эти черпались изъ русской казны); кромѣ того, въ Западномъ краѣ политическая жизнь, развитая, вслѣдствіе историческихъ и этнографическихъ условій, гораздо болѣе, чѣмъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, оживляла развитіе научное; наконецъ, польское духовенство со времени присоединенія къ намъ западныхъ губерній, изъ разсчета поддержать посредствомъ костела польскую народность, стало употреблять все свое вліяніе на возвышеніе тамъ уровня образованія.

Въ первые годы текущаго столѣтія Западный край былъ еще русскимъ; русскій языкъ былъ тамъ господствующимъ не только въ средѣ кореннаго населенія, но и въ средѣ большинства мелкой шляхты; польская рѣчь была исключительнымъ достояніемъ магнатовъ; по убѣжденію, господствовавшему въ населеніи, Польша послѣ разгрома 1794 года погибла безвозвратно. Съ учрежденіемъ 20-го января 1803 года, подъ кураторствомъ князя Адама Чарторыйскаго, такъ называемаго „округа Виленскаго университета“, который вмѣщалъ въ себѣ весь нынѣшній Западный край, за исключеніемъ принадлежавшей Пруссіи Бѣлостокской области, [1]) физіономія края начинаетъ быстро измѣняться: школа и польскій костелъ, обдуманно организованные, создаютъ и систематически развиваютъ польскую народность въ ущербъ народности русской, такъ что чрезъ нѣсколько лѣтъ западныя губерніи въ интеллигентныхъ слояхъ тамошняго общества становятся гораздо болѣе польскими, чѣмъ были во времена господства Рѣчи Посполитой. Польская рѣчь дѣлается родною не только мелкой шляхтѣ, но даже городскимъ сословіямъ; надежда на возстановленіе могущественной Польши, въ предѣлахъ 1772 года, воскресаетъ и возбуждаетъ въ упавшемъ было духомъ дворянствѣ

[1]) Которая присоединена была къ округу 10-го ноября 1810 года.

непріязненныя чувства къ Россіи. Виленскій университетъ, устроенный на европейскую ногу, становится учебнымъ и политическимъ центромъ, который ведетъ Западный край къ объединенію въ духѣ польской народности.

Съ учрежденіемъ округа, въ западныхъ губерніяхъ (кромѣ Витебской и Могилевской) считалось, кромѣ университета, пять гимназій и тридцать уѣздныхъ училищъ. Эти послѣднія училища были почти на степени гимназій: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было по пяти, въ другихъ по шести классовъ. Они устроены были по большей части духовенствомъ и содержались или на его счетъ, или на счетъ эдукаціоннаго фундуша. Съ уступкой намъ Бѣлостокской области, къ намъ присоединена была учрежденная прусскимъ правительствомъ гимназія и упразднены существовавшіе тамъ Дрогичинскій лицей и военно-народныя училища.

До 1830 года число среднихъ учебныхъ заведеній продолжало возрастать; предъ мятежемъ 1831 года въ четырехъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края было 13 гимназій и 33 уѣздныя училища, въ которыхъ числилось 7175 учениковъ, не считая въ томъ числѣ воспитанниковъ университета и приходскихъ школъ.

При этихъ широкихъ воспитательныхъ средствахъ, относительно болѣе чѣмъ вдвое превышавшихъ тогдашнія средства въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, полонизація края посредствомъ школы подвигалась съ быстротою поразительною, въ особенности отъ того, что преподаваніе производилось на польскомъ языкѣ и что Виленскій университетъ служилъ богатымъ разсадникомъ педагоговъ по всѣмъ отраслямъ науки. Русскій языкъ былъ въ учебномъ вѣдомствѣ въ такомъ загонѣ, что, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы, многіе воспитанники считали дѣломъ патріотизма доказывать незнаніе своего государственнаго языка, который въ училищахъ преподавался наравнѣ съ языками иностранными. Искусно организованная Чарторыйскимъ система полонизаціи края коснулась не однихъ католиковъ: мѣстное населеніе, признававшее унію, полонизовалось посредствомъ монаховъ Базиліанскаго ордена, которые, по мысли Чарторыйскаго, пріобрѣли преимущество предъ монахами прочихъ орденовъ въ дѣлѣ образованія юношества. Такое предпочтеніе базиліанамъ оказывалось, конечно, не безъ задней мысли. Монахи этого ордена, по внѣшности, походили на наше монашество, также придерживающееся устава Василія Великаго, и потому пользовались въ глазахъ мѣстнаго русскаго простонародья бо̀льшимъ довѣріемъ, чѣмъ бритые и гладко подстриженные ксендзы другихъ католическихъ орденовъ. Но въ этой почвѣ польская окраска не принялась, а съ возсоединеніемъ уніатовъ разомъ изчезли даже слѣды ея.

Мятежъ 1831 года вызвалъ рядъ правительственныхъ мѣръ, которыя имѣли въ виду парализовать польскую пропаганду. Но не имѣя

въ то время въ рукахъ такихъ образовательныхъ средствъ, какими владѣла, напримѣръ, Пруссія, мы вынуждены были одни изъ созданныхъ Чарторыйскимъ и Чацкимъ училищъ просто упразднить, другія постепенно преобразовывать. Закрытіе Виленскаго университета было для насъ, безспорно, дѣломъ политической необходимости; пересоздать его въ университетъ вполнѣ русскій и сдѣлать его въ краѣ такимъ же русскимъ центромъ, какимъ онъ былъ въ теченіе тридцати лѣтъ для польщизны, было бы намъ не легко даже и въ настоящее время, въ тридцатыхъ же годахъ это было намъ совсѣмъ не по силамъ: при учрежденіи университета св. Владиміра мы вынуждены были перевести въ него почти цѣликомъ педагогическій персоналъ упраздненнаго, за политическіе безпорядки, Кременецкаго лицея, не смотря на то, что въ средѣ этого персонала большинство было компрометтировано въ мятежѣ. Упраздненіе значительнаго числа католическихъ монастырей логически вело къ упраздненію и находившихся при нихъ школъ. По усмиреніи мятежа сначала предположено было закрыть всѣ монастырскія школы, но не далѣе какъ въ слѣдующемъ году послѣдовало Высочайшее соизволеніе, чтобъ упразднять ихъ постепенно, по мѣрѣ минованія въ нихъ надобности и съ учрежденіемъ взамѣнъ ихъ свѣтскихъ училищъ.

Въ 1834 году изданы были для учебныхъ заведеній Сѣверо-Западнаго края новые штаты, по которымъ число казенныхъ училищъ уменьшено было почти на половину (двадцать пять вмѣсто сорока девяти), съ присвоеніемъ имъ новаго характера. Сверхъ прежде существовавшихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, учреждена была гимназія въ Гроднѣ; кромѣ того, двѣ піарскія школы въ Вилькомірѣ и Поневѣжѣ преобразованы были въ уѣздныя училища и основано такое же училище въ Свенцянахъ; три послѣднія учебныя заведенія предназначались исключительно для воспитанія мѣстнаго дворянства. Но такъ какъ правительство признавало необходимымъ доставить мѣстному русскому населенію бо̀льшія средства къ умственному развитію, чѣмъ польскому дворянству, то съ этою цѣлью устроено было восемь уѣздныхъ училищъ исключительно для дѣтей мѣстнаго населенія, училищъ мѣщанскихъ: въ Вильнѣ, Гроднѣ, Новогрудкѣ, Лидѣ, Слонимѣ, Пружанахъ, Дрогичинѣ и Кейданахъ.

Распоряженіе это, открывавшее мѣстному русскому населенію широкій путь къ солидному образованію, встрѣчено было панами съ ужасомъ: они видѣли въ немъ дѣйствительную опасность для господства польщизны въ краѣ и употребили всѣ средства, чтобы затормозить дѣло. Интрига поведена была такъ успѣшно, что уѣздныя училища, назначавшіяся для народа, черезъ пять лѣтъ обращены были въ дворянскія, а черезъ шестнадцать лѣтъ для мѣстнаго русскаго населенія даже закрытъ былъ для нихъ доступъ.

Прослѣдимъ вкратцѣ за ходомъ работъ, предпринятыхъ для незамѣтнаго упраздненія тѣхъ выгодныхъ для русскаго дѣла началъ, которыя были, по Монаршему предначертанію, положены въ основу организаціи учебной части въ западныхъ губерніяхъ. Работа эта началась съ хлопотъ объ увеличеніи числа учебныхъ заведеній, сокращеннаго Высочайшимъ повелѣніемъ 1834 года. Предлогомъ къ такимъ хлопотамъ служилъ доводъ, что число учащихся замѣтно увеличивалось; на этомъ основаніи въ слѣдующемъ же году при минской гимназіи учреждены были параллельные классы, а въ 1836 г. такіе же классы при двухъ другихъ гимназіяхъ (Крожской и Бѣлостокской); сверхъ того, при губернскихъ гимназіяхъ образованы были особыя четырехклассныя отдѣленія. Черезъ три года послѣ этого, опять во вниманіе къ изобилію польскихъ дворянъ, желающихъ учиться, мѣщанскія училища преобразованы были въ дворянскія, причемъ первоначально допускались туда лица всѣхъ сословій. Достигнутый успѣхъ былъ дѣйствительно великъ и долженъ былъ ободрить польщизну: всего семь лѣтъ минуло послѣ мятежа, слѣды шляхетской революціи были еще свѣжи, тюрьмы западныхъ губерній были переполнены шляхтичами, сообщниками Канарскаго, которые замышляли новое возстаніе, а уже новое коренное начало, положенное Державною волей, начало, которое должно было открыть доступъ къ образованію простолюдину, врагу мятежа и измѣны, считалось на практикѣ отмѣненнымъ въ исключительныхъ интересахъ шляхты. Это кажется тѣмъ болѣе поразительнымъ, что, какъ существуетъ въ нашихъ административныхъ кружкахъ преданіе, Императоръ Николай Павловичъ постоянно съ самымъ теплымъ сочувствіемъ относился къ мысли о необходимости поднятія уровня образованія въ народныхъ массахъ Западнаго края.

Но этимъ успѣхомъ не ограничились ни происки польщизны, ни наши заботы о казенномъ воспитаніи польскаго дворянства: мы продолжали далѣе и далѣе идти по проложенному пути, и послѣ различныхъ преобразованій, въ 1843 году въ четырехъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края (Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской) вмѣсто прежнихъ 25-ти насчитывается уже 44 казенныя училища: дворянскій институтъ въ Вильнѣ, преобразованный изъ 2-й гимназіи, 7 гимназій (въ Вильнѣ, Ковнѣ, Гроднѣ, Свислочи, Бѣлостокѣ, Минскѣ и Слуцкѣ), 19 дворянскихъ уѣздныхъ училищъ и три особыя четырехклассныя отдѣленія при губернскихъ гимназіяхъ.

Въ 1850 году по учебной части въ Сѣверо-Западномъ краѣ послѣдовали новыя перемѣны; важнѣйшею изъ нихъ было возстановленіе Виленскаго учебнаго округа (1-го мая 1832 года онъ былъ упраздненъ и причисленъ къ Бѣлорусскому учебному округу), подъ попечительствомъ мѣстнаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Ильи Гавриловича Бибикова. Съ возстановленіемъ округа началось еще болѣе

быстрое расширеніе учебныхъ средствъ въ исключительныхъ интересахъ польскаго дворянства и съ полнымъ устраненіемъ отъ солиднаго образованія кореннаго мѣстнаго населенія.

Чтобъ уяснить себѣ этотъ фактъ, надо бросить взглядъ на устанавливавшіяся у насъ въ то время отношенія къ польщизнѣ въ западныхъ губерніяхъ.

Девятнадцать лѣтъ минуло со времени мятежа 1831 года и, не смотря на наружное спокойствіе въ Западномъ краѣ, правительство постоянно получало оттуда разными путями данныя, по которымъ могло судить, что настроеніе умовъ если и не предвѣщаетъ скорой бури, то и не показываетъ, чтобъ истинныя чувства польщизны измѣнились къ лучшему. Обнаруживалась въ краѣ подземная работа эмиссаровъ, которые, невѣдомо для властей, въ теченіе долгаго времени находились въ краѣ и вели дѣла свои успѣшно: дѣятельный и энергическій Симонъ Канарскій, хоть и поплатился за свою смѣлость жизнью, успѣлъ, однако, нѣсколько разъ объѣхать обѣ половины Западнаго края и организовать повсюду тайныя общества, распространить уставы, которыхъ, какъ дознано, до сихъ еще поръ придерживается польская молодежь, учащаяся въ нашихъ университетахъ; другой эмиссаръ, Адольфъ Залѣсскій, пробравшись къ намъ изъ Галиціи, посѣтилъ всѣ западныя губерніи, основалъ тайныя общества для пропаганды и даже побывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ; вслѣдъ за нимъ эмиссаръ Реръ, вышедшій изъ Пруссіи, обнаруженъ былъ тоже по довершеніи задуманнаго имъ дѣла. Эти эмиссары крупные, на слѣдъ которыхъ правительство напало; а сколько осталось ихъ неизвѣстными для насъ и такихъ, которые удачно скрылись подъ чужими заграничными паспортами? Про то знаетъ эмиграція. Во время галиційской катастрофы и венгерской войны напряженіе умовъ польщизны выказывалось въ глухой агитаціи, о которой до властей отъ времени до времени доходили свѣдѣнія, правда, смутныя, но не лишенныя значенія. Все это, разумѣется, не внушало правительству довѣрія къ польскому дворянству; бюрократическія рѣчи о „необходимости устранить преобладаніе пришлаго польскаго элемента“, о „борьбѣ въ краѣ двухъ началъ, одного сильнаго числительнымъ могуществомъ, другаго ухитрившагося слабостью и угнетеніемъ своимъ и ловкаго къ уловленію собственныхъ выгодъ“, о томъ, что католическое духовенство служитъ „ревностнымъ проповѣдникомъ началъ, враждебныхъ Россіи и русской народности“, и другія подобныя этимъ звонкія фразы были въ полномъ ходу. Ими наполнялись офиціальныя бумаги, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда, подъ громъ патріотическихъ восклицаній, проводилась мысль о доставленіи „пришлому элементу“ какихъ-нибудь существенныхъ преимуществъ на счетъ кореннаго населенія. При тогдашней централизаціи и вмѣшательствѣ администраціи во всѣ стороны жизни, польщизна была

уже крѣпка. На важныхъ для нея административныхъ пунктахъ, въ особенности въ Петербургѣ, многія второстепенныя, но вліятельныя мѣста [1]) были заняты поляками, не затруднявшимися, конечно, представлять къ подписи русскихъ сановниковъ бумаги, наполненныя фразами въ родѣ тѣхъ, которыя выше цитированы нами изъ документовъ того времени. Въ тоже время удачно была пущена въ ходъ мысль о мнимой солидарности польскаго дворянства съ русскимъ относительно крѣпостнаго права, мысль, которую паны умѣли ловко эксплуатировать въ своихъ интересахъ. Наконецъ, если припомнить тогдашнюю безгласность печати и полную апатію русскаго общества къ общественнымъ дѣламъ, апатію, бывшую естественнымъ слѣдствіемъ чувства безсилія быть полезнымъ, то становится понятнымъ, какъ удобно было чиновной польщизнѣ, прикрывшись заботой о благѣ Россіи, ловить въ мутной водѣ рыбу. Что касается собственно до учебныхъ заведеній, то польщизна умѣла пустить въ ходъ столь выгодную для нея мысль, будто правительство изъ собственныхъ интересовъ должно пещись объ умственномъ образованіи польскаго дворянскаго юношества, ибо-де въ противномъ случаѣ это юношество будетъ „воспитываться дома или въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ“. Дворянство знало про себя, что въ казенныхъ то училищахъ и выработываются самые заядлые повстанцы, и оно благоразумно разсчитывало, что гораздо выгоднѣе и дешевле образовать повстанцевъ на казенныя, чѣмъ на собственныя деньги и указывать на нихъ современемъ, какъ на воспитанниковъ русскихъ училищъ. Пугая насъ ужасающими послѣдствіями домашняго воспитанія, польщизна искусно ударяла по слабой струнѣ многихъ тогдашнихъ администраторовъ, которые вѣрили въ дѣйствительность и благодѣтельное вліяніе казеннаго полицейскаго контроля чрезъ посредство чиновнаго люда, хотя бы людъ этотъ и заинтересованъ былъ представлять дѣло въ ложномъ свѣтѣ.

Первымъ преобразованіемъ подъ новымъ управленіемъ Виленскаго учебнаго округа—устраненіе мѣстнаго кореннаго населенія изъ гимназій. Начальство округа исходатайствовало ограниченіе пріема въ гимназіи „дѣтьми дворянъ и купцовъ первыхъ двухъ гильдій“, но вмѣстѣ съ

[1]) Вотъ, для образца, составъ въ 1851 году столь важнаго по отношенію къ дѣлу польщизны люстраціоннаго комитета по западнымъ губерніямъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, бывшаго подъ предсѣдательствомъ товарища министра: изъ двухъ членовъ комитета одинъ полякъ, начальникъ отдѣленія и секретарь комитета поляки, изъ двухъ столоначальниковъ одинъ полякъ. Дивиться ли, что этотъ комитетъ враждебно относился къ дѣйствіямъ тогдашняго Кіевскаго генералъ-губернатора Дмитрія Гавриловича Бибикова, который съ энергіей и самоотверженіемъ ратовалъ за русскую народность въ краѣ и встрѣчалъ себѣ въ Петербургѣ поддержку только въ самомъ Государѣ?

тѣмъ представило о сравненіи дворянскихъ уѣздныхъ училищъ съ уѣздными и приходскими училищами внутреннихъ губерній.

Послѣднее предположеніе, открывавшее народу доступъ въ училища, въ высшихъ сферахъ было встрѣчено, какъ и слѣдовало ожидать, съ полнымъ одобреніемъ. Покойный Государь Императоръ отнесся къ нему съ такимъ искреннимъ сочувствіемъ, что, по личному вчинанію, повелѣлъ распространить проектированную мѣру не на одинъ Виленскій округъ, какъ испрашивалось, а на весь Западный край.

Дѣйствительно, до того времени огромные казенные расходы на образованіе въ Западномъ краѣ шли исключительно на дворянство, такъ что въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ 1850 году изъ 5,876 учениковъ гимназій польскихъ дворянъ было 4,572, а изъ 3,790 учениковъ дворянскихъ уѣздныхъ училищъ ихъ считалось 3,458. Ничтожный процентъ обучавшихся лицъ изъ прочихъ сословій приходился по большей части на долю мѣстныхъ купцовъ, мѣщанъ, иностранцевъ и отчасти на дѣтей православнаго духовенства; обучавшіеся изъ крестьянъ были рѣдкимъ исключеніемъ.

Но опасность и на этотъ разъ миновала благополучно для польщизны, благодаря воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ тогдашнемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Тамъ принято было во вниманіе, будто дѣйствовавшею до того времени системой воспитанія „дворянство западныхъ губерній было совершенно успокоено“ и будто правительство достигло своей цѣли, ибо „направленіе воспитанія зависитъ отъ него одного“, а существующія учебныя заведенія „пріобрѣли особенную довѣренность дворянства“. Что будетъ съ 3,458 учениками изъ потомственныхъ и личныхъ дворянъ, которые находятся теперь въ уѣздныхъ училищахъ, если училища эти сдѣлаются достояніемъ мѣстнаго русскаго населенія? „Можно сказать утвердительно, что большая половина ихъ оставитъ казенное заведеніе“, и въ такомъ случаѣ многіе изъ нихъ „прибѣгнутъ къ частному и домашнему воспитанію“. Слѣдствіемъ такаго ужаса будетъ то, что разведутся частные мужскіе пансіоны, которыхъ тогда вовсе не существовало въ западныхъ губерніяхъ, „по невозможности выдерживать соперничество съ казенными благоустроенными заведеніями“. Такимъ образомъ, „правительство выпустило бы (!) изъ своихъ рукъ образованіе весьма значительнаго числа дворянскихъ дѣтей“..... „главными стихіями воспитанія сдѣлались бы, по прежнему, безумный польскій патріотизмъ и слѣпой римско-католическій фанатизмъ“.

При такихъ воззрѣніяхъ на дѣло, министерство успѣло въ 1852 году достигнуть отмѣны благодѣтельнаго для русскаго народа распоряженія относительно уравненія уѣздныхъ дворянскихъ училищъ съ нашими уѣздными и приходскими.

Въ 1858 году, по Высочайше утвержденному 9-го іюня положенію главнаго правленія училищъ, между прочимъ, постановлено:

1) Четырехклассныя отдѣленія Виленской и Бѣлостокской гимназій преобразовать въ три низшіе параллельные классы этихъ гимназій.

2) Вмѣсто 19-ти пятиклассныхъ дворянскихъ уѣздныхъ училищъ, существовавшихъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ, учредить 7 гимназій и 12 трехклассныхъ уѣздныхъ училищъ, съ наименованіемъ ихъ дворянскими.

3) Къ началу 1858—1859 учебнаго года открыть четыре гимназіи (въ Пинскѣ, Новогрудкѣ, Кейданахъ и Поневѣжѣ).

4) Одновременно съ учрежденіемъ первыхъ четырехъ гимназій упразднить пятиклассныя училища въ 12-ти городахъ, замѣнивъ изъ нихъ восемь трехклассными дворянскими уѣздными училищами.

Но и это расширеніе учебныхъ заведеній, по официальному отзыву мѣстныхъ властей, „не удовлетворяло потребностямъ жителей“, а потому постановленіемъ главнаго правленія училищъ, отъ 22-го февраля 1860 года, было рѣшено, вмѣсто открытія седьмой гимназіи и пяти уѣздныхъ училищъ, учредить еще одно училище и четыре пятиклассныя отдѣленія гимназій (прогимназіи), причемъ права служащихъ въ прогимназіяхъ были сравнены съ правами таковыхъ же лицъ въ гимназіяхъ.

Въ такомъ положеніи находились учебныя заведенія Сѣверо-Западнаго края ко времени наступленія періода манифестацій. Къ 1 января 1862 года въ Виленскомъ учебномъ округѣ состояло гимназій 13.

Въ Виленской губерніи 2: въ Вильнѣ (съ реальнымъ отдѣленіемъ, съ классами таксаціи и землемѣрія и съ пансіономъ) и въ Свенцянахъ.

Въ Гродненской губерніи 2: въ Гроднѣ (съ пансіономъ и конвиктомъ на счетъ частнаго фундуша) и въ Бѣлостокѣ (съ реальнымъ отдѣленіемъ.

Въ Ковенской губерніи 4; въ Ковнѣ, Шавляхъ, Поневѣжѣ и Кейданахъ.

Въ Минской губерніи 5: въ Минскѣ (съ классами таксаціи и землемѣрія и съ пансіономъ), въ Пинскѣ (съ пансіономъ на счетъ частнаго фундуша), Мозырѣ, Новогрудкѣ и Слуцкѣ (съ конвиктомъ).

Сверхъ того, въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, причисленныхъ тогда къ С.-Петербургскому учебному округу:

Въ Витебской губерніи 2: въ Витебскѣ (съ конвиктомъ на счетъ частнаго фундуша) и въ Динабургѣ, и

Въ Могилевской губерніи 1: въ Могилевѣ (съ классами таксаціи и землемѣрія и съ пансіономъ).

Всего въ шести губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края шестнадцать гимназій, съ приписанными къ нимъ отдѣленіями, то есть столько, сколько у насъ ихъ было въ шестнадцати внутреннихъ губерніяхъ (кромѣ столичныхъ).

Прогимназіи находились въ Вильнѣ, Молодечнѣ, Свислочи и Тельшахъ.

Всего въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ числилось къ 1-му января 1862 года: учащихъ 469, учениковъ 7,953.

Заключаемъ этотъ перечень приведеніемъ мыслей графа Михаила Николаевича Муравьева, изложенныхъ въ 1864 году въ отношеніи министру народнаго просвѣщенія, относительно выбора мѣстности для учебныхъ заведеній Сѣверо-Западнаго края.

„Умноженіе заведеній этихъ было постоянною заботою польскаго дворянства и римско-католическаго духовенства, стремившихся подавить въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ русскую народность и православіе.

„Съ этою цѣлію они не щадили пожертвованій для устройства гимназій, притомъ преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ, по отдаленности отъ центровъ, дѣятельный надзоръ правительства былъ затруднителенъ и гдѣ, слѣдовательно, легче можно было надѣяться вытѣснить русскій элементъ и воспитать молодое поколѣніе въ духѣ ненависти ко всему русскому и въ несбыточныхъ мечтахъ объ отторженіи западныхъ нашихъ провинцій и соединеніи ихъ съ Польшей. Эти гимназіи польское дворянство и духовенство старались наполнять мѣстною шляхтой, чтобы предоставить ей съ окончаніемъ курса служебныя права, а затѣмъ служебныя должности въ мѣстной администраціи, которая вслѣдствіе сего, въ свою очередь, обратилась въ орудіе враждебной Россіи партіи... Такимъ образомъ, въ гимназіяхъ Виленскаго округа правительство, тратя на содержаніе ихъ значительныя суммы, воспитывало враговъ себѣ и Россіи. Между тѣмъ какъ съ закрытіемъ нѣсколькихъ изъ этихъ заведеній употребляемыя на нихъ деньги могутъ быть съ пользою обращены на умноженіе народныхъ училищъ и сельскихъ школъ. Въ этихъ училищахъ и школахъ, приспособленныхъ къ потребностямъ населенія, съ одной стороны, дѣти горожанъ и крестьянъ, представителей русскаго населенія края, будутъ укрѣпляться въ изученіи вѣры и языка предковъ, которые пропаганда напрасно старалась въ нихъ заглушить, съ другой стороны, дѣти шляхты будутъ пріобрѣтать познанія, полезныя въ сферѣ ихъ обычной дѣятельности, и перестанутъ выходить безъ нужды въ сословіе чиновниковъ и увеличивать собой и безъ того уже многочисленный въ краѣ пролетаріатъ".

Польщизна Юго-Западнаго края, сдержанная въ границахъ, въ теченіе 14 лѣтъ (1838—1852), крѣпкою рукой Дмитрія Гавриловича Бибикова, ставилась строгими полицейскими и карательными мѣрами въ невозможность открыто предпринимать революціонныя дѣйствія; но это не препятствовало ей свободно развиваться въ духѣ польскаго патріотизма и воспитывать своихъ дѣтей въ фанатической ненависти ко всему русскому. Правда, мѣстная администрація, не смотря на всѣ бюрократическія препятствія, чинимыя изъ Петербурга, съ патріотическою энергіей стояла за интересы русской народности и горячо отстаивала крестьянъ отъ панскаго произвола; но она обращала вниманіе лишь на экономическіе интересы мѣстнаго русскаго населенія, да на огражденіе его отъ латинства, а объ умственномъ его образованіи не возбуждалось серьезно и рѣчи.

Правда, университетъ и гимназіи Юго-Западнаго края, сначала переполненные поляками и между преподавателями, и между учащимися, подверглись въ теченіе сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, подъ предлогомъ наблюденія за политическимъ настроеніемъ, самому бдительному надзору мѣстныхъ полицейскихъ властей. Университетъ былъ, по дѣлу Канарскаго, даже закрытъ на время и весь личный составъ его раскассированъ. Но поляки умѣли воспользоваться даже полицейскимъ наблюденіемъ за училищами и доставили обильную пищу для преслѣдованія, указавъ полицейскимъ властямъ, какъ на опасность, на какую-то якобы демократическую и малороссійскую пропаганду въ средѣ молодежи; мы съ полнымъ усердіемъ стали обстрѣливать фантомъ мнимаго непріятеля, а настоящій врагъ нашъ, польщизна, подъ шумокъ, процвѣтала, развивалась и подсмѣивалась надъ нашей пугливостью. Обстоятельства помогли польщизнѣ: въ Западной Европѣ пылала революція, въ Петербургѣ производили слѣдствіе и судъ надъ Петрашевскимъ, Спѣшневымъ, Монбели и др. На бѣду, нѣсколько недоучившихся школьниковъ составили тайное общество, имѣвшее-де въ виду объединеніе малороссійской народности; общество было открыто и послужило аргументомъ, подтверждающимъ будто бы солидарность мѣстныхъ заговорщиковъ съ демократическою революціей на Западѣ и даже, кажется, съ затѣями Петрашевскаго. Мѣстная администрація налегла тогда на учебныя заведенія всею тяжестью полицейской власти, не обращая никакого вниманія на національность молодежи. Вотъ какъ описываетъ тогдашнее отношеніе властей къ учебнымъ заведеніямъ одинъ изъ очевидцевъ, впослѣдствіи профессоръ университета св. Владиміра г. Шульгинъ.

„Надзоръ былъ самый бдительный; трепетъ великій обуялъ всѣми съ тѣхъ поръ, какъ попечительство надъ округомъ перешло въ руки главной мѣстной администраціи. Стремясь водворить духъ повиновенія между учащимися, студентами и гимназистами, стали преслѣдовать какъ уголовное преступленіе разстегнутые мундиры, пестрые панталоны и длинные волосы, вводить между гимназистами маршировку по воен-

ному уставу и дрессировать ихъ по одному мановенію начальника идти, стоять, падать, лежать, даже сопѣть и всхрапывать. Стремясь исключить изъ общественныхъ учебныхъ заведеній всякій демократическій элементъ, строго приводили въ исполненіе законъ, не допускавшій податныхъ сословій въ гимназіи. Стремясь заставить студентовъ серьезно и самостоятельно заниматься наукой, ввели перекличку на лекціяхъ и сажали въ карцеръ и даже исключали изъ университета за пропускъ нѣсколькихъ лекцій, „Гомера или Софокла“, какъ тогда технически выражались. Стремясь, наконецъ, отвлечь студентовъ отъ разсужденій о политическихъ и общественныхъ вопросахъ въ свободное время внѣ лекцій, сквозь пальцы смотрѣли на трату молодыхъ и свѣжихъ силъ въ разгулѣ и неправственныхъ удовольствіяхъ. Наблюдая за слушателями, не упускали изъ виду и преподавателей: имъ вручены были программы, они подчинены были строгому контролю отъ непосредственныхъ начальниковъ, которые должны были отъ времени до времени слѣдить за направленіемъ преподаванія и доносить о томъ начальству. Философія, какъ зловредная мать вольномыслія, была вовсе исключена изъ университета. Однимъ словомъ, бдительность была самая строгая, страхъ на всѣхъ, и учащихъ, и учащихся, наведенъ былъ не малый, а между тѣмъ затѣи пропаганды, пропаганды польской, а не малороссійской, мало-по-малу проникли и втихомолку развивались въ университетѣ, благодаря бдительности начальства, котораго глаза съумѣли направить въ противоположную сторону“ [1]).

II.

Правительство внимательно слѣдило за ходомъ воспитанія молодежи въ западныхъ губерніяхъ, видя въ немъ надежное орудіе противъ польской пропаганды. Оно постоянно требовало, чтобы въ основаніи воспитанія лежали „русскія начала“. Объ этихъ началахъ, смыслъ которыхъ не былъ формулированъ съ точностью, а потому всякимъ истолковывался по своему, можно было серьезно говорить только при хорошемъ, въ научномъ и политическомъ отношеніи, составѣ наставниковъ и при томъ условіи, чтобы преподаватели поставлены были въ краѣ въ положеніе, по меньшей мѣрѣ столь же почетное, какъ и предшественники, набранные Чарторыйскимъ и Чацкимъ. О первомъ правительство много, но безуспѣшно, заботилось, о послѣднемъ же практически не возбуждалось рѣчи и до настоящаго времени.

Заботы объ организаціи русскаго педагогическаго состава въ гимназіяхъ начались еще съ тридцатыхъ годовъ. Такъ какъ мы въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ, повидимому, ни на минуту не уклонялись отъ предположенной цѣли, то для человѣка, незнакомаго съ нашими порядками прежняго времени, покажется непостижимымъ, какимъ образомъ не успѣли мы, въ столь продолжительное время, достичь желанной цѣли, когда назначеніе на учительскія должности зависѣло единственно отъ правительства? Въ Пруссіи, напримѣръ, правительству стоило только разъ сознать необходимость замѣщенія, въ бывшихъ польскихъ областяхъ, административныхъ и педагогическихъ должностей нѣмцами и поляки сразу убѣдились въ безполезности даже домогаться полученія этихъ должностей.

Явленіе это объясняется, однако, очень просто. У насъ во всемъ и всегда проявлялась двойная жизнь: канцелярская и дѣйствительная. Предписаніями требовалось свыше, чтобы такая-то мѣра приведена была въ исполненіе, на бумагѣ же доносилось снизу, что требованіе исполняется успѣшно и что желанная цѣль скоро будетъ окончательно достигнута. Для большей убѣдительности приводилось нѣсколько доводовъ, подтверждавшихъ неусыпную бдительность канцеляріи по приведенію въ исполненіе предначертаній высшаго правительства. Но этою отпиской по большей части и оканчивались дѣйствительныя заботы администраціи. На дѣлѣ все шло по прежнему, и можно указать не на одинъ случай, въ особенности въ западныхъ губерніяхъ, когда канцеляріи доносили въ Петербургъ о своихъ чрезвычайныхъ успѣхахъ въ то самое время, когда дѣла на практикѣ шли хуже и хуже. Тоже самое было и въ дѣлѣ замѣщенія польскихъ наставниковъ русскими.

Старая закваска педагоговъ, воспитанныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя были устроены Чарторыйскимъ и Чацкимъ, оставалась. Въ нее стали постепенно вводить русскихъ учителей, которые, попавъ въ среду чуждую и открыто враждебную, по большей части не только не пріобрѣтали тамъ вліянія, но вынуждены были терпѣливо переносить открытое презрѣніе и всякаго рода униженія отъ пановъ и польскихъ чиновниковъ, а иногда и учениковъ, для которыхъ „московскій наѣздъ“ былъ всегда спицей въ глазу. Къ тому же наша администрація всегда свысока смотрѣла на педагоговъ, какъ людей по большей части бѣдныхъ и безъ вліянія, а потому если между ними и являлись иногда люди энергическіе, разсчитывавшіе на возможность борьбы при правотѣ дѣла, то энергія ихъ скоро сокрушалась объ интригу.

Въ 1854 году, напримѣръ, молодой учитель русскаго языка и русской исторіи въ Тельшевской семинаріи, г. Ѳеоктистовъ, отправилъ въ Петербургъ къ министру, которому онъ былъ лично извѣстенъ, записку о безпорядкахъ въ Ворняхъ и о томъ фанатическомъ настроеніи ксендзовъ, съ которымъ мы ознакомились на практикѣ уже въ 1863 году. И что же? Между нимъ и обвиняемымъ завязалась борьба, для разслѣдованія которой командированъ былъ изъ Ковны жандармскій

[1]) Юго-Западный край въ послѣднее двадцатипяти-лѣтіе.

штабъ-офицеръ и исходомъ которой было удаленіе молодаго человѣка отъ должности, при дознанной правотѣ его. При такихъ условіяхъ личный составъ русскихъ педагоговъ, разумѣется, постоянно и быстро измѣнялся. Въ Западный край назначалась на службу молодежь, по большей части изъ казеннокоштныхъ студентовъ, вынужденныхъ отслужить сроки; они смотрѣли на свое пребываніе тамъ какъ на неизбѣжную, но временную необходимость и, по выслуженіи установленныхъ лѣтъ, при первой возможности, спѣшили во-свояси. Бывали, конечно, и исключенія, но дѣло не въ нихъ.

Уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ придумана была лазейка, при которой полякамъ косвенно открывался доступъ на учительскія должности, лазейка, которою польщизна искусно пользовалась.

Въ 1837 году постановлено было, чтобъ уроженцы западныхъ губерній, для лучшаго изученія русскаго языка и дѣловаго слога, начинали службу въ великороссійскихъ губерніяхъ и только по истеченіи пяти лѣтъ продолжали ее въ западныхъ губерніяхъ. Правительство разсчитывало, что русская служба обруситъ поляковъ; что оказалось на дѣлѣ—извѣстно. Кромѣ того, въ русскихъ университетахъ учреждено было до шестидесяти стипендій по историко-филологическому и физико-математическому факультетамъ, съ цѣлію подготовленія для гимназій и прогимназій Западнаго края способныхъ учителей. На этотъ предметъ ассигнуемо было ежегодно по пятнадцати тысячъ рублей (250 руб. на человѣка). Стипендіаты обязаны были, по окончаніи курса, прослужить шесть лѣтъ. Такъ какъ поляки западныхъ губерній не лишены были права на полученіе этихъ стипендій, то, по отзывамъ людей, знающихъ дѣло, они-то преимущественно и были стипендіатами. Какъ бы то ни было, благодаря этимъ мѣрамъ, поляки, прослужившіе пять лѣтъ во внутреннихъ губерніяхъ или поучившіеся на казенный счетъ въ университетахъ, при возвращеніи въ Западный край безпрепятственно принимались на открывавшіяся вакансіи. Излишне говорить, что по занятіи ихъ, quasi—обрусѣлые шляхтичи оказывались столь же ревностными поборниками польскихъ затѣй, какъ и предмѣстники ихъ изъ школы Чарторыйскаго.

Послѣ Крымской войны послѣдовала въ воззрѣніи на польское дѣло реакція: наступалъ новый періодъ, начинавшійся, впрочемъ, строгимъ подтвержденіемъ прежнихъ распоряженій относительно замѣщенія открывающихся въ Западномъ краѣ служебныхъ вакансій русскими. Поводъ къ этой послѣдней мѣрѣ подало энергическое письмо покойнаго митрополита литовскаго Іосифа Сѣмашки, который, въ январѣ 1855 года, въ письмахъ, адресованныхъ графу Протасову и московскому митрополиту Филарету, указывалъ на отчаянное положеніе, въ какое приведенъ край русскою администраціей, допустившею поляковъ захватить большинство вліятельныхъ должностей, и пророчески предрекалъ намъ

близкую расплату за ошибки. Не смотря на то, что отъ свѣтскихъ виленскихъ властей (которымъ не было еще извѣстно о письмѣ высокопреосвященнаго) одновременно получены были въ Петербургѣ свѣдѣнія совершенно противоположнаго, самаго успокоительнаго характера, и что при этомъ, впервые послѣ мятежа 1831 года, офиціально высказывалась мысль о безвредности поляковъ на служебныхъ мѣстахъ, 2-го февраля состоялось подтвержденіе о замѣщеніи должностей въ западныхъ губерніяхъ чиновниками изъ русскихъ и о переводѣ туземцевъ въ великороссійскія губерніи. При этомъ было постановлено за непремѣнное правило, чтобы никто изъ уроженцевъ западныхъ губерній, кромѣ исповѣдующихъ православную вѣру, не былъ опредѣляемъ тамъ на службу прежде прослуженія десяти лѣтъ во внутреннихъ губерніяхъ или въ войскахъ. Но скоро идеи примирительной политики взяли верхъ. Въ духѣ новыхъ воззрѣній, мѣстныя власти въ Вильнѣ и Кіевѣ свидѣтельствовали, что путемъ этой политики удобнѣе достигнуть тѣснаго объединенія края съ остальною Россіей, чѣмъ путемъ полицейскаго преслѣдованія, которое на самомъ дѣлѣ не приносило существенной пользы, а при польскомъ личномъ составѣ полицейскихъ чиновъ обращалось во вредъ только русскому населенію. При этомъ не было, однако, рѣчи ни объ одной радикальной мѣрѣ, которая могла бы дѣйствительно повести край къ объединенію и оградила бы мѣстное русское населеніе отъ польщизны, а православіе отъ католицизма. Примиреніе оказалось впослѣдствіи на практикѣ упраздненіемъ, ради польщизны, которая и безъ того самовластно хозяйничала уже въ краѣ и безцеремонно звала себя его интеллигенціей, всѣхъ тѣхъ административныхъ препятствій, которыя мѣшали ей считать край вполнѣ польскимъ. Во главѣ этихъ препятствій, по понятіямъ поляковъ, были русскіе, служившіе въ краѣ, числительность которыхъ, и безъ того слабая, стала съ 1856 года быстро уменьшаться.

Не прошло года, какъ поступило ходатайство объ отмѣнѣ повелѣнія 2-го февраля. Кіевскій генералъ-губернаторъ, бывшій, подобно виленскому, попечителемъ округа, утверждалъ, что перемѣщеніе однихъ лицъ на мѣсто другихъ было бы сопряжено съ крайнимъ затрудненіемъ для служащихъ и большею частью съ раззореніемъ ихъ, а потому предлагалъ принять за правило замѣщать всякаго рода должности, при открывающихся вакансіяхъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, не исключительно, но предпочтительно русскими, а изъ состоявшихъ уже на службѣ поляковъ назначать въ другіе округа въ томъ лишь случаѣ, „если они оказались тамъ ненадежными или замѣчены были въ упущеніяхъ по службѣ“. Этого послѣдняго рода господами великодушно предлагалось снабжать учебныя заведенія нашихъ внутреннихъ губерній. Въ Вильнѣ упомянутое распоряженіе изъ Петербурга встрѣчено было также не-

благосклонно. Оттуда представляли о невыгодѣ „и даже вредѣ“ исполненія предписанной мѣры.

Эти ходатайства были въ полномъ соотвѣтствіи съ новымъ политическимъ воззрѣніемъ на отношенія наши къ польщизнѣ, болѣе и болѣе устанавливавшимся въ правительственныхъ сферахъ. Слишкомъ двадцать пять лѣтъ минуло послѣ мятежа 1831 года. Въ теченіе этого періода правительство выказывало польщизнѣ явное недовѣріе и держало Царство Польское и Западный край въ исключительномъ, напряженномъ положеніи. И въ заграничной печати, и въ частныхъ бесѣдахъ раздавались горькія сѣтованія поляковъ на чинимыя имъ притѣсненія и на то, будто наше правительство само отталкиваетъ польщизну отъ объединенія съ прочими частями Имперіи. Сѣтованія эти встрѣчали довѣріе и сочувствіе и въ русскомъ обществѣ, и естественно приводили къ вопросу: нѣтъ ли возможности миролюбиваго соглашенія съ поляками, помимо ссылокъ, сдачи въ солдаты и другихъ крутыхъ мѣръ, которыя вели только къ ожесточенію и разладу. Въ общественномъ мнѣніи коренилось уже убѣжденіе, что амнистія была бы дѣломъ высокой политической мудрости. Широкая амнистія, съ одной стороны, открывала бы польщизнѣ полную возможность доказать на дѣлѣ искренность ея миролюбивыхъ сѣтованій и свидѣтельствовала бы предъ свѣтомъ, что высшимъ правительствомъ сдѣлано все для доставленія ей возможности съ честію вступить въ составъ русской семьи; съ другой, въ случаѣ, если бы поляки употребили во зло оказанное имъ великодушіе, амнистія доказала бы предъ свѣтомъ очевидную невозможность разсчитывать на примиреніе съ польщизной.

При такихъ условіяхъ, русское общество встрѣтило съ сочувствіемъ великодушное слово объ амнистіи, произнесенное съ высоты трона въ день священнаго коронованія. Въ Высочайшемъ указѣ отъ 26-го августа 1856 года повелѣвалось, между прочимъ: „въ пріемѣ уроженцевъ западныхъ губерній на службу по гражданской части и при перемѣщеніи ихъ изъ одного мѣста или вѣдомства въ другое наблюдать въ точности лишь тѣ общія правила, которыя въ семъ отношеніи постановлены для всѣхъ, имѣющихъ право вступать въ гражданскую службу подданныхъ прочихъ губерній и областей“.

Этотъ указъ естественно велъ къ возбужденію вопроса, сохраняютъ ли силу распоряженія 2-го февраля 1855 года. Сомнѣніе разрѣшено было въ томъ смыслѣ, что изъявленіемъ милостей, предающихъ забвенію все прошлое, особыя мѣры относительно замѣщенія должностей въ западныхъ губерніяхъ уже не должны имѣть силы и дѣйствія.

При этой полной амнистіи, правительство считало, однако, необходимымъ оговориться, что столь важное дѣло, какъ выборъ воспитателей для юношества, не можетъ быть предоставлено случайности. По-

этому со стороны министерства народнаго просвѣщенія послѣдовало подтвержденіе попечителямъ, чтобы они въ особенности старались о замѣщеніи должностей воспитателей и преподавателей „людьми вполнѣ благонадежными и благонамѣренными, избирая преимущественно лицъ православнаго исповѣданія и ни въ какомъ случаѣ не допуская къ онымъ такихъ лицъ, за благонадежность коихъ не могутъ принять на себя отвѣтственности“. Но ограничивая выборъ педагогическаго состава, правительство не устраняло уже поляковъ отъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ Западнаго края. Прежній запретъ сохранился только для учителей исторіи въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, но 20-го февраля 1857 года и онъ былъ снятъ: постановлено было, что „при совершенной невозможности найти способныхъ кандидатовъ изъ русскихъ, эти должности могутъ быть временно предоставляемы уроженцамъ западныхъ губерній, преимущественно православнаго исповѣданія“.

Такою мѣрой окончательно снималась узда съ польщизны: вплоть до періода демонстрацій, поляки оставались полными хозяевами въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Лишь съ наступленіемъ этого періода правительство вынуждено было отказаться отъ новой системы и, какъ мы увидимъ ниже, тѣ же самыя административныя лица, которыя въ 1856 году стояли горой за польскихъ педагоговъ, обратились въ 1861 году въ самыхъ ревностныхъ поборниковъ издавна существовавшаго на бумагѣ правила о необходимости перемѣщенія учителей-поляковъ изъ западныхъ губерній во внутреннія. Но уже поздно было унимать бурю.

Рѣшеніе вопроса о полноправности польскихъ наставниковъ въ гимназіяхъ западныхъ губерній подало полякамъ основаніе разсчитывать, что правительство изъявитъ согласіе на введеніе въ курсъ преподаванія сначала польскаго языка, а затѣмъ уже на преподаваніе и всѣхъ предметовъ по-польски. Перваго польщизна добиться успѣла, склоняя власти къ уступкамъ постепенно; вопросъ же о послѣднемъ возбужденъ былъ во время полнаго разгара демонстрацій и потому не могъ разрѣшиться такъ, какъ было желательно полякамъ.

Преподаваніе польскаго языка въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ западныхъ губерній прекращено было въ 1839 году. Это прекращеніе было только номинальнымъ, ибо законъ Божій читался католикамъ по-польски, и ксендзы, при преподаваніи его, имѣли законное основаніе поддерживать въ воспитанникахъ убѣжденіе въ обязательности основательнаго изученія польскаго языка, такъ какъ онъ признавался и языкомъ римско-католической вѣры. Не слышавъ дома инаго языка кромѣ польскаго, юноши и послѣ поступленія въ гимназію продолжали употреблять его въ разговорахъ и только въ классахъ слышали русскій языкъ. До какой степени гимназіи того времени были

учрежденіемъ польскимъ служитъ живымъ указаніемъ обучавшіеся въ нихъ русскіе и православные воспитанники, которые, поступивъ въ училище безъ знанія польскаго языка, научались тамъ объясняться по-польски въ совершенствѣ, а иногда и свою родную рѣчь пріучались вести съ польскимъ акцентомъ и польскими оборотами. Въ гимназическихъ библіотекахъ постоянно находился значительный запасъ польскихъ книгъ, которыми воспитанники пользовались безпрепятственно. Чтеніе въ стѣнахъ заведенія польскихъ поэтовъ и историковъ считалось дѣломъ столь обыкновеннымъ, что на него не обращалось и вниманія, между тѣмъ какъ знакомство съ произведеніями русской литературы ограничивалось классными занятіями. Такимъ образомъ, русскія казенныя училища выработывали изъ учащейся молодежи поляковъ, которые неохотно, только въ силу необходимости, слушали преподаваніе по-русски и со дня на день ждали, что, при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ, эта послѣдняя преграда къ полонизаціи школы будетъ разрушена.

Возстановленіе преподаванія польскаго языка въ гимназіяхъ было всегда завѣтною мечтой польщизны; но мечта эта долго казалась полякамъ несбыточною: высшее правительство преслѣдовало свою мысль съ такою послѣдовательностью, что 8-го февраля 1854 года упразднило преподаваніе польскаго языка и во вновь открываемыхъ въ западныхъ губерніяхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Твердость и послѣдовательность высшаго правительства при приведеніи въ исполненіе этой мысли тѣмъ болѣе заслуживаютъ уваженія, что при предварительномъ запросѣ объ этомъ предметѣ изъ министерства народнаго просвѣщенія изъ двухъ попечителей учебныхъ округовъ (они же генералъ-губернаторы) только виленскій отозвался, что онъ „не встрѣчаетъ препятствія“ къ приведенію предположенной мѣры въ исполненіе. Управлявшій же Кіевскимъ учебнымъ округомъ не признавалъ полезною отмѣну преподаванія польскаго языка въ частныхъ дѣвичьихъ учебныхъ заведеніяхъ округа, потому-де, что „такая отмѣна не только бы ослабила, но и вовсе прекратила отдачу въ эти заведенія дѣтей потомственнаго дворянства“. На этомъ основаніи онъ ходатайствовалъ не распространять сказанной мѣры на помянутыя учебныя заведенія Кіевскаго округа, оставивъ въ нихъ преподаваніе польскаго языка наравнѣ съ языками иностранными. Изъ вышеприведеннаго распоряженія 8-го февраля видно, что представленіе это не было уважено.

Законъ о полномъ устраненіи польскаго языка изъ училищъ дѣйствовалъ только въ теченіе двухъ лѣтъ. Съ наступленіемъ періода примирительной политики, когда мы стали считать необходимымъ, для устраненія всѣхъ прежнихъ недоразумѣній съ поляками, дѣлать имъ всевозможныя уступки, польщизна употребила энергическія усилія, чтобъ

увеличить пропасть между ею и нами; она видѣла въ этой политикѣ только средство эксплуатировать въ свою пользу наше грубое незнакомство съ сущностью польскаго вопроса. Прежде всего она настаивала, чтобы мы не считали Западный край землею русскою, и въ то же время не пренебрегала никакими способами сообщить ему польскую окраску. Польскій языкъ игралъ при этомъ, разумѣется, главную роль. Поляки понимали, что допущеніе его въ курсъ преподаванія въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ края означало бы торжественное признаніе правительствомъ законнаго господства тамъ польской народности. Для достиженія столь существенной цѣли приступлено было къ дѣйствіямъ самымъ энергическимъ; но при этомъ, изъ опасенія возбудить подозрительность правительства, польщизнѣ надо было дѣйствовать осторожно, русскими руками.

Въ 1856 году, при объѣздѣ Западнаго края однимъ изъ высшихъ лицъ министерства народнаго просвѣщенія, поляки выразили ему горькія сѣтованія на изгнаніе изъ учебныхъ заведеній польскаго языка и представляли весьма убѣдительные аргументы въ пользу возстановленія сего послѣдняго. Сѣтованія произвели желанное дѣйствіе.

Въ отчетѣ за 1856 годъ развивалась мысль, что введеніе польскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго округа не только не представляетъ затрудненія, но и желательно, потому что: 1) изученіе двухъ сродственныхъ языковъ, какъ русскій и польскій, способствуетъ большимъ въ томъ и другомъ успѣхамъ; 2) польскій языкъ въ сказанныхъ заведеніяхъ употребляется для преподаванія закона Божія римско-католическаго исповѣданія и слѣдовательно ученики должны знать и знаютъ польскій языкъ, и казалось бы неблаговиднымъ, если правительство уже допускаетъ преподаваніе одного предмета на польскомъ языкѣ, лишать дѣтей возможности изучать правила этого языка, имъ роднаго, тогда какъ ихъ обучаютъ языкамъ иностраннымъ (французскому, нѣмецкому и латинскому), и 3) введеніе этого языка удовлетворило бы повсюду высказываемому съ покорностью желанію жителей и пр.

Признавая мѣру эту возможною для Виленскаго учебнаго округа, министерство народнаго просвѣщенія первоначально не полагало распространять ее на учебныя заведенія губерній Витебской, Могилевской, Волынской и Подольской и рѣшительно находило не только не нужнымъ, но даже и не совмѣстнымъ съ политическимъ воззрѣніемъ вводить преподаваніе польскаго языка въ губерніи Кіевской.

Слѣдствіемъ этого ходатайства было возстановленіе каѳедръ польскаго языка въ гимназіяхъ.

Затѣмъ оставалось только отмѣнить постановленіе 8-го февраля; ходатаями объ этомъ явилось начальство Виленскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ, одновременно домогавшееся введенія преподаванія поль-

скаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Главное правленіе училищъ, согласовавъ ходатайство попечителей двухъ западныхъ округовъ съ открытіемъ каѳедръ польскаго языка въ гимназіяхъ, признало домогательства ихъ вполнѣ основательными (журналъ главнаго правленія училищъ 29-го марта 1858 года).

Въ 1860 году, по ходатайству министерства народнаго просвѣщенія, каѳедры польскаго языка учреждены были въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ Юго-Западнаго края. Вслѣдъ затѣмъ мѣста учителей польскаго языка въ Западномъ краѣ внесены были въ штаты и отъ казны ассигновано на жалованье имъ ежегодная сумма въ 9,800 р., изъ коихъ на виленскій дворянскій институтъ и 13 гимназій приходилось 7,700 руб., на 12 дворянскихъ уѣздныхъ училищъ 2,100 руб.

Устраненіе отъ преподаванія польскихъ наставниковъ и упраздненіе каѳедръ польскаго языка были единственными сколько нибудь дѣйствительными мѣрами, которыя правительство успѣло принять съ 1832 года въ отношеніи среднихъ училищъ западныхъ губерній. Если эти мѣры на практикѣ были и не вполнѣ дѣйствительны, онѣ по крайней мѣрѣ служили видимымъ выраженіемъ начала, что правительство признаетъ въ западныхъ губерніяхъ народность только русскую и что оно игнорируетъ польскія претензіи. Уступчивость наша въ этомъ отношеніи повела польщизну, какъ извѣстно, не къ благодарности, а къ увеличенію ненависти къ намъ; но въ правѣ ли мы упрекнуть въ этомъ случаѣ польщизну въ непослѣдовательности? Если мы формально признавали преобладаніе въ краѣ польской народности и прямо содѣйствовали ея поддержанію и развитію, народность эта была совершенно послѣдовательна, требуя отъ насъ признанія и того историческаго значенія, какое она себѣ приписываетъ. Польщизна никогда не скрывала ни словомъ, ни дѣломъ, что ея историческая задача—возстановленіе на развалинахъ Россіи польскаго государства, границей которому служили бы Днѣпръ и Двина. Признавая польскую народность, мы логически должны были признать законными и адресы о присоединеніи западныхъ губерній къ Царству Польскому, и стремленіе къ автономіи. Есть несомнѣнныя указанія, что съ этой именно точки и смотрѣла масса польщизны (не говоримъ про ея коноводовъ) на нашу уступчивость; многіе, не понимавшіе сущности дѣла, объясняли ее крайнею необходимостью, какими-то тайными статьями Парижскаго трактата При такихъ условіяхъ каждая уступка съ нашей стороны не сближала насъ съ поляками, а рыла пропасть между ними и Россіей, ту пропасть, которая должна была впослѣдствіи разграничить будущее Польское королевство съ царствомъ Московскимъ.

Вѣрноподданничество поляковъ Западной Россіи [1]).

М. Ф. Кояловича.

Есть вещи столь деликатныя, что къ нимъ никакъ нельзя отнестись безцеремонно, пока сами онѣ не выступятъ изъ области деликатностей. Къ такимъ вещамъ необходимо отнести раскаяніе бунтовавшихъ поляковъ Западной Россіи и заявленіе ими вѣрноподданства русскаго. Намъ всѣмъ дорогъ миръ и слишкомъ дорога вѣрность Россіи и Русскому Государю, чтобы мы позволили себѣ сейчасъ, немедленно подвергнуть холодному анализу новыя заявленія западно-русскихъ поляковъ. Этою тонкою щекотливостію мы объясняемъ себѣ, прежде всего, уклоненіе русской журналистики отъ строгой оцѣнки новаго польскаго вѣрноподданничества въ Западной Россіи въ первыя минуты его появленія. Но теперь, когда оно переходитъ въ совершившійся фактъ, когда западно-русская жизнь должна принять въ себя его послѣдствія, когда, наконецъ, эти польскія заявленія вѣрноподданничества, эти польскіе адресы готовы стать рядомъ съ русскимъ вѣковымъ вѣрноподданничествомъ и съ русскими патріотическими адресами Государю,—теперь необходимо оцѣнить дѣло помимо всякихъ щекотливостей. Намъ нужно и пора уже знать, что такое новое вѣрноподданничество поляковъ Западной Россіи?

Мы не можемъ скрыть нашего затрудненія при разрѣшеніи этого вопроса. Мы не видѣли и не знали до сихъ поръ между западно-русскими поляками анти-мятежной партіи. Такая партія не заявляла своего существованія, не показывала своихъ силъ, своихъ принциповъ, своихъ дѣлъ противъ польскаго мятежа въ Западной Россіи. Наблюденія и

1) „День“ 1863 г., № 39-й.

голосъ западно-русскаго народа, напротивъ, привели всѣхъ насъ къ убѣжденію, что всѣ поляки Западной Россіи такъ или иначе причастны польскому мятежу. Теперь это убѣжденіе оказывается фальшивымъ. Мы видимъ передъ собою множество людей, которые передъ цѣлымъ міромъ свидѣтельствуютъ, что они вѣрны нашему Государю и составляютъ неразрывное цѣлое съ Россіей, что многіе изъ нихъ даже не были причастны польской революціи. Такія важныя вещи не могутъ являться мгновенно и высказываться на вѣтеръ. Онѣ, очевидно, серьезный плодъ мысли и жизни, родились не вчера и не сегодня утромъ. Такъ должно это быть по простому, здравому размышленію; но мы этого не знали, не видѣли и намъ необходимо это знать и видѣть. Мы не видѣли и не знали вѣрноподданныхъ поляковъ Западной Россіи, теперь мы ихъ вдругъ видимъ; мы должны ихъ узнать.

Для этого намъ по необходимости приходится обратиться къ внѣшнимъ явленіямъ, подхваченнымъ на лету—къ газетнымъ извѣстіямъ о заявленіяхъ западно-русскими поляками вѣрноподданничества.

При этихъ извѣстіяхъ переворотъ совершился поразительный: угрюмость и замкнутость жизни, воцарившіяся повсюду, вдругъ исчезаютъ. Ихъ замѣняютъ торжества, ликованія. Быстро начинаетъ оживать и снова давать разнообразныя потрясенія тотъ чувствительный нервъ, который называется общественною жизнію. Сомнѣніямъ, подозрѣніямъ не можетъ быть мѣста особенно потому, что сотрясенія этого нерва подхватываются западно-русскими жидами и, какъ мы имѣли уже случай выразиться [1]), спутниками польскаго племени въ Западной Россіи. Словомъ, два пришлыя племени въ Западной Россіи выступаютъ какъ нельзя болѣе видно въ дѣлѣ вѣрноподданничества Россіи и даютъ о себѣ знать и каждому при всякомъ удобномъ случаѣ. Но странное явленіе! При всѣхъ польскихъ и жидовскихъ заявленіяхъ въ Западной Россіи, народъ западно-русскій или вовсе не виденъ, или слишкомъ мало виденъ. Мы даже беремъ смѣлость сказать больше: его нигдѣ при этомъ рѣшительно не было бы видно, если бы при заявленіяхъ польскихъ и жидовскихъ не присутствовали великорусскіе люди офиціальные.

Заявленія вѣрноподданничества и неразрывности съ Россіей поляковъ и жидовъ въ Западной Россіи идутъ изолированно. Народъ не знаетъ, какъ примкнуть къ нимъ, не знаетъ не потому, что не зналъ за собою никогда недостатка въ этихъ политическихъ добродѣтеляхъ, проникнувшихъ въ его плоть, а потому, что чуждъ ему почему-то настоящій моментъ, сущность этихъ заявленій. Странно это, можетъ быть даже дико, но должно быть народъ правъ. Въ заявленіяхъ этихъ

[1]) См. рѣчь о разселеніи племенъ Западнаго края Россіи.

должно быть чего-то не достаетъ. Въ нихъ, дѣйствительно, нѣтъ того, что должно бы составлять ихъ душу. Народъ не понимаетъ и не знаетъ ни той западно-европейской мудрости, которая возвела вѣрноподданничество въ отвлеченную формулу „вѣрность династіи“, ни такой, не менѣе, а еще болѣе отвлеченной мудрости, какъ неразрывность государственная. Народъ знаетъ вѣрноподданничество живому Государю живыхъ подданныхъ и такую связь съ живою Россіею, которая дѣлаетъ его роднымъ членомъ русской народной семьи; онъ знаетъ и понимаетъ, что онъ русскій, и потому онъ и вѣрноподданный Русскаго Государя и членъ Русскаго государства. А есть ли это въ польскихъ заявленіяхъ? Нѣтъ, тамъ только политическое вѣрноподданничество и государственная связь съ Россіей. Люди эти просто объявляютъ: мы вѣрны Государю и составляемъ цѣлое съ Россіей. О народности ничего нѣтъ, такъ что напишите эти адресы въ Варшавѣ, въ Польшѣ, они, пожалуй, у мѣста и вѣрны, но въ Западной Россіи, гдѣ народъ весь почти русскій, гдѣ онъ сознаетъ свою народную связь и съ русскимъ Государемъ, и съ землей, эти адресы не народны. Они не даютъ народу того, что ему нужно; мало того, они не исключаютъ того, въ чемъ народъ видитъ свою смерть—ополяченіе. Вотъ почему они для западно-русскаго народа чужіе адресы.

Но не странно ли, скажутъ, конечно, многіе, требовать отъ поляковъ Западной Россіи еще народнаго заявленія? Не насиліе ли это? Не значитъ ли это требовать, чтобы они отреклись отъ своей народности? Чего добраго, вы, скажутъ, потребуете еще, чтобы они бросили свою вѣру и стали православными?

На это мы отвѣтимъ слѣдующее: Мы дѣйствительно отъ всей души желали бы, чтобы поляки Западной Россіи сдѣлались и русскими, и православными, чтобы они, по крайней мѣрѣ, вспомнили, что не всегда были поляками и латинянами и что въ тѣ старыя времена, когда они не были ни поляками, ни латинянами, они часто близко стояли къ народу и выработывали много благъ народныхъ; но мы хорошо понимаемъ, что все это только pia desideria и ни въ какомъ случаѣ не должно переходить въ насиліе. Пусть ихъ само время пересилитъ, если они къ тому способны; пусть ихъ пересилятъ дивные идеалы русскаго православнаго прошедшаго ихъ родины, передъ которыми, мы такъ думаемъ, блекнутъ всѣ польскіе идеалы въ Западной Россіи, какіе мы только знаемъ. Но бѣда въ томъ, что теперь мы не знаемъ и не видимъ у западно-русскихъ поляковъ никакихъ идеаловъ, кромѣ польскаго мятежа, а между тѣмъ теперь крайне необходимо знать эти идеалы. Поляки Западной Россіи высказали свои политическія отношенія къ Россіи. Они вѣрны нашей династіи и составляютъ цѣлое съ Россіей. Позволительно думать, что этого мало. Они должны бы высказать не только политическія свои отношенія къ Россіи, но и народныя. Настоящее поль-

ское возстаніе и въ Польшѣ приняло значеніе народнаго русскаго дѣла, а въ Западной Россіи оно никогда и не бывало инымъ. По фиктивнымъ началамъ Вѣнскаго трактата полякъ Царства еще могъ бы сказать: „я знаю царя польскаго и пожалуй Русское государство въ чрезвычайныхъ случаяхъ, но русской націи могу не знать“. Но въ Западной Россіи невозможно сказать этого. Тутъ кругомъ стоитъ народъ русскій, православный, котораго непозволительно теперь не знать и полякамъ. Поэтому у насъ есть право требовать, чтобы поляки Западной Россіи рядомъ съ государственнымъ удовлетвореніемъ по дѣлу возстанія дали и народное удовлетвореніе; удовлетвореніе это мы понимаемъ очень просто:

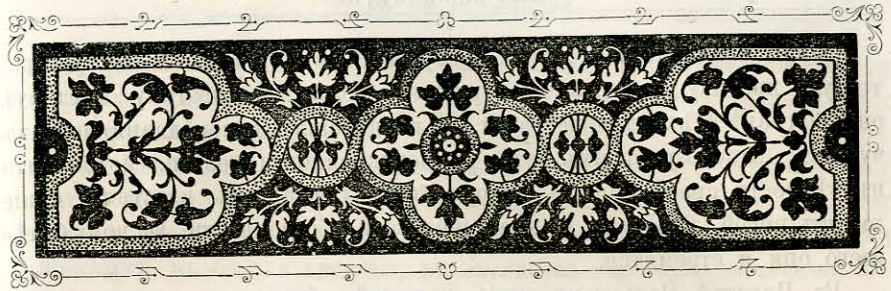
Намъ необходимо знать, какъ они хотятъ понимать свои народныя отношенія къ русскому народу вообще?

Намъ необходимо еще болѣе знать въ частности, какія отношенія они думаютъ установить къ западно-русскому народу?

Намъ необходимо, чтобы они дали намъ свою народную программу.

Почти сто лѣтъ прошло, какъ пала государственная власть Польши въ Западной Россіи. Мы не можемъ думать, чтобы въ эти почти сто лѣтъ поляки Западной Россіи только и дѣлали, что мечтали о возстановленіи въ этой странѣ Польши. Многіе изъ нихъ обладаютъ сокровищами страны, многіе очень образованы, многіе очень наблюдательны: не могли они не вдуматься въ смыслъ прошедшихъ временъ, не придти къ сознанію невозможности въ Западной Россіи Польши и не придумать по этому какой либо новой теоріи своего положенія въ Западной Россіи, теоріи, которую можно было бы высказать на весь міръ не въ общихъ пустыхъ фразахъ, а въ живомъ, честномъ и благотворномъ убѣжденіи.

Иначе, если нѣтъ такой теоріи, если у западно-русскихъ поляковъ не можетъ быть иной теоріи, кромѣ польской, то... delenda est Carthago.. они не могутъ имѣть благъ вѣрноподданничества, не могутъ имѣть представительства чужаго народа, чужой земли, а должны собираться домой, въ свою дѣйствительную отчизну—Польшу. Тамъ будутъ имѣть смыслъ ихъ польскіе адресы!



Кто наши враги? [1])

раговъ нашихъ въ дѣлѣ польскомъ и западно-русскомъ обыкновенно раздѣляютъ на двѣ категоріи: на бѣлыхъ и на красныхъ; но если всмотрѣться попристальнѣе, столько найдется еще категорій, что, для опредѣленія ихъ, не достанетъ всѣхъ цвѣтовъ радуги.

Такъ какъ одна изъ главныхъ обязанностей публициста состоитъ въ неутомимомъ преслѣдованіи и обличеніи враговъ общества, принадлежащихъ именно къ этимъ неопредѣленнымъ категоріямъ, то мы и открываемъ противу ихъ правильную кампанію рядомъ статей подъ рубрикою: кто наши враги? Побѣдителями изъ этой кампаніи можемъ мы выйдти только при помощи всѣхъ единомышленниковъ нашихъ, потому не только не беремъ монополіи на нашу рубрику, но приглашаемъ всѣхъ воспользоваться ею, чтобы обличить новаго врага или извѣстить общество о скрывающейся гдѣ либо враждебной партіи.

Откроемъ дѣйствія наши характеристикой партіи, по многочисленности не уступающей ни бѣлымъ, ни краснымъ; назовемъ эту третью категорію враговъ нашихъ синими, такъ назывались во Франціи имперіалисты. Наши синіе хотя тоже выдаютъ себя за приверженцевъ династіи, но въ чистосердечіе ихъ мы менѣе вѣримъ, чѣмъ въ чистосердечіе синихъ французскихъ.

Синіе ярые противники красныхъ, потому что они враги всякаго безпорядка и кромѣ того ультра-крѣпостники; они также не сочувствуютъ и бѣлымъ, потому что не вѣрятъ въ возможность возстановленія Польши, въ особенности въ предѣлахъ шире конгрессувки.

---

[1]) „Вѣстникъ З. Россіи“ 1865 г., книга II, октябрь.

Синіе всегда были и будутъ покорны законному правительству, протестуя противу всякаго вооруженнаго возстанія, поэтому и стоятъ они во главѣ всѣхъ демонстрацій для изъявленія вѣрноподданническихъ чувствъ; заподозрить ихъ тутъ въ неискренности нельзя, потому что въ вѣрности престолу и въ покорности подлежащимъ властямъ синіе видятъ покой, порядокъ и охраненіе своей собственности, къ чему болѣе всего они и стремятся.

Въ Царствѣ Польскомъ синіе, пожалуй, безвредны, даже полезны, потому что изъ нихъ правительство всегда можетъ составить ядро для партіи порядка..... дѣло иное на западной Руси! Тутъ мы считаемъ ихъ самою вредною категоріею враговъ нашихъ, потому что: во-первыхъ, они усиливаются раздѣлить въ этомъ краѣ дѣло нераздѣльное—дѣло русское отъ дѣла правительственнаго, такимъ образомъ, изъ покорности къ правительству протестуютъ противу всякаго вооруженнаго возстанія, но изъ ненависти къ русской народности и православію стоятъ во главѣ латино-польской пропаганды, ведущей къ этому возстанію; во-вторыхъ, самая покорность подлежащимъ властямъ становитъ ихъ внѣ законнаго преслѣдованія, отчего обществу, въ борьбѣ съ ними, трудно разсчитывать на правительственную поддержку; въ-третьихъ, они имѣютъ сильныхъ союзниковъ среди самаго русскаго общества—въ крѣпостникахъ по тождественности интересовъ, въ сословникахъ по тождественности сословныхъ тенденцій, въ близорукихъ русскихъ политикахъ, которые съ возстановленіемъ внѣшняго порядка считаютъ дѣло русское покончennымъ въ Западномъ краѣ, наконецъ, въ русскихъ скептикахъ, не вѣрующихъ въ жизненную силу русскаго элемента и омороченныхъ поляками мнимымъ превосходствомъ польской интеллигенціи надъ русскою.

Политическая работа синихъ ограничивается: строгимъ исполненіемъ и поддержкой всѣхъ обрядовъ латинскихъ въ средѣ, на которую имѣютъ вліяніе; поддержкой, въ той же средѣ, польскаго языка и вообще польской культуры, наконецъ, ратованіемъ за шляхетскія права.

Пріемы ихъ въ этой политической работѣ слѣдующіе:

1) Всякую дѣятельность, направленную къ пользѣ крестьянъ, называютъ распространеніемъ демагогическихъ началъ, стараются этимъ застращать правительство и сочувствующую имъ, въ этомъ отношеніи, часть русскаго общества. Тутъ, разумѣется, естественными врагами синихъ являются: православные священники, мировые посредники, волостные писаря и сельскіе учителя; лишь только одинъ изъ нихъ начнетъ честно работать въ пользу православія и русскаго дѣла, они провозглашаютъ его краснымъ, раздражаютъ его и доводятъ до того, что онъ, вслѣдствіе раздраженія, по юридической неопытности, дѣйствительно и сдѣлаетъ промахъ или превыситъ власть; такимъ образомъ, часто случалось, что они достигали своей цѣли, принуждая правительство удалять лучшихъ своихъ служителей; такое удаленіе, къ прискорбію, охлаждало усердіе и другихъ. Нравственный надрывъ въ натурѣ русскаго человѣка!

2) Латинскую вѣру называютъ польскою, чѣмъ смѣшиваютъ въ массѣ народонаселенія понятіе о вѣрѣ съ понятіемъ о народности, такимъ образомъ, привлекаютъ въ свой лагерь толпу русскихъ, совращенныхъ, въ былыя времена, въ латинство. Противодѣйствовать этому пріему политической работы синихъ очень трудно, потому что дѣйствительность какъ бы подтверждаетъ распространяемое ими понятіе: до сихъ поръ въ латинскихъ костелахъ на Западной Руси проповѣдь говорится по-польски и молитвенники этого исповѣданія печатаются по-польски. На Жмуди эта аномалія уже устранена: проповѣдуютъ тамъ теперь по-жмудски, а для молитвенниковъ приняты мѣры, чтобы они печатались не только по-жмудски, но даже и русскими буквами; къ равносильной мѣрѣ нельзя прибѣгнуть въ латинскихъ приходахъ, гдѣ населеніе русское: если проповѣдь будетъ говориться по-русски и молитвенники печататься на русскомъ языкѣ, не будетъ ли это служить новымъ оружіемъ для пропаганды? Уничтожая ложное понятіе, что вѣра латинская есть польская, не возродимъ ли мы другое, что латинская вѣра можетъ быть русскою? Все это требуетъ тщательнаго и не спѣшнаго обсужденія, къ чему мы и приглашаемъ опытныхъ мыслителей.

3) Синіе пользуются всѣми дозволенными правительствомъ праздненствами и по преимуществу религіозными процессіями, чтобы группировать, въ административныхъ центрахъ Западной Россіи, наибольшее число простолюдиновъ, говорящихъ по-польски, и тѣмъ фактически заявить предъ правительствомъ и русскимъ обществомъ о преобладаніи польскаго элемента въ краѣ и о невозможности подавить его равносильнымъ русскимъ. Въ примѣръ приведемъ ежегодно происходившія въ Вильнѣ двѣ, совпадающія въ одинъ день, процессіи, латинскую по случаю праздника Божье тѣло и православную въ память воссоединенія уніи. Православный крестный ходъ совершается и нынѣшній годъ совершился очень скромно, въ раннее время дня, внутри монастырской ограды, при маломъ стеченіи богомольцевъ, случайно узнавшихъ о немъ, и при должностныхъ лицахъ, оповѣщенныхъ приказами отъ подлежащихъ властей. Для латинской процессіи улицы, по сохранившемуся еще обычаю временъ польскаго преобладанія, даже исключительно населенныя евреями, бываютъ и были уставлены березками (въ старину это, разумѣется, дѣлалось насильственно, посредствомъ полиціи, а впослѣдствіи вошло въ обыкновеніе), всѣ магазины были заперты (по той же причинѣ), были наряжены цѣхи съ своими знаменами (о коихъ распущена молва, что нѣкоторыя изъ нихъ относятся ко времени Ягайлы, даровавшаго Вильнѣ

магдебургское право), разставлены жандармы и полиція; за процессіей слѣдовала огромная толпа; улицы были запружены народомъ (нѣсколько тому лѣтъ высылалась еще толпа мальчиковъ, которые разгоняли евреевъ, кидая въ нихъ камнями и грязью; евреи, помня это, и на этотъ разъ всѣ попрятались!)..... Синіе между тѣмъ (разумѣется мужескаго пола, женскаго пола нѣтъ: эти всѣ или бѣлыя, или красныя) находились въ кружкахъ русскихъ, которые глазѣли на процессію и со вздохомъ замѣчали, указывая на толпу, что теорія съ дѣйствительностью не сходится; что грѣшно обманывать правительство и называть Вильно русскою (синіе никогда не склоняютъ Вильну и не скажутъ, какъ слѣдуетъ, Вильна); что заставить эту пятидесяти-тысячную толпу, молящуюся по-польски, называть этотъ языкъ не роднымъ своимъ можно только въ журнальныхъ статьяхъ; но что, къ счастію, правительство логичнѣе этой крайней русской демагогической партіи, которая все хочетъ ломать, и признаетъ, хотя бы допущеніемъ такой процессіи, что de facto римско-католическая вѣра въ Западномъ краѣ есть господствующая. .; „въ Петербургѣ, гдѣ дѣйствительно господствуетъ православіе“, прибавляютъ синіе, „не дозволены же процессіи ни католическія, ни лютеранскія, не смотря на огромное число обывателей этихъ вѣроисповѣданій!“

Нелюбознательные русскіе индифферены, русскіе скептики и русскіе новопріѣзжіе вздыхаютъ вмѣстѣ съ синими и глубокомысленно замѣчаютъ, что „трудно дѣло русское“, „безъисходное, молъ, положеніе!“

Въ счастію, есть русскіе, ознакомившіеся съ тайными пружинами всей этой махинаціи, которые въ состояніи отвѣтить синимъ господамъ, что: во-первыхъ, ежели бы православному крестному ходу придана была такая же обстановка, какъ латинской процессіи: съ березками по еврейскимъ улицамъ, съ знаменами цѣховъ, съ полиціей и жандармами, то онъ, конечно, привлекъ бы такую же громадную толпу всѣхъ возможныхъ вѣроисповѣданій; во-вторыхъ, не безъизвѣстно, что латинскіе пропагандисты во время владычества своего въ краѣ съумѣли придать, разными происками, процессіи тѣла Божьяго характеръ народнаго праздника, который безразлично чтится и латинянами, и православными, а потому въ пятидесяти-тысячной толпѣ, на которую указываютъ, какъ на латино-польскую, можно насчитать нѣсколько тысячъ православнаго русскаго народа; въ-третьихъ, въ нынѣшнемъ году толпа была многочисленнѣе, чѣмъ когда либо, потому что необходимо было сдѣлать латино-польскую домонстрацію при перемѣнѣ управленія въ краѣ; съ этой цѣлью, намъ положительно извѣстно, ксендзы частью угрозами недопущенія къ причастію, частью обѣщаніями полнаго отпуска грѣховъ посылали своихъ прихожанъ въ Вильну къ празднику тѣла Божьяго изъ отдаленнѣйшихъ губерній; мы сами слышали это отъ богомольцевъ витебскихъ и минскихъ.... Рождается

вопросъ: какова была бы толпа на православномъ крестномъ ходѣ, если бы священники употребили при настоящихъ обстоятельствахъ усиленную свою власть, чтобы выслать на это торжество своихъ прихожанъ?

Къ счастію, пастыри церкви православной, оставшейся въ первоначальной своей чистотѣ, безъ всякихъ политическихъ примѣсей, не слѣдуютъ примѣру агентовъ латинской воюющей церкви (èglise militante); этимъ церковь теряетъ, можетъ быть, въ блескѣ своихъ процессій, но за то возвышается духовнымъ своимъ величіемъ надъ суетою мірской!

Что касается до клеветы, возводимой на правительство, будто оно, de facto, признаетъ латинскую вѣру господствующей въ Западномъ краѣ, мы скажемъ, что правительство было занято до сихъ поръ подавленіемъ вооруженнаго мятежа, т. е. одними красными и бѣлыми, которые принимали въ немъ участіе, синими правительство не могло еще заняться, потому что они притаились во время опасности; дѣло ихъ мирное и начинается только теперь, теперь только и можно за нихъ приняться! Начало сдѣлано съ преобразованія виленскаго музея, этого святилища латино-польской культуры; дойдетъ, можетъ быть, и до процессій, если кромѣ религіознаго онѣ сохранятъ характеръ демонстративный.

Во всякомъ случаѣ, да будетъ извѣстно какъ бѣлымъ и краснымъ, такъ и синимъ, что въ Западномъ краѣ нельзя быть въ одно время за правительство и противъ русской народности, потому что само правительство признало этотъ край русскимъ не вслѣдствіе побѣды, а по сродству кореннаго его народонаселенія съ народонаселеніемъ остальной Россіи. И такъ, люди губерній Царства Польскаго, которое также неотъемлемо принадлежитъ Россіи, но по праву побѣды, если они хотятъ сохранить свой языкъ и вѣру, что имъ не воспрещается, лишь бы они остались вѣрноподданными, пускай считаютъ себя въ Западномъ краѣ только гостями и ведутъ себя таковыми, уважая православіе, какъ господствующую вѣру, и народность русскую, какъ господствующую народность; уроженцамъ же здѣшняго края, которые гордятся отступничествомъ предковъ отъ вѣры своей и народности, да будетъ стыдно!

Что такое русское общество въ С.-З. краѣ? [1])

Я. Балвановича.

Въ нѣсколькихъ передовыхъ статьяхъ „Дня“ высказывается вами желаніе, чтобы русское общество, стряхнувши съ себя многовѣковую дремоту, позаботилось само о противодѣйствіи польской пропагандѣ въ нашемъ краѣ, на томъ основаніи, что правительство, какъ бы ни было оно могущественно, какъ бы ни были прекрасны его стремленія, не всегда можетъ достигать благотворныхъ результатовъ въ вопросахъ чисто соціальнаго свойства. Мысль эта, если брать ее безъотносительно, совершенно вѣрна; но если разсматривать ее примѣнительно къ нашему краю, то возникаетъ маленькое недоразумѣніе на счетъ того, о какомъ обществѣ вы говорите, отъ какого общества вы требуете отпора полонизму: отъ русскаго ли общества собственно Россіи или же отъ русскаго общества Западнаго края? Если вы разумѣете русское общество Россіи, то вы правы; оно много, очень много виновато передъ вами: до послѣдняго времени оно было слишкомъ равнодушно къ намъ, оно просто на просто вовсе не думало о насъ, бѣлоруссахъ, такъ неосмотрительно предано было на жертву польскимъ панамъ и ксендзамъ. Если же подъ русскимъ обществомъ вы разумѣете русское общество Западнаго края, то позвольте сказать чистосердечно, что вы не правы въ своихъ требованіяхъ, не правы именно потому, что у насъ нѣтъ еще русскаго общества. Есть у насъ общество польское, общество еврейское, и каждое изъ нихъ сильно своимъ единодушіемъ, но русскаго, повторяемъ, нѣтъ еще и не бывало. Можно, конечно, на это намъ сдѣлать возраженіе такого рода: какъ нѣтъ въ Западномъ краѣ русскаго общества, развѣ его не составляютъ чиновники великорусскаго и бѣлорусскаго происхожденія и просто бѣлоруссы, живущіе по городамъ? Неужели они не могутъ противодѣйствовать польской пропагандѣ? Правда, есть у насъ чиновники великорусскаго и бѣлорусскаго происхожденія, но они не составляютъ у насъ общества, во-первыхъ, потому, что ихъ чрезвычайно мало сравнительно съ числомъ чиновниковъ-поляковъ и живутъ они между собою разъединенно, какъ-то особнякомъ, почти не зная другъ друга; а, во-вторыхъ, потому, что нашъ чиновникъ всегда и вездѣ только чиновникъ, т. е. такая личность, которая весьма мало думаетъ о соціальныхъ вопросахъ, полагая, что его назначеніе состоитъ исключительно въ разсылкѣ и полученіи предписаній, рапортовъ и другихъ канцелярскихъ бумагъ. Ясно, что эти господа столько заботятся о противодѣйствіи полонизму, сколько вашъ покорнѣйшій слуга о прошлогоднемъ снѣгѣ. Разумѣется, было бы грѣшно не сказать здѣсь, что есть исключенія, даже блистательныя исключенія, но это капля въ морѣ; большая же часть чиновниковъ великорусскаго и бѣлорусскаго происхожденія усердно и очень усердно служили въ послѣднее время польской пропагандѣ, одни безсознательно, другіе изъ ложно понимаемаго либерализма, иные въ полномъ убѣжденіи, что такъ слѣдуетъ дѣйствовать „для примиренія польской народности съ русскою“, а иные по своекорыстнымъ разсчетамъ, которымъ безъ зазрѣнія совѣсти принесли въ жертву интересы нашей родины. Послѣдніе буквально предались полякамъ съ руками и ногами, лицемѣрно прикрывая свои двусмысленныя, антинаціональныя дѣйствія то примирительнымъ началомъ, то либерализмомъ, который часто доходитъ у нихъ до ужасающихъ размѣровъ и который, въ сущности, проявлялся только на словахъ. Тутъ кстати поблагодарить всѣхъ этихъ дѣятелей за ихъ хлопоты о примиреніи и за результаты этихъ хлопотъ, но.... Богъ съ ними! Дѣло прошлое, притомъ же одни изъ нихъ сошли уже съ поприща, а другіе....; но кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ?

Лучше постараемся объяснить, откуда является въ нашихъ русскихъ людяхъ эта неумѣстная уступчивость притязаніямъ поляковъ, это чрезмѣрное желаніе уклончивыми дѣйствіями заслужить отзывъ ихъ: choć moskal, ale dobrze myślący, отзывъ, который, сколько мы замѣтили, очень нравится многимъ изъ нашихъ братій, но въ которомъ, право, нѣтъ ничего завиднаго: онъ означаетъ только то, что человѣкъ, удостоившійся его, навсегда потерянъ для нашего русскаго дѣла и готовъ сдѣлаться орудіемъ польскихъ пропагандистовъ. Отвѣчать на такой вопросъ очень легко: стоитъ только для этого раздѣлить нашихъ русскихъ чиновниковъ на двѣ категоріи: на чиновниковъ великорусскаго

[1]) „День“ 1863 г. „Вѣст. З. Россіи“, іюль 1863 г.

происхожденія и чиновниковъ бѣлорусскаго происхожденія; каждая изъ этихъ категорій имѣетъ свои особыя побужденія дѣйствовать въ пользу польской пропаганды. Великоруссы, конечно, не тѣ, у которыхъ на первомъ планѣ своекорыстные разсчеты, побуждались къ этому предубѣжденіемъ, которое они приносили съ собою изъ Великороссіи, нелѣпымъ, дикимъ предубѣжденіемъ, будто здѣсь чистѣйшая Польша. И странное дѣло: чѣмъ знатнѣе, чѣмъ, такъ сказать, аристократичнѣе было лицо, чѣмъ обширнѣе былъ кругъ предоставленной ему дѣятельности, тѣмъ предубѣжденіе это было сильнѣе. Оно скоро переходило въ убѣжденіе, благодаря мѣстнымъ условіямъ общественной жизни, въ которыя ставится пріѣзжій. Вступивъ, по занимаемой имъ должности, въ средній или высшій классъ нашего общества, состоящаго почти исключительно изъ поляковъ, вращаясь постоянно въ кругу ихъ, слыша повсюду польскій языкъ, великорусскій человѣкъ не могъ не придти, на основаніи этихъ фактовъ, къ заключенію, что онъ въ самомъ дѣлѣ живетъ въ Польшѣ. Разумѣется, взглядъ его на эту миширную обстановку значительно бы измѣнился, если бы онъ задалъ себѣ трудъ познакомиться съ нашими мужичками, которыхъ доморощенные цивилизаторы заклеймили названіемъ bydło (скотъ); но вообще русскій важный человѣкъ, какъ извѣстно, небольшой охотникъ до сближенія съ простонародіемъ. Прибавьте къ этому извѣстную ловкость поляковъ дѣйствовать на нужную имъ личность сообразно своимъ цѣлямъ, направлять образъ ея мыслей въ ту сторону, въ какую имъ понадобится; присоедините сюда высокое мнѣніе каждаго великорусса, добытое имъ еще дома, о полякахъ, какъ о народѣ, котораго цивилизація стоитъ на очень завидной степени развитія, да совѣстливость великорусскую показаться въ глазахъ другихъ фанатиковъ притѣснителемъ чужой національности, и тогда объяснятся сами собой всѣ его дѣйствія, иногда нерѣшительныя, иногда заискивающія, а иногда уклончивыя [1]). Но можно-ли, но слѣдуетъ ли за все это бросать камнемъ въ великорусскаго человѣка? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Вина всему этому лежитъ глубже, тамъ, въ великорусскомъ обществѣ, въ его ученыхъ членахъ, въ его преподавателяхъ, въ его литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ: что было сдѣлано великорусскими людьми, чтобы распространить въ своемъ обществѣ правильный взглядъ на Бѣлоруссію, на эту несчастную Бѣлоруссію? Гдѣ сколько нибудь порядочныя общедоступныя сочиненія, которыя бы вѣрно изображали нашу горькую долю? Давно ли нѣкоторыя изъ петербургскихъ періодическихъ изданій серьезно толковали намъ о необходимости сносить всѣ выходки, всѣ капризы полонизма, называя всякое сопротивленіе съ нашей стороны „національною безтактностью“? Не упрекаютъ-ли и теперь наши газеты горячихъ защитниковъ нашей родины въ фанатизмѣ и, страшно сказать, въ умопомѣшательствѣ?! [1]) Положимъ, что подобныя статьи пишутся подъ впечатлѣніемъ минуты, слѣдовательно мимолетны и не заслуживаютъ серьезнаго вниманія со стороны опытныхъ людей, но на малодежь онѣ производятъ надлежащее дѣйствіе. Гораздо хуже то, что всѣ наши руководства по русской исторіи составлены непростительно плохо въ томъ отношеніи, что въ нихъ недостаточно разъясняются происхожденіе Бѣлоруссіи и перевороты, въ ней происходившіе; къ ней обыкновенно относятъ только Могилевскую и Витебскую губерніи, а всѣмъ остальнымъ губерніямъ западнымъ даютъ названіе Литвы, не растолковавши напередъ, въ какомъ смыслѣ и по какой причинѣ это такъ дѣлается. Пишутъ цѣлые томы о варягоруссахъ, о названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ, о Тьмутаракани, а не хотятъ заняться изслѣдованіемъ нашей родины! Не удивительно послѣ этого, что каждый учащійся, а весьма часто и человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, вполнѣ убѣжденъ, что въ такъ называемой Литвѣ жи-

[1]) Въ прошломъ году пріѣхалъ было въ нашъ городъ, на одну изъ высшихъ губернскихъ должностей, великоруссъ древняго знатнаго происхожденія. Будучи аристократомъ въ душѣ (такъ, по крайней мѣрѣ, должны мы были заключить изъ его поступковъ), онъ на первыхъ же порахъ пребыванія своего у насъ вошелъ въ интимныя отношенія съ польскими помѣщиками, которые такъ ловко умѣли завлечь его въ свои сѣти, что онъ совершенно предался этимъ людямъ и высказывалъ неоднократно такую мысль: „Странное дѣло, какъ это Россія не видитъ, что въ этомъ краѣ нѣтъ ничего русскаго, что онъ составляетъ съ собственно Польшею одно тѣло и одинъ духъ“. Поляки, разумѣется, рукоплескали ему и сдѣлали въ честь его овацію, а мы молча пожимали плечами. А что-жъ прикажете дѣлать??

[1]) Читатели, полагаемъ, легко догадаются, что мы намекаемъ на статью редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 173), направленную противъ г. Николая Виноградова. Какъ неправа редакція въ обвиненіяхъ, взводимыхъ ею на этого человѣка, это здѣсь намъ всѣмъ очевидно и это покажетъ время; мы скажемъ только, что съ подобными отзывами не мѣшало бы быть вообще нѣсколько поосторожнѣе. Редакціи должно быть извѣстно, что молодые люди вообще слишкомъ благоговѣютъ предъ печатнымъ словомъ, полагая, что каждая газета заправляетъ общественнымъ мнѣніемъ, что она есть отголосокъ всего образованнаго класса, и вѣрятъ ея приговорамъ на слово, не подвергая ихъ ни малѣйшей критикѣ; тѣмъ болѣе они готовы приписать это значеніе такой распространенной газетѣ, какъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“. А изъ этого можетъ выйдти то, что молодое поколѣніе бѣлоруссовъ, едва начавшее возрождаться къ новой жизни, можетъ потерять энергію и охоту прямо, честно, благородно отстаивать свою родину, нелицемѣрно ими любимую, изъ опасенія прослыть фанатикомъ, умопомѣшаннымъ доносчикомъ! Мы бы одного только желали: поставить редакцію на наше мѣсто, посмотрѣли бы мы тогда, какъ бы она заговорила? Вотъ въ томъ то и бѣда наша, что большинство великоруссовъ судитъ о здѣшнихъ полякахъ по тѣмъ немногочисленнымъ полякамъ, которые временно къ намъ являются. Ошибка непростительная! Тамъ у васъ они гости и потому дѣйствуютъ какъ гости, стараясь выказать себя съ самой лучшей, съ самой выгодной стороны, въ чемъ, какъ видно, вполнѣ успѣваютъ. Совсѣмъ не то эти господа здѣсь. Здѣсь они считаютъ себя хозяевами и не дай Богъ никому считаться ихъ гостьми!

вутъ литовцы или поляки, тогда какъ литовское племя составляетъ большинство простаго народа въ одной Ковенской губерніи и нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма ничтожныхъ частяхъ Виленской и Гродненской; въ Минской же губерніи и въ 3/4 Виленской и Гродненской простой народъ—бѣлоруссы, поляковъ очень немного (къ нимъ слѣдуетъ причислить помѣщиковъ въ уѣздахъ и чиновниковъ въ городахъ). Поэтому и самое слово Литва, какъ вводящее многихъ въ заблужденіе, должно даваться не всему Западному краю, а только той мѣстности, гдѣ дѣйствительно сплошная масса населенія литовскаго происхожденія. Промахи руководствъ рѣдко исправляются преподавателями, потому что и сами они частенько знаютъ край нашъ не болѣе того, что говорится о немъ въ руководствахъ [1]). Современныя обстоятельства показали, что великоруссы должны вкоренять въ дѣтей своихъ, съ самаго малолѣтства, мысль, что Бѣлоруссія это таже Россія, какъ народъ, живущій въ ней, тотъ же самый русскій народъ, что и въ губерніяхъ великорусскихъ, что языкъ его тотъ же русскій, только нѣсколько измѣнившійся, вслѣдствіе долговременной зависимости Бѣлоруссіи отъ Польши. Все это такъ глубоко должно запасть въ душу русскаго юношества, какъ глубоко запало въ душу поляковъ убѣжденіе, что Западный и Юго-Западный край Польша и что послѣдняя безъ первыхъ существовать не можетъ. Тогда великоруссы, пріѣзжающіе къ намъ, стояли бы на твердой почвѣ и придавали бы своей дѣятельности опредѣленный характеръ, чуждый всякаго колебанія. Они бы не брали въ основу своихъ дѣйствій начало примиренія. Они бы знали, что попытки примирить бѣлорусскую національность съ польскою будутъ безполезны до тѣхъ поръ, пока поляки не откажутся отъ своихъ завѣтныхъ стремленій и надеждъ, пока они не станутъ смотрѣть на себя не какъ на хозяевъ Бѣлоруссіи, а какъ на гостей, пока они не сознаютъ наконецъ, что нельзя ходить въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ, а это послѣдуетъ развѣ тогда, когда „камень станетъ плавать, а хмѣль тонуть на водѣ“. Отъ шаткости и неопредѣленности взгляда великорусскихъ людей на нашъ край происходитъ и то, въ высшей степени грустное явленіе, что они, особенно если разсчитываютъ водвориться у насъ навсегда, ополячиваются сами или, по крайней мѣрѣ, ополячиваютъ свое потомство, женившись на полькахъ, причемъ приводятъ въ свое оправданіе извѣстную поговорку: „съ волками

[1]) Редакторъ „Вѣстника“, въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1861 г., развивалъ нѣкоторымъ административнымъ лицамъ свою мысль о пользѣ учрежденія спеціальныхъ каѳедръ исторіи Польши и Западной Россіи не только въ университетѣ св. Владиміра, но и во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Юго-Западнаго и Западнаго края, духовныхъ и свѣтскихъ. Съ мнѣніемъ его согласились, обѣщали содѣйствовать его осуществленію этого мнѣнія, но, повидимому, забыли свое обѣщаніе.

жить по волчьи выть“. Въ семействѣ, напримѣръ, гдѣ мать полька, можно смѣло ручаться, что, во-первыхъ, господствующій языкъ исключительно польскій и что, во-вторыхъ, сыновья не то русскіе, не то поляки, такъ что-то средне-пропорціональное, весьма, впрочемъ, жалкое, склоняющееся то на ту, то на другую сторону, смотря по тому, откуда сильнѣе и благопріятнѣе дуетъ вѣтеръ. Они непремѣнно погибнутъ для русскаго дѣла, для русской земли, въ особенности если сблизятся въ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ поляками, вступятъ въ ихъ кружки или женятся впослѣдствіи на полькахъ. Что же касается дочерей такого семейства, то онѣ обращаются въ настоящихъ полекъ, бѣгаютъ ежедневно съ книжками въ костелъ и, о верхъ сумасбродства! торжественно увѣряютъ, что онѣ польки russkiej wiary!? Исключеніе изъ этого составляютъ только такія семейства, гдѣ отецъ человѣкъ твердый, энергическій, а мать женщина образованная, не фанатичка, вполнѣ понимающая, что не къ чему передѣлывать то, что уже разъ сдѣлано. Сюда слѣдуетъ также отнести и тѣ семейства, въ которыхъ мать русская, а отецъ полякъ, хотя это случается очень рѣдко, потому что поляки избѣгаютъ брака съ русскими дѣвицами. Члены такихъ семействъ почти всегда склоняются на сторону русскихъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, особенно дѣвушки, дѣлаются совершенно русскими. Но, повторяемъ, все это исключенія, слѣдовательно ихъ нельзя принимать въ разсчетъ.

Чиновники второй категоріи, т. е. бѣлорусскаго происхожденія, должны быть раздѣлены также на два разряда: на чиновниковъ, вышедшихъ не изъ шляхетскаго сословія, и на чиновниковъ, считающихъ себя потомками шляхты, буянившей нѣкогда подъ знаменами Польши и вопившей на сеймахъ: nie pozwalam! Первые совершенно вѣрны своей національности, преданы Россіи, но все же они только чиновники, притомъ находящіеся подъ началомъ поляковъ, въ рукахъ которыхъ ихъ судьба. Имъ ли думать о русской пропагандѣ?

Совсѣмъ другаго свойства бѣлоруссы втораго разряда: они съ ногъ до головы заражены польскимъ духомъ и только православная вѣра мѣшаетъ имъ окончательно слиться съ поляками; бредятъ уніей, посѣщаютъ почти исключительно костелы, употребляютъ постоянно польскій языкъ дома, въ обществѣ, на гуляньяхъ, читаютъ только польскихъ авторовъ, знаютъ наизусть Мицкевича, Сырокомлю, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и другихъ нашихъ литературныхъ дѣятеляхъ, въ восторгѣ отъ Пустовойтовой и ей подобныхъ ренегатовъ. Нѣкоторые изъ этихъ молодчиковъ ушли даже до лясу, и намъ остается только пожалѣть, что и остальные не убрались туда же: по крайней мѣрѣ Бѣлоруссія очистилась бы отъ этихъ перевертней, отъ этой заразы. Оставаясь же

среди насъ, они вредятъ намъ болѣе чѣмъ поляки, потому что, прикрывшись православіемъ, они смѣлѣе дѣйствуютъ и въ недавно бывшихъ у насъ демонстраціяхъ, битіи оконъ, составленіи пасквилей, нерѣдко являлись коноводами или тайными подстрекателями.

Но есть у насъ и отрадныя явленія: это бѣлоруссы молодаго поколѣнія, только что выступающіе на поприще жизни, но уже вполнѣ сознавшіе свою русскую національность. Они горячо любятъ свою родину, убѣждены, что счастіе ея заключается въ возможно скорѣйшемъ слитіи не съ Польшею, какъ думаютъ нѣкоторые поляки russkiéj wiary, а съ Великороссіей, и въ этомъ смыслѣ позволяютъ себѣ высказываться уже довольно громко. Къ сожалѣнію, положеніе ихъ покамѣстъ крайне незавидно: съ одной стороны поляки, и въ особенности ополячившіеся русскіе, обрушиваются на нихъ градомъ насмѣшекъ, брани и клеветъ; съ другой и нѣкоторые истинно русскіе, Богъ ихъ знаетъ по какому побужденію, смотрятъ на нихъ съ какимъ-то недовѣріемъ и частенько задѣваютъ ихъ за самую чувствительную струнку. Нерѣдко отъ этихъ господъ можно слышать такой отзывъ: „помилуйте, какой онъ русскій, у него даже и фамилія не съ русскимъ окончаніемъ“. Не разсчетливый, глупый отзывъ! Онъ можетъ выходить изъ устъ тѣхъ людей, которые до сихъ поръ коснѣютъ въ прежнемъ невѣжествѣ относительно Бѣлоруссіи, не смотря на то, что пора бы, кажется, имѣть хоть сколько нибудь правильный взглядъ на нее. Впрочемъ, и молодые бѣлоруссы не остаются въ долгу у такихъ великоруссовъ; они съ своей стороны не хотятъ признавать ихъ русскими! Очевидно, что одна нелѣпость стоитъ другой и обѣимъ мы обязаны нашимъ мнимымъ пріятелямъ. Если бы это молодое поколѣніе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, было нѣсколько многочисленнѣе и имѣло больше вѣсу, то оно подвинуло бы русское дѣло значительно, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время оно начинаетъ уже дѣйствовать и, какъ мы за достовѣрное слышали, успѣло убѣдить русскихъ дѣвицъ одного женскаго учебнаго заведенія говорить въ стѣнахъ его по-русски, по крайней мѣрѣ, между собою. Честь же и слава тебѣ, благородное юношество! Стремись впередъ по пути, тобою избранному! ты положишь краеугольный камень освобожденію твоей родины отъ гнета полонизма и счастливая жизнь нашихъ потомковъ будетъ лучшею твоею наградою за этотъ подвигъ!

Для полной характеристики нашего общества намъ слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о нашемъ духовенствѣ и о нѣмцахъ, живущихъ среди насъ.

Городское духовенство наше, конечно, принадлежитъ къ числу немногихъ, но лучшихъ членовъ русскаго общества, и если бы оно пользовалось должнымъ ему, по всей справедливости, уваженіемъ, если бы оно не было стѣснено различными хитросплетеніями враждебной ему

стороны, то содѣйствіе его русскому дѣлу было бы значительно [1]). Покамѣстъ-же оно считается русскимъ только потому, что всѣми силами поддерживаетъ и укрѣпляетъ въ своей паствѣ православную вѣру. Откажись оно отъ употребленія польскаго языка, какъ у себя дома, такъ и въ обществѣ, и тогда мы охотно признали бы его нашей путеводной звѣздой. Но, къ сожалѣнію, языкъ польскій такъ глубоко въѣлся въ плоть и кровь нашего духовенства, что, во-первыхъ, часто во время литургіи слышишь его употребленіе между церковнослужителями, напримѣръ: panie Janie, prędzej księdzu kadzidło, и что, во-вторыхъ, есть пастыри, которые исповѣдуютъ своихъ прихожанъ по-польски.

О нѣмцахъ нашихъ немного приходится говорить. Они вѣрно, честно служатъ Россіи, но странно было бы требовать отъ нихъ слишкомъ большаго содѣйствія настоящему русскому дѣлу.

Вотъ и всѣ или, по крайней мѣрѣ, главные элементы нашего общества. Скажите-же теперь откровенно, можетъ ли такое общество дать надлежащій отпоръ польской пропагандѣ и не правы ли мы были, объявивши въ началѣ этого письма, что у насъ, строго говоря, нѣтъ истинно русскаго общества?

Кто же долженъ принять на себя трудную обязанность вести у насъ борьбу съ полонизмомъ? Очевидно, что это святое дѣло можетъ быть съ успѣхомъ совершено, при настоящихъ обстоятельствахъ, только при неослабномъ содѣйствіи правительства нашего. И есть основаніе надѣяться, что оно не позволитъ польскимъ пропагандистамъ забрать снова насъ въ свои руки, что оно подниметъ упавшій было нашъ духъ, что оно двинетъ къ намъ массы здороваго, крѣпкаго великорусскаго населенія и размѣститъ его по канцеляріямъ, присутственнымъ мѣстамъ, учебнымъ заведеніямъ и по казеннымъ фермамъ. Когда все это приведется въ исполненіе, а привестись оно должно, говорятъ, непремѣнно, если Россія хочетъ, чтобы Бѣлоруссія слилась съ нею окончательно, тогда у насъ возникнетъ русское общество, которое дастъ такой отпоръ полонизму, что и духу его у насъ не останется.

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы должны указать на тотъ печальный, но несомнѣнный фактъ, что великорусскіе чиновники въ Западной Россіи, за рѣдкими исключеніями, какъ-то особенно враждебно относились къ духовенству во всѣхъ случаяхъ столкновенія съ онымъ, а въ презрѣніи къ нему, кажется, старались перещеголять самихъ враговъ православія—поляковъ. Намъ случалось быть свидѣтелями множества примѣровъ того явленія и повсемѣстно слышать жалобы самаго духовенства, что нашей журналистикѣ слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на жалкое, гибельное для цѣлости Россіи поведеніе въ здѣшней странѣ чиновниковъ великоруссовъ.

А вы, братья великоруссы, студенты и слушатели университетовъ, такъ блистательно, энергически заявившіе свою готовность „отстаивать до послѣдняго издыханія интересы земли Русской“, не отказывайтесь, по окончаніи курса наукъ, служить въ нашемъ краѣ, спѣшите къ намъ на помощь, мы примемъ васъ съ распростертыми объятіями! Тяжела подчасъ будетъ ваша жизнь у насъ, много подчасъ придется вамъ испытать у насъ, (но не отъ насъ), глубокихъ огорченій и незаслуженныхъ поношеній. Но, да не смущается душа ваша, да укрѣпится она сознаніемъ важности той заслуги, которую вы принесете общему нашему отечеству своею благотворною дѣятельностью въ нашемъ краѣ. Объ одномъ только просимъ васъ: прежде, чѣмъ отправиться къ намъ, постарайтесь твердо выучить наизусть польскій катихизисъ; знаніе его предохранитъ васъ отъ тѣхъ грубыхъ промаховъ, которые дѣлали у насъ даже лучшіе, даже опытнѣйшіе русскіе люди.

Народное движеніе въ Западной Россіи.

М. Кояловича.

I.

Извѣстія крестьяне Западной Россіи! Депеша изъ Динабурга извѣстила, какъ убѣдительно отнеслись они близъ Креславки къ той части своего населенія, которая сочла себя въ правѣ поднять у нихъ оружіе противъ Россіи и готовить ихъ странѣ польскую государственную власть.

Извѣстіе это касается одной мѣстности, около Динабурга, и частнаго случая, вызваннаго разграбленіемъ отъ поляковъ транспорта русскаго оружія. Но странно было бы придавать этому событію частное значеніе. Многочисленныя военныя донесенія и частныя извѣстія, полученныя гораздо раньше динабургской депеши, давно давали возможность ясно предвидѣть, что народное негодованіе въ Западной Россіи противъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ поляковъ можетъ обнаружиться въ крупныхъ размѣрахъ и яркихъ чертахъ, какъ дѣйствительно и обнаруживается не только около Динабурга, но и въ другихъ мѣстахъ. Креславское событіе есть только прологъ великой народной драмы, въ которой не могутъ не участвовать и русскіе, и поляки, и въ которой они приготовятъ себѣ въ будущемъ неминуемый приговоръ чести или безчестія, а можетъ быть даже жизни или смерти.

Трудно прослѣдить, какъ подготовилась эта драма. Народъ Западной Россіи не имѣетъ своихъ вѣрныхъ органовъ ни въ печати, ни въ обществѣ, ни въ оффиціальной сферѣ, для которой это невозможно. Не гласитъ объ немъ даже тихо родное, теплое слово, не имѣетъ онъ сильныхъ, всецѣло ему отданныхъ ходатаевъ, видныхъ, неодолимыхъ преградами руководителей. Надъ нимъ стоитъ сфера оффиціальная, которая, при всемъ добромъ желаніи, не можетъ взять на себя и вы-

двигать все народное дѣло, потому что назначеніе ея быть безпристрастной даже къ народности и вѣрѣ. Надъ нимъ стоитъ сфера общественная польская, которая исторически призвана, т. е. сама призвала себя, давить и заслонять его. Надъ нимъ лежитъ еще одинъ покровъ, дыравый, но едва открывающій доступъ свѣту Божію, покровъ жидовства, этого невольнаго виновника и спутника историческихъ мукъ западно-русскаго народнаго духа. Этотъ духъ, разобщенный съ общественною средой, весь въ непроходимыхъ лѣсахъ, въ неизмѣримыхъ болотахъ, въ необозримыхъ степяхъ, въ сообществѣ неисчислимыхъ духовъ міра религіозной народной области и потому еще менѣе доступный нашему фактическому, матеріальному, холодному воззрѣнію.

Но неужели такъ безсильны нашъ ученый умъ и наше цивилизованное чувство, что мы не можемъ проникнуть хоть немного въ эту недовѣдомую область и подглядѣть таинственную поступь и таинственныя рѣчи этого народнаго духа? Теперь единственное, можетъ быть, для этого время. Онъ самъ выходитъ изъ лѣсовъ, болотъ и степей и воплощается въ дѣлѣ живомъ, наглядномъ, въ явномъ, рѣшительномъ протестѣ противъ Польши. Пройдетъ нѣкоторое время, смутитъ его какая нибудь сила и онъ опять уйдетъ въ лѣса, скроется въ болота, залетитъ въ глухія степи и накажетъ насъ..... чѣмъ? *Нашимъ* невѣдѣніемъ, *нашими* неудачами и *своей* ироніей, *своей* апатіей, *своимъ* безмолвнымъ противодѣйствіемъ и, хуже всего, *своими* муками, *своими* страданіями!

Пусть у насъ будутъ по крайней мѣрѣ усилія разгадать эту великую тайну западно-русской народной жизни.....

Обнаруживающееся теперь сильное движеніе народа внутри Бѣлоруссіи и Малороссіи, въ этихъ средоточіяхъ западно-русской жизни, не можетъ быть понятно, если на него смотрѣть отдѣльно, безъ связи съ тѣми безсильными мѣстностями, въ которыхъ прежде всего отразилось польское волненіе и отъ которыхъ оно двигалось внутрь Западной Россіи къ востоку, не вызывая, повидимому, никакого противодѣйствія въ народѣ, тогда какъ на дѣлѣ этимъ то путемъ оно и подготовляло себѣ неминуемое, неотразимое возмездіе въ динабургскомъ движеніи и ему подобныхъ.

На всей западной окраинѣ такъ называемыхъ литовскихъ губерній, въ западной части Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, происходила и происходитъ съ незапамятныхъ временъ неутомимая народная борьба, на которую, можно сказать, не могли и не могутъ уже имѣть исключительнаго вліянія никакія *внѣшнія* событія, ни оффиціальное благочиніе прежняго времени, ни польское возстаніе настоящаго. Тамъ происходила и происходитъ самородная, неизбѣжная во всякое время народная борьба туземнаго литовскаго, бѣлорусскаго и малороссійскаго элементовъ съ пришлымъ элементомъ польскимъ.

Каковы бы ни были внѣшнія обстоятельства, эти элементы всегда тамъ борются и рѣшаютъ историческія свои права, борются и рѣшаютъ борьбу чаще всего совершенно глухо, но во всѣхъ сферахъ жизни и на всемъ пространствѣ этой полосы, въ домахъ, на каменистыхъ поляхъ, въ трущобахъ лѣсовъ, на кочкахъ болотъ. Я родился въ одной изъ такихъ мѣстностей, мнѣ знакома нѣсколько эта борьба. Тамъ выходцы изъ дѣйствительной Польши всѣхъ ея областей, тамъ мазовецкое племя, частію дѣйствительно польское, частію омазурившееся изъ литовцевъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ, тамъ, наконецъ, неисчислимое жидовство [1]) опоясали и разбили на клочки нѣкогда плотныя массы литовцевъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ. Всѣ эти разъединенныя чуждыми элементами группы литвиновъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ, разобщенныя между собою, кромѣ того, еще пространствомъ песковъ, лѣсовъ и болотъ, должны первые выносить на своихъ плечахъ весь гнетъ того, что приготовила Польша, вмѣстѣ съ жидовствомъ, для всей Западной Россіи. Эти слабыя группы туземныхъ, родныхъ западно-русскихъ элементовъ борются послѣдними силами за свое историческое право. Оно ими глубоко чувствуется, они ревнивы къ нему; но ихъ усилія не видны, неизвѣстны и чаще всего безплодны. Тамъ сотни народныхъ мучениковъ, никому неизвѣстныхъ, никѣмъ не чтимыхъ, какъ тѣ западно-русскіе мученики прежнихъ временъ, которыхъ съ изумленіемъ приходится открывать все большее и большее число въ неизвѣстныхъ деревнѣ памятникахъ, которые въ свое время оросили своею кровію и страданіями все пространство Западной Россіи, но большею частію забыты, неизвѣстны и ждутъ, когда, наконецъ, настанетъ истина, правда и сознательное родное чувство въ ихъ странѣ, которой они отдали себя всецѣло?!

Эти безсильныя, безнадежныя отдѣльныя группы западной части Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, безсильныя и безнадежныя, но никогда не перестающія бороться съ Польшей и жидовствомъ, произвели въ настоящее время своею борьбою даже зло въ Великой Россіи и за границей. Не понимая ихъ, отъ нихъ ждали перваго рѣшительнаго слова и дѣла въ польскомъ вопросѣ, коснувшемся ихъ прежде всего, а они не говорили почти ничего и даже попадались нерѣдко въ рядахъ мятежниковъ; почему не говорили и какъ попадались—это глухо, намъ мало до этого, да и время ли заниматься такими крошечными дѣлами, хотя на этомъ основаніи составлялись часто сужденія и соображенія касательно всей Западной Россіи.

---

[1]) Неисчислимое не только въ томъ смыслѣ, что ихъ тамъ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Западной Россіи, но и въ томъ смыслѣ, что никакой переписи еще не удавалось сосчитать всѣхъ ихъ. Статистика Гродненской губерніи г. Бобровскаго убѣждаетъ въ этомъ наглядно.

Но помимо западной Европы и даже помимо Великой Россіи, правда вырабатывалась изъ этой безсильной и безнадежной борьбы на всемъ пространствѣ западныхъ губерній. Никто не зналъ изъ насъ, людей просвѣщенныхъ, глашатаевъ великихъ началъ жизни, прорицателей тайнъ будущаго благоденствія народа, никто не зналъ, что думаетъ, чувствуетъ тамошній крестьянинъ, разоренный экономическимъ упадкомъ страны, ограбленный шайками, обманутый польскими агитаторами, а тѣмъ менѣе мы знаемъ, что онъ думалъ и чувствовалъ, готовясь принять смерть отъ мятежниковъ за исполненіе своего долга и за любовь къ родному, что думали и чувствовали его родные, друзья, сосѣди. Мы развѣ случайно узнаемъ, да и то безплодно, такое, напримѣръ, соображеніе тамошнихъ крестьянъ: „мы вѣрны Россіи, мятежниковъ ненавидимъ, открываемъ ихъ войскамъ, но войска, разбивъ ихъ, должны уйти, а остатки шаекъ жгутъ и бьютъ насъ. Что будетъ съ нами?“

Всего этого мы не знаемъ или знаемъ безплодно; но хорошо извѣстно это и не безплодно народу всей Западной Россіи, народу тѣхъ особенно мѣстъ, гдѣ онъ составляетъ сплошную, туземную массу, собранъ въ большія, частыя группы, *гдѣ крѣпка, неодолима народная западно-русская сила.*

Къ народу этихъ послѣднихъ мѣстъ, къ народу центровъ историческихъ жизненныхъ силъ Западной Россіи доходитъ все, касающееся народа. Онъ чутокъ къ страданіямъ своихъ, хотя бы то бѣднѣйшихъ, слабѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ братій, да онъ, наконецъ, знаетъ лучше всѣхъ насъ къ чему, куда направляется польская тираннія и на какое пространство можетъ разлиться.

Онъ, этотъ народъ историческихъ центровъ Западной Россіи, напримѣръ Минской области (не губерніи, а народной области, которая гораздо больше такъ называемой Минской губерніи), въ то время, какъ въ Англіи и Франціи рѣшали тайно и гласно политическій вопросъ Польши, въ то время, какъ полились силы народнаго русскаго духа въ молитвахъ къ Богу за русскую кровь и русское оружіе и въ адресахъ Государю, онъ, этотъ народъ Западной Россіи, тоже занимался политикой, тоже давалъ просторъ своему родному чувству. Въ непроходимыхъ своихъ дебряхъ и на кочкахъ своихъ болотъ онъ тоже много продумалъ и прочувствовалъ. Онъ взвѣшивалъ свои силы, свои муки и надежды; онъ слѣдилъ лучше всякой полиціи за своими врагами и ихъ тайными дѣйствіями. Вглядываясь въ ихъ недавно обновленныя или вновь выстроенныя жилища, обновленныя и выстроенныя послѣдними натугами крѣпостнаго права, онъ соображалъ безошибочно, какія новыя натуги произведутъ они, если надъ ними будетъ развѣваться знамя Польши. Онъ все узналъ и рѣшилъ и спокойно ждалъ развязки. И замѣтьте, какую развязку нашелъ онъ. Не буйство и личныя выгоды были первымъ его движеніемъ: онъ кинулся защищать русское, царское оружіе! Я знаю навѣрное, отъ туземцевъ и изъ устъ самаго народа тамошней страны, что онъ давно, слишкомъ годъ тому назадъ, предвидѣлъ польское возстаніе и рѣшилъ, что дѣлать самому; но онъ уважалъ законъ, ждалъ вызова, терпѣлъ, пока не представятъ сами польскіе паны законнѣйшаго для него вызова и дождавшись, разразился возстаніемъ противъ историческихъ своихъ враговъ, которые никогда не уважали ни его вѣры, ни его языка, ни даже его человѣческихъ правъ [1]). Тутъ не русскій крестьянскій вопросъ выступилъ на сцену, какъ разглашаютъ злые или неразумные люди, а вопросъ мѣстный, народный, выработанный всѣми стихіями польской пропаганды въ Западной Россіи.

Вотъ *дѣйствительный смыслъ* народнаго движенія Бѣлоруссіи противъ польскаго возстанія. Оскорбите его чѣмъ нибудь, не понявъ или не уваживъ этой его *сущности*, и вы сдѣлаете величайшее зло всему народному дѣлу Западной Россіи, большее всѣхъ интригъ польскихъ и неизмѣримое по своимъ послѣдствіямъ. Вы разомъ убьете народную энергію, т. е. свою силу, и развяжете руки польской агитаціи.

Какая ужасная дилемма—бить или свою, или польскую силу въ Западной Россіи?... Но развѣ это новость? Она давно и хорошо знакома людямъ, близко стоящимъ къ интересамъ и управленію въ Западной Россіи! Не помню, въ какомъ донесеніи изъ виленскаго управленія проскочила одна фраза, которая могла быть оставлена безъ вниманія также въ нашей литературѣ, фраза, что власти поставлены въ величайшее затрудненіе тѣмъ обстоятельствомъ, что приходится приводить въ повиновеніе вѣрныхъ Россіи крестьянъ людямъ, возстающимъ противъ Россіи. Вотъ вамъ и дилемма, сама по себѣ, впрочемъ, очевидная, и сознаніе трудности выйти изъ нея. Въ настоящее время и эта дилемма еще очевиднѣе и это сознаніе еще неизбѣжнѣе. Польское движеніе доходитъ до того, что становится менѣе и менѣе возможнымъ опредѣлять, кто же изъ называющихся поляками вѣрны долгу, друзья народа? Фанатизмъ польскій задавливаетъ даже тѣхъ, которые ненавидятъ его и польское дѣло всей душой и желали бы противодѣйствовать имъ, да почему то не могутъ. Съ другой стороны, народъ, начиная дѣйствовать массою, не можетъ удержаться въ предѣлахъ чистаго своего дѣла и не вдаваться въ страстныя, безумныя крайно-

[1]) Недавно мнѣ удалось открыть замѣчательную инструкцію посламъ воеводства Полоцкаго на сеймѣ семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, въ которой приказывается посламъ употребить всѣ усилія и средства (omnem lapidem movebunt), чтобы устранить вопросъ объ улучшеніи состоянія крестьянъ; пусть они остаются, сказано, въ вѣчномъ рабствѣ (stanie niewolniczym), потому что измѣненіе этого состоянія ихъ противно и вредно шляхетству и государству польскому.

сти, которыя подхватываются лжетолкователями и закрываютъ благороднѣйшую, законнѣйшую сторону его движеній.

Что же, однако, дѣлать? Неужели нѣтъ никакого выхода изъ этой ужасной дилеммы? Времена Хмельницкаго, времена до сихъ поръ неизслѣдованной гайдамацкой войны 1768 года [1]) ясно показываютъ, что тогда западно-русскій народъ не видѣлъ выхода изъ этой дилеммы. Времена болѣе старыя, на пространствѣ отъ Люблинской уніи (1569 г.) до Хмельницкаго, показываютъ, что тогда была надежда найти выходъ; нравственныя западно-русскія силы продолжали вѣрить въ польскую правду, надѣялись, вопіяли, истощались и кончили тѣмъ, что ввѣрили свою судьбу казацкому оружію. Выводъ изъ этихъ фактовъ ужаснѣе самой дилеммы: ни разу западно-русскія народныя силы не выходили изъ этой дилеммы!... Но тогда, въ старыя времена, они были одни, сами, одиночны. Теперь они въ союзѣ съ великорусскими силами. Неужели и Великая Россія, даже теперь, обогатившись плодами западно-европейской цивилизаціи, окажется безсильною выйти изъ этой дилеммы? Чтожъ тогда эта ея сила и эта цивилизація? Чтожъ тогда?... нѣтъ конца вопросамъ и новымъ дилеммамъ; но не видно и пользы отъ нихъ. Лучше поискать отвѣта на прямой вопросъ: можемъ-ли мы выйти изъ дилеммы, можемъ ли такъ поступать, чтобы не губить ни ближайшихъ, кровнѣйшихъ своихъ братьевъ, коренныхъ жителей Западной Россіи, ни близкихъ и кровныхъ братьевъ, поляковъ въ той же Западной Россіи, поляковъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ, но неоспоримо славянъ и прежде всякой національности людей.

Въ Россіи есть богатые задатки для благополучнаго разрѣшенія этой дилеммы. Та сила русскаго народнаго духа, о которой мы уже упоминали и которая въ дѣйствительности гораздо больше и шире, нежели сколько намъ извѣстно изъ моленій тысячей рабочихъ и многочисленныхъ адресовъ, не можетъ не дѣйствовать могущественно на Западную Россію, не можетъ не склонять къ сознанію истины и правды какъ крестьянъ, такъ и пановъ всѣхъ степеней ихъ. Считаю необходимымъ анализировать эту силу, на сколько это доступно мнѣ.

Эта сила народнаго русскаго духа, выступающая теперь такъ ярко и убѣдительно, слагается изъ нѣсколькихъ элементовъ.

Въ ней сказывается матеріальное могущество страны, которая способна разрушить преграды къ ея развитію Элементъ этотъ въ настоящемъ случаѣ много можетъ сдѣлать,— въ Западной Россіи можетъ укло-

[1]) По памятникамъ оказывается, что эта война была повтореніемъ дѣла Хмельницкаго и если бы русскія войска не положили ей конца, то, я увѣренъ, первый раздѣлъ Польши совершился бы ранѣе 1772 года и, что еще важнѣе, раздѣлъ *народный* и крупнѣе раздѣла 1772 года. Въ скоромъ времени я надѣюсь обнародовать нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ.

нить крестьянъ отъ крайнихъ дѣйствій и внушать страхъ польскимъ шайкамъ, но, какъ элементъ матеріальный, не можетъ выполнить всего, что необходимо для разрѣшенія нашей дилеммы.

Далѣе, въ сказавшейся силѣ народнаго русскаго духа выражается историческая, національная живучесть. Россія чувствуетъ и вѣритъ, что возстающія враждебныя стихіи не одолѣютъ ея, не погубятъ ея исторической будущности. Она выдержитъ себя и пойдетъ дальше по своему прямому пути. Это народное, историческое сознаніе можетъ дѣйствовать на Западную Россію еще могущественнѣе. Оно вселитъ и въ крестьянъ, и въ пановъ убѣжденіе, что какъ бы ни шли дѣла, что бы ни случилось, народное западно-русское дѣло не погибнетъ, а польское не добьется побѣды. Слѣдовательно, въ крестьянахъ можетъ укрѣпиться неодолимое терпѣніе съ увѣренностью въ себѣ и безъ преклоненія передъ польскою силой, а въ польской агитаціи то признаніе народной силы, которое покоряетъ ей человѣка морально.

Но есть еще третій элементъ въ сказавшейся силѣ русскаго народнаго духа, которому предстоитъ сдѣлать еще больше. Это то сердечное, славянское уваженіе къ нравственнымъ началамъ, которое не дозволяетъ русскимъ кричать о мести, оскорблять внутри Россіи поляка, которое, вопреки явной пользѣ Россіи, не гонитъ его вонъ даже при сильномъ сомнѣніи въ его вѣрности, которое торжественно даетъ амнистію, еще болѣе безкорыстную. Это сердечное, славянское уваженіе къ нравственнымъ началамъ воплощается и оживляется въ великомъ началѣ православія, которое, среди всѣхъ историческихъ бѣдствій и даже среди разныхъ неустройствъ, представлявшихъ не разъ достаточно вызововъ на крайнія мѣры, никогда не могло выработать и, безъ сомнѣнія, не выработаетъ никогда ни одного прочнаго церковнаго учрежденія, въ которомъ логично, спокойно, сознательно проведены были бы принципы зла, низости, матеріальной силы, какими въ латинствѣ, напримѣръ, были въ свое время инквизиція, рыцарскіе ордена или господствующее и теперь (да и въ какой еще силѣ!) іезуитство. При такой вѣрѣ, моральная славянская сила Россіи можетъ развертываться и, безъ сомнѣнія, развернется широко, можетъ развернуться въ такомъ судѣ, въ такой гласности и такихъ общественныхъ дѣлахъ, которыя убѣдятъ и западно-русскія самородныя, и польскія пришлыя въ ней силы, что недостойно и безполезно вести борьбу неправую по идеѣ или средствамъ, что правое дѣло, дѣло земли выиграетъ и безъ рукопашнаго, безумнаго боя.

Но все это, нужно сознаться, надежды, надежды свѣтлыя и прочныя, но все-таки надежды; а что же теперь, что сегодня, завтра; дѣло не ждетъ?!

Сегодня, какъ и вчера, какъ два года тому назадъ, въ народѣ Западной Россіи живетъ великая память и благодарность за даро-

ванную волю; память эта и благодарность въ половинѣ Западной Россіи, болѣе страдавшей отъ невзгодъ и неправдъ, обновлены указомъ 1 марта: при нихъ довольно одного вѣрнаго и теплаго слова о томъ, что Виновнику воли не угодно, чтобы этотъ народъ игралъ чьею бы то ни было жизнію, и поднимающаяся рука народной правды опустится покорно.

Сегодня, какъ и давно уже стоятъ и украшены или готовятся воссоздаться и украситься новые храмы по всей Западной Россіи дарами власти и русскаго общественнаго благотворенія,—храмы, къ которымъ въ народѣ такъ всецѣло обращаются всѣ лучшія силы души, въ которыхъ теперь такъ естественно, такъ неразрывно связываются мысли и чувства о спасеніи и о русской братской помощи. Помощь эту, я это знаю, вѣрно и глубоко цѣнятъ тамъ вмѣстѣ съ народомъ тѣ люди, которые въ этой странѣ призваны, и православной вѣрой, и народной исторіей, быть проповѣдниками и спасенія, и братскаго мира, даже въ то время, когда ненадежно спасеніе ихъ жизни и когда бросаютъ въ нихъ грязью вражды даже многіе изъ своихъ. Не сегодня, такъ завтра или вскорѣ, вмѣстѣ съ этими единственными въ странѣ туземными друзьями и руководителями народа, могутъ всѣ русскіе люди, всѣхъ званій и чиновъ, на всемъ пространствѣ Западной Россіи, гдѣ только они есть, заговорить разомъ къ народу: „у насъ всѣхъ съ тобой одна кровь, одна неотъемлемая земля, одна власть, одна у всѣхъ почти вѣра; насъ не можетъ разлучить никакая сила, ни польская, ни западно-европейская, будемъ всегда одно, но не будемъ играть жизнію и польскою, и чьею бы то ни было“.

Но опять, все это такъ, все это отрадно, но все это идеально и можетъ быть даже аристократично, потому что во всемъ этомъ хотя много оживляющаго для народа, но въ дѣйствительности гораздо больше сдерживающаго народъ, такого сдерживающаго, что прежде всякаго ожидаемаго оживленія можетъ поразить его и настоящую, и будущую энергію.

Вотъ опять дилемма. Какъ выйти изъ нея? Гдѣ выходъ изъ нея чисто практическій, который бы и не убилъ народной энергіи и удовлетворялъ насущной его потребности, безопасности, спокойствію жизни. Вѣрно или нѣтъ, но мнѣ представляется такое средство. Должно быть одно изъ двухъ: или народъ долженъ имѣть *вездѣ* постоянную защиту отъ шаекъ въ русскихъ войскахъ, или имѣть свою организованную силу. Первое невозможно, по причинѣ огромнаго пространства страны и разбросанности ея населенія, слѣдовательно необходимо народное ополченіе съ исключительною цѣлію мѣстной охраны, возможно меньше подвижной. Но ополченіе, въ свою очередь, невозможно или безполезно и даже можетъ быть гибельно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чистое туземное населеніе разбито на мелкія группы, разобщены и мѣстностію, и пришлыми, чуждыми элементами; оно возможно только въ мѣстностяхъ съ плотнымъ, чистымъ туземнымъ населеніемъ. Точнѣе сказать, въ западной полосѣ Ковенской, Виленской, Гродненской губ. войскамъ двѣ равносильныя роли—уничтожать шайки и охранять народъ; въ серединѣ Бѣлоруссіи и Малороссіи уничтожать шайки, а охрану возложить на ополченіе, которое, какъ всѣмъ явно, само собою уже составляется: народная энергія ищетъ выхода, дѣла. Тутъ я долженъ сдѣлать простую, но, надѣюсь, убѣлительную оговорку: первый разъ выходятъ изъ подъ моего литературнаго пера военныя соображенія, и если я могу чѣмъ либо оправдать такое смущающее, неожиданное для меня самого поползновеніе, то развѣ тѣмъ невольнымъ движеніемъ сознанія, что настали времена, когда народное дѣло Западной Россіи неразрывно связывается съ военнымъ. Мечи и перья за одно и вмѣстѣ?!... Какое время!.... Точно воскресаютъ времена Хмельницкаго, когда казаки и кіевская академія дѣйствовали какъ одна сила, не предвидя послѣдствій такого союза! Точно возобновляются ближайшія къ намъ времена упомянутой нами гайдамакской войны 1768 года, когда переяславскій епископъ Гервасій, мотрененскій игуменъ Мельхиседекъ Яворскій и могилевскій епископъ Георгій Конисскій, покоряясь неодолимой силѣ народа, должны были невольно приготовлять первый и второй раздѣлъ Польши! [1])

Но есть еще одна сторона дѣла, могущая быть свободной отъ мечей и напоминанія о грозныхъ временахъ.... Обращаюсь, наконецъ, исключительно къ той сторонѣ, противъ которой поднимается теперь народное движеніе въ Западной Россіи, сторонѣ польской. Какую она можетъ представить, рядомъ съ сдержанною народною силой, гарантію мира и законности своего существованія? Сознаюсь откровенно, что при этомъ вопросѣ я чувствую величайшее затрудненіе, вслѣдствіе ли вышесказаннаго, неожиданнаго для меня самого военнаго поползновенія, или потому, что дѣйствительно труднѣе всего рѣшить этотъ вопросъ не отрицательно. Постараюсь высказать мои мысли возможно болѣе ясно и точно. Я понимаю землю польскую даже при поглощающей ея неславянской цивилизаціи. Я могу видѣть на этой землѣ польскій элементъ даже сквозь адскій мракъ западно-европейской революціи и іезуитства. На этой дѣйствительной польской землѣ, въ этомъ дѣйствительномъ польскомъ элементѣ можно видѣть хоть съ трудомъ и болью бьющееся жизнію дѣйствительно польское сердце. Но, переносясь отсюда въ Западную Россію съ мыслію о польской землѣ, польскомъ элементѣ и польскомъ сердцѣ, какъ убѣждаютъ всѣхъ поляки,

[1]) Я это надѣюсь тоже доказать въ скоромъ времени очевиднѣйшими документами.

я не вижу и не могу видѣть ни этой земли, ни этого элемента (чистаго, дѣйствительнаго польскаго), ни этого сердца. Я только вижу здѣсь тиранніею и глумленіемъ взрытыя польскія борозды на русской землѣ, въ которыхъ не можетъ быть жизни родному сѣмени. Я вижу здѣсь изуродованное польское шляхетство, превратившееся въ аристократизмъ, который такъ ненавидятъ сами поляки. Я вижу здѣсь польское латинство, превратившееся въ іезуитство, которое сама Польша выкидывала всѣми силами, какъ негодную траву, и только приближаясь къ своей исторической смерти усыпала ею и ея плодами свое похоронное шествіе [1]).

Къ несчастію, она выкидывала ее въ Западную Россію и усыпала ее гуще и чаще ко времени историческаго оживленія Западной Россіи.

Гдѣ же тутъ гарантія? Что въ ней вѣрнаго? Нелегко ее видѣть особенно теперь, но вотъ нельзя ли видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго. Путешествуя прошедшимъ лѣтомъ по Западной Россіи, я встрѣчался со многими изъ тамошнихъ жителей, считающихъ себя поляками. Всѣ они безъ труда замѣчали, каковы мои убѣжденія. Общепринятый, неистово модный въ этой странѣ польскій, тираническій деспотизмъ требовалъ, чтобы такія убѣжденія встрѣчались съ ненавистію и ожесточеніемъ. Такъ обыкновенно и бывало, при первой встрѣчѣ, при нѣсколькихъ лицахъ. Но я положительно увѣряю читателей, что, за самыми немногими исключеніями, я постоянно убѣждался, что этотъ деспотизмъ болѣе внѣшній, чѣмъ могло казаться съ перваго разу; что подъ его скорлупой, часто съ великимъ трудомъ держащейся, я видѣлъ почти вездѣ чисто-славянское добродушіе, славянскую любовь къ правдѣ и добру и чисто-славянскую способность неумолимо критиковать собственное зло—польское неистовство въ Западной Россіи. Не знаю, каково теперь дѣйствительное настроеніе тамошнихъ мнимыхъ поляковъ, какъ думаютъ, напримѣръ, тѣ люди, изъ которыхъ одинъ, даже въ присутствіи постороннихъ людей, закончилъ свою рѣчь, начатую во имя Польши: „да, мы для Польши перестали быть дѣтьми нашей родной матери—литовской земли!“

Я понимаю силу неистоваго, извнѣ наброшеннаго, особенно ксендзами, польскаго деспотизма, который тогда сковывалъ благороднѣйшія убѣжденія; я понималъ гнусную необходимость лицемѣрія этихъ людей.

[1]) Государственное уничтоженіе іезуитства въ тѣ времена было на дѣлѣ только разлитіемъ его въ самыхъ чистыхъ дотолѣ сферахъ польской жизни. Знаменитый, напримѣръ, епископъ Солтыкъ говорилъ въ эти послѣднія времена такія рѣчи о религіозной нетерпимости, которымъ могъ бы позавидовать отчаяннѣйшій іезуитъ. Онъ утверждалъ, напримѣръ, на сеймѣ, что если дадутъ свободу вѣры диссидентамъ и право строить свои храмы, то первый диссидентскій храмъ не иначе будетъ построенъ, развѣ вмѣсто угольнаго камня положатъ его самого—Солтыка.

Но теперь столь же сильная, только не гнусная, необходимость бросить это лицемѣріе въ виду возстанія народа и облагородить ее гласнымъ, передъ цѣлымъ міромъ, заявленіемъ своихъ дѣйствительныхъ мыслей и чувствъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ все, считающееся въ Западной Россіи польскимъ, такъ деморализовано Польшей, что изъ него не можетъ составиться даже малая партія людей, которые осмѣлились бы показать всѣмъ, что они не умерли для своего народа, способны жить его историческою жизнію? Богъ знаетъ!...

Но если такъ дѣйствительно, если это извѣстно одному Богу, а намъ неизвѣстно, если мы не знаемъ и не увѣрены, что считающіеся въ Западной Россіи поляками представятъ, рядомъ съ сдержаннымъ народнымъ движеніемъ противъ нихъ, вѣрную гарантію своего спокойствія, то какъ сдерживать народъ, какъ рѣшиться на такое дѣло, которое можетъ хотя фальшиво, но сильно убѣдить народъ Западной Россіи, что тамъ и поляки, и русскіе за одно и противъ него?! Вотъ дилемма, надъ которой стоитъ призадуматься больше, чѣмъ надъ всѣми другими!....

II.

Нѣсколько словъ о народномъ движеніи въ Бѣлоруссіи [1]).

Вы негодуете на меня, вы ожидаете отъ меня самыхъ свѣжихъ извѣстій, тѣмъ болѣе важныхъ, что у насъ въ настоящую минуту совершается рѣшеніе великаго вопроса; на историческую сцену выходитъ народъ, въ продолженіе долгаго времени умѣвшій противодѣйствовать напору чуждыхъ ему стихій только одною своею пассивною силою, народъ бѣдный, угнетенный, запуганный, измельчавшій физически и нравственно. Взгляните на блѣдное, истощенное лицо здѣшняго крестьянина, на низкій ростъ и худобу его тѣла, на лохмотье, въ которомъ одѣтъ онъ, на боязливый взглядъ, которымъ онъ смотритъ на васъ, на торопливость, съ которою, снявъ передъ вами свою бѣлую шапку, спѣшитъ броситься вамъ въ ноги и потомъ поцѣловать вашу руку, если вы удостоите его однимъ словомъ; взгляните, говорю, на все это, и передъ вашимъ взоромъ откроется вся бездна нравственнаго униженія, въ которую онъ былъ ввергнутъ!.... Брошенный обществомъ, въ свою очередь бросившимъ свою народность, обществомъ, въ рукахъ котораго была власть и сила, онъ страдалъ молча и никто не внималъ его глухому, болѣзненному стону. Только въ послѣднее время, въ виду успѣховъ крестьянскаго дѣла и по мѣрѣ уразумѣнія всѣхъ

[1]) „День“ 1863 г., № 18-й.

послѣдствій его, народъ бѣлорусскій обратилъ на себя вниманіе польской партіи. Мало-по-малу она стала понимать, что этотъ загнанный, бѣдствующій народъ составляетъ силу, весьма почтенную, съ которою ей не худо сблизиться. И вотъ началось это сближеніе, имѣвшее цѣлію истребить изъ памяти народной все его прошедшее, всю сумму его страданій и горя. Прежде всего трехдневная барщина была замѣнена двухдневною; это была единственная дѣйствительная уступка крестьянамъ со стороны владѣльцевъ. Потомъ... потомъ вельможные паны стали чаще показываться въ кругу крестьянъ и ласково бесѣдовать съ ними на ихъ родномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи; въ этихъ бесѣдахъ болѣе всего старались они внушить имъ мысль, что безъ пановъ имъ не будетъ житья; одѣлись сами и нарядили своихъ женъ и дочерей въ толстое сѣрое сукно домашняго издѣлія и въ этой народной одеждѣ поѣхали къ мировымъ посредникамъ предъявлять свои требованія, клонившіяся къ утѣсненію крестьянъ. Между тѣмъ появились на бѣлорусскомъ нарѣчіи и даже пѣлись въ нѣкоторыхъ костелахъ такъ называемые патріотическіе гимны, переведенные съ польскаго или вновь сочиненные для крестьянъ; въ придачу къ этимъ гимнамъ написаны были стихотворенія, также на мѣстномъ нарѣчіи, въ которыхъ осмѣивалась дарованная крестьянамъ воля; изображалась яркими красками ненависть къ постояннымъ врагамъ ихъ—москалямъ. Не могу понять цѣли всѣхъ этихъ стихотворныхъ продѣлокъ, потому что между крестьянами не видно ихъ было вовсе, да и едва ли онѣ предназначались для крестьянъ, не было ли это скорѣе мѣрою для внушенія шаткимъ патріотамъ увѣренности въ сочувствіи крестьянъ замышляемому возстанію? Не выдавались ли эти стихотворенія за проявленіе истинныхъ чувствъ народа, выраженныхъ имъ самимъ? Не знаю; всѣ эти тонкости были недоступны для меня.

Я не имѣю въ виду описанія почти уже подавленнаго мятежа въ нашихъ мѣстахъ, меня занимаетъ на этотъ разъ то рѣшеніе, которое принялъ въ виду его народъ бѣлорусскій. Прежде всего я считаю необходимымъ познакомить васъ съ образомъ мыслей лучшихъ людей, представителей польской партіи въ нашихъ мѣстахъ. По ихъ понятіямъ, народу бѣлорусскому угрожаетъ та же самая опасность, какъ и народу польскому, отъ несправедливыхъ домогательствъ на преобладаніе русской національности. Они утверждаютъ, что бѣлоруссы никогда не были, да и не хотятъ быть русскими, и въ тоже время они отвергаютъ намѣреніе ополячить бѣлоруссовъ. По ихъ словамъ, исторія выработала для бѣлоруссовъ особую національность и возвратила имъ ту самую вѣру, какая существовала до раздѣленія церквей подъ верховнымъ единоначаліемъ Римскаго первосвященника: сохраненіе чистоты и неприкосновенности той и другой составляетъ священную обязанность польскаго народа Поляки не могутъ и не должны

заботиться только о самихъ себѣ, судьбы ихъ неразрывно связаны съ судьбами народовъ, соединенныхъ съ ними въ братскомъ союзѣ. Они говорятъ, что каждый изъ этихъ народовъ обладаетъ всѣми условіями для самостоятельнаго и своеобразнаго саморазвитія и имѣетъ на то полное право, къ несчастію, не вошедшее еще въ сознаніе народныхъ массъ; послѣднее обстоятельство не только не уменьшаетъ, но дѣлаетъ еще настоятельнѣе требованіе долга, завѣщаннаго имъ исторіею. Вотъ почему границы 1772 года, по ихъ словамъ, составляютъ для поляковъ первое и главнѣйшее условіе ихъ политическаго возрожденія; согласиться на отдѣленіе Литовскихъ и Русскихъ областей отъ административнаго единства съ Польшею такъ же невозможно для поляковъ, какъ невозможно человѣку отказаться отъ части собственнаго своего тѣла. Они хотятъ всѣхъ увѣрить, въ томъ числѣ и самихъ себя, что въ Литовско-Русскихъ областяхъ дворянство не хочетъ и не имѣетъ надобности обращаться въ польское, что оно приняло языкъ и цивилизацію польскіе только временно, до развитія собственныхъ своихъ, и что даже свой чистый католицизмъ оно замѣнитъ уніею (а все-таки уніею), если народъ признаетъ ее своею господствующею вѣрою. Всѣ эти хитросплетенія, очевидно, не должны быть приняты за выраженіе истинныхъ убѣжденій поляковъ; они придуманы не для чего болѣе, какъ только для ослабленія силы фактовъ, явно свидѣтельствующихъ о великой неправдѣ, проявляющейся въ притязаніи поляковъ на Западно-Русскій край; истинная цѣль ихъ все та же: уничтожить въ немъ, посредствомъ латинства, народность русскую и вырвать православіе съ корнемъ вонъ. „Общая когда-то всей Руси патріархальная Восточная вѣра такъ разнится отъ нынѣшняго россійскаго православія, какъ вода въ родникѣ отъ той, которая течетъ въ городскихъ каналахъ для стоку нечистотъ“. Но эта патріархальная вѣра, по ихъ словамъ, окончательно исчезла съ лица земли: въ Россіи, какъ видите, ее не существуетъ, а на Востокѣ она подавлена магометанствомъ, слѣдовательно единственное спасеніе отъ схизмы унія. Кажется, довольно ясно; дальнѣйшія истолкованія едва ли понадобятся даже и для самыхъ недальновидныхъ. Но если дѣлать выписки, хотя изъ одной только той брошюры, изъ которой приведены эти слова, то нужно было бы перепечатать ее вполнѣ. Довольно сказать, что вся заграничная польская литература неистощима во лжи и клеветѣ для достиженія одной цѣли—для распространенія полнѣйшей и глубочайшей ненависти ко всему русскому. „Всякое симпатическое чувство къ Россіи въ сердцѣ поляка есть подлость“. Мнѣ кажется, что польская партія слишкомъ далеко зашла въ своей ненависти ко всему русскому, чрезъ это она надѣлала себѣ чрезвычайно много вреда. На что она разсчитывала, предпринимая возстаніе въ Бѣлоруссіи? Неужели только на однихъ здѣшнихъ католиковъ? Это было бы болѣе, чѣмъ ошибкою. Я готовъ думать, и едва ли ошибусь

въ томъ, что она, придумывая ложь за ложью и безсовѣстно искажая исторію для увлеченія на свою сторону другихъ, прежде всѣхъ увлеклась сама: вѣроятно ей показалось не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію, что народъ здѣшній, „который такъ долго соединенъ былъ съ Польшею духомъ и кровію, раздѣляя ея счастливыя и бѣдственныя судьбы“, дѣйствительно не имѣетъ ничего общаго съ народомъ русскимъ и ненавидитъ его точно такъ же, какъ она, въ такомъ случаѣ можно было надѣяться на общее возстаніе народа; а можетъ быть она, имѣя въ виду его загнанное, страдальческое положеніе, разсчитывала по крайней мѣрѣ на совершенное его бездѣйствіе. Въ томъ и другомъ случаѣ ей слѣдовало быть гораздо безпристрастнѣе къ самой себѣ, безъ увлеченія, внимательно обсудить свое положеніе въ странѣ, на основаніи правдивыхъ, а не вымышленныхъ историческихъ данныхъ, и поглубже заглянуть въ душу того народа, который никогда, какъ прежде, такъ и теперь, не удостоивался серьезнаго вниманія поляковъ. Какъ бы то ни было, польская партія поступила очень опрометчиво, она сдѣлала большую ошибку. Въ Царствѣ Польскомъ давно уже кипѣло возстаніе, а у насъ все было тихо, даже дворянскіе выборы въ Могилевѣ окончились благополучно; только одинъ протоколъ, въ сущности самый невинный, высказалъ не совсѣмъ хорошее расположеніе духа гг. дворянъ-католиковъ. Мнѣ говорили, что при подписаніи этого протокола слышны были восклицанія нѣкоторыхъ: если думаете дѣйствовать, то никакихъ протоколовъ не нужно. Но протоколъ состоялся, стало быть дѣйствовать не думали. И въ самомъ дѣлѣ, не видно было никакихъ приготовленій, не замѣтно было никакого особеннаго движенія, даже появленіе незнакомыхъ лицъ не выходило изъ предѣловъ обыкновеннаго. Не смотря, однакожъ, на это, чувствовалось что-то тяжелое; тонкій, внимательный взглядъ подмѣчалъ, что общество не въ нормальномъ положеніи, что въ немъ есть какое-то напряженіе.. Носились слухи, что отъ помѣщиковъ-католиковъ требовались денежныя пожертвованія, что дамы въ нѣкоторыхъ семействахъ усердно занимаются дѣланіемъ корпіи; признаки слишкомъ слабые, чтобы по нимъ можно было судить о близости возстанія, тѣмъ болѣе, что все это можно было принять за желаніе нашихъ католиковъ подать посильную свою помощь уже дѣйствующимъ тайкомъ мятежникамъ. Повторяю, о возможности возстанія въ Бѣлоруссіи никому не приходило въ голову; это также была ошибка. Хорошо еще, что изъ опасенія перехода бунтовщиковъ изъ сосѣдней Минской губерніи были размѣщены въ нѣкоторыхъ уѣздахъ небольшія команды войска, человѣкъ въ 100, рѣдко гдѣ болѣе.

Не ошиблись одни только крестьяне! Они замѣчали, что на умѣ у пановъ что-то недоброе, что они стали разъѣзжать чаще обыкновеннаго, запирались одни въ комнатѣ, не впуская туда ровно никого, и

занимались тамъ чѣмъ-то, и проч., и проч. А тутъ еще разнеслась молва, что идетъ полякъ, что онъ жжетъ и грабитъ деревни и убиваетъ крестьянъ. Не хотѣлось мужичкамъ отдавать бѣдные свои пожитки на жертву врагу: во многихъ деревняхъ стали выноситься въ лѣсъ, закапывали и прятали свое имущество, оставляя жилища свои совершенно пустыми, а между тѣмъ обдумывали средства, какъ противостать врагу; не за себя боялись они—за своихъ женъ и дѣтей; не покорностью, а цѣною жизни своей они готовились искупить безопасность своихъ семействъ. Успокоивали ихъ паны, говорили имъ, что бояться нечего, что у нихъ не возьмутъ яйца даромъ, что не будетъ никакой бѣды ни имъ, ни жидамъ, ни даже цыганамъ, а если будетъ кому худо, то это ихъ попамъ. Не дѣйствовали такія утѣшенія на крестьянъ: они ожидали чего-то страшнаго; да и какъ не бояться, когда послышали, напримѣръ, что чрезъ одну деревню проѣзжалъ верхомъ полякъ, что лошадь его потеряла подкову и что въ этой подковѣ было болѣе пяти фунтовъ вѣсу!.... гдѣ справиться съ такими богатырями? Стали имъ, правда, поговаривать паны, что у поляковъ житье хорошее, въ особенности тѣмъ, кто пойдетъ къ нимъ; они будутъ получать вкусную пищу, добрую одежду и по 30 коп. въ сутки жалованья; кто скажетъ, что это дурно! да все какъ-то страшно, и не находилось между крестьянами охотниковъ испытать такое привольное житье. Но вотъ наступилъ роковой день 23 апрѣля. Съ быстротою молніи пробѣжала вѣсть о появленіи въ разныхъ мѣстахъ вооруженныхъ людей; со всѣхъ сторонъ посыпались объ этомъ донесенія полиціи; шагъ за шагомъ слѣдили крестьяне за движеніями формировавшихся шаекъ, успѣли разглядѣть изъ кого онѣ состоятъ и совершенно оправились отъ страха. „Мы думали, что это полякъ идетъ, говорили они, а это-жъ наши паны змятежились“! и съ непостижимою энергіею стали дѣйствовать противъ змятежившихся пановъ: всѣ навлекшіе хоть малѣйшее подозрѣніе были арестованы и представлены въ полицію, дома ихъ тщательно обысканы, оружіе и всякіе боевые запасы отвозились въ городъ вмѣстѣ съ тѣми, кому они принадлежали; но при этихъ обыскахъ не пропало ни одной вещи, не соблазнялись крестьяне даже деньгами, которыя предлагали имъ за освобожденіе арестованныхъ: частная собственность была неприкосновенна.

Выше было сказано, что въ городахъ были весьма незначительныя команды войскъ, недостаточныя даже для содержанія сторожевой цѣпи; крестьяне и тутъ явились дѣятельными помощниками мѣстному начальству, они вооружились чѣмъ кто могъ—ружьями, топорами и косами, насаженными на длинныя рукоятки, и составили внѣшнюю стражу для городовъ, подъ завѣдываніемъ мѣстнаго военнаго начальника; кромѣ того, учредились караулы въ мѣстечкахъ и деревняхъ, бдительно слѣдившіе за всѣмъ, что происходило вокругъ ихъ.

А происходило дѣло не шуточное: пользуясь отсутствіемъ войскъ, шайки мятежниковъ со сборныхъ пунктовъ безпрепятственно потянулись къ мѣстамъ, назначеннымъ для ихъ соединенія. Вездѣ на пути своемъ они объявляли крестьянамъ, что поземельные надѣлы отдаются имъ безплатно, рекрутская повинность уничтожается, отмѣняется акцизъ съ питей, а болѣе всего, даже подъ страхомъ смертной казни, запрещалось отбываніе барщины. Въ подкрѣпленіе словесныхъ объявленій, крестьянамъ читались прокламаціи центральнаго комитета съ добавленіемъ другихъ, весьма соблазнительныхъ для нихъ обѣщаній; но здравый разсудокъ крестьянъ предохранилъ ихъ отъ соблазна: не принеся никакой пользы своему дѣлу, мятежники повредили только однимъ помѣщикамъ прекращеніемъ сельскихъ работъ во время самаго посѣва. Считаю не лишнимъ разсказать вамъ одинъ случай, по моему мнѣнію, стоющій вниманія. Проходя своею дорогою, шайка мятежниковъ замѣтила работающихъ въ полѣ десять человѣкъ крестьянъ; начальникъ шайки подозвалъ ихъ къ себѣ и сталъ объяснять имъ, что они не обязаны теперь работать на барщинѣ, съ добавленіемъ всего, о чемъ я упомянулъ выше. Крестьяне кланялись и усердно благодарили милостиваго пана; весьма довольный дѣйствіемъ своихъ словъ, радостно принятыхъ крестьянами, начальникъ подарилъ имъ рубль серебромъ на водку и отправился далѣе. Крестьяне добросовѣстно рѣшились употребить полученный рубль по назначенію и въ ближайшей корчмѣ пропили до копейки. „А что, ребята, сказали они, когда водка произвела на нихъ свое дѣйствіе, не хорошо, что мы сидимъ здѣсь, побѣжимъ скорѣе вязать мятежниковъ!“ и въ самомъ дѣлѣ хотѣли кинуться въ погоню, да корчмарь остановилъ ихъ, растолковавъ имъ, что безоружные десять человѣкъ ничего не могутъ сдѣлать вооруженной шайкѣ человѣкъ въ пятьдесятъ. Вотъ какъ дѣйствовали внушенія мятежниковъ, которыми они надѣялись привлечь на свою сторону крестьянъ.

Между тѣмъ подходили войска; крестьяне радостно встрѣчали ихъ, съ готовностью выставляли для нихъ подводы и нерѣдко угощали чѣмъ Богъ послалъ. Я не стану описывать участіе крестьянъ въ дѣйствіи войскъ противъ мятежниковъ,—все это отчасти извѣстно вамъ изъ газетъ, а болѣе полныя свѣдѣнія не замедлитъ доставить военное начальство; скажу только, что крестьяне много облегчили войска въ поимкѣ разсыпавшихся по лѣсамъ мятежниковъ, послѣ разбитія ихъ шаекъ. Сами мятежники единогласно говорятъ, что они, видя неизбѣжность плѣна, старались отдаться солдатамъ, лишь бы не попасть въ руки крестьянъ, хотя какъ тѣ, такъ и другіе не причиняли имъ никакихъ обидъ.

И такъ, фактъ совершился: народъ бѣлорусскій, „который такъ долго соединенъ былъ съ Польшею духомъ и кровію“, возсталъ противъ

той же самой Польши; никто не подговаривалъ, никто не научалъ къ тому крестьянъ, даже полиціи не было времени дѣйствовать въ пользу этого возстанія: то было полное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неудержимое проявленіе глубоко затаенной, вѣками взлелѣянной ненависти къ иноземному игу, то былъ первый порывъ къ собственному возрожденію почувствовавшаго свои силы народа. Давно ли ему, этому бѣдному, угнетенному народу, дозволено быть людьми? Давно ли снятъ съ него позоръ рабства? И вотъ какъ блистательно онъ заявляетъ права свои на принадлежащее ему мѣсто въ семьѣ европейскихъ національностей! Напрасно хотятъ представить это великое дѣло возстаніемъ пролетаріата противъ собственниковъ; крестьянинъ здѣшній не пролетарій, стало быть это ложь. Также неудачно думаютъ объяснить это движеніе ненавистью бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ къ своимъ владѣльцамъ, указывая на нѣкоторыя крайности, сопровождавшія это движеніе. Я погрѣшилъ бы противъ истины, если бы умолчалъ объ этихъ крайностяхъ, скажу даже болѣе, въ первое время онѣ слишкомъ рѣзко кидались въ глаза, до того рѣзко, что даже заслоняли собою истинную законную причину возстанія. Не скрываю и того, что моя собственная радость, при видѣ этого пробужденія народнаго, сильно была омрачена нѣкоторыми насильственными поступками крестьянъ; но гдѣ же и когда движеніе народной массы не выходило изъ предѣловъ благоразумія? Напротивъ, когда мѣрами начальства ослабленъ былъ первый взрывъ народнаго негодованія, можно яснѣе было разглядѣть со всѣхъ сторонъ совершившееся событіе. Крестьяне, единодушно возставшіе противъ „змятежившихся пановъ“, не измѣнили своихъ отношеній къ владѣльцамъ, не подавшимъ никакого подозрѣнія въ соучастіи въ мятежѣ; есть много примѣровъ, что семейства, члены которыхъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ, безопасно сидятъ дома и крестьяне въ точности исполняютъ свои повинности въ отношеніи къ нимъ. Бывали случаи, и даже очень часто, что крестьяне заступались за своего владѣльца, когда онъ навлекалъ на себя несправедливое подозрѣніе ихъ сосѣдей, и не было ни одного примѣра, по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстнаго, чтобы они нарушили спокойствіе помѣщика не-поляка. Вообще они очень неохотно приступали къ арестованію своего пана, предоставляя эту тяжелую обязанность сосѣднимъ крестьянамъ, а если и вынуждены были исполнить это сами, то никогда не наносили имъ никакихъ оскорбленій и даже цѣловали ихъ руки; они были не смѣлы въ этихъ случаяхъ и, не зная какъ приступить къ дѣлу, перебранивались между собою, что было принимаемо обыкновенно за крайнюю степень униженія, какому подвергали они своего господина, какъ будто можно было требовать отъ нихъ соблюденія всѣхъ условій свѣтскаго приличія! Правда, они связывали руки арестованнымъ ими панамъ и доставляли ихъ пѣшкомъ въ свой уѣздный городъ, но они не

понимали иначе возможности арестованія, и неужели поставить имъ это въ вину? Слова нѣтъ, что такой способъ арестованія былъ невыносимою обидою для помѣщика; но кого же онъ долженъ винить въ томъ? Многіе изъ арестованныхъ крестьянами лицъ въ своихъ домахъ уже окончательно оправданы и получили свободу; но это обстоятельство развѣ даетъ право винить крестьянъ? Они громко вопіютъ противъ самовольства крестьянъ, въ особенности противъ допущенія безпорядковъ; но кто вызвалъ эти безпорядки и подалъ поводъ къ такому самовольству? Наконецъ, всѣ эти оправданные господа были ли правы на самомъ дѣлѣ? Если они не принимали дѣятельнаго участія въ мятежѣ, то могутъ ли они сказать по совѣсти, что ничего не знали о немъ, не сочувствовали ему и даже не приносили посильныхъ жертвъ своихъ для его успѣха? А развѣ это не вина? развѣ не выразилось въ этомъ ихъ посягательство на то, что дороже всего для народа, на его національность?! Будьте же справедливы, господа! Вы думали, что вѣковой гнетъ полонизма подавилъ въ бѣлоруссахъ чувство собственной самостоятельности, что унія, стоившая такъ много жертвъ и труда при введеніи своемъ и оставившая слѣды свои еще до сихъ поръ, эта пресловутая кровавая унія навсегда истребила въ нихъ сознаніе собственной народности и сдѣлала ихъ, если не совсѣмъ преданными польскому дѣлу, то, по крайней мѣрѣ, безпристрастными свидѣтелями рѣшенія польско-русскаго вопроса; вы жестоко ошиблись, господа, и за ошибку свою несете наказаніе. . . Увѣрьтесь наконецъ, что это не буйство, не месть бывшихъ крѣпостныхъ людей противъ господъ своихъ, а мощное проявленіе русскаго духа, никогда не умиравшаго и пережившаго всѣ насилія польской пропаганды; увѣрьтесь, что это, рѣшеніе вопроса о народности Западно-Русскаго края, рѣшеніе такое, какого не придумать никакимъ конференціямъ и конгрессамъ всѣхъ европейскихъ державъ и даже съ блистательною Портою вмѣстѣ!

Какъ бы то ни было, раздраженіе обѣихъ сторонъ достигло крайнихъ предѣловъ. Здѣшніе дворяне не могутъ хладнокровно говорить о крестьянахъ, а эти послѣдніе, въ свою очередь, указывая на свою вѣрность русскому дѣлу, неохотно повинуются возмутившимся противъ Россіи помѣщикамъ. Мнѣ самому не разъ удавалось слышать выраженіе этого неудовольствія и только одно напоминаніе ихъ долга, ихъ вѣрности своему Царю и Благодѣтелю могло успокоительно дѣйствовать на нихъ. Мнѣ кажется, что этотъ ропотъ крестьянъ заслуживаетъ полнаго вниманія и серьезнаго обсужденія [1]).

[1]) Если обязательный выкупъ крестьяне считаютъ для себя выгоднѣе прежнихъ отношеній къ помѣщику, то, кажется, было бы справедливо распространить его, кромѣ Ковенской, Гродненской и Виленской, также на губерніи Могилевскую, Минскую, Витебскую, Кіевскую, Волынскую и Подольскую. *Ред.*

Объ отношеніи русскаго общества въ Западной Россіи [1]).

(Письмо къ редактору)

М. П. Кояловича.

Милостивый Государь!

Въ насъ всѣхъ, великоруссахъ, малороссахъ, бѣлоруссахъ, сказывается ясно единство народнаго духа и каждый изъ насъ прикованъ мыслію и чувствомъ къ этому единству, а между тѣмъ сколько еще явленій не проникнуты этимъ единствомъ и производятъ поражающую дисгармонію въ нашей общей жизни. На эти мысли наводила меня каждая строка двухъ вашихъ передовыхъ статей въ 24 и 25 №№ „Дня“. Вы говорили опять о русскомъ общественномъ участіи въ дѣлахъ Западной Россіи. Дѣло, кажется, не новое. Это альфа и омега у всѣхъ насъ, какъ скоро мы затрогиваемъ вопросъ о Западной Россіи. Но едва ли я ошибусь, если скажу, что никогда наша рѣчь объ этомъ не страдала такимъ раздвоеніемъ, какъ теперь. Читая ваши статьи, я жалѣлъ, что на этотъ разъ „День“ не вышелъ въ двухъ изданіяхъ, одно для Великой, а другое для Малой и Бѣлой Россіи. Моя фантазія пошла дальше. Я думалъ, что если бы былъ въ моемъ распоряженіи наборъ этихъ статей, то я разложилъ бы для обоихъ этихъ изданій по строкамъ ваши мысли. Для Великой Россіи я отдѣлилъ бы все, гдѣ вы говорите о необходимости русскаго общественнаго участія въ дѣлахъ Западной Россіи, со всѣми вашими сомнѣніями въ его прочности и со всею вашею горечью по этому поводу, а для Западной Россіи я выбралъ бы тѣ немногія, къ

[1]) „День“ 1863 г., № 27.

сожалѣнію, строки, въ которыхъ пробивается ваша надежда на лучшее положеніе Западной Россіи при этомъ участіи, тѣ строки, въ которыхъ ваша мысль забѣгаетъ впередъ настоящаго теченія дѣлъ и хочетъ уловить результаты прочнаго братскаго труда. Да, намъ всѣмъ, принимающимъ участіе въ дѣлахъ Западной Россіи, приходится теперь самое трудное дѣло, въ одну сторону приходится говорить съ утра до вечера: дѣлайте, господа, дѣлайте, ради Бога, дѣло, а другой: вѣрьте непоколебимо, не смущайтесь ничѣмъ, вотъ вамъ и результаты братскаго дѣла.

Передъ нами разрѣшается окончательно пятисотлѣтняя внутренняя жизнь Западной Россіи, пятисотлѣтнее неестественное соединеніе русскихъ и польскихъ началъ. Шумъ и трескъ отъ разрыва спаянныхъ съ великими муками звеньевъ оглашаютъ всю Россію. Захолустья, въ которыхъ можетъ быть и разъ въ годъ не произносились слова Литва, Бѣлая, Малая Россія, чувствуютъ потребность знать что-нибудь объ нихъ, и, безъ сомнѣнія, узнаютъ многое. Литература наводнена статьями о дѣлахъ совершающихся и даже совершавшихся въ этихъ странахъ. Дошло до того, что въ Петербургѣ уже печатно сказывается утомленіе отъ всего этого, утомленіе, которое, правда, вскользь опирается на потребность разрѣшенія другихъ важныхъ дѣлъ, но дѣйствительно высказываетъ просто аѳинскую страсть къ новому, свѣжему чему бы то ни было. Можно подумать, что Великая Россія довольно знаетъ, между прочимъ, и о Западной Россіи. Можно бы, кажется, и по менѣе писать объ этомъ предметѣ. Но такъ ли дѣйствительно? Вы видите и пишете, что не такъ, и кто же не согласится съ вами? Я, съ своей стороны, могу представить вамъ поразительныя доказательства, какъ необходимо больше и чаще писать о Западной Россіи. Однажды, передъ самымъ возстаніемъ въ Польшѣ, мнѣ случилось говорить съ однимъ опытнымъ благотворителемъ изъ Москвы. Я повелъ такую рѣчь: обиліе русскихъ благотвореній мнѣ довольно извѣстно, часто я обращаю особенное вниманіе на послѣднія страницы духовныхъ журналовъ, гдѣ печатается о пожертвованіяхъ, я даже дѣлалъ иногда вычисленія по родамъ предметовъ и странъ, куда назначаются пожертвованія, у меня составились оригинальные выводы, но я не хочу имъ вѣрить, они для меня, бѣлорусса, обидны, моя родина плохо подходитъ къ нимъ; скажите пожалуйста, отчего доброе чувство русскихъ меньше говоритъ за жизненныя потребности, чѣмъ за отвлеченныя..... Словомъ, отчего меньше говоритъ за Западную Россію?... Опытный благотворитель отвѣтилъ мнѣ коротко: оттого, что Западную Россію меньше знаютъ; знали бы больше, больше и благотворили бы. Событія въ самомъ скоромъ времени оправдали это объясненіе. Начались польскія смуты, пошли страданія русскаго народа въ Западной Россіи и русское братское чувство сказалось и къ

Западной Россіи. Но что же? дѣло пошло и пойдетъ, разовьется въ широкомъ участіи, выражающемся не въ однѣхъ деньгахъ, ибо не въ нихъ спасеніе, а въ дѣйствительномъ неутомимомъ трудѣ? Дай Богъ, чтобы такъ было, но можно и бояться за прочность этого со всею справедливостью, какъ это вы, м. г., и высказываете въ 24 №. Въ Великой Россіи далеко еще не полно и не всеобще первѣйшее знаніе Западной Россіи. Вотъ фактъ, и уже очень свѣжій, который, надѣюсь, наглядно покажетъ, какъ еще много въ Россіи людей, которые не знаютъ, что такое Западная Россія и стоитъ ли она участія. Однажды, сидя дома, я слышу на дворѣ невыносимо натянутый и заученный распѣвъ сборщика пожертвованій на церковь. Скоро распѣвъ этотъ раздался въ кухнѣ моей квартиры. Я почувствовалъ припадокъ ревности и выскочилъ обличать лицемѣріе, столь вредное для дѣла Божія. Но мой языкъ прильпѣ къ гортани послѣ перваго вопроса: я узналъ, что сборщикъ изъ Могилевской губерніи. „Зачѣмъ же ты, братъ, перенялъ рѣчь у пройдохъ и портишь Божіе дѣло. Отчего не говоришь прямо, что ты изъ Бѣлоруссіи, что вы страдаете отъ поляковъ и не можете сами устроить вашу церковь?“ Нельзя такъ говорить, отвѣчалъ мнѣ мой землякъ.

— Нельзя! отчего нельзя?!

— Да оттого, что ничего не дадутъ.

— Какъ ничего не дадутъ?

— Да такъ! Скажутъ: а! изъ Польши! вы тамъ бунтуете; не дадутъ, пробовалъ!

Вотъ какъ распространены знанія о Западной Россіи! Тутъ не много помогутъ всѣ наши разсужденія. Тутъ необходимы положительныя данныя, факты, дѣла. Въ этомъ отношеніи очень полезно было бы, если бы наши газеты согласились въ теченіе нѣкотораго времени въ каждомъ № или хоть разъ напечатать статистическія и энтографическія данныя о Западной Россіи [1]). Полезно было бы также помѣщать во вновь издаваемыхъ букваряхъ хоть коротенькій разсказъ о Западной Россіи. Тогда только, когда будутъ популяризованы первѣйшія свѣдѣнія о Западной Россіи, можно будетъ надѣяться, что наше общественное участіе къ ней пойдетъ дальше и дружно, и прочно. Очевидно, что на это нужно не мало времени; поэтому, всѣ понявшіе уже важность этого участія исполнятъ святой долгъ, если примутъ на себя заботу роспространять и разъяснять поскорѣе и побольше дѣло Западной Россіи. Въ этомъ отношеніи всякая искренняя рѣчь будетъ удовлетворять существенной потребности Великой Россіи. А Западной Россіи? Неужели нѣтъ?!

[1]) На дняхъ пришлю вамъ, м. г., таблицу съ этими свѣдѣніями.

Мой отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ показаться страннымъ, но я совершенно увѣренъ, что такой же отвѣтъ дали бы, вмѣстѣ со мною, многіе изъ моихъ земляковъ.

Вы знаете, м. г., что я самъ не разъ говорилъ о необходимости русскаго участія въ дѣлахъ Западной Россіи и не разъ высказывалъ подобно вамъ тревогу за его прочность. Но скажу вамъ, что теперь, когда я читалъ ваши статьи объ этомъ, мнѣ казалось, что я встрѣчаюсь съ совершенно новымъ предметомъ, и предметомъ очень страннымъ. Все то, что приноситъ мнѣ изъ Западной Россіи почти каждая почта, невольно заставляетъ думать, что вопросъ о русскомъ общественномъ участіи въ дѣлахъ Западной Россіи совершенно рѣшенъ, что теперь невозможны на этотъ счетъ никакія сомнѣнія, никакія опасенія; теперь пойдутъ и не могутъ не пойти дѣла, и весь вопросъ можетъ быть только въ томъ, какъ примѣнить ихъ къ потребностямъ, какъ формулировать ихъ; поэтому ваши сомнѣнія, ваша тревога были для меня совершенною неожиданностію. Я, впрочемъ, хочу говорить здѣсь не о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ. Имъ я далъ бы другой исходъ. Но нельзя не говорить о впечатлѣніяхъ вашихъ читателей въ Западной Россіи и всѣхъ тѣхъ, кому они передадутъ ихъ; а передадутъ они ихъ народу. Я достовѣрно знаю, что народъ тамъ напрашивается теперь читать, т. е. слушать всякое письмо, полученное отъ русскаго человѣка. Вотъ чьи впечатлѣнія важны! Такъ неужели въ самомъ дѣлѣ не созрѣло и непрочно русское участіе въ Западной Россіи? Неужели опять станутъ бѣднѣть и превращаться въ развалины наши храмы, въ которыхъ однихъ почти спасали мы все наше родное? Неужели изчезнутъ наши народныя школы, въ которыхъ для насъ столько надеждъ, или же онѣ станутъ опять наполняться только польскими книгами и оглашаться звуками чужой намъ рѣчи? Можно ли думать, что останется тщетною та напримѣръ вѣра, которую недавно такъ горячо, но такъ многозначительно выразилъ въ письмѣ ко мнѣ одинъ изъ моихъ друзей Минской губерніи: „Къ Россіи, пишетъ онъ, обращены наши взоры; оттуда мы ожидаемъ спасенія отъ поляковъ, желающихъ поработить насъ“. Можно ли видѣть, что придется опять возвратиться къ тому состоянію, въ которомъ засталъ многихъ адресъ Петербургскаго дворянства и о которомъ послѣ Пасхи писали изъ Гродненской губерніи слѣдующее: „Адресъ Петербургскаго дворянства произвелъ самое благопріятное дѣйствіе. У насъ то и дѣло говорили, что въ Россіи да въ Петербургѣ всѣ благопріятствуютъ польскому движенію, а тутъ выходитъ противное?“ Неужели опять придется возвратиться къ модному петербургскому мнѣнію и сдѣлать развѣ одно облегченіе его позорной тяжести—знать, что русское общество заботится

Западной Россіи, но что раньше или позже оно ее непремѣнно броситъ? [1])

Всѣ эти вопросы необходимо разрѣшать какъ можно скорѣе. Западной Россіи невозможно дольше оставаться въ недоумѣніи. Ей необходимо теперь же знать прочно или нѣтъ русское общественное участіе къ ней и чего отъ него ждать. Вотъ обстоятельства, вызывающія настоятельно подобное рѣшеніе.

Польскіе повстанцы въ Западной Россіи, явно теряя свое дѣло, стараются вознаградить и поддержать его силою неистовствъ, противъ которыхъ не можетъ вездѣ подать руку помощи даже сильная и строго логичная власть. Такимъ образомъ, въ то время, когда мы видимъ ясно конецъ польскаго дѣла въ Западной Россіи, во многихъ закоулкахъ этой страны возникаетъ теперь самое большое отчаяніе на счетъ русской помощи и самое отчаянное убѣжденіе въ польской силѣ! Необходимо забыть всѣ принципы, все, что было дорого въ жизни, нужно спасать только жизнь, необходимо покориться полякамъ. Вотъ неизбѣжное заключеніе, которое обхватитъ эти закоулки. Если русское участіе къ этимъ несчастнымъ не модное, не мимолетное, то необходимо употребить всѣ усилія, чтобы хоть какая нибудь отрада въ жизни проникала въ эти закоулки. Не могутъ защитить ихъ мѣстныя власти, не могутъ быть при нихъ постоянно войска, не могутъ они даже получать пособій,—пусть, по крайней мѣрѣ, знаютъ, что объ нихъ думаютъ, что помощь идетъ къ нимъ, облегчаетъ горе кругомъ ихъ и при первой возможности дойдетъ и къ нимъ, а все это можетъ быть тогда только, когда русское участіе, какъ сѣть, покроетъ собою всѣ пункты, куда можетъ проникнуть, т. е. когда оно будетъ въ широкихъ размѣрахъ и постоянно прочно.

Такой образъ дѣйствій еще болѣе необходимъ для тѣхъ мѣстностей, куда можетъ проникать русская помощь, гдѣ благо ея глубоко сознается и запечатлѣвается на вѣки, но гдѣ теперь страшно губится лучшая

---

[1]) Обстоятельства нашей литературы не позволяютъ мнѣ прямо и подробно разсказать, какимъ образомъ въ Западной Россіи распространилось мнѣніе, что русское общество приговорило отдать Польшѣ эту страну. Но благо родины обязываетъ меня сказать слѣдующее: Извѣстно, какъ въ недавнее время обуяло многихъ въ Петербургѣ сочувствіе къ полякамъ. По этому мнѣнію, далеко не всеобщему въ Петербургѣ, но дешевому и удобно доставляемому въ Западную Россію, тамъ стали заключать обо всемъ Петербургѣ и обо всей Россіи. Я понимаю, что говорю, понимаю и ту отвѣтственность, какую беру на себя передъ обществомъ за эти слова. Я уважаю свободу слова не меньше тѣхъ, кому не понравятся мои слова и не меньше ихъ желалъ бы, чтобы высказывалось всякое честное мнѣніе, но именно по этому принципу я желалъ бы также, чтобы не одни модныя мнѣнія пріобрѣтали себѣ въ Западной Россіи господство, благодаря совершенно случайнымъ и чаще всего обманчивымъ обстоятельствамъ.

опора народнаго западно-русскаго дѣла — передовые дѣятели этой страны.

Извѣстно, что польская злоба, польское неистовство обращаются прежде всего на этихъ дѣятелей, на людей, сознавшихъ братское единство съ Великою Россіей и мужественно ратующихъ за него. Теперь мы обращаемъ вниманіе на тѣхъ людей, цѣнимъ ихъ и шлемъ имъ выраженія нашей любви. Но, увы, часто наша помощь обращается въ истинное зло для нихъ. Наша помощь, наше сочувствіе служатъ только вызовомъ новыхъ бѣдъ на нихъ, новыхъ истязаній отъ поляковъ. Человѣка измучили за безкорыстную любовь къ родинѣ; русскіе люди помогли ему; поляки мучатъ его вторично за то, что получилъ помощь или даже просто слово участія. Не разъ мнѣ приходилось получать такого рода письма: человѣкъ оканчиваетъ дѣла въ своемъ околоткѣ, разсказываетъ разные факты, присылаетъ документы, все это у него, такъ сказать, переплетается съ глубокимъ негодованіемъ противъ поляковъ и восторженною любовію къ своему народному дѣлу; но, ради Бога, заключаетъ онъ, не давайте гласности моему письму, не печатайте изъ него ничего, за мной слѣдятъ, сейчасъ догадаются, что я писалъ, и повѣсятъ [1]). Въ массѣ окружающихъ ихъ людей непремѣнно станетъ вырабатываться такой гибельный взглядъ: „нечего надѣяться, все это напрасно, только больше бѣды. Нужно самимъ работать, но силъ мало. Нужно мириться съ поляками“... Нужно на столько выразить участіе, дать помощь въ столь многихъ мѣстахъ, чтобы наша народная сила сознала свои крупные размѣры, чтобы никто не боялся русской помощи, а, напротивъ, чтобы наши многочисленные дѣятели въ Западной Россіи, твердо опершись на русскую помощь, привели поляковъ къ сознанію бесилія и безнадежности!

Наконецъ, еще случай, гдѣ русское общественное участіе больше всего успокоилось, между тѣмъ, какъ тамъ-то оно еще шире должно бы работать. Я говорю о тѣхъ сильныхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ совершенно готово поголовное народное возстаніе противъ поляковъ или изгнаніе поляковъ. Но русскія власти не только запрещали и запрещаютъ это, но въ Малороссіи, напримѣръ, даже взыскиваютъ съ крестьянъ за арестованіе пановъ, оффиціально невинныхъ, хотя ни одинъ смертный, а чиновники тѣмъ болѣе не могутъ ручаться теперь за политическую невинность польскаго пана, и неоспоримо извѣстно, что крестьяне лучше всѣхъ знаютъ, кто виноватъ и кто нѣтъ [2]).

---

[1]) До 1-го мая такимъ тономъ написано много писемъ. Теперь видно много стали смѣлѣе.

[2]) Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ читали мы одну корреспонденію изъ Кіева, въ которой описываются истинно славные подвиги волостнаго старшины Щербины, такъ умно и смѣло предводительствовавшаго крестьянами въ преслѣдованіи польской воору-

Вашимъ читателямъ, м. г., надѣюсь извѣстно, что ни вы, ни я, ни всѣ мы, пишущіе, не можемъ стать на сторону разнузданія народныхъ антипатій, не измѣняя своему призванію. Объ этомъ предметѣ я уже и высказалъ мое мнѣніе. Но это не мѣшаетъ мнѣ видѣть слѣдующую бѣду.

Великій принципъ законной правды ведетъ къ тому, что много польскаго зла укрывается отъ власти, увеличивается и разражается надъ народомъ, который сознаетъ все свое человѣческое и историческое право, право не страдать отъ него. Изъ этого порядка вещей можетъ выйти одно изъ двухъ: или народъ постоянно будетъ рваться истребить это зло и подвергаться за это новой отвѣтственности отъ своей законной власти, или, видя невозможность искоренить его (такъ какъ власть запрещаетъ), станетъ какъ бы то ни было входить съ польскимъ зломъ въ сдѣлку. Одно зло стоитъ другаго. Изъ этой двойной бѣды можетъ вывести народъ только сильное участіе въ его дѣлахъ русскаго общества. Оно узнаетъ все польское зло въ каждой мѣстности и приметъ противъ него мѣры. Оно поставитъ самую власть въ возможность и необходимость видѣть и карать всякое польское зло. Оно убѣдитъ народъ, что нѣтъ надобности ни бить поляковъ, ни входить съ ними въ сдѣлку, потому что даетъ ему вѣру въ свою силу, передъ которою само собою проявится польское безсиліе. Эту силу западно-русскій народъ можетъ почерпнуть только въ участіи къ нему русскаго общества.

Вотъ сколько работы русскому обществу, которому и безъ того предстоитъ еще трудъ узнать Западную Россію и понять, и прочувствовать ея нужды!

Какъ повести это дѣло? Есть нѣсколько такихъ средствъ, которыя я предложу на обсужденіе и участіе вамъ, м. г., и вашимъ читателямъ.

1) Взялись дѣлать доброе дѣло—строить и украшать церкви въ Западной Россіи. Пусть это доброе дѣло дѣлается, не смотря ни на что. Оно больше всѣхъ дѣлъ понятно и близко русскимъ людямъ; понятно и близко православнымъ жителямъ Западной Россіи и, кромѣ того, оно могущественно будетъ вселять въ народъ убѣжденіе, что положеніе Западной Россіи не измѣнится.

женной шайки. О Щербинѣ говоритъ, Щербиною гордится весь народъ... И что же? Вслѣдъ затѣмъ мировой посредникъ (вѣроятно полякъ; но развѣ можно оставлять тамъ поляковъ мировыми посредниками??) отрѣшаетъ, къ величайшему огорченію и изумленію народа, Щербину отъ должности!!! Что же дѣлаютъ мѣстныя власти? Онѣ „убѣдительнѣйше просятъ гг. уѣздныхъ предводителей и гг. дворянъ не принимать участія въ мятежѣ ни прямо, ни косвенно“. Ред.

Строятъ и украшаютъ церкви, значитъ есть у насъ сильные друзья, дѣла не перемѣнятся, будетъ по старому—таково простое заключеніе народа. Мы должны дорожить имъ и, безъ сомнѣнія, не дадимъ превратиться ему въ обманъ и лицемѣріе съ нашей стороны.

2) Начались устрояться школы и пополняться книгами, жертвуемыми изъ Россіи: пусть безостановочно, не смотря ни на что, продолжается это дѣло. Оно затрогиваетъ самую жизненную сторону народной жизни и посмѣй поляки мѣшать, они надѣлаютъ себѣ бѣды не меньше, какъ если бы осмѣлились разрушать церкви. Въ этомъ дѣлѣ необходимо только обдумать, какъ бы повѣрнѣе и постоянно доходила до народа помощь для школъ. Это средство народъ самъ указываетъ намъ. Въ то время, какъ мы задумываемся, какъ бы народъ находилъ себѣ нужныя книги, какъ бы устроить магазины, склады, разносъ книгъ, народъ самъ придумалъ слѣдующее. Вотъ что пишетъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ молодыхъ друзей, живущій въ одной изъ западныхъ семинарій: „Извините, что сообщаю мало извѣстій, ничего нельзя узнать, что дѣлается въ провинціи; даже родные боятся писать: тайные польскіе агенты слѣдятъ и мстятъ за всякое извѣстіе, неблагопріятное для нихъ. Мы теперь только и можемъ получать извѣстіе отъ крестьянъ, которые приходятъ въ семинарію просить книгъ для своихъ дѣтей и школъ“. Я думаю, мой молодой другъ не могъ сообщить мнѣ лучшаго извѣстія. Оно безцѣнно. Можно только удивляться нашей собственной недогадливости. Во всѣхъ западныхъ епархіяхъ, какъ и въ великорусскихъ, существуютъ семинаріи и еще два-три уѣздныя училища. Въ этихъ заведеніяхъ рѣдко меньше ста, а часто до трехъ сотъ дѣтей и почти всѣ эти дѣти чаще или рѣже имѣютъ сношенія съ своими родителями, родными, благодѣтелями, друзьями, т. е. почти со всѣми приходами каждой епархіи. Сношенія эти съ одной стороны, т. е. изъ провинцій, происходятъ чаще всего непосредственнымъ образомъ. Прихожанинъ ѣдетъ въ городъ и везетъ письмо къ сыну или родственнику батюшки или привозитъ этого сына или родственника домой на каникулы, а нерѣдко и на святки, святую и въ иныхъ мѣстахъ даже на масляницу. Такимъ образомъ, въ большинствѣ приходовъ семинарія и училище самыя знакомыя для народа мѣста и самыя популярныя. Возьмите при этомъ еще во вниманіе, что духовные воспитанники ближе всѣхъ къ народу, что народъ видитъ въ нихъ естественныхъ будущихъ своихъ учителей, что онъ надѣется получить въ семинаріи или училищѣ книгу болѣе соотвѣтствующую его потребностямъ, чѣмъ гдѣ-либо; примите во вниманіе, что этимъ путемъ болѣе и болѣе закрѣплялась бы связь народа съ лучшими его руководителями и друзьями въ жизни и вы согласитесь, что устроеніе складовъ и раздачи народу книгъ въ семинаріяхъ и училищахъ было бы въ

Западной Россіи драгоцѣннѣйшимъ дѣломъ. Я думаю, что за это дѣло необходимо сейчасъ же взяться. Нужно только сдѣлать его неоффиціальнымъ, а чисто общественнымъ дѣломъ. Наставники семинарій, училищъ пусть изберутъ изъ среды себя кто бы завѣдывалъ этимъ дѣломъ. Ученики пусть изберутъ помощника одного, двухъ, сколько понадобится, а власти пусть сдѣлаютъ одно: дадутъ уголъ для помѣщенія склада. Не безполезно было бы также у воротъ каждой семинаріи и училища прибить, когда устроится дѣло, вывѣску съ надписью: книги для народныхъ школъ и для народнаго чтенія.

3) Польскій фанатизмъ въ послѣднее время сгруппировалъ въ Западной Россіи русскихъ людей въ болѣе или менѣе плотные кружки. Кружки эти есть во всѣхъ губерніяхъ и во многихъ уѣздныхъ городахъ. Къ нимъ примыкаютъ многіе священники изъ деревень. Кружки эти давно ждутъ дѣла и нѣкоторые уже дѣлаютъ его. Теперь имъ широкое поприще. Великорусскія пожертвованія лучше всего могутъ быть распредѣляемы черезъ нихъ. Ими же легче и вѣрнѣе всего могутъ быть собираемы свѣдѣнія о страданіяхъ и нуждахъ народа и доводимы скоро до общаго свѣдѣнія. Истинно жаль, что эти кружки до сихъ поръ не заявили себя въ какой нибудь формѣ, извѣстной всѣмъ. Теперь крайняя необходимость, чтобы они изъ лучшихъ своихъ людей составили немедленно совѣтъ, комитетъ или избрали старшихъ братчиковъ, которые бы: 1) заявили о себѣ печатно, 2) собирали свѣдѣнія о несчастныхъ, 3) раздавали пожертвованія, какія будутъ поступать къ нимъ. Мало-по-малу въ ихъ рукахъ стали бы сосредоточиваться другія дѣла. Мы надѣемся, что власть нигдѣ не будетъ мѣшать имъ.

4) Въ русскихъ людяхъ теперь крайняя нужда въ Западной Россіи. Многіе уже пошли туда. Пошли нѣкоторыя превосходныя личности, но пошли и идутъ многіе, которымъ бы лучше сидѣть въ своей средѣ подъ крѣпкимъ контролемъ крѣпкаго общества. Необходимо, чтобы шли больше и больше хорошіе люди. Какъ это сдѣлать? Частная рекомендація можетъ сдѣлать больше зла, чѣмъ добра. Необходима рекомендація общественная, съ которой въ такомъ случаѣ будетъ соединяться и выборъ. Въ Россіи существуютъ разныя сословныя и всесословныя собранія. Время имъ поднимать вопросъ, что необходимо кому либо изъ ихъ среды ѣхать въ Западную Россію, время избирать такихъ людей и сноситься по этому дѣлу съ людьми, управляющими Западною Россіей. Пора бы въ сторону разныя щекотливости, пора бы перестать брезгать и оффиціальными должностями. При этомъ мнѣ невольно вспоминается передаваемое Несторомъ призваніе въ Россію рода Руссовъ. Только я позволю себѣ отнести эти слова къ Великой Россіи отъ лица Западной и измѣнить ихъ такъ: нѣтъ у насъ людей,

нѣтъ и наряду, а ваша земля велика и обильна и устроена: придите княжити и володѣти нами, но не по-пански, какъ поляки, а по-братски, какъ слѣдуетъ русскимъ.

Вотъ, по моему мнѣнію, важнѣйшія сферы и способы, въ которыхъ можетъ теперь же проявляться русское общественное участіе въ дѣлахъ Западной Россіи и приносить дѣйствительные и постоянные плоды. Само собою разумѣется, что поляки Западной Россіи станутъ поперекъ всѣхъ этихъ дѣлъ. Что сдѣлать, чтобы они намъ не мѣшали; объ этомъ я намѣренъ говорить въ слѣдующей статьѣ.

Нѣсколько словъ о жмудскихъ народныхъ книгахъ.

В. К—на.

I.

Овенская губернія, населенная литовцами и жмудинами, коихъ здѣсь считается до 800,000 [1]), не смотря на то, что она составляетъ пограничную съ Западною Европою губернію и что отъ Петербурга ее отдѣляютъ только 24 часа ѣзды, едва ли не менѣе извѣстна русскому обществу, чѣмъ самыя отдаленныя мѣстности нашего отечества; въ русской литературѣ можно найти и ученыя изслѣдованія, и весьма интересныя замѣтки, и наблюденія путешественниковъ о Сѣверномъ краѣ Россіи, о Восточной и Южной ея полосѣ и о далекихъ, малолюдныхъ странахъ Сибири; но о Жмуди писано такъ мало, что почти не на что указать. Статистика Ковенской губерніи, составленная подполковникомъ Афанасьевымъ и, по своей спеціальности, недоступная для большинства читающей публики, двѣ-три статьи гг. Боричевскаго, Микуцкаго и Юшкевича въ изданіяхъ академіи наукъ и министерства народнаго просвѣщенія за прежніе годы, статья г. Гильфердинга, весьма, впрочемъ, замѣчательная, въ „Прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду“ за минувшій годъ, да нѣсколько газетныхъ корреспонденцій изъ этого края, описывающихъ преимущественно городскую жизнь и имѣющихъ временный интересъ, вотъ и всѣ наши богатства по этому предмету; между тѣмъ, какой громадный интересъ и для русскаго ученаго, и для простаго наблюдателя представляетъ эта своеобразная Жмудь, нахо-

[1]) Статистика Ковенской губ., сост. Д. Афанасьевымъ. Спб. 1861 г.

дящаяся, такъ сказать, у насъ подъ руками, но еще не початая ни русской наукой, ни русской литературой. Здѣсь живетъ народъ, происходящій, наравнѣ съ прочими европейцами, отъ Арійскаго поколѣнія и сохранившій въ своемъ языкѣ и бытѣ весьма много формъ, принадлежащихъ къ самой отдаленной древности. Изученіе литовскаго языка, въ особенности, важно для насъ, русскихъ, между прочимъ, и потому, что онъ находится въ такой близкой связи съ языкомъ славянскимъ, что, по мнѣнію знатока обоихъ этихъ языковъ, г. Гильфердинга, научное изслѣдованіе славянскаго безъ литовскаго рѣшительно невозможно, немыслимо; независимо отъ языка, нравы, обычаи, обряды, преданія, пѣсни и сказки литовцевъ представляютъ совершенно особый міръ, въ который доселѣ еще не вступалъ русскій человѣкъ. Суровый литовецъ или жмудинъ, крѣпко привязанный къ своей родной землѣ и къ своей римско-католической вѣрѣ, не выѣзжающій изъ своей деревни никуда далѣе ближайшаго мѣстечка или уѣзднаго города, недовѣрчивый и хитрый и въ тоже время добродушный и покорный правительству, только теперь, послѣ манифеста 19 февраля, выступаетъ изъ того мрака, въ какой былъ до сихъ поръ для насъ погруженъ, освобожденный Русскимъ Государемъ отъ власти польскихъ помѣщиковъ, къ политическимъ стремленіямъ которыхъ онъ никогда не питалъ сочувствія; теперь онъ какъ бы самъ просится о пріобщеніи его къ нашей общей русской семьѣ. Для сближенія съ этимъ замѣчательнымъ народомъ, для всесторонняго ознакомленія съ нимъ теперь наступила для насъ самая удобная пора; это едва ли требуетъ доказательствъ. Съ подавленіемъ мятежа, въ Ковенской губерніи, какъ и въ другихъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края, администрація, устройство быта крестьянъ и народное образованіе переданы въ русскія руки, и потому мы имѣемъ полное право надѣяться, что изъ значительнаго числа русскихъ чиновниковъ, поселившихся теперь въ Ковенской губерніи, найдутся, если не многіе, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые, которые отнесутся къ окружающей ихъ средѣ не съ одной только оффиціальной стороны, но со вниманіемъ и любознательностію людей частныхъ, вполнѣ понимающихъ ту задачу, какая предстоитъ теперь русскому элементу среди литовскаго населенія. Свѣдѣнія, замѣтки и наблюденія, добросовѣстно собранныя русскими людьми на мѣстѣ, прольютъ новый свѣтъ на эту terram incognitam и, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ весьма полезны, какъ для правительства, такъ и для русскаго общества и для литовскаго народа. Намъ случалось бесѣдовать со многими лицами, служащими въ Ковенской губерніи: каждое изъ нихъ имѣетъ болѣе или менѣе порядочный запасъ интересныхъ свѣдѣній и наблюденій объ этой новооткрытой землѣ; но, къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія не оглашаются печатно, и потому не идутъ въ общее достояніе русской науки и литературы. Было бы весьма желательно, чтобы заговорили наконецъ въ нашей печати русскіе люди изъ Литвы и Жмуди и чтобы голосъ ихъ слышался возможно чаще. Съ своей стороны, желая по мѣрѣ силъ содѣйствовать ознакомленію русскаго общества съ литовскимъ народомъ, мы, на первый разъ, представляемъ вниманію читателей нѣсколько замѣчаній о литовской грамотности и о нѣкоторыхъ книгахъ на литовскомъ языкѣ; при этомъ необходимо замѣтить, что грамотность распространена между литовскими и жмудскими крестьянами весьма сильно; безграмотныхъ между ними мало; но единственная цѣль, для которой крестьяне считаютъ нужнымъ учиться грамотѣ, конечно литовской, состоитъ въ томъ, чтобы умѣть читать молитвы по книжкѣ; учиться же письму они находятъ дѣломъ излишнимъ. Понятно, что при такихъ скромныхъ требованіяхъ отъ грамотности въ народныхъ учителяхъ въ Литвѣ не могло быть недостатка: не говоря уже про ксендзовъ и монаховъ, каждый органистъ, каждая баба, живущая въ богадѣльнѣ, недоучившійся школьникъ и дворовые люди, едва сами умѣющіе читать, всѣ эти лица могли учить и дѣйствительно учили народъ. Дѣло происходило безъ всякихъ педагогическихъ затѣй, весьма просто: сначала учили крестьянина латинскому алфавиту, потомъ переходили къ складамъ, затѣмъ къ отдѣльнымъ словамъ—на томъ и дѣлу конецъ. Крестьянинъ считалъ себя грамотнымъ и покупалъ себѣ молитвенникъ, который и читалъ въ продолженіе всей своей жизни. Такого рода грамотниковъ, которые умѣютъ читать только по своей книжкѣ и то безъ пониманія большей части читаемаго, между литовскими крестьянами найдется очень много. Есть лица, которыя на распространеніе грамоты среди литовскаго населенія указываютъ, какъ на особенную заслугу тамошняго латинскаго духовенства; мы не можемъ раздѣлять этого мнѣнія, потому что существующая тамъ грамотность не даетъ крестьянамъ орудія для дальнѣйшаго ихъ умственнаго и нравственнаго совершенствованія, напротивъ, обольщая ихъ въ ненужности всякаго другаго знанія, она искуственно держитъ умъ ихъ въ темнотѣ, въ невѣжествѣ. Полагаемъ, что такая грамотность не можетъ составить заслуги ея распространителямъ. Посѣять на Литвѣ и Жмуди сѣмена истиннаго, прочнаго, благотворнаго для народа просвѣщенія предстоитъ русскому правительству, освободившему этотъ народъ отъ панской неволи, къ чему, сколько намъ извѣстно, оно уже и приступило; но это не входитъ въ планъ нашей статьи. Достаточно всѣмъ извѣстно, какое огромное вліяніе имѣло и имѣетъ латинское духовенство на литовскій народъ и, надо сознаться, что для пріобрѣтенія этого вліянія оно не жалѣло трудовъ: оно неустанно служило *мши* и *нешпоры* и другія *набоженства*, устраивало разнообразныя процессіи, гремѣло горячими проповѣдями съ костельныхъ каѳедръ, исповѣдывало ежедневно грѣшныя души, заводило тайкомъ отъ правительства школки, гдѣ учило крестьянскихъ дѣтей

чему считало нужнымъ, сочиняло и издавало книги и даже возбуждало народъ къ мятежу. Не будемъ, однако, изъ уваженія къ священству, излагать подробности недавно минувшихъ событій--они уже слишкомъ извѣстны, равнымъ образомъ, какъ и послѣдствія латино-польской пропаганды.

Теперь обратимся къ предмету нашей статьи, т. е. къ разсмотрѣнію нѣсколькихъ книгъ на литовскомъ языкѣ, служащихъ для народа источникомъ его духовнаго просвѣщенія.

Вотъ, наприм., книга, изданная въ 1844 г. въ Вильнѣ, подъ заглавіемъ: „*Кантычкосъ жемайтышкосъ*“, [1]) т. е. „Жмудскія кантычки“ (духовныя пѣсни). Народъ читаетъ и поетъ эти кантычки и въ костелѣ, и дома. Въ этой книгѣ, въ пѣсни IV „о любви ко Господу Богу“ заключается, между прочимъ, слѣдующее обращеніе и моленіе къ Богу (стран. 470).

„Боже справедливый и милосердный!
Ты видишь и знаешь сіе плачевное время,
Когда кровавыми слезами
Каждый изъ насъ горько рыдаетъ,
Когда и наше овое начальство
Обижаетъ насъ и грабитъ чужое достояніе;
Тягостно угнетенные, мы плачемъ
И помощь Твою призываемъ.
О Боже! хотя, живя въ беззаконіи,
Мы, окаянные люди, все это заслужили
И достойны тягчайшаго бремени,
По множеству нашихъ грѣховъ;
Но мы надѣемся на Тебя, Владыко,
Какъ на величайшаго нашего благодѣтеля,
Что Ты оставишь намъ вины наши,
По милости щедротъ Твоихъ,
Когда мы со слезами и смиренно,
Съ сокрушеннымъ сердцемъ къ Тебѣ припадаемъ,
О прощеніи умоляя Тебя, Всевышняго
И Всемилостиваго нашего Владыку.
Не помяни, Господи, духовныхъ сквернъ,
Но услыши вопль вѣрныхъ Твоихъ.
Боже милосердный! раззори
Владычества, сопротивныя вѣрѣ,

[1]) „Кантычкосъ“, какъ и всѣ другія книги на литовскомъ языкѣ, напечатаны латинскими буквами но мы будемъ здѣсь писать литовскія слова русскими буквами, находя русскій алфавитъ болѣе удобнымъ для литовской рѣчи; этимъ способомъ нынѣ печатаются уже литовскіе буквари и другія книги.

Дабы враги душъ нашихъ не возрадовались,
А супостаты церкви усмирились,
Покоренные Твоимъ могуществомъ
И силою божественной Твоей десницы.“

О какомъ плачевномъ времени, когда *каждый* заливается кровавыми слезами, говорится здѣсь? О какихъ угнетеніяхъ раздаются горькія рыданія? Что это за *овое* начальство, которое обижаетъ и грабитъ народъ? Такъ какъ эту кантычку поютъ только крестьяне, то мы сначала предполагали, что здѣсь говорится объ угнетеніяхъ, которыя претерпѣвали крестьяне отъ польскихъ пановъ во времена крѣпостной отъ нихъ зависимости; ясно, однако, что подъ словами „*овое начальство*“ не польскихъ пановъ слѣдуетъ разумѣть. Замѣчательно, что всѣ эти вопли объ угнетеніяхъ и моленія, приносимыя смиренно и съ сокрушеннымъ сердцемъ, заканчиваются обращеніемъ къ милосердію Божію. „*Боже милосердный!*“ гласитъ пѣснь; вы ожидаете, что далѣе послѣдуетъ прошеніе или моленіе о прощеніи грѣховъ, о помощи въ добромъ дѣлѣ и о другихъ какихъ-либо проявленіяхъ любви и милосердія: такъ, казалось бы, и по законамъ логики, и по смыслу христіанскаго ученія, должно быть послѣ такого обращенія; но у латинскаго патера, составлявшаго эту кантычку, своя логика, и свое ученіе, и потому послѣ словъ „Боже милосердный!“ онъ прямо ставитъ: „*раззори владычества, сопротивныя вѣрѣ?!*,“ почитая, конечно, что такое раззореніе будетъ актомъ милосердія Божія. Въ той же книгѣ, въ пѣсни Св. Казиміру, польскому королевичу, читаемъ моленіе о томъ:

„Чтобы искоренены были всѣ еретики,
Всѣ еретики (стр. 366).

Подъ еретиками разумѣются всѣ, не принадлежащіе къ римской церкви.

И вотъ, бѣдные крестьяне и крестьянки старые и малые, не вѣдая ни о чемъ, что дѣлается дальше ихъ деревни, но крѣпко вѣруя въ святость своихъ кантычекъ и въ слова своихъ ксендзовъ, читаютъ и поютъ съ рыданіями о какихъ-то угнетеніяхъ, бьютъ себя въ грудь и молятъ милосерднаго Бога и королевича Казиміра о раззореніи владычествъ, сопротивныхъ вѣрѣ, и объ искорененіи всѣхъ еретиковъ. Понятно, что такія молитвы не любовь и миръ вносятъ въ душу молящагося, но жестокость, вражду, нетерпимость ко всему не римско-католическому. Но эту пѣсню можно считать еще довольно умѣренною, въ сравненіи съ другими религіозными же (?!) пѣснями, составленными благочестивою ревностію ксендзовъ и напечатанными для народнаго употребленія. Такъ, на жмудскомъ языкѣ есть книга, подъ заглавіемъ: „Балсасъ ширдіесъ пасъ Пона Дева, Швенцяусесъ Маріосъ Паносъ иръ Швентусюсъ дангуй каралявенчюсъ, шавканцёсъ паръ гесмесъ, и шдуотасъ паръ вена кунига S. J. Вильнюй друкарнёй кунигу Базиліону“,

т. е. „Гласъ сердца, вопіющаго ко Господу Богу, къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи и святымъ, въ небѣ царствующимъ, издано нѣкоторымъ ксендзомъ общества іезуитовъ, въ Вильнѣ, въ типографіи ксендзовъ Базиліановъ 1818 г.“ Эта книга перепечатана въ Вильнѣ же, въ 1852 году.

„Гласъ сердца“, на стр. 229, въ пѣсни во время смятенія, вопіетъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ:

„Боже милостивый, Боже Вседержителю,
Ты Богъ Польши, Литвы и Жмуди!
Твой гнѣвъ намъ назначенъ,
Видимъ наказаніе, намъ грѣшникамъ завѣщанное;
Уже много лѣтъ прошло, какъ любовь исчезла,
Христіанская вѣра смущена,
Нѣтъ справедливости, великая неурядица,
Между родными братьями кровь проливается,
Повсюду слезы льются,
Уже видимъ, что наше Государство погибаетъ,
Города и села пустѣютъ,
Ужасныя мерзости ежедневно возрастаютъ.
Помилуй насъ, Боже, Отче милостивый,
Сохраняй скорбящія, христіанскія сердца. Аминь“.

Далѣе помѣщена слѣдующая пѣснь о прошедшихъ временахъ Литвы:

„Препрославленная Пресвятая Марія,
Неба и земли красующаяся Лилія!
Къ тебѣ вопіемъ, къ тебѣ воздыхаемъ,
Твоей милости мы, грѣшники, ожидаемъ,
Ибо Ты—Матерь Сына Божія,
Прекраснѣйшая Дочь предвѣчнаго Отца.
Предстательствуй, Дѣва, святыми молитвами Твоими; не оставь насъ, собери насъ подъ крылья Свои.
Видимъ надъ собою великое наказаніе, слѣдующее за грѣхи всякому сыну.
Разсѣялся народъ, утомились господа, весьма упало наше Государство.
Тысячами изъ народа закованныхъ плѣнниковъ въ рабство погналъ шведъ и москаль.
Тяжкое наказаніе всѣ получили, безвинный народъ кровію обагрился.
Святые храмы, города, села, мызы и деревни непріятель сожигаетъ.
Вѣру уничижая, престолы грабитъ; наполняя костелы мерзостію, лошадей тамъ ставитъ.

Божіи служители, священство, монашество, непорочныя дѣвицы и прочіе монахи
Выгнаны, яко овцы, изъ ограды своей, удалены отъ костеловъ и отъ хвалы имени Господа,
Которыхъ тираны на мѣстѣ настигли, старые и юные всѣ кровью облились.
Мучили народъ, кожи обдирая, и ничего дома не оставляли.
И материнскія груди обрѣзывали, дѣтей варили и заставляли матерей въ пищу ихъ употреблять.
Ужасно скорбѣли матери, когда видѣли своихъ дѣтей варенныхъ заживо.
Тогда Литовская земля какъ будто исчезла, когда семь лѣтъ въ рабствѣ оставалась.
Но Богъ, по великой милости Своей, ниспослалъ заступника съ готовою помощію.
Святый Казиміръ съ неба прибылъ и въ воздухѣ воинами былъ видимъ.
За нимъ слѣдовавшіе москаля покорили, плачущій народъ изъ неволи освободили.
Пресвятая Дѣва, шведовъ устрашая, отъ Ченстохова въ бѣгство ихъ обратила.
Посрамленные оставили свободнымъ наше Государство.
О Царица, защитница наша, взгляни на народъ, жестоко падшій.
Умоли Сына Своего Всемогущаго, дабы призрѣлъ человѣка рыдающаго“.

И далѣе:

„Святый Казиміръ, премилый царевичъ, Литвы и поляковъ крѣпчайшій заступникъ!
Ты божественною силою тирановъ прогналъ,
Наше Государство подъ крылья собралъ,
Ты, царевичъ, наполненъ чистотою, нѣтъ подобнаго тебѣ юноши.
Моли Бога объ оставленіи намъ грѣховъ!
Дабы Богъ, предстательствомъ твоимъ, духовныхъ Своихъ служителей милостивъ былъ возвысить“.

Когда, по какому случаю и кѣмъ составлена эта дикая, исполненная возмутительной лжи пѣснь, намъ неизвѣстно; мы ни мало не удивляемся, что эту пѣсню сочинилъ нѣкоторый ксендзъ-іезуитъ: почтенные отцы-іезуиты, подъ покровомъ религіи, безъ малѣйшаго раздумья, посягали и не на такія вещи, а составить фанатическую пѣсню для нихъ мелочь; но, признаемся, мы затрудняемся постигнуть, какимъ образомъ

латинское духовное начальство въ Россіи отважилось въ 1852 г. одобрить эту вредную книгу къ перепечатанію въ Вильнѣ, а тѣмъ самымъ и къ распространенію ея въ народѣ. Вѣдь темный народъ, незнакомый ни съ исторіею, ни съ іезуитскими кознями, вѣритъ полнымъ сердцемъ въ каждую строку своего молитвенника или книжки, которая носитъ такое трогательное названіе: „Гласъ сердца, вопіющаго къ Господу Богу и къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи", относя все написанное, безъ всякаго анализа, къ настоящему времени. Но не говоря уже о варварствѣ и бѣдствіяхъ, какъ порожденіяхъ вымысла фанатика-іезуита, спрашиваемъ, какія стѣсненія претерпѣвала латинская церковь въ Россіи въ 1852 году? Развѣ не пользовалась она тогда въ Русскомъ Государствѣ такими же, если не большими правами и преимуществами, какія предоставлены ей въ чисто-римско-католическихъ государствахъ и превышающими тѣ, какія имѣла господствующая въ Россіи церковь? Сравните прошедшее Жмуди съ настоящимъ ея положеніемъ; окажется, что нѣкогда русскій элементъ занималъ здѣсь дѣйствительно господствующее мѣсто: акты и многіе судебные документы, уцѣлѣвшіе до сего времени, свидѣтельствуютъ, что до конца XVII вѣка русскій языкъ былъ на Жмуди языкомъ юридическимъ; видно, русскій языкъ былъ сильно роспространенъ на Жмуди, когда имѣлъ такое значеніе даже во времена польскаго владычества. Извѣстно также, что здѣсь были православные церкви и монастыри, но много событій пронеслось съ тѣхъ поръ надъ Жмудью: нахлынули іезуиты и придавили ее, наконецъ она вошла въ составъ Русскаго Государства. По великодушному довѣрію русскаго правительства, административныя должности заняли лица польскаго происхожденія или ополяченные жмудины, постепенно усиливавшіеся и въ числѣ, и въ вліяніи своемъ на управленіе. Среднія учебныя заведенія и городскія школы приняли польскій характеръ; народное образованіе было въ рукахъ латинскаго духовенства, которое въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, послушное одному только Риму, дѣйствовало почти безконтрольно со стороны русской власти; русскій элементъ, преслѣдуемый поляками и ксендзами систематически, стирался и исчезалъ безъ протеста, такъ какъ поляки были представителями русской власти. Римско-католическая же вѣра окрѣпла на Жмуди гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде, во времена польскаго владычества. И все это произошло при русскомъ правительствѣ! О какихъ же гоненіяхъ на вѣру и притѣсненіяхъ народа плачъ? Вѣру никто не гналъ и не гонитъ, а народъ, въ томъ числѣ и русскихъ, угнетали польскіе помѣщики и польскіе чиновники. Вотъ истина; къ чему же эти фанатическіе вопли? Какія же обстоятельства могутъ оправдать напечатаніе этой пѣсни и вообще всей книги? Какое вліяніе можетъ произвести и, вѣроятно, произвела эта пѣснь на того, кто и читалъ и повѣрилъ всѣмъ заключающимся въ ней бреднямъ, какое чувство въ

немъ возбудила? Конечно, ожесточеніе противъ русскаго правительства за угнетенія и варварства, будто-бы претерпѣваемыя отъ него римскою церковію Увы! Таково свойство латинской церкви; для нея не паства дорога, дорого собственное владычество, она жить не можетъ безъ пропаганды, она спокойною быть не можетъ, пока существуютъ иныя христіанскія церкви, именуемыя ею, безъ всякаго изъятія, еретическими; она вѣчно хныкаетъ и прикидывается угнетенною, бѣдствующею, чтобы тѣмъ возбудить къ себѣ сочувствіе простаковъ, а между тѣмъ сама, въ тихомолку, подъ шумокъ своихъ рыданій, какъ паукъ, закидываетъ сѣти и распространяетъ свое владычество въ разныя стороны.

Но плакаться на какія-то мнимыя гоненія, воздвигаемыя кѣмъ-то (разумѣется еретиками, между прочимъ, а можетъ и преимущественно, русскими, православными), еще не достаточно: дѣйствуя въ духѣ пропаганды, патеры-составители разбираемой книги и ей подобныхъ, которыхъ на литовскомъ языкѣ найдется довольно, считаютъ своею обязанностію восхвалять римскую церковь и подвергать самой рѣзкой хулѣ всѣ другія христіанскія вѣроисповѣданія. Такія мѣста найдутся и въ этой книгѣ: „Если душа желаетъ слѣдовать въ небо, говорится въ ней (стр. 268), то надо жить въ католической вѣрѣ". „Чему учитъ тебя костелъ, соблюдай твердо и будешь спасенъ". Ксендзъ, конечно, не учитъ тому, чему не учитъ костелъ но что было бы съ бѣднымъ литовскимъ народомъ, если бы онъ, для своего спасенія, соблюдалъ твердо все то, чему открыто, съ костельныхъ каѳедръ, учили его ксендзы въ печальное минувшее время? „Много есть вѣръ, только въ нихъ нѣтъ никакого спасенія, а одна погибель". Безъ разсужденій, коротко и ясно; книжка священная, написана ксендзомъ, мужикъ и вѣритъ; цѣль, слѣдовательно, достигнута: больше ничего и не нужно, лишь бы только увѣрить простодушнаго читателя, что единственная истинная церковь, въ которой можно спастись, есть римско-католическая, въ другихъ же церквахъ погибель, и между тѣмъ эта святая церковь терпитъ жестокія гоненія отъ еретиковъ; лишь бы вбить въ голову, распространить въ массѣ народа эти простыя мысли и довольно: все остальное, какъ необходимое слѣдствіе этихъ положеній, не замедлитъ проявиться.

II.

Такимъ же *христіанскимъ* духомъ вѣетъ и отъ слѣдующей книги, напечатанной въ 1853 году и перепечатанной въ Вильнѣ въ минувшемъ 1864 году: „*Рожаньчусъ швенчаусесъ Маріосъ Паносъ*" и пр. Всего заглавія по-жмудски не выписываемъ; въ русскомъ переводѣ оно

будетъ: „*Рожанецъ* [1]) *Пресвятой Дѣвѣ Маріи и сладчайшему имени Іисуса съ нужнѣйшими молитвами богобоязненному (римско-) католику*“.

Въ этомъ Рожанцѣ въ уста *богобоязненнаго* римскаго-католика влагаются, между прочимъ, слѣдующія *нужнѣйшія молитвы*:

„Господи Боже, Вседержителю и премилосердный, помилуй мя и, какъ Фараона съ его воинами, съ конями и съ колесницами въ Чермномъ морѣ ты потопилъ, равно такъ уничтожи и потопи всѣхъ враговъ честнаго креста и святой (римско-) католической вѣры отечества нашего и проч.“

Потрудитесь обратить вниманіе на эту, такъ называемую молитву: существенная мысль ея, какъ ни прикрывай ее ловкій составитель Рожанца, заключается въ томъ, чтобы Господь Богъ уничтожилъ и потопилъ всѣхъ враговъ римско-католической вѣры *отечества нашего?* Любопытно было бы знать, о какомъ это *нашемъ отечествѣ*, въ которомъ господствуетъ римско-католическая вѣра, говорится здѣсь? Мы полагаемъ, что отечество для литовскаго народа есть Россія, Россійская Имперія; но въ Россіи, какъ извѣстно, господствуетъ православная вѣра, слѣдовательно ясно, что не о русскомъ отечествѣ здѣсь говорится, а о какомъ-то другомъ; ужъ не о Польшѣ-ли? Видно, что такъ; надо было, чтобы литовскіе крестьяне считали своимъ отечествомъ Польшу, а провести эту мысль въ народъ всего удобнѣе было посредствомъ молитвенниковъ; догадливые патеры такъ и сдѣлали.

Въ другой *нужнѣйшей* молитвѣ къ Пресвятой Дѣвѣ читаемъ такое благочестивое моленіе:

„Ты (т. е. Пресвятая Дѣва) искорени еретиковъ
И въ милости храни (римско-) католиковъ
Въ Самогитскомъ княжествѣ.“

Подобное же моленіе объ искорененіи еретиковъ читаемъ и въ пѣсни Св. Казиміру, королевичу польскому и литовскому покровителю:

„О Боже! по милости Своей, за его (Казиміра) предстательствомъ
Услыши молитву нашу покорно Тебя просящихъ,
Чтобы въ мирѣ жили всѣ католики
И искоренены были всѣ еретики“ (стр. 2707) [2]).

[1]) Четки; молитвы по четкамъ.

[2]) Представляемыя свѣдѣнія мы имѣли возможность почерпнуть изъ дѣла о цензурованіи книгъ на литовскомъ языкѣ, хранящагося въ Виленскомъ цензурномъ комитетѣ; изъ этого дѣла видно, что, при разсмотрѣніи жмудскихъ кантычекъ, изданныхъ въ 1851 г., цензура не одобрила нѣкоторыя мѣста въ пѣсни королевичу Казиміру; не смотря на то, въ Рожанчусѣ, изданномъ въ 1864 году, пѣснь напечатана цѣликомъ. Хозяева литовской или жмудской литературы полагали, конечно, что по незнанію жмудскаго языка никто изъ русскихъ не будетъ заглядывать въ ихъ издѣлія, и потому печатали, не стѣсняясь, даже и не одобренное цензурою.

Затѣмъ, богобоязненный римскій католикъ найдетъ въ „Рожанчусѣ“ молитвы самого Святаго Отца, папы Пія „для охраненія св. церкви отъ еретиковъ“.

Вотъ эта молитва въ дословномъ переводѣ:

„Милостивый Боже, не поминающій беззаконій съ покаяніемъ къ Тебѣ обращающагося, но печальнаго рыданія и сокрушеннаго сердца стенанія выслушивающій! призри на церковь Свою, руками невѣрныхъ опороченную и уничиженную, и на христіанъ Твоихъ угнетенныхъ. Вспомни люди Твоя, изліяніемъ честнѣйшей и драгоцѣннѣйшей крови Единороднаго Сына Твоего искупленные. Вертоградъ, рукою Твоею воздѣланный, страшные враги съ основанія ниспровергнуть жаждутъ. Посѣти дѣлателей онаго вертограда и противу супостатъ могуществомъ Твоимъ ихъ укрѣпи, а прилежно въ ономъ трудившимся даруй животъ вѣчный въ Царствіи Твоемъ, о Христѣ Господѣ нашемъ. Аминь.“

Кромѣ молитвъ, въ „Рожанчусѣ“ находятся еще свѣдѣнія о тѣхъ способахъ, какими римскіе католики могутъ получать разрѣшеніе отъ грѣховъ, полное или неполное, на 100, 140 и 300 дней и даже на 100 лѣтъ, какъ кому угодно; римская церковь таковыя милости расточаетъ обильно; чтобы воспользоваться ими, стоитъ только, наприм., вписаться въ братство „*Розоваго вѣнка*“ — дѣло весьма душеспасительное; это братство имѣетъ свой рожанецъ или молитвословіе. Въ разсматриваемой книжкѣ говорится по этому предмету слѣдующее:

„Рожанецъ или Розовый вѣнокъ“.

Краткое извѣстіе о Розовомъ вѣнкѣ, о разрѣшеніи отъ грѣховъ и условіяхъ для полученія онаго.

Обычай читать Розовый вѣнокъ въ честъ Пресвятой Дѣвы, установленный Св. Доминикомъ, принесъ міру много духовныхъ плодовъ и обильныхъ милостей, которыми надѣлили Отцы Свят. изъ сокровищницы костела.

Этого молитвословія есть три части: каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ по пятидесяти „*Радуйся Маріе*“ и предъ каждымъ десяткомъ одно „*Отче нашъ*!“ Можно или читать написанныя въ книгѣ молитвенныя славословія, или произносить ихъ наизусть, размышляя о нѣкоторыхъ тайнахъ изъ жизни Господа Іисуса Христа и Пресвятой Матери.

Тѣмъ, кои набожно отправлять будутъ сіе молитвословіе или одну часть онаго, отецъ Св. Венедиктъ XIII за каждое *Радуйся Маріе* и за каждое *Отче нашъ* даровалъ разрѣшеніе грѣховъ на 100 дней; а тѣ, которые произносятъ оное постоянно въ теченіе цѣлаго года, въ одинъ избранный для себя часъ дня и, причащаясь послѣ исповѣди Святыхъ Таинъ, молятся за благоденствіе костела, по постановленію того же

Отца Св., подучаютъ совершенное разрѣшеніе отъ грѣховъ; нужно только, чтобы ксендзъ ордена Св. Доминика освятилъ четки или хотя и другой ксендзъ, но особенно уполномоченный отъ ксендза Доминиканскаго ордена для освященія четокъ.

Изъ этого постановленія папы Венедикта XIII-го видно, что разрѣшеніе грѣховъ Св. Отецъ даруетъ не за искреннюю молитву, не за покаяніе, приносимое отъ всей полноты вѣрующаго сердца; не въ томъ тутъ дѣло: *„нужно только, чтобы ксендзъ ордена Св. Доминика или уполномоченный отъ него освятилъ четки.“* Вотъ conditio, sine qua non; освятилъ доминиканскій монахъ четки, получишь и разрѣшеніе, не освятилъ, то хоть по сто разъ въ день читай и *Розовый вѣнокъ* и *Радуйся Марія*, а разрѣшенія не получишь, ибо не въ вѣрѣ сила, а въ ксендзѣ. Удивляться ли послѣ того, что столько лицемѣрной набожности, ханжества и фанатической вѣры въ ксендза встрѣчаемъ мы въ литовскихъ крестьянахъ. Молитвы и *„Рожанчусы,“* подобные вышеприведеннымъ, собьютъ съ толку и не такую темную голову, какова голова жмудина; доказательство тому видимъ не въ однихъ крестьянахъ.

Но будемъ продолжать выписку изъ „Розоваго вѣнка“.

Полное разрѣшеніе отъ грѣховъ находящіеся въ братствѣ Розоваго вѣнка получаютъ:

1) Въ день, въ который вступаютъ въ это братство.

2) Въ недѣлю Вай, въ день Пасхи, въ день сошествія Св. Духа, Св. Троицы, Тѣла Господня, въ храмовой праздникъ и т. д.

3) Въ каждый праздникъ Пресвятой Дѣвы, за посѣщеніе часовни или престола того братства.

4) Въ первое воскресенье каждаго мѣсяца, за присутствіе на крестномъ ходѣ.

5) Въ часъ смерти.

Неполное разрѣшеніе отъ грѣховъ:

1) За ношеніе на себѣ четокъ, въ знакъ передачи себя покровительству Пресвятой Дѣвы, 100 лѣтъ и 100 четв. (квадрагенъ).

2) За отслуженіе молебна Розоваго вѣнка 140 дней.

3) За присутствіе на поздравленіи (Salve) въ костелѣ ксендзовъ доминикановъ 300 дней.

4) За каждый милосердный поступокъ 100 дней.

Въ этомъ прейскурантѣ одпустовъ за „милосердный поступокъ“ даруется всего менѣе.

Не вошедшіе въ составъ братства сего получаютъ разрѣшеніе отъ грѣховъ:

1) Полное въ день Пасхи, Пятидесятницы, Св. Троицы, Тѣла Господня, каждое воскресенье въ продолженіе цѣлой Четыредесятницы, въ день праздника Св. Доминика, Св. Ѳомы Аквитанскаго, Св. Викентія Ферра, Св. Екатерины и прочихъ святыхъ ордена Св. Доминика и въ праздникъ Розоваго вѣнка.

2) Въ первое воскресенье каждаго мѣсяца присутствующіе на крестномъ ходѣ 7 лѣтъ и 7 чет.

Всѣ упомянутыя разрѣшенія даровали Отцы Святые: Сикстъ IV, Левъ X, Пій V; ихъ можно принести также въ жертву за души, страждущія въ чистилищѣ.

Для полученія всѣхъ этихъ разрѣшеній надобно исповѣдаться, причаститься Св. Таинъ и молиться за благоденствіе св. костела.

Обязанности членовъ братства:

1) Вписаться въ число членовъ братства.

2) Носить четки, освященныя ксендзомъ Доминиканскаго ордена.

3) Разъ въ недѣлю прочитать молитвословіе *Розоваго вѣнка* или по одной части въ каждые избранные три дня въ недѣлю.

Извѣстно, что и у насъ, въ Западной Россіи, существуютъ при православныхъ церквахъ братства; цѣль ихъ заботиться о благолѣпіи православныхъ храмовъ, помогать неимущимъ и содѣйствовать распространенію въ народѣ духовнаго просвѣщенія. Наши братства имѣютъ свои уставы, предварительно разсмотрѣнные гражданскою властію и утвержденные епархіальнымъ начальствомъ, и дѣйствуютъ открыто, печатая о своихъ дѣйствіяхъ въ газетахъ; кромѣ денежныхъ взносовъ никакихъ особыхъ обязанностей на членовъ братствъ не возлагается и никакими особыми преимуществами они не пользуются. Не то представляютъ братства римско-католическія: они существуютъ при костелахъ, безъ вѣдома гражданской власти, такъ какъ для открытія ихъ ея согласія не требуется; каждое братство руководствуется особымъ уставомъ, имѣетъ особыя правила и преимущества; братства носятъ разныя названія, какъ-то: братство Св. Рожанца, братство Шкаплера, Св. Таинъ, Сердца Іисусова, Дѣвы Маріи и т. п. При одномъ костелѣ можетъ быть нѣсколько братствъ разныхъ названій. Членъ каждаго братства обязанъ: 1) вписаться въ братство; въ этотъ день онъ долженъ исповѣдаться и причаститься, за что и получаетъ *отпустъ зупелны* (полное разрѣшеніе отъ грѣховъ); 2) носить четки или шкаплеръ, присвоенный братству, и 3) произносить въ назначенное время извѣстныя

молитвы. Привиллегіи членовъ братства, кажется, состоятъ въ томъ, что они могутъ получать *отпустъ зупелны*, если въ извѣстные дни и праздники будутъ посѣщать костелъ, участвовать въ процессіяхъ, исповѣдываться и причащаться. Впрочемъ, о дѣятельности и числѣ римско-католическихъ братствъ, существующихъ въ Западной Россіи, объ уставахъ ихъ и о числѣ членовъ каждаго братства мы не имѣемъ свѣдѣній, такъ какъ дѣйствія этихъ духовныхъ учрежденій избѣгаютъ огласки, хотя было бы желательно, чтобы онѣ не чуждались русской печати. Если въ Русскомъ Государствѣ, въ которомъ господствующая вѣра есть православная, учрежденіе братствъ при православныхъ церквахъ разрѣшается не иначе, какъ съ согласія гражданской власти, то почему же римская церковь не подчиняется этому правилу? Конечно, потому, что она въ этомъ не нуждается, а не нуждается на томъ основаніи, что всѣ эти братства уже утверждены свѣтскою властію; но дѣло только въ томъ, что эта свѣтская власть находится не здѣсь, а въ Римѣ.

Обращаемся къ дальнѣйшему разсмотрѣнію *религіозныхъ* произведеній жмудской литературы.

Полюбуйтесь этою книжечкою, назначенною для дѣтей; она носитъ названіе: „*Гарбе Дева, книгеле Яунуменей павоста*“, т. е. „*Хвала Богу. Книжечка, юношеству посвященная*“.

Вотъ, между прочимъ, молитвы, которымъ латинскіе патеры считаютъ полезнымъ и нужнымъ научить дѣтей литовскихъ и жмудскихъ крестьянъ:

1) „Милостивѣйшій Іисусе! Я, лобзая язву шуицы Твоей, страданіями, Тобою претерпѣнными, равно и милосердіемъ Твоимъ, молю Тебя: исплеви (сія) плевелы и истреби невѣрныхъ; ибо они хотятъ раззорить заборъ, ограждающій стадо овецъ Твоихъ и, ворвавшись, на подобіе волковъ, рвутъ и разгоняютъ овцы Твоя. Посему, Господи, обратись, взгляни съ неба и призри стадо Твое. Искорени неправыя ученія и весь народъ собери въ одну истинную (римско-)католическую церковь“.

2) „О сладчайшій, къ кресту за насъ пригвожденный Іисусе! зачѣмъ отвращаешься отъ насъ и для чего гнѣвъ Твой, на подобіе грозы, загремѣлъ надъ главами овечекъ паствы Твоей? Много зла сдѣлалъ врагъ святой церкви: сонмъ народа свелъ съ пути, унизилъ служителей Твоихъ и покрылъ ихъ посмѣяніемъ. Наконецъ желаетъ искоренить намъ вѣру (римско-)католическую и всѣхъ низвергнуть въ пропасть. О, Святый Боже! О, крѣпкій Боже! О, всемогущій Іисусе, избавитель угнетенныхъ! Вотъ я, лобзая язву лѣвой ноги Твоей, молю Тя, вознеси могущественную руку Твою и избави насъ. Не попусти, чтобы мы невѣрующими остались. Господи! обманщики вторгнулись въ церковь Твою, возстани, яко всесильный Царь, ослаби ихъ силы, въ коихъ полагаютъ упованіе свое, защищай Твою церковь, разсѣй и истреби тѣхъ, которые хотятъ уничтожить Твоихъ овечекъ. Господи, доколѣ

прогнѣваешься на насъ? Ярость Твоя да обратится на язычниковъ и на царства, которыя не хвалятъ Тебя“.

Кто бы вы ни были, читатель, къ какой бы вѣрѣ не принадлежали, скажите: какая христіанская церковь, проникнутая чистотою евангельскихъ истинъ (безъ этого она не можетъ называться христіанскою), отважится составить, одобрить и пустить подобныя молитвы въ народъ, и притомъ для юношества? А несчастныхъ дѣтей литовскихъ и жмудскихъ крестьянъ, едва научатся они грамотѣ, уже обучаютъ молитвамъ, въ которыхъ къ дикимъ клеветамъ на какихъ то вымышленныхъ гонителей римской вѣры присоединяется мольба, приправленная благочестивыми восклицаніями объ истребленіи, объ искорененіи враговъ римско-католической церкви и призывается *ярость* Господа на цѣлыя государства, которыя не хвалятъ Бога (конечно, не хвалятъ такъ, какъ учитъ римская церковь). Такъ, съ дѣтскихъ лѣтъ вносится въ сердце жмудина жестокость и фанатизмъ противъ еретиковъ, т. е. противъ всѣхъ, не принадлежащихъ къ римской церкви. И эти богохульныя пѣсни называются молитвами? Гдѣ же всеобъемлющая и всепрощающая христіанская любовь? Боже милостивый! воскликнемъ и мы, какимъ страшнымъ душевнымъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ пастырей, лишенныхъ любви къ человѣку и проникнутыхъ ненавистію ко всему, что не носитъ на себѣ клейма папизма, когда они безъ малѣйшаго смущенія, прикрываясь религіею, рѣшаются печатно развращать неповинныхъ дѣтей темнаго литовскаго крестьянства. Если это дѣлается явно, то что же происходитъ тайно, въ бесѣдахъ ксендза съ прихожанами и, въ особенности, на исповѣди, столь частой у римскихъ католиковъ?

Въ этой дѣтской книжкѣ есть и пѣснь польскому королевичу Казиміру:

„Святый Казиміръ, побѣдитель нашихъ враговъ, моли Бога о насъ!

Святый Казиміръ, свѣтъ и заступникъ Литвы и Жмуди, моли Бога о насъ!

Святый Казиміръ, красота Ягеллонскаго рода, моли Бога о насъ.“

А о латинской литургіи внушается юношеству такъ:

„Знай человѣкъ, что литургія есть великолѣпнѣйшая жертва; подобной не было нигдѣ и не будетъ до конца міра, какъ только въ одной (римско-)католической церкви.“

Мысль, что только одна римско-католическая церковь есть истинная, что только въ ней одной можно получить спасеніе души, что всѣ другія церкви выдуманы невѣрными людьми и заключаютъ въ себѣ гибель, эта мысль въ жмудскихъ народныхъ книгахъ встрѣчается довольно часто, ее найдете вы и въ молитвенникахъ, и въ катихизисѣ, и въ священной исторіи. Такъ, въ книгѣ, изданной въ 1828 году въ Вильнѣ, подъ заглавіемъ: „*Павинастисъ кришіонишкосъ, орба катехиз-*

масъ“, т. е. „*обязанности христіанскія или катихизисъ*“, въ статьѣ „О церкви и признакахъ истинной церкви“ изложены, въ вопросахъ и отвѣтахъ, доказательства означенной мысли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражены хула на прочія церкви и надежда, что по милости Божіей онѣ, эти выдуманныя невѣрными людьми церкви, конечно, мало-помалу исчезнутъ.

Въ „Священной исторіи ветхаго завѣта,“ изданной въ Вильнѣ въ 1852 году (*„Исторіе Швенты сеное истатима*), замѣчательно слѣдующее мѣсто:

„Понимай, юношество, сколь ужасно жениться на невѣстѣ не той вѣры, которую самъ исповѣдуешь, равнымъ образомъ, выходить замужъ за человѣка другой вѣры! Если умнѣйшаго царя (Соломона) женщины съ пути свели, то не возмогутъ-ли и тебя свести?“ (стран. 78).

Эта мысль Волончевскаго, выраженная печатно, безъ всякаго сомнѣнія, развивается ксендзами гораздо пространнѣе и смѣлѣе въ проповѣдяхъ, на исповѣди и въ частныхъ разговорахъ, и мы видимъ, что ученіе ихъ идетъ въ прокъ; дѣйствительно, между литовскими крестьянами смѣшанные браки составляютъ величайшую рѣдкость.

Затѣмъ представимъ нѣсколько выписокъ изъ историческаго сочиненія, изданнаго въ Вильнѣ въ 1848 году, подъ заглавіемъ: *„Жемайтю вискуписте апраше к. Мотеюсъ Волончеускисъ,“* т. е. *„Самогитскую епархію описалъ кс. Матвѣй Волончевскій,“* и тѣмъ закончимъ наше краткое обозрѣніе печальныхъ зачатковъ жмудской литературы.

Въ началѣ книги авторъ изображаетъ Жмудь языческую, описываетъ идоловъ, божницы, жрецовъ и праздники и говоритъ о необыкновенной смѣлости и храбрости жмудиновъ, обнаруженной ими въ битвахъ съ курляндскими и прусскими нѣмцами, весьма часто нападавшими тогда на Жмудь; отбиваясь такъ храбро отъ враговъ, жмудины дѣлались свободными; „а теперь, добавляетъ авторъ, едва только тѣнь такой храбрости осталась между жмудинами“.

Въ § 12, описавъ довольно чувствительно послѣдній раздѣлъ Польши, кс. Волончевскій говоритъ: „Жмудяковъ тронуло несчастное потрясеніе погибающаго польскаго государства 1794 г., когда послѣдовала огромная потеря людей и денегъ. Весь народъ, по гласу Стефана Гедройца епископа, на подобіе жителей Ниневіи, постился и молилъ Бога о помощи“.

О 1812 годѣ разсказывается такъ:

„Хотя вся Европа испытала много бѣдствій, но Жмудь нимало не потерпѣла, ибо слѣдовавшіе французы, подъ бдительнымъ начальствомъ маршала Макдональда, покупали все на готовыя деньги или получали за росписками и щедро платили за съѣстные припасы, наконецъ, въ 1831 и 1832 годахъ жмудяки много зла претерпѣли, и съ того времени начался для нихъ рядъ несчастій, которыя и понынѣ ихъ угнетаютъ“.

Какъ послѣ этого жмудинамъ не любить французовъ! Въ 1812 году вся Европа много бѣдствій отъ нихъ претерпѣла, но Жмудь не пострадала ни мало, хотя французы ходили и по этой счастливой землѣ; напротивъ, они были очень любезны, „покупали все на готовыя деньги и щедро платили за съѣстные припасы“. Жмудинамъ остается только пожелать, чтобы такіе милые гости являлись почаще. Но съ 1831 года наступаетъ для жмудиновъ худое время: ихъ постигаютъ несчастія, которыя продолжаются и по нынѣ, т. е. до 1848 г. (книга издана въ этомъ году). Мы понимаемъ, что въ 1831 г. Жмудь много зла претерпѣла отъ поляковъ, вслѣдствіе бывшаго тогда польскаго мятежа; относительно же ряда несчастій, которыя начинаютъ съ того времени тяготѣть надъ жмудинами, нѣсколько недоумѣваемъ: крайне жаль, что авторъ не потрудился перечислить этотъ „рядъ несчастій“ и разъяснить, въ чемъ онѣ состояли и отъ кого происходили: отъ польскихъ ли помѣщиковъ, притѣснявшихъ крестьянъ, или отъ польскихъ чиновниковъ, которыми переполнена была губернская администрація и которые во вредъ народу злоупотребляли властію, предоставленною имъ русскимъ правительствомъ? Не имѣя желаемыхъ указаній, оставляемъ это мѣсто безъ разъясненій.

Извѣстно, что послѣ польскаго мятежа въ 1831 году, правительство признало нужнымъ закрыть нѣкоторые римско-католическіе монастыри, между прочимъ, и на Жмуди; упоминая объ этихъ распоряженіяхъ правительства, кс. Волончевскій, весьма часто, вмѣсто слова „закрыть“ употребляетъ „истребить“.

Такъ значится:

На стран. 123 (218).

„1832 годъ. Правительство, *истребивъ* кармелитскій монастырь (въ мѣстечкѣ Кейданахъ, Ковенскаго уѣзда), имѣніе отъ него отобрало“ [1]).

На стран. 125.

„1832 г. Правительство этотъ монастырикъ (кармелитскій, въ г. Россіенахъ) *истребило*“.

На стран. 129.

Въ началѣ описывается благосостояніе монаховъ ордена Піаровъ, въ г. Россіенахъ, затѣмъ говорится:

---

[1]) Слова употребляемыя авторомъ: *новити, ишновити* значатъ: истребить, искоренить, мучить, т. е. по варварски съ кѣмъ-либо обращаться.

„Такимъ образомъ, устроившіеся піары въ г. Россіенахъ обучали дѣтей и славили Бога по 1832 годъ, въ которомъ правительство *истребило* ихъ. Піарамъ принадлежалъ также монастырь въ г. Поневѣжѣ, но и того въ 1832 г. лишены".

На стран. 133.

Описывается состояніе монастыря въ мѣстечкѣ Пошолтуни; далѣе:

„Наконецъ правительство въ 1832 году и оный монастырь *истребило*".

На стран. 135.

Описываются богатства францисканскаго монастыря въ Жогиняхъ:

„Въ 1832 году и тотъ монастырь *истребило* правительство".

Замѣтимъ еще одно мѣсто въ этой исторіи, сочиненной кс. Волончевскимъ:

„Оказываясь наружно богобоязненными, говоритъ онъ о жмудякахъ, въ концѣ § 283-го, имѣютъ они привычку пить водку, развращаются и пріучаются воровать, именно лошадей. Воровать научили жмудяковъ жиды; въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного воровства, въ которомъ бы не участвовали *бородачи*." (?!)

По смыслу рѣчи, въ концѣ ея слѣдовало бы сказать *жиды*, а вышло *бородачи*!

Въ сочиненіи подобныхъ вещей мы не упражнялись, однако, попробуемъ. Что сказалъ бы почтенный ксендзъ Волончевскій, если бы мы, подражая его словамъ, написали, положимъ, такъ:

„Дикому фанатизму научили жмудяковъ языческіе жрецы; въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного фанатическаго поступка, въ которомъ не участвовали бы *римско-католическіе ксендзы*," а наша рѣчь была бы вѣрнѣе.

Представляя читателямъ этотъ первый, на русскомъ языкѣ, опытъ разсмотрѣнія жмудскихъ народныхъ книгъ, мы заранѣе сознаемся въ его неполнотѣ и другихъ недостаткахъ; полагаемъ, однако, что приведенныхъ выписокъ совершенно достаточно, чтобы составить понятіе о качествѣ той грамотности, о духѣ и направленіи тѣхъ *религіозныхъ* книгъ, которыя сочиняются для литовскаго народа духовными его пастырями. Книги эти, составленныя съ предвзятыми идеями латинскими ксендзами и частію свѣтскими лицами польскаго происхожденія, исполненныя клеветы, ханжества, ненависти и нетерпимости ко всему не-римско-католическому, именуются *священными*, *религіозными*, и вся эта накипь средневѣковаго изувѣрства, ad majorem Dei gloriam, внѣдряется въ народъ; вотъ надъ чѣмъ въ продолженіе столѣтій работало на Жмуди латинское духовенство и, отдадимъ ему должную справедливость, достигло желаемыхъ результатовъ: народъ теменъ, суевѣренъ

и фанатиченъ, какъ испанцы. И вотъ *народная* литовская литература! Нѣтъ, мы лучшаго мнѣнія о литовскомъ народѣ. Литовскій народъ еще не сказалъ своего слова. Подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о состояніи литовской письменности и о другихъ проявленіяхъ народной жизни мы можемъ ожидать только отъ природныхъ литовцевъ, воспитанныхъ внѣ вліянія польско-латинской нетерпимости (такія лица, безъ сомнѣнія, современемъ явятся) или отъ русскихъ, основательно изучившихъ литовскій языкъ и бытъ народный. Было время, когда русскій элементъ имѣлъ на Жмуди весьма важное значеніе и силу; потомъ этотъ край на долго отъ насъ сокрылся подъ сумракомъ польщизны и папизма; теперь наступила пора возстановленія нашихъ общественныхъ и народныхъ правъ въ этой странѣ; теперь русскій идетъ къ литовцу или жмудину, какъ къ старому своему знакомому и родственнику, и потому необходимо, чтобы русскіе образованные люди, трудящіеся нынѣ на Жмуди, основательно изучали жмудскій языкъ и народную жизнь; жмудинъ же или литовецъ, какъ уже извѣстно, весьма охотно принимается за ученіе русскаго языка. Это непосредственное знакомство русскихъ съ жмудинами укрѣпитъ русское вліяніе на Жмуди и будетъ содѣйствовать тѣснѣйшему ея сближенію съ общимъ нашимъ отечествомъ, Россіею.

Русское дѣло на окраинахъ [1]).

Глава I.

Наши западныя окраины одно изъ наиболѣе больныхъ мѣстъ русской государственности; ихъ исторія—исторія глубокой и правдивой государственной мысли, но до такой степени искаженной дурнымъ исполненіемъ, что чуть не весь результатъ вѣковой работы является лишь на географической картѣ. Ряды поколѣній работали, можно сказать, машинально; машинально, въ силу неудержимой логики событій, отодвигалась къ западу государственная граница, но внутри ново-присоединенныхъ областей лишь изрѣдка, въ крупные историческіе моменты, очищалась отъ наносной шелухи смѣлая русская мысль, творила что могла, но сейчасъ же никла и испарялась, какъ скоро проходила государственная опасность. Враждебныя ей силы работали настойчиво, постоянно и неутомимо, тогда какъ она была вся порывъ, моментъ. Мудрено ли, что въ длинный періодъ внѣшней тишины все созданное въ минуту порыва парализовалось, разрушалось и передѣлывалось неузнаваемо, что враждебная сила крѣпла и поднимала голову, создавая вновь государственную опасность? Возвращенные отъ Польши Юго-Западъ и Сѣверо-Западъ, ядро самой Польши, бывшее Царство, Прибалтійскій край (Финляндію мы пока оставляемъ въ сторонѣ), все это вмѣстѣ составляетъ громадную часть европейской русской территоріи, и не смотря на то, что въ большинствѣ всѣ политическіе и національные вопросы здѣсь слѣдовало бы считать порѣшенными и сданными въ архивъ, они живы и интенсивны по прежнему, по прежнему русское дѣло даже въ чисто-русскихъ областяхъ нуждается и въ работникахъ,

[1]) Изъ „Голоса Москвы“ за 1885 г.

и въ государственномъ вмѣшательствѣ. Отчего это происходитъ? Не вдаваясь въ повторенія того, что съ такимъ талантомъ высказывалось лучшими представителями такъ называемой „славянофильской школы“, мы отмѣтимъ пока грустный, десятилѣтіями подтвержденный фактъ. Наши оффиціальные представители русскаго дѣла являлись въ большинствѣ случаевъ несогрѣтыми живою національною идеей. Не была ею согрѣта и руководящая ими политика. Эти нейтральные люди попадали немедленно въ ловко разставленныя со всѣхъ сторонъ сѣти интриги и мимовольно работали во вредъ государству, удаляли отъ себя неоффиціальныхъ, но одушевленныхъ національною идеей русскихъ дѣятелей, которыхъ интрига не только умѣла выставлять чуть не революціонерами, но даже иногда рѣзко мѣшала ихъ дѣлу всѣми грозными средствами, имѣвшимися въ ея рукахъ. Бывало иногда и такъ, что до присоединенія къ Россіи извѣстной области русское дѣло въ ней стояло гораздо лучше, чѣмъ послѣ; бывало и такъ, что представитель государственной власти служилъ самъ дѣлу анти-государственному; всего было! А сзади стояло русское образованное общество, въ которомъ численно лишь меньшая часть была свободна отъ рабскаго поклоненія всякимъ призракамъ и погремушкамъ. Но и у этой лучшей, серьезнѣйшей части не хватало достаточно настойчивой энергіи, на которую могли бы постоянно опираться русскіе піонеры, съ которою могли бы они стоять въ живой органической связи. И здѣсь порывы тогда, когда грозила явная опасность, порывы, правда, могучіе и беззавѣтные, но короткіе, безплодные, и апатія, когда опасность кончалась. Русскіе труженики и мыслители оставались въ полномъ разобщеніи и дѣло гибло или замирало надолго. Намъ кажется, что задача русской газеты по отношенію къ окраинамъ состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы служить соединительнымъ звеномъ между центромъ русскаго общества съ одной и его піонерами на окраинахъ съ другой стороны. Только тогда и можетъ расти симпатія и поддержка въ обществѣ, энергія и вѣра въ лучшее будущее въ работникахъ. Чтобы сочувствовать чему нибудь, нужно *знать*. А русское общество, къ стыду своему, не только иногда не знаетъ, но вообще мало интересуется тѣмъ, что дѣлается на окраинахъ...

Постараемся по мѣрѣ силъ пополнить этотъ пробѣлъ и начнемъ наши замѣтки о русской работѣ на окраинахъ съ Привислянскаго края, гдѣ русская мысль имѣетъ талантливыхъ и честныхъ борцовъ, которые по крайней мѣрѣ въ эту минуту имѣютъ свой органъ и возможность говорить. Мы разумѣемъ „Варшавскій Дневникъ“, нумера котораго за цѣлый мѣсяцъ лежатъ передъ нами. Особенность газеты та, что она окружена цѣлымъ лагеремъ польской печати, замѣчательно дисциплинированнымъ; ни одинъ органъ этого лагеря не смѣетъ даже вступить

въ полемику съ „Варшавскимъ Дневникомъ“, считая это измѣной польскому дѣлу.

Газета борется съ этимъ чувствомъ нетерпимости, иронизируетъ надъ нимъ и бѣситъ польскихъ журнальныхъ пророковъ тѣмъ, что замѣчательно умѣло выдвигаетъ вопросы, подрывая въ самомъ польскомъ обществѣ довѣріе къ его политическимъ мудрецамъ. Какъ ни величественно игнорированіе варшавскими газетами голоса „Варшавскаго Дневника“, но неутомимое и безпристрастное слово правды производитъ свое дѣйствіе. Любопытные читаютъ русскую газету подъ рукою въ величайшемъ секретѣ (страха ради іудейска), и иногда какая нибудь молодая, горячая голова вдругъ прерываетъ условное молчаніе. Путы условности и исключительности сбрасываются, раздается протестующій голосъ, въ которомъ слышится уже и сомнѣніе. Пусть еще въ этомъ голосѣ звучитъ остатокъ поколѣніями взращенной ненависти, важно то, что нарушена дисциплина, что молодое сердце не выдержало фальши и испустило вольную жизненную ноту; довольно пока и этого! Какъ любопытный образчикъ, мы приведемъ письмо (анонимное конечно) одной польки къ редактору „Варшавскаго Дневника“ и отвѣтъ на него редакціи. Въ № 5 „Варшавскій Дневникъ“, привѣтствуя признаніе газеты „Wiek“, что „польскій народъ глубоко чтитъ Найяснѣйшаго Пана“ и что „поляки суть наивѣрнѣйшіе подданные Его Величества“, высказалъ, между прочимъ, что выраженіе „наивѣрнѣйшіе“ немножко сильно и требуетъ такого же признанія, искренно и прямо, и отъ другихъ газетъ. „Пусть заявленіе „Вѣка“ о вѣрноподданническихъ чувствахъ поляковъ“, говоритъ газета, „останется не одинокимъ въ газетахъ Царства Польскаго, пусть, кромѣ того, онѣ отрекутся отъ притязаній на Западный край, и тѣ, которыхъ „Вѣкъ“ считаетъ самыми злыми ненавистниками поляковъ, протянутъ имъ руку. Но пока этого не послѣдуетъ, группа этихъ „ненавистниковъ“ будетъ становиться все сильнѣе и вліятельнѣе, ибо всѣ видимости за нее, за вѣрность ея воззрѣній и оцѣнокъ. А это жаль; мы продолжаемъ думать, что масса не только простонародья въ Царствѣ Польскомъ, но и большинство образованныхъ классовъ не питаетъ той непріязни или хоть отчужденности отъ Россіи и русскихъ, какая обнаруживается польскою печатью. По этому поводу приходится еще разъ пожалѣть о странномъ идолопоклонствѣ польскаго общества передъ нѣкоторыми своими фетишами и традиціонными своими предразсудками. Протестовать противъ мнѣнія большинства поляки умѣли только на сеймахъ; правда, за это хорошо платили“.... Вотъ что пишетъ, между прочимъ, въ отвѣтъ на это письмо особа, подписавшаяся Polka Warszawianka.

„1) Почему вы требуете, чтобы мы отреклись отъ польскихъ провинцій, называемыхъ нынѣ Западнымъ краемъ на томъ же основаніи, на

какомъ Царство Польское называется краемъ Привислянскимъ? Но зачѣмъ же вамъ нужно это отреченіе, если вы при захватѣ вовсе не просили о нашемъ позволеніи?

2) Польскія провинціи находятся не только въ такъ называемомъ Западномъ краѣ, онѣ находятся и подъ господствомъ Австріи и Пруссіи, почему же не пригласите Австрію или Пруссію отказаться отъ Галиціи и княжества Познанскаго, вмѣсто того, чтобы требовать какой то капитуляціи отъ насъ, беззащитныхъ и угнетенныхъ?

3) Почему, жалуясь на отсутствіе симпатіи къ вамъ, вы дѣлаете все возможное, чтобы не дать развиться этой симпатіи? Сознайтесь откровенно, на чьей сторонѣ въ этомъ случаѣ дѣйствительная вина? Можно питать уваженіе и къ непріятелю, но только тогда, если этотъ непріятель не издѣвается надъ побѣжденнымъ, если онъ не раздражаетъ самыхъ дорогихъ его чувствъ, но, напротивъ, относится съ уваженіемъ къ его упадку и несчастію.

4) Почему русскіе, которые всегда, даже при самой низкой степени цивилизаціи, обнаруживали столько здраваго политическаго инстинкта, нынѣ утратили этотъ инстинктъ до того, что не только толкаютъ въ нѣмецкія объятія насъ, занимающихъ важнѣйшую анти-германизаціонную позицію, но даже успѣли въ короткое время оттолкнуть отъ себя всѣхъ южныхъ славянъ, и притомъ можетъ быть навсегда?“

При всей курьезности своихъ взглядовъ, письмо принадлежитъ повидимому искреннему человѣку. Отвѣтъ на него редакціи „Дневника“ весьма сдержанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ твердъ:

„Прекрасная Варшавянка занимается политикой повидимому недавно, иначе она знала бы, что мы не можемъ признать Западный край „польскими провинціями“, потому что онѣ, по своему естеству, русскія, точно такъ же, какъ Царство Польское (къ западу отъ Вислы) польское.

На отсутствіе къ намъ симпатій мы не жалуемся, „требованія“ объ отреченіи отъ „польскихъ провинцій“ не представляемъ, но совѣтуемъ отказаться отъ претензій на эти провинціи, какъ не польскія и не могущія даже усиліями соединенной Европы быть оторванными отъ Россіи; мы совѣтуемъ полякамъ примириться со своимъ положеніемъ не столько въ нашемъ, сколько въ ихъ собственномъ интересѣ, ибо только путемъ искренняго примиренія и внушивъ довѣріе къ себѣ, они могутъ вывести свой край изъ исключительнаго положенія, въ коемъ онъ находится. При этомъ, и только при этомъ условіи явится и „уваженіе къ несчастію“ побѣжденнаго. Но если этотъ побѣжденный и поверженный противникъ барахтается и норовитъ ухватиться за кинжалъ, нечего дѣлать, приходится его придерживать. „Что за притча!“ говоритъ газета далѣе по поводу пункта 4. „Бывало поляки выставляли себя проводниками на Востокъ, къ намъ, въ дикую Московію,

европейской цивилизаціи, а теперь вдругъ они сдѣлались нашимъ оплотомъ отъ германизаціи, которая, что ни говори, синонимъ западно-европейской цивилизаціи! По мнѣнію польской патріотки, исчезни Польша, исчезни поляки и Россія обратится въ прусскую провинцію..... „Придетъ же въ голову этакое“, сказалъ бы Гоголь. А вѣдь эта фантасмагорія крѣпко засѣла въ голову нашихъ привислянскихъ друзей и получила съ нѣкотораго времени право гражданства въ польской печати. Намъ пресерьезно говорятъ: мы, поляки, ваша твердокаменная стѣна, мы вашъ щитъ; всѣ направляемые противъ васъ Бисмаркомъ удары мы принимаемъ на себя: кланяйтесь намъ, благодарите насъ, мы ваши спасители!“ Мало того, польскіе публицисты (заграничные), проклиная Россію и требуя ея уничтоженія, обижаются, однако, что мы изъ-за польскихъ національныхъ интересовъ не ссоримся съ Пруссіей... Мудреные люди!... О южныхъ (южныхъ-ли или западныхъ?) славянахъ, упоминаемыхъ нашею корреспонденткою, мы здѣсь говорить не будемъ, но что касается поляковъ, то нѣмцы столько же ихъ толкаютъ къ намъ, сколько мы толкаемъ ихъ къ нѣмцамъ. Мы могли бы назвать познанчиковъ, которые клялись намъ въ любви къ Россіи ради ненависти къ Пруссіи. Вообще, поляки не могутъ ужиться ни съ нѣмцами, ни съ нами, постоянно враждуютъ съ тѣми и другими и, естественно, тѣмъ самымъ сближаютъ насъ съ нѣмцами во имя нашей общей безопасности. Анархисты и поляки это, безъ сомнѣнія, главнѣйшіе факторы нынѣшняго сближенія съ Пруссіей и Германіей.

Все это кажется яснѣе, чѣмъ Божій день, но именно ясныхъ то вещей поляки и не видятъ, а тѣмъ паче польки; имъ ясны только вещи запутанныя, спорныя, парадоксальныя, въ родѣ, напримѣръ, того, что несчастье надо уважать! Неужели несчастье само по себѣ есть добродѣтель, заслуга, право на уваженіе? Быть повѣшеннымъ большое несчастье для подлежащаго повѣшенію; но если человѣкъ, котораго ведутъ на висѣлицу, есть О' Донаванъ Росса или другой анархистъ-динамитчикъ, не стану же я его уважать! А вѣдь это одинъ изъ тезисовъ нашей политикующей прекрасной Варшавянки“. Изъ этой полемики можно заключить, что газета должна производить на молодыя, еще не окончательно одеревенѣвшія въ іезуитско-шляхетскомъ фанатизмѣ польскія головы тѣмъ большее впечатлѣніе, чѣмъ спокойнѣе и искреннѣе ея тонъ. Въ немъ не слышно никакой національной ненависти. Газета стоитъ на почвѣ исторической правды и высказываетъ эту правду совершенно спокойно.

Но помимо исторической правды, въ тонѣ газеты слышно неподдѣльное и глубокое сожалѣніе о полякахъ, какъ гибнущей по собственному политическому недомыслію и невѣроятному упорству славянской народности.

Газета сокрушается, что мѣсто поляка-славянина занимаетъ все болѣе и болѣе чужеядный германскій или еще хуже жидовскій элементъ. Вотъ, напримѣръ, какія строки находимъ мы въ корреспонденціи газеты изъ Волыни: „Падали одно за другимъ крупныя помѣщичьи владѣнія, исчезали съ лица земли мелкія и повсюду воцарялся хищный паукъ—еврей. Тѣ Zlote Jabłka [1]), такъ заманчиво описанныя Несторомъ польской литературы, Крашевскимъ, отошли теперь въ область преданій. Идеалъ открытой, мирной обывательской жизни расплылся въ душной атмосферѣ, пропитанной злобою и лицемѣріемъ. Темное царство еврейской эксплуатаціи пускаетъ все глубже свои корни: нѣкогда цвѣтущія помѣщичьи усадьбы обращаются въ какіе то зловонные хлѣва, роскошныя поля пшеницы исчезаютъ, уступая мѣсто тощей свекловицѣ, взросшей на землѣ истощенной, подчасъ лишенной необходимаго удобренія; густые лѣса превращаются въ пустыни, даже корни ихъ выкорчеваны; однимъ словомъ, всюду видна разрушительная рука хищника. Теперь этотъ „слуга униженный“, помыкаемый всѣми еврей-факторъ, сталъ бариномъ и въ свою очередь помыкаетъ раззорившимся паномъ, поступившимъ къ нему, еврею, въ наемники. Теперь онъ хлѣбодатель, благодѣтель пана, живущаго, согласно понятіямъ еврея, на его łaskawym chlebie (на даровомъ хлѣбѣ). Здѣшніе польскіе помѣщики это, если можно такъ выразиться, взрослыя дѣти, идущія на помочахъ у „сердобольной“ няньки еврея-хищника. Пишущему эти строки пришлось столкнуться съ нѣсколькимм весьма типичными экземплярами „недорослей“ изъ среды захудалаго шляхетства. Когда въ разговорѣ съ однимъ изъ нихъ мнѣ пришлось коснуться чисто дѣловой стороны, то надо было видѣть, съ какою напыщенною гордостью произнесъ панъ слѣдующія слова: „я этимъ не занимаюсь, всю эту канитель ведетъ у меня факторъ Шлема“.

Другой экземпляръ и того лучше: этотъ попалъ не только въ матеріальномъ, но даже въ нравственномъ отношеніи въ опеку еврея. Согласно желанію послѣдняго, онъ никуда не выѣзжалъ, просиживая все время дома, въ сообществѣ домашней прислуги и своего фактора.

Глава II.

Оставимъ на время Привислянскій край съ собственно польскимъ населеніемъ и перейдемъ на нашу сѣверо-западную окраину, гдѣ русское дѣло находится въ упорной борьбѣ съ польщизной.

Силы, участвующія въ этой борьбѣ, слѣдующія: съ одной стороны сильная правительственная власть, располагающая всѣмъ механизмомъ

[1]) Одно изъ помѣстій въ повѣсти Крашевскаго.

администраціи, суда, школы; рядомъ съ ней вся нравственная, хотя и молчаливая сила огромной части кореннаго сельскаго населенія. Съ другой стороны сплоченная во-едино и прекрасно дисциплинированная ополяченная бѣлорусская и литовская „интеллигенція“, руководимая воинствующею римско-католическою церковью, имѣющая также свой стройный механизмъ—духовное управленіе.

Казалось бы, что не можетъ быть и рѣчи о борьбѣ тамъ, гдѣ на одной изъ сторонъ стоятъ народъ и правительство. Казалось бы, что всякіе посторонніе инстинкты должны немедленно угаснуть, сдавленные съ обѣихъ сторонъ такими мощными факторами. Но увы! на дѣлѣ мы видимъ не то.

Правительство является безспорно силой, но эта сила здѣсь часто, въ теченіе долгихъ періодовъ, бывала какъ бы неодушевленною, механическою. Въ паровомъ молотѣ его бьющая часть направляется неуклонно лишь въ одну точку; достаточно лишь чуть удалить предметъ изъ рабочаго пространства мертвой машины, чтобы вся сила ея удара пропала даромъ; то же бываетъ и съ правительственною силой. Съ своей стороны, народъ не можетъ дать никакого отпора, не можетъ выйти изъ своей несчастной роли пассивнаго элемента, по той простой причинѣ, что у него нѣтъ борцовъ, которые могли бы встать во главѣ его дѣла. Въ силу трагическихъ ошибокъ поколѣній, ни правительство не можетъ опереться на народъ, ни народъ на правительство. Послѣднему въ такія грустныя времена осталось лишь механически оберегать народъ отъ противогосударственнаго воспитанія. Народу оставалось лишь инстинктивно вѣрить въ силу власти, не видя ея живой, творческой работы. Вышло такъ, что почти весь плодотворный зиждительный элементъ ума и общественнаго духа въ сѣверо-западной окраинѣ, увы! сосредоточился издавна въ слоѣ, враждебномъ русской государственности; онъ работаетъ въ направленіи противоположномъ интересамъ живаго государства; онъ преслѣдуетъ фантастическіе интересы государства мертваго, давно вычеркнутаго исторіей. Но работа его не пропадаетъ даромъ. Сила его ростетъ, и пока молотъ работаетъ въ пустомъ пространствѣ, фантастическая идея крѣпнетъ, великое историческое недоразумѣніе, такъ легко разрѣшимое въ началѣ, ростетъ и коренится, захватывая и смущая народныя массы.

У русскаго дѣла почти нѣтъ борцовъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, у дѣла польскаго этихъ борцовъ стройно организованные легіоны.

На нашей сторонѣ, къ сожалѣнію, пока лишь сила матеріальная, сила власти, могущей стѣснять и запрещать, и въ помощь ей живое народное чувство, за отсутствіемъ борцовъ, не перешедшее, однако, степени инстинкта. На сторонѣ польскихъ фантазій колоссальная энергія, неутомимость въ борьбѣ, стройная дисциплина и нравственная власть

служителя алтаря. Мудрено ли, что побѣда, улыбавшаяся намъ, когда случайно управлялъ русскимъ административнымъ аппаратомъ въ краѣ живой духъ, а не канцелярская мумія, что эта побѣда въ иныхъ случаяхъ склонялась на сторону дѣла, явно фантастическаго, явно лишеннаго всякой будущности?

Сказанное можетъ послужить введеніемъ къ крайне любопытной запискѣ полуоффиціальнаго происхожденія, печатаемой ниже и посвященной изслѣдованію тѣхъ враждебныхъ намъ духовныхъ силъ, съ которыми приходилось считаться русской государственности, имѣвшей скромную задачу сохранить русскимъ русскій народъ въ русскомъ краѣ. Вотъ эта записка, въ которой многое, высказанное польскими борцами полякамъ, такъ желательно было бы слышать изъ устъ борцовъ русскаго дѣла, обращеннымъ къ русскимъ слушателямъ:

1.

Уже въ 1879 году, на краковскомъ торжествѣ своего юбилея, извѣстный Крашевскій замѣтилъ въ своей рѣчи, что съ 1772 года общественный духъ поляковъ значительно укрѣпился. „Ростетъ все, говорилъ юбиляръ, а главное ростетъ сильное національное чувство (поляковъ), котораго въ 1772 году не существовало“.

Учреждается эдукаціонная коммиссія, труженики на литературной нивѣ не переводятся, народнымъ просвѣщеніемъ, этою единственною надеждой въ будущемъ, предводительствуютъ такіе граждане, какъ Чарторыйскій, Снядецкій, Чацкій. Красицкій воздвигаетъ себѣ памятникъ въ „Обществѣ друзей науки“, силою собственной внутренней мощи двигается Вильна; разцвѣтаетъ гражданскимъ подвигомъ Кременецъ“ [1]).

Всѣ эти, повидимому, простыя, голословно брошенныя замѣчанія имѣютъ реальную политическую подкладку. „Уже Польша вычеркнута изъ среды народовъ, писалъ въ 1800 году Ѳаддей Чацкій; въ дворцахъ королей и въ помѣщеніяхъ прежней правительственной власти паукъ развиваетъ свои сѣти, а филинъ, беззаботно гнѣздящійся на башняхъ величественныхъ зданій, поетъ вѣщую пѣсню“ [2]), но уже тогда начало складываться среди поляковъ то политическое убѣжденіе, что „не города ихъ защищаютъ отъ непріятельскихъ ударовъ, не стѣны ихъ составляютъ твердыню и оборону, но въ нихъ самихъ, въ ихъ

---

[1]) „Голосъ“ 1879 года, № 295.

[2]) Dzieła T. Czackiego-Poznan. 1844. T. 1. Przedmowa do czytelnika.

сердцахъ и душахъ находится непреоборимое обиталище свободы и независимости“ [1]).

Создать польскую науку, заняться воспитаніемъ въ польскомъ духѣ и направленіи, популяризовать и по возможности распространить въ ширь и глубь употребленіе польскаго языка, вотъ задачи, надъ рѣшеніемъ которыхъ постановили работать поляки для спасенія, для возсозданія вновь своей родины [2]). Въ „Обществѣ друзей науки“ говорились рѣчи, указывающія въ сохраненіи языка и его возможномъ расширеніи лучшее средство къ возрожденію падшей ойчизны.

Начали раздаваться самыя настойчивыя приглашенія, даже къ молодежи, изучать смыслъ и духъ рѣчей, которыя говорились въ „Обществѣ друзей науки“, не отчаиваться за будущее Польши среди политическихъ невзгодъ, такъ какъ „перемѣна правленія и политическаго строя еще не уничтожаетъ народа“ (Roczn. t. 2. 400—402).

Даже для поляковъ стало замѣтно необыкновенное между ними нравственное возбужденіе. „Поднимается духъ общественный“, писалъ къ Коллонтаю Чацкій; „могила отечества служитъ алтаремъ, который благородная рука поляка усыпаетъ живительными цвѣтами [3]). Изъ этой могилы все сильнѣе и сильнѣе раздавались голоса, призывающіе поляковъ къ сохраненію и развитію того, что составляетъ цѣну и значеніе каждаго народа, къ развитію науки и искусства, къ сохраненію національнаго духа, особенно въ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ, въ воспитаніи [4]).

2.

Со слезами на глазахъ и въ сердцѣ внимали поляки такимъ призывамъ [5]). Они благовѣйно слагали ихъ въ своей душѣ, какъ дорогую святыню. У многихъ невольно зарождалась мысль или совершенно отказаться отъ міра, или исключительно посвятить всѣ силы и способности своей души на прославленіе родины, на пользу своихъ соотечественниковъ (rodakow). „Я съ благодарностью отказался“, писалъ Снядецкій къ Коллонтаю, „отъ мѣста директора обсерваторіи въ Боннѣ, которое мнѣ предлагали именемъ итальянской республики; отказался я и отъ другихъ предложенныхъ было мнѣ мѣстъ; или совершенно

[1]) Варшавскій совѣтъ, по поводу овладѣнія Вильной Тучковымъ въ 1794 году. „Вѣстникъ Европы“ 1870 года, т. 1, стр. 566.
[2]) Roczn. towarzyst. Warsz. t. 2, 376.
[3]) Listy Kollontaja t. 1—54.
[4]) Roczn. t. 2. 44, 5.
[5]) Kollontaja t. I, 53.

перестану служить, или же посвящу себя къ услугамъ только поляковъ; крѣпко люблю я мой край и моихъ соотечественниковъ [1]). Носители такихъ идей являлись въ глазахъ поляковъ великими хранителями національности; они окружали ихъ заслуженнымъ уваженіемъ и любовью и чуть не молились на нихъ [2]). Эти страстныя рѣшенія, поддерживаемыя зажигательными воззваніями, быстро приносили свои плоды. Названный уже Снядецкій, бывшій ректоръ Виленскаго университета, сокрушаясь въ душѣ надъ гробомъ родины, занялся собираніемъ различныхъ географическихъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ по математикѣ, астрономіи и физикѣ; плодомъ такихъ занятій явилась его „географія“, какъ завѣтный даръ похороненной Польши молодому поколѣнію [3]). Когда Линде занялся составленіемъ Słównika języka polskiego, то всѣ интеллигентные поляки увидѣли въ этомъ громадной важности патріотическое дѣло, разсчитывали на него, какъ на достойный мавзолей для ойчизны и съ нетерпѣніемъ ожидали его появленія [4]).

Для охраненія и распространенія польскаго языка начали издавать въ польскомъ переводѣ греческихъ писателей; была издана капитальная грамматика польскаго языка Копчинскаго; вновь издавались забытые было вѣками давніе ученые труды поляковъ [5]); занялись составленіемъ въ народномъ духѣ отечественной исторіи, исторіи литературы [6]); проектировали изданіе такой географіи Польши, которая, обойдя послѣдніе политическіе ея раздѣлы, должна была сохранить названія всѣхъ мѣстъ и околицъ, какія были въ употребленіи при существованіи Польши [7]).

Предполагали изданіе такой географической карты Польши, которая заключала бы въ себѣ всѣ данныя для рѣшенія вопросовъ военныхъ, экономическихъ, торговыхъ, политическихъ съ польской точки зрѣнія [8]).

Чацкій, писавшій свое изслѣдованіе о литовскихъ и польскихъ законахъ, видѣлъ въ этомъ высоко-патріотическое дѣло, думалъ имъ поддержать единеніе между раздѣленными политическою границей соотечественниками, хотѣлъ сохранить въ своемъ изслѣдованіи важные памятники народнаго быта и, какъ святыню, передать ихъ потомству.

[1]) Listy Kollontaja, t. I, 10—12. Ср. t. II, 293.
[2]) Balinski-Pamiętniki o Sniadeckim, t. I, 591.
[3]) Balinski-Pamiętniki o Sniadeckim, t. I, 261.
[4]) Ibid. См. стр. 342, 427. Pochwały i mowy, t. II, 157, 327, 328.
[5]) Roczniki towarzystwa, t. II, 369, 370.
[6]) Listy Kollontaja t. I, 205.
[7]) Jbid. 21.
[8]) Pamiętniki o Sniadeckim., t. I, 205.

„Haec omnia“, таковы заключительныя слова Чацкаго, „quae credidi esse patriae necessaria vobis exponere arbitror“ [1]).

Составившееся въ Варшавѣ „Общество друзей науки“ задалось спеціальною цѣлью сохранить въ чистотѣ польскій языкъ, содѣйствовать его развитію, какъ и вообще развитію науки, возбудить состраданіе и сочувственное вниманіе къ якобы потерпѣвшему польскому народу, закрѣпить въ его сердцѣ унаслѣдованныя отъ предковъ правила католической религіи и нравственности; увѣковѣчить въ его устахъ важнѣйшія народныя дѣянія, а чрезъ это сильнѣе возбуждать любовь и уваженіе къ общему идеалу поляковъ-ойчизнѣ [2]).

3.

Было обращено серьезное вниманіе на воспитаніе польскаго юношества, такъ какъ въ этомъ видѣли единственный спасительный лучъ надежды, единственную опору падающаго отечества, счастье настоящихъ и будущихъ поколѣній [3]). Воспитаніе, конечно, должно было преслѣдовать исключительно національно-польскія цѣли.

„Школьная молодежь!“ говорилъ въ 1818 году въ Варшавскомъ лицеѣ министръ народнаго просвѣщенія новообразованнаго самостоятельнаго Царства Польскаго графъ Потоцкій. „Вмѣстѣ съ обстоятельствами измѣнились для нашей родины и научные интересы; мой долгъ указать тебѣ эту счастливую перемѣну. До сихъ поръ подъ чуждымъ правительствомъ ты получала образованіе только для себя; теперь, управляемая національною властью, ты больше должна готовить себя для отечества, нежели для себя; до сихъ поръ наука могла услаждать только твой домашній бытъ, отнынѣ она должна сдѣлаться украшеніемъ общественной жизни; до сихъ поръ тебѣ приходилось учиться какъ влачить ярмо рабства, теперь какъ подобаетъ быть свободному гражданину; прежде тебя учили, какъ подчиняться чуждому правительству, теперь какъ печаловаться о собственномъ отечествѣ. Эти побужденія учиться слишкомъ благородны, особенно, если сравнить ихъ съ тѣми, во имя которыхъ шла ты въ школу въ смутныя времена.

Каждымъ шагомъ своимъ по этой землѣ ты попирала святые гробы предковъ, ты дышала здѣсь атмосферой неволи, являлась чужою въ собственномъ краѣ. Эти чувства смущали, конечно, твою мысль, заставляли сжиматься сердце, ослабляли разсудокъ, съ тѣмъ вмѣстѣ подавляли и охлаждали горячее рвеніе твое въ наукѣ.

---

[1]) Dzieła Tad. Czackiego, t. I. Przedmowa do czytelnika.

[2]) Rocyn. towarz., t. II, 376.

[3]) O rosporządzeniu i wydoskonaleniu edukacyi obywatelskiej. Przemowa do całego narodu.

Чуждая надъ тобою власть поставляла непреодолимую преграду между тобою и славой; только въ назначенныхъ границахъ дозволено было влачить тебѣ дни свои.

Какъ мертвое дерево ты обречена была на погибель; теперь ты можешь сдѣлаться гордо высящимся дубомъ и свое чело смѣло поднимать къ облакамъ. Молодому орлиному племени старались смолоду обрѣзать крылья и думали сдѣлать ее домашнею птицей; теперь оно можетъ витать снова въ облакахъ, возноситься къ солнцу.

Сознаюсь, что каждый разъ, когда мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ твоихъ занятій, о, польская молодежь, я съ сожалѣніемъ глядѣлъ на тебя.

Я говорилъ себѣ: вотъ сыны Польши, племя и отрасль великаго когда-то народа, лишенные даже своего имени!

Къ чему же имъ прогрессъ въ наукахъ, славные таланты, примѣры предковъ и возбуждаемое ими благородство души?

Ужели же только для того, чтобы сильнѣе чувствовать свое ничтожество?

Да, теряя отечество, мы все потеряли. Но кто же будетъ настолько низкимъ, чтобы совершенно отъ него отказаться? Вашъ видъ въ настоящемъ представляетъ, однако, иную картину. При видѣ васъ скорбь не давитъ теперь моего сердца и я весело гляжу на васъ; я вижу благороднѣйшее назначеніе науки, а съ тѣмъ вмѣстѣ вашихъ трудовъ и страданій; я вижу, что въ услугахъ собственному отечеству открытъ для васъ путь къ гражданской славѣ. Въ совѣтѣ, въ войскѣ вы должны быть подпорой, охраной отечества. На васъ онъ возлагаетъ свои будущія надежды. Его судьба, будучи вмѣстѣ и вашею, въ большей части зависитъ отъ васъ. Не земля, на которой рождаемся, не дома, въ которыхъ живемъ, составляютъ отечество; его нужно искать въ духѣ гражданскомъ, въ доблести, единствѣ, талантахъ народа; къ этому васъ зоветъ ваше воспитаніе; всѣ побужденія, даже собственная любовь и интересъ наталкиваютъ васъ на это [1]).

Изученіе польскаго языка считалось лучшимъ средствомъ къ сохраненію духа отцовъ. „Кто легкомысленно относится къ своему языку, проповѣдывалъ Ѳаддѣй Чацкій въ Кременецкой гимназіи, тотъ чужеземецъ на собственной землѣ, въ томъ нѣтъ духа предковъ, тотъ выдѣляетъ языкъ народа отъ языка науки. Усовершенствуйтесь въ этомъ языкѣ (обращеніе къ учащимъ), доставьте этимъ утѣшеніе духу почтенныхъ предковъ, которые, почивая въ нѣдрахъ вѣковъ, еще взираютъ съ небесныхъ твердынь на настоящія поколѣнія [2]). Къ участію

---

[1]) Pochwały i mowy Hr. St. Potockiego, t. II, 140—144.

[2]) O życiu i pismach Tad. Czackiego. Ossinski, 52.

въ своихъ трудахъ поляки стали усердно приглашать и женщинъ, и даже, безъ ихъ содѣйствія, отчаивались въ успѣхѣ своего дѣла. „Но что пользы во всѣхъ нашихъ стремленіяхъ и усиліяхъ“, говорилось въ одномъ изъ засѣданій „Общества друзей науки“, „если другая половина рода человѣческаго, если вы, почтенныя матери и дѣвицы, хотя на минуту забудете о томъ, что вы польки!

Въ вашихъ рукахъ судьба этихъ поколѣній, въ которыя мы силимся перелить духъ народный. Какимъ предварительно заговорите къ нимъ языкомъ, какими вдохновите ихъ чувствами, какую назначите для нихъ границу славы, такими они и явятся гражданами“ [1]).

4.

Пользуясь расположеніемъ Императора Александра I, поляки переносятъ центръ своей дѣятельности въ Сѣверо-Западную Россію. Справедливый и гуманный, по признанію поляковъ, Александръ отираетъ ихъ слезы, услаждаетъ ихъ настоящее положеніе, даетъ пріютъ разросшимся въ Польшѣ наукамъ, въ цѣлости сохраняетъ самое дорогое сокровище, самое почетное наслѣдство старой Польши—языкъ [2]). Дѣйствительно, на берегахъ Виліи и въ Кременцѣ начали создавать, по замѣчанію Чацкаго и Коллонтая, пріютъ для польской науки, вытѣсненной изъ самой Польши; здѣсь они начинали видѣть Парнасъ, на который спѣшили пригласить всѣхъ польскихъ музъ [3]). Виленскій университетъ, во главѣ со Снядецкимъ и Кременецкій лицей, во главѣ съ Чацкимъ, являются главными проводниками латино-польской пропаганды. „Теперь насталъ моментъ утвердить основы просвѣщенія“, писалъ Чацкій къ Коллонтаю (19-го іюня 1803 года), «теперь насталъ случай двинуть науки. Геній не упуститъ этой минуты“ [4]). Какого рода науки старался распространить въ Сѣверо-и Юго-Западной Россіи Чацкій и его товарищи, видно изъ слѣдующаго его обращенія къ Снядецкому: [5]) „Признаю твое превосходство, не краснѣю, обращаясь къ твоимъ основательнымъ указаніямъ и опытности... Пріѣзжай сейчасъ; заклинаю тебя именемъ родины, именемъ науки и общаго блага (польскаго) не откажи въ этой просьбѣ. Не забывай, какая земля родила тебя; помни, что твой геній одушевляетъ всѣхъ насъ и что ты

[1]) Roczniki, t. 2. 402.
[2]) Listy Kollontaja.
[3]) Ibid. t. 3, 271.
[4]) Ibid. t. 1, 86.
[5]) Чацкому, какъ главному визитатору въ Юго-Западной Россіи, поручено было нашимъ правительствомъ составить проектъ устройства учебнаго дѣла; для совѣщанія по этому дѣлу онъ приглашаетъ къ себѣ Снядецкаго.

обязанъ помогать намъ, землякамъ твоимъ. Забудь различныя обстоятельства, посовѣтуйся съ твоимъ сердцемъ и пріѣзжай. Здѣсь мы будемъ тебя носить на рукахъ. Не пренебрегай нашею просьбой; не упусти случая устроить общее счастіе. Знаетъ Европа кто ты, пускай знаютъ и наши внуки, что ты создалъ ихъ счастье“ [1]).

5.

Пробудилось необыкновенное литературное движеніе между поляками, жившими въ Петербургѣ, Вильнѣ, Варшавѣ, Краковѣ, Парижѣ, Полоцкѣ, Кременцѣ, Пулавахъ, во всей Волыни и частію Подоліи; каждый и дѣломъ и словомъ спѣшилъ на помощь какъ будто воскресающей ойчизнѣ [2]). Казалось уже, что къ полякамъ взываетъ древній ветхозавѣтный пророкъ: „Кости сухія! возстаньте изъ гробовъ. Я одѣну васъ плотію, свяжу жилами и вдохну въ васъ духъ жизни“ [3]). Польскій „мессіанизмъ“ серьезно принимался за работу; вѣра въ славную будущность Польши представлялась далеко не праздною мечтою. Въ 1818 году въ Вильнѣ открывается „главное типографское общество“, котораго основною и единственною задачей было „печатаніе сочиненій полезныхъ для расширенія польской литературы и возбужденія интереса къ чтенію; въ виду этого предполагалось возможно широкое и дешевое распространеніе книжнаго промысла“ [4]). Дѣйствуя по пути, намѣченному варшавскимъ “Обществомъ друзей науки“, и виленское типографное общество много содѣйствовало полонизаціи края. Массами стали появляться книги, брошюры и газеты, рисующія давнюю польскую жизнь въ заманчивомъ свѣтѣ съ благодатною райскою обстановкою и позорящіе русскіе порядки въ краѣ, русскую жизнь. Печатались и массами расходились сочиненія Мицкевича, Лелевеля, сочиненія Нѣмцевича, Балинскаго, Китовича, Короновича, Снядецкаго, Чацкаго, Оссинскаго, Коллонтая, Сярчинскаго, разные ежегодники, Brukowe wiadomosci (уличные листки), разныя собранія словъ и рѣчей; явились изданія графовъ, какъ-то: Дзялынскаго, Мостовскаго, Эд. Рачинскаго, Островскаго, Броэль-Плятера, изданія Бобровича и множество другихъ; а вѣдь это все цѣлыя политическія системы, знаменемъ которыхъ было возможно широкое воскрешеніе польской жизни. Край былъ заполоненъ подобными сочиненіями; ихъ читали, ими зачитывались, ихъ по-

[1]) Balinski—Pamiętniki o Sniadeckim, t. 2, 230—233. Ср. Его же. Studya Historyczna—26.
[2]) Listy Kollontaja, t. 4.
[3]) Ср. Roczn., t. 6, 330.
[4]) Wiadomosc o towarzystwie typograf. Wilenskim.

ложенія принимали къ руководству [1]). Многое въ видѣ пѣсенъ и поговорокъ пріобрѣтало въ краѣ самое широкое право гражданства, и эта форма передачи затаенныхъ мыслей была одною изъ самыхъ распространенныхъ и невмѣняемыхъ.

6.

Уже „Общество друзей науки“ задумывалось надъ изданіемъ такого пѣсенника, въ которомъ было бы сосредоточено все то, что могло интересовать христіанина, человѣка и поляка. Такой сборникъ богатства польскаго духа предполагалось сдѣлать достояніемъ всѣхъ поколѣній и людей въ краѣ [2]). Нѣмцевичъ первый привелъ этотъ планъ Общества въ исполненіе. Его три изданія Spiewów historycznych (историческихъ пѣсенъ) были неимовѣрно быстро распроданы въ 1816, 1818 и 1819 годахъ. Въ 1835 явилось уже новое четвертое изданіе. „Самый безошибочный способъ привить въ народѣ сильную привязанность къ краю состоитъ, по мнѣнію Нѣмцевича, въ томъ, чтобы напоминать молодежи о дѣлахъ ея предковъ, давать ей возможность узнать самыя выдающіяся эпохи народной жизни, любовь къ отечеству отождествить съ первыми проблесками фантазіи. Въ такомъ случаѣ уже ничто не будетъ въ состояніи изгладить этихъ первыхъ мечтаній, этихъ самыхъ раннихъ понятій; съ лѣтами они только будутъ укрѣпляться, подготовляя въ то же время дѣльныхъ защитниковъ родины, почтенныхъ мужей совѣта..... Но извѣстія объ отечественныхъ дѣяніяхъ, выраженныя въ стройномъ, риѳмованномъ стихѣ, сопровождаемыя гармоническимъ пѣніемъ, дѣлаются общественнымъ достояніемъ, особенно заманчивымъ для молодежи. Звуки музыки производятъ громадное впечатлѣніе на сердце и воображеніе людей. Прежде чѣмъ Геродотъ съ серьезностію историка началъ описывать первыя дѣянія людей, въ простыхъ народныхъ пѣсняхъ одни поколѣнія уже передавали другимъ обстоятельства жизни своихъ прадѣдовъ, и ничто не могло ихъ уничтожить. Можно уничтожать народы, можно забирать и уничтожать тѣ книги, въ которыхъ записаны счастливыя эпохи и невзгоды даннаго племени, но нельзя вырвать изъ устъ матерей тѣхъ пѣсенъ, которыми онѣ припоминаютъ своимъ дѣтямъ, что и у нихъ была ойчизна. Израиль, переселенный изъ святой земли, на берегу Вавилонскихъ рѣкъ вспоминалъ объ Іорданѣ, въ смутныхъ пѣсняхъ пѣлъ объ отечествѣ и о своихъ предкахъ [3]). И въ наши времена, говорилъ Вороничъ въ

[1]) Cm. Gawędki o swojaku—Mohyłew, 1858 r. 20.
[2]) Roczniki towarzystwa, t. 2, 377.
[3]) Spiewy historyczne Niemcewicza. Przedmowa autora.

„Обществѣ друзей“, чѣмъ услаждалъ въ Калугѣ тяжелыя цѣпи рабства нашъ почтенный гетманъ Вацлавъ Ржевусскій? Онъ напѣвалъ себѣ прекрасные, гармоничные стихи Давида и своею душой, ничѣмъ не удовлетворяющеюся послѣ потери ойчизны, погружался въ источникъ дѣйствительной утѣхи. И что можетъ быть болѣе прилично въ нашемъ положеніи, какъ не распѣвать вмѣстѣ съ разсѣянными потомками Іакова: „На рѣкахъ Вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ внегда помянути намъ Сіона“. Какая молитва можетъ быть болѣе подходящею, какъ не слова псалма Давида „Боже! Пріидоша языцы въ достояніе Твое, осквернища храмъ Твой святый“.... (78 псал.) [1]). Составленныя пѣсни въ честь польскихъ святыхъ, а также для прославленія гражданскихъ добродѣтелей и военнаго духа польскаго рыцарства, должны были въ устахъ тысячи народа и поколѣній увѣковѣчить польскія религіозныя преданія, духъ и славу предковъ, чистоту польскаго языка. „Такую пѣсню я завѣщаю въ наслѣдство будущимъ вѣкамъ. Невинныя дѣвицы! учитесь ей, напѣвайте ее ежедневно и впослѣдствіи вливайте ее вмѣстѣ съ молокомъ въ уста вашихъ дѣтей.... Ея не изгладитъ никакая случайность, никакіе жестокіе удары“ [2]).

7.

Издаваемые въ такомъ духѣ польскіе пѣсенники разносили по всему Сѣверо-Западному краю любовь къ польской старинѣ, къ польскимъ обычаямъ, начинали любить измѣну русскому дѣлу, восторгаться идеалами польской жизни. Въ такихъ пѣсенникахъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, извѣстное стихотвореніе Мицкевича: „Wilija naszych strumieni rodzica“, въ которомъ, въ блестящихъ краскахъ, воспѣвается политическій союзъ Литвы съ Польшею. Въ „Rozpaczy“ слышится глубокая сердечная скорбь о потерѣ ойчизны и физическое прекращеніе жизни представляется лучшимъ исходомъ при лишеніи жизни политической. Въ „Żalu nad grobem“ поэтъ высказываетъ, что хотя могила (ойчизны) не внемлетъ призыву, но скоро онъ увидитъ счастливымъ свою родину, заживетъ его смертельная рана и въ упоеніи онъ только поджидаетъ побѣдителя. Въ „Mazurku“ готовность пролить кровь за ойчизну увѣнчивается лаврами, и мн. др. [3]). Для полонизаціи края посредствомъ пѣсни особенно потрудился Сырокомля, который въ своей средѣ счи-

[1]) Roczn. towarzystwa, t. 2, 388, 389.
[2]) Ibid. 399, 400.
[3]) См. Сборн. пѣс. въ дѣл. канц. ген.-губерн. № 442.

тался „вѣщимъ“ и котораго слово служило для другихъ руководствомъ [1]). „Подобно пауку“, говоритъ Сырокомля, „я сную свои нити, вывожу ихъ въ воздухѣ и каждая изъ нихъ гдѣ-нибудь зацѣпится. Подобно барду, я пою пѣсню, разношу ее по міру и каждая пѣснь найдетъ себѣ отголосокъ. Одна-другая нитка, въ длину ли, поперекъ, и, смотришь, незамѣтно свились сѣти. Та или другая пѣсня непремѣнно обѣжитъ одну-другою деревню; смотришь, она связала сердца, прояснила взглядъ. Что тысяча нитокъ, то тысяча пѣсенъ: каждый разъ все лучше, все крѣпче и тѣснѣе сплетается сѣть. Паукъ между тѣмъ совершенно обезпеченъ подъ своею паутиной; онъ насмѣхается надъ вихрами и хватаетъ мушекъ. Подъ сѣткою пѣсенъ мы живы, здоровы, а злой человѣкъ непремѣнно будетъ ею уловленъ“ [2]).

Для многихъ пѣсенъ извѣстный композиторъ Монюшко составлялъ ноты и издавалъ ихъ отдѣльными выпусками, подъ заглавіемъ: Spiewnik domowy. Текстъ въ подобныхъ случаяхъ избирался Монюшкою самаго возбуждающаго свойства. Вотъ для примѣра его „Tulaczka“ („Скиталица“, вып. второй): „Куда же это, съ утреннею зарей, улетаетъ печальная ласточка? Злой врагъ испортилъ ея гнѣздо или ястребъ побилъ ея дѣтей? Беззаботно жилось мнѣ въ гнѣздѣ подъ крышею и, однакожъ, мнѣ противно жить дольше въ этомъ гнѣздѣ при костельномъ окнѣ; нѣтъ молитвы, не слышно пѣсенъ, не раздаются звонки, не возжигается праздничныхъ свѣчей, даже во снѣ ничего милаго не видится намъ среди этой гробовой тишины пустыхъ костельныхъ стѣнъ. Съ той поры, какъ умеръ старичекъ ксендзъ, для дѣтей моихъ все постыло, опротивѣло, никто не играетъ на хорахъ приходскаго костела, не видно болѣе набожныхъ людей. Я должна летѣть, хотя это меня и смущаетъ; предпочитаю скрыться въ чужіе края и возвращусь сюда съ дѣтьми въ томъ только случаѣ, если опять заслышу призывъ костельныхъ колоколовъ „do mszy“ [3]).

Для церковнаго употребленія издавались также цѣлыми тысячами конціоналы, литаніи, гдѣ встрѣчаемъ молитвы за невѣрныхъ, поганыхъ и отщепенцевъ, молитвы къ королевичу Казиміру, патрону Польши и Великаго Княжества Литовскаго; встрѣчаемъ воззваніе къ „Милосердному Богу“ о томъ, чтобъ Онъ вырвалъ плѣненный народъ свой изъ неволи Вавилонской [4]).

---

[1]) См. брошюру: Ciekawys-przeczytaj! Minsk. 1856 r. 112.

[2]) Cm. Kalendarz Warchawski na 1858 r., 25 str.

[3]) См. въ дѣлѣ канцел. генер.-губерн. № 442 Spiewnik domowy.

[4]) Дѣло канцел. генер.-губерн. № 442.

8.

Обращено было вниманіе и на полонизацію простаго народа и для него начали издавать азбуки. Явились: Elementarz polski, Elementarz dla chłopków wiejskich, Elementarz Kozlowskiego и мн. др., которые были необходимою ступенью для желающаго сдѣлаться грамотнымъ [1]). Въ Вильнѣ, Могилевѣ и др. мѣстахъ печатались для народа различныя брошюры въ родѣ: Gawędka o swojaku, Wieczerza, Rada familijna, Mysli przy zmartwychstaniu, Staropolskie roraty, Hulaj ducza bez kuntusza и т. п., которыми идеализировалась старая польская жизнь и взывалось къ Богу объ избавленіи настоящаго поколѣнія отъ наложенныхъ на него цѣпей рабства [2]).

Другія брошюры издавались даже на бѣлорусскомъ нарѣчіи, польскимъ, конечно, шрифтомъ, таковы: Kupalla и особенно Dwanadcać schliacheckich bylic, napisau Ad. Mickiewicz, piarawiarnyy na Bilaruskyjy haworky Marcinkiewicz (Wilno. 1859 г.). Сочиненіе посвящалось „Ziemianom i kmiotkom z nad Dniepra, Dzwiny, Berezyny, Swisłoczy, Wilii i Niemna“.

Уже на первой страницѣ воспоминается о первой жизни въ Литвѣ, jak u raju, и потомъ читатель приглашается молить Св. Дѣву Ченстоховскую и Остробрамскую, чтобы своимъ чудодѣйственнымъ заступничествомъ возвратила счастливыя старыя времена. Но особенно замѣчательны приложенныя при брошюрахъ „Talkowanija bylic“:

1. Виленская, Ковенская, часть Гродненской и Минской губерній, Августовская и почти половина Прусской земли составляютъ старую Литву, съ которою еще со времени древнихъ литовскихъ князей: Гедимина, Ольгерда, Витольда объединилась Черная, Бѣлая и Малая Русь и какъ родные, слившись во-едино, жили такимъ образомъ до временъ нашихъ дѣдовъ (стр. 107).

2. Костюшко—польскій генералъ, который „при нашихъ дѣдахъ боевалъ съ Московскою силою за свободу Литвы, Польши и Руси“.

3. Домбровскій—польскій генералъ, человѣкъ весьма умный и отважный (стр. 108).

4. Кунтушъ—эту одежду прежде носили поляки; она очень красива (стр. 109).

5. Наполеонъ—могучій французскій царь. Въ 1812 году онъ ходилъ на Москву съ великою силой, но эту силу поморозила суровая зима (стр. 110).

---

[1]) Донес. Вилен. полиц. 7 окт. 1865 г., № 1994, въ дѣлѣ канц. генер.-губерн. № 442.

[2]) Gawędka... 62 str.

6. Республика—такъ называлась Польша съ Литвою и Русью. Такъ величали Польшу потому, что управленіе тамъ было свободное, на основаніи законовъ, и король не могъ ничего дѣлать, чего не было въ законѣ; онъ зорко только слѣдилъ, чтобы люди не отступали отъ установленныхъ законовъ (стр. 41).

7. Законъ 3 мая былъ написанъ въ 1793 году. Этотъ законъ былъ весьма мудрый и имѣлъ осчастливить всѣхъ людей. Этимъ закономъ, между прочимъ, постановлялось, что каждый, кто ступитъ на польскую землю, хотя бы это былъ и чужестранецъ, считался уже вольнымъ человѣкомъ. Сосѣднія государства не соглашались, чтобы у поляковъ сохранялся такой законъ и начали съ ними войну; тогда собралась для обороны вся почти шляхта. Такое собраніе называлось конфедераціей, а участники въ ней конфедератами (стр. 115).

9.

Для религіозно-нравственнаго назиданія народа католическимъ духовенствомъ тысячами печатались и распространялись книги, позорящія православіе, называя его еретичествомъ, отщепенствомъ, истолковывающія невѣрно историческія событія, приглашающія составлять особыя общества въ видахъ религіозной пропаганды, приглашающія къ посту, молитвѣ, для освобожденія изъ неволи вражеской.... Таковы: Кантычки, Рожанчусъ, Книга богомольцевъ, Гласъ сердца, Officium, Directorium horarum, Нѣсколько словъ о шкаплерѣ страданій Господа Іисуса, Молитва св. Отца Шія IX Гарбе Діева, Священная исторія Волончевскаго и многое другое [1]).

„Золотая свобода“, поется въ Кантычкахъ, „любовію преисполненная, ты всегда защищаешь угнетенные народы; они испытываютъ твою помощь, лишь только къ тебѣ обращаются... Всѣ, которые заточены въ темницу и сдавлены ужасною кольчугою рабства, если только съ истинною скорбію прибѣгаютъ къ твоему покрову, то безопасно выходятъ изъ тьмы неволи и прословляютъ тебя... Боже справедливый и милосердный, Ты видишь и знаешь сіе плачевное время, когда каждый изъ насъ горько рыдаетъ кровавыми слезами, когда наше начальство обижаетъ насъ и грабитъ чужое достояніе; жестоко угнетенные, мы плачемъ и призываемъ помощь Твою... Боже милосердный! разори владычества противныя вѣрѣ, дабы враги душъ нашихъ не возрадовались, а враги Церкви усмирились“. „Боже милостивый!“ говорится тоже въ книгѣ Гласъ сердца... „Ты Богъ Польши, Литвы и

[1]) Смотр. дѣло канц. генер.-губерн. № 442 и другое дѣло № 442 о книгопродавцахъ Завадскихъ, ч. I.

Жмуди, Твой гнѣвъ намъ назначенъ, мы видѣли наказаніе, завѣщанное намъ грѣшнымъ; уже много лѣтъ прошло, какъ любовь изчезла, христіанская вѣра смущена, нѣтъ справедливости, великая неурядица, между родными братьями проливается кровь, повсюду льются слезы; уже видимъ, что наше государство погибаетъ, города и села пустѣютъ, ужасныя мерзости постоянно возростаютъ. Помилуй насъ Господи!“ Тутъ же помѣщена пѣснь о прошедшихъ временахъ Литвы..... „Тысячами изъ народа закованныхъ плѣнниковъ погналъ въ неволю шведъ и москаль, тяжкому наказанію всѣ подверглись; невинный народъ кровію обагрился; святые храмы, города, села, мыза, деревни непріятель сожигалъ; вѣру уничтожали, престолы грабили, мерзостями наполняли костелы, ставили тамъ лошадей. Божіи служители, священство монашество, непорочныя дѣвицы выгнаны, яко овцы, изъ ограды своей, удалены отъ костеловъ; народъ мучили, сдирая съ него кожу, и въ домахъ ничего не оставляли; материнскія груди обрѣзывали, дѣтей варили и заставляли матерей съѣдать ихъ. Литовская земля тогда какъ будто исчезла, оставаясь семь лѣтъ въ рабствѣ. Но Богъ, по великой милости своей, ниспослалъ намъ заступника съ готовою помощью. Святый Казиміръ съ неба прибылъ и въ воздухѣ былъ видимъ воинами. Слѣдовавшіе за нимъ покорили москаля и плачущій народъ освободили изъ неволи.....“

Подобныя мысли повторяются и въ другихъ вышеназванныхъ книгахъ.

10.

Около половины текущаго столѣтія по Сѣверо-Западному краю было распространено уже громадное количество всевозможныхъ изданій, которыя всѣ производили подавляющее впечатлѣніе далеко не въ пользу русскаго дѣла. Сочиненій одного Сырокомли было въ обращеніи 42 названія, которыя только въ 1865 году признаны были подлежащими исключенію изъ обращенія, хотя до того времени они успѣли уже распространиться далеко за предѣлы даже Западной Россіи [1]). Тогда же были признаны неумѣстными къ обращенію въ здѣшнемъ краѣ 170 названій другихъ различныхъ сочиненій [2]), хотя до того времени эти сочиненія давно уже были прочитаны и изучены.

Мѣстная литература латино-польской пропаганды увеличивалась петербургскими изданіями Вольфа и Огрызка [3]). По краю начали раз-

[1]) Дѣло канцеляріи генер.-губернатора № 422, т. I. См. отношеніе Виленскаго цензурнаго комитета отъ 12 октября 1865 г., № 580.

[2]) Тамъ же.

[3]) Дѣло канцеляріи генер.-губернатора № 422. Рапортъ съ заключеніемъ коммиссіи по разсмотрѣнію польско-жмудскихъ книгъ и другое дѣло (ibidem)—отношеніе предсѣдателя названной коммиссіи отъ 5 августа 1866 года, № 143.

сылать уже приглашенія Uczmy się (станемъ учиться), но такъ, чтобы изъ московскихъ школъ выходили польскіе граждане. Пусть только желаніе будетъ хорошее и полезное, „то нѣтъ такой науки“, говорится въ брошюрѣ Uczmy się, „которой нельзя было бы приложить къ нуждамъ нашего отечества..... Мы не должны ни на минуту переставать трудиться для Польши.... Въ чемъ состоитъ нынѣ самая важная, первенствующая предъ всѣми другими нужда нашего отечества? Разсматривая все поочередно и взвѣшивая все на вѣсахъ ума, чувства или даже простаго здраваго смысла, нельзя не придти къ тому окончательному убѣжденію, что въ числѣ многихъ потребъ первѣйшее мѣсто принадлежитъ народной независимости. Безъ независимости самое изысканное раціональное удовлетвореніе всѣхъ нуждъ непремѣнно будетъ уродливо, неполно и нерѣдко вредно. Недостатка независимости ничѣмъ замѣнить нельзя. Можно вычеркнуть Польшу съ карты Европы, но не изъ сердецъ и умовъ поляковъ; изъ ихъ желаній и стремленій невозможно исторгнуть и уничтожить народное „я“. Оно всегда отзовется, сильнѣе или слабѣе, явственнѣе или незамѣтнѣе, но отзовется всегда. Народная независимость, доколѣ она не осуществится, составляетъ только желаніе, но она не осуществилась бы никогда, если бы всегда оставалась въ отвлеченной формѣ желанія. Когда мы учимся для врага, то какая бы не ожидала насъ карьера либо награда у послѣдняго рубежа нашего ученія, мы учимся нехотя, какъ бы исполняя барщину, какъ наемные рабочіе. Когда же учимся для отечества, то къ побужденіямъ учиться присоединяется могучій рычагъ, который толкаетъ насъ впередъ и побуждаетъ въ таинствахъ науки изыскивать тѣ именно выгоды, которыя можно прямо примѣнять къ осуществленію главнаго нашего стремленія. И вотъ мы закапываемся въ книгахъ, лабораторіяхъ, роемся, ищемъ, отмѣчая особымъ знакомъ все, что въ нравственномъ или физическомъ отношеніи можетъ стать оружіемъ. Техникъ замѣтитъ себѣ въ особенности и тщательно разсмотритъ слѣдующіе, напримѣръ, вопросы: какъ выдѣлывать порохъ скорѣйшимъ и дешевѣйшимъ способомъ? Какъ и какія мастерскія можно передѣлать въ литейныя, въ заводы для приготовленія ружей, сабель и боевыхъ снарядовъ? Какимъ образомъ дорогіе либо рѣдкіе матеріалы для сражающихся замѣнить дешевыми сподручными? Военный задаетъ себѣ слѣдующую задачу: человѣка, не имѣющаго понятія о войскѣ, передѣлать въ кратчайшій срокъ въ солдата, способнаго маневрировать въ порядкѣ, сражаться и побѣждать непріятельское войско. Онъ изслѣдуетъ притомъ сильныя и слабыя стороны военной организаціи у непріятеля, его способы и тайны. И если бы всякій, такимъ образомъ, выдѣлилъ изъ своей науки часть, примѣнимую къ возстанію, то возстаніе въ данномъ времени увидѣло бы въ своемъ обладаніи всесторонніе таланты и средства, которыя обезпечили бы и устроили его движеніе и развитіе и

обезпечили бы успѣхъ. Даже лѣкарь, даже ксендзъ, котораго правительство учитъ тому только, дабы онъ въ извѣстныхъ случаяхъ являлся въ эпитрахили и ризѣ и со ступеней алтаря наклонялъ къ покорности незаконной власти и язычеству, еслибъ они проникнулись насквозь желаніемъ служить отечеству, то дошли бы вскорѣ до убѣжденія, что для уврачеванія польскаго духа нужны не аллопатія, не оффиціальныя одежды, но одно лишь: „возстань и гряди“. Изъ училищъ выходили бы не недоучки, не жалкіе верхогляды, но граждане, изъ коихъ каждый въ своей сферѣ и мѣрѣ несъ бы за пазухой какое нибудь приношеніе для Польши“.

II.

Указавши, что не нужно думать о „карьерѣ“ въ непріятельскомъ лагерѣ, что не нужно съ измѣной отчизнѣ стремиться къ достиженію генеральскихъ эполетъ, что для многихъ, однако, это служитъ подводнымъ камнемъ въ заботахъ о благѣ отчизны, авторъ заключаетъ свое воззваніе приглашеніемъ: „станемъ же учиться, но только для Польши; будемъ трудиться, но только для отечества. Пусть оно всегда будетъ въ нашей мысли и сердцѣ; когда же доработаемся до него, тогда процвѣтетъ и наука. Въ настоящую минуту намъ должно всѣми силами, всѣми добродѣтелями, всѣми умами и талантами соединиться для освобожденія Польши. Эта потребность составляетъ теперь нашу политическую спеціальность“ [1].

Тогда же распространился извѣстный польскій Катихизисъ, главное содержаніе котораго сводилось къ слѣдующему: „помни, что Россія первый твой (поляка) врагъ, а православный есть еретикъ, и потому не совѣстись лицемѣрить и увѣрять, что ты противъ русскихъ ничего не имѣешь, а только противъ правительства, но тайно старайся мстить каждому русскому“ [2].

Наставленія князя А. Чарторыйскаго приглашали всѣхъ благомыслящихъ къ конспиративной дѣятельности, а уставы централизаціи польскаго демократическаго общества указывали, какими путями можно скорѣе достигнуть успѣха въ польской справѣ [3].

Слѣдуя такимъ польско-патріотическимъ внушеніямъ, даже нѣкоторые оффиціальные печатные органы представителей русской власти въ краѣ начали вторить польскимъ затѣямъ. Такъ, „Виленскій Вѣстникъ“, редактируемый Киркоромъ, съ 1860 года началъ замѣтно сокращать русскій отдѣлъ, какъ оффиціальный, такъ и литературный, и наоборотъ:

---

[1]) См. брошюру: Uczmy się.

[2]) См. польскій Катихизисъ. Ср. русск. арх. 1882 года, кн. 6.

[3]) Смотри эти брошюры.

преобладающее господство въ газетѣ предоставлялось отдѣлу польскому. Литературная часть „Вѣстника“ печаталась почти на одномъ польскомъ языкѣ и содержала статьи, исключительно касающіяся странъ, составлявшихъ прежнюю Польшу. „Этотъ отдѣлъ не выражалъ поэтому явленій и потребностей края“, говорится въ предложеніи Киркору попечителя Виленскаго учебнаго округа, „заключающаго собственно Литву, органомъ которой и должна быть здѣшняя газета“. Отдѣлъ же этотъ, ограничиваясь корреспонденціей изъ Бѣлоруссіи, Волыни, Подоліи, части Украйны, Царства Польскаго, обнималъ границу бывшихъ польскихъ владѣній, закрывалъ и отстранялъ всю восточную половину Россіи. Политическія обозрѣнія этой газеты, окидывая однимъ взглядомъ современный горизонтъ, совокупляя общіе выводы совершающихся за границей событій, дополнялись сужденіями, удобно примѣняемыми къ положенію и обстоятельствамъ здѣшняго края, и составляя, такъ сказать, междустрочія, въ которыхъ можно читать судьбу польской исторіи и народности, производили вредныя послѣдствія, превратныя толкованія и тревожныя мысли.

12.

„Виленскій Вѣстникъ“ (1861 года), такимъ образомъ, являлся органомъ исключительнаго мѣстнаго патріотизма; въ немъ видѣлось одушевленіе мечтательными надеждами и желаніе направить умы къ одной общей цѣли, такъ что газета составляла какъ бы политическій польскій журналъ, издаваемый внѣ предѣловъ Россійской Имперіи [1]).

Когда въ 1861 году Кіевская коммиссія издала 2-ю часть архива Юго-Западной Россіи, гдѣ были помѣщены постановленія дворянства и провинціальныхъ сеймовъ, съ изложеніемъ упорной борьбы дворянства за русскую народность и православную вѣру, „Виленскій Вѣстникъ“ тогда же помѣстилъ двѣ полемическія статьи, обвиняющія Кіевскую археографическую коммиссію въ недобросовѣстности и искаженіи исторической истины. Эти несправедливыя обвиненія возбудили, по заявленію генералъ-адъютанта Назимова, живое сочувствіе въ польскомъ народонаселеніи [2]).

Въ 1863 году, въ № 31 „Виленскаго Вѣстника“ помѣщена была статья [3]), въ которой польскій вопросъ рѣшительно объявлялся уже вопросомъ общеевропейскимъ, въ рѣшеніи котораго обязаны были принять участіе не только Франція, но и другія державы, если въ нихъ есть сознаніе добра, законности, справедливости, цивилизаціи; въ заключеніе высказывалось мнѣніе, оправдывавшее тогдашнія мятежныя стремленія поляковъ [1]).

Въ 1862 году генералъ-адъютантъ Назимовъ увѣдомлялъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, князя Ширинскаго-Шахматова, что въ Западномъ краѣ ведется сильная польская пропаганда съ цѣлью истребить въ краѣ русскую народность и что главнымъ орудіемъ въ рукахъ польской партіи къ достиженію предположенной цѣли есть распространеніе польской грамотности между простымъ народомъ въ литовскихъ губерніяхъ, гдѣ масса населенія въ 3/4 своего состава принадлежитъ чисто русской народности и только въ 1/4 къ народности литовской, жмудской, такъ что на долю польской народности едва приходится 8% общей численности всего населенія. Свои идеи польская партія силилась провести въ народъ, по замѣчанію генералъ-адъютанта Назимова, посредствомъ книгъ, брошюръ, листковъ и другой формы литературныхъ произведеній, издаваемыхъ на польскомъ языкѣ, либо же на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи, но съ замѣною буквъ русскаго шрифта буквами латинскими [2]).

Дѣйствительно, къ этому времени Сѣверо-Западная Россія, помимо множества другихъ анти-правительственныхъ сочиненій, заполнена была польскими букварями и другими руководствами для обученія на польскомъ языкѣ, которыя издавались въ Варшавѣ, а перепечатывались потомъ въ различныхъ городахъ Сѣверо-Западной Россіи; всѣ они отличались революціоннымъ направленіемъ и въ нихъ открыто уже проводились мысли объ отдѣленіи Сѣверо-Западнаго края отъ Россіи. Такого же направленія календари варшавскаго и бердичевскаго изданій были разсылаемы по краю. Повсемѣстно продавались дѣтскія игры, учебники исторіи и географіи для дѣтей, направленные къ тому, чтобъ изучались дѣтьми по этимъ играмъ исторія и географія Польши въ предѣлахъ 1772 года [3]) Открыто распространялись географическія карты Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ до 1772 года, времени перваго ея раздѣла, также топографическія карты уѣздовъ: Гродненскаго, Бѣлостокскаго, Брестскаго, Россіенскаго, Минскаго и Ковенскаго [4]), а въ Directorium horarum (въ родѣ нашего „Служебника“ для священниковъ), изданномъ для жмудской епархіи, въ числѣ

---

[1]) Дѣло Вилен. иностр. ценз. Предл. Киркору попеч. Вилен. учебн. округа 28 февраля 1861 года, № 21.

[2]) Дѣло Вилен. иностр. ценз. Предл ж. Киркору попеч. Вилен. учебн. окр. 28 февраля 1861 г., № 21.

[3]) Рѣчь Вильо о польскихъ дѣлахъ.

[1]) Отн. Петерб. ценз. комитета 8 апрѣля 1863 г., № 136.

[2]) Въ томъ же дѣлѣ. Отнош. Вилен. генер.-губерн. къ попечителю Вилен. учебн. окр. 4 августа 1862 г., № 566.

[3]) Въ томъ же дѣлѣ. Предл. Вилен. генер.-губерн. цензурн. комит. 8 іюля 1864 г., № 9020.

[4]) Глогауское изданіе.

лицъ, за которыхъ мѣстные настоятели въ назначенные дни должны совершать молитвы, показанъ подъ 16 декабря Антоній Мацкевичъ, казненный въ это самое число за политическія преступленія. Тогда же польскіе книжные магазины, для болѣе успѣшнаго достиженія своихъ преступныхъ цѣлей, распространялъ на польскомъ языкѣ молитвенники въ траурномъ переплетѣ, съ переломанными крестами [1]).

13.

Вообще, бывшая въ 1865 году коммиссія для разсмотрѣнія польско-жмудскихъ книгъ констатировала тотъ фактъ, что польско-жмудская литература тридцать лѣтъ уже (въ 1865 г.) математически служила революціонной пропагандѣ [2]).

При такомъ положеніи дѣла становится понятнымъ, почему, напримѣръ, г. Киркоръ, „какъ публицистъ, хорошо знакомый съ мѣстными условіями края и высказывающій общественное мнѣніе просвѣщенныхъ жителей“, серьезно утверждалъ [3]), между прочимъ, что въ Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерніяхъ, кромѣ милліона народа, говорящаго по-жмудски, остальные говорятъ по-польски, такъ называемымъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ. Г. Брохоцкій, новогрудскій предводитель дворянства, имѣвшій по поводу „проекта устава общеобразовательныхъ заведеній“ совѣщаніе съ дворянами Новогрудскаго уѣзда, собравшимися на „контракты“, называетъ русскихъ учителей наставниками-чужеземцами, а русскій языкъ оффиціальнымъ, что простой народъ менѣе самихъ поляковъ понимаетъ по-русски, что языкъ его есть славяно-польское нарѣчіе, что потому въ учебныхъ заведеніяхъ изученіе русскаго языка, какъ оффиціальнаго, составляетъ излишній трудъ. Г. Балинскій, вице-предсѣдатель археологической коммиссіи въ Вильнѣ, заявилъ (въ 1863 г.), что въ народныхъ училищахъ руководителями должны быть деканы, а помощниками ихъ органисты, что обученіе игрѣ на органѣ должно войти въ курсъ учительскихъ институтовъ для приготовленія народныхъ наставниковъ. Г. Іодко, бывшій почетный попечитель Минской гимназіи, утверждалъ, что значительная часть присоединенныхъ изъ уніи къ православію жителей первую молитву начинаютъ выговаривать по-польски [4]).

---

1) Дѣло канцел. генер.-губерн. № 442. Журналъ коммиссіи для разсмотрѣнія польско-жмудскихъ книгъ, № 48.

2) Ibidem. Рапортъ предсѣдателя комм. по разсмотр. польско-жмудскихъ книгъ.

3) Въ 1863 году его и нижепоименованныхъ лицъ мнѣнія спрашивали въ это время по поводу проекта устава общеобразовательныхъ заведеній.

4) И др. под. мнѣнія. См. въ замѣч. на проектъ устава общеобразовательныхъ заведеній, ч. 2, стр. 442 и слѣд.

14.

Но еще въ послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія царили иные взгляды у поляковъ на польскій языкъ. Когда въ 1797 году профессоръ химіи въ первый разъ заговорилъ въ Вильнѣ съ академической каѳедры къ слушателямъ по-польски, то бывшій ректоръ Виленской академіи (съ 1803 г. университетъ), извѣстный астрономъ Почобутъ сильно возмутился этимъ незаконнымъ явленіемъ и сдѣлалъ лектору замѣчаніе за неумѣстное употребленіе польскаго языка, которымъ якобы профанировалась наука [1]). Но еще сильнѣе писалъ тотъ же Почобутъ въ 1803 г. къ Снядецкому (бывшему потомъ ректоромъ Виленскаго университета) по поводу появленія въ Краковѣ сочиненія послѣдняго о Коперникѣ на польскомъ языкѣ: „Прекрасное дѣло о Коперникѣ читаю съ безграничнымъ удовольствіемъ, благоговѣніемъ и, скажу болѣе, упоеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое богатое собраніе въ немъ фактовъ, разборъ ихъ, какой планъ и порядокъ, какой языкъ и слогъ! Ни одно произведеніе меня столько не удовлетворяло. Это одна сторона дѣла: говорю искренно, честно, безъ лести. Но, съ другой стороны, я болѣе сердцемъ тревожусь, гнѣваюсь, почти скрежещу зубами и передъ всѣмъ свѣтомъ плачусь, что ты причинилъ громадный ущербъ всей Европѣ, нашему народу, самому столь великому Копернику, а наконецъ и себѣ: дѣло, которое достойно прочтенія всей Европы, ты написалъ по-польски, тогда какъ для этого слѣдовало бы употребить языкъ болѣе понятный для всѣхъ и употребляемый, латинскій напримѣръ или, по меньшей мѣрѣ, французскій: вѣдь трудовъ тебѣ пришлось бы употребить не болѣе. А теперь ясный свѣтъ, возженный тобою для объясненія многихъ фактовъ, касающихся этого великаго человѣка и нашего земляка, ты сокрылъ подъ спудомъ, а не поставилъ на свѣщникѣ. Обманутый почти всеобщимъ мнѣніемъ современныхъ литераторовъ, ты допустилъ великое, опасное заблужденіе. Совершенно несправедливо, будто польскій языкъ для славы, чести и памяти необходимо образовать, выглаживать, умножать вновь составляемыми иногда дикими словами, отбросивъ даже выраженія техническія, употребляемыя во всѣхъ языкахъ. Но кто тогда будетъ читать и понимать васъ за границею? Будете довольствоваться сами собою, сами себѣ аплодировать, сами себя почитать за народъ просвѣщенный. Кому за границей извѣстны великіе Кохановскіе, Гурницкіе и позднѣйшіе Красицкіе, Нарушевичи? Сарбѣвскій, писавшій по-латынѣ, сдѣлалъ, такимъ образомъ, за грани-

---

1) Pamiętniki o Sniadeckim-Balinskiego. Wilno, t. I, 48

цею своими произведеніями одинъ для нашего народа болѣе чести, нежели всѣ вы вмѣстѣ Кто бы за границею зналъ и о нашемъ Копернике, еслибъ онъ слѣдовалъ за вами....“ [1]) Но голосъ Почобута остался только въ высшей степени характеристическимъ знаменіемъ времени. Современные ему поляки задались тою уже мыслію, чтобы посредствомъ языка создать для себя новое отечество, и прошло полъ вѣка, какъ нѣкоторые изъ нихъ стали заявлять, что въ Западной Россіи нѣтъ болѣе мѣста Россіи, что здѣсь Польша, поляки, что русскіе здѣсь чужеземцы, что для жителей природнымъ здѣсь является польскій, а не русскій языкъ [2]). Какъ можно было долѣе терпѣть здѣсь русскую силу, русскую власть, повиноваться Русскому Государю?

15.

Много накопилось уже жгучаго матеріала и возстаніе вспыхнуло въ 1862 году.

Повсюду начала раздаваться молитвенная пѣснь: „Boże coś Polskę“.

Все, кажется, приняло участіе въ пѣніи революціоннаго гимна. Его пѣли на улицахъ, за городомъ, на прогулкахъ, въ костелахъ. Учащаяся молодежь по всему Сѣверо-Западному краю усердно изучала его, при помощи ксендзовъ, и массами собиралась въ костелы и иныя публичныя мѣста, чтобы принять дѣятельное участіе въ общемъ пѣніи. Цѣлыя учебныя заведенія опустѣли [3]).

Возстаніе было подавлено. Оно достигло совершенно противоположныхъ результатовъ, а именно: раскрыло нѣсколько глаза русскимъ людямъ относительно анти-правительственной и анти-народной въ краѣ пропаганды. Но нельзя сказать, чтобы съ подавленіемъ мятежа были уничтожены въ краѣ элементы латино-польской пропаганды, чтобы польскій духъ былъ подавленъ. Подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, онъ, какъ публично заявлялъ въ 1879 году въ Краковѣ извѣстный Крашевскій, какъ будто падалъ, но каждый разъ чудомъ возставалъ опять, переходя изъ одной мѣстности въ другую, и никогда совсѣмъ не угасалъ. Не убилъ этого духа 1830 годъ, не уничтожилъ его и 1863. На поляхъ побоищъ все еще раздается вѣщій голосъ на-

1) Ibid., t. 2. 168. 9. Ср. t. 1. 51.

2) См. мнѣнія Балинскаго, Киркора, Іодко и друг. въ замѣч. на проектъ устава общеобразовательныхъ заведеній, ч. 2, стр. 442 и слѣд.

3) См. извлеченіе изъ дѣлъ о безпорядкахъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ одновременно съ польскимъ мятежемъ 1861—1864 годовъ въ дѣл. канц. попеч. Вилен учебн. округа.

родныхъ (польскихъ) пѣвцовъ [1]). Выше было указано уже полное подтвержденіе этого грустнаго для насъ факта.

Откуда и какими путями идетъ къ намъ латино-польская пропаганда? Прежде всего западная Европа представляетъ собою ту мастерскую, въ которой фабрикуютъ разнаго рода запретные плоды. Лондонъ‘ Парижъ, Лейпцигъ, Тильзитъ, Мемель—вотъ главные пункты, высылающіе къ намъ книги, брошюры и листки возмутительнаго содержанія. „Съ нѣкотораго времени замѣчено, писалъ генералъ-адъютантъ Назимовъ (16 марта 1857 года), что находящіяся за границею неблагонамѣренныя лица употребляютъ всевозможныя старанія и изыскиваютъ разные способы къ тайному провозу въ Россію и распространенію у насъ запрещенныхъ книгъ и сочиненій, противныхъ видамъ правительства и нашему гражданскому устройству“.

Такимъ образомъ, недавно получены свѣдѣнія, что издаваемыя въ Лондонѣ революціонною пропагандой возмутительныя сочиненія на польскомъ языкѣ отправлены были по почтѣ въ Мемель, для отсылки въ Митаву, вложенными въ другія книги, листы коихъ неразрѣзаны. Вслѣдъ засимъ получено было извѣстіе, что возмутительныя сочиненія пересылаются въ Россію моремъ, чрезъ Либаву и Митаву, а также сухимъ путемъ, чрезъ Тильзитъ и Мемель, что подобныя сочиненія укрываются преимущественно на днѣ тюковъ съ дѣтскими игрушками нюренбергскихъ фабрикъ и другими товарами и что большее количество помянутыхъ сочиненій на русскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ отправлено изъ Лондона къ лейпцигскому книгопродавцу Бобровичу, принадлежащему къ числу польскихъ выходцевъ по мятежу 1831 года [2]).

Послѣ 1863 года польская эмиграція, утвердившись въ Парижѣ, распространеніемъ въ краѣ сочиненій возмутительнаго содержанія разсчитывала подготовить мѣстное населеніе, и преимущественно крестьянское, къ возстанію противъ правительства, надѣясь воспользоваться, по случаю войны Пруссіи съ Франціей (1870 года), успѣхомъ послѣдней. Въ распространяемыхъ книгахъ и брошюрахъ преимущественно указывалось на притѣсненіе въ Россіи католической вѣры и порицались мѣры, принятыя правительствомъ противъ впредь могущихъ повториться политическихъ безпорядковъ въ краѣ [3]).

1) „Голосъ“ 1879 года, № 295.

2) Дѣло Виленской иностранной цензуры. Отношеніе Виленскаго генералъ-губернатора къ попечителю Виленскаго учебнаго округа 16 марта 1857 года, № 147.

3) О ввозѣ въ Ковенскую губернію оружія и брошюръ возмутительнаго содержанія. См. дѣло канцеляріи генералъ-губернатора № 185, т. I.

Въ концѣ 1867 и въ началѣ 1868 годовъ стараніями тильзитскаго декана Забермана были построены на самой границѣ четыре костела и, между прочимъ, одинъ въ деревнѣ Робкояхъ, для чего былъ купленъ въ русскомъ приходѣ Войнутахъ (Ковенской губерніи) старый деревянный костелъ подъ предлогомъ обращенія на дрова.

Въ этотъ новооткрытый приходъ былъ назначенъ ксендзъ, который въ 1864 году, вслѣдствіе участія въ мятежѣ, бѣжалъ за границу и проживалъ въ Тильзитѣ, пока Заберманъ не выхлопоталъ ему у мѣстнаго католическаго епископа назначенія во вновь открытый приходъ въ Робкои, гдѣ поселились также, подъ видомъ прусскихъ крестьянъ, и трое другихъ эмигрантовъ, которые подъ руководствомъ ксендза и Забермана были главными агентами послѣдняго въ распространеніи возмутительныхъ брошюръ.

Самое же изданіе запрещенныхъ сочиненій началось въ Тильзитѣ подъ руководствомъ того же Забермана, въ концѣ 1867 года; сначала перепечатывались книги молитвеннаго содержанія, изъятыя изъ употребленія по распоряженіямъ нашего правительства, а потомъ и возмутительныя брошюры, для чего Заберманъ завелъ даже свою собственную типографію.

По близости русской границы, во вновь открытые стараніями Забермана приходы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ стекалось множество народа изъ сосѣднихъ русскихъ мѣстностей; въ костелахъ же говорились проповѣди о мнимыхъ притѣсненіяхъ католической вѣры, съ цѣлью возбуждать народъ противъ правительства, и послѣ богослуженія желающимъ продавались изданныя Заберманомъ книги и брошюры возмутительнаго содержанія, раздавались даромъ или въ придачу къ покупаемымъ.

Кромѣ того, для удобнаго сбыта ксендзъ Заберманъ познакомился съ пограничными прусскими ксендзами, къ которымъ, по сознанію ихъ самихъ, и отправлялъ значительные транспорты съ книгами въ повозкахъ съ двойнымъ дномъ или же чрезъ контрабандистовъ.

По показанію ксендза Брондзо, которому хорошо знакомо дѣло изданія Заберманомъ книгъ и брошюръ, количество таковыхъ простирается до 19,000 экземпляровъ, изъ коихъ возмутительнаго содержанія 8,000. Цѣль изданія этихъ брошюръ заключалась въ томъ, чтобы взволновать умы жмудско-литовскаго населенія какъ въ Россіи, такъ и въ Пруссіи, и предъ началомъ войны Пруссіи съ Франціей всѣ крестьяне были такъ возбуждены и увѣрены въ помощи Франціи польскому возстанію, что мѣстное прусское населеніе лютеранскаго исповѣданія стало

носить четки и шкаплеры, чтобы въ случаѣ нашествія французовъ показать себя католиками [1]).

Кромѣ того дознано было, что нѣкоторыя сочиненія на жмудскомъ языкѣ, предназначавшіяся на Сѣверо-Западный край, печатались и печатаются въ Лейпцигѣ, въ типографіи Брогауза, по распоряженію поляка Касперовича, завѣдывающаго отдѣленіемъ для печатанія запрещенныхъ въ Россіи изданій, который напечатанныя брошюры пересылалъ въ Мемель для распространенія ихъ оттуда по Ковенской губерніи [2]).

Въ предѣлахъ Россіи главными агентами распространенія по Сѣверо-Западному краю латино-польской пропаганды были католическое духовенство. Бывшій епископъ жмудскій Волончевскій пропагандистскую свою дѣятельность началъ еще въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія [3]) и продолжалъ еще въ семидесятыхъ [4]). Онъ сочинялъ возмутительныя брошюры въ родѣ: Pavspicim's, Paũgasin, Giwennimaj, пересылалъ ихъ Заберману, въ Тильзитъ, который ихъ тамъ печаталъ и возвращалъ епископу въ напечатанномъ уже видѣ. Вообще, Заберманъ неоднократно бывалъ у епископа Волончевскаго, хвалился предъ другими ксендзами своею близостію къ нему и даже ходатайствовалъ за нѣкоторыхъ предъ епископомъ [5]). Заберманъ, по порученію Волончевскаго, присылалъ возмутительныя изданія то тому, то другому ксендзу, которые ихъ и распространяли. Въ одномъ 1868 году Заберманъ, по приказанію Волончевскаго, напечаталъ 5,000 экземпляровъ жмудскихъ брошюръ и книгъ, которыя тогда же и были всѣ распроданы. Волончевскій посылалъ Заберману деньги, нерѣдко за одинъ разъ по тысячѣ рублей, для печатанія брошюръ возмутительнаго содержанія. При посвященіи въ ксендза Волончевскій смотрѣлъ насколько кандидатъ годится для пропаганды и особенно ревностныхъ посвящалъ сейчасъ же, внѣ очереди, и давалъ мѣста. Ксендзъ Эйтутовичъ сознавался, что скораго посвященія онъ достигъ именно усиленною дѣятельностію по распространенію возмутительныхъ изданій, что даже на этомъ онъ заработалъ около семисотъ рублей. Рукополагая ксендза, Волончевскій почти всегда давалъ свои произведенія вновь рукоположенному и дѣлалъ ему такое внушеніе:

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) См. Рапортъ о заключеніи коммиссіи по разсмотрѣнію польско-жмудскихъ книгъ въ дѣлѣ канцеляріи генералъ-губернатора № 442.

[4]) Ibidem, № 185, томъ III.

[5]) Ibidem, стр. 57-69.

ты назначенъ въ училище, гдѣ обучаютъ по букварямъ, напечатаннымъ русскими буквами; вотъ тебѣ буквари, напечатачные и жмудскими буквами; раздай и распродай дѣтямъ, чтобъ они не забыли тѣхъ буквъ, какими были печатаны книги отцовъ ихъ, по которымъ они читали и молились [1]).

Ксендзы были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ епископа Волончевскаго. Посредствомъ ихъ онъ вездѣ сѣялъ измѣну. Нѣкоторые изъ нихъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, переходили границу и проносили возмутительныя изданія; другіе одѣвались иногда становыми приставами, разъѣзжали по болѣе людным мѣстамъ и раздавали брошюры и книги. Особенно выдающимися дѣятелями были ксендзы: Брондзо, Стровнъ, Томашевскій, Эйтутовичъ, Бутвидъ, Нарвойшъ, Давидовичъ, Рачковскій, Дембскій и другіе. Всѣ ксендзы, недовольные русскимъ направленіемъ дѣла въ другихъ епархіяхъ, обращали свои взоры къ Волончевскому. Такъ, изъ Гродны законоучитель Гинтовтъ писалъ своему пріятелю въ Ковенской губерніи, ксендзу Викентію, что его преслѣдуетъ прелатъ (Жилинскій) и что онъ проситъ епископа Волончевскаго о переводѣ его въ свою епархію. Въ противномъ случаѣ онъ лучше согласится увеличить собою число ксендзовъ въ кармелитскомъ монастырѣ, т. е. пойдетъ въ заточеніе.

Не смотря на полную неблагонадежность названныхъ ксендзовъ въ политическомъ отношеніи, Волончевскій имѣлъ смѣлость войти съ представленіемъ къ Виленскому генералъ-губернатору, отъ 22-го марта 1871 года, № 485, въ которомъ, называя ксендзовъ совершенно невинными, проситъ ускорить ихъ освобожденіе.

При посредствѣ бискупа и ксендзовъ, пропагандою занимались мѣщане, крестьяне, клерики и другія лица, имѣвшія какую нибудь связь съ епископомъ. Для нѣкоторыхъ распространеніе возмутительныхъ изданій составляло своего рода промыселъ: они торговали запрещенными изданіями, какъ предметомъ довольно прибыльнымъ въ матеріальномъ отношеніи. Многіе добывали его изъ-за границы за ничтожную цѣну, а продавали сравнительно съ хорошими барышами. Нѣкоторымъ запрещенный товаръ доставался какими-то судьбами даромъ; продать его въ такомъ случаѣ было еще выгоднѣе [2]). Особенно много потрудились въ дѣлѣ латино-польской пропаганды девотки и терціарки [3]).

Распространеніе въ другихъ мѣстностяхъ Сѣверо-Западнаго края латино-польской пропаганды идетъ, подъ руководствомъ ксендзовъ,

[1]) Ibidem, томъ I.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.

главнымъ образомъ чрезъ крестьянъ. Нѣкоторые крестьяне распространяли возмутительныхъ изданій болѣе чѣмъ на 500 р. въ годъ.

Въ заключеніе необходимо прибавить, что съ 1879 года началось возвращеніе изъ отдаленныхъ губерній сосланныхъ туда политическихъ преступниковъ [1]). Всѣ эти лица, какъ мы видѣли, занимались латино-польскою пропагандой, за что и были высланы въ свое время изъ края. Старыя птицы возвращаются въ старыя гнѣзда: по человѣческимъ соображеніямъ, и пѣсни ихъ будутъ старыя.

Одновременно съ усмиреніемъ польскаго мятежа высшая администрація въ краѣ обратила вниманіе и на латино-польскую пропаганду: Явилась настоятельная необходимость принять мѣры къ ея ограниченію.

[1]) Ibidem, 4 декабря 1881 года, № 1350.

Открытое письмо ультрамонтана-католика и поляка къ редакторамъ русскихъ и польскихъ журналовъ [1]).

Съ давняго уже времени нѣкоторыя иностранныя газеты, между коими не послѣднее мѣсто занимаютъ и вѣнскія „Neue Freie Presse“ и „Deutsche Zeitung“, не только обвиняли насъ, поляковъ и римскихъ католиковъ, въ революціонномъ духѣ, но неоднократно, иногда и въ полуоффиціальномъ характерѣ, предостерегали и предостерегаютъ русское правительство противъ насъ, указывая на насъ, какъ на подстрекателей и соучастниковъ случавшихся въ Русской Имперіи волненій, преступныхъ заговоровъ про-

[1]) Авторъ открытаго письма—полякъ и католикъ; онъ лицо духовнаго званія. Имя его многими въ Царствѣ Польскомъ угадано и доказательствомъ тому статья о немъ кс. Снигурскаго, напечатанная въ № 28 „Варшавскаго Дневника“ 1885 года.

Авторъ открытаго письма—человѣкъ весьма уже не молодой; онъ былъ каноникомъ и членомъ Варшавскаго архіепископальнаго капитула въ 1863 г. Кс. Снигурскій утверждаетъ, что ультрамонтанъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ держался совсѣмъ не тѣхъ мнѣній относительно русскаго правительства, какія онъ высказываетъ нынѣ, но ничѣмъ, однако, не подтверждаетъ своихъ словъ.

Лица, желающія вредить ультрамонтану въ глазахъ нынѣшнихъ властей, твердятъ, что онъ былъ въ ссылкѣ. Дѣйствительно, онъ былъ въ 1866 г. высланъ изъ Царства Польскаго за нарушеніе запрещенія прямыхъ сношеній съ Римомъ. Но сношенія эти, сколько извѣстно, состояли въ томъ, что въ 1864 г. онъ послалъ на имя папы обширный докладъ, въ коемъ осуждалъ тогдашній образъ дѣйствія польскаго духовенства, какъ несогласный съ обязанностями служителей церкви. О томъ же, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, отписалъ и къ кардиналу Антонелли, ближайшему совѣтнику Свя-

тивъ Престола, политическихъ убійствъ и соціалистическихъ стремленій.

Къ счастію, это была ложь, тѣмъ болѣе предосудительная и подлая, что она была тенденціозна и направлена къ тому, чтобы окончательно и навсегда возстановить другъ противъ друга двѣ славянскія національности—русскую и польскую. Къ тому же эта отвратительная ложь вовсе не имѣла источникомъ любви и доброжелательности ни къ Русской Имперіи, ни къ русскому народу. Это болѣе чѣмъ извѣстно..... Открытый врагъ лучше и гораздо безопаснѣе хитраго, искусно притворяющагося друга..... Кто же не знаетъ, что политика нерѣдко слѣдуетъ правиламъ: duobus litigantibus tertius gaudet (между двумя ссора—третьему корысть) и divide et impera (разъединяй и царствуй)?

Но и русскія газеты, до 1863 года почти всѣ относившіяся къ польской національности благосклонно и даже съ уваженіемъ, съ этого времени начали относиться къ намъ очень непріязненно.

Онѣ также неоднократно приписывали намъ коварныя подстрекательства, подозрѣваютъ насъ въ нихъ и до нынѣ, обвиняютъ въ безпрестанныхъ стремленіяхъ противъ русскаго правительства и русской націи, сотни разъ предостерегали и не перестаютъ предостерегать противъ „шляхетско-іезуитскихъ“ интригъ и злоумышленій, выставляютъ польское католическое духовенство и самую римско-католическую религію какъ опасную стихію въ государственномъ устройствѣ, однимъ словомъ, считаютъ насъ, поляковъ-католиковъ, злѣйшими, неумолимыми врагами Россіи. Такъ продолжается и до нынѣ.

Оставляя въ сторонѣ безпрестанно обвиняющія насъ, поляковъ и католиковъ, иностранныя изданія, для которыхъ, какъ мы уже сказали, очень выгодно, чтобъ всѣ прочія, чуждыя имъ національности враждо-

таго Отца. Далѣе Варшавскій архіепископъ Фелинскій, оставляя, по Высочайшему повелѣнію, Царство Польское, назначилъ трехъ викаріевъ, между прочимъ и ультрамонтана (третьимъ). По другимъ извѣстіямъ, назначеніе это было прислано ультрамонтану уже изъ Ярославля, гдѣ находился Фелинскій по отстраненіи отъ управленія епархіей. Въ первомъ случаѣ ультрамонтанъ былъ неправъ тѣмъ, что не предъявилъ своевременно правительству своего назначенія, во второмъ, что принялъ назначеніе отъ архипастыря, отстраненнаго отъ управленія, но, какъ бы то ни было, ничто не доказываетъ, чтобъ ультрамонтанъ былъ въ это время врагомъ правительства и нарушалъ свои вѣрноподданническія обязанности не только дѣломъ, но и словомъ.

А если бы даже и дѣйствительно тогдашній образъ мыслей и дѣйствій ультрамонтана былъ предосудителенъ, то слѣдовало бы только радоваться совершившейся перемѣнѣ; а что эта перемѣна произошла не изъ корыстныхъ или другихъ не почтенныхъ побужденій, то лучшимъ доказательствомъ тому сужитъ въ высшей степени скромный образъ жизни стараго каноника въ одномъ изъ небольшихъ городовъ здѣшняго края; единственныя средства его къ жизни сохраненное за нимъ, со времени еще его высылки, содержаніе.

Примѣч. П. Щебальскаго.

вали между собой, ненавидѣли другъ друга, лишь бы только, сохрани Богъ! между ними не состоялось мирнаго и добраго соглашенія и взаимнаго довѣрія, мы обращаемся только къ русскимъ журналамъ и ставимъ вопросъ: имѣютъ ли они достаточные поводы подозрѣвать въ злоумышленіяхъ насъ, поляковъ-католиковъ?

Прежде нежели мы дадимъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, надо сознаться чистосердечно, что пишущій эти строки чувствуетъ себя въ очень затруднительномъ положеніи.

Вообще, у насъ считается благородствомъ, у нѣкоторыхъ даже признается постояннымъ правиломъ, всегда оправдывать своихъ и всегда только восхвалять ихъ, хотя бы и не заслуженно; въ случаѣ же какихъ-либо недостатковъ со стороны своего общества, одно что дозволяется—это покрывать ихъ молчаніемъ, но никакъ не обнаруживать ихъ, не выставлять на видъ, особенно когда дѣло выходитъ за предѣлы своего общества.

Но намъ кажется, что такое направленіе не дѣлаетъ чести этимъ безусловнымъ, пристрастнымъ защитникамъ своихъ земляковъ и не приноситъ пользы дѣлу.

Не опасны недостатки того народа, который самъ судитъ себя строго и среди котораго находятся истинные и отважные почитатели правды.

Ослѣпляться любовью ко всему своему потому только, что оно свое-есть слабость. Легкомысленно порицать своихъ—это порокъ, но указывать ихъ недостатки и ошибки—есть гражданская обязанность. Условіе народнаго благосостоянія составляетъ правда, а не ложь. Горькая правда полезнѣе льстивой лжи. Въ спорѣ двухъ обществъ безусловно принимать сторону своего потому лишь, что оно свое—нечестно. Добросовѣстно разузнать правду, огласить ее, хотя бы съ трудомъ и даже потерею популярности, и выставить доводы въ пользу противника и примиренія съ нимъ, вотъ честный гражданскій и христіанскій долгъ. Amicus Plato, magis amica veritas (дружба съ правдой драгоцѣннѣе дружбы съ Платономъ). Ослѣпленный самолюбіемъ патріотизмъ, извращающій правду, есть скорѣе измѣна, чѣмъ любовь къ своему отечеству. Нѣтъ истиннаго патріотизма тамъ, откуда изгнана правда.

Наконецъ, мы просимъ читателей обратить самое серьезное вниманіе на то, что во всякомъ спорѣ одна сторона можетъ привести въ свое оправданіе сто обстоятельствъ и другая въ свое оправданіе также сто, такъ что можетъ казаться, что та и другая правы, и дѣло представится запутаннымъ, трудно разрѣшимымъ. Но такъ какъ не можетъ быть, чтобъ въ спорномъ дѣлѣ обѣ стороны были правы, то надо разсматривать не одни только факты, но и причины ихъ, связь между ними, безпристрастно взвѣсить все и, увидя, на чьей сторонѣ

перевѣсъ, уже безъ всякаго самообольщенія составить приговоръ и, оставивъ въ сторонѣ самолюбіе, подчиниться ему и склониться передъ голосомъ правды.

Вотъ правила, которыми мы будемъ руководствоваться при исполненіи предпринятой нами задачи. Хороши ли они?—мы думаемъ, что никто не рѣшится оспаривать ихъ. Если же наши выводы, какъ мы и предвидимъ, вызовутъ раздраженіе, несправедливыя подозрѣнія, обвиненія въ отступничествѣ, то мы заблаговременно объявляемъ:

что пишущій эту статью уже много и много разъ подвергался подобнымъ нападкамъ и съ ними освоенъ;

что ради истины онъ отважно и съ спокойною совѣстью идетъ на новую борьбу, причемъ надѣется не только на свои силы, но на помощь Божіей благодати и готовъ даже умереть за правду.

Теперь мы приступаемъ къ изложенію дѣла.

Мы поставили вопросъ, имѣетъ ли русская журналистика достаточные поводы безпрестанно подозрѣвать насъ, поляковъ и католиковъ, въ злоумышленіяхъ противъ Россіи?

Мы отвѣчаемъ, что имѣетъ не только достаточные, но и постоянно существующіе, не прекращающіеся поводы, потому что:

въ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Россіи отъ древней Польши въ 1772, 1793 и 1795 годахъ, уже со временъ Императора Павла I начали подготовляться политическіе заговоры, которые еще болѣе умножились съ 1814 по 1863 годъ;

плодомъ этихъ почти безпрерывныхъ заговоровъ были польскія возстанія 1830, 1846 и 1863 годовъ, не считая мелкихъ покушеній или такихъ, которыя были заблаговременно остановлены правительствомъ;

побудительною причиной заговоровъ было не то, что польская національность не могла жить и развиваться подъ властью русскаго правительства, которое сохраняло и даже уважало оную, а желаніе поляковъ вернуть полную политическую независимость среди непреодолимыхъ къ тому препятствій;

въ польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ всегда участвовало римско-католическое духовенство обоихъ обрядовъ, латинскаго и уніятскаго;

торжественная религіозная присяга на вѣрность Престолу считалась какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ польскимъ обществомъ ни по чемъ; оба равно никогда не признавали надъ собой законною верховную власть Русскихъ Государей, какъ Царей Польскихъ, такъ и Великихъ Князей Литовскихъ, они называли ее неправильнымъ захватомъ (l'usurpation), грабежемъ, насиліемъ, избавиться отъ нея, свергнуть ее, клеветать на нее, внушать молодымъ поколѣніямъ ненависть и

омерзеніе какъ къ ней, такъ и ко всему русскому, выставлялось священнымъ долгомъ любви къ отечеству и вѣрѣ.

Польское общество, по причинѣ своихъ стремленій къ независимости, не хотѣло довольствоваться подъ властью русскаго правительства ни оставленіемъ польскаго языка (для всѣхъ предметовъ) въ школахъ, въ администраціи и судопроизводствѣ во всѣхъ прежнихъ польскихъ провинціяхъ, ни сохраненіемъ въ нихъ мѣстныхъ законовъ, ни польскими университетами въ Вильнѣ и Варшавѣ, польскою академіей въ Полоцкѣ, польскимъ лицеемъ въ Кременцѣ, ни множествомъ польскихъ начальныхъ училищъ, ни многими гимназіями, гдѣ профессорами были католическіе ксендзы или монахи, ни сохраненіемъ польскихъ войскъ послѣ 1812 г., ни отдѣльностью польско-литовскаго корпуса, не довольствовались ни конституціей и полною автономіею Царства съ 1815 года, ни допущеніемъ поляковъ ко всѣмъ высшимъ государственнымъ должностямъ, ни установленіемъ и даже увеличеніемъ латинской и уніятской іерархіи, ни оставленіемъ множества католическихъ монастырей, мужскихъ и женскихъ.

Надо обратить вниманіе на то, что послѣ раздѣловъ Польши русское правительство не послѣдовало примѣру Австріи и Пруссіи, которыя въ пріобрѣтенныхъ польскихъ провинціяхъ тотчасъ же замѣнили польскіе законы нѣмецкими, польскій языкъ въ школахъ и во внутреннемъ управленіи нѣмецкимъ, при этомъ неимовѣрно стѣсняя (преимущественно въ Галиціи) польскую торговлю, промышленность и всю экономическую жизнь; даже и теперь Галиція не имѣетъ столь полной автономіи, какою пользовалось Царство Польское въ царствованія Императоровъ Александра I, Николая I и при Императорѣ Александрѣ II до половины 60-хъ годовъ.

Императоръ Александръ II со вступленіемъ на Престолъ началъ производить въ Царствѣ Польскомъ разныя перемѣны къ лучшему, въ 1861 и 1862 годахъ увеличилъ его автономію, но польское общество отвѣтило на нихъ общимъ заговоромъ, покушеніемъ на жизнь Великаго Князя Константина Николаевича и маркиза Велепольскаго, рядомъ тайныхъ убійствъ, наконецъ возстаніемъ 1863 года, стремившимся къ пріобрѣтенію полной политической независимости.

Польское католическое духовенство не только не сопротивлялось возстанію 1863 года, но само почти поголовно приняло въ немъ участіе.

Новая польская эмиграція 1863—1864 годовъ, поселившись въ Галиціи, объявила посредствомъ львовскаго журнала „Gazeta Narodowa“ безпрерывность польскаго возстанія противъ Россіи.

Всѣ польскія и познанскія газеты съ 1863 года относятся очень враждебно и къ русскому правительству, и къ русскому народу, помѣщаютъ обидныя для нихъ будто оригинальныя корреспонденціи изъ

разныхъ мѣстностей Русской Имперіи и Царства Польскаго, не пренебрегая самыми революціонными и оскорбительными словами.

Изъ числа многихъ духовныхъ лицъ, принадлежащихъ къ польской эмиграціи 1863—1864 г. (болѣе ста духовныхъ), почти никто не смирился предъ русскимъ правительствомъ, напротивъ, всѣ эти духовныя лица хвастаютъ за границей участіемъ, принятымъ въ послѣднемъ возстаніи и своей ненавистью къ русскому правительству и къ Россіи; они то и составили было за-границей общество польскихъ ксендзовъ въ эмиграціи (Societas sacerdotum polonorum in emigratione) и обнародовали въ Парижѣ въ 1865 году манифестъ на польскомъ языкѣ [1]), въ которомъ на страницѣ 20 говорится: „все польское духовенство, хотя и католическое, дѣйствуетъ за одно съ революціей“ (!), на страницѣ же 26: „въ Польшѣ невозможно иначе возбудить народъ какъ посредствомъ религіи“ (!) и тамъ же: „католическая вѣра представляетъ самое удобное средство для возстанія“ (!); этимъ же манифестомъ оправдывались всѣ заговоры, возстанія и упорство поляковъ въ отрицаніи правъ Русскихъ Государей надъ польскимъ народомъ.

Какъ и всякое другое, русское правительство примѣняло къ польскимъ заговорщикамъ и участникамъ возстаній строгія мѣры законовъ; никакое правительство въ свѣтѣ не щадитъ революціонеровъ; тому примѣромъ служатъ не только монархическія правительства, но и республиканскія; Сѣверо-Американскіе Штаты безпощадно поступали со своими южными провинціями въ 1861—65 гг., вторая французская республика съ іюльскими мятежниками въ Парижѣ (генералъ Кавеньякъ) въ 1849 году, третья республика въ 1870 г. съ коммунарами, французы съ бунтующимися арабами, англичане съ индѣйскими сипаями поступали, какъ извѣстно, безъ пощады. И русское правительство также не шутило съ польскими повстанцами; за это его называли варварскимъ, казненныхъ же или сосланныхъ въ Сибирь (гдѣ многимъ было хорошо и во сто разъ лучше, нежели въ австрійскихъ подземельяхъ Шпильберга, Ольмюца и пр.) польское общество считало всегда безвинными жертвами любви къ отечеству, варварски преслѣдовавшимися русскимъ народомъ. (Замѣтимъ, что русское правительство не милостивѣе поступало со своими русскими заговорщиками и политическими преступниками, напримѣръ съ декабристами въ 1825 году, въ новѣйшее же время съ русскими соціалистами).

Прибавимъ еще, что русское общество съ 1772 года по 1863 никогда не выказывало польскому презрѣнія, ненависти или же неблаго-

---

[1]) Заглавіе манифеста: Duchowieństwo polskie w obec sprawy narodowej (Польское духовенство въ отношеніи народнаго дѣла, то есть польскаго вопроса). Paryż, w drukarni pp. Renoue et Maulde, przy ulicy Rivoli 144, 1865.

расположенія; русское общество по поводу польскихъ привиллегій (1815—1830) никогда не дѣйствовало во вредъ полякамъ; оно уважало польскую національность; многіе русскіе учились польскому языку и восхищались польскими поэтами. Въ западныхъ губерніяхъ съ 1772 по 1840 годъ преобладалъ польскій языкъ вездѣ и русское общество никогда не добивалось, чтобъ его вытѣснить и замѣнить русскимъ. Оно никогда не кричало противъ того, что поляки занимали высшія должности—генераловъ, полковниковъ, сенаторовъ, губернаторовъ, посланниковъ при иностранныхъ дворахъ. Русское общество не прозывало никогда насъ, поляковъ, въ родѣ австрійскаго: dumme Polen, polnische Schweine или polnische Wirtschaft.

Скажемъ же всю правду: много бывало поляковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, иногда въ каторжныя работы, иногда только на поселеніе, на Кавказъ или въ оренбургскіе полки. Сотни разъ приходилось слышать, какъ русскіе гуманно относились къ сосланнымъ, изъ которыхъ одни впослѣдствіи бывали производимы въ офицеры, другіе даже наживали деньги и всѣ, если заслуживали этого хорошимъ поведеніемъ, получали облегченія въ своемъ положеніи. Правда, что послѣ 1863 г. русское общество ужъ несочувственно смотрѣло на ссылаемыхъ поляковъ, но причиною тому были публиковавшіеся тогда во всѣхъ русскихъ газетахъ варшавскіе революціонные манифесты, составляемые пылкими польскими студентами и оскорблявшіе въ высшей степени не только правительство, но и весь русскій народъ, покрывавшіе грязью все русское.

Что касается самаго русскаго правительства, то оно съ давнихъ временъ обвинялось нами, поляками, предъ цѣлымъ свѣтомъ въ нетерпимости національной и религіозной. Сотни разъ, особенно французскія газеты и разныя сочиненія о польскихъ дѣлахъ подъ русскимъ владычествомъ писали: le but formel et même inné au gouvernement des Tsars à l'endroit des Polonais est de les dépoloniser et de les décatholiser (формальное и даже прирожденное правительству Царей въ отношеніи поляковъ стремленіе есть обезполяченіе и обезкатоличеніе этого народа). Это ложь! Почему же русское правительство долго не только терпѣло, но съ уваженіемъ относилось къ католичеству съ 1772 по 1840 г. (до пресловутаго заговора Конарскаго!), т. е. въ продолженіе почти 70 лѣтъ? [1]) И въ это время не давало ли оно доказательствъ своей вѣротерпимости? Развѣ Императоръ Александръ II-й съ самаго вступленія на Престолъ не выказывалъ снисхожденія къ польской національности и католической вѣрѣ? А реформы Его въ Царствѣ Польскомъ 1861 и 1862 годовъ?

[1]) Католическая религія уважалась, какъ намъ кажется, и въ періодъ 1840—55 г. Прим. Ред.

Если бы le gouvernement des Tsars не могло по своей будто бы природѣ терпѣть чужой національности и чужой вѣры, какъ же оно терпѣло финляндцевъ, курляндцевъ и нѣмецкихъ колонистовъ-протестантовъ?! Имъ вѣдь не грозили ни Сибирь, ни Кавказъ, ни оренбургскія исправительныя роты, ни цитадели и другія политическія тюрьмы. Почему? Потому, что они не составляли заговоровъ, не бунтовались.

Такимъ образомъ, не посредствомъ софистическихъ умствованій, не посредствомъ натяжекъ, а посредствомъ фактовъ мы показали и доказали, что русское правительство умѣло быть и народотерпимымъ, и вѣротерпимымъ въ предѣлахъ своего Государства. Отсюда слѣдуетъ заключить, что правительство въ отношеніи къ намъ, полякамъ и католикамъ, готово было поступать благосклонно, еслибъ мы почти безпрерывнымъ рядомъ заговоровъ для пріобрѣтенія независимости не вооружили бы его противъ себя и противъ своей вѣры, духовенство которой рука объ руку возставало съ народомъ.

„Характеръ загробнаго естества Польши выражается одной изъ стихій того же естества: заговоръ"! такъ говоритъ извѣстный польскій патріотическій историкъ Мохнацкій [1]). Къ этимъ столь откровеннымъ словамъ справедливость заставляетъ прибавить, что не строгость русскаго правительства вызывала заговоры, а наоборотъ и главною причиною ихъ было то, что мы, поляки, никогда не могли освоиться съ нашей политическою зависимостью и всегда главнѣйшей мыслью польской интеллигенціи было добиться независимости. Правда, что среди этой интеллигенціи бывало очень много людей, трезво смотрѣвшихъ на ходъ европейской политики, искренно желавшихъ примиренія съ господствующимъ порядкомъ, но, съ другой стороны, между нами всегда находились слишкомъ горячія головы, слишкомъ пламенныя сердца, которыя рвались къ независимости и умѣли терроризировать консерваторовъ, людей разумныхъ и умѣренныхъ, но которымъ недоставало гражданскаго мужества удержать неистовыхъ патріотниковъ. Мы говоримъ „патріотниковъ", чтобъ сдѣлать различіе между разумными и неразумными патріотами. Духовенство обязано было вразумлять сумасбродовъ, но вмѣсто того оно было за одно съ этими патріотниками...

Здѣсь будетъ кстати припомнить одно важное обстоятельство.

Въ апрѣлѣ 1826 года въ Петербургъ прибыла изъ Варшавы торжественная депутація, чтобъ поздравить Государя Николая I съ восшествіемъ на Престолъ. Между прочими, членомъ депутаціи былъ также плоцкій епископъ и сенаторъ Пражмовскій [2]).

[1]) См. Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831 przez Maurycego Mochnackiego, Berlin i Poznań 1863. Томъ первый, стр. 267, строки 10, 11, 12.

[2]) До 1830 года всѣ епископы Царства Польскаго были сенаторами, участвуя такимъ образомъ въ управленіи. Такъ было постановлено, сообразно давнимъ польскимъ преданіямъ, Русскимъ Императоромъ и Царемъ Польскимъ Александромъ I.

Новый Государь, милостиво принявъ и поблагодаривъ депутацію, сказалъ епископу Пражмовскому:

„Такъ какъ ваше преосвященство являетесь здѣсь представителемъ римско-католическаго духовенства Нашего Царства Польскаго, то я долженъ вамъ замѣтить, что оное духовенство до сихъ поръ не только не съумѣло внушить чадамъ своимъ политической преданности и вѣрности Верховной власти, но и само уклонялось отъ этого священнаго долга. Такъ помните же, что я, какъ Государь, по стольку буду благосклоненъ къ вашему духовенству и къ вашей вѣрѣ, по скольку они будутъ вѣрными Престолу. Сообщите мои слова прочимъ епископамъ и всему духовенству, для того, чтобъ оно не ставило меня въ необходимость отказывать ему въ Царской милости и довѣріи".

Воспользовалось ли наше духовенство Царскимъ совѣтомъ? Слѣдуетъ сознаться, къ сожалѣнію, что нѣтъ!

Но почему же? имѣло ли оно поводы жаловаться на русское правительство? Никакихъ!

Съ 1772 года до оной поры (1826 г.), въ продолженіе цѣлыхъ пятидесяти-четырехъ лѣтъ, римско-католическое духовенство пользовалось особенной благосклонностью православныхъ Царей; ему не приходилось испытывать никакихъ затрудненій со стороны господствующаго православнаго вѣроисповѣданія; православный Cvнодъ и православное духовенство не выказывали ни малѣйшихъ признаковъ прозелитизма въ отношеніи римскихъ католиковъ. Между петербургскимъ Дворомъ и Ватиканомъ существовали добрыя отношенія. Каноническія правила римской Церкви были уважаемы Россіей. Вещь удивительная! это были Русскіе Цари, православные Цари и православные министры, которые, по свидѣтельству Шантыра, сдерживали и строго осуждали интриги недостойнаго римско-католическаго митрополита Сестренцевича, стремившагося измѣнnически отдѣлить польскихъ католиковъ Имперіи отъ ватиканской апостольской столицы и сдѣлаться независимымъ отъ нея патріархомъ!!! Этотъ Сестренцевичъ (умершій въ 1828 году) интриговалъ въ этомъ смыслѣ до самой смерти; четыре русскіе православные Государя: Екатерина II, Павелъ I, Александръ I и Николай I отвергли его замыслы [1]).

Въ теченіе этихъ пятидесяти-четырехъ лѣтъ (1772—1826) всѣ римско-католическіе архіерейскіе и викарные (суфраганскіе) посты были всегда немедленно замѣщаемы ревностными прелатами и всегда по соглашенію съ Ватиканомъ. Воспитаніе въ римско-католическихъ духовныхъ семинаріяхъ не встрѣчало со стороны правительства никакихъ анти-каноническихъ препятствій.

[1]) Спросите и теперь любаго римско-католическаго духовнаго, отчего духовенство всегда было революціоннымъ при русскомъ правительствѣ, онъ въ разрѣзъ съ исторической правдою, воскликнетъ: „потому что правительство хотѣло всегда отдѣлить поляковъ отъ Рима!"

А въ то же самое время, подъ какимъ гнетомъ находилось римско-католическое духовенство въ Галиціи подъ скипетромъ римскихъ-католиковъ Габсбурговъ? Развѣ не извѣстны пресловутыя Іосифовы постановленія въ Австріи, неимовѣрно стѣснявшія и поработившія римско-католическое духовенство? Эти постановленія во всей почти силѣ существовали до 1856 года!

Русское же правительство лишь въ царствованіе Николая I начало примѣнять стѣснительныя мѣры къ римско-католическому духовенству. Чья въ томъ вина? Государя ли? нѣтъ! вина лежитъ на римско-католическомъ духовенствѣ, которое своимъ революціоннымъ направленіемъ сдѣлалось опасной стихіей для русскаго правительства и для спокойствія всей Имперіи. Не приняло ли оно общаго участія въ возстаніи 1830 года? не мѣшалось ли оно безпрестанно въ политическіе заговоры? признавало ли оно святость присяги на вѣрность Престолу? нѣтъ! оно втихомолку осмѣливалось утверждать, что „эта присяга, какъ не добровольная, а вынужденная обстоятельствами, насиліемъ (!), не имѣла никакого значенія (!)". А каково было поведеніе римско-католическаго духовенства въ 1863 и 1864 годахъ?...

„Ты возстаешь на своихъ и порицаешь своихъ!" возразятъ пишущему всѣ поляки и быть можетъ и нѣкоторые русскіе.... Вотъ мой отвѣтъ: что должно быть для меня дороже, правда ли, или же ошибки моихъ соотечественниковъ, которыя вызвали стѣснительныя мѣры противъ моей національности? Что должно быть для меня дороже, вѣра ли моя, которую я надѣюсь дальше оправдать отъ упрека въ революціонномъ духѣ, или ошибки духовенства, къ которому я принадлежу, которое изъ римско-католической вѣры сдѣлало революціонно-католическую и сдѣлало ее страшилищемъ для правительства? Изъ-за того, что я соотечественникъ нашимъ революціонерамъ, неужели мнѣ будетъ поставлено въ вину, если я отдамъ справедливость правительству и русскому народу? Слѣдовательно, никому нельзя сказать правды? Можетъ ли патріотизмъ заставлять попирать правду и возносить ложь и несправедливость?

При столь запутанныхъ отношеніяхъ двухъ славянскихъ національностей, русской и польской, при столь опасномъ настроеніи одной противъ другой, я убѣжденъ, что только правда можетъ возстановить согласіе; а если я, вслѣдствіе моихъ историческихъ добросовѣстныхъ, безпристрастныхъ трудовъ убѣдился, что мы, поляки, виноваты, то неужели, потому, что я полякъ, я не имѣю права стоять на сторонѣ правды, и будетъ ли преступленіемъ, если я осмѣлюсь сознать наши польскія, ошибки и предубѣжденія противъ русскихъ, потому только, что они русскіе? Я дорожу моимъ вѣроисповѣданіемъ. Но именно вѣ-

роисповѣданіе мое и заставляетъ меня быть справедливымъ не въ пользу того, кто мнѣ ближе и кто милѣе, а въ пользу того, кто правъ. Я пишу не наобумъ! я читалъ, я соображалъ, я размышлялъ, я трудился, я молился Богу, чтобы Онъ благоволилъ дать мнѣ мужество высказать правду....

А между тѣмъ, какъ польское духовенство, такъ и весь народъ считались римскими католиками, гордились и гордятся привязанностью къ вѣрѣ своихъ отцовъ и безпрестанно увѣряли Ватиканъ въ ревностнѣйшемъ сыновнемъ повиновеніи папѣ и его наставленіямъ и всему ученію римско-католической Церкви.

Къ сожалѣнію, это была неправда!

Оное духовенство было лже-католическимъ вмѣстѣ съ польскимъ народомъ, и мы это вполнѣ докажемъ.

Въ началѣ этой статьи мы высказали, что это есть открытое письмо ультрамонтана-католика.

Мы увѣрены, что это слово „ультрамонтанъ“ вызвало въ русскихъ читателяхъ довольно или даже и весьма непріятное чувство.

Съ ними мы и хотимъ поговорить на счетъ этого слова.

Оно вошло въ употребленіе лишь въ началѣ XVIII столѣтія во Франціи, со временъ Людовика XIV.

Извѣстно, что въ XVI столѣтіи многіе французы изъ католичества переходили въ лютеранство, преимущественно въ кальвинизмъ. Франція съ давнихъ временъ имѣла нѣсколько провинціальныхъ парламентовъ, которые, съ умноженіемъ числа протестантскихъ своихъ членовъ, начали борьбу съ католическою Церковью и съ папой. Они преимущественно возставали противъ папской вѣронеошибочности (непогрѣшимости) [1]), старались болѣе и болѣе ограничить вліяніе папы на французское духовенство, чтобъ со временемъ отдѣлить его совершенно отъ Ватикана. Парламенты дѣлали это весьма искусно. Зная, что Людовикъ XIV весьма ревностно оберегалъ свою королевскую власть, они интриговали во имя усиленія оной. Такъ возникли во Франціи двѣ партіи: одна стремившаяся къ пониженію авторитета папы, приверженцы которой назывались галликанами, другая признававшая и отстаивавшая этотъ авторитетъ, преимущественно же папскую каѳедральную вѣронеошибочность и неизмѣнность ея опредѣленій (l'irréformabilité de ses décisions en matière de dogmes de la foi et des moeurs); приверженцы этой партіи назывались ультрамонтанами.

[1]) Да простятъ намъ русскіе, что мы осмѣлились составить слово вѣронеошибочность; мы сдѣлали это потому, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ латинскому слову infallibilitas in materia fidei. Но такъ какъ эта infallibilitas признается за папой, не какъ частному богослову, а ex cathedra, то есть какъ первому учителю въ Церкви, оффиціально, торжественно опредѣляющему догматы вѣры и нравственности, то слѣдовало бы его непогрѣшимость называть вѣронеошибочностью.

Галликане утверждали, что авторитетъ Вселенскаго Собора выше папы, ультрамонтаны же напротивъ. Первые говорили, что можно не повиноваться учительскимъ вѣроопредѣленіямъ папы, лишь бы сдѣлать апелляцію къ будущему Вселенскому Собору (легко ли собрать оный?); ультрамонтаны же разумно отвѣчали, что такъ какъ съ году на годъ, съ мѣсяца на мѣсяцъ надо рѣшать разныя мнѣнія, относящіяся къ вѣрѣ, и такъ какъ созываніе собора за соборомъ сопряжено съ большими неудобствами, то слѣдуетъ повиноваться рѣшеніямъ римской Церкви. Коль скоро же и между членами оной является разногласіе, то оно рѣшается папою, какъ главою этой Церкви, но не иначе, какъ съ каѳедры, значитъ разузнавъ все предварительно и притомъ въ характерѣ высшаго пастыря, учителя и преемника св. Петра.

Со временемъ галликанизмъ исчезъ, и теперь во Франціи, гдѣ онъ возникъ сперва, все католическое духовенство ультрамонтанское. Его лозунгъ: Roma locuta, causa finita (коль скоро Римъ опредѣлитъ, дѣло кончено).

Посмотримъ теперь, какъ учила римская Церковь о политической верховной власти.

Извѣстно, какъ римскіе императоры преслѣдовали христіанъ.

Извѣстно также, что въ Римѣ бывали очень частыя перемѣны верховной власти.

Первые христіане никогда не возмущались и никогда не оспаривали авторитета верховной политической власти, коль скоро она утвердилась. Они ни одному императору не говорили: ты незаконный государь, ты похититель, ты несправедливый завоеватель. Какъ римскіе христіане, такъ и галлійскіе, греческіе, британскіе и карѳагенскіе повиновались каждому римскому императору. Они не разбирали его правъ на престолъ. Для нихъ законнымъ (légitime) императоромъ былъ тотъ, который держалъ скипетръ, носилъ царскій вѣнецъ и управлялъ. Какъ апостолъ св. Павелъ, въ своемъ посланіи къ римскимъ христіанамъ, училъ: „нѣтъ власти не отъ Бога и которыя (власти) суть, установлены Богомъ; тѣ же (люди), кои оспариваютъ оныя, сопротивляются Божьему постановленію и сами себѣ вѣчное осужденіе приготовляютъ“, такъ первые христіане и поступали.

Извѣстно, сколь ужасна была судьба христіанъ въ Римской имперіи въ теченіе первыхъ четырехъ столѣтій (считая также царствованіе Юліяна Отступника). Лозунгомъ христіанъ было Arma Christianorum lacrymae et preces, оружіе христіанъ это слезы и молитвы. Они умѣли только смиренно просить и умолять грозныхъ цезарей объ улучшеніи положенія христіанъ, о пресѣченіи кровавыхъ гоненій и въ то же время они снискивали расположеніе верховной власти безспорнымъ признаніемъ ея, глубочайшимъ почтеніемъ, непоколебимою политическою вѣрностью, повиновеніемъ ей вездѣ и всегда, когда въ томъ не было грѣ-

ха, и во всемъ касавшемся гражданскихъ постановленій. Они, мучимые и гонимые за вѣру, были вѣрнѣйшими и храбрѣйшими полководцами, союзниками и солдатами. Они были многочисленны, могли съ большою вѣроятностью разсчитывать на удачу мятежа, но никогда не возставали. Они говорили во всеуслышаніе: истинный христіанинъ не бунтуетъ никогда.

Вотъ римское католическое ученіе.

Когда начались передвиженія народовъ, войны и завоеванія и когда основывались государства и возникали династіи и коль скоро утверждалась верховная власть, римская Церковь учила своихъ чадъ признавать ее и не бунтоваться, не оспаривать ея авторитета. Тогда господствовали теократическія понятія. Случалось, что государи управляли черезчуръ строго, что подданные бунтовались. Сотни разъ римскіе папы, въ силу тогдашняго политическаго устройства, наставляли государей быть милостивѣе, подданныхъ же быть терпѣливѣе и смиреніемъ, вѣрностью заслуживать снисходительность и милость господствующей власти, но не учили бунтоваться никогда!

Въ новѣйшія времена, когда въ началѣ XVIII столѣтія революціонныя тайныя общества начали появляться и подкапываться подъ христіанское ученіе и авторитетъ верховной власти, признавать за народами право ниспровергать и смѣнять ее, оправдывать революціи, ставящія авторитетъ народа выше всякаго авторитета и пр., римскій первосвященникъ Климентъ XII подъ страхомъ анаѳемы (отлученія) запретилъ не только участвовать въ этихъ обществахъ, но и выражать имъ сочувствіе, давать пристанище и скрывать членовъ ихъ.

Преемники Климента XII одинъ за другимъ запрещали революціонныя тайныя общества. Они не были противниками смягченія отношеній между властью и подданными, смягченія законодательства, уравненія въ правахъ всѣхъ сословій, расширенія познаній, ибо все это не противно христіанству, но они не могли дозволить умаленія истинъ и ослабленія христіанства, уничтоженія авторитета гражданской власти, злоупотребленія свободой, они противились распущенности свободы. Хорошее, основательное законодательство, скрѣпленное вѣрою и твердая, уважаемая гражданская власть, вотъ необходимыя условія благоденствія общества.

А вотъ еще что постановлено о гражданской верховной власти вѣронеошибочнымъ авторитетомъ папы еще въ 1808 году:

„1. Всегда, коль скоро монархъ вступаетъ во владѣніе государствомъ, подданные должны почитать его какъ собственнаго государя".

„2. Подданные должны всегда подчиняться царствующимъ государямъ, ибо имъ не приличествуетъ разсуждать о законности или незаконности государя".

„3. Если бы подданные могли безнаказанно разбирать права государей на престолъ, то злоумышленникамъ не было бы трудно найти предлогъ къ мятежу противъ государя".

„4. Подданные не имѣютъ права ни въ какомъ случаѣ лишать своихъ государей обладанія государствомъ, а тѣмъ болѣе отнимать у нихъ жизнь".

„5. Если бы какой нибудь государь несправедливо завоевалъ другой край и утвердилъ надъ нимъ свою власть, подданные должны признать его государемъ" [1]).

Замѣтимъ, что по первому правилу слѣдуетъ, что мы, поляки, должны были и должны и нынѣ считать Русскаго Императора нашимъ собственнымъ государемъ, какъ если бы онъ былъ полякъ, и тѣмъ болѣе, что Русскіе Императоры носятъ титулъ „Царей Польскихъ".

По второму правилу мы, поляки, не имѣемъ права судить Русскаго Императора, какъ ставшаго незаконно (illégitime) польскимъ царемъ.

По четвертому правилу мы не имѣемъ права стремиться сбросить власть Русскихъ Императоровъ такъ же, какъ, напримѣръ, венгерцы и галиційскіе поляки въ отношеніи къ австрійскому императору, какъ и познанскіе поляки въ отношеніи къ прусскому королю.

И вотъ вѣронеошибочное ученіе римской Церкви, римскаго папы, ультрамонтанское ученіе!

Революціонное ли это ученіе? Нѣтъ и нѣтъ!

А полезно ли оно? Посмотримъ.

Народъ, завоеванный чужимъ правительствомъ, лишается своей политической независимости, но не лишается національности и вѣроисповѣданія. Онъ можетъ сохранить то и другое, но подъ условіемъ вѣрности своему новому государю и его правительству.

Вотъ польза ультрамонтанскаго ученія: сохраненіе своей національности и своего вѣроисповѣданія.

Но то и другое исчезнетъ, если завоеванный народъ будетъ составлять заговоры и стремиться къ независимости. Чтобъ понять это, достаточно простаго здраваго смысла.

Вотъ теперь мы и спросимъ, если таково римское, ватиканское, папское ученіе, отчего же польское духовенство, присвояющее себѣ

---

[1]) См. сочиненіе св. Альфонса Лигорія „Homo Apostolicus", утвержденное вѣронеошибочнымъ приговоромъ папы Пія VII, 18 марта 1808, томъ I, трактатъ 8, № 13, гдѣ говорится:

„Semper ac princeps est in possessione regni, subditi obligantur eum tenere tanquam proprium Dominum".

„Subditi semper parere debent suis actualibus dominantibus ad ipsos enim minime pertinet judicare, an illi legitime aut illegitime statum possideant etc. etc. etc."

характеръ ревностной преданности римско-католической Церкви, не соблюдало сего ученія?

Одно изъ двухъ: или оно не знало его, или оно ему не покорялось.

Если оно его не знало, пусть же оно сознается въ своемъ незнаніи и пусть дастъ ручательство, что съ этихъ поръ оно примѣнитъ его въ своемъ политическомъ поведеніи.

Если польское духовенство знало это ученіе и не примѣняло его, то оно не было католическимъ, ультрамонтанскимъ, а еретическимъ.

Истинный римскій католикъ, ультрамонтанъ, не дерзнетъ нарушать постановленій папы, не будетъ пріискивать предлоговъ, чтобъ уклониться отъ нихъ. Онъ не дерзнетъ утверждать, что Вселенскій Соборъ выше папы и не будетъ апеллировать къ нему. Онъ твердо и искренно вѣритъ въ каѳедральную вѣронеошибочность папы, онъ смирится предъ богословіемъ, утвержденнымъ папою, которое говоритъ:

„Всегда, коль скоро монархъ вступаетъ во владѣніе государствомъ, подданные должны почитать его какъ собственнаго государя".

Такъ точно и полякъ-ультрамонтанъ будетъ смотрѣть на Русскаго Императора, какъ еслибъ онъ былъ не русскій, но коронованный полякъ!

Полякъ-ультрамонтанъ не дерзнетъ разбирать и оспаривать правъ Русскаго Императора надъ польскимъ народомъ; онъ не дерзнетъ сказать: Онъ вѣдь не законный (pas légitime) нашъ Государь, или же Онъ только завоеватель, или же Онъ намъ чужой, или же мы Его не избрали! Для поляка-ультрамонтана довольно того, что Русскій Императоръ на дѣлѣ владѣетъ польскимъ народомъ, носитъ титулъ Польскаго Царя, что Ему принесена присяга въ преданности и политической вѣрности.

Вспомнимъ, что папа Григорій XVI, каѳедральнымъ вѣронеошибочнымъ посланіемъ къ польскимъ епископамъ отъ 9 іюня 1832 г. строжайше, во имя вѣры, осудилъ польское возстаніе 1830 года и приказалъ полякамъ повиноваться царствующему Государю и впредь не бунтоваться.

Для ультрамонтана-поляка это должно было считаться священнымъ словомъ.

Такъ ли поступили мы, поляки, и польское духовенство въ отношеніи къ этому посланію? Все польское интеллигентное общество забросало грязью непослушанія и богохульства папу Григорія XVI, оно назвало его союзникомъ и защитникомъ русскаго „нашествія"! Оно ни во что не считало папское наставленіе и отвѣтило на него новыми заговорами, новымъ неповиновеніемъ Верховной власти и новыми возстаніями 1846, 1848 и 1863 годовъ, и во всѣхъ этихъ заговорахъ и возстаніяхъ участвовало польское духовенство!

Было ли оно истинно-ватиканскимъ и ультрамонтанскимъ? Нѣтъ! оно было еретическимъ, не смотря на свои претензіи на католичество и ультрамонтанство.

Въ 1846 году въ Европѣ очень сильно чувствовалось, что тайныя общества подготовляютъ что-то противъ правительствъ. Тогда нѣмецкіе католическіе епископы потребовали отъ папы объясненія, что надо понимать подъ словомъ тайныя общества, которыя подъ страхомъ анаѳемы запрещены многими папскими буллами (Климента XII, Венедикта XIV, Пія VII, Льва XII, Григорія XVI и Пія IX)? Папа Пій IX, посредствомъ святой конгрегаціи, бодрствующей надъ чистотой вѣры (Congregation du Saint-Office), отъ 15 августа 1846 года, далъ такой отвѣтъ:

„Тайными обществами, о которыхъ идетъ рѣчь въ папскихъ постановленіяхъ, считаются всѣ тѣ, которыя затѣваютъ что-либо противъ Церкви и правительства, берутъ ли они или не берутъ присяги отъ своихъ членовъ на соблюденіе тайны" [1]).

Какимъ же образомъ могло случиться, что польское духовенство поступило въ разрѣзъ съ этимъ декретомъ въ 1863 году?

Намъ скажутъ, что правительство ограничивало сношенія польскаго духовенства съ Римомъ. Положимъ; но развѣ правительство препятствовало выписывать изъ Рима богословскія сочиненія? Развѣ по семинаріямъ правительствомъ воспрещалось учиться римскому, ватиканскому богословію? Толковать напримѣръ такія римскія аксіомы, какъ: Arma Christianorum lacrymae et preces (оружіе христіанъ это слезы, молитвы, просьбы), или nunquam omnino licitum est rebellare (никогда вовсе нельзя бунтоваться), или что всѣ тайныя революціонныя общества запрещены подъ страхомъ тяжкаго проклятія (l'excommunication majeure)?

Но вотъ еще нѣчто иное:

Пій IX посланіемъ къ польскимъ епископамъ отъ 30 іюля 1864 года словами: reprobamus ac damnamus (мы порицаемъ и проклинаемъ), строжайше осудилъ польское возстаніе 1863 года. Спрашиваемъ: нашелся ли хоть одинъ польскій революціонеръ-эмигрантъ изъ духовныхъ, который послушался этого папскаго осужденія возстанія 1863 года? А вѣдь это осужденіе есть каѳедрально-вѣронеошибочное! Не надлежало ли, чтобы всѣ польскіе духовные эмигранты тотчасъ же послѣ опубликованія сего посланія Пія IX подали заявленіе Престолу, что они, на основаніи папскаго декрета, сознаются въ своемъ участіи

[1]) Societates occultae, de quibus in pontificis constitutionibus sermo est, quae omnes intelliguntur, quae sibi proponunt aliquid contra Ecclesiam vel Gubernium, exigant vel non exigant juramentum a suis asseclis de secretosevando.

и умоляютъ Верховную власть простить имъ это преступленіе? Развѣ покойный Государь великодушно не простилъ бы, а можетъ быть и дозволилъ бы имъ возвратиться на родину?

Мы утверждаемъ и повторяемъ, что этотъ долгъ духовныхъ эмигрантовъ 1863 года раскаяться въ участіи въ возстаніи есть долгъ священный, обремененный анаѳемой, отлученіемъ отъ церкви! Этого эмигранты не принимаютъ въ разсчетъ. Какіе же они ксендзы? Какіе католики?

Наконецъ, Левъ XIII въ 1881 году издалъ посланіе ко всѣмъ католикамъ, начинающееся словами: Diuturnum illud, гдѣ онъ напоминаетъ вѣковое и незыблемое ученіе римско-католической Церкви признавать установленными отъ Бога тѣ верховныя власти, которыя существуютъ, не оспаривать ихъ правъ, почитать ихъ и христіански повиноваться [1]).

Какъ теперь судить тѣхъ, которые, будучи католиками, уклоняются отъ приведенныхъ нами правилъ церковнаго ученія?

Истинные ли они католики или лже-католики?

Прибавимъ, что всѣ эти правила и впредь непреложны.

Прибавимъ еще, что по христіанскому ученію нельзя порицать государя своего народа и нельзя порицать его даже мысленно. Такъ сказано по внушенію Святаго Духа еще въ Ветхомъ Завѣтѣ (2-я книга Моисея, гл. 22, стр. 28 и книга Экклезіестъ, гл. 10, стр. 20).

Истинный римскій католикъ-ультрамонтанъ не будетъ никогда революціонеромъ, повстанцемъ.

Если ему придется испытывать стѣсненія со стороны правительства, онъ постарается заслуживать смягченія своей судьбы вѣрностью и преданностью престолу, станетъ просить и умолять съ глубочайшимъ смиреніемъ, но не будетъ никогда бунтоваться.

Господа редакторы русскихъ газетъ, я надѣюсь, что вамъ теперь ультрамонтанъ не страшенъ.

Я представилъ вамъ, можетъ быть мнѣ удалось даже и убѣдить васъ въ этомъ, что истинный римскій католикъ, что ультрамонтанъ, что папистъ, защитникъ папской каѳедрально-вѣроненошибочности, какъ подданный одного съ вами Государя, не можетъ быть врагомъ общаго нашего правительства, а слѣдовательно и вашего отечества, которое вы такъ любите. Выраженіе „вашего“ отечества имѣетъ только національное значеніе, но никакъ не служитъ выраженіемъ стремленій

[1]) Изъ этого правила исключается одна только Церковная область, потому что власть папы надъ нею была сложнаго характера, духовная и гражданская вмѣстѣ. Папа былъ государемъ не какъ лицо, а какъ Намѣстникъ Іисуса Христа и если онъ отрекался отъ папства (какъ напр. Целестинъ V), то онъ лишался и владѣнія папскою областью.

къ политической независимости, которыми тѣшатъ себя нѣкоторые галицкіе и мои соотечественники, не думая о томъ, что завоеванный народъ, стремясь къ независимости, самъ роетъ могилу для своей національности и что имъ тогда руководитъ не истинный патріотизмъ, а ложный, что онъ тогда дѣлается измѣнникомъ своего отечества, ибо тогда всякое правительство начнетъ ослаблять этотъ народъ, примѣнять къ нему стѣснительныя и предупредительныя мѣры, чтобъ помѣшать его стремленіямъ къ независимости.

Политическая вѣрность правительству,—вотъ условіе развитія, жизни и благоденствія покоренной національности.

Мы, поляки, находясь подъ властью русскаго правительства, никогда не понимали этой истины, потому что намъ не достаетъ политическаго смысла. Мы его не имѣемъ вовсе уже съ давнихъ временъ, начиная съ XVI столѣтія!... (а не имѣемъ потому, что мы были не то что истинныя католики, а лже-католики). Это преимущественно обнаруживается съ 1815 года.

Мы навлекли на себя со стороны русскаго правительства серьезное неудовольствіе, чѣмъ? нашимъ революціоннымъ духомъ, и мы имъ отличались, потому что уклонились отъ правильнаго римско-католическаго ученія, которое, какъ я и доказалъ подробно, есть неумолимый противникъ революціоннаго духа.

Сдѣлайте милость, достопочтенные редакторы русскихъ газетъ, если вы встрѣтите въ польскихъ газетахъ и въ польскомъ обществѣ революціонное направленіе, не приписывайте его нашей римско-католической вѣрѣ, а просто тому, что польскія газеты и общество, не смотря на свои претензіи на сыновнее повиновеніе нашей Церкви и на сердечную преданность ея ученію, стали лже-католиками.

Еще одно слово господа русскіе редакторы.

Если бы нѣкоторымъ изъ васъ вздумалось приписывать этому письму какія нибудь заднія, непріязненныя русскому народу мысли и стремленія, оставьте эти подозрѣнія, ибо въ такомъ случаѣ вы будете слишкомъ несправедливы ко мнѣ!

Для того, чтобъ пріобрѣсть ваше довѣріе и ваше расположеніе, я могу сослаться на то, что про меня писали въ заграничныхъ польскихъ и нѣмецкихъ газетахъ (преимущественно въ „Schlesische Zeitung“). Не унижая своей чести и своего католическаго, слѣдовательно не революціоннаго патріотизма, я могу привести то, что относительно меня было выставлено на видъ польской публикѣ.

Мнѣнія, изложенныя въ этомъ письмѣ, я высказываю не въ первый разъ; я не скрывалъ ихъ; они были извѣстны польскимъ заграничнымъ газетамъ, революціонные редакторы которыхъ прозывали меня за нихъ и москалемъ, и политическимъ агентомъ, и измѣнникомъ, и отступникомъ, и даже.... православнымъ!?!?

Мнѣ приходилось терпѣть.... за правду.

Я доказывалъ моимъ соотечественникамъ слѣдующую историческую истину:

„Что русское правительство и русскій народъ долго обращались очень благосклонно съ нашей національностью и съ нашей вѣрой".

„Что не будь у насъ заговоровъ, возстаній, непочитанія и неповиновенія царствующей Власти и пренебреженія къ русскому народу, мы бы благоденствовали въ связи съ Россіей".

„Что причина нашего настоящаго положенія заключается въ томъ, что мы были неисправимыми революціонерами и лже-католиками, а были ими потому, что польское духовенство было лже-католическимъ".

Потрудитесь, господа русскіе редакторы, отыскать въ вашихъ редакціяхъ № 89 (19 апрѣля 1876 года) львовской „Gazety Narodowej"; тамъ въ фельетонѣ какихъ только ужасовъ не напечатано обо мнѣ. И такъ было въ этой и другихъ газетахъ много и много разъ.

Отыщите еще № 81 (22 марта 1876 года) „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", прочитайте въ корреспонденціи изъ Львова на первой страницѣ, въ третьемъ столбцѣ, все, начиная отъ тридцатой строки, отъ словъ: „Вотъ передъ нами", тамъ вы найдете подтвержденіе того, что я и раньше старался разъяснить правду въ томъ же духѣ, какъ и въ этомъ письмѣ. Повторяю, что я ссылаюсь на публичные документы; это не срамитъ моей чести.

Не приписывайте, господа, важности тому, что печатаютъ польскія галицкія и познанскія газеты. Я считаю счастіемъ увѣрить васъ, что наше польское общество болѣе и болѣе отрезвляется отъ долго свойственнаго ему революціоннаго угара; тысячи разъ слышится: „мы не умѣли оцѣнить нашего положенія подъ властью русскаго правительства; мы могли благоденствовать; мы были игрушкой политическихъ подстрекательствъ Запада; возстанія 1830, 1846, 1863 гг. были нашимъ несчастіемъ"; эти и тому подобныя рѣчи слышатся очень часто между нашими соотечественниками..... Но не поздно ли?! Лучше поздно, чѣмъ никогда!... Но почему же все это не встрѣчается въ польской печати?

Мнѣ кажется, что оно встрѣтится.... но отчасти недостатокъ гражданскаго мужества, столь намъ свойственный, отчасти редакторскій интересъ препятствуютъ до сихъ поръ.... Найдется ли средство, чтобъ вывести изъ молчанія польскія газеты?... Дай Богъ, чтобъ оно нашлось скорѣй!

Теперь приходится мнѣ обратиться къ вамъ, достопочтенные редакторы нашихъ польскихъ газетъ. Но вотъ ужъ на первомъ словѣ затрудненіе, ибо я имѣю смѣлость обратиться къ вамъ, господа, на русскомъ языкѣ. А между тѣмъ я хорошо помню, сколько вы надѣлали шуму и какой подняли ропотъ, когда въ 1881 году въ польскомъ модномъ журналѣ г-жи Ратынской въ Варшавѣ появились двѣ русскія

буквы, всего двѣ! Hannibal ante portas! И вдругъ теперь происходитъ нѣчто еще ужаснѣе, ибо полякъ, и полякъ, сознающійся въ польскомъ (но не революціонномъ, а католическомъ), ультрамонтанскомъ патріотизмѣ, рѣшается къ своимъ соотечественникамъ писать по-русски! Это уже не одинъ, а цѣлая тысяча Ганнибаловъ ante portas!....

Господа! не то было Hannibal ante portas, что двѣ русскія буквы появились въ польскомъ журналѣ, а то, что вы подняли по этому такой шумъ!

Вы, господа, забыли, что выказывать ненависть и презрѣніе русскому языку значитъ вызывать также ненависть и презрѣніе къ нашему же польскому и ко всему, что польское. Это необходимое слѣдствіе вашего обращенія съ этими двумя русскими буквами.

Знайте же, господа, что я не презираю ни русскихъ буквъ, ни русскаго языка, ни русскаго народа, потому что: во-1-хъ, я не по имени только, но по сущности католикъ римскій, ультрамонтанъ; во-2-хъ, потому, что я патріотъ польскій, здравомыслящій, не сумасшедшій, и я, по любви къ своей народности, не презираю русской, для того, чтобъ этимъ презрѣніемъ не навлекать ея презрѣнія къ дорогой для меня польской національности.

Вы возразите, что у насъ польскій языкъ во всѣхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ замѣненъ русскимъ.

Правда! но, господа, кто это вызвалъ? мы же сами! чѣмъ? можетъ быть послѣднимъ возстаніемъ? не столько имъ, сколько положеніемъ, которое мы приняли послѣ возстанія. Мы не давали ручательства правительству въ политической вѣрности, въ нашемъ поведеніи проявлялось то же, что обнаружилось въ 1863 г. Мы, собственно говоря, основывались на рѣчи, произнесенной въ томъ же году Наполеономъ III, 5-го ноября, при открытіи парижскаго парламента; мы ждали его у Вислы и дождались подъ Седаномъ въ 1870 г.!... Вы, господа, возразите еще, что мы подносили вѣрноподданническіе адресы въ 1864 г. Господа, я помню, какъ подавались эти адресы, какъ послѣ многихъ изъ нихъ летѣли въ заграничныя газеты протесты, что общество наше вовсе не думало подавать какихъ либо заявленій и что только правительство принуждало его къ этому, что оно даже составляло адресы или исправляло ихъ содержаніе. Я пишу не о новыхъ, не о неизвѣстныхъ вещахъ; все, что я вспоминаю, дѣлалось публично и правительство хорошо знало обо всемъ. Какъ же ему было и не знать, если все печаталось въ польскихъ заграничныхъ газетахъ и кромѣ того во французскихъ и нѣмецкихъ?

Затѣмъ случилось, что правительство, не имѣя вовсе надежды на нашу политическую легальность, сдѣлало у насъ то, что по требованіямъ политики каждое правительство дѣлаетъ, если оно видитъ, что покоренная нація составляетъ упорную революціонную стихію: оно ста-

рается парализовать ее своими людьми, на вѣрность которыхъ оно можетъ разсчитывать.

Такъ дѣлала Англія съ ирландцами, Австрія послѣ 1849 до 1866 г. съ венгерцами, съ чехами, съ Галиціей, Пруссія съ присоединенными отъ древней Польши провинціями....

Но признайте же, господа, ту сущую правду, что такъ Россія не обращалась ни съ финляндцами, ни съ курляндцами, и потому именно, что они поступали легально, не презирали русскихъ, не дулись на все русское, не составляли заговоровъ, возстаній, не были опасными для Престола и Имперіи.

Дерзнете ли вы, господа, оспаривать, что Россія великодушно обращалась съ 1772 по 1840 годъ съ нашей національностью и съ нашей вѣрою? Имѣя въ виду финляндцевъ и курляндцевъ, надо заключить, что Россія всегда бы обращалась съ нами снисходительно, не будь у насъ самыхъ безумныхъ стремленій къ независимости, заговоровъ, возстаній и „истерическихъ“ выходокъ противъ всего, что русское.

Вы, господа, возвысите голосъ и спросите: „есть ли у меня мандатъ къ вамъ?“ А! да! да! Мандатъ! я вспоминаю это обстоятельство съ горестнаго мѣсяца марта 1881 г., когда вы, вы, господа редакторы польскихъ газетъ, выставили правиломъ, что даже и для того нуженъ вашъ мандатъ, кто... для чести, для оправданія своихъ соотечественниковъ осмѣлится публично напечатать въ газетѣ, что онъ не крамольникъ! По вашему политическому смыслу непремѣнно и для этого нуженъ народный мандатъ-suffrage universel.

Послушайте, господа редакторы польскихъ газетъ:

Вы своимъ ропотомъ за оныя двѣ русскія буквы и за публичное заступничество маркиза Сигизмунда Велепольскаго за нашъ народъ выдали себѣ столь печальное свидѣтельство политической несостоятельности (что у дипломатовъ называется testimonium paupertatis), что слѣдовало бы просто послать къ вамъ доктора-психіатра!

Господа, у меня есть мандатъ, отъ кого? отъ правды, отъ исторіи, отъ моихъ добросовѣстныхъ трудовъ, отъ пламенной любви къ нашей національности, которую вы губите; у меня есть мандатъ отъ тѣхъ затрудненій, которыя нашъ народъ навлекъ на себя своими политическими безсмысленными выходками отъ католическаго катихизиса въ томъ, что ненависть грѣхъ, грѣхъ презрѣніе, грѣхъ непризнаваніе верховной власти, заговоры и возстанія, что грѣхомъ были наши революціи 1830, 1846, 1848 (познанская) и 1863 годовъ; у меня есть мандатъ отъ моего ультрамонтанства, ибо такъ какъ папы Григорій XVI и Пій IX въ основаніи (значитъ въ силу незыблемыхъ католическихъ правилъ) строжайше осудили наши возстанія 1830 и 1863 годовъ и напомнили, что надо признавать царствующую верховную власть и никогда не бунтоваться, то и я покоряюсь этому приговору, считаю его каѳедрально вѣронеошибочнымъ и не забавляюсь брошюрами въ родѣ: „Porozbiorowe aspiracye narodu polskiego [1]), а молю Бога только о томъ, чтобъ Онъ всѣмъ намъ далъ разумъ, чтобъ мы, поляки, могли пріобрѣсть довѣріе, снисходительность, милость русскаго правительства и любовь русскаго народа. И мы можемъ пріобрѣсть это со временемъ, по мѣрѣ того, на сколько мы съумѣемъ убѣдить Россію, что мы окончательно перестали быть для нея внутреннимъ врагомъ, страшилищемъ заговоровъ и возстаній, мечтателями о нашей независимости.

Вы, господа редакторы, преимущественно галицкіе и познанскіе, знайте, что логика на моей сторонѣ, когда я утверждаю, что „народъ покоренный, если думаетъ и стремится къ возвращенію независимости, то составляетъ себѣ самъ приговоръ стѣсненій, порабощенія и смерти своей національности“.

Попробуйте опровергнуть это умствованіе. Вы не успѣете въ этомъ. Вы восхищались этой брошюрою: „Porozbiorowe aspiracye“.

Что вы, слѣпы? развѣ вы не имѣете предъ собою достойныхъ сожалѣнія послѣдствій, которыя были вызваны оными же аспираціями?

Но вы не слѣпые, вы ослѣпленные, въ высшей степени ослѣпленные! и въ то же время, вы не католики, а еретики.

И хотя вы и ѣздите въ Ватиканъ и произносите рѣчи о своей преданности нашей Церкви, все-таки вы лже-католики, вы только обольщаете себя, папу и весь католическій міръ. Если вы воскликнете, что я клевещу и тѣмъ ужаснѣе, что я клевещу на своихъ, я отвѣчу: я буду счастливъ узнать отъ васъ, что я васъ преждевременно осуждаю и смиренно буду просить прощенія у васъ, если вы вмѣстѣ съ варшавскими редакторами подпишете слѣдующіе римско-католическіе тезисы:

„Вмѣстѣ съ Григоріемъ XVI и Піемъ IX мы проклинаемъ наши возстанія 1830 и 1863, равно какъ 1846 г. и всѣ иныя мелкія или неудачныя и въ прошедшемъ, и въ будущемъ“.

„Мы признаемъ Царемъ Польскимъ Императора Русскаго, какъ еслибъ Онъ былъ нашимъ собственнымъ, коронованнымъ полякомъ (tanquam proprium Dominum), какъ и сдѣлалъ маркизъ Сигизмундъ Велепольскій въ своемъ письмѣ къ познанскому „Orędowniku“, гдѣ онъ говоритъ, что Русскій Императоръ есть законно и на дѣлѣ Польскій Царь (prawnie i de facto jest Królem Polskim“ [2]).

„Мы признаемъ, что ни въ какомъ случаѣ нельзя бунтоваться“.

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ вышла въ Краковѣ анонимная брошюра (1880), утверждающая, что народъ долженъ стремиться всѣми способами къ отысканію своей независимости!

[2]) См. познанскую газету „Orędownik“ за 14 февраля 1880 года, № 20.

„Мы не дерзнемъ Польскаго Царя Александра III называть незаконнымъ, составлять заговоры и участвовать въ тайныхъ обществахъ".

Эти тезисы мы привели выше на латинскомъ языкѣ, указывая откуда мы ихъ почерпнули; сдѣлайте милость, отвѣтьте, подписываете вы ихъ или нѣтъ? если нѣтъ, то вы не католики, вы не паписты, вы лже-католики, лже-паписты, вы еретики!

Но еще вотъ что: сдѣлайте милость, подпишите эти слова Священнаго Писанія:

„W myśli twojéj nie uwłaszczaj królowi (Ekklezyastes 10, 20)". (Въ мысли твоей не злословь царя).

„Przełożonemu nad ludem twoim nie będziesz złorzeczył (Exodus 22, 28)". (Государя народа твоего ты не будешь поносить).

Ну, господа редакторы варшавскіе, галицкіе и познанскіе! перо въ руки и... подписывайте! Не хотите, значитъ вы даже не христіане, вы даже не христіанской (тѣмъ болѣе не католической вѣры), а вы революціонной, не Христовой вѣры.

Въ угожденіе вамъ, я охотно подписываю, что австрійскій императоръ есть царь Галиціи, староста польскаго Спижа и князь польской Нижней Силезіи, хотя на Спижѣ все ведется по-венгерски, а въ Нижней Силезіи по-нѣмецки. Я подписываю, что прусскій король великій князь Познанскій, князь польской Верхней Силезіи и польской Восточной Пруссіи съ Данцигомъ и Торномъ, но что и Русскій Императоръ есть Царь Польскій! тѣмъ болѣе законный, что въ 1815 году наши отцы, обрадованные возстановленіемъ Царства Польскаго и сохраненіемъ народныхъ нашихъ войскъ [1]), присягнули въ вѣрности Александру I и условію уніи съ Русской Имперіей.

Господа редакторы! бывшій редакторъ-издатель князь Н. Н. Голицынъ, оставляя въ октябрѣ мѣсяцѣ 1883 г. редакцію „Варшавскаго Дневника", упрекнулъ все польское общество въ неблагодарности, другими словами въ horror Russiae, въ застарѣлой ненависти къ Россіи. Ни одна варшавская газета не отвѣтила какъ на первый, такъ и на второй упрекъ!

Относительно неблагодарности съ нашей стороны можно ожидать такого возраженія: „а за что же мы, поляки, должны быть благодарными Россіи или русскому правительству? Не за Сибирь ли и Кавказъ? за оренбургскія роты и каторжныя работы? за устраненіе нашего языка изъ оффиціальныхъ управленій и школъ? и проч. и проч."

Господа! этимъ всѣмъ мы обязаны не Россіи, не Царствующему Дому, а самимъ себѣ! своимъ „порозбёровымъ аспираціямъ", своимъ

[1]) А гдѣ эти войска? уничтожены, потому что произвели революцію и нарушили присягу вѣрности.

заговорамъ, возстаніямъ, непризнаваніемъ господствующей Власти. За все это никогда и нигдѣ ни одно правительство не даетъ орденовъ, знаковъ отличія, наградъ, а награждаетъ Кайеной, темными, сырыми подземельями Шпильберга и Ольмюца, Австраліею или Сибирью (гдѣ можно было хоть видѣть открытое небо, дышать свѣжимъ воздухомъ, ѣсть хорошо за небольшія деньги, одѣваться дешевой, но удобной шубой во время стужи и.. пользоваться гуманнымъ обращеніемъ русскихъ. На Кавказѣ можно было дослужиться до офицерскаго чина).

Впрочемъ, не будь у насъ революціоннаго духа, не было бы обыкновенныхъ его послѣдствій. Дѣло кончено.

Но замѣтьте, что мы дѣйствительно обязаны благодарностью Россіи, ибо если вы историки, и ученые историки, то вы знаете, что, вопреки нашему несправедливому общественному мнѣнію, не Россія, не Екатерина II были виновниками политическаго паденія нашего отечества въ XVIII столѣтіи; это положительно доказано въ анонимной брошюрѣ „Prawdą nie fałszem" (Правдой, а не ложью) и на основаніи революціонныхъ польскихъ историковъ. Господа редакторы (варшавскихъ большихъ газетъ и журналовъ), отыщите эту брошюру въ вашихъ редакціяхъ и добросовѣстно прочитайте ее...

А языкъ нашъ? гдѣ онъ былъ сохраненъ? гдѣ онъ развивался съ 1772 по 1840 годъ? Онѣмеченъ Краковъ, Львовъ, Познань, а по-польски учились въ Полоцкѣ, Вильнѣ, Кременцѣ и во многихъ школахъ, среднихъ и низшихъ, въ Русской Имперіи, въ Варшавѣ и во всемъ Царствѣ Польскомъ. Гдѣ воспитывались Мицкевичи, Одыньцы, Заны, Гощинскіе, Ходзьки, Головинскіе, Глабовскіе (Михаилъ), Сырокомли, Домейки, Штирмеры и множество иныхъ первостепенныхъ нашихъ поэтовъ и писателей?

Россія сохранила для насъ языкъ, Россія способствовала богатому развитію нашей словесности! Вотъ права Россіи на нашу благодарность!

Россія заботилась о нашихъ поэтахъ и нашихъ ученыхъ!

Русская княгиня Зинаида Волконская была ревностнѣйшимъ, чистѣйшимъ и скромнѣйшимъ ангеломъ хранителемъ нашего Мицкевича, а другомъ его былъ Пушкинъ и.... всѣ русскіе!

Ни одинъ русскій не поднималъ крика по поводу того, что въ Западномъ краѣ, на Бѣлоруси, на Черной Руси и въ преднѣпровской Малороссіи съ 1772 по 1830 (да и потомъ до 1839) учились по-польски.

А языкъ есть главное основаніе національности.

Я знаю, что насчетъ сохраненія нашего языка наши политическіе лже-мудрецы говорятъ, что Императрица Екатерина II не имѣла подъ рукой людей, которые могли бы обучать польскую молодежь по-русски!

Я спрашиваю: ловка ли была Екатерина II? отвѣтъ нашъ будетъ: Охъ! и какъ еще. Спрашиваю дальше: хватило ли бы у Екатерины настолько политической ловкости, чтобъ зная, какъ съ польскимъ языкомъ поступила Австрія и отчасти Пруссія, сказать стоявшимъ во главѣ польскихъ школъ іезуитамъ, піярамъ, доминиканцамъ, базиліянамъ, тринитаріямъ, кармелитамъ: вамъ, отцы, надо научиться и знать черезъ два года по-русски и на русскомъ же языкѣ учить всѣмъ предметамъ польскую молодежь въ школахъ! какой будетъ вашъ отвѣтъ, господа редакторы? Если вы не желаете противорѣчить самимъ себѣ, то вы согласитесь, что на это у Императрицы Екатерины II очень и очень хватало политической ловкости. Ну-съ! почему же это Императрица не дала подобнаго повелѣнія учителямъ польскихъ школъ? Дайте отвѣтъ! Если вы честные люди, то вы должны объяснить, что Екатерина II не хотѣла лишить насъ нашей національности и поэтому оставила нетронутымъ нашъ языкъ въ школахъ. Такъ было при Павлѣ I, при Александрѣ I, при Николаѣ I (до 1830 вообще, а до 1840 отчасти), такъ было при покойномъ Государѣ Александрѣ II съ 1855 по 1868 годъ!

Спрашиваю васъ теперь, признали вы когда нибудь въ этомъ отношеніи долгъ благодарности съ нашей стороны къ Русскимъ Царямъ, русскимъ государственнымъ людямъ и русскому народу? долгъ, тѣмъ болѣе святой, что совсѣмъ иначе бывало въ обѣихъ Силезіяхъ, на Спижѣ въ Галиціи и до рѣки Пилицы по 1807 годъ, подъ австрійскимъ правительствомъ и въ польско-прусскихъ провинціяхъ.

Вы можетъ быть возразите: а что сдѣлалось съ нашимъ языкомъ позже? Вотъ отвѣтъ: сдѣлалось то, что непремѣнно должны были вызвать наши prozbiorowe aspiracye—непризнаваніе Верховной власти, стремленія къ независимости, заговоры, возстанія и проч. и проч., чѣмъ мы въ высшей степени утомили русское правительство и убили въ немъ всякое довѣріе къ намъ, не какъ къ полякамъ и какъ къ католикамъ, а къ католикамъ-революціонерамъ, къ лже-католикамъ.

Революціонный католицизмъ будетъ прогнанъ отовсюду, какъ изъ монархіи, такъ изъ самой либеральной республики, но истинный католицизмъ никогда не былъ, не есть и не будетъ революціоннымъ!

Правда, что съ католицизмомъ также худо обращаются нынѣшніе сумасброды правители Франціи, какъ и бельгійскіе не либералы, а либертины, швейцарскіе и итальянскіе либертины, но русское правительство, если выказывало недовѣріе къ нашей Церкви, то не тогда, когда мы были католиками, ибо мы ими не бывали никогда подъ скипетромъ Россіи, а когда мы были лже-католиками, и революціоннаго нашего лже-католичества мы не переставали употреблять какъ орудіе для заговоровъ, возстаній и нашихъ „порозбёровыхъ аспирацій“ къ независимости!

Господа редакторы, я отъ васъ ничего не ожидаю кромѣ крика, что я отступникъ, что я преступникъ, ибо пишу правду на своихъ и проч.

Я отступникъ? согласенъ, но согласенъ только съ тѣмъ, что я отступникъ отъ нашей исторической лжи, я отступникъ отъ нашей народной ненависти къ русскимъ и къ Россіи, я отступникъ отъ нашего революціоннаго духа, отступникъ нашего особеннаго, намъ свойственнаго лже-католичества, отступникъ нашей гордости, но я не былъ, не есмь и никогда не буду, по Божіей милости, отступникомъ своей національности и своей не лже, а истинной католической, ватиканской, папской вѣры, незыблемой въ своихъ основаніяхъ въ отношеніи политической легальности. Я никогда не былъ, не есмь и не буду отступникомъ истиннаго патріотизма, но въ то же время я утверждаю, что я отступникъ вашего лже-патріотизма, то есть такого, который лжетъ во славу націи, который ненавидитъ, который презираетъ, который живетъ „порозбёровыми аспираціями“ и навлекаетъ новыя стѣсненія и затрудненія на нашу національность.

Господа! вы упрекнете меня въ томъ, что я возстаю на свой народъ, и вотъ мой отвѣтъ:

Народъ нашъ не виноватъ: онъ заслуживаетъ снисхожденія, потому что онъ вовлеченъ въ заблужденіе относительно нашей исторіи, относительно естественной причины нашихъ затрудненій, неистовыхъ католическихъ понятій, относительно Верховной власти и истиннаго христіанскаго патріотизма. Народъ вѣритъ интеллигенціи и ея органамъ, вѣритъ духовенству....

Такъ кто же виноватъ въ заблужденіи народа? вы, господа, и революціонное прошедшее духовенства.

Я знаю, что ни одинъ журналъ не можетъ существовать, если его редакція осмѣлится идти въ разрѣзъ съ общественнымъ, хотя бы и самымъ ложнымъ мнѣніемъ. Онъ лишился бы вдругъ подписчиковъ.

Но я знаю также, что журналы и газеты могутъ также руководить общественнымъ мнѣніемъ преимущественно тогда, когда разныя редакціи сговорятся между собой, чтобъ писать въ новомъ, болѣе точномъ направленіи.

Редакціи польскихъ журналовъ уже давно видятъ, куда заведена наша національность теперешнимъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія. Справедливо ли общественное мнѣніе? не надо ли дать ему другаго направленія, болѣе сходнаго съ правдой, съ вѣрой и съ истинною пользой народа? Имѣютъ ли редакціи журналовъ и газетъ право упорствовать во лжи и несправедливости? Не онѣ ли будутъ отвѣчать предъ судомъ исторіи и, что гораздо важнѣе, предъ страшнымъ судомъ Всевышняго?

Да будутъ прокляты вся наша патріотическая ложь и революціонное направленіе нашего патріотизма!

Несчастенъ народъ, котораго журналисты питаютъ ложью!

Несчастенъ народъ, патріотизму котораго не даютъ хорошаго направленія!

Господа редакторы польскихъ журналовъ, очнитесь!

Вы пишете, правда, *что народъ нашъ не думаетъ ни о какихъ возмущеніяхъ, что онъ желаетъ работать и просвѣщаться.*

Хорошо! очень хорошо!! но развѣ не самая святая работа, развѣ не самое основательное просвѣщеніе узнать что ложь, а что правда? что предубѣжденіе, а что сущность? что кривда, а что справедливость?

Ложь, предубѣжденія, кривда погубятъ насъ окончательно!

Мы лишились довѣрія правительства, уваженія русскаго народа за что? за любовь свою къ отечеству, къ національности и вѣрѣ? какъ говорятъ многіе. Неправда! неправда!!

Мы лишились довѣрія правительства и уваженія русскаго народа и мы вызвали съ ихъ стороны стѣсненія противъ насъ не за любовь къ своей національности, которую они долго, долго уважали, но за неизмѣнно революціонное направленіе этой любви, за не политичную и вмѣстѣ не христіанскую ненависть ко всему русскому, за упрямое неуваженіе того добра, которое оказывало правительство и русскіе государственные люди нашему языку и словесности, за употребленіе католической нашей вѣры, въ основаніи вовсе не революціонной, какъ орудія революціонныхъ стремленій.

Вотъ гдѣ правда! предъ исторіей и предъ Богомъ, предъ страшнымъ Его судомъ!!....

„Московскія Вѣдомости“ въ № 182 за іюль 1883 г. выставили на видъ „протестъ“ какого-то тайнаго варшавскаго общества противъ коронованія, помѣщенный въ львовскомъ галиційскомъ журналѣ „Gazeta Narodowa“ отъ 15 мая 1883 года, № 108.

Мы не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ, читая объ этомъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Мы постарались провѣрить извѣстіе. Увы! оно было вѣрно!!!

Въ протестѣ говорится:

„что онъ составленъ скрытыми (вотъ и тайное общество!!!) представителями всѣхъ сословій, какъ гражданскихъ, такъ и духовныхъ (!), что поляки подъ русскимъ правительствомъ были гонимы ужаснѣе, нежели первые христіане (неужели?), что на коронованіе стоитъ послать лишь кровавый польскій покровъ, что Польша въ давнихъ предѣлахъ выставляетъ свои вѣковыя права, что она не будетъ въ Кремлѣ и что она вопіетъ къ небу....“

Львовская „Gazeta Narodowa“ имѣетъ, вѣроятно, своихъ довѣренныхъ корреспондентовъ въ Варшавѣ, такъ что можно полагать, что этотъ протестъ не подложный.

Собралась, можетъ быть, дюжина революціонеровъ, лже-католиковъ, лже-христіанъ, мародеровъ 1863 года, нашелся быть можетъ между ними какой нибудь лже-богословъ, признавшіе себя (и какъ же бы нѣтъ?) представителями, уполномоченными цѣлаго народа, и отъ имени цѣлаго народа составили протестъ противъ коронованія, какъ въ 1863 году шестеро заговорщиковъ во имя цѣлаго народа рѣшили сдѣлать возстаніе!

Эти новые протестующіе лже-представители народа болѣе нежели простые убійцы, ибо они убійцы народа. У нихъ нѣтъ не только ни капли разума, но и ни капли сожалѣнія къ самымъ дорогимъ интересамъ національности и вѣры.

Эти самозванные представители народа, равно какъ и вся редакція львовскаго журнала „Gazeta Narodowa“, произнесли на себя онымъ протестомъ приговоръ страшнаго суда предъ Богомъ, предъ народомъ и предъ исторіей.

Тотъ лже-богословъ, который вмѣшался въ это дѣло, подвергся этимъ самымъ фактомъ проклятію и отлученію отъ церкви.

Польское общество, польскіе журналы, преимущественно считающіеся католическими, должны поднять голосъ противъ онаго протеста, противъ оныхъ новыхъ и скрытыхъ самозванныхъ, преступныхъ лже-представителей народа, тѣмъ болѣе, что оная же „Gazeta Narodowa“ въ № 117, отъ 26 мая 1883 года вновь объявила, что для вышепомянутаго протеста собрано въ Варшавѣ 10,000 подписей и что „за этимъ числомъ скрываются милліоны“!

Этого быть не можетъ! это неправда! это ложь, святотатственная ложь! Но надо публично заявить, что это ложь, потому что наше прошедшее говоритъ противъ насъ, выставляя протестъ возможнымъ.

Промолчите ли вы, господа редакторы польскихъ газетъ? Или вы не знаете латинской пословицы: qui tacet consentire videtur, кто молчитъ, тотъ видимо соглашается?

Если вы не возвысите голоса, вы, наставленные опытомъ нашихъ страшныхъ ошибокъ въ прошедшемъ, то вы сдѣлаетесь предателями нашей національности, которой вы считаетесь якобы самыми горячими приверженцами.

Я осмѣлюсь, господа редакторы, сдѣлать вамъ серьезный упрекъ въ томъ, какъ вы обращались съ отзывами многихъ русскихъ журналовъ, которые пишутъ статьи о примиреніи русской и польской національностей.

Вы возразите, что я не имѣю права дѣлать вамъ упрековъ.

Господа, каждый полякъ имѣетъ на то право, если онъ видитъ, что его соотечественники попираютъ святые принципы разумной любви и основанія общественныхъ международныхъ сношеній.

Были-ли мы разумны въ отношеніи оной любви?

Гордо молчать и дуться, когда русскіе столько разъ подымаютъ и не перестаютъ подымать вопроса „о примиреніи?“ Развѣ это не благородно съ ихъ стороны? развѣ они не заслуживаютъ, чтобъ поблагодарить ихъ за это вѣжливо и чистосердечно?

Послушайте: до Сольферино и Садовой, когда съ 1772 года Галиція находилась подъ неимовѣрнымъ гнетомъ австрійцевъ, развѣ эти послѣдніе относились когда либо къ полякамъ такъ, какъ относились къ намъ русскіе въ прошедшемъ, безъ всякихъ Сольферинovъ и Садовыхъ?

Если вы, быть можетъ, возразите, господа: „что же мы можемъ сказать русскимъ на счетъ примиренія? какія должны быть условія онаго?“ то я осмѣлюсь дать вамъ такой совѣтъ. Скажите такъ:

„Благодаримъ васъ, русскіе славяне, за вашъ благородный отзывъ о примиреніи. Мы чувствуемъ, что намъ нельзя предлагать условій. Намъ возможно сказать только, что мы научились уже тому, что не Россія, не русскіе были причиной паденія древней Польши, что послѣ паденія оной Россія охраняла нашъ языкъ и нашу національность, что подъ скипетромъ Русскихъ Царей жила и процвѣтала наша словесность; что и наша католическая вѣра испытала много добра отъ Россіи, хотя и православной; что если наше положеніе подъ властью Россіи было часто сопряжено съ затрудненіями, то причиною тому были не Русскіе Цари, не русскій народъ, а наши заговоры и стремленія къ независимости. Не будь этого, мы могли бы благоденствовать всегда подъ властью русскаго правительства, равно какъ наша національность въ родственной связи съ русскою. Мы отдаемъ вамъ справедливость и дѣлаемъ это чистосердечно во всеуслышаніе“.

Если же вы, русскіе славяне, непремѣнно желаете знать наши условія примиренія нашей національности съ вашею, вотъ они:

„Русскій Императоръ, Польскій Царь, есть нашъ общій законный Государь!

Мы отнынѣ, по правиламъ нашей Церкви, станемъ смотрѣть на Него, какъ еслибъ Онъ, Русскій, былъ коронованный полякъ.

Мы никогда не нарушимъ присяги въ вѣрности, данной Императору, Царю нашему.

Въ силу ученія нашей Церкви, мы строго осуждаемъ наши заговоры и возстанія въ прошедшемъ и въ силу того же ученія впредь не перестанемъ быть вѣрными подданными.

Россія можетъ не безпокоиться, что мы когда-либо снова возмутимся; относительно нашей вѣры мы признаемъ, что мы

долго и долго были революціонными католиками, почти что еретиками; съ этихъ же поръ мы будемъ римскими католиками, т. е. не революціонерами.

Мы желаемъ работать мирно и мирно развиваться въ умственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, чему вы, русскіе (съ 1772 по 1839 годъ и съ 1855 по 1864 годъ) не препятствовали болѣе нежели въ продолженіе полустолѣтія (въ теченіе 76 лѣтъ), и мы сожалѣемъ, что своими заговорами мы вооружали васъ противъ себя.

Мы строго осуждаемъ всѣ выходки галицкихъ и познанскихъ газетъ противъ Россіи и не считаемъ себя съ ними солидарными.

Мы проклинаемъ протестъ противъ коронованія, ложно помѣщенный отъ имени народа, преимущественно Варшавы, въ львовскомъ журналѣ „Gazeta Narodowa“.

Политическая судьба народовъ не въ рукахъ людей, а въ Божіей десницѣ; поэтому мы мечтаемъ не о независимости, а лишь о національности нашей, которую вы, русскіе, одни послѣ паденія древней Польши почитали, уважали и развитію которой способствовали [1]).

Вы не желали ни обезполячить, ни обезкатоличить насъ, восклицаемъ мы во всеуслышаніе, и если въ этомъ отношеніи появилось что нибудь противное, то это вызывали мы сами.

Говорить болѣе нечего; уладить подробности нашего примиренія не наше дѣло, а дѣло великодушія Императора, Царя нашего, и славянской доброты русскихъ сердецъ.

Надъ этимъ всѣмъ да царствуетъ вдохновеніе Всевышняго Промысла!“

Вотъ, господа редакторы, программа, основанная не на лжи, а на истинѣ, не на ненависти, а на любви, не на гордости, а на прямодушіи, не на изворотахъ, а на чистосердечіи, не на спорѣ, а на мирѣ, не на мечтахъ, а на практичности, не на лже-католической, а на истинно-римско-католической вѣрѣ.

Избирайте, что хотите: ложь или ненависть, гордость, извороты, неравный споръ, мечты, лже-католичество и ересь, или же истину,

---

[1]) „Najwyższy panuje w Królewstwie ludzi, a komukolwiek zechce daje“. (Daniel IV, 14).

Мирныя работы на пользу національности вели за собой благоденствіе покоренныхъ народовъ (Финляндія, Курляндцы, Богемія съ 1840 годовъ). Стремленія лишь къ независимости и революціи порождали только несчастіе. Богъ одинъ внѣшними катаклизмами измѣняетъ судьбу народовъ.

справедливость, любовь, чистосердечіе, миръ, практичность и дѣйствительно римско-католическую вѣру.

Если вы изберете послѣднее, то вы оставите ваше гордое молчаніе и на призывъ русскихъ о примиреніи вы отвѣтите достойно вашей вѣрѣ и истиннаго, здраваго политическаго смысла, да! да! дѣйствительной, не лживой, не фантастической, не обманчивой любви къ вѣрѣ и къ національности!

Патріотъ не тотъ, кто ненавидитъ и бунтуется, кто отрицаетъ правду, кто мечтаетъ, кто вызываетъ сильнѣйшаго, но тотъ, кто любитъ, кто миренъ, кто практиченъ, кто повинуется своей вѣрѣ, наставляющей: никогда не бунтоваться; коль скоро Государь царствуетъ, то подданные должны смотрѣть на Него, какъ на своего природнаго Государя и никогда не прекословить правамъ Его и Его законности.

А теперь я обращусь къ нашему духовенству. Я спрашиваю его публично: правду или ложь написалъ я?

Вѣдь духовенство также имѣетъ свой органъ Przegląd Katolicki, пусть оно дастъ мнѣ отвѣтъ!

Признаваясь еще разъ въ томъ, что я люблю свою національность и что я римскій католикъ, что я ультрамонтанъ, имѣю честь оставаться вашимъ,

господа редакторы русскихъ и польскихъ газетъ и журналовъ,
покорнѣйшимъ слугой во Христѣ Спасителѣ

Ультрамонтанъ-Полякъ.

Варшава.
Октябрь 1884 года.

Таковъ этотъ интересный документъ. Страстность и искренность повидимому не подлежатъ сомнѣнію, но сквозь всю эту страстность проглядываетъ глубокое увлеченіе, глубокая политическая ошибка.

Нѣтъ, не распутываетъ авторъ сложныхъ отношеній внутри самой римской Церкви, не снимаетъ съ нея жестокихъ обвиненій.

Онъ можетъ быть не умышленно, но, тѣмъ не менѣе, явно обходитъ существеннѣйшій признакъ римскаго ученія, его чудовищную нетерпимость, его стремленіе овладѣть цѣлымъ міромъ, его революціонную воинственность, его нежеланіе терпѣть рядомъ съ собою какое бы то ни было иное вѣрованіе.

Что касается спеціально Польши, авторъ не упоминаетъ ни словомъ о религіозномъ фанатизмѣ, этомъ неразлучномъ спутникѣ католицизма.

Сквозь всю польскую исторію тянутся непрерывною линіей всевозможныя, иногда бѣшенныя религіозныя преслѣдованія, оторвавшія отъ Рѣчи Посполитой сначала Украину, затѣмъ приведшія ее къ полному разложенію и окончившіяся вмѣстѣ съ политическою смертью польскаго государства.

Испоконъ вѣка папство считало себя выше свѣтской власти, третировало государей какъ своихъ слугъ, пока это было можно, подкапывалось подъ нихъ, когда они перестали быть покорными рабами, стали отводить вопросамъ вѣры только нравственное, а не политическое значеніе.

Пусть явно папы говорили, что власть государя священна и обязательна. Не выступая открыто, они посылали противъ нея тайную армію—іезуитовъ, и эта армія, защищая по своему верховный принципъ папства, не останавливалась ни передъ чѣмъ. Достаточно вспомнить Равальяка! Пусть авторъ начнетъ искренно очищать христіанское католическое ученіе отъ вѣковыхъ политическихъ его наслоеній. Что останется отъ идеи папства? развѣ непогрѣшимость или, какъ ее называетъ авторъ, „вѣронеошибочность“ религіозный, а не чисто-политическій догматъ.

Образцы Западно-русскаго письма и печати XVI-го столѣтія.

Разработка, обнародованіе и изученіе памятниковъ древней западно-русской литературы и письменности пролило яркій свѣтъ на прошлое Западной Руси и раскрыло весьма много такихъ сторонъ въ жизни и исторіи западнорусскаго народа, которыя до сихъ поръ или совсѣмъ не были извѣстны или оставляемы были въ тѣни. Теперь уже не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что княжество Литовское было литовскимъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ оно было княжествомъ русскимъ. Теперь трудно увѣрить кого либо въ томъ, что княжество Литовское и земли входившія въ составъ его—земли польскія, какъ это вопреки исторіи, этнографіи и истинѣ продолжаютъ твердить современные польскіе публицисты. Что западный край, входившій нѣкогда въ составъ Великаго Княжества Литовскаго и находившійся нѣкоторое время подъ властью Польши, былъ искони краемъ русскимъ, съ русскимъ государственнымъ строемъ, русскимъ складомъ общественной жизни, русскимъ языкомъ и религіею,—доказательствомъ этому служатъ безчисленные документы и литературные памятники частью уже обнародованные, частью хранящіеся въ архивахъ, и доказательства эти таковы, что ихъ нельзя опровергнуть никакими софизмами. Основываясь на этихъ документахъ, можно составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе о прошлыхъ судьбахъ русскаго народа и русскаго языка въ Западной Руси.

Междоусобія русскихъ князей по смерти Ярослава I, а затѣмъ, какъ печальное слѣдствіе этихъ междоусобій, покореніе Руси монголами совершенно ослабили власть русскихъ князей и дали возможность Литовскимъ князьямъ окрѣпнуть и утвердить свою верховную власть не только въ собственно Литовской землѣ, но и въ областяхъ населенныхъ сплошь племенами славянскими. Это подчиненіе русскихъ областей Литовскимъ князьямъ было ознаменовано фактомъ въ высшей степени замѣчательнымъ, хотя и не единичнымъ въ исторіи: побѣдители очутились въ роли побѣжденныхъ, совершенно подчинившись многостороннему и сильному вліянію покоренныхъ русскихъ. Всѣ писатели согласно утверждаютъ, что Литовцы, по мѣрѣ того какъ расширяли свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ русскихъ княжествъ, все болѣе и болѣе русѣли и уже въ XIII вѣкѣ приняли русскую цивилизацію и русскій языкъ и сдѣлали его у себя языкомъ двора, науки, судопроизводства, администраціи и дипломатіи. Сосѣди могли понимать Литовцевъ и сноситься съ ними только при посредствѣ русскаго языка. Желая упрочить свою власть надъ русскими областями, литовскіе князья охотно и часто вступали въ родственныя связи съ князьями русскими—роднились не только по языку, но и по крови. Благодаря этому родству литовскихъ князей съ русскими, присвоеніе Литовцами власти надъ западною Русью не произвело въ ней перемѣны. Русская жизнь шла своимъ чередомъ и русскій языкъ былъ въ всеобщемъ употребленіи на всемъ пространствѣ Великаго Княжества Литовскаго, не только среди коренныхъ русскихъ, но и въ средѣ коренныхъ Литовцевъ, въ томъ числѣ и въ княжескомъ родѣ. Такъ великій князь Ягелло по-польски совсѣмъ не умѣлъ. Витовтъ постоянно говорилъ по-русски и писалъ на русскомъ языкѣ. Свидригайло былъ великимъ поборникомъ русской народности и русскаго языка, за что, по интригамъ поляковъ, лишенъ былъ и княжества въ 1432 г. Казиміръ, сынъ Ягеллы и Сигизмундъ Казимировичъ тоже благопріятствовали русской народности и русскимъ началамъ въ Литвѣ. Сами подданные Литовскаго княжества иначе не называли себя, какъ русскими; римскіе католики называли себя „русскими римскаго закона“, православные же „русскими греческаго закона“. Такъ въ 1433 году Владиславомъ, сыномъ Ягеллы, дарована привиллегія „русскому дворянству римскаго закона“; въ 1445 Казиміромъ Ягайловичемъ такая же привиллегія дана „русскому дворянству греческаго закона“.

Что касается судопроизводства и администраціи, то здѣсь съ особою силою отразилось русское вліяніе, что и понятно, такъ какъ русскія права и обычаи, благодаря древности и привычкѣ къ нимъ народа, имѣли въ глазахъ его болѣе значенія, чѣмъ право иноземное, напр. Магдебургское, дарованное Ягайломъ Вильнѣ въ 1387 году. Законоположенія Русской Правды, какъ болѣе соотвѣтственныя странѣ и обычаямъ народа, были издавна приняты и дѣйствовали въ Литвѣ, а впослѣдствіи вошли въ составъ Литовскаго Статута. Нечего и говорить о томъ, что всѣ законоположенія, собранныя въ Литовскомъ Статутѣ, были писаны языкомъ русскимъ, какъ объ этомъ упоминаетъ канцлеръ великаго княжества Литовскаго Левъ Сапѣга, приготовившій, по повелѣнію короля Сигизмунда III, изданіе Статута: „если которому народу

встыдъ правъ своихъ не умѣти, поготовю (тѣмъ болѣе) намъ, которые не обчимъ якимъ языкомъ, але своимъ власнымъ (т. е. русскимъ) права списанные маемъ".

Самою цвѣтущею эпохой русскаго языка въ Литвѣ были XV, XVI и начало XVII столѣтія. Всѣ судебные и административные акты за это время, даже на Жмуди, т. е. въ самомъ центрѣ Литовскаго племени, писаны не иначе, какъ на русскомъ языкѣ, какъ это и требовалось Статутомъ. Земскій писарь обязанъ былъ всѣ бумаги, выписи и позвы писать не на иномъ какомъ либо языкѣ и не иными словами, какъ только на русскомъ и по-русски, буквами и словами русскими (Разд. IV, артик. 1, пунктъ 4). Только съ половины XVII столѣтія начинаютъ мало-по-малу употреблять въ актахъ и польскій языкъ, хотя и весьма рѣдко. Только въ 1697 году послѣдовало формальное запрещеніе употреблять русскій языкъ въ верховныхъ судахъ. Тѣмъ не менѣе въ низшихъ судахъ, особенно въ судахъ руководствовавшихся магдебургскимъ правомъ, русскій языкъ употреблялся и въ XVIII вѣкѣ. О значеніи русскаго языка въ Литвѣ и о русскихъ началахъ въ этомъ краѣ современникъ Иванъ-Казимиръ Пашкевичъ въ 1621 году писалъ такъ: „Польша процвѣтаетъ латынью, Литва и Жмудь русчизною; безъ той нельзя обойтись въ Польшѣ, безъ сей будешь въ Литвѣ и на Жмуди словно дуракъ. Благодаря латинскому языку, Польша въ состояніи говорить, Литва и Жмудь безъ русскаго языка существовать не въ состояніи. Знай Русь, что твоя слава разнеслась по всему свѣту, радуйся русскій, твоя слава никогда не исчезнетъ".

Наконецъ о широкомъ развитіи въ старину русскихъ началъ въ Литвѣ можно судить и по дѣлу книгопечатанія. Что русскій языкъ пользовался самымъ широкимъ распространеніемъ въ краѣ, что на русскія книги былъ большой спросъ, это доказывается тѣмъ, что первая типографія въ краѣ была типографія русская, виленская, такъ называемая типографія старшаго градоначальника Вильны Бабича. Она уже въ 1525 году напечатала Дѣянія и Посланія апостольскія въ переводѣ Скорины. Слѣдующая за нею по времени учрежденія типографія Несвижская, основанная княземъ Радзивиломъ Чернымъ около 1558 года, печатала книги до 1570 года исключительно по-русски. Въ томъ же XVI вѣкѣ въ Вильнѣ работали и другія русскія типографіи, какъ то Лелонга, Ленчинскаго, Гарабурды и братьевъ Луки, Кузьмы и Льва Мамоничей. Послѣдняя типографія, существовавшая дольше другихъ, успѣла напечатать весьма много книгъ на русскомъ языкѣ. Даже въ концѣ XVII и въ XVIII столѣтіи, въ эпоху наибольшаго усиленія полонизма, въ Западной Руси существовали и дѣйствовали русскія типографіи въ Вильнѣ, Евьѣ и Супрасльскомъ монастырѣ Бѣлостокскаго уѣзда.

Такимъ образомъ изъ древнихъ письменныхъ памятниковъ и несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ ясно видно, что весь, такъ называемый, Сѣверозападный край, со включеніемъ даже Литвы и Жмуди, въ старину былъ краемъ русскимъ не только по численному преобладанію въ немъ русскихъ этнографическихъ элементовъ, но и по государственному строю, складу жизни, языку, религіи и только по роковому стеченію обстоятельствъ подпалъ на продолжительное время подъ власть Польши, которая съ теченіемъ времени вслѣдствіе своего политическаго неблагоразумія и себя сгубила и русскому краю причинила не мало горя.

Прилагаемые здѣсь снимки имѣютъ въ виду дать читателю болѣе наглядное представленіе о письмѣ и печати, употреблявшихся въ Западной Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Сдѣланы эти снимки съ оригиналовъ, хранящихся частью въ Виленской публичной библіотекѣ, частью въ Виленск. центральномъ архивѣ.

№ 1. Туровское евангеліе XI вѣка.

Это древнѣйшій памятникъ русской письменности, появившійся на свѣтъ, очевидно, въ то время, когда вся Русь и южная, и западная и восточная жили одною политическою жизнію и говорили однимъ даже нарѣчіемъ. Большое сходство этого памятника съ Остромировымъ евангеліемъ и по языку и по начертанію буквъ много говоритъ въ пользу духовнаго единенія двухъ частей древней Руси: сѣверной и южной. Само евангеліе, хранящееся нынѣ въ Публичной Библіотекѣ, сильно пострадало отъ времени: сохранилось только 10 листовъ. Писано оно на пергаменѣ. Найдено въ Туровѣ, минской губерніи, въ одной изъ церквей. Оно подробно описано въ опис. рукоп. Вил. Публичной Библіотеки. Снята здѣсь 14 страница этого евангелія.

№ 2. Грамота Сигизмунда I г. Трокамъ, 1516 г. августа 10.

Грамота эта, относящаяся къ самому началу XVI столѣтія, говоритъ о томъ, что король Сигизмундъ I, снисходя на ходатайство обѣднѣвшихъ жителей г. Трокъ, разрѣшаетъ имъ открыть въ городѣ двѣ ярмарки по собственному ихъ усмотрѣнію, съ тѣмъ, чтобы въ эти ярмарочные дни всѣ купцы великаго княжества Литовскаго торговали безпошлинно. Подлинникъ написанъ на пергаменѣ, въ нижней части котораго виситъ шолковый малиновый шнурокъ; но печати нѣтъ. Хранится въ Виленск. Центр. Архивѣ.

№ 3. Апостолъ 1525 года.

Апостолъ напечатанъ въ Вильнѣ, въ 1525 году, въ типографіи Якуба Бабича. Это первая книга, напечатанная въ предѣлахъ нашего оте-

чества, такъ какъ первая типографія въ Москвѣ открыта только тридцать лѣтъ спустя. Францискъ Скорина, родомъ Полочанинъ, хотя и католикъ, усердно переводилъ книги Св. Писанія на русскій языкъ и напечаталъ ихъ частью въ Прагѣ, а частью въ Вильнѣ. Въ этомъ Апостолѣ заслуживаетъ вниманія чистота и четкость шрифта и отчетливость набора, дѣлающаго честь первому типографщику *первой* въ Россіи русской книги. Экземпляровъ этой книги сохранилось немного и они цѣнятся очень высоко. Экземпляръ, хранящійся въ Публичной Библіотекѣ, съ котораго и снята выходная страница, непольный, такъ какъ въ немъ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ

№ 4. Судебное рѣшеніе Ковенскаго магистрата 1543 года.

Нѣкоторые мѣщане города Ковны жалуются другъ на друга за разныя обиды. Документъ, образецъ котораго здѣсь прилагается, представляетъ собою судебное разбирательство по этимъ жалобамъ; онъ служитъ доказательствомъ, что даже въ центрѣ Литвы, среди коренныхъ Литовцевъ, судопроизводство совершалось по-русски. Самый документъ записанъ въ актовой книгѣ Ковенскаго магистрата (стр. 20), находящейся въ Виленскомъ Центр. Архивѣ подъ № 13839.

№ 5. Литовскій Статутъ.

Статутъ Литовскій, существовавшій первоначально въ рукописяхъ, впервые былъ напечатанъ въ 1588 году по-русски въ Вильнѣ, въ типографіи братьевъ Мамоничей. Напечатанъ онъ былъ сразу въ трехъ изданіяхъ, въ чемъ убѣждаетъ нѣкоторая разность въ бумагѣ и въ самыхъ буквахъ, замѣчаемая въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Очень можетъ быть, что онъ нѣсколько разъ перепечатывался, но всякій разъ выставлялся 1588 годъ, такъ какъ только это изданіе было напечатано по распоряженію короля Сигизмунда III, а послѣ 1588 года польское правительство, повидимому, не давало дозволенія на печатаніе Статута по-русски, намѣреваясь ввести въ судопроизводство польскій языкъ. Шрифтъ, употребленный типографіей для напечатанія Статута, до того близокъ къ современному рукописному, что не знатокъ легко можетъ быть введенъ въ заблужденіе. Статутъ служитъ памятникомъ не только Литовскаго законодательства, но и древней русской письменности въ Литвѣ и во всей западной Россіи. Онъ лучше всѣхъ другихъ свидѣтельствъ напоминаетъ Западноруссамъ, что они коренные русскіе и что природный языкъ ихъ русскій, который весьма мало отличался отъ великорусскаго нарѣчія. Существовалъ и польскій переводъ Статута, но онъ былъ впервые напечатанъ только спустя 26 лѣтъ послѣ выхода русскаго изданія, именно въ 1614 году. Изданіе 1588 года, образчикъ

котораго здѣсь прилагается, получило законную силу и дѣйствовало въ сѣверозападномъ и югозападномъ краѣ до 1840 года, когда литовскій Статутъ былъ замѣненъ русскимъ сводомъ законовъ.

№ 6. Помянникъ или Синодикъ Супрасльскій.

Въ Виленской Публичной Библіотекѣ хранится рукопись подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, писанная въ 1631 г. Рукопись эта представляетъ собою копію съ пергаменнаго оригинала, принадлежащаго Супрасльскому монастырю. Замѣчателенъ этотъ памятникъ въ томъ отношеніи, что въ немъ поименованы многія еще и нынѣ не угасшія знатныя фамиліи западнорусскихъ бояръ и дворянъ, впослѣдствіи отступившихъ отъ православія и принявшихъ католичество. Предки лицъ, записанныхъ въ этомъ помянникѣ, несомнѣнно принадлежали къ православной церкви, дѣлали пожертвованія Супрасльскому монастырю и записывали свои имена въ монастырскій синодикъ для вѣчнаго поминовенія. Такихъ фамилій въ помянникѣ записано до 300, не считая именъ митрополитовъ, епископовъ и монашествующихъ. Записываніе въ этотъ синодикъ производилось до половины настоящаго столѣтія, когда Супрасльскій монастырь давно уже перешелъ въ руки уніатовъ, почему подъ конецъ въ немъ встрѣчаются имена, употребляемыя въ католической церкви. Здѣсь прилагается снимокъ только одной страницы, на которой вписаны имена фамиліи князей Вишневецкихъ и Тышкевичей.

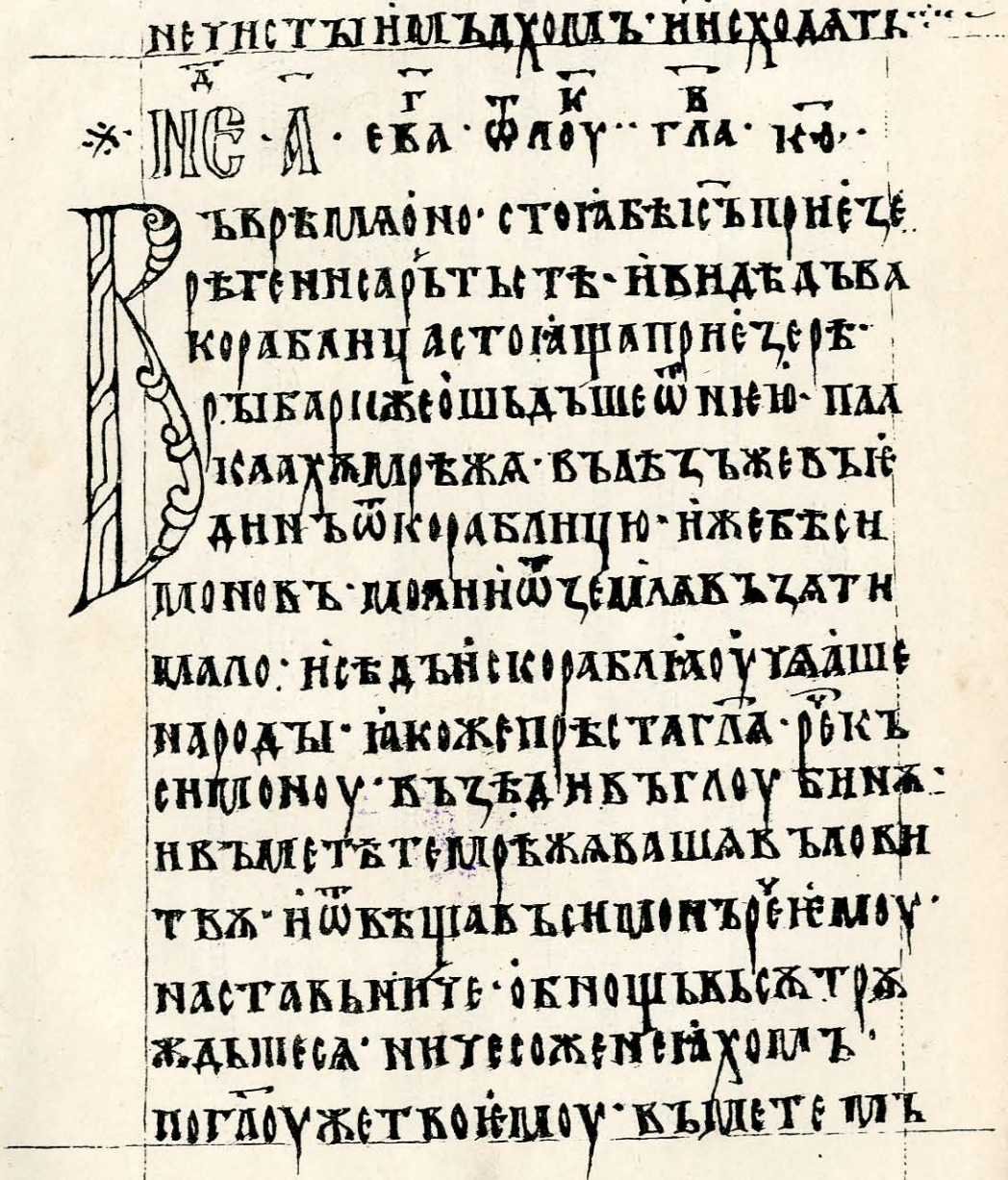
№ 1.

нечистыимъ духомъ исходять.

Недѣля а̃ (1). Евангеліе отъ Луки, глава кѳ̃ (29). Въ врѣмя оно стоя бѣ Іисусъ при езерѣ Геннсарьтьстѣ и видѣ дъва кораблица стояща при езерѣ, рыбари же ошьдъше отъ нею плакааху мрѣжя; вълѣзъ же въ единъ отъ кораблицю, иже бѣ Симоновъ моли и отъ земля възяти мало, и сѣдъ и съ корабля учяаше народы, яко же преста глаголя, рече къ Симону: възѣди въ глубину и въметѣте мрѣжя вашя въ ловитву и отвѣщавъ Симонъ рече Ему: Наставьниче обнощь вьсю труждьшеся ничесоже не яхомъ, по глаголу же Твоему въметемъ.

BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA W WARSZAWIE * 1816 *

№ 1



ХРАНИТСЯ ВЪ ВИЛЕН. ПУБЛИЧ. БИБЛІОТѢКѢ

Литографія Н. Мацъ, Вильна.

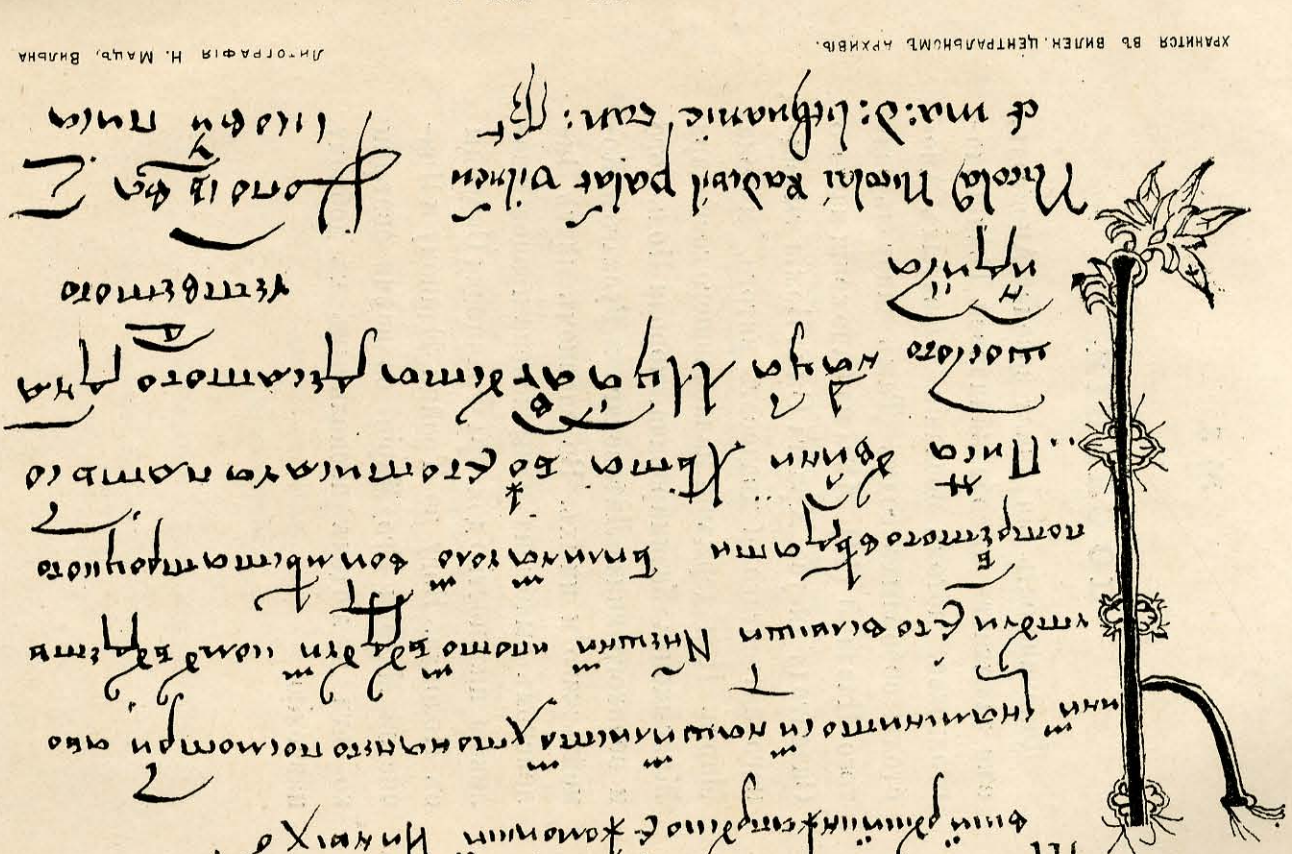
Дозволено цензурою 13 Января 1887 г. Вильна.

№ 2.

Жикгимонтъ, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, княжа Пруское, Жомоитскій и иныхъ.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его вслышитъ, нинешнимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того вѣдати. Били намъ чоломъ войтъ мѣста Троцкого . . . . Писанъ у Вильни лѣта Божьего тисеча пятьсотъ шестогонадцать, мѣсеца августа десятого дня, индикта четвертого.

Nicolaus Nicolai Radivil, palatinus Vilnensis et magni ducatus Lithuanie canc. m. p. Копоть Васковичъ писарь.



№ 2.

Хранится въ Виленск. центральномъ архивѣ.

Литография Н. Маца, Вильна

Дозволено цензурою 13 Января 1887 г. Вильна.

№ 3.

ПОСЛАНІЯ.

Доконана есть сія книга зовемая Апостолъ, еже замыкаетъ въ собе найпервей Дѣянія апостольскаа, потомъ посланіе и святыхъ Апостолъ, соборныхъ седмъ. Тажъ епистолъ святого Павла ді (14). Лѣта по нароженіи нашего Спасителя Іисуса Христа Сына Божія тысещнаго пятьсотаго и двадесеть пятого, мѣсеца Марта. При держаніи наласкавшего господаря Жикгымонта Казимировича, короля Польского и великого князя Литовскаго и Рускаго и Жомойтьскаго и иныхъ. Во славномъ мѣстѣ Виленскомъ выложена и вытиснена працею и великою пильностію доктора Франциска Скорины съ Полоцка. Богу во Тройци Единому и Пречистой Матери Его Маріи со всѣми светыми ко чьти и людемъ посполитымъ къ доброму навченію.

№ 3

ПОСЛАНИЯ:~

Доконана є сія книга зовемая Апостолъ, єже замыкаєє всее найпереєи дѣяния апѣльская. Потома посланіеи сѣтыхъ апостолъ, соборныхъ седмъ:~ Тяжъ єпистолъ сѣтго пяєля ді:~ Лѣта по нароженіи нашего спасителя їсѣ хрѣта сына божия. Тысѣщнаго, пятьсотаго, идевдесеть пятого. Мѣсеця мартя:~ Придержанїи няяскявшего господара Жикгымонтя Казїмировичя, Короля польского. И вѣликого князя Литовскаго, И рускаго, И жомойтьскаго И иныхъ. Сослявеном мѣстѣ енлѣйском выложенія, и вытисненя. Працею иєєликою пильностию. Доктора франциска скорины сполоцкя:~ Богу вотройци єдиному. И пречѣтои мятери єго мярїи, сов семи светыми кочьти. И людем посполитымъ кдоброму нявченію:~

ХРАНИТСЯ ВЪ ВИЛЕН. ПУБЛИЧ. БИБЛІОТЕКѢ.

Дозволено цензурою 13 Января 1887 г. Вильна.

Литографія Н. Маць, Вильна.

№ 4.

За тымъ приполъ тотъ Юрьи Кнобели, а зъ нимъ приишолъ Мись Крамникъ, а Якубъ Жидевичъ и стоячи Юрьи Кнобелисъ почалъ говорити; што жаловалъ Шимко, ижъ быхъ его збилъ, ино я къ тому знаюся: коли Шимко почалъ на Мися лихии слова говорити и лаяти, я, правда, за то его есми вдарилъ, штобы людей добрыхъ въ дому моемъ не лаелъ и не соромотилъ. Тутъ жо стоячи Якубъ Жидевичъ жаловалъ на того Шимка: седелъ есми зъ людьми добрыми и Шимко почалъ мѣне соромотити и слова неподобныи мовити, и Шимко къ тому рекъ: мовилъ Якубъ на мене: забивши тебе и полкопы заплачу. Якубъ стоячи передъ правомъ рекъ: ижемъ того не мовилъ. Право пытало Шимка: кому бы то зведомо было? И Шимко послался на Юрья Кнобеля а на Мися Крамника . . . . . .

№ 4.

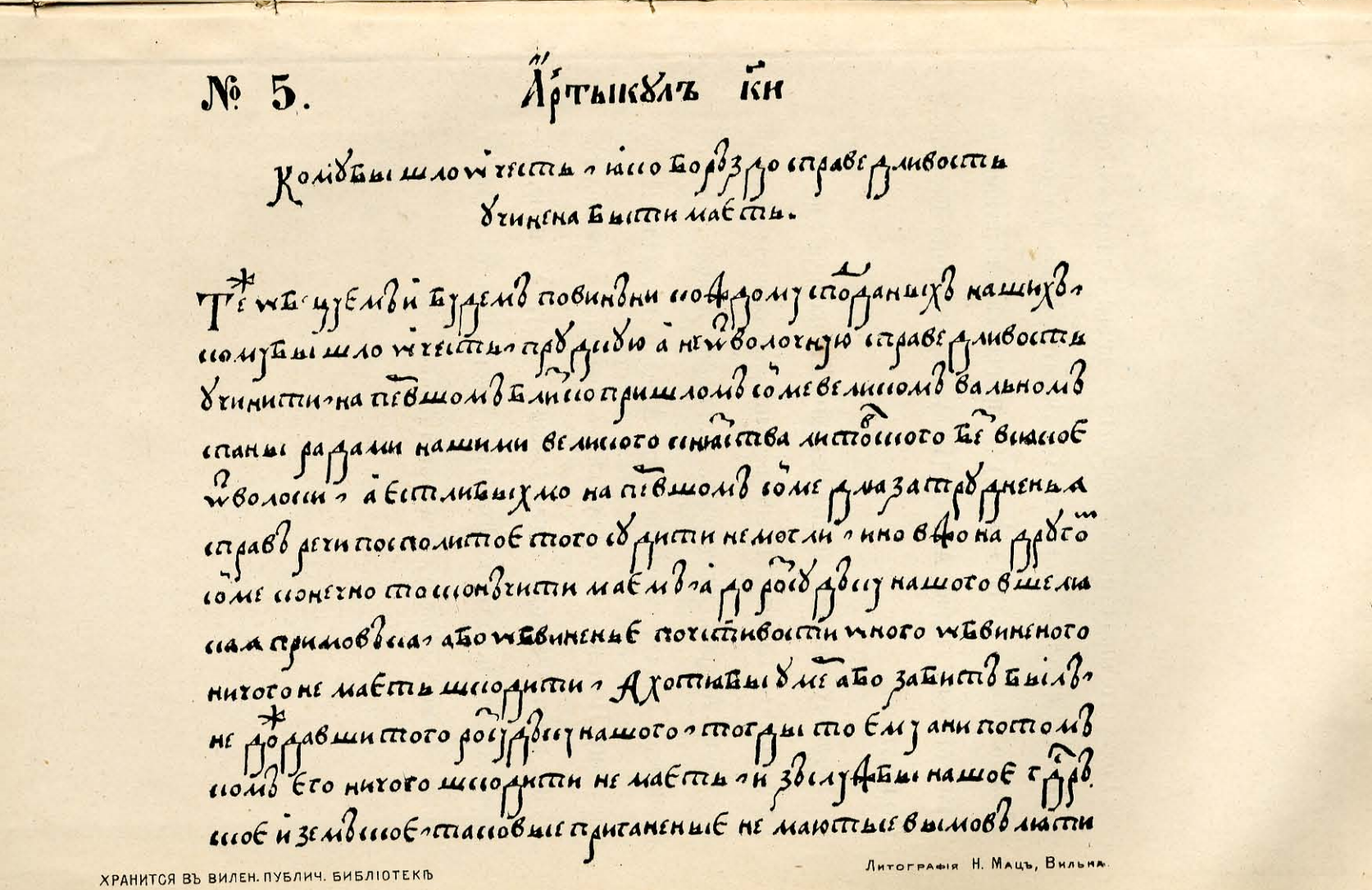
ХРАНИТСЯ въ ВИЛЕН. ЦЕНТРАЛЬНОМЪ АРХИВѢ.

Литографія Н. Мацъ, Вильна

Дозволено цензурою 13 Января 1887 г. Вильна

АРТЫКУЛЪ ки (28).

Кому бы шло о честь, яко боръздо справедливость учинена быти маеть. Тежъ обецуемъ и будемъ повинъни кождому съ подданыхъ нашихъ, кому бы шло о честь, прудкую а неотволочную справедливость учинити, на первшомъ близко пришломъ сойме великомъ вальномъ съ паны радами нашими великого князства Литовского безъ всякое отволоки, а естли быхмо на первшомъ сойме для затрудненья справъ речи посполитое того судити не могли, ино вжо на другомъ сойме конечно то сконъчити маемъ, а до розсудъку нашого вшелякая примовъка, або обвиненье почтивости оного обвиненого ничого не маеть шкодити. А хотя бы умеръ або забитъ былъ, не дождавши того разсудъку нашого, тогды то ему ани потомъкомъ его ничого шкодити не маеть, и зъ службы нашое господаръское и земъское, таковые приганеные не маютъ се вымовъляти.


№ 5. Артыкулъ ки

Комубы шло о честь, яко боръздо справедливость учинена быти маеть.

Тежъ обецуемъ и будемъ повинъни кождому съ подданыхъ нашихъ, комубы шло о честь, прудкую а неотволочную справедливость учинити, на первшомъ близко пришломъ сойме великомъ вальномъ съ паны радами нашими великого князства литовского безъ всякое отволоки, а естлибыхмо на первшомъ сойме для затрудненья справъ речи посполитое того судити немогли, ино вжо на другом сойме конечно то сконъчити маемъ, а до розсудъку нашого вшелякая примовъка, або обвиненье почтивости оного обвиненого ничого не маеть шкодити. А хотяby умеръ або забитъ былъ, не дождавши того розсудъку нашого, тогды то ему ани потомъкомъ его ничого шкодити не маеть, и зъ службы нашое господаръское и земъское, таковые приганеные не маютъ се вымовъляти

ХРАНИТСЯ ВЪ ВИЛЕН. ПУБЛИЧ. БИБЛІОТЕКѢ

Литографія Н. Мацъ, Вильна.

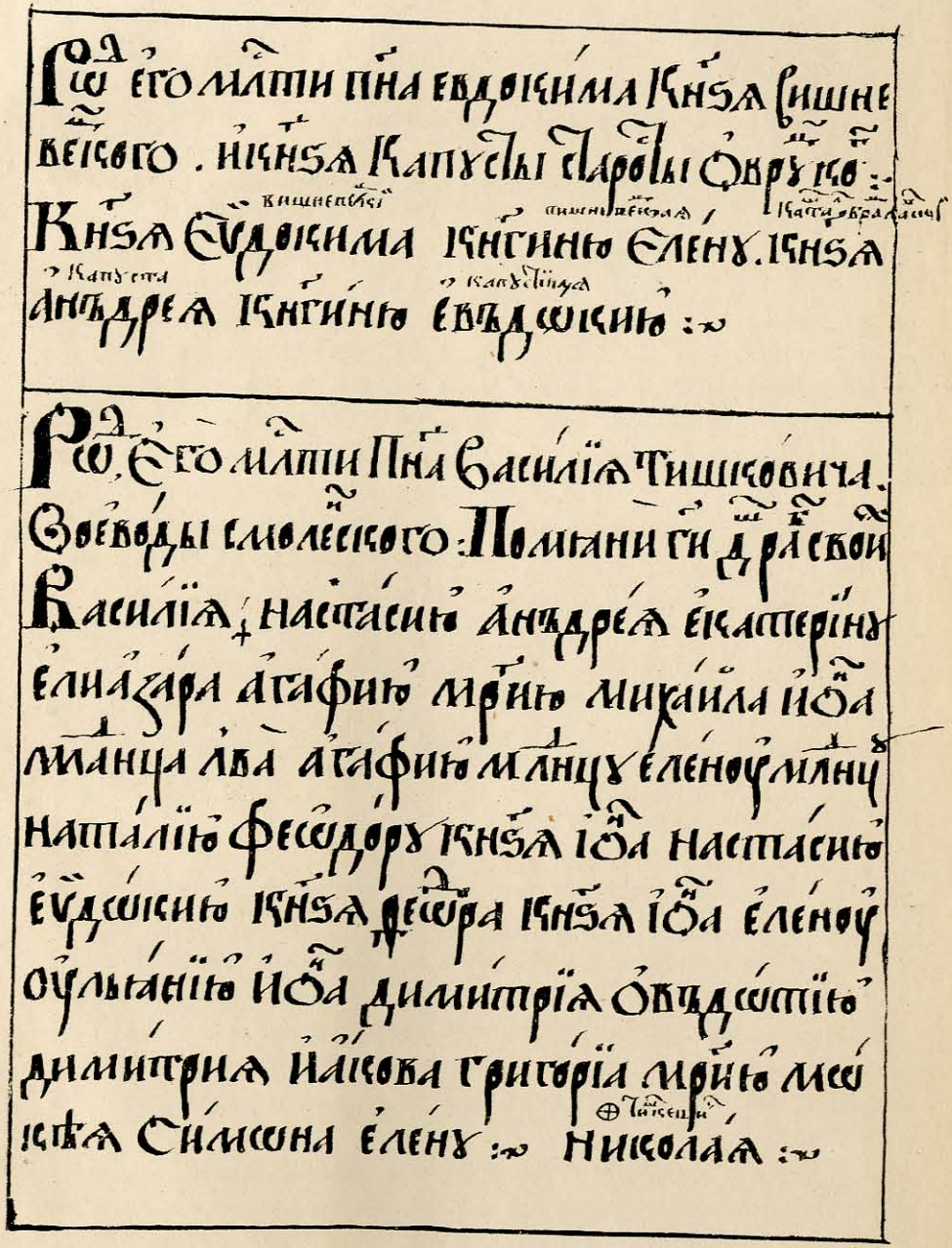
Дозволено цензурою 13-го Января 1887 г. Вильна.

№ 6.

Родъ его милости пана Евдокима князя Вишневецкого и князя Капусты, старосты Овруцкого. Князя Евдокима (Вишневецкій), княгиню Елену (Вишневецкая, каштелянова Брацлавская), князя Андрея (Капуста), княгиню Евдокію (Капустиная).

Родъ его милости пана Василія Тишковича, воеводы Смоленского. Помяни, Господи, души рабъ своихъ: Василія, Настасію, Андрея, Екатерину, Еліазара, Агафію, Марію, Михаила. Іоанна, младенца Льва, Агафію, младенцу Елену, младенцу Наталію, Феодору, князя Іоанна, Настасію, Евдокію, князя Феодора, князя Іоанна, Елену, Ульянію, Іоанна, Димитрія, Овдотію, Димитрія, Іакова, Григорія, Марію, Мокея, Симона, Елену, Николая (Тишкевичъ).

№ 6.



ХРАНИТСЯ ВЪ ВИЛЕН. ПУБЛИЧ. БИБЛІОТЕКѢ.

Литографія Н. Мацъ, Вильна

Дозволено цензурою 13 Января 1887 г. Вильна.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Нѣкоторые рецензенты 1-го выпуска выразили сожалѣніе по поводу отсутствія цитатъ, откуда мы заимствовали статьи, вошедшія въ составъ этой книги; охотно пополняемъ этотъ пробѣлъ.

1) Современный объемъ польскаго вопроса *Ю. Самарина.* „День“ 1863 г., № 38; полное собраніе сочиненій.

2) Въ чемъ искать разрѣшенія польскаго вопроса? *Гильфердинга.* „День“ 1863 г., № 37.

3) Польскій вопросъ въ наше время *Полоцкаго* и *Ригера.* „День“ 1864 г., № 7.

4) За что борются русскіе съ поляками? *Гильфердинга.* „День“ 1863 г., № 15.

5) О польскомъ вопросѣ *Прудона.* „Вѣстн. Западной Россіи“ 1863 г. октябрь и ноябрь.

6) Мнѣніе о польскомъ вопросѣ митр. *Сѣмашки.* Посмертныя Записки. Т. 2-й.

7) Объ этнографической границѣ между Западной Россіей и Польшей *Кояловича.* „Русскій Инвалидъ“ 1864 г., № 27.

8) Нѣсколько замѣчаній о Литовскомъ и Жмудскомъ племени *Гильфердинга.* „День“ 1864 г., № 8-й.

9) Чѣмъ объяснить быстрое обрусеніе Литвы въ XIII ст. „Вѣстн. Западн. Россіи“ 1870 г. Книга II, отд. II, стр. 41.

10) О разселеніи племенъ Западнаго края *Кояловича.* 1863 г. „День“, № 20.

11) Отношенія Польскаго государства къ православію и православной церкви *Антоновича.* Перепечатано изъ брошюры изд. Кіевской арх. коммиссіей 1864 г.

12) Мистификація папскихъ возгласовъ противъ Россіи *Кояловича.* „Виленскій Вѣстникъ“ 1866 г.

13) Проектъ іезуити объ уничтоженіи греко-россійскаго вѣроисповѣданія. "День" 1862 г. № 7.

14) Дружественные совѣты кс. Феллинскаго. „Вѣстн. Западн. Россіи" 1864 г., книга III.

15) Польскій катихизисъ. Изъ польской эмиграціи В. Ратча.

16) О русскомъ языкѣ въ католическомъ богослуженіи *М. Каткова*. Передовая статья 1866 г., перепечатанная въ „Вѣстникѣ Западн. Россіи" и друг. изданіяхъ.

17) Польская пропаганда въ учебныхъ заведеніяхъ С.-З. края *С. Шолковича*. Русскій архивъ 1874 г.

18) Чацкій и Кременецкій лицей гр. *Кулжинскаго*. „Вѣстн. Западн. Россіи" 1866 г., книга II, отд. 1-е.

19) Что такое польская народность въ Бѣлоруссіи? „День" 1863 г., № 14-й.

315120

UNIWERSYTET W BIAŁYMSTOKU * BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
2	20 снизу	Варщацкаго	Варшавицкаго
3	8 сверху	Ммного вѣковую	многовѣковую
10	14 „	одежды	одеждѣ
11	9 снизу	города	города,
11	5 „	Хольмскую	Холъмскую
12	16 „	in partibus	in partibus infidelium
12	11 „	такой то	какой то
18	3 и 4 „	не имоемъ атид	не имѣемъ дати
19	16 сверху	незначительный	значительный
21	5 „	Сигизмудну	Сигизмунду
23	10 снизу	земскйо	земской
76	9 „	„ Нѣкоторые	Нѣкоторые
„	8 „	тамъ	такъ
77	12 „	Литовской,	Литовской;
„	17 „	тыйдень	тый день
79	8 сверху	принималась	принималось
„	4 снизу	Польши	Польшѣ
81	2 „	Много	многихъ
96	21 „	Войновъ	Вояни
104	1 „	Копчовны	Копчтевны
142	4 сверху	посдѣ	послѣ
164	1 снизу	назависимости	независимости
186	3 „	также	такое
196	5 сверху	демократіи	демократіи
207	11 „	Вирбнцкаго	Вербицкаго
255	21 „	триста	двѣсти
292	2 снизу	оную	оною
295	5 „	должно	должна
302	6 сверху	усиоленіе	усиленіе
307	6 „	осѣдлое	неосѣдлое
315	7 „	отставляютъ	оставляюгъ
322	16 снизу	въ	къ
368	10 снизу	вами	нами
378	14 сверху	недовѣдомую	невѣдомую
453	5 „	Брогауза	Брокгауза
473	15 „	истинныя	истинные